

ГЕННАДИЙ СКУБИЛИН

ЗАПИСКИ
СЛЕДОВАТЕЛЯ

Annotation

«Записки следователя» — новое издание сочинений Г. Скубилина, писателя, чье творчество давно уже снискало широкую известность в кругах любителей криминального жанра.

Многочисленные дипломы и премии, полученные Г. Скубилиным в разные годы на конкурсах детективной литературы, свидетельствуют о своеобразии авторской манеры повествования, оригинальности мысли и остроте сюжетных коллизий, присущих его произведениям.

- [Записки следователя](#)
 -
 - [АГЕНТ № 2, ИЛИ ОПЕРАЦИЯ «ДИПЛОМАТ»](#)
 -
 - [1. Эхо исторического залпа](#)
 - [2. Начало](#)
 - [3. Столичные помощники](#)
 - [4. Человек долга](#)
 - [5. Дела семейные](#)
 - [6. «Такая у них служба»](#)
 - [7. Агент № 2](#)
 - [8. Расшифровали?!](#)
 - [9. Откровенный разговор](#)
 - [10. Герман Карлович Беккер входит в роль](#)
 - [11. Первый приемный день](#)
 - [12. Встреча друзей](#)
 - [13. Зося](#)
 - [14. Беккера проверяют](#)
 - [15. Ночной визит](#)
 - [16. Горничная обещает помочь](#)
 - [17. «Неудачник»](#)
 - [18. Разоблачение предателя](#)
 - [19. Новогодний бал близок](#)
 - [20. Облава](#)
 - [21. Похороны](#)
 - [22. Одиночество](#)

- [23. Тихон слушает ученого](#)
- [24. В новом ресторане](#)
- [25. Ба! Знакомые все лица!..](#)
- [26. Среди «серых волков»](#)
- [27. Кто вы, господин Беккер?](#)
- [28. Надежна ли Зося?](#)
- [29. В логове](#)
- [30. Встреча с атаманом](#)
- [31. Штурм притона](#)
- [32. Погоня](#)
- [33. Ясное утро](#)
- [ПОВЕСТИ](#)
 - [ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- 25
- ВСТРЕЧА С ДРАКОНОМ
 -
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
- ДЕЛО № 14
 -
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
 - 15
 - 16
 - 17
 - 18
 - 19
 - 20
 - 21
 - 22

- 23
- «ЛЕКАРИ»
 -
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
 - 15
 - 16
 - 17
- В ОДНОМ БОЛЬШОМ ГОРОДЕ
 -
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
- В ГОСТЯХ У «КОШКИ»
- РАССКАЗЫ
 - ВЫСТРЕЛ НА УЛИЦЕ
 - 1

- 2
- 3
- 4
- 5
- ДЕНЬ СЛУЖБЫ
- «ТАЙНА» БУФЕТА
- ТРУДНЫЙ РОЗЫСК
 -
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
- ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ
- РЮМКА ШАМПАНСКОГО
 - 1
 - 2
 - 4
 - 5
- ЗАДЕРЖАТЬ В ПОЕЗДЕ
- ЧП В СЕЛЕ
- ПРЕРВАННЫЙ ОТПУСК
- ДОРОГА В ОМУТ
 -
 - 1. Исчезновение девушки
 - 2. Поиски-розыски
 - 3. «Особая» больница
 - 4. Снова дома
 - 5. Признание «куртизанок»
 - 6. Розыск таксиста
- СХВАТКА
 -

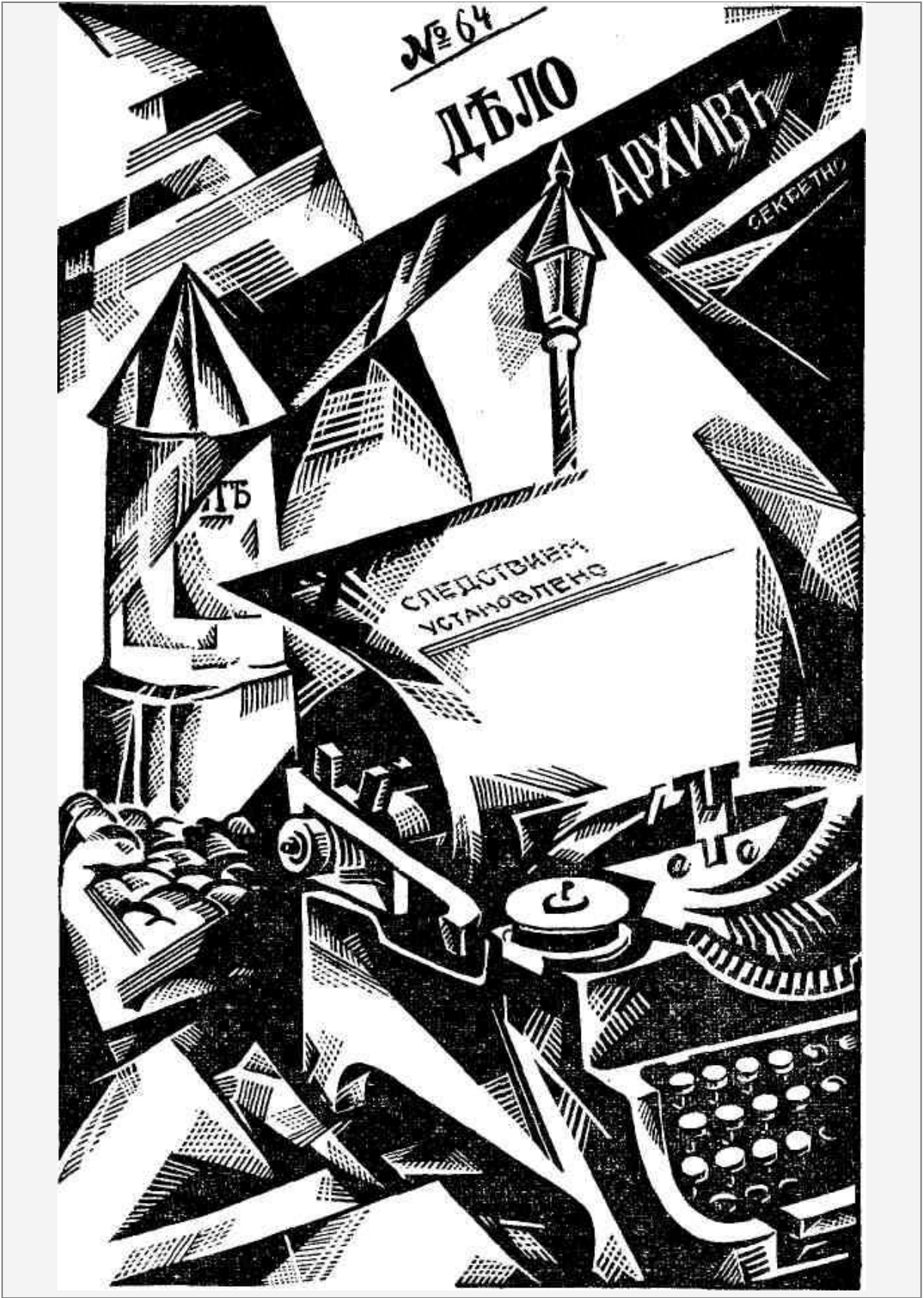
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [ПОХИЩЕНИЕ РЕБЕНКА](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
- [ВЕРСИИ, ВЕРСИИ...](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [НЕПОПРАВИМАЯ ОШИБКА](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
- [ГИБЕЛЬ ДИКА](#)
- [СВАДЕБНЫЕ ПИРЫ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- МИНИАТЮРЫ
 - ИЗ БЛОКНОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ
 - НЕКРИМИНАЛЬНАЯ МОЗАИКА
- ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ
 - СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО О ПОДРОСТКЕ
 - ЗАПОЗДАЛОЕ ПРОЗРЕНИЕ
 - ДИАЛОГ С ПРИШЕДШЕЙ ИЗ НОЧИ
 - КАКОЙ ОН СЕГОДНЯ, ДОН ЖУАН?
 - ЖАЛОСТЬ И ГУМАННОСТЬ
 - ЧУЖАЯ ШАПКА
 - БЕГСТВО
 -
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - НАПАДЕНИЕ В ЛЕСУ
 - СЧАСТЬЕ — КАКОЕ ОНО?
 - ...И ВОЗНИКЛА РЕВНОСТЬ
 - ПИКОВАЯ ДАМА
 - ДНЕВНИК МЛАДШЕЙ ДОЧЕРИ, ИЛИ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ
 - ОТЕЦ И СЫН
 - СОХРАНИ, УЛИЦА!
 - ПИКАНТНЫЙ СЮЖЕТ
- ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРАСАВИЦЫ АВГУСТИНЫ
 -
 - 1. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АВГУСТИНЫ
 - 2. ВИНОВАТ ЛИ НЛО?
 - 3. ВПЕРЕД, К МОРЮ
 - 4. ПОБЕГ С ПОЛУОСТРОВА
 - 5. НА СУДНЕ ПИРАТОВ

- [6. НЕИЗВЕСТНЫЙ БЕРЕГ, ИЛИ ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ](#)
 - [7. ДЖУНГЛИ](#)
 - [8. В ГОСТЯХ У ДИКРЕЙ](#)
 - [9. ОПЯТЬ МОРСКИЕ ГРАБИТЕЛИ](#)
 - [10. ЭММА БАБКИНА](#)
 - [11. ДОПРОС](#)
 - [12. МАКСИМ ДЕЙСТВУЕТ](#)
 - [13. ПУТЕШЕСТВИЕ В РИМ](#)
 - [14. ОБЕД У МИЛЛИОНЕРА](#)
 - [15. ОБОЖАЕМЫЕ ФУТБОЛИСТЫ И ЗЛОСЧАСТНАЯ АВГУСТИНА](#)
 - [16. ВСТРЕЧИ С МАРАДОНОЙ](#)
 - [17. ЭПИЛОГ, ИЛИ ПОД МАРШ МЕНДЕЛЬСОНА](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
-

Записки следователя

ГЕННАДИЙ СКУБИЛИН

СЛ

АОЗТ фирма «Д.Л.К.»
КАЛУГА

ТОО фирма «Наташа»
МОСКВА 1994

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

**АГЕНТ № 2, ИЛИ ОПЕРАЦИЯ
«ДИПЛОМАТ»
Роман**

1. Эхо исторического залпа

В середине ноября семнадцатого года в небольшом губернском городе Окске, куда молнией донеслась весть о победе большевиков в Питере и Москве, Советы рабочих и солдатских депутатов после короткой и жестокой схватки с контрреволюционными силами тоже взяли власть в свои руки.

Военно-революционный комитет организовал парад красногвардейских отрядов.

На самой большой площади города, фасадом к которой были обращены два красивых двухэтажных здания — гостиница и ресторан купца Слезкина, — проходил митинг. Председатель Военно-революционного комитета Савелий Ильич Бугров, высоченный матрос в поношенном бушлате, с маузером в деревянной кобуре, выделялся среди других комитетчиков, стоявших на дощатой трибуне.

К многолюдной площади подходили и подходили горожане. Наконец все стихло. Первым выступал Бугров:

— Временное подлое правительство, как и Николай-кровавый, провалились в тартарары. Пролетарская революция, о которой мечтали простые люди, свершилась! Керенский переделся в бабье платье и позорно дал деру. Наши враги разбиты. Но борьба со свергнутым классом и его наймитами еще не кончена. Буржуазия спустила с цепи на честных людей не только офицеры, но и бандитов. Запомните: все нарушители революционного порядка, все, кто появляется на улицах в пьяном виде, те, кто чинит насилие и грабежи, есть предатели рабочего дела. С ними будем поступать по всей строгости революционного времени!..

Жизнь в городе бурлила: наступило тревожное время ожидания сказочных перемен и еще неведомых потрясений. Непрерывно заседал губернский комитет большевиков. На его плечи легла забота о судьбе населения городов и сел губернии. Нельзя было допустить, чтобы хоть на один день прервали работу заводы, фабрики, магазины, лавки. Необходимо было срочно очистить улицы и площади от следов недавних боев, восстановить разрушенные здания, вдохнуть новую жизнь в старые учреждения.

Чиновники, за малым исключением, уклонялись от работы, а то и просто мешали наладить дело, уничтожали и прятали важные государственные документы. Резко ухудшалось снабжение населения хлебом, топливом, товарами первой необходимости. Несмотря на многочисленные трудности большевистская организация быстро росла и набиралась опыта управления губернией.

А контрреволюция зверела: устраивались диверсии, развивался бандитизм. Жизнь города замирала, едва наступали сумерки. Чиновники, купцы, дворяне и мещане, все враги новой власти, еще засветло лязгали засовами ворот, дверей, тщательно закрывали дубовые ставни и спускали с цепи своих собак. К ночи на улицах опустевшего города, не затихая, звенел переливчатый собачий лай.

С вечера город погружался в темноту, лишь в центре — у гостиницы и ресторана Слезкина — зажигались восемь керосиновых фонарей. Осенний ветер с разбойничьим посвистом носился по мостовым. Лязгали задравшиеся на крышах листы железа, гудели уличные столбы, оклеенные скучными старорежимными объявлениями:

«Продается пенька», «Артель делает свечи», «Найден кошелек, обращаться в общество милосердия», «Ищу няню, знающую французский».

Обрывки газет, афиш, картона беспризорно носились по улицам, нагромождаясь в кучи мусора на тротуарах...

Бесчинств в ночное время регистрировалось в милиции много. Ужас наводила банда некоего Бьяковского. Имя атамана — «Мишка Бьяк» — заставляло горожан трепетать. И не напрасно. Грабители из его шайки рыскали по темным переулкам и задворкам, насакивали на первого встречного, выворачивали карманы, раздевали, заламывали руки, били, а то и душили. Громилы лезли в лавки, сворачивали с дороги подводы с мукой, как-то даже утащили сейф с деньгами из комиссариата земледелия. Повсюду они оставляли «визитную карточку» — маленький клочок серой бумаги с нацарапанными словами «Серый волк».

Каждую ночь волчья свора подчистую разоряла то жилой дом, то лавку, то учреждение. Но особой любовью у бандитов пользовались городские церкви. Из них они тащили в свое логово бесценные иконы, церковную утварь, уникальные золотые и серебряные изделия.

На одном из своих заседаний губком большевиков предоставил члену Военно-революционного комитета Максиму Андреевичу Белоусову широкие полномочия по наведению в кратчайший срок революционного порядка в городе, поручив ему организацию рабоче-крестьянской милиции.

Белоусов начал с главного: обратился к народу. Он выступал на заводах, фабриках, мобилизуя рабочих на укрепление порядка, и попутно подбирая для порученного дела нужных людей, отчитывался на заседаниях Совета рабочих и солдатских депутатов, составлял с двумя своими заместителями — Рябовым и Петуховым — смету на содержание губернского управления рабоче-крестьянской милиции. Новый орган правопорядка стремительно становился боевым коллективом.

Прикидывали, где разместиться? В старом здании полицейской управы? Неприятно будет работать, поймет ли народ? Ведь совершенно новый орган Советов. А на здании полицейской управы для большинства жителей города лежал мрачный отпечаток тяжелого прошлого. Люди помнили, что во время боев революционных отрядов с эсерами и меньшевиками засевшие в нем контрреволюционеры долго и яростно отбивались.

Решили разместить управление милиции в двухэтажном здании Российско-американского коммерческого общества. Этот красивый особняк с мраморными колоннами был по сути бесхозным островком среди других учреждений города.

Взяв с собой группу красногвардейцев, Белоусов на автомобиле въехал в Кутузовский переулок, примыкающий к Никитской площади, переименованной в площадь Революции. Постучал рукояткой маузера в дубовую, блестящую от лака дверь. Звякнула щеколда, и в щели показалась козлиная бородка швейцара.

— Кого тут леший носит? Не велено пущать! — прокуренным и простуженным горлом прохрипел старик.

Белоусов решительно и широко распахнул дверь:

— Входим, товарищи. Потеснись-ка, дед.

Швейцар увидел людей с винтовками за плечами, попятился в сторону. Белоусов осмотрелся. Из просторного коридора налево и направо вели двери в кабинеты. Комиссар прикинул: здесь можно разместиться. Уверенно прошагал по коридору:

— Где тут приемная бывшего председателя общества?

Швейцар угодливо открыл массивную дверь.

— Тут-с.

За письменным столом сидела белокурая девушка и неумело била пальцем по кнопкам пишущей машинки. Печатала медленно, с большим трудом.

— Новенькая, что ли? — весело спросил комиссар.

— Вторую неделю работаю... — доложила девушка, испуганно уставившись на вооруженных людей.

— Мадемуазель, сзывайте всех служащих, разговор будет, — распорядился Белоусов, назвав свою должность. — Поторопитесь, барышня.

Девушка забежала по кабинетам. И вот просторную приемную бывшего председателя общества заполнили чистенькие, робкие, с усиками и бородками чиновники. Комиссар обратился к ним:

— Моя фамилия Белоусов. Представляюсь вам по случаю вручения мне мандата комиссара рабоче-крестьянской милиции. Вопросы есть? Нет вопросов. Значит, все понятно. Ставлю в известность: ваше общество ликвидировано в Питере и Москве. Там 25 октября взяли власть в свои руки большевики. Окском также отныне руководят Советы рабочих и солдатских депутатов. Здание реквизируем для своих нужд. Прошу очистить помещение. Председатель общества кто будет?

— Допустим, я, Цукерман, — произнес в первом ряду толстый рыхлый мужчина с рыжей бородкой и коричневой родинкой на шее. — Прежде чем слушать, тем более выполнять ваши приказы, хотел бы собственно удостовериться в мандате на право вхождения в мое учреждение. Оно охраняется особым уставом, да было бы вам известно, милостивый государь.

— Мандат? Сию минуту.

Белоусов подошел к пишущей машинке.

Девушка, та, что перепугалась минуту назад, сидела на прежнем месте и теперь с любопытством наблюдала за всем происходящим.

— Подвигайте-ка, мадемуазель, к себе орудие труда, закладывайте лист бумаги, — строго произнес комиссар, но, взглядевшись в девушку, изменил тон. — Поживее, милая. Некогда нам. Настало горячее время. Как зовут-то?

— Катюша.

— Вот и чудесно. Стало быть, Катерина. Диктую.

— Позвольте, — запротестовал осмелевший председатель общества, — кто подпишет ваше сочинение? Кто у вас главный?

— Сам подпишу. Наделен таким правом ревкомитетом.

— О, господи, кому же жаловаться на произвол? — всплеснул руками бывший председатель.

— Опять же мне, — ответил Белоусов, — комиссару рабоче-крестьянской милиции. Уполномочен обеспечить безопасность и спокойствие населения.

От усталости мягкие, добрые черты лица Белоусова заострились, щеки провалились. Лишь глаза горели яркими радостными огоньками...

Для губернского управления рабоче-крестьянской милиции подыскали двухэтажное здание бывшего Российско-Американского коммерческого общества. Господин Цукерман, похоже, не обрадовался новым квартирантам.

Итак, помещение для милиции подыскано. Тут же бойцы сорвали с крючков на стене роскошную вывеску общества и табличку «Посторонним вход воспрещен». У входа появилась новая дощечка — простая, незамысловатая, без вензелей и украшений, с надписью «Губернское управление рабоче-крестьянской милиции». Белоусов занял кабинет Цукермана, а в приемной за ундервудом осталась белокурая и голубоглазая Катюша, как позже выяснилось дочь большевика из губернской типографии Лукьяна Пименовича Радина, которого давно знал комиссар милиции.

С первых дней Белоусов, Рябов и Петухов установили строгую дисциплину и порядок в работе милиции, но дело все-таки не шло, как хотелось бы. Прежде всего не хватало сотрудников, а те, которые пришли в управление, не обладали ни подготовкой, ни опытом, и подчас совершали грубейшие ошибки не по злому умыслу, а из-за неумения выполнять служебные обязанности. Они не робели, почти ежедневно вступая в схватки с налетчиками и хулиганьем. Не щадили себя. Но при всей их смелости, преданности делу еще очень немного могли сделать для наведения порядка в городе.

Постовые милиционеры только начинали осваивать новую службу. О специальной форме, милицейском мундире никто даже не заводил разговор. Они отличались от любого прохожего только красной повязкой на рукаве. Разве что сами милиционеры сетовали: «Как пресечь беспорядок, если мы не выделяемся в толпе?»

Работники милиции на разводе получали оружие. Но его мог иметь каждый второй прохожий. А уж бандиты были вооружены намного лучше блюстителей порядка, И вот от этой молодой, только-только созданной, не оснащенной и не обученной рабоче-крестьянской милиции Военно-революционный комитет и губком большевиков потребовали в считанные дни не только навести порядок в Окске, но и ликвидировать все притоны, «малины», где притаились бандиты Бьяковского.

2. Начало

В управлении все от начальника до постового — почти не знали отдыха. Оперативные группы милиции учились тонкостям новой профессии: устраивали засады, в разных концах города, вылавливали воров, грабителей.

— Нам бы какой-нибудь документ, — жаловались после очередной операции сотрудники, — заходим для проверок в дома, а предъявить нечего. Мандат был бы очень кстати.

— Займемся этим, — пообещал Максим Андреевич и вскоре в губернскую типографию завезли два рулона серой, оберточной бумаги. На ней отпечатали первые удостоверения для сотрудников. Появились бланки протоколов допроса, разных постановлений на арест, обыск, задержания, привод, выемку ценностей.

Ревком выделил милиции для особых поручений — облав, засад, ареста и конвоирования — бойцов красногвардейского отряда. Гулко стучали по паркетному полу и мрамору роскошных лестниц особняка Российско-американского общества кованые сапоги красногвардейцев.

Белоусов приказал вывезти из здания изысканную мебель и заменить ее простыми столами, шкафами, стульями.

— Нечего буржуиство разводить, а то простой люд оробеет перед такой роскошью.

Максим Андреевич убрал из своего кабинета люстры, гобелены, бархат, оставил только длинный письменный стол, покрытый зеленым сукном, да глубокое кожаное кресло. «Придется — и соснуть можно часок-другой, — прикинул он в уме, — хотя вряд ли выдастся такое удовольствие. А Цукерман, похоже, весь день дремал в кресле».

Вот и сейчас шел третий час ночи, а Белоусов и не помышлял об отдыхе. Он беседовал со своими заместителями. Только что был послан на железнодорожный вокзал секретный сотрудник Федор Савков встречать прибывающего из Московского уголовного розыска по их просьбе агента. Уже второго...

Белоусов повертел в пальцах карандаш:

— Оперативный план охраны церквей и памятников старины одобрен в губкоме. Одобрена и наша задумка по ликвидации банды Мишки Бьяка... Немедленно приступаем к работе. Самым надежным

единственно правильным решением считаю вот что: нужно снова внедрить в банду под каким-нибудь предлогом московского товарища. Назовем его разведчиком номер два.

Максим Андреевич встал из-за стола, зашагал по кабинету, сильно прихрамывая. На прошлой неделе в схватке с бандитами пуля угодила ему в ногу, слава богу, не задела кость, но боль не утихала. Остановился, остро глянул на помощников:

— Способны мы или нет навести порядок? Если способны, то где результаты? Почему банда не притихла, не спасовала?

— Не признает нашей силы, — раздумчиво сказал Рябов.

— Вот как! — удивился Белоусов, точно сам раньше этого не понимал. — Откройте форточку, надымили, хоть топор вешай. Сражений еще настоящих и в помине нет, а в кабинетах, как от пороха, дым коромыслом. Курить следует поменьше, смотришь, и дела сдвинутся с места.

Заместители бросились открывать окна. После короткой паузы Белоусов взял себя в руки, говорил уже спокойно, тихо, словно извиняясь за минутную вспышку. Сам он перестал курить два года назад, в тюрьме, куда его бросила царская охранка за большевистскую агитацию в московском стрелковом полку. И с тех пор стал недолюбливать курильщиков, особенно тех, кто после себя оставляет задымленные комнаты, окурки на подоконниках, пепел на столах.

Семен Гаврилович Рябов, гася в пепельнице самокрутку, попытался свести к шутке раздражение начальника:

— Больше куришь — меньше спишь, свежим ходишь. Пососешь сигарку — в голове ясно.

Рябова весело и охотно поддержал, скручивая «козью ножку», Валерий Ивлевич Петухов.

— Благодать, Максим Андреевич, затануться, дымком поужинать, сон прогнать, работать-то опять до утра придется. Без нее, сигарки родимой, не выдержать.

— Ладно, не соблазняйте. Потолкуем о деле.

Белоусов основательно продрог в холодном кабинете и набросил на плечи прожженную порохом в нескольких местах шинель.

Рябов выразительно вздохнул, понимающе осмотрел одежонку своего начальника, переключился на серьезный разговор.

— О деле, Максим Андреевич, круглые сутки толкуем. Без работы не сидим. С утра до поздней ночи крутимся в засадах. И ты вместе с

нами.

Петухов сказал:

— Своими силами выудить бьяковское отродье не сможем. Факт. Мысль верная: заслать в логово «Серого волка» нашего человека.

Белоусов, прихрамывая, прошелся по кабинету, закусив от боли губу.

— Задача стоит такая, товарищи заместители, до шестнадцатого января покончить с атаманом. Таким будет вклад к первому губернскому съезду Советов, на этот счет меня уже предупредили в ревкоме.

— Сегодня двадцать второе декабря, — заметил Рябов, — успеем ли?

— Календарь вон — на стене висит. Число не спутал, — упрямо боднул воздух Белоусов. — Вот и решайте, как быть. С чего начинать. — Помолчал, добавил, — перестраивать работу надо. Ловим мы пока мелких воришек, всякое жулье. А Бьяковский в сеть не идет. Значит, не там ее ставим... У Кривоносова что-то не ладится. Не дает нам пока желаемых результатов разведчик номер один.

Упоминание об агенте было своевременным. Уже несколько дней сотрудник Московского уголовного розыска Кривоносов, присланный на помощь Окской милиции, пытался внедриться в банду Бьяковского, но сведения от него поступали туманные, неточные. И хотя в записках, письмах, передаваемых через связного Савкова, Николай Кривоносов настроен был оптимистично, верил в успех, в управлении не разделяли его уверенности.

— Мне думается, — заметил Рябов, — он завел знакомство не с теми. Так в притоны Николай никогда не попадет.

— А может, он расшифрован, бандиты раскусили и используют его для обратной связи? Подсовывают ему липу, он передает ее нам, и мы бегаем, высунув язык, по его донесениям, как мальчишки, — нервно проговорил Петухов.

Рябов, разминаясь, неторопливо поднялся из-за приставного столика, привычно поправил у переносицы очки. Семен Гаврилович был на редкость нетороплив по характеру, зато делал все прочно, наверняка. Следовал своей любимой поговорке: «Семь раз отмерь — один отрежь».

— Кривоносов расшифрован? Возможно. Но как? Это вопрос. Давайте на него ответим. Кто знал об операции? От кого могла

просочиться информация к бандитам?

— Это все у нас впереди. Если в управлении засел предатель, то надо его немедленно выявить. Давайте приглядываться к каждому, кто знал о посылке Кривоносова в ресторан Слезкина. Кстати, нужно обезопасить второго разведчика, сузить круг лиц, знающих об операции вот до такого состава, — Максим Андреевич обвел рукой присутствующих.

Петухов с досадой кашлянул.

— От своих же обязаны скрытничать, — сказал он с раздражением, продолжая приглаживать расческой пшеничные густые усы, и тут же согласился: — правильное решение, о прибытии второго разведчика будем знать только трое.

— А связного забыл? — вставил Рябов.

— Четвертый он. Еще хозяйка консквартиры.

— Согласен. Согласен. Не имеем права рисковать жизнями приехавших по нашей же просьбе помощников из МУРа, — заключил Белоусов.

Зазвонил телефон.

— Слушаю, — произнес комиссар в трубку. — Так... где? Направляйте оперативную группу. И зайдите ко мне. — Максим Андреевич медленно положил трубку. Произнес подавленно: — Снова ограбление церкви. В городском парке. Сторожа нашли с кляпом во рту, связанного.

Он обвел взглядом озабоченных и примолкших заместителей. Один протирал очки, другой пушил расческой усы.

— Только отлегло от сердца, три дня не было грабежей и на тебе, — нарушил молчание Рябов.

— Что взято в церкви? — спросил Белоусов у вошедшего начальника оперативной части Дьяконова.

Тот расставил длинные, в хромовых сапогах ноги, отбросил легким кивком каштановую с проседью прядь волос.

— Похищено тринадцать золотых крестов, чаши, кадила, сорваны с икон серебряные и золотые ризы.

Сергей Викентьевич Дьяконов был уже в годах, с морщинистым лицом, с длинным тяжелым подбородком. Он, в прошлом офицер царской армии с университетским образованием, в дни революции перешел на сторону пролетариата. Порвал со своим классом, как написал в личном листе, и ревком направил его на ответственную

должность в рабоче-крестьянскую милицию — очень уж нужны были образованные люди.

Сейчас он стоял посередине кабинета спиной к Рябову и Петухову, повернувшись лицом к начальнику. Широкий ремень плотно перепоясал новую кожаную тужурку.

— Сведения неутешительные, поэтому бездействовать нам нельзя, — подытожил Дьяконов, — необходимые мероприятия мною запланированы.

Белоусов раздраженно бросил:

— Среди верующих толкуют, что во всем виноваты большевики: не охраняют церкви от грабителей. А мы только планы пишем.

— Бандиты и распускают слухи, — возразил Дьяконов, с досадой потирая тяжелый подбородок. — Шельмуют Советы, подрывают в них веру.

— Нам от этого не легче. Мне завтра отчитываться на заседании Военревкомитета по охране ценностей старины... А доложить нечего.

Дьяконов быстро, как рапорт, отчеканил:

— Я продолжаю настаивать на своем предложении: следует немедленно арестовать всех в ресторане Слезкина.

— Так-таки всех поголовно? — с иронией спросил Белоусов.

— Да, а следствие покажет, кто из них какая птаха.

Рябов приподнял на лоб очки и язвительно отозвался:

— А вы не боитесь, Сергей Викентьевич, попасть под суд за такие ваши мероприятия?

Дьяконов исподлобья оглядел Рябова и снова остановил взгляд на Белоусове. Неторопливо, но с закипающей злостью стал возражать:

— Если в ресторане осиное гнездо, разве хозяин, Слезкин-старший, не имеет к нему отношения? Если у официантов на глазах делят добычу, захваченную грабежом, — они что, овечки? И оркестранты не ангелы. Певичка Зося ходит вся в золоте — откуда оно? Словом...

Максим Андреевич прервал начальника оперативной части:

— Все, вроде, так. А все-таки где доказательства? Хватай, кто подвернется? Работать с завязанными глазами — это... — Белоусов потер коленку больной ноги, сделал несколько шагов по комнате, что-то еще хотел сказать, но болезненно сморщился и махнул рукой. — Вы свободны, Сергей Викентьевич.

Дьяконов четко, по-военному, повернулся и направился к выходу. Он понимал, что его недолголюбивают в губмилиции. Хлопнул дверью. Свежая струя воздуха из форточки подняла, запузырила желтенькую занавеску.

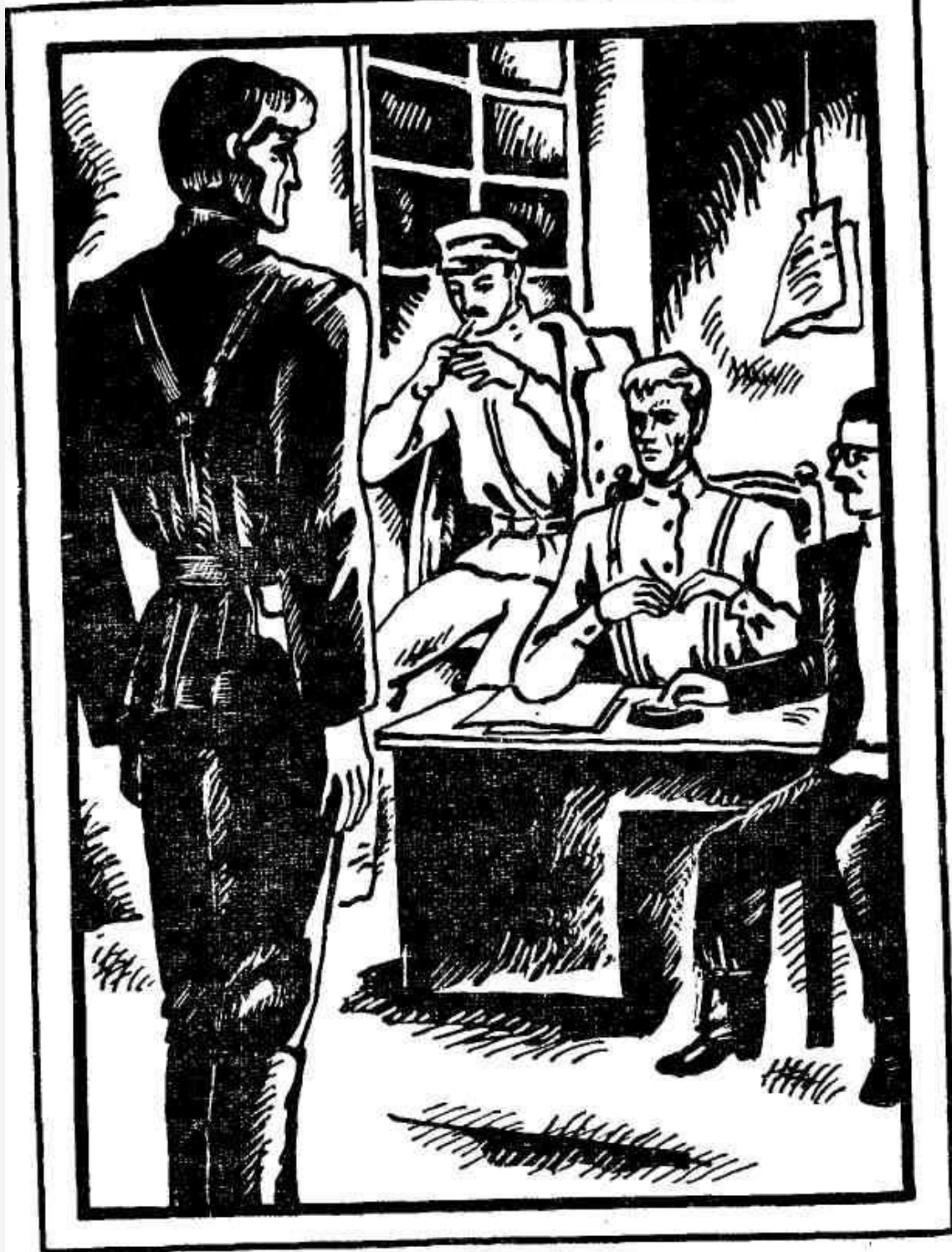
Петухов подошел к двери, поплотнее закрыл ее и сочным баритоном, заставляющим вслушиваться в каждое произнесенное слово, сказал:

— Дел пропасть. Только за неделю ограблены пять хлебных лавок, харчевня, обоз с мукой и сахаром. У народного комиссара продовольствия вскрыт сейф, похищена крупная сумма денег. Если идти предложенным Дьяконовым путем, наверняка часть бандитов попадет в наши руки. Но среди них обязательно окажутся и честные люди. Как они воспримут действия новой власти?

— Тотчас возненавидят нас, — ответил Белоусов. — Но и другое: если мы будем долго толочь воду в ступе, а банда — продолжать безнаказанно убивать честных людей, то те же честные люди не поверят в новую власть. Какие мы для них защитники?

— У каждого из нас за плечами окопы, ранения, царская тюрьма. Опыт есть, да не тот, какой сейчас нужен. Образования кот наплакал. Уж лучше бы на фронт, там все ясно и просто, так, Максим Андреевич? — сказал Петухов, который быстро и прочно сошелся с начальником губмилиции.

— Образование! — воскликнул Белоусов, — в тюрьме заканчивал свой университет, немецкий и английский языки изучал, а какой от них прок? Труды Карла Маркса читал, выступления Ленина чуть не наизусть знаю. А вот обеспечить безопасность и спокойствие населения силенок не хватает.

Начальник губмилиции Белоусов, два заместителя Рябов и Петухов слушали доклад начальника оперчасти Дьяконова и все больше озабочивались скверным раскрытием преступлений, а еще больше — слабыми оперативными планами.

— Образование мы получали политическое — практическое, у каждого на двоих хватит, за что вручались награды — ссылки и нагайки, — вторил Максиму Андреевичу Рябов. — А вот специального, юридического образования... Помнится, только лишь я пристроился в ученики к одному адвокату, да в аккурат меня в Петропавловскую упекли. Через год выпустили — на фронт — в саперную роту. Тут образование опять стал получать все то же: нашелся учитель-большевик. С ним мы и угодили в каталажку. Если бы не революция, сидели бы и сейчас.

— Ладно, что жив остался, — положил руку на плечо товарищу Петухов. — Сколько нашего брата за руки-ноги, да в яму.

— Так, кончай воспоминания. Четыре часа утра. В девять всем быть на квартире у Прасковьи Кузьминичны Овсянниковой. Предстоит встреча со вторым агентом МУРа.

Первым вышел из кабинета Рябов. Петухов подошел к запотевшему окну и закрыл форточку. Сапоги его, мокрые уже несколько дней, оставляли на полу грязные следы. Он дневал и ночевал в холодном кабинете, спал на промерзлом диване. Не хватало дров вытопить печь даже в комнате начальника управления.

Максим Андреевич смотрел в спину высоченного Петухова, чуть начавшую горбиться, и думал: «Опять предстоят большие расходы. Одеть нового разведчика с иголки, дать денег на номер люкс в гостинице, богатый стол в ресторане. Окупятся ли затраты? Или все пойдет прахом, как с Кривоносовым?»

Петухов словно угадал мысли начальника и подлил масла в огонь:

— У одного разведчика не получилось. Будет ли толк от второго? Может, какими другими путями попробовать взять за горло банду?

Белоусов, застегивая шинель, с горечью произнес:

— Кто знает в нашем положении, что хуже, что лучше. Ведь ни у кого из нас нет не только юридической, но и специальной сыскной, что ли подготовки. Так что будем учиться. Будем ошибаться. Будем делать глупости. Будем приносить жертвы — и подчас напрасные... Что поделаешь? Кто, кроме самой борьбы, преподает нам курс наук? Пока что я не вижу лучшего решения, как попытаться еще раз направить своего человека в лагерь неприятеля. Арестовывать всех подряд — не выход. Наломать дров — дело нетрудное. Убежден, что в логово Бьяковского проникнуть можно. Почему у Кривоносова не получилось? Предположений можно настроить много. Но очевиднее всего два

варианта: либо среди нас есть предатель, который информировал шайку, либо сам Кривоносов, несмотря на отменную аттестацию, сплеховал.

— Возможно, он проявил нетерпение или сделал ставку не на тех людей, — откликнулся Петухов.

— Что-то одно из двух, — согласился Белоусов. — Для подпольщика отсутствие терпения смерти подобно. Об этом мы должны будем напомнить второму разведчику. Хотя наше задание срочное, но и горячка сейчас недопустима. Надо во что бы то ни стало перехитрить бандюг. На этот раз о новом разведчике будем знать только мы, трое, еще Федя Савков и Овсянникова. И Федор, и Прасковья Кузьминична проверены, как никто. Заслуживают полнейшего доверия. Итого, выходит, будут осведомлены пять человек. Круг самый узкий. В этом тоже должна быть гарантия успеха задуманной операции.

3. Столичные помощники

Двухэтажный бело-розовый вокзал станции Окск с зеленой жестяной крышей, множеством труб, полукруглых окошечек-иллюминаторов, обрамленных выступающими кирпичами, напоминал огромный, причаливающий к берегу, пароход.

От него влево и вправо шла узорчатая чугунная ограда, отделяющая станцию от привокзальной площади и сквера.

Сюда и прибыл на реквизированной у какого-то богатея мягкой рессорной двуколке, запряженной вороным жеребцом, Федя Савков, тайный сотрудник Белоусова. Каков из себя тот, кого нужно встретить, Федя примерно знал: чернобровый, крепкий, с небольшим шрамом в правом углу тонких губ, одет в пальто, должен заикаться.

Поезд Москва — Окск опаздывал. Медленно рассветало. Из окон-иллюминаторов вокзала на слякоть перрона опустились легкие тоненькие полосочки желтого света от керосиновых ламп. Электричество из-за повреждения электростанции в город еще не подавали.

Федор стал у изгороди, чтобы видеть своего жеребца, цокающего от безделья копытами. Улизнуть на нем какому-нибудь ворюге ничего не стоило. За конем надо было приглядывать. Опаздывающий поезд Федор прождал весь день.

Наконец, часам к восьми вечера, вдали послышался гудок приближающегося паровоза, а затем шум, лязганье вагонов на стрелках. Дежурный по станции ударил в колокол, извещая о прибытии пассажирского поезда.

Скрипя буферами вагонов, тормозами колес, московский состав подошел к вокзалу. Напротив Феде остановился вагон, на стенке которого обвисла промокшая широкая лента с надписью:

«Революционный привет Окску от Красной Москвы».

Люди с котомками, мешками, узлами, громоздкими фанерными чемоданами высыпали из вагонов и заполнили перрон. Среди прибывавших толпилось много военных, вооруженных винтовками,

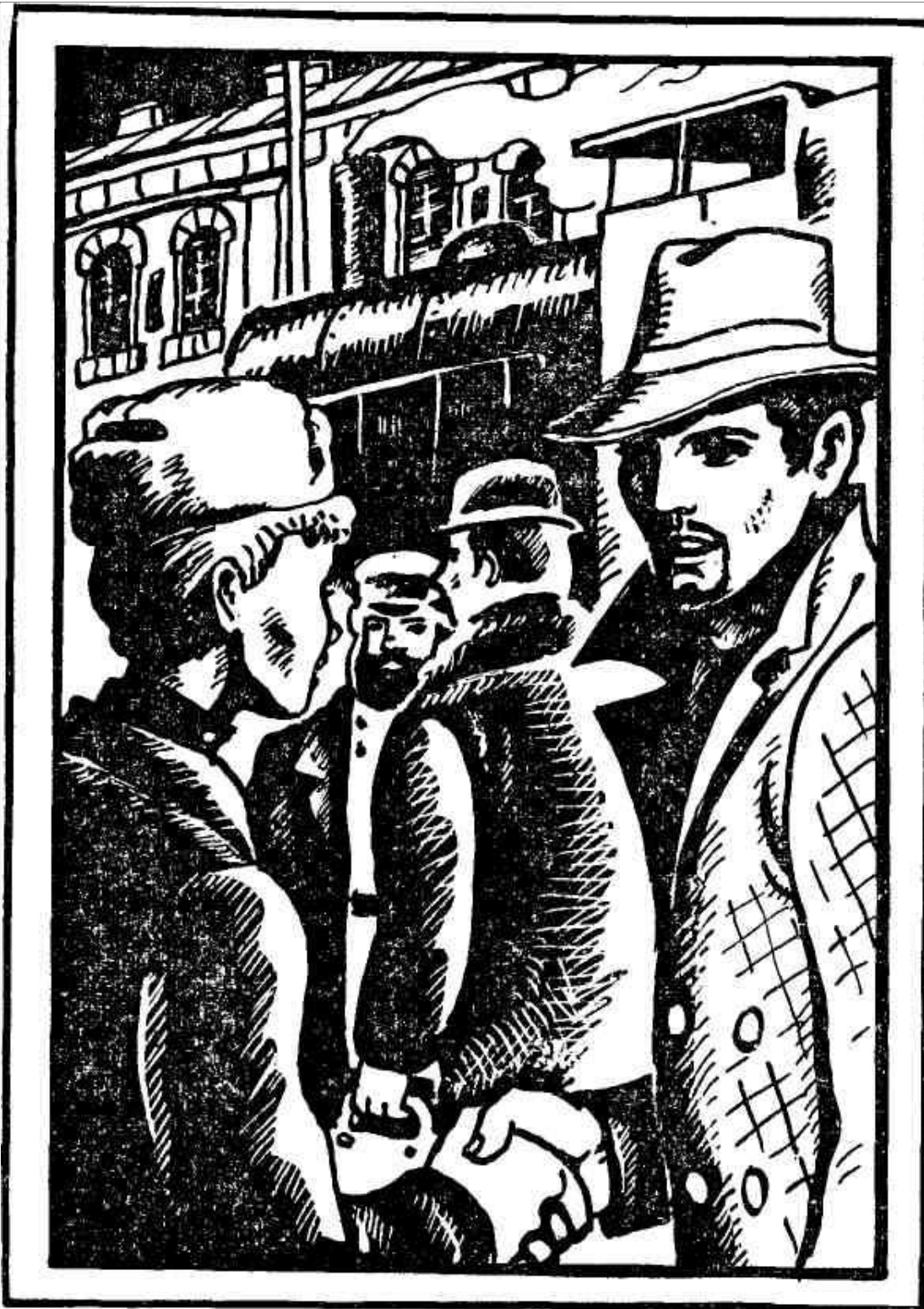
наганами, маузерами. Из предпоследнего вагона трое в шинелях и солдатских папах выгружали ящики с боеприпасами.

Савков подошел к хвостовому вагону, как его инструктировал Белоусов, и без труда узнал того, кого ожидал. Осталось лишь для надежности его проверить. Поэтому он обратился к молодому человеку в серой шляпе:

— Чувствую, патроны в ящиках сгружают. Очень нужный нынче товар. Заждались красногвардейцы боеприпасы. Кое-кого и я давно жду.

— П-по-нни-маю. Б-бое-пприп-пасы — ппоп-полнение ну-уж-жное. Еще более рад тому, что мен-ня встре-чают...

Федор протянул руку гостю. Тот крепко и охотно ее пожал. Засмеялся. Приезжий, несмотря на тяжелую дорогу (путь в две сотни километров поезд преодолевал почти сутки), был в добром расположении духа.

Агент № 2 Тихон Столицын тайно прибыл в город Окск, чтобы внедриться в банду Бьяковского. На железнодорожном вокзале его ждал секретный сотрудник угрозыска.

Через минуту двуколка на пружинистых рессорах, расплескивая лужи, лихо понеслась по темным мостовым центральных улиц. От легких ударов кнута жеребец бежал быстро, шумно втягивая воздух ноздрями, и с удовольствием время от времени ржал. Конь, как и его хозяин, продрог от долгой стоянки. Через полчаса езды копыта мягко застучали по немощеным переулкам окраины города. Здесь особенно густой казалась темень, назойливей изморось.

Савков еще на вокзале пригляделся к гостю, который после того, как узнал в Федоре своего, перестал заикаться. Приезжий, ровесник Федору, почти на полголовы выше его ростом, хотя и выглядел бледным и утомленным, был энергичен.

В свою очередь гость незаметно несколько раз окинул Федора внимательным взглядом. Светловолосый, с мягкими чертами лица, задорно вздернутым носом, простой и общительный проводник производил приятное впечатление. Такие на фронте за товарища шли в огонь и в воду, В общем, они понравились друг другу. Муровец очень хотел спросить у Федора о своем товарище Николае Кривоносове. Как он тут? Здоров? Прижился? Как идут у него дела, но конспирация и осторожность удерживали младшего агента уголовного розыска от лишних, возможно опрометчивых вопросов. Он лишь спросил:

— Как у вас прошло восстание?

— Дрались несколько дней. По опыту Питера захватили телеграф, почту, вокзал, вышвырнули капиталистов, поддали их холопам под зад на заводах, фабриках, в присутственных местах. Хотели без кровопролития, да где там! Не вышло! Белогвардейские отряды прискакали из Брянска, Тулы, Смоленска. Бои местного значения идут до сих пор. Так что еще повоюем...

И тут же где-то в стороне раздались винтовочные выстрелы. Федор пояснил:

— Наши за бандитами, видно, гоняются... Много их развелось.

Федор вез сотрудника Московского уголовного розыска на особую квартиру. Оттуда должен начаться путь Тихона Столицына в логово банды Бьяковского.

Чем дальше они уезжали от центральных улиц, тем хуже становилась дорога. Двуколку подбрасывало на ухабах. Ехали почти вслепую в кромешной темноте и по слякоти. Кое-где через ставни пробивались редкие полосы света, лаяли собаки. Наконец, Федя натянул поводья: «Тпру». Слез с повозки, открыл ворота, взял под

узды коня, провел его под деревянную арку и остановил посреди двора, тускло освещенного желтым светом, льющимся из окон одноэтажного домика с высоким крыльцом.

— Прошу, как говорят, к нашему шалашу, — произнес Федор и показал, куда идти. Гость вернул ему зипун, которым укрывал плечи. Оба поднялись по кривым ступенькам. Савков каким-то приспособлением в виде согнутого гвоздя открыл дверь, ведущую в сени. Затем распахнул вторую — и они вошли в маленькую столовую.

Остро и сильно пахло теплом, вареной картошкой, жареным луком, дымком от потрескивающих в печи на кухне смолистых поленьев, запахом милого и родного очага.

Проводник тут же исчез, а к гостю вышла моложавая, лет сорока, хозяйка квартиры.

— Добрый вечер, — приветливо произнесла она. — Раздевайтесь. Меня зовут Прасковья Кузьминична.

Гость поздоровался, поблагодарил женщину, снял шляпу, пальто. Посмотрел в зеркальце на стене, в котором отражалась вся небольшая комната с нехитрой обстановкой: столом, четырьмя стульями, буфетом; пригладил вьющиеся кудри и направился в сопровождении хозяйки в следующую комнату, где его ждали руководители губмилиции.

— Тихон Столицын, младший агент Московского угрозыска. Прибыл в ваше распоряжение, — отрекомендовался он.

Белоусов встал и, тяжело припадая на раненую ногу, с улыбкой пошел навстречу гостю. Протянул ему руку, почувствовал крепкое мужское рукопожатие. Назвал себя, представил заместителей.

— Садитесь, небось, устали с дороги. Мы вас поджидали еще утром, — начал разговор Максим Андреевич, — но, увы, не по расписанию нынче работает железная магистраль.

— Поезд намного опоздал, хотя и числился скорым. К тому же меня чуть не затерли мешочники. Но добрался благополучно, как видите, цел и невредим, — ответил, тоже улыбаясь, Тихон. Гость сразу произвел более выгодное впечатление, чем две недели назад его товарищ. Тот показался им менее общительным и более скованным.

— Курите, — с раскрытой коробкой папирос подошел к Тихону Петухов.

— Спасибо, вот уж чего не делаю, того не делаю, — смущенно отказался муровец.

«Прямо-таки красная девица, — вдруг добродушно подумал Рябов, — как ему поручать мужское опасное дело?» А Белоусов искренне похвалил:

— Молодец, что не куришь, и не кури. А то вот тут мои приятели утверждают, что курящий меньше голодает, дым в желудке, якобы, глушит аппетит. Ерундистика. Если засосет под ложечкой всерьез — махорка не поможет. Ну, это между прочим. А, вообще-то, соловья баснями не кормят. Проголодался, небось, за сутки езды.

— Не очень, — слукавил Тихон.

Как юноша ни старался зачесать пятерней свои смолисто-черные кудри, они упрямо спадали на гладкий, чистый лоб. И комиссар про себя отметил: «То, что нужно: ни дать, ни взять буржуйский сынок. Одеть, конечно, нужно соответственно и будет стопроцентный барчук».

Половинки дверей снова распахнулись. Хозяйка внесла сипящий, пузатый самовар. На столе появились сыр, картошка, хлеб и пирог.

При виде такой снеди у голодного Тихона закружилась голова.

— Мы тоже не обедали, так поужинаем вместе, — предложил Максим Андреевич.

Чтобы не выдать голода и продлить удовольствие, гость медленно ел бутерброд с голландским сыром, не спеша запивая его чаем.

Белоусов приступил к главному:

— В городе существует гостиница купца Слезкина. Имеем данные, что оттуда ведут нити в банду Бьяковского. Можно было бы прикрыть купчишку. Но дело не только в нем. Вряд ли в гостинице главная ставка бандитов. Атаман имеет много «малин» и притонов. Где? Это необходимо разведать. Банду надо вырвать с корнем и вместе с Бьяковским! Своих сил еще мало, из тех, кто есть, половина милиционеров, получая жалование, в ведомости ставят крестики. Вот и запросили помощи в МУРе. Поедете вторым разведчиком в логово «Серого волка». Ваш товарищ Николай Кривонос, похоже, не из робкого десятка. В Москве ему сопутствовал успех, а здесь малость забуксовал. Что вы перестали есть?

— Кажется, насытился. Благодарю, ужин был царский. Разве еще кусочек пирога...

— Не стесняйтесь, будьте как дома, видим ведь, что проголодались... Так что скажете по поводу нашего предложения? — Белоусов с интересом ждал ответа.

— В разведку, так в разведку. А о друге Николае скажу только хорошее. Знает дело. Участвовал во многих ночных операциях, на Хитровом рынке, Смоленке, Сухаревке. В Марьиной роще вышел на чрезвычайно опасного бандита — дружка атамана московских грабителей Ленки Кошелькова. Без единого выстрела доставил его в уголовный розыск! Да и вообще многих преступников обезвредил. Награжден именными часами.

— И вы, я знаю, тоже отличились. Слышал, — улыбнулся Белоусов, — а сейчас помогите нам разделаться с окскими головорезами.

Тихон совершенно освоился, почувствовал себя свободно. Ему понравился спокойный и волевой Белоусов, озабоченный Рябов и Петухов, которые незаметно подвигали гостю свои дольки пирога.

Столицын поинтересовался, много ли людей знает о его прибытии?

— Мы трое, — обвел взглядом присутствующих начальник губмилиции, — связной Савков — четвертый, хозяйка квартиры Прасковья Кузьминична — пятая. Круг самый узкий. Мы тоже остерегаемся утечки информации. Могут быть и в нашей среде лазутчики того же Бьяковского. Народ в милиции, к сожалению, достаточно не изучен. Вы на фронте были? Чувствую солдатскую выправку.

— Почти год воевал, имел ранение. Сейчас здоров.

Столицыну задавали вопросы. Молодой человек толково на них отвечал. Сообщил, что до революции учился в университете, воспитывался у тетки в Москве, хотя родом из бедной мещанской семьи. Знает немецкий, немного — французский.

— То, что нам нужно, — воскликнул Белоусов и поднялся с места. Сделал шаг и поморщился от боли. Три глубоких борозды пересекли лоб.

Тихон прикинул: «Сколько же ему лет — сорок, сорок пять? Фигура, статность, как у молодого».

— Будете выдавать себя не просто за барчука, а за сына царского дипломата, спешно покидающего Россию. Улаживаете, мол, свои дела в Москве, но там оставаться не хотите, побаиваетесь расправы. Поджидаете, вроде бы, в Окске попутную оказию, чтобы двинуть за границу.

— Операция «Дипломат», — сказал Столицын.

— Что? — не понял Белоусов.

— Это так принято: каждую операцию называть каким-либо условным именем. Ну, вот...

— Понимаю, — усмехнулся комиссар. — Ну, что ж, «Дипломат», так «Дипломат», — и продолжал: — Документы заготовим какие следует. Комар носа не подточит. На эту приманку должны клюнуть бандиты, по крайней мере — заинтересоваться вами. Им ведь нужны связи с такими дипломатическими «тузами», никогда не помешают каналы, чтобы иметь возможность драпануть за границу... А стало быть, есть шанс войти в их среду. Нам будете посылать весточки через Федора. Надеюсь, познакомились с ним на вокзале?

— Вполне. За полчаса подружились, поняли друг друга.

— Он всем нам как родной, — заметил Петухов, поглаживая усы.

— Это точно, но приступим к делу. У нас очень мало времени. Люди живут в голоде, холоде, а тут еще бандиты измываются. Мы призваны обеспечить людям безопасность. А силенок у милиции еще маловато, — вздохнул Белоусов.

За последние дни он пожелтел, осунулся. Валерий Ивлевич и Семен Гаврилович знали, что он в пятнадцатом году был приговорен к пожизненной каторге. После Февральской революции выпущен из Петропавловской крепости с открытым туберкулезом легких. Дважды тяжело ранен на фронте.

Рябов и Белоусов уже не раз работали вместе. В четырнадцатом на фронте они выполняли общее задание партийной ячейки. Потом их судили за социалистическую пропаганду. Оба бежали из-под стражи. На время их пути разошлись. В октябре семнадцатого встречались в Окске. Когда Белоусова, ставшего членом ревкома, назначили начальником губмилиции, Максим Андреевич, не колеблясь, пригласил на должность заместителя по оперативной работе Рябова. Заместителем по наружной службе ревком утвердил фронтовика Петухова, ставшего тоже близким другом Максиму Андреевичу.

...Белоусов оглядел всех строгим взглядом.

— Вопросы есть? Нет! Пора по одному расходиться. Пусть наш гость отдыхает перед трудной работой.

Первым засобирался Рябов. Встал. Широкоплечий, приземистый, в широких яловых сапогах, кожаной тужурке, военного покроя фуражке, на боку маузер. Неторопливый, основательный. Затем ушел, слегка сутулясь, высокий, худощавый, в просторной шинели и штатской фуражке Петухов.

Белоусов остался наедине с Тихоном, еще раз поясняя обстановку:

— Проникновение в логово преступников под благовидной личиной считалось верным делом. Пойдем и мы по этой дорожке. Жить будешь — кум королю и сват министру. Деньжат дадим, золотые безделушки напоказ нацепим. Кое-какое трофейное барахлишко скопилось, наденешь. Без нас тут примеришь. Погляжу на тебя поутру. Извини, перешел на «ты». Тебе сколько лет?

— Деятнадцать.

— А мне, брат, в два раза больше. Так что имею право. А барахлишко есть, для дела не жалко... Итак, операция «Дипломат», говоришь? Годится.

— Не возражаете?

— Нет, зачем же? «Дипломат», так «Дипломат». Смотри только, чтоб и там тебя за дипломата сочли. А то они «возразят» по-своему, по-бандитски...

Максим Андреевич провел Тихона в спальню. Остановился у платяного шкафа. Открыл его.

— Складывай сюда свои доспехи. Рядом с одеждой друга.

Столицын жадно всматривался в кургузую тужурку, свитер, ветхий костюм, истоптанные туфли Кривоносова. С любовью подержал в руках связанный невестой Николая рыжеватый шарф. Острым взглядом нашел искусно заштопанную дырку от бандитской пули.

Кривоносов был ранен в шею на Хитровом рынке. Прямо оттуда его привезли в госпиталь. Поместили в палату, в которой уже лежал с перебинтованной грудью красногвардеец Тихон Столицын. Койки оказались рядом. За несколько дней молодые люди сдружились. Невеста Настя каждый день навещала к Николаю. Девушка из простой рабочей семьи была необыкновенно чутка, нежна с раненым. Тихон по-доброму завидовал товарищу. «Вылечусь — сразу женюсь, — давал зарок Николай, — а то упущу счастье». Но, вылечившись, закутился, словно на карусели. Да и невесте, работнице центрального московского телеграфа, приходилось трудиться по двенадцать часов в сутки. Обоим было не до свадьбы. Потом Кривоносову выпала эта командировка в Окск.

Узнав, что туда же едет Тихон, Настя просила передать Николаю большой привет. «Скажи, Тихон, Коле, каждый день его вспоминаю. Люблю сильнее прежнего. Пусть скорей приезжает».

Вспомнилось все, что сделал для него Николай: нашел работу в уголовном розыске, дал угол в собственной комнате. Как настоящий друг, делился он краюшкой хлеба. Тихону очень хотелось увидеть Николая и обнять, как брата!

Из предложенной одежды Столицыну пришлось по вкусу темный сюртук, шелковый жилет, табачного цвета брюки, два костюма — серый и черный, пальто с бобровым воротником, две пары обуви и многое другое. Разных вещей набрался огромный чемодан. Теперь Тихону было в чем показаться людям.

4. Человек долга

Белоусов распрощался с Прасковьей Кузьминичной и снова направился в управление губмилиции, сказав Тихону: «Ночь не спи, а выработай к утру гордость за «свой» гибнущий буржуазный класс, переполнись заносчивостью. Войди в роль человека, который презирает революцию, Советы, накликает им скорую неминуемую гибель».

Хорошо знавший каждый переулок, даже каждый дом Окска, Максим Андреевич добирался до губмилиции кратчайшим путем, по привычке держа руку в кармане на рукоятке снятого с предохранителя пистолета.

Ветер усилился, трепал полы шинели. Стало подмораживать. Изморось превратилась в поземку. Она жестким веником хлестала пешехода.

Белоусов распахнул дверь в дежурную часть. И лицом к лицу неожиданно столкнулся с женой.

— Наконец-то! — вырвалось у нее. Анна с тревогой и нежностью глядела на мужа. Тот чувствовал себя виноватым: не пришел ни на обед, ни на ужин, как условились, и не предупредил. Надо было оправдываться, извиняться.

— Совсем закрутился, — примиряюще улыбнулся ей Максим Андреевич. — Прости, пожалуйста. Последний раз.

Аня глубоко вздохнула. А что делать? Укорять супруга? Устраивать семейные сцены? Это было не в ее характере, к тому же она знала, за кого выходила замуж.

— Как обстановка в городе, что нового? — спросил комиссар у козырнувшего ему высокого, красивого парня с повязкой на рукаве «дежурный по милиции».

— С минуты на минуту ждем грабителей, что напали на рабочую кассу хлебопекарни. На происшествие выехал Валерий Ивлевич Петухов. По телефону уже сообщили: преступников везут на подводе. Ранен наш милиционер Караваев. Он направлен в госпиталь.

— Пусть Петухов позвонит мне домой, когда вернется, и доложит подробнее. — Белоусов вошел в свой кабинет, за ним последовала Аня.

Она все-таки не сдержалась, чтобы не сказать мужу:

— Каждый день убитые, раненые. Разве мне легко весь день не иметь о тебе вестей?

— Больше не повторится. Клятвенно заявляю, — притворно-серьезным тоном сказал Максим Андреевич и шагнул к столу, открыл ящик.

— Смотри, а то рядом с тобой весь день буду ходить, — строго заметила Аня.

— На все согласен, — Белоусов вытащил из ящика пакет и передал жене. — Возьми, фунт сахара и полкило баранок. Теперь работникам милиции каждую неделю будут давать паек. Распоряжение Бугрова, так что с голоду не умрем. Помнишь Савелия?

— Ильича?

— Его.

— Как же, у нас на свадьбе поднимал тост за скорую революцию.

— Теперь председатель ревкома. Достается ему куда больше, чем мне. Не позавидуешь. У меня-то работенка тихая... А сейчас без задержки идем домой. Двенадцатый час ночи.

— Известное дело — домой. Хотя по тебе вижу, готов остаться здесь хоть до утра. Тихая у него работа, — не унималась Анна.

— Вот именно, почти тихая, — согласился Максим Андреевич, — но мы уходим и немедленно. Наряд хороший, дежурный надежный, нечего мне всех подстраховывать.

И, действительно, это было так. Костяк управления губмилиции составил отряд красногвардейцев, выделенный Военно-революционным комитетом. Это были проверенные, закаленные, бесстрашные сотрудники. Они подавали хороший пример мужества, выносливости, самоотверженного отношения к своему служебному долгу...

Белоусов вышел не через приемную, а через дежурную часть, где на стене висел боевой лозунг:

«Наша миссия почетна и ответственна — вести решительную борьбу с врагами социализма».

На улице Аня взяла мужа под руку и прижалась к его плечу.

Одеты они были легко, не для такого пронзительного ветра: Аннушка в старенькой цигейковой шубке и барашковой шапочке,

Белоусов — в жиденькой шинели, фуражке, сапогах. Он шел, припадая на больную ногу.

Жена комиссара Аня делила заботы мужа. Иногда среди ночи встречала Максима Андреевича. И тогда домой они весело шли вместе.

— Бедный ты мой комиссар. Я так волнуюсь, так переживаю за тебя. Все время удивляюсь, откуда у тебя столько сил. Прошлую ночь спал два с половиной часа. Позапрошлую и того меньше. Я не помню, чтобы ты вечером лег, а утром встал. Завтра когда будить? А вернее, сегодня уже?

— В пять, Аннушка, в пять, а то опоздаю на важную встречу. — Он взглянул на циферблат своих карманных часов «Павел Буре». Как бежит время! Стрелка уже перевалила за полночь. А сам подумал: «Надо успеть раненко, чуть свет, побывать у Прасковьи Кузьминичны. Самому убедиться в готовности Тихона. Малейшая оплошность может загубить дело».

В это время к управлению подъехала подвода. Двое милиционеров начали стаскивать с нее связанного грабителя. Взмыленный конь храпел, над ним клубился пар.

— Стой, погоди! — всполошился Белоусов и, повернувшись к жене, просяще добавил, — надо сходить, разобраться!

Но Аня крепко сжала его руку. Стала на цыпочки и приблизила свое лицо к лицу мужа.

— Ну, что ты маешься? Без тебя Петухов и Дьяконов разберутся. На каждого бандита разве тебя хватит? Больше доверяй своим помощникам.

— И то правда, ты у меня молодец. Все. Пошли спать.

Сердце Максима Андреевича переполнилось нежностью к жене. «Измучил ее. Всю мою милицейскую тревогу делит она вместе со мной. Ну что бы ей сделать приятное? Вот сейчас, именно сейчас, когда есть на это время? Сказать что-нибудь хорошее, что ли?» И он с нежностью произнес:

— Какая же ты у меня замечательная. Очень легко мне с тобой. Как жаль, что так мало времени нам выдается побыть вместе.

Аннушка опять сильно прижалась к локтю мужа, принаравливаясь к его ковыляющему шагу. А Белоусов с чувством продолжал:

— Повезло мне с женой. Долго выбирал и не ошибся. Умна, заботлива, красива...

— Ну, ну, совсем расхвалил... смотри — зазнаюсь.

— Нет, правда. Часто сравниваю тебя с самыми известными красавицами, даже с Верой Холодной. И никто ни в какое сравнение не идет, — он весело улыбнулся жене.

— Ну довольно, довольно, а то растаю...

— Говорю точно. А фигурка? — продолжал Белоусов.

— Ты у меня неслыханный вун! Ну какая там фигурка, — Аннушка доверительно и многозначительно хохотнула, — особенно сейчас. Хотя бы скорей!

— Да, да, хотя бы скорее, — согласился Максим Андреевич, — подожди, еще чуть-чуть, добьем банду и легко вздохнем.

— Вот-вот, ты все о своем...

— Нет, о нашем. Тогда я по ночам реже стану работать. Много времени буду рядом. И все пойдет своим чередом.

5. Дела семейные

Едва они оказались дома, прямо в прихожей Максим Андреевич, раздевшись, приблизился к жене, ласково положил руки на ее плечи, поцеловал в шею, голову, потрепал ее темно-русые волосы, обнял. Бесконечно дорога была она для него.

...Пять лет назад Ане, восемнадцатилетней, милой, красивой девушке из бедной семьи, сделал предложение сын известного в городе купца Слезкина. Штабс-капитан приехал тогда к родителям на побывку. Он ходил в зеркально-блестящих офицерских хромовых сапогах, в шинели из отличного английского сукна, на погонах выделялась красная полоска по зеленому полю.

Мать уговорила Анну принять предложение богатого жениха, захотелось старушке безмятежного счастья для дочери, ибо знала, как трудна жизнь женщины, вышедшей замуж за рабочего человека, на себе испытала.

Поддалась уговорам Аня и стала женой заносчивого гуляки Ильи Слезкина. Она никак не ожидала, что при первом упреке мужу на нее обрушится свекровь.

— Как ты смеешь, голь перекатная, делать укоры мужу? Ты должна ноги ему целовать. Кто вытащил тебя из собачьей конуры? Живешь в хоромах, ходишь в шелках. Еще голос подашь... сама поколочу! — грозила свекровь, а пьяный Илья, ухмыляясь, кивал.

— Точно-с, так и будет-с. Я маманю знаю...

Улучив минутку, Аня собрала в узелок все свое приданое и сбежала из особняка к родителям, в хатку с двумя подслеповатыми окошечками и сарайчиком, где визжал поросенок и кудахтали три курицы.

Уязвленная свекровь тут же заставила сына расторгнуть брак с Анной. Чуть больше года она была купеческой женой. После развода пошла работать в военный госпиталь сиделкой, затем, окончив курсы, стала сестрой милосердия... Эту историю Белоусов хорошо знал.

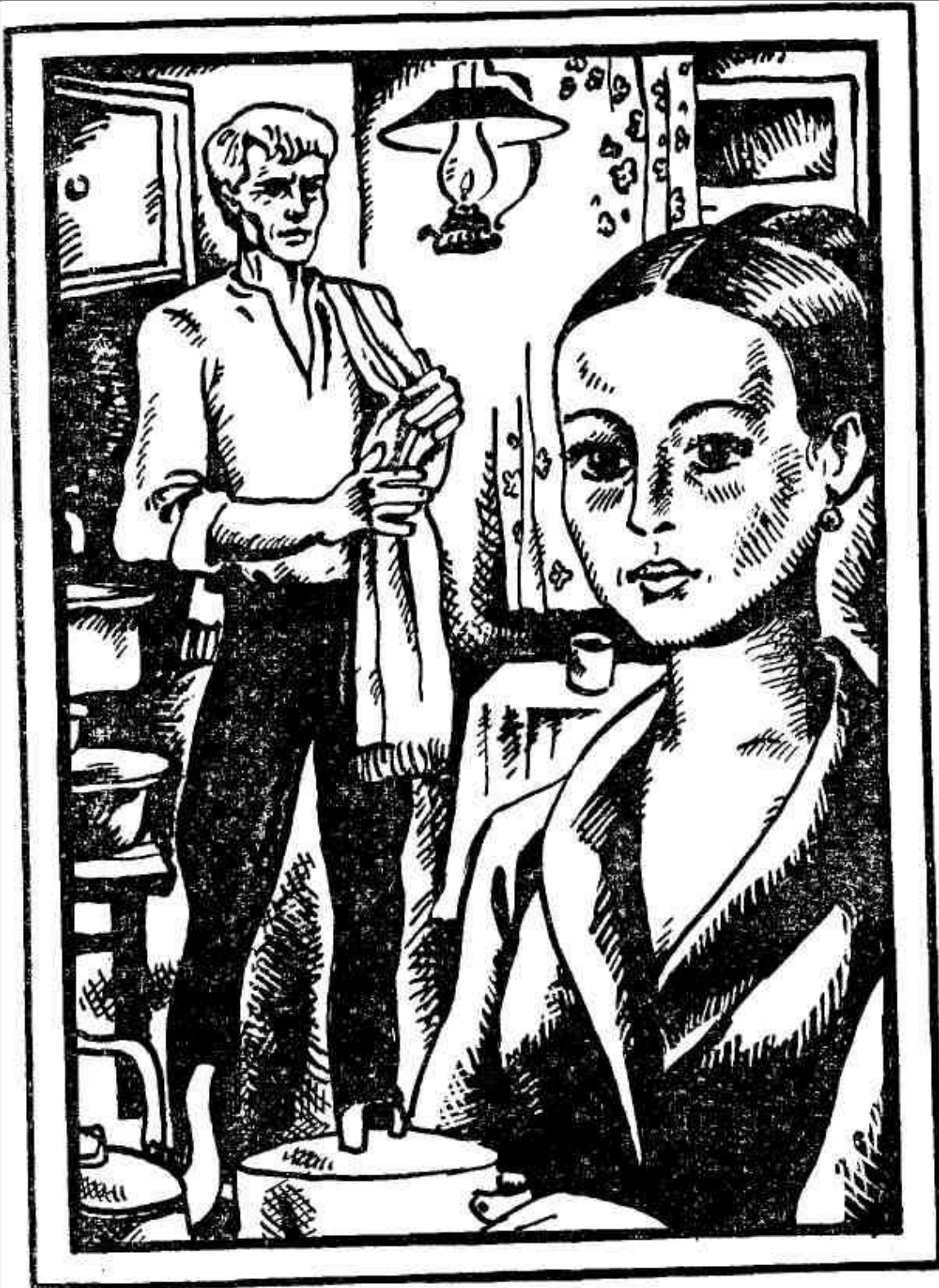
Сейчас Аня высвободилась из объятия мужа и шутя заметила:

— Поцелуями сыт не будешь. Пойду разогрею картошку и чай. Иди мой руки.

Белоусов открыл кран, склонился над раковиной, поймал ртом брызжущую струю и быстро, чтобы не заметила Аня, напился сырой воды. Никак не мог он привыкнуть к внушаемой ему Анютой («без пяти минут доктором», как любил он ее называть) мысли: «сырая вода вредна, так как она подается из загрязненных источников».

Аня уже зажгла керосинку и в халате, тапочках легко, бесшумно двигалась по кухне.

Максим откровенно залюбовался ею. И хотя у жены уже начал обрисовываться под халатом живот, она по-прежнему была стройна и, как многие беременные женщины, еще более мила, обаятельна и даже величественна. Ее карие глаза, обрамленные сверху широкой дужкой черных бровей, снизу — синевой от усталости и недосыпания, смотрели спокойно и нежно. Белоусов невольно вспомнил первое знакомство с Аней в военном госпитале.

В домашней обстановке Анна казалась мужу особенно обворожительной. Белоусов не мог не любоваться ею и не быть ей благодарен.

Временное правительство, образованное в результате Февральской революции, первые месяцы особо не притесняло ни организаций, ни собраний большевиков. В Окске в открытую формировались и обучались отряды красногвардейцев. Однако с середины лета семнадцатого года положение резко изменилось. Начались стычки красногвардейцев с юнкерами; те вскоре перешли в открытое наступление, взялись за ликвидацию большевистских комитетов. Однако раненых красногвардейцев пока беспрепятственно продолжали лечить в военном госпитале.

А с 28 июля в госпиталь перестали принимать раненых большевиков и начали досрочно выписывать недолечившихся красногвардейцев.

Савелий Бугров направил свой отряд во главе с Белоусовым в госпиталь.

— Где кабинет главного врача? — спросил Максим у встретившейся ему, в заставленном койками с больными узком коридоре, кареглазой, хорошенькой, в чистеньком, до блеска накрахмаленном халате девушки.

— А зачем он вам? — спросила та. — Я дежурю по этому этажу и должна ему доложить, кто его хочет видеть.

— Мандаты при нас. Ведите прямо к нему. Мы из комитета большевиков.

— Ах, вот оно что, — неожиданно для Белоусова обрадовалась девушка. — А я-то думала от эсеров. Вы насчет своих раненых? Поговорите с ним. Мы, медсестры и нянечки, хотим объявить забастовку, если так будет продолжаться. Больные все одинаковые. Никаких различий между ранеными не должно быть, — торопливо говорила девушка.

— Как вас зовут? — с интересом спросил Максим, которому понравились такие рассуждения. — И кем здесь работаете?

— Зовут меня Анной, работаю сестрой милосердия. Сочувствую большевикам, — и, словно отвечая на вопросительный взгляд Белоусова, тихо сказала:

— Отца на днях избили нагайками полицейские. Так кого же мне любить и уважать?

— За что так отца? В чем он провинился?

— Выступал с воззванием к рабочим вагонного цеха железнодорожных мастерских. Там он работает слесарем.

— В митинге участвовал и только!

— Именно. Вы понимаете, они получают в два раза меньше, чем в других цехах. Их замучили штрафами. Отец от имени уполномоченных цеха призвал рабочих к стачке, пока администрация не удовлетворит их требований.

— Что за требования?

— Повысить расценки вдвое. Отменить сверхурочные и работы в праздники. Удалить мастера Филимонова за дикие издевательства над рабочими и шпионские доносы в полицию. Но Филимонов вовремя позвонил куда следует. Налетели полицейские, секли отца и еще троих уполномоченных нагайками. Пригрозили арестом. Отец третьи сутки пластом лежит в постели, весь в синяках...

— Сейчас они все могут, — возмутился Белоусов. — Отцу нужно пойти к врачу и засвидетельствовать побои. Справка пригодится. Не все их верх будет.

— Да кто ему даст нынче такую справку?

— Пусть не говорит, что от полиции пострадал, а скажет: хулиганы избили...

В госпитале Максим Белоусов довольно быстро и точно справился с заданием. Сочувствие персонала к его словам было полное: раненые красногвардейцы так же нуждаются в помощи медиков, как и все остальные. Маленький лысый главврач в очках с золотой оправой враждебно молчал, но, видимо, покорился воле большинства.

Когда Максим вышел из госпиталя, словно из-под земли выросла сестра милосердия Аня. Она была в кофточке поверх платья, косыночке. Без халата. «Значит, сдала дежурство и уходит домой», — подумал Белоусов.

— Спасибо вам... Теперь все должно быть по-другому. Вы так страстно, убедительно говорили. И мою историю привели в пример. С отцом. Я было испугалась, а потом подумала, пусть...

— Да как же было ваш пример не назвать? — Белоусов вдруг осекся и неожиданно спросил: — Вам куда?

— На улицу Пушкина. Это далекоовато. Окраина.

— А что если я вас провожу?

— Спасибо. Буду рада. Тем более, я боюсь ходить по улицам, когда стемнеет. От сумерек до утра в городе хозяйничают бандиты. Вы же знаете.

— Идемте.

Дорогой оба молчали, им совсем не хотелось говорить, им и так было хорошо друг с другом.

Наконец Аня сказала:

— Пришли. Здесь я и живу с сестрой, мамой и отцом. Если бы не так поздно, зашли бы в палисадник посидеть на скамейке.

— В другой раз. Я к вам обязательно сам зайду на днях в госпиталь. Позвоню, узнаю, когда вы дежурите, и приду.

— Можете даже завтра, я снова работаю в день.

Она неловко, «лодочкой», протянула на прощанье руку:

— До скорой встречи, Максим Андреевич. Так вас назвал главный врач.

— Да, именно так.

Белоусов, попрощавшись, почувствовал давно не испытываемое волнение.

Прошла суматошная неделя. Белоусов как-то под вечер оказался на городском митинге в парке. И вдруг у самого уха раздался знакомый голос:

— Вот где я вас встретила.

Это была Аня.

— Здравствуйте, — Максим нежно сжал руку девушки, — какими судьбами вы здесь оказались?

— Честно?

— Конечно. Мы же друзья.

— Предчувствовала, что вы будете на митинге. Искала встречи. Может быть, не стоило? — она словно с вызовом бросила на него лукавый взгляд.

И снова была прогулка в сумерках. Теперь Максим был приглашен в дом.

Там он познакомился с отцом Ани, который уже ходил, все еще охая от боли в боках, с матерью — чудесной простой женщиной, — Максим быстро нашел с ними общий язык. Он понравился всем в семье Ани.

Когда в конце сентября Белоусов собрался в Москву на встречу с Ногиным, он отдал ключи от своей квартиры Ане.

— Посмотри за ней.

— С удовольствием. Я приду на вокзал вас провожать.

Здесь, у подножки вагона, они впервые поцеловались.

Он ей сказал:

— Но ведь я намного старше вас?

— Тебя, а не вас. Это во-первых, а во-вторых, это не имеет значения. Хочу всегда быть рядом с тобой, если согласен... Возвращайся скорей и береги себя.

Потом была скромная, но счастливая для Ани и Максима свадьба.

6. «Такая у них служба»

После ужина Белоусов вспомнил о ненаписанной докладной записке в губком партии и, хотя сон морил его, он все-таки превозмог себя и сел за стол. Пока жена мыла в кухне посуду, настроил две страницы отчета.

Вошла Аня, вытирая о подол фартука руки.

— Хватит писать. Давай хоть пять минут поговорим о семейных делах.

Белоусов поднял глаза на жену, сказал невпопад:

— Обязательно поговорим...

— Да отвлекись ты, Максим...

Она подошла к мужу и взъерошила волосы; в эту минуту лицо Белоусова было совсем юным, как у мальчишки.

За недолгие месяцы супружеской жизни Аня поняла, что одно ее присутствие развеивает у Максима тяжелые думы. Но сейчас она готовилась рассказать о своих тревогах. Однако, не решаясь, начала разговор не с того, с чего хотела.

— Стены в нашей комнате хорошо бы побелить. Надо пол к Новому году и кухню привести в порядок.

— Сделаем ремонт следующим летом. Но ты чем-то обеспокоена? Похоже, не ремонтом. По глазам вижу. Выкладывай, что стряслось?

— Спрашиваешь, что? Слушай. Встретила Сергея Слезкина, брата бывшего мужа. Он сказал, что Илья в городе. Оставил полк. То ли по ранению, то ли просто дезертировал.

— Его роту разбили под Орлом. Я это знаю. Илья в списке тех, кого мы ищем... Аннушка, я бы с удовольствием купил тебе билет и отправил к матушке в Подольск. Мне спокойнее будет. Говорил с твоими родителями — они тоже «за».

— Нет, Максим, и не думай. От тебя никуда не уеду. С тоски там умру. Изведусь от неизвестности: что тут с тобой.

Зазвонил телефон.

— Слушаю. Ну-ну. Так. — Белоусов хлопнул себя по лбу. — Этой ночью? Донесение от Кривоносова? Иду. Сколько человек с Дьяконовым? Двенадцать? — Начальник милиции положил трубку и стал быстро собираться.

— И ты пойдешь? Уже час ночи, — расстроилась Аня.

— Это на полчаса. Засекай время. А лучше ложись спать. Приду, нырну в тепленькую постель. Очень срочное дело.

Белоусов покрутил барабан нагана. Вложил оружие в боковой карман демисезонного пальто.

— Ты не в шинели?

— Надоела за день, намокла, тяжелая, плечи оттянула.

Он поцеловал расстроенную жену. Вышел из квартиры. Тускло горели фонари на улицах города. Из головы не шел разговор об Илье Слезкине. Если здесь, значит, будет всячески вредить. Любому большевику из-за угла перегрызет горло, как бешеная собака.

Нестерпимо заныла нога. Он едва доковылял к церкви, которую по чрезвычайному сообщению разведчика Кривоносова этой ночью должны грабить бандиты. Максим Андреевич хотел лично убедиться в надежности засады, в готовности опергруппы во всеоружии встретить шайку атамана Бьяковского.

Комиссара настораживали безрезультатные засады милиции, которые возглавлял Дьяконов. Иногда Белоусов и сам в них принимал участие, чтобы убедиться, все ли правильно организовано.

Анна не ложилась спать без мужа. Укутавшись шерстяным платком, накинув на плечи пальто, она начала гладить свежее, вымерзшее на балконе белье. Мысли сначала крутились вокруг той же неприятной новости о том, что Илья Слезкин в городе: как бы из этого не вышло что-нибудь худого для нее и Максима: «Может быть, действительно, — думала Аня, — зиму провести в деревне у Максимовой родни?..»

Часы пробили час ночи. Анна вышла из квартиры и поднялась со своего второго этажа на третий. Легонько постучала в дверь. Через минуту она стояла в прихожей Рябова. Его супруга, Наталья Кирилловна, флегматичная, полная, розовощекая женщина успокоила Анну.

— Не томитесь зря. Идите отдыхайте. Чай, ребенка ждете. Вам покой нужен. Послушайте меня, старую, троих родившую, не волнуйтесь. И моего нет. Значит, оба на службе.

— Обещал прийти через полчаса и нет. А вдруг что случилось? Вот чего я боюсь.

— И мой все время под утро заявляется. Такая у них работа. Одно слово — рабоче-крестьянская милиция. Придут невредимые.

Анна немного успокоилась, попрощалась с Рябовой и вернулась к себе. Но спать до прихода мужа так и не легла. Ей мерещилось, что Илья вдруг внезапно напал на Максима, ранил или, того хуже, убил...

Наконец-то щелкнул ключ, хлопнула дверь. Муж! На глазах Анны заблестели слезы радости. Она выбежала в прихожую.

— Все глаза проглядела, ждать устала. Порохом от тебя пахнет. Стрелял, что ли? Рассказывай.

Анна сняла с мужа пальто, фуражку, потерла ему уши, щеки.

— Шапку носи, уже мороз на дворе. Зима наступает. А он в кепочке в такую стужу прогуливается.

— Обязательно выполню все твои указания. А теперь давай спать. Ты хочешь баю-бай? — скрывая озабоченность, шутливо проговорил Белоусов.

— Очень.

— Я тоже. К тому же рано вставать. Но часа четыре в запасе есть, можно, так сказать, отдаться Морфею.

В постели Максим сделал вид, что сразу заснул. На самом деле, его не покидали беспокойные мысли о только что проведенной операции. На первый взгляд, все оказалось так, как сообщил Кривоносов.

Выходит, разведчик все-таки вошел в доверие? Возле церкви Дьяконов подполз к Белоусову и, задыхаясь от волнения, прошептал:

— В цвет попали. Засада удачная. Кривоносова стоит там держать. Через него головорезов выловим, молодец парень.

«Однако бандиты не полезли в церковь, а всего лишь обстреляли ее. Стало быть, — думал Белоусов, — они знали о засаде. Нет ли в этой ситуации разгадки всех наших провалов? Грабители подошли к церкви, пошумели и удалились. Маскарад! Значит, Кривоносова бандиты продолжают водить за нос? Он расшифрован! Я это понял, а почему Дьяконов не догадался? Почему настаивал оставить разведчика в логове банды?»

Белоусову нравился начальник оперативной части — энергичный, расторопный, грамотный. Одним словом, бывший фронтовой офицер. По деловым качествам он — находка для управления губмилиции. Надо к Дьяконову попристальнее приглядеться, больше ему доверять. Мало ли бывших офицеров стали в дни революции истинными защитниками простого народа?

Но мысли стали путаться. Белоусов осторожно, чтобы не потревожить сладко спавшую жену, повернулся на бок, вытянул поудобнее ноги и сразу расслабился. Голова утонула в мягкой пуховой подушке. Долгожданный сон сковал его.

7. Агент № 2

В эту ночь Столицыну не хотелось спать. Он снова и снова, в который раз, подходил к отобранной для него одежде, примерял один, второй костюмы, набрасывал на шею галстук. «Эх, — с улыбкой думал Тихон, — хорошо бы в сюртуке, лакированных туфлях появиться в родном городке. Хотя, наверное, все знакомые и родные здорово перепугались бы...»

Тихону едва минуло семнадцать, когда в его подмосковный городок пришло извещение о гибели отца на германском фронте. Семья осталась без основного кормильца. Мать всю надежду возлагала на старшего сына — Тихона. Какой ни есть, а мужчина.

Но судьба Тихона уже решена была по-другому. В хату забрел исправник, низкорослый, кривоногий, со своей неизменной суковатой палкой. У хозяйки, Анастасии Савельевны, екнуло сердце, почувствовала женщина неладное.

Исправник снял широкий синий картуз, пригладил пальцами волосы. Про себя удивился: «Беднота мещанская, а поди ты, Тихона сколько годков учили на разных языках калякать, на роялях Шопенов выводит, а вот я их сейчас и разочарую...»

— Минутное к тебе дело, да важное, — очень серьезно начал «гость», вытирая ноги у порога о подстилку, — надобно вот что сказать.

Глаза у Столицыной невольно заслезились.

Исправник шумно вздохнул, отпихнул от себя подвинутый хозяйкой стул. Послюнявив ладонь, снова сосредоточенно прилизал вихры.

— Лютует германец. Не удержим его, всех задушит, сюда ворвется. Дешеша пришла. Из городка нашего пятерых солдат надо. Перешерстил все хаты. Один из пятерых — твой. За Тихона не бойся, образованный, в университетах обучался, писарчуком будет, знамо дело, не пропадет.

Оборвалось сердце у Анастасии Савельевны от страшного известия, она рухнула на скамью и запричитала:

— Какой из Тихона вояка? Побойся бога! Ведь отец наш положил голову за царя и отечество. Господи! Где милосердие?

Исправник осерчал:

— Бога не чипляй. Может, Тихон твой и до окопов не дойдет: смотришь, к начальству переводчиком возьмут, германскую речь знает. А там перемирие, толкуют, на носу. Три девки у тебя — аль не подмога? Чего ревешь? У других и того хуже. Ну, рассуди, кому еще идтить в окопы? Мало ли, что нам хочется, да не всегда так можетя.

Исправник посетил семью Столицыных, чтобы сообщить печальное известие о призыве молодого Тихона на германский фронт. Оборвалось сердце у матери сына-призывника.

Через месяц Тихон в шинели и яловых военных сапогах был под Брестом. Огляделся и стал набираться ума. Читал солдатам листовки: «Долой самодержавие!» и был готов идти за членами полкового комитета хоть на русского царя, хоть на германского Вильгельма. В окопах приняли его в партию большевиков, избрали членом полкового комитета. Он считался грамотеем. Писал письма по просьбе солдат, составил на митинге фронтовиков документ о полномочиях полкового солдатского комитета. Сочинил на немецком языке два воззвания к солдатам противника: призывал сложить оружие и возвращаться по домам.

Осенью семнадцатого года солдатская жизнь и вовсе пошла кувырком. В окопы прилетела весть: в Питере свергнуто Временное правительство, «Да здравствует революция!». Солдатская братия покидала окопы, фронтовики отправились громить помещиков и капиталистов. В полку проводились митинги и собрания. Ораторы показывали мандаты и оглашали свои полномочия на формирование красногвардейских отрядов. Не прекращались бесконечные горячие споры.

— Помогнем Питеру и Москве! — страстно призывали ораторы. — Вперед, до полной победы!

На одном из митингов в казарме, в узком проходе между двухъярусными койками, Тихон пробрался к столу. Там стоял здоровенный балтиец, увешанный гранатами, лентами с патронами и маузером. Он, сверкая воспаленными от бессонницы глазами, растолковывал солдатам, почему надо бороться за рабочее и крестьянское дело.

— Вертаетесь в деревню? Там встретите кулаков и помещиков. Они вам землю не отдадут. Путь к хлебу лежит через победу рабочих в столицах. Записывайтесь в отряд! Докажите пролетарскую солидарность. Подходи! Называйся.

Солдаты оцепенело молчали.

— Что притихли, вояки? — взволнованно обратился к солдатам Тихон. — Уполномоченный большевиков верно толкует. Другого пути нет. Воткнешь штык в землю, вернешься домой, а там что ждет? Опять кабала?

Кто-то зло возразил:

— Пятый год вшей кормлю. Леший с ней, с революцией, мне позарез жену увидеть желательно. А кто баламутит народ, те анархисты

и хриstopродавцы.

Другой солдат тут же возмутился:

— Чего ж ты врешь: «Пятый год на фронте!» Ты же со мной призывался в прошлую зиму. В теплушке вместе бока мяли.

— Пущай не пятый год, да все равно умаялся. А дом есть дом. Он манит. Силенка в наличии имеется. Осьмушку хлеба всегда заработаю, хоть у того же помещика. Все не в дерьме, не в окопах!

Задвигались, зашумели все разом.

— Записывай, морячок, меня! С поклоном к помещику не пойду! — возвысился над толпой голос Тихона.

И еще несколько человек притиснулись к матросу, называя свои имена.

Ранним ноябрьским утром балтиец, по фамилии Валуев, ставший командиром красногвардейцев, привез отряд в революционную Москву. Большевики уже взяли власть, но город напоминал военный лагерь. Отряд бросили в самое пекло. Дрались за каждый переулок. Тихона выбрали комиссаром отряда. Он метался под пулями, подбадривал солдат и сам стрелял по врагам революции.

На шестой день Тихон получил тяжелое ранение и попал в госпиталь. Врачи готовились подчистую списать молодого красногвардейца с воинской службы, но Столицын категорически возражал:

— Вы же меня заживо хороните, — возмутился он.

— Ты, парень, — говорил доктор, — нас не обвиняй. Когда тебя в палату внесли, смерть твоя рядом шла. Пуля пробила грудь в сантиметре от сердца.

На соседней койке лежал жизнерадостный парень, года на два постарше Тихона. Своей общительностью он многим надоел. А Тихон слушал его часами, иногда сам задавал вопросы. Парень рассказывал о своих товарищах по службе в милиции, о том, как неделю стоял на посту недалеко от кабинета Ленина в Смольном и каждый день видел Ильича.

— Нашу роту, — говорил Николай, — сменили латышские стрелки, а я вернулся в Москву, в отряд по борьбе с бандитизмом. Выздоровливай, — твердил он Тихону, — и приходи в Знаменский переулок, в МУР, там Николая Кривоносова спросишь, вместе зададим бандитам перцу!

— Со шпаной возиться или революцию делать, тоже сравнил, — возражал Тихон.

— Чудак, — кипятился Кривоносов, — они ведь тоже враги. Представь себе, едет обоз с продуктами, доставляют питание красным. А банда подстерегла и оставила пустые подводы. Люди ждут хлеб, а им кукиш. Много навоюешь без продуктов? Воры — та же контра. Уясни себе. Побудь на Сухаревке, Хитровом рынке, увидишь, как эта сволочь губит революцию.

Перед самой выпиской из госпиталя проведать Столицына пришел балтиец, командир отряда Валуев. Он одобрил решение Тихона пойти вместе с Николаем Кривоносовым в уголовный розыск.

В первую же ночь после госпиталя Николай привел Тихона в свою маленькую комнату, предложил кровать, себе постелил на полу, а утром привел в Знаменский переулок и весело подтолкнул его к двери с табличкой «Отдел личного сыска».

В кабинете за широким письменным столом восседал здоровенный матрос, очень напоминавший балтийца — командира красногвардейского отряда, Валуева.

— В чем дело? — поднял матрос на Тихона усталые глаза.

Тут из-за спины друга показался Кривоносов. Матрос даже подскочил на стуле:

— Мать честная! Николай на ногах, жив! — Матрос крепко стиснул его в объятиях.

Власть налюбовавшись выздоровевшим товарищем, узнав все, что нужно, матрос остановился перед Тихоном:

— К нам захотел? Но здесь не сладко. Как в окопах.

— С фронта он, Иваныч, два ранения имеет, — за товарища ответил Николай, — как за себя ручаюсь.

Матрос весело подмигнул:

— Что ж, рекомендация подходящая.

Тихон продолжил.

— Могу доложить. Комиссован, хотел вернуться домой к матери. Да, вот, — Тихон кивнул на Николая, — товарищ Кривоносов сосватал к вам...

Матрос посерьезнел:

— Верно сделал товарищ Кривоносов. Сам Ленин сказал: вести беспощадную борьбу с бандитами, хулиганами, расправляться как с контрой! — Матрос достал чистый лист бумаги. — Пиши заявление.

Задав еще несколько вопросов, начальник сыскного отдела вывел на заявление:

«Зачислить младшим агентом уголовного розыска».

— Возьмешь в подшефные, — сказал он Николаю. — Из твоего друга может получиться толковый сыщик. Молодой, но повидал жизнь. Большевик. А пока — отвечаешь за него головой.

Вскоре Тихон в числе других сотрудников ехал в грузовике гонять спекулянтов и ловить грабителей на Хитровом рынке. Оттуда, попугав контру, разных воришек — мелких и крупных, они с Николаем пешком возвращались домой. Вечерняя Москва жила тревожно. Вдоль кремлевской стены фонарщики в фуфайках, в шапках с опущенными ушами, зажигали газовые фонари.

— Рабоче-крестьянская милиция, — горячо говорил Николай, — это тебе не буржуазная полиция. Не очень-то легко попасть к нам на службу. Берем в основном большевиков, проверенных в борьбе с контрой, рабочих и крестьян.

— Не агитируй, — отмахнулся Тихон. — Не новичок. Целый день прослужил в сыскном отделе.

— Хорошо! Значит вошел в коллектив. Так вот: завтра утром на разводе расскажешь милиционерам о Программе партии. Первое тебе партийное поручение. Я член комитета нашей партийной ячейки.

— Если ночью на задание не поднимут.

Кривоносов хлопнул себя по лбу:

— Мать честная, паек хлеба в отделе оставил. Ладно, кипятку напьемся. Промоем кишки.

Из-за угла вышли трое рослых мужчин. Один в солдатской шинели, двое — в пальто.

— Закурим? — подошел тот, что в шинели, белолицый с усами.

Тихон и Николай нащупали в карманах рукоятки револьверов. Двое в пальто подняли воротники.

— Не курим, — спокойно сказал Тихон. — А такими, как вы, поинтересуемся.

— Ого! Любопытство, как говорят, не порок... — усмехнулся усатый.

— Предъявите документы. Мы из угрозыска, — прервал его Николай.

Усатый выхватил пистолет. Тихон успел ударить налетчика по руке. Оружие полетело на мостовую. Незнакомцы бросились наутек. Николай все-таки успел подставить усатому подножку, а Тихон тотчас же навалился на упавшего бандита. Откуда-то вынырнул патруль, которому милиционеры сдали задержанного.

До самого дома друзья шли молча.

8. Расшифровали?!

Утром в дом Прасковьи Кузьминичны приковылял Белоусов. Рассказал Тихону про ночную схватку у церкви. Добавил:

— Выходит, донесения Кривоносова — липа. Дурачат Николая бандиты. Значит, не пользуйся его связями, ищи новые. Присмотрись повнимательней к тем, кому доверяет Кривоносов.

Белоусов сидел на стуле, вытянув поудобнее раненую ногу. Соединив кончики пальцев рук, придирчиво рассматривал одевающегося Тихона:

— Чувствуется, пригляделся к аристократам, повидал барчуков.

— Всю ночь внушал себе, что я чистокровный буржуй, — усмехнулся Тихон.

— Не зарাপортуйся, — вдруг сменил тон Максим Андреевич. — Люди Бьяковского убьют любого так же просто, как выпьют кружку самогона. Говорил, что умеешь на рояле музицировать? И этим пытайся взять.

Тихон укладывал в чемодан вещи. Белоусов продолжал:

— И еще, не забывай малейшие тонкости этикета. Особенно важно привлечь внимание певицы Зоси. Культурная, образованная, воспитанная девушка, к тому же артистка. Она тонкая натура и любую погрешность заметит. И еще немаловажное дело — языки. Где следует, сверни французское или немецкое словечко. Надеюсь, сможешь.

— В полку был нештатным переводчиком. Немчуру — пленных ко мне доставляли. Штабс-капитану — а уж он-то из дворян — переводил.

— Носовые платки, носки не забыл?

— Положил. Этим занималась Прасковья Кузьминична.

— Добро. Ну что тебе еще сказать на прощанье? Впрочем, довольно инструкций. Ты в университете повращался среди богачей, так что не оступишься.

Тихон вышел из квартиры и бодро зашагал с чемоданом в руке.

Агент № 2 рано утром стоял перед двухэтажным зданием гостиницы купца Слезкина. Под видом вельможного дипломата Германа Карловича Беккера ему предстояло вжиться в среду атамана Бьяковского.

На Обозной, Никитской, Гостинорядской улицах с тротуаров убирали гильзы и груды кирпича. Заступала в караул первая смена постовых. Милиционеров разводил Петухов. Тихон узнал его издали.

Уже рассвело и Столицын мог прочитать вывешенные на зданиях плакаты:

«Все на фронт», «Рабочий и бедняк-крестьянин, защити Советскую власть».

Чувствовалось: хотя в городе победила Советская власть, удар в спину можно было ожидать в каждую минуту.

Тихон пошел мимо Гостиных рядов, любовался зданиями, свернул в узкую улочку, оттуда вышел на широкую площадь. На ней располагались гостиница и ресторан Слезкина: два двухэтажных здания с массивными парадными дверями.

Перед вывеской гостиницы Тихон остановился. Что его ожидает?

К этому времени полностью рассвело. Через неплотно задернутую штору в крайнем слева окне второго этажа пробивалась полоска света. «Может быть, в этом номере живет Николай Кривоносов. Где-то здесь он обитает», — с приятным волнением подумал Столицын...

За спиной Тихона раздался веселый и громкий разговор.

Громче всех надрывался тенором мужчина:

— Зося, не забудьте мою просьбу, душечка. Умоляю. Доставьте удовольствие! Исполните мой любимый романс.

— И я заказывала. Уж подруге не откажешь, — нараспев просила женщина.

— Не знаю, не знаю. Я простудилась, — кокетливо ответил мелодичный голос, — и так очень много пою. Вам ли на меня обижаться?

Тихон обернулся. Шумная компания находилась от него в трех шагах. Он встретился глазами с девушкой в серой меховой шубке. Пышные волосы выбивались из-под пухового платка, щеки на морозе зарумянились. Под руку ее вела девушка пониже ростом, в шляпе. Сзади них Тихон увидел двух молодых людей. Компания, чуть потоптавшись у подъезда, скрылась за дверью ресторана.

Тихон вошел в вестибюль гостиницы. В кресле сладко храпел бородатый детина. На столике стояла недопитая кружка пива.

— Милейший, довольно спать. Нужен отдельный номер, — громко сказал Тихон.

— Что? А? В милиции были? — осведомился швейцар неопределенного возраста, стараясь спросонья сообразить, кого бог послал в такую рань и как с этим посетителем надо разговаривать.

— Что я там забыл? — высокомерно и недовольно произнес Тихон.

— Через комиссариат нынче велено, — покрутил швейцар седой головой. Говорок на «о» выдавал в нем нижегородского мужика.

Где-то хлопнула дверь. В вестибюль вошла полная, в красном сарафане и белой кофте, женщина лет сорока. Она многозначительно подмигнула швейцару.

— Можно и без милиции. Ваши документы? — сказала она Тихону, осматривая его с ног до головы. — Надолго к нам? Дорогой вам номер или подешевле?

Выяснив все подробности, женщина позвала совсем юную горничную.

— Лизавета, проводи молодого человека в пятый люкс-номер. Клиенту там понравится. Приборочку в номере потщательнее делай. Комнату запишу за тобой.

Приезжий поблагодарил по-французски.

По мраморным, очень чистым ступенькам Тихон поднялся вслед за девушкой на второй этаж, по узкому длинному коридору прошел в самый дальний его конец.

9. Откровенный разговор

В дежурной части управления Белоусова ждала сводка преступлений, совершенных за ночь: бандиты грабили, убивали, словно милиции не существовало.

Позвонил по телефону Бугров. Он просил Белоусова прибыть на заседание бюро и доложить о проделанной работе.

— Медленно, очень медленно, Максим Андреевич, наводите в городе порядок, — посетовал секретарь губкома партии.

— Мы все делаем, Савелий Ильич, сотрудники переведены на казарменное положение. Во всех глухих местах выставлены посты. Вчера при налете на лавку Фидмана задержали троих, одного, оказавшего вооруженное сопротивление, расстреляли на месте.

— И все же налетчики себя чувствуют вольготно, уже лезут за историческими произведениями искусств, обнаглели до предела. Принимаем меры по мобилизации коммунистов вам на помощь. Контра распространяет клевету о том, что Советская власть не признает неприкосновенность личности и имущества граждан. Необходимо выступить в ближайшем номере газеты с разоблачением.

— У населения еще много оружия, — холодного и огнестрельного, что осложняет работу. Нужно издать распоряжение о немедленной и обязательной его регистрации.

— Распоряжение такое подготовим. Теперь особо скажу о церквях. Религия, конечно, дурман для народа, однако церкви — это не только религия. В них — творения золотых рук наших предков. Бесценные сокровища! И эту красоту разоряют. Почти все тридцать церквей опустошены, — с горечью говорил Бугров.

— Товарищ секретарь, полагаем единственно правильным решением войти в «логово врага». Также необходимо срочно создать специальные отряды красногвардейцев для охраны собора, музеев, церквей. Там должны быть установлены круглосуточно посты. Милиция пока не располагает нужными силами.

— Да, посты необходимы. Согласен. Во что бы то ни стало найдите гнездо бандитов с награбленной церковной утварью, верните ее по принадлежности. — Тут Бугров сделал паузу:

— Товарищ Белоусов, через месяц губернский съезд Советов. До его открытия наведите порядок в городе. В самое кратчайшее время жду результатов. Уничтожьте банду Бьяковского. Доберитесь до этого осинового гнезда — там наверняка найдется все церковное золото, картины, оружие. Как будете действовать — решайте сами. Паруса вами подняты, теперь управляйте людьми. Это я уже, как бывший моряк...

...В этот вечер на охрану города, по решению губкома партии, вышли двести пятьдесят бойцов. Среди них было много большевиков. Петухов едва успевал разводить красногвардейцев по постам. Никогда еще не доставлялось в управление губмилиции столько нарушителей порядка, схваченных на месте преступления. В газете появилось объявление:

«Всех граждан, пострадавших от нападения бандитов, просим прийти в управление губернской милиции для опознания задержанных грабителей».

Люди пришли. С их помощью удалось опознать и арестовать троих опасных преступников из банды Бьяковского.

Но губком не мог ежедневно оказывать такую помощь. Через два дня бандиты совершили вооруженное нападение на три церкви сразу и убили двух сторожей, оказавших сопротивление. Вновь поднялось недовольство и волнение граждан.

Расстроенный Максим Андреевич спросил своих заместителей:

— Что будем делать? Сидеть, ждать от сотрудника МУРа донесений? Считаю, надо действовать самим.

Рябов оживился:

— Как секретарь нашей партийной ячейки предлагаю провести завтра открытое партийное собрание...

— Верно, — одобрил Белоусов. — И пригласим Бугрова. Маловато у нас еще большевиков.

— Каждый третий.

— Лучше бы каждый второй. Да и кроме того... Увлечлись ловлей банды, людей загоняли, отдыха не знают. Что мы им дадим? По фунту баранок? Надо и на доброе слово не скупиться. Встречаться почаще следует, особенно большевикам.

В маленькой дежурной комнате, среди различных объявлений, появилось еще одно:

«Сегодня, в 6 часов вечера состоится открытое партийное собрание. Повестка: «Истребим к съезду Советов банду хищников».

В назначенный час в кабинет Белоусова сходились сотрудники: большевики и беспартийные. Несли стулья, скамейки. Просторная комната заполнялась людьми в свитерах, военных френчах, пиджаках, гимнастерках, кожаных тужурках.

— Максим Андреевич, погляди на своих орлов, — с удовлетворением сказал Бугров, — бодры, подтянуты, словно не они неделями сидят в засадах, рискуют жизнью, получают ранения, а то и гибнут. Ребята что надо, прямо-таки морская братва.

— Народ боевой, — подтвердил Рябов и добавил по-деловому:

— Форму бы им одинаковую.

— Верно, — одобрил Бугров. — Блюстителю порядка издалека должен быть виден. Подыщите на складах у торгашей сукно. Только, конечно, не цвета старых полицейских мундиров. Пошьем костюмы. Скупиться не станем на стоящее дело...

— Пора начинать. Открывайте партийное собрание, Семен Гаврилович, — попросил Белоусов.

Рябов постукал карандашом о графин с водой, и зал стал затихать.

— Товарищи, из сорока большевиков — присутствующих двадцать два. Шестнадцать человек на постах, двое в госпитале. Какие предложения?

Первым выступал Белоусов. Он волновался, но говорил четко, энергично, в нескольких словах охарактеризовав оперативную обстановку. Больше напирал на недостатки работы.

Комиссары трех участков, на которые разделен город, проделали большую работу, но не справляются с учетом поступающих от населения заявлений. Не используется в должной мере инструкция несения службы. Милиционеры то стреляют без надобности, то забывают в нужных случаях применить оружие. Сотрудник милиции Фомкин за самоуправство отдан под суд. По-прежнему продолжают грабежи, убийства, кражи из продовольственных лавок. Безоружные сторожа ничего не могут поделать с бандитами. Необходим бдительный надзор за всеми продовольственными пунктами, лавками и складами. Сторожей следует вооружить...

Молодые милиционеры слушали внимательно и после выступления Белоусова стали вносить предложения. О борьбе со спекуляцией. О пресечении попыток владельцев магазинов взвинтить цены.

Острый, интересующий всех вопрос, поставил молоденький милиционер Хандорин.

— Меня интересует, — сказал он, по-взрослому сдвинув брови, — вот мы здесь сидим, а друг друга не знаем. Вчера на банду я с Баранцевым ходил, и пока не узнал, каких он кровей, своего же напарника опасался. Мы друг друга в лицо знаем, а вот подноготная каждого от нас скрыта.

Его поддержали:

— Хандорин дело говорит. Пусть начальник доложит, откуда зачислены люди. У кого какое происхождение и все такое. Пусть товарищи не обижаются. Проверить всех нас надо доподлинно и придирчиво.

Поднялся Белоусов:

— Не зря, считаю, интересуетесь. Людям властью доверено оружие, важные государственные и служебные секреты. Что у нас за кадры? Скажу: из рабочих сорок семь сотрудников, остальные из крестьян. Фронтовиков пятьдесят шесть человек. Буржуев нет. Каждого вновь принимаемого стараемся тщательно проверять и без соответствующих характеристик и рекомендаций в штат не зачислять.

Комиссар почувствовал, что вопрос задан неспроста: до милиционеров дошли сведения о бывшем царском офицере Дьяконове. Он ждал, что следующий вопрос последует непосредственно о нем. Но все молчали. Слово взял Бугров. Расстегнув выдавший виды матросский бушлат, он нетерпеливо взмахнул тяжелой рукой, попросил полной тишины.

— Кратко расскажу о положении в стране. Оно катастрофическое. Одно за другим мы получаем горестные известия. — Секретарь губкома осмотрел исхудалые, напряженные лица работников милиции.

Вошел дежурный с запиской для Белоусова. Бугров повторил:

— Катастрофическое! Создались заторы на железной дороге. Заводы и фабрики замерли без сырья. Здесь говорили о спекуляции. Спекулянт, торгаш, мешочник — враг нового строя. Владимир Ильич Ленин сказал, что с этой сволочью надо расправляться так, чтобы на все годы запомнили. Задачи милиции вместе с только-только созданными

органами ВЧК решительно и беспощадно пресечь антигосударственную деятельность всех и всяческих врагов Советской власти. Вы, наверное, знаете, как сейчас обижаются верующие на большевиков? То, что они бьют лбы перед иконами — их беда, а не вина, но сейчас они лишены возможности посещать церкви — и виноватой выходит Советская власть. Потворствуем, вроде бы, мы бандитам. Чем опровергнуть такое обвинение? Ни один налетчик на месте не задержан. Банда Бьяковского безнаказанно лютует. Камеры тюрьмы заполнены, но там за преступления против церкви никто не сидит. Товарищ Белоусов, я не ошибаюсь?

Вечерами в городе хозяйничали люди Бьяковского. Налетчики чувствовали себя вольготно, набрасывались на запоздалых прохожих, грабили, избивали, а то и душили их.

— Нет, напротив, вот только что дежурный доложил о новом бесчинстве. Убит священник Троицкой церкви на Семинарской улице. Похищены иконы в серебряных ризах, два золотых ковша, лампы, тарелки, престольный крест. Словом, унесли все подчистую.

— Ну вот! Того гляди бандиты в комиссариат рабоче-крестьянской милиции залезут. Оружие надежно храните?

— Надежно, но уже были случаи нападения и на управления, — ответил Рябов.

— Нет, товарищи, никто не хочет обвинять вас в нерадении или трусости, — сказал Бугров. — Мы верим вам. Но давайте обсудит по-деловому, что нам мешает лучше работать. Чем нужно помочь милиции?

Говорили о многом — о снабжении боеприпасами и о расстановке постов, о связях с ВЧК и о правилах поведения милиционеров на посту. Кто-то сказал: «Нам вот некогда за хлебом в очередях стоять, а есть-то надо».

Бугров поднял ладони и его могучая, обтянутая тельняшкой грудь напряглась:

— Вы думаете, губком партии не заботится о вас, первых защитниках революционного правопорядка? Но сейчас мы слишком бедны. Однако уже принято решение, и вы будете по списку получать на участках продукты. Норма пока не бог весть что: фунт сахара и килограмм баранок на неделю. К новому году дадим понемножку пшена...

10. Герман Карлович Беккер входит в роль

Сдав необходимые документы, Тихон весь день не покидал гостиницу, бродил по коридору, надеясь наткнуться на Кривоносова. Обедал в буфете на первом этаже, подстригался в парикмахерской, общался с лукавой, повеселевшей горничной Лизой. Она заменила в графине воду, отутюжила костюм, затопила печь для подогрева воздуха в ванной.

— Я вам и свечи заменю, — нежным голоском ворковала девушка, — свежие газеты принесу. А еще чего бы вы желали?

— Ничего, Лиза, зовите меня Герман Карлович. Давно в горничных?

— Почитай, уж год. Уж если что не так делаю, скажите! — ясное, милое личико горничной выражало искреннюю заботу.

— Я вами доволен, Лиза.

— Вы чудной, Герман Карлович. У нас заезжие все больше пристают, руками куда не след лезут, непристойное нашептывают да чертыхаются. А вы такой спокойный, добрый.

Она застенчиво улыбнулась.

Новый постоялец гостиницы Герман Карлович произвел сильное впечатление на горничную Лизу. Все в господине было на высшем уровне: бородка, одежда, изысканные манеры.

Тихон улыбнулся в ответ и коснулся губами чистого лба девушки. Лизу растрогала невинная ласка нового постояльца, она тут же помчалась к своей подруге Шурочке Лаптевой:

— Вот это человек! Одет с иголочки. Бородка — загляденье. Обходительный. Господи, бывают же красавцы! Побегу, полотенце ему сменю. Еще взгляну, душу отведу. Через каждое наше слово по-иностранному лопочет.

— Никак влюбилась, Лизка? — удивилась опытная в таких делах подруга. — Да он же теперь тебя голыми руками сцапает. Как удав кролика.

— Его самого-то хоть в куклы заставляй играть. Скромный.

— Поглядеть бы. Неужто лучше моего Рудольфа Поруки, что в десятом номере?

— Куда твоему косолапому. Мой высокий, ровненький, как юнкер, даже еще лучше.

— Посмотреть бы, — мечтательно протянула Шурочка.

— Увидишь. Успеешь. Он от нас в Австрию, сказывал, уезжает. Ждет заграничного паспорта. Родители за кордоном, а он в университете доучивался.

— Это же надо, все разузнала...

И в то же время в канцелярии гостиницы о новом постояльце вели речь управляющая — худосочная, пучеглазая старуха Соболева и дородная распорядительница Гоголева. Они ругали швейцара Степана за то, что тот суется с разговорами о милиции к приезжим.

— Может, он этой милиции боится пуще медведя в лесу, а у нас и без того половина номеров пустует.

— Не трещите, сороки, — зло огрызнулся усатый швейцар. — Ждите, бабы, и до вас милиция доберется. Посадят в казенный дом. И меня заодно. — Степан приложил палец к виску. — Шурупить надо. Потому и прощупывал залетного. Много их ноне оттедова, от новой власти, проверяют нас тайно... Энтот-то, что в десятом номере, на втором этаже, Рудольф Порука, никакой не торгош, а сам черт не ведает кто. Назвался Порукой. Мы ему верим. А дружки мне толковали: агент он из губмилиции.

Женщины, казалось, были потрясены:

— А ходит, носом водит, что тебе гусь, не замутит воды... — всплеснула пухлыми руками Гоголева.

— Вот и приглядитесь к новому. За атаманом, хлопцы сказывали, дюже охоча нонче милиция! Так-то!

— Рудольф Порука этот вторую ночь где-то пропадает, — шепотом сообщила золотозубая Соболева.

— В деревню Березово увезли его наши хлопцы, уговорили, мол, жожака там увидишь. Глядишь, и придушат чекиста, — Степан протер мутные глаза и скрутил сигарку...

— Ох, Степан, — с тревогой покачала головой управляющая, — втянул ты нас в пакостное дело. Арестуют... ни за понюх табаку.

Степан, не отвечая, выпустил струйку дыма.

— Окаянный ты, из-за тебя теперь ночью не засну. Выгода от твоих награбленных тряпок копеечная! — продолжала управляющая. Она подошла к выключателю и щелкнула им. — Обещали сегодня запустить электростанцию. Все керосином пропахло.

— Тихо, бабы! — насторожился швейцар.

По лестнице спускался Тихон. Швейцар подобострастно согнулся перед новым постояльцем.

— На прогулку изволите? Это-с самое разлюбезное занятие для молодых людей.

— А что, милейший, ресторан далеко?

— Как же-с, совсем рядом, вход за углом. Заведеньице купца Слезкина. Приятного-с аппетита.

Тихон небрежно сунул швейцару рублевку. Тот подобострастно засуетился:

— Мерси. Премного-с благодарен.

— Цену себе знает, — причмокнула Соболева.

— Важная птица, — вторила ей Гоголева.

Степан посмотрел вслед Столицыну и неопределенно хмыкнул.

На площади перед рестораном собралась толпа. Тихон подошел ближе и увидел: люди окружили двух купцов в дорогих шубах. Один из них, постарше, объяснял:

— По городу распространяются слухи, что будто мы завезли в магазины большие запасы муки. И якобы, мы обратились к властям с просьбой расширить свободную торговлю хлебом. Это ложь. Поверьте нам: разгружали в склады алебастр, а не муку. Нет у нас хлеба.

— Паника, господа хорошие, уж не извольте сомневаться, — добавил купец. — Муки кот наплакал.

Стоявший рядом с дорогими шубами милиционер с красной повязкой на рукаве тужурки обратился к народу:

— Вам все понятно, товарищи, об этой муке? Со своей стороны могу сообщить: комиссариат продовольствия делает все, чтобы не было полной голодухи. На днях завезут нужное количество продуктов. Просили так вам передать. А сейчас расходитесь безо всякого шума.

Ощущение голода Тихон помнил с самого детства. Были дни, когда мать делила между детьми краюху чернушки, намазанную тонким слоем смальца. Но в общем-то Тихону повезло. Его, восьмилетнего, мать отдала в Москву, к зажиточной и образованной родственнице, та определила Тихона в гимназию, а затем и в университет, где он первым шел по всем дисциплинам. Но тетка умерла — и кончить университет не удалось, пришлось вернуться в подмосковный городок.

Столицын стряхнул у порога ресторана снег с туфель и уверенным шагом направился по узорчатому половику к гардеробной.

Старичок-гардеробщик, принимая пальто, посмотрел на Тихона явно недоброжелательно.

Столицын подумал: «наш» и остался доволен произведенным впечатлением. Даже старичок-гардеробщик, повидавший на своем посту немало состоятельных людей, принял его, Тихона, за одного из них!

Причесывая волосы перед зеркалом, Тихон поглядывал на объявление:

«Зимний городской театр. Дирекция Е. Ф. Боур. Сегодня и до конца декабря «Набатъ», пьеса в 5 действиях».

По другую сторону зеркала бросался в глаза еще один анонс:

«Художественный кинематографъ», Никитская площадь д. Благовещенского. Телефон 315. Сегодня съ участием Коралины и Полонского «Смерчь любовный». Драма в 4 частях. «Паташон против Шерлока Холмса». Комическая».

Раздвинув тяжелый бордовый занавес, Столицын вошел в пустеющий зал. Перед ним тотчас вырос официант и выжидающе склонил старательно прилизанную голову.

— Прошу удобный столик, — буркнул Тихон. — У меня ждать нет времени.

— Отдельный номер? — понимающе улыбнулся официант. — Прошу пройти за мной...

— Нет, нет. Здесь. — Тихон обвел взглядом большой зал с колоннами: уютно, чисто.

— Пожалуйста, вот у окна, — официант отодвинул стул, махнул над столом салфеткой.

Тихон взял в руки меню, но официант опять склонился к нему и тихо произнес:

— Есть лепешки с творогом, кофе. Из мясного — холодец. Что будете заказывать?

— Откуда же, любезный, запах мяса? — недовольно приподнял брови Тихон.

— Конина, старье, не угрызете. Уже давно не было баранины или свинины. Поджарить?

— Несите все съедобное, я голоден. Но не конину, — Тихон безразлично сморщился.

Столицыну показалось, что в зале он не произвел должного впечатления. К нему не бросились. Официант, устраивая его, хотя и был вышколенно вежлив, но без того подобострастного угодничества, с которым лакеи обычно принимают богатых гостей. Внезапно Тихон показался сам себе жалким в чужом наряде.

— побыстрее, милейший, — сердито сказал он. — У меня нет охоты ждать!

Это подействовало:

— Один момент, — официант побежал на кухню.

А Тихон уже мысленно ругал себя и за неуверенность, и за невесть откуда взявшееся ощущение одиночества и тоски. Похоже, на миг сдали нервы. Он вновь подумал о Кривоносове. В течение дня Николай должен был ему встретиться в гостинице. Однако этого не случилось. Может быть, его вообще здесь нет? Тогда — где он и что с ним?

За спиной послышалось шуршание шелка и мягкий женский голос. Столицын обернулся, по залу шла девушка, которую он видел на улице утром. Встретившись взглядом с Тихоном, она вдруг почему-то поздоровалась.

Официант с усиками сказал девушке:

— Зосенька, проходите в номер.

— Буду ужинать здесь, — капризно повела она плечами. — Вкусненькое только несите.

Большие глаза еще раз на мгновение остановились на Тихоне и скользнули в сторону.

— Вы сегодня будете петь? — поинтересовался второй пожилой официант, подойдя к девушке. — А то музыканты... запаздывают.

— Дайте отдохнуть, оркестр у подруги на свадьбе.

— Почему же вы, Зосенька, не у подруги?

— Представьте, есть причины. Но я здесь и не изводите меня расспросами!

За окном темнел вечер. Официанты начали готовить керосиновые лампы, но тут, к общему ликованию, в хрустальных люстрах вспыхнул электрический свет.

Девушка села так, что Тихон то и дело встречался с ней взглядами. Настроение у него поднималось: она явно была здесь завсегдаем. Официанты ублажали ее. Загадочно улыбаясь, девушка поправляла голубую, стягивающую золотистые волосы ленту, кокетливо стряхивала с колен салфеткой крошки, давая понять, что ощущает устремленные на нее любопытствующие взгляды. «Изящна, грациозна, — перечислял про себя Тихон. И сделал вывод: «Красавица». И Зося размышляла на свой лад: «Откуда взялся этот глазастый Дон Жуан? Что за кудри, борода! Совершенно неожиданная личность в нашем городе».

Три дня подряд Тихон обедал и ужинал в ресторане, умышленно не связывая себя никакими знакомствами. Успел послушать концерт Зоси. Продолжал обмениваться с ней многозначительными взглядами. Анализируя ее положение в здешнем кругу, ее знакомства, он понял, что с ней стоит завести дружбу, она, возможно, располагает нужными сведениями.

11. Первый приемный день

Проводив очередной отряд большевиков на фронт, Максим Андреевич возвратился в управление. У него снова разболелась нога да так, что он едва не стонал. Вспомнились слова жены: «Тому, кто работает по двенадцать часов в сутки, здоровья не сберечь. Непременно позвоню в губком, чтобы обратили на тебя внимание. Калекой можешь стать».

Скорее всего, Аня права. Слечь, действительно, можно в одночасье. Он, хмурый, вошел к себе в часть. Дежурный принял стойку «смирно».

— Что нового? — устало спросил Белоусов.

— Зарегистрированы четыре грабежа и поступило заявление об утрате документов. Товарищ Дьяконов написал докладную записку по всем происшествиям и прилег отдохнуть у себя в кабинете.

— Разбудите его и пригласите ко мне.

Снять напряжение оперативной обстановки никак не удавалось. Чувства тревоги, вины, неудовлетворенности мешали думать и спокойно работать.

— Сегодня у вас, Максим Андреевич, приемный день, — напомнил дежурный. — Сами установили, в газете оповестили. Две гражданочки еще спозаранку приходили. Говорят, читали в «Голосе народа». Вот, мол, и пришли по делу.

Белоусов вздохнул, как бы раскаиваясь в своей преждевременной затее, однако твердо ответил:

— Помню. Непременно буду принимать. Только предварительно спрашивайте, кто по какому вопросу. По срочному — пропускайте без очереди. Особенно, если кто с заявлениями о тяжких преступлениях.

В это время в дежурную комнату вошел мрачный Рябов. Он ввел в комнату пьяного, прилично одетого парня.

— Мастер железнодорожных мастерских, — с возмущением говорил Семен Гаврилович. — Пьянствует. Спекулирует спичками. Что будем с ним делать, товарищ начальник?

Молодой человек, шатаясь, начал спорить:

— Нет, я не пью. Спокойно от-от-дыхаю. Потому как — свобода. Революция. Имею право.

Белоусов ввел его к себе в кабинет. Вошел следом и Рябов, плотно закрыв дверь.

Притворившись пьяным, связной телеграфист Федя Савков сразу отрезвел и стал сообщать новости:

— Кривоносков вернулся из-за города. Лично с ним все благополучно. Жив. Вот его донесение.

Белоусов развернул записку:

«Три дня я плутал по лесу около села Березово. Был и в самом логове. Чудом сбежал из пекла. Теперь точно знаю: официант Леонид сообщник банды. Он заманил меня в ловушку. Вся ложная информация, что ранее шла к вам, исходила от него. Банда имеет связь с милицией. Мне сказали: «Ты агент из Москвы. Приехал помогать местному угрозыску». И все же не торопитесь меня отзывать. Завтра новогодний бал-маскарад. Приду в маске. Тихону будет очень нужна моя помощь».

— Боюсь за Николая, — Максим Андреевич выпил воды. — Он может расшифровать напарника. И для него самого риск большой.

— Надо думать, они знают свое дело и все предусмотрят, — ответил Рябов, когда связной с поручением для Николая и Тихона ушел через запасную дверь.

— Ладно... Поживем — увидим. Кто же предатель среди сотрудников, где искать врага в комиссариате? — спросил Белоусов. — Кроме нас, знал о Кривоносове Дьяконов, — начальник управления многозначительно посмотрел на заместителя и плотно сжал губы.

— Последние дни он какой-то неуравновешенный, непохожий на себя. То молчит, то говорлив без меры... Нервничает, срывается в разговоре с милиционерами.

— Ну, вот тебе и задание: посерьезней присмотришь к Дьяконову. Понаблюдай за каждым его шагом. Он всегда вызывал во мне двойственные чувства. Я никогда не понимал его до конца.

Едва Рябов вышел, как в кабинет к начальнику зашел Дьяконов, легкий, как говорят, на помине. Щелкнул каблуками сапог и стал докладывать оперативную сводку. Белоусов как-то рассеянно слушал его. Мысли были заняты другим. Максим Андреевич смотрел на длинные, холеные пальцы своего помощника, листавшие бумаги, и

вспоминал операции по захвату бандитов в продовольственных магазинах, у церкви. Там впереди всегда был начальник оперативной части. И опять сомнение охватило Белоусова: «Может ли такой быть предателем? А что? Вполне. Он просто завоевывал доверие, притупляя нашу бдительность».

Подошли часы приема граждан, и Белоусов, как только ушел Дьяконов, направился к двери, через которую слышалась перебранка нетерпеливых посетителей — каждый из них доказывал свое право идти на прием первым.

Начальник управления распахнул дверь.

— Входите! Не спорьте, всех приму.

Дежурный кивнул сторбленному старику:

— Идите, вы просились первым.

— Да, да, иду. Разрешите на аудиенцию? — галантно поклонился тот и высморкался в огромный платок.

— Прошу, — войдя за посетителем в кабинет, Белоусов указал на стул. — Присаживайтесь. Слушаю вас.

Старичок причмокнул влажными губами.

— Пальтишко из драпа, представьте, похитили. Нельзя ли, господин начальник найти? Стоит не меньше пятисот.

— Будем искать. Где ваше письменное заявление?

Маленькое, сморщенное, как печеное яблоко, лицо старика напряглось.

— Обязательно напишу-с... Еще два костюмчика похитили, пару сапог. Полушубок. Соседи подсказали: двое выходили из квартиры в мое отсутствие.

Белоусов, уточнив еще несколько деталей, адрес заявителя, все аккуратно записал и заверил посетителя:

— Придет к вам сотрудник.

— Если какие сведения желаете, — вкрадчиво предложил посетитель, — соседи засвидетельствуют.

— Сами кто будете? — Белоусов макнул перо в чернила.

— Я-то? Пенсионер. Работал в канцелярии присутственных мест. Пользовался доверием. Напрасно не стал бы вас беспокоить. Вещичек-то ой как прискорбно жаль.

— Будем искать. Примем меры, — уверил его Белоусов.

Провожая взглядом уходящего посетителя, начальник губмилиции подумал: а тем ли он занимается? Может, такие мелочи лучше передать

кому-либо из подчиненных? Но мелочи ли это для посетителя? И не из таких ли мелочей складывается у людей оценка новой власти — насколько она, эта власть, в силах охранить своих граждан от всяческих бед и напастей?

Милиция только начинала свою деятельность, а уже ее начальник вел прием граждан по личным вопросам. Заявлений о происшествиях поступало много.

Через минуту в кабинете Белоусова кричала растрепанная, взволнованная женщина:

— Ротонда на лисьем меху! Бархатная! За тысячу не купишь. Сняли ночью с дочери. По голове ее били. Стучит в дверь. Выхожу: батюшки, девочка вся в крови. Слушайте, найдите разбойников!

— Вызовем вашу дочь, выясним обстоятельства нападения. Успокойтесь, сделаем все, что в наших силах. Нужно составить протокол...

— Не о протоколах речь! — горячилась женщина. — Взялись — защищайте. Я, знаете, самому главному напишу, если что. Ночь не спала. Такое безобразие. Вы гарантируете, что разыщите и в дальнейшем обеспечите безопасность нашей жизни?

Белоусов ответил утвердительно. Пообещал, что сотрудники немедленно приступят к розыску грабителей.

— Спасибо, — женщина пригладила меховой воротник пальто. — Ухожу. Вот еще что. — Она перешла на доверительный шепот. — Мужчина сейчас войдет, будет на меня жаловаться. Хотел раньше прорваться. Не терплю таких нахалов. Позже меня пришел, а лезет. В общем, вам абсолютно верю.

Посетители шли до обеда. Последним не вошел, а вкатился круглый, как колобок, мужчина, сел на предложенный стул, стал мять в руках шапку. И никак не мог отдышаться. Часто моргал, лицо выражало испуг и растерянность.

Он хотел что-то сказать, но только всхлипывал. Наконец посетитель дрожащим голосом вымолвил:

— Сугубо лично. Я никуда не пойду и нигде этого больше говорить не буду. — Он приложил к лицу платок, утирая нос, лоб.

— Что случилось? В чем дело?

— О, как бандиты мстят! Меня предупредили. Нож в спину! — встревоженный мужчина заговорил еще тише: — Ужас. Среди бела дня ворвались четверо в квартиру. Издевались над женой. Связали меня. Все в шинелях. С погонями. Убили мою мать — она ударила бандита по лицу. Они ее стали душить, а когда бедняжка упала, стихла, ей все равно стискивали горло. Ах, мерзавцы! Убивают людей без жалости! У нас семья — шесть человек, гости сидели. И тут... Особенно один, в форме прапорщика, с георгиевским крестом на шинели. Мне показалось, я его узнал. По голосу. Он изменил внешний вид. Взяли

десятка два золотых вещей: кольца, серьги, браслеты, цепочки, портмоне, часы. Столовое серебро.

— Вы их опознаете? Раньше встречались?

— Один был учеником гимназии, по голосу узнал. Я учитель. Его исключили. Осоков Леонид. Он работает официантом в ресторане Слезкина. Пытается ухаживать за моей племянницей, горничной в гостинице, Лизой. Она нам все рассказывает. А мы против этого анархиста. Он знает и нас ненавидит.

— Идите домой. Считайте, я принял ваше заявление, — сказал Белоусов. — Про Осокова пока никому ни слова. Это особое дело! Мы им займемся.

— Ну-ну, — тряхнул головой все еще скованный страхом посетитель. — Фамилия моя Барыбин Василий Константинович. Улица Садовая. У железной дороги третий дом.

Он поднялся со стула, придерживаясь дрожащими руками за стену и неуверенно вышел. Белоусов пригласил Рябова.

— Снова выходим на Леонида, официанта. Убийца и грабитель.

— Арестуем немедля? — спросил Рябов.

Максим Андреевич пожал плечами:

— Сейчас не время. Сделаем чуть позже. А пока установим за ним наблюдение. В общем, так. В новогоднюю ночь ты оцепишь ресторан. Возьмешь с собой человек сорок. С другим отрядом войду я... внутрь.

Уходя, Белоусов подумал:

«Что же, пожалуй, оформление заявлений о всяких грабежах и правда можно поручить кому-либо из подчиненных, а самому начальнику осуществлять, так сказать, общее руководство. Но, с другой стороны, разве сегодняшней прием не дал мне более точное представление о положении дел в городе?..»

12. Встреча друзей

Связной предупредил Николая Кривоносова, что Столицын вернулся с прогулки и вошел к себе в номер. Большие настенные часы показывали около шести вечера. Гостиница в этот час пустовала, к тому же больше половины комнат не были заняты. Нельзя сказать, чтобы Николай не чувствовал опасности. Он был осторожен. В то же время знал: сейчас обстановка сложилась благоприятно. Если бы за ним следили, он бы это понял. По его просьбе горничная Шура пригласила подругу Лизу к себе в хозяйственное помещение. И Николай беспрепятственно пройдя по длинному коридору, вошел в номер к Тихону. Они обнялись. И хотя времени было немного, молодые люди с минуту, молча, улыбаясь, разглядывали друг друга.

Наконец Николай начал:

— Приказано передать тебе все, что я собрал за девять дней. Я расшифрован. Это без сомнения. Если тебя увидят со мной, считай — и у тебя все пропало. Садись и слушай. Пока от тебя требуется только это. Мог бы не встречаться с тобой в гостинице, да не терпелось своего увидеть.

Тихон неодобрительно покрутил головой и попытался предостеречь друга:

— Тебе сейчас же следует вернуться в номер, а затем вовсе покинуть гостиницу. Так передал Белоусов.

Минуту помолчав, Николай горячо начал:

— Приказ изменен, дружище. Не хочу быть в стороне. Тем более сейчас. Бандиты вряд ли подозревают, что я в городе. Считают меня на том свете. Затянули в ловушку и на радостях перепились. В хате возник пожар. У меня на глазах многие сгорели. Если кто жив, наверняка считают, что я сгорел. Спасло чудо. Пожар-то сделал я! Ногой ведро с керосином опрокинул, а на полу пьяный сигарку смолил, ну и вспыхнуло.

— Зачем тебя туда понесло? — не сдержался Тихон.

Николай огрызнулся:

— Поживешь — узнаешь. Рад был любой информации. На мели сидел. Хорошо, что ты приехал. Вдвоем легче работать.

Друзья по угрозыску Николай Кривонос и Тихон Столицын одновременно жили в гостинице Слезкина, но из-за осторожности только сейчас радостно встретились и обнялись.

— Ближе к делу, — торопил Столицын.

Но Кривонос не слушал его:

— Хорошо, что именно ты. Как там наши ребята? Настюша, Витька, Юрка Круглов, Маша? Одичал я. В поисках друзей встретил горничную. Конечно, проверил ее. И сделал своей помощницей. Шура — золото. Не будь ее — с ума сойти можно. Она догадывается, что я не Порука. Я чуток приоткрылся. У меня не было другого выхода. Доверился ей. Она сказала, что подслушала разговор швейцара про меня: «Он из Москвы приехал, Советам и комиссарам помогать. К нам приставлен. Розыск атамана ведет».

— Это все твоя неосторожность, мог бы и не спешить с этой Шурой, — укоризненно буркнул Тихон, потом согласился, — хотя, конечно, без связей мы нули.

— Вот именно, — подтвердил Кривонос и продолжал свой рассказ: — Поздно узнал о Леониде. Вот с этим, действительно, проморгал. Обрадовался, что своего человека в ресторане нашел. Ключнул на его крестьянское происхождение. «Десять детей у матери. Отец за революцию погиб». И так искренне, правдоподобно у него получалось, что я уши развесил.

— А между тем, он — опаснейший бандит, — подтвердил Тихон. — А ты к нему в объятия.

— Подожди критиковать. Покрутишься здесь сам, увидишь кузькину мать. Я подольше тебя в угрозыске. Попробуй с ходу пойми: кто здесь свой, а кто чужой. На лбу не написано. Швейцар — каналья. Его остерегайся.

— Это я понял. Продолжай, что еще выяснил?

Кривонос нахмурился:

— Мне кажется, половина в сгоревшем притоне — заблудившиеся пацаны. Их удалось Бьяковскому околпачить. Вот они ему и служат.

— Это все ясно. Когда банду выловим — разберемся, кто в чем виноват. Говори о деле.

— Многие увлеклись романтикой ночных приключений, — упорно продолжал Николай и застонал. Уперся рукой в бок. — Кожа до мяса содрана, надо сменить повязку, — пояснил он.

— Горемыка!.. Ты знаешь о нападении на родственников Лизы?

— Слышал. Опять, говорят, Ленька Осоков.

— Да. А ты ему доверился!

Николай положил себе на колени мускулистые руки:

— Согласен. Поторопился я с ним. Но подойдем к главному. В оркестре восемь мужчин. Двоих я видел в лесу. Если не сгорели, в новогоднюю ночь придут. Один из них конферансье. Приметы — экзема на лице. Бандит отъявленный. Официантов вообще всех подчистую надо брать.

— Есть такая Зося, певица, что о ней знаешь? — заинтересованно спросил Столицын.

Николай оживился:

— Певичка эта очень заносчивая. Неразлучна с ароматом французских духов. Слезкин сватал за нее племянша. Не согласилась. Никогда никому не разрешает себя провожать. Живет на отшибе, в одиночестве. Путь к ней заказан. Ломаю голову, почему? К Бьяковскому отношения, наверное, не имеет. Но многое знает. Ею тебе с руки заняться.

— Почему?

— Начни с нее, добьешься многого. Солидные сведения имеет. С этого угла и мне надо было плясать, но поздно сообразил. Есть еще один нужный нам человек. Помощница Леонида Настя. Бандит пристаёт к ней. Сам видел. Она отбивается, но заступиться за нее некому. Кое-что и она может тебе рассказать. Недовольна Слезкиным.

— Так, а что за публика в гостинице?

— У меня швейцар, как я уже сказал, вызывает подозрение. По моему, он из банды. Распорядительница и управляющая — скупщицы краденого. О них я уже дал информацию Белоусову. Со швейцаром у дамочек общие дела.

— Однако ты проделал большую работу.

— Ха! А со слов Белоусова — неудачник. Ему подай адреса всех бандитов. Один адрес на свой страх и риск узнал, эту самую лесную берлогу, да и ту по ветру пеплом развеял. Ты думаешь, мол, из мальчишества Николай, очертя голову, принял предложение пройтись в лес? Плохо меня знаешь. Не мог больше ждать. Мне тоже сроки давались. Хлеб зря есть не желаю. Нам не с руки здесь засиживаться. Надеюсь, понимаешь.

— Разумеется... Ты очень многое сделал, — повторил Тихон, — а то, что в губмилиции предатель, мы не виноваты. Если Белоусов хочет иметь результаты, пусть поработает со своими кадрами.

— Точно. Итак, до завтра, — Николай встал.

Пробраться тайком в свой номер ему, однако, не удалось. У самой двери номера господина Беккера его остановила Лиза. В руке у нее был утюг. Лицо вытянулось от удивления:

— Вы зачем сюда заходили? — ей показалось, что жилец чужого номера пробрался в комнату Германа Карловича со злым умыслом, и она чуть не закричала.

Но Тихон успел распахнуть дверь и втащил девушку к себе. Это еще больше удивило Лизу.

— Тише, никому ни слова! Так надо, — приложил палец к губам Столицын. — Со временем все поймешь.

Это было так неожиданно, что Лиза растерялась. Ошеломленная, она вырвалась из рук постояльца и опрометью бросилась к Шурочке:

— Знаешь, у твоего Поруха какие-то дела с моим Германом! Боюсь, они оба не те, за кого себя выдают. О, господи, еще новость! Я так расстроена. Может, сказать управляющей?

— Ты с ума сошла! Эти люди для нас с тобой стараются. Ищут преступников, в том числе и тех, что твою бабушку задушили. Они честные, наши, красные. Держи язык за зубами! Мой тебе совет!

Лиза уважала, любила Шуру, поэтому сразу поверила ей. Лишь еще долго качала головой. Наконец, решилась:

— Пойду, извинюсь перед Германом Карловичем.

— Правильно, иди, волнуется, небось, боится, не к управляющей ли ты помчалась.

Лиза постучала в дверь к Тихону:

— Извините меня... — девушка покраснела, вытерла платком глаза. — Не думайте обо мне плохо. Я кое-что сообразила, хоть и поздно. Да и подруга подсказала. Ваша власть... большевистская. Верно ведь?.. Это же тоже и наша власть! Я понимаю, простите...

— Я был уверен в том, что ты умница! А если дам маленькое задание, выполнишь?

— Конечно! Не сомневайтесь. Будет шито-крыто. Никто ничего не узнает...

— Присмотритесь к швейцару.

— Дяде Степе?

— К нему. Понаблюдай, с кем встречается. Куда и когда уходит. И мне скажи.

— Сегодня к нему приходил официант Ленька. Спрашивал, приехал ли вот этот молодой человек, что к вам заходил. Поруха его

фамилия.

— А швейцар что?

— Сказал, что не видел. Еще ко мне опять Осоков приставал.

Сватался. Да я его видеть не могу.

— Будь с ним осторожна. Избегай его — это подлец.

— Я так и делаю. Я вам буду рада помочь.

— Запомни, чтобы до конца победила народная власть, все простые и честные люди должны подняться против врагов революции. А бандиты — враги. Еще какие! Сама видишь, сколько от них горя.

13. Зося

Ужинать Столицын пришел поздно. В холле ресторана Зося беседовала с краснолицым молодым здоровяком. Мужчина был одет в форменную тужурку с блестящими пуговицами. Певица стояла в расстегнутом светло-сером пальто и ее золотистые волосы, обычно стянутые лентой, на этот раз свободно падали на плечи. Мужчина преподнес ей коробку монпансье. Девушка открыла крышку и взяла конфету.

— Вы, Илья, волшебник. Какой аромат! На бал-маскарад придете?

— И да, и нет, — мужчина явно кокетничал.

Тихон прикинул: не этот ли хлыщ — племянник хозяина ресторана? Заметил, что Зося взглянула на него с прежним интересом. Ее взгляд словно говорил: «Пора найти повод познакомиться». Вот она наигранно любезно распрощалась со своим собеседником и вошла в зал вслед за Столицыным.

Тихон сел за свой обычный столик у окна. Свет в зале горел вполне. Официанты опустили шторы. В зал ввалилась шумная компания. Пьяный офицер обнимал сразу двух барышень, целовал их по очереди и искал место, куда бы их посадить.

На подмостках рассаживались семь музыкантов, среди них — две девушки. Восьмого, как отметил про себя Столицын, не было.

Вскоре на эстраду вышла Зося в вечернем темном бархатном платье. Конферансье объявил романс «Безумно вас люблю».

Началось представление. Зося пела удивительно. Тихон с удовольствием слушал ее, в то же время думал, кого же из пятерых мужчин-оркестрантов Николай видел в лесу? Вертлявого барабанщика, одетого в широченные синие брюки, потоптанные ботинки с черными гетрами? Он похож не на злодея, а на козла. Сходство увеличивала пепельная борода. Такой не пойдет на разбой. Он, видимо, отец большого семейства. Бьет себе в широкий, обтянутый кожей, цилиндр, зарабатывает на хлеб детишкам.

Барабанщик, словно почувствовал на себе чужой взгляд, сбился с такта, часто и дробно застучал, за что и получил толчок кларнетиста, развязного малого, лет двадцати, в кумачовой сатиновой рубашке, упитанного, с дерзким взглядом. Его свеженачищенные сапоги словно

горели от блеска. Такой мог быть с бандитами, — решил Тихон. Ну, а второй — конферансье, о нем говорил Николай. После исполнения каждого номера он показывался из-за портьеры. Острые глаза ощупывали посетителей. Он занимал публику, между номерами, плоскими шутками. Этот крючконосый похож на разбойника. Николай про него говорил: «Он держит всю публику в поле зрения. Мог сгореть в лесу». Выходит, уцелел. Однако брови опалены, значит огонька и ему досталось.

Снова вышла Зося. Сегодня она пела с подъемом, да и выглядела обворожительно. Тихону она нравилась все больше и больше.

Украшением ресторана была молоденькая певица Зося Разумовская. Окончив гимназию, она осталась без родителей и средств к существованию, а заработок у купца Слезкина приходился ей кстати.

Народу набралось много: горожане пришли посмотреть наряженную елку, пообщаться со знакомыми, послушать певицу.

Вышел из кухни в зал старший официант Леонид Осоков, стал помогать другим. Выглядел он озабоченным, обремененным служебными делами человеком. Длинный черный фрак сидел на нем безукоризненно. Леонид взял у девочки-подростка Насти (о ней Тихону рассказывал Николай) медный поднос и передал на кухню. Цепким, пристальным взглядом несколько раз окинул зал. Через два столика от Тихона сидела сухощавая управляющая и пышущая полнотой распорядительница гостиницы. Леонид подошел к ним. Нагнувшись над столом, принял заказ и тут же вырос перед Столицыным с блокнотиком в руке и карандашиком на серебряной цепочке. Весь — внимание.

— Заказывать будете? — подчеркнуто бесстрастно и сухо спросил он.

— Холодец, картошка. Только получше поджарьте, и чай.

— Холодец, простите, не поджариваем...

— Вы, любезный, не в духе? — остро глянул на него Тихон.

Официант смутился, забормотал:

— Прошу покорнейше прощения... Картофель поджарим, не беспокойтесь. Сырым не подаем. Иначе бы нам давно дали отставку.

Официант поклонился. Тихон подумал: «Чем обусловлена такая, мягко говоря, развязность? Хам-то он, конечно, хам, да и подонок, но все же лакей, которому полагалось бы лебезить перед солидным клиентом, а не делать замечания...»

Слезкин-старший тяжело передвигался за буфетной стойкой. Молодые люди сидели на высоких скамеечках с круглыми сиденьями у самой стойки и пили из узких бокалов пиво.

Сойдя с эстрады, сели за столик и оркестранты — поужинать. Зося прошла к буфету. Что-то шепнула Слезкину, указывая глазами на Тихона. Хозяин тотчас приплелся к Тихону.

— Глубочайшее наше вам извинение. Просим в отдельный номер, — вполголоса, чрезвычайно любезно промолвил Слезкин, утирая платком лоб и слезящиеся глаза.

— У меня уже здесь взяли заказ.

Тихон соображал, почему вдруг такое почтение.

— Туда и принесут, — настаивал уважительно Слезкин-старший. «Зосина работа, — догадался Столицын. — Приглашением надо

воспользоваться», — и последовал за хозяином.

Тот отогнул угол портьеры.

— Проходите, господин хороший. Не обижайте. Вам подадут сюда. Салатик из крабов найдем. О! А то — все в общем зале. Огорчаете! Всегда найдем вам получше место, закуску, — Слезкин удалился. Через несколько минут вернулся. Приложил руку к груди: — Просим прощения, но... наша прелестная Зося не стеснит вас? Не помешает?

— Очень рад, — Тихон встал навстречу вошедшей.

— Увы, другого места не нашлось, все занято... — объяснила свое вторжение Зося. — Не беспокойтесь, я выпью кофе и уйду.

— На ночь — кофе?

— Спать еще не скоро, — скороговоркой ответила Зося.

— Вы чудесно поете, — Тихон подвинул стул девушке.

— О, комплименты... Однако вот вам уже несут. Мне еще идти в полк к солдатам.

— В полк? — переспросил Тихон. — В армейский?

— Уж не знаю, в какой, но к красным. На Садовой улице их клуб. Волнуюсь. Вы же знаете, что в городе победили большевики. Уже был парад революционных отрядов.

— И слышал, и видел, как же... А что, пешком пойдете в казармы?

— Желаете проводить? — Зося засмеялась, показывая ровные белые зубы.

Тихон выразил полную и совершенную готовность быть провожатым такой обворожительной девушки.

— Спасибо, спасибо, но не обременяйте себя. За мной приедут, — Зося глотнула кофе, откусила кусочек пирога.

Тихон вдруг вспомнил:

— Какие-то сани давно стоят у подъезда. Красивые серые кони. Не за вами ли?

— Тогда тороплюсь. Конечно, за мной. Поговорим как-нибудь в другой раз. Надолго к нам?

— Не очень, — уклончиво ответил Тихон.

— Не попадитесь нашим красавицам в сети. Прекрасных дам у нас много. Женаты?

— Холост, — Тихон встал, представляясь Зосе:

— Герман. Беккер. По отчеству Карлович. Здесь меня некому рекомендовать, так что приходится самому...

— Как это ни странно, но я о вас уже слышала. — Певица вскинула тонкие брови. — А меня зовут Зосей. Этими сведениями вы, надеюсь, тоже располагаете. Приходите завтра на бал. Как летит время! Уже тысяча девятьсот восемнадцатый. Ну, побежала.

— Мне будет скучно без вас, — вздохнул Беккер.

— Скучайте, на здоровье, — лукаво улыбнулась Зося и исчезла. Остался лишь тонкий запах ее духов.

Тихон думал: «Интересно, имеет ли она какое-то отношение к Бьяковскому?» Нельзя было и в мыслях связать изящную, милую Зося с грабежами, убийствами.

В номер зашел старший официант. Леонид сменил тон:

— Прекрасная певица. Украшение ресторана. Разве пошла бы к нам публика, не будь такой изюминки?

— Разделяю ваше мнение. Очаровательная и прекрасная певица. Замужем?

— Что вы, ей только восемнадцать. Бережем. Да и сама умеет отбиваться от поклонников.

— Не встретила еще своего рыцаря? А? — Тихон внимательно посмотрел на официанта.

— Пожалуй... — уклончиво ответил Леонид.

Тихон заметил, что боковой карман официанта оттопыривался. Видно, оружие. Черные глаза бандита бегали по сторонам.

«Знает ли он о возвращении Николая из леса?»

— Давайте рассчитаемся за ужин.

— Оставим до завтра, ведь вы к нам придете. Кстати, приглашаем на праздник, — ответил с готовностью официант.

— Лучше уплачу сегодня, и за ужин, и за новогодний столик. Люблю быть уверенным, что никому не должен. — Тихон бросил на стол деньги и направился к выходу.

В дверях Столицын чуть не столкнулся с конферансье, успевшим сменить гражданский костюм на офицерский френч. Выйдя из кабинета, Тихон на миг задержался у портьера и услышал обрывки фразы:

— Венгель нас еще не подводил. Однако... пресса молчит... последи... за этим... — следующие слова Тихон не расслышал.

Леонид тут же выскочил и пошел рядом, сопровождая Тихона к гардеробу. Разглядывая на Столицыне белоснежную, отлично

накрахмаленную сорочку, позолоченные запонки, жадно остановил взгляд на золотом перстне с рубином. Не сумев сдержаться, заметил:

— Дорогая вещица. Рубинчик, прямо-таки капля крови. Симпатичный предмет. Женщины такое обожают...

Тихон небрежно ответил:

— Э, нынче в почете духовные ценности. Кудрявые головки, забитые идеями. Мой приятель долго не видел невесту. Приехал, чтобы увезти ее в заграничные места, а она — ре-во-лю-цио-нер-ка. Представляете?

Лакею, видно, льстило, что такой видный барин оказывает ему внимание.

— Этот курьез с вами случился? Угадал?

— Со мной, говорите, это произошло? Со всеми, кто в отлучке от невест. Они выходят замуж за всяких прохвостов, которые погорластее. Кстати, как вас зовут?

— Леонид Васильевич, сын собственных родителей. Поразительно верно говорите. Как точно заметили.

Тихон похлопал хитрого официанта по плечу: «Вот так-то Леонид Васильевич!» — а в сознании тревожно завязли слова конферансье. «Венгель еще нас не подводил. Однако пресса молчит...» Что этим хотел сказать бандит своему сообщнику? Кто такой Венгель? Кличка? Фамилия?

14. Беккера проверяют

Бесшумно падал снег. Точно пух, он летел мимо городских фонарей. У подъездов домов лежали срубленные елки, они пахли лесом. Тихон вошел в вестибюль гостиницы.

Швейцар спал в кресле. Над его головой чучело ястреба свесило костяной клюв. Тихону захотелось, чтобы птица вонзила его в жирный затылок этого матерого бандита. Услышав шаги, швейцар открыл один, затем второй глаз. Потом опять их смежил. Изменил позу и беззаботно захрапел.

Тихон ступил на мраморную лестницу и зло подумал: «Деревенских и городских мужиков гонят на фронт, а этот прихвостень дрыхнет преспокойно. А руки, небось, по локти в крови».

В холле гостиницы Тихону постоянно приходилось встречаться с сомнительным швейцаром дядей Степой, который тайно наблюдал за всеми приезжими и давал нужные сигналы атаману.

В номере Тихон надел шелковый халат, феску с кисточкой. И тотчас в дверь постучали.

— Антре! — крикнул Тихон.

В дверь просунулась голова бородатого, крупноголового мужчины из соседнего номера. На его широкие плечи был накинут крестьянский полушубок.

Вчера Лиза рассказывала об этом неприятном соседе:

— Рядом с вами поселился тип. Все о вас расспрашивал. Хотел узнать ваше имя. Я ему не сказала, так он у распорядительницы вынюхал.

Теперь он и сам пожаловал к Столицыну.

— Проходите, — гостеприимно сделал жест рукой Тихон. Настороженно отвел в кармане предохранитель пистолета.

Посетитель тотчас радостно воскликнул:

— Извиняюсь, бонжур. По щелчку понял, браунинг. Угадал? Имею отличный слух. Платонов я, сосед ваш.

Посетитель гримасничал, изображая улыбку.

— Бандитов много. Это точно. С ними ухо следует держать востро. Оружие очень нужный предмет по нынешним смутным дням. Я и сам, грешным делом, держу его наготове. Однако к вам пришел без оружия. Не извольте сомневаться.

Тихон сухо спросил:

— Чем могу служить?

— Дело пустяковое. Утром по морозу решил прокатиться в деревню. Посмотреть жизнь нонешнего крестьянина. Интересуюсь социальными процессами. Книжечки мои по этим аспектам не залеживаются на прилавках. Возможно, читали? Фредштейн — не встречали фамилию? Мой псевдоним.

— К сожалению, — натянуто ответил Тихон.

— Разумеется, я к вам не за тем, чтобы себя рекламировать. Неприятность у меня. Еду по деревне, отвожу душу прелестным зрелищем деревенского уклада жизни. И что вы думаете, полозья закрипели и застряли. Наскочили на глыбы земли. Дорога разворочена по осени телегами. Бросился вытаскивать сани и, верите, крепко подвернулась нога. До сих пор не могу на нее стать. Нет ли какого средства? Боль адская. Впору караул кричать.

Тихон пожал плечами:

— Надо к лекарю. Согрейте воды, попарьте.

— Господи, ну конечно же! Как это я сам не подумал? Ну, спасибо, что напомнили, тепло — первейшее средство для таких травм. Благодарствую тысячу раз! Испаряюсь. Больше не посягаю на ваше дражайшее время. — Сосед удалился.

Тихон не поверил ни одному его слову. «Проверка. Этого следовало ожидать. В мое отсутствие наверняка ворошат вещички». С отвращением вспомнил швейцара. Подумал: «Не расшифрован ли я?» Не может ли хозяйка особой квартиры управления губмилиции посылать банде сведения? Как раньше этого не пришло в голову? Ему показалось, что он уже в окружении, состоявшем из бандитов ресторана Слезкина, гостиничного швейцара, соседа Платонова. Но тут же разозлился на себя. С таким настроением нетрудно завалить операцию! Не может быть, чтобы вывелись честные люди! Этак совсем можно запаниковать. Пусть у бандитов много сообщников, но еще больше друзей у Советской власти. Ложись и выспишься, Тихон Столицын. Прошел нелегкий день. Завтра будет еще труднее.

15. Ночной визит

В этот вечер жена Белоусова томилась тяжелым предчувствием. Сердце ее никогда до сих пор так не теснило, хотя, казалось бы, пора было привыкнуть к опасностям, связанным с работой мужа. Но беспокойство не заглушалось привычкой. Анна взялась за вязание, но работа продвигалась слишком медленно и успокоения не принесла. Она отложила вязание, стала гладить пушистого кота, от его ровного мурлыкания, казалось, немного улеглось душевное волнение, но едва она с радостью осознала это, как сердце вновь учащенно забилося.

Утром Анна попросила Максима принести побольше дров. За день сожгла их две охапки. «Не будем мы мерзнуть с малюткой». Первенец для двадцатипятилетней женщины много значит. Анна хотела и ждала ребенка. Походив по комнатам, легла на спину, прислушалась к себе. Будущий наследник иногда давал о себе знать, это наполняло Аню нежным чувством.

Она давно не пыталась угадать, когда Максим вернется со службы. Чаще всего он являлся за полночь, когда она уже спала. Ужин, прикрытой салфеткой, ждал его на столе. Тяжелая работа досталась мужу, хотя он и называет ее легкой. Максим Андреевич возвращался почти всегда измазанный известкой, глиной, а то и кровью, едва держась на ногах от усталости.

Анна продолжала лежать, закрыв глаза, вслушиваясь в шумы на улице. Через окно доносились неясные крики, выстрелы, потом снова наступала тишина. К выстрелам в городе все привыкли.

Аня встала, потушила свет, прильнула к окну и вдруг увидела, как едва различимые фигуры людей скользнули вдоль стены противоположного здания.

В ту же минуту в дверь негромко, но настойчиво постучали.

Анна вздрогнула. Максим? Не может быть, у него свой ключ. Анна прижалась к косяку.

— Кто? — вполголоса, затаив дыхание, спросила она.

— Это я, Илья, открой. Твой комиссар ушел, видел. Отвори, — сдавленным шепотом произнес мужчина.

Анна, услышав голос бывшего мужа, задрожала, схватилась руками за виски. Но тут же овладела собой. Как можно хладнокровнее

и тверже крикнула:

— Уходи! Иначе сейчас же позвоню в губмилицию. Слышишь? Ненавижу тебя, изверг окаянный. Пропади ты пропадом!

— Ну, заладила... Открой. Не будь душой. Твоего мильтона вот-вот укокошат. Останешься на бобах. Кому ты будешь нужна, кроме меня? Ты что же, глупая, мнишь, что совдепы навсегда?

— Уходи!

— Одумайся, все для тебя сделаю. Попомнишь мое слово, большевикам вот-вот каюк. И власть снова станет наша.

— Убирайся прочь! — вне себя закричала Анна.

Илья засмеялся, потом потребовал:

— Уймись. Не доводи меня до греха. Последний раз прошу — открой, уведу в надежное место. Переждем недельку, ревкомовцев днями перережут. Доберутся и до твоего Белоусова. Одумайся. Все прошу. Люблю тебя больше жизни, потому и унижаюсь, упрашиваю.

— Христом-богом молю. Ступай прочь.

— Ах, ты, тварь! Большевичка! Ну, погоди... Вот тебе... Тоже будет и твоему комиссару.

Раздались три выстрела. Пули насквозь прошили деревянную дверь. Анна отпрянула к стене. На звук выстрелов никто из соседей не откликнулся.

Обессиленная Анна опустилась на половичок у двери и зарыдала. Она не слышала, как вошел Максим. Удивленный, растерянный, озабоченный, он взял ее на руки и отнес в постель.

— Аня, в чем дело? Что с тобой?

— Илья приходил. Вот, дверь, как решето.

Белоусов снял трубку и позвонил дежурному:

— Вернулись группы Колесова и Бородавченко? Хорошо. Так. Правильно... Направьте патруль по Садовой, Никитской улицам и к площади Революции. Только что было нападение на мою квартиру. Слезкина постарайтесь разыскать. Имейте в виду, он вооружен. Непременно задержите и доставьте в управление.

Белоусов подошел к жене, положил руку на лоб. Анну знобило.

Добрыми и нежными словами Максим Андреевич постарался успокоить жену, но едва лег в постель, как сон тотчас сморил его. Уже сквозь дрему услышал он вопрос Анны:

— Новый год удастся вместе встретить, Максим?

Он пробормотал, превозмогая сон:

— Конечно, только пораньше отпразднуем.

— Как это пораньше? Новый год для всех в одно время.

— А часов в десять... В новогоднюю ночь есть работа... — и тут веки его тяжело смежились.

Он крепко заснул. Всего на два-три часа. Он уже давно привык к такому короткому отдыху. Будь под силу, он вообще отказался бы от сна — так дорога была в его новой жизни минута.

Аня беззаветно любила своего работающего мужа. Она не представляла своей жизни без него. Ей хотелось все время быть вместе с ним, чтобы уберечь комиссара милиции от беды.

К счастью, Анна понимала это. Она молча смотрела на мужа, мысленно и без злобы выговаривала Максиму, что он не бережет себя, мало уделяет внимания своему здоровью, не может достать, как комиссар, тулуп потеплее, шапку, валенки, совсем не бывает дома, не знает передышки, работает на износ. Сейчас, наклонившись над самым его лицом, Анна слышала ровное дыхание. Она, не отрываясь, смотрела на мужа, давно уже осознав, что каждая такая вот ночь может быть их последней ночью. А что делать? Как уберечь мужа? Будь ее воля, не выпускала бы его из квартиры. Жизни без него она не представляла.

16. Горничная обещает помогать

Утром Лиза принесла Тихону по его просьбе свежие газеты и три завалывшихся иллюстрированных журнала.

— Герман Карлович, этот бородатый в полушубке продолжает шпионить. Только что снова у ваших дверей терся.

— Пусть трется, пусть себе вынюхивает. Наблюдай за ним. Обрати внимание, кто к нему ходит.

Лиза вздохнула:

— Расстроены дядя, тетя, не могут прийти в себя. Бабушку жаль. Говорят, убил Леонид. Мстит за то, что я отказала ему... А разве его нельзя арестовать? Прямо сию минуту?

— Увы, нельзя. Но в скором времени — обязательно это сделает милиция.

— Пристает он, — Лиза заплакала. — Однажды ночью с работы возвращалась, Ленька рядом плелся. Вдруг нас обступили трое мордастых в шинелях. У меня аж поджилки затряслись, мурашки по коже забегали. И тут они говорят Леониду: «Ты, Иголка?» Прикурили у него и ушли. Одного-то я узнала. Вы его в ресторане должны были видеть. Наш конферансье, объявляет номера. Да, чуть не забыла, — уходя вспомнила Лиза, — велели вас предупредить, чтобы ждали мастера. Телефон чинить придет. И еще дядя Степа, швейцар, опять сегодня надолго куда-то отлучался. Пришел мрачный и сразу в кресло завалился спать...

Лиза приоткрыла дверь. Убедившись, что в коридоре никого нет, выскользнула из номера.

Тихон Столицин в номере гостиницы облачился в барский дорогой халат, надел тюбетейку с кисточкой, расположился вольготно в кресле и стал читать свежую газету «Голос народа».

Тихон развернул номер газеты «Голос народа». Первая страница состояла из одних объявлений:

«Сегодня в железнодорожном клубе спектакль и танцевальный вечер. Число билетов ограничено».

Чуть ниже:

«Продовольственный отдел переведен в помещение дома Неклюдова».

Городской Совет депутатов доводил до сведения, что заканчивается подготовительная работа по выдаче карточек на январь месяц. В театрах и кинематографах шли: «Процесс Софьи Перовской и Андрея Желябова», «Почему я безумно люблю» — с участием Веры Холодной. «Жизнь барона» — по пьесе Максима Горького, «Поединок любви. Жизненная драма», «Шах и мат королю», «Царство фантазии и любви» — с участием римской красавицы графини Джорженоде-Фрассо. В постановке участвуют более сотни зверей.

Одно объявление Тихон прочитал с интересом несколько раз:

«31 декабря в день кончины Капырина, его дочь Венгель сообщает, что в церкви Василия Блаженного, в 11 часов, будет отслужена литургия».

Где он уже слышал эту фамилию: «Венгель»? Начал читать статью «Слепые вожди».

«Бежит жизнь. Меняется каждый шаг, капризный и прихотливый, как дитя. Изгнан Керенский — вождь корниловщины».

Но статья не помогала: фамилия Венгель не выходила из головы Тихона. Он пытался вспомнить, где ее слышал.

Столицын продолжал читать статью «Слепые вожди»:

«Собравшиеся обступают женщину, угрожают самосудом, в милицию летят камни, вызывается конный наряд. Толпа врывается в здание комиссариата и производит

яростный погром. Сотрудника Нестора выталкивают и зверски увечат. Кричат, что он ежедневно обедает в лучшем ресторане города».

Тихон хлопнул себя по лбу. Именно в ресторане! Все происходило там. Так... В номер вошел конферансье и за спиной Тихона доверительно, чуть понизив голос, сказал Леониду: «Венгель еще нас не подводил. Однако пресса молчит». А днем раньше он слышал, как Леонид у гардероба сказал мужчине в замшевой куртке: «Он нас не подводил, но пока нет даты». Тогда фамилия Венгель не была названа, но смысл фраз, кажется, один. Значит, бандиты ждут встречи с каким-то Венгелем. И вот эта дата объявляется в газете... Неужели в этом вся разгадка таинственного заговора головорезов? Поразительно, если попаду в точку. Важность такого открытия трудно переоценить...»

Столицын положил перед собой лист бумаги и подробно изложил Белоусову свою версию. Срочное донесение через телефониста, связного Савкова, он направил Максиму Андреевичу.

В дверь постучали. Это бы снова сосед, Платонов.

— Пардон, извиняюсь, — сказал он с просительной улыбкой, — теперь за утюгом. Лизонька сказала, что у вас.

— У меня, — ответил недружелюбно Тихон. — Возьмите у камина.

— Однако эта девочка хорошо сложена, бестия! — попытался завязать разговор Платонов. — И, похоже, благоволит к одному молодому человеку, просто за уши не оттащить, словно кошечку от молока. Приятна, бестия, пальчики оближешь.

— Вы о чем?

— Будто не понимаете? Экий вы скрытный. Мы ведь тоже-с образованные!

— Не сомневаюсь, однако, представьте, не возьму в толк, о чем это вы?

— Ну, вы, братец, хитрый. Почитай, с полчаса только что у вас просидела красавица. А вы не догадываетесь, о ком речь!

Очень хотелось смазать по шее этому надоедливому и блудливому гостю, но Тихон сдержанно сказал:

— Вот утюг. Это — первое. А второе — молодому человеку не ставят в вину то, что его любят девушки. Энгшальдиген Зие! Извините меня!

— Этот молодой человек наверняка пользуется успехом. Красавицы прямо преследуют его, — не унимался въедливый гость.

— Простите, но мне кажется, что вы преследуете меня. И мне это, знаете, не очень приятно... И сами посещения обременительны. Мне и без того не совсем уютно в этой глуши... Битте, форт. Пожалуйста, прочь. Вон.

— Позвольте, как вы разговариваете со старшими? Да вы под стол пешком ходили, когда я свой долг выполнял перед отечеством!

Платонов хлопнул дверью и еще долго шумел в коридоре.

Тихон от души рассмеялся. Получилось, как требовалось. Этот скот не мог не почувствовать барские замашки господина Беккера.

17. «Неудачник»

31 декабря Николаю Кривоносову исполнилось двадцать два года. Ему очень хотелось погулять в день своего рождения, хотя бы по чужому городу, мысленно представляя, что он в Москве, в Таганском районе. Там ждала его Настя, лучшая девушка на белом свете.

Отец ее работал на кирпичном заводе в одном цехе с Николаем. Однажды Настя принесла отцу обед, и он познакомил дочь с напарником, крепко сбитым веселым парнем. Девушка зачастила к отцу в цех, и вскоре состоялось первое свидание, затем второе... Николай стал встречаться с ней у себя на Таганской площади. Обычно они шли на Яузский мост, а оттуда по Солянке к Китайгороду, потом переулком возвращались на Таганку.

Николая призвали в армию. На фронте, в феврале семнадцатого года, он получил первые уроки большевизма. Наставником его стал рабочий Алексей Евдокимов. Тогда же Кривоносов по его рекомендации вступил в партию большевиков.

Агент № 1 Николай Кривоносов, как и его друг Тихон Столицын, успел пройти прекрасную школу мужества и выдержки в окопах на германском фронте. Он с теплой благодарностью вспоминал своих солдатских учителей.

Октябрьскую революцию Николай встретил в Москве. Его полк, брошенный на усмирение Октябрьского восстания, перешел на сторону большевиков. Эсеры попытались повлиять на солдат, устроив в казарме митинг. Офицер сорвал с себя погоны и закричал:

— Братцы, я такой же, как вы, солдат! А погоны — маскарад, чтобы к вам пробраться. Сам из деревни: мать кухарка, ходила по богачам в поисках заработка, отец отдал богу душу в батраках. Был я и сам подпаском, чернорабочим на фаянсовом заводе. Психология у нас с вами одна. Давайте помозгуем: когда мы можем получить землю? Только в том случае, если разобьем германца. А большевики подсказывают нам ложный путь: штыки в землю. Ну, допустим, оголим фронт, так немец тут же задушит нас. Временное правительство за войну до победы, большевики, напротив, кричат: «Крестьянин, бросай войну, иди, отбирай у помещиков землю». Это предательство, измена! Пресечем неразбериху и анархию. Разобьем германца! Потом получим землю. Ее нам обещают лучшие представители российской интеллигенции, возглавляющие Временное правительство.

Два десятка лазутчиков, переодетых в солдатские шинели, закричали: «Ура! На германца! Не допустим измены, смерть предателям».

Но тут взял слово однополчанин Николая, солдат Евдокимов. Он громко закричал, обращаясь к лазутчикам:

— Так вы же и есть предатели. Куда вы нас толкаете? В могилу? На кой шут нам тогда земля, коль сами от пуль германца в нее ляжем?

— Долой войну — даешь революцию! — дружно подхватили солдаты.

Для Николая это был первый урок силы большевистского слова.

Вот и выходит, что он, Николай Кривоносов, и Тихон Столицын уже успели пройти школу революции.

Николай в раздумье потер лоб. Вспомнил, как несколько дней назад он на одном из московских вокзалов втискивался в обшарпанный, скрипучий вагон, набитый беженцами, мешочниками и шпаной. По заданию МУРа в приподнятом настроении ехал он в Окск. И был уверен в успехе и своих силах.

Но, увы, Николай тяжело вздохнул, дело оказалось нелегким, раздобыть существенные сведения о грабителях пока ему не удавалось. Это его угнетало. «Только не падать духом, — в который раз ободрял себя Кривоносов, — не терзать себя сомнениями. За революцию,

Советскую власть можно пойти на любые муки, даже на смерть. Но лучше, конечно, остаться живым. Приезд в Окск Столицына — это ободряющее событие. Вместе с Тихоном придет успех. Это уж точно. Теперь силы удвоены».

18. Разоблачение предателя

Выслушав доклад дежурного об оперативной обстановке за истекшие сутки, Белоусов пригласил к себе в кабинет Рябова. Вместе они приступили к составлению плана на приближающийся новогодний вечер.

— Необходимо убережь Кривоносова, — сказал комиссар. — Хорошо бы сразу удалить его и вывести из зала.

Рябов, согласившись, добавил:

— Эта операция должна пойти на пользу Тихону, если он умно поведет себя во время облавы. Всякие подозрения бандитов с него должны быть сняты после проверки документов в ресторане... Когда разобьем милиционеров по отрядам?

— В десять вечера. Я возьму человек пятнадцать. С ними войду в ресторан в полночь. У тебя будет... сорок, это маловато... полсотни сотрудников. Арестованных буду передавать тебе. Доставляйте их в губмилицию. Операцию должны закончить часам к четырем.

— Нужно сегодня же убрать Платонова, соседа Столицына, — напомнил Рябов.

Белоусов кивнул:

— От Тихона поступило срочное сообщение о каком-то таинственном Венгеле, возможно, имеющем отношение ко всем нашим провалам. Изучил всю месячную подшивку газеты «Голос народа». Пять раз нашел одно и то же объявление. Менялись лишь числа: назначаются встречи в церквях. Сегодняшняя — на Залесском пустыре.

— Эх-хе, — закричал Рябов, — значит, встреча у старой мечети? Церковь-то ведь разрушена! Подозрения обоснованные.

— Да, — подтвердил Максим Андреевич. — Возьми с собой человек семь бойцов и отправляйся туда. Сделай засаду у церкви.

— Хорошо, — ответил Рябов.

Белоусов забарабанил пальцами по столу, Рябов резко раздавил окурочек в самодельной пепельнице. Оба были озадачены.

— Кто же там встречается из наших? Кто предатель? — Белоусов закашлялся. Потом с досадой произнес: — Что-то грудь ломит. Никак простудился. Вот уже не ко времени. Не слечь бы...

— А что тут хитрого, куда ни сунься, везде холод, хоть волком гоняй... — заметил заместитель. Затем спросил: — Кого подозреваешь в предательстве? Скажи откровенно.

— Не будем торопиться, иди, действуй. Все узнаем чуть позже.

Через полчаса отряд Рябова вышел на улицу.

— Куда направляемся? — спросил один из милиционеров.

— Идите за мной, не заблудитесь, — пошутил Рябов.

Вскоре отряд достиг окраины города, где одиноко стояла полуразрушенная церковь. Неподалеку были расположены часовня, дом батюшки. Там, за этими зданиями и решил укрыться Рябов с отрядом, установив наблюдение за подходами к церкви. Шли минуты томительного ожидания.

...Белоусов в это время доложил Бугрову о предстоящей новогодней операции по облаве в ресторане. Получил одобрение и напутствие об осторожности. Начальник милиции посмотрел на часы. Пора было отправляться в путь и ему.

Максим Андреевич вышел из здания, нырнул в подъезд дома, стоящего напротив управления и притаился.

Предчувствие его не обмануло. Несмотря на то, что начальник оперативной части только что получил срочное задание, требовавшее его присутствия в управлении, через несколько минут после ухода Белоусова он выбежал на улицу, застегивая на ходу новенькую офицерскую шинель. Постоял у парадного входа, поправил на плечах лакированные ремни, оглянувшись при этом направо и налево, затем свернул в сторону площади Революции. Белоусов тотчас незаметно последовал за ним.

Дьяконов шел торопливо, завернул в магазин кожтоваров и... пропал.

Пока начальник губмилиции догадался, что в магазине мог оказаться сообщник предателя и ругал себя за такой промах, Дьяконов уже вышел из лавки через черный ход и зашагал по малоллюдному переулку. Еще раз огляделся: ничего подозрительного, все чисто, за ним никто не следит. Полчаса ходьбы, и Дьяконов оказался на Залесском пустыре у развалин церкви, окруженной отрядом Рябова. Торопливо зашел внутрь. Минут через десять вышел.

И тут перед ним вырос Рябов.

Дьяконов растерялся, неестественно удивился, сделал наивные глаза:

— Откуда взялся?

— В снегу оружие искали. Данные были. А ты как тут вдруг оказался? — вроде бы бесхитростно спросил Рябов.

У Дьяконова отлегло от сердца. Коль милиционеры искали оружие, то встреча случайная. А свое появление здесь он сумеет объяснить — причину можно придумать: в конце концов, он оперативник и тоже мог располагать данными, заставившими его прийти сюда...

Рябов крикнул милиционерам продолжать работу и с двумя бойцами направился вместе с Дьяконовым в управление губмилиции, приказав своему заместителю Калинину остаться за него.

Минут через тридцать к развалине приковылял швейцар гостиницы Степан. Убедившись, что вокруг никого нет (группа Калинина укрылась в овраге), швейцар зашел в церковь и тут же вышел. Его окружили милиционеры, обезоружили, у Степана был револьвер и финский нож. Из карманов бандита извлекли несколько золотых безделушек и записку, написанную рукой Дьяконова, о времени предстоящей ночной облавы в ресторане Слезкина. Обыскали церковь и в тайнике нашли целый набор серебряных и золотых колец, перстней, колье. Всего более тридцати изделий. Были и еще кое-какие ценные вещи.

— Щедро платят Иуде, — сдвинув папаху на затылок, сказал здоровенный милиционер Иван Коршунов. — Сколько бы наших ребят ночью за это головы сложили!

— Ах, ты, мать честная, ну и дела, — разводили руками милиционеры. — Вот так порученьице нам выпало!

Когда группа милиционеров, конвоирующих швейцара, уже вошла в город, по улице навстречу неспешно ехали сани, в которых сидели мужчина и женщина в тулупах. Швейцар неожиданно рванулся, прыгнул в сани и, загородившись людьми, истерически завопил:

— Убьете неповинных граждан, убьете... вам отвечать! — и пустил коней во весь опор.

Калинин крикнул:

— Стреляйте по лошадям! — и несколько раз выстрелил сам. Когда одного коня подбили, бандит скатился с саней и нырнул в подъезд первого попавшегося дома. Милиционеры бросились за ним. Пуля милиционера настигла связного Бьяковского во дворе, у штабеля дров. Швейцар пошатнулся и, словно споткнувшись, рухнул на снег.

Когда осведомитель атамана Бьяковского, швейцар гостиницы Степан, понял, что разоблачен, он рванулся прочь от конвоя, но пуля настигла его во дворе чужого дома, у штабелей дров.

Дьяконов же, не зная, что его связной пойман, был спокоен: по дороге он сказал Рябову:

— Люблю историю. Развалюха — историческая ценность. Побродишь вокруг такого сокровища и душу отведешь...

— Возможно, и так, — ответил тоже спокойно Семен Гаврилович. — Я-то занят другим, мне пока не до этого.

К Белоусову Рябов и Дьяконов вошли вместе.

— Случайно встретились у развалины церкви, — простодушно доложил Рябов.

— То, что вы его там встретите, не сомневался, — ответил Белоусов, еще не успевший раздеться после возвращения с улицы.

— Не понял, — удивился Дьяконов, и с лица его начала сходить краска. — Что значит не сомневались? Вы меня что, там раньше видели?

Белоусов подвинул газету Дьяконову:

— Читайте вот это место.

Тот, вскинув брови, поднес газету к близоруким глазам, затем положил ее на стол. Помолчав, едко ответил:

— Что же тут особого? Обычное объявление. Их публикуют десятками в каждом номере.

— Если бы так, — упорствовал Белоусов. — Не скрывается ли за объявлением некой дочери Венгеля что-либо другое?

Дьяконов пожал плечами и, уже нервничая, сказал:

— В объявлении о выступлении сотни зверей в нашем богоспасаемом городишке тоже можно найти тайный смысл. Не лучше ли не тратить зря время на поиски шифра в неграмотных окских рекламах? Тем более, сейчас есть дела поважнее. Нужно готовиться к облаве в ресторане. А то за ребусами забудем о главном. Домыслы оставьте.

Он не спеша полез в карман. Рябов следил за каждым его движением. Вот Дьяконов достал носовой платок, вытер подбородок, шею.

Похоже, что предатель старался выиграть время, соображал, прикидывал: действительно ли попался? Если да, то все ли потеряно? Он знал: нет трудных ситуаций, из которых нельзя было бы выйти победителем, надо только думать, думать...

— Теперь нам кое-что говорят эти объявления, — заметил Белоусов. — Допускать ошибки не стоило бы вашей светлости.

— Какие ошибки? Что за тон?

— Увы, не случайно ты оказался около церкви, — добавил Рябов. Веских улик против Дьяконова пока не было.

Начальник оперчасти резко повернулся к Семену Гавриловичу:

— Вот еще новости! Ну и зачем же я туда ходил? Что за нелепица?

— А вот и надо разобраться, — уклончиво проронил Белоусов и тут же повысил голос: — Какого черта, все-таки, ты делал у этой развалюхи? Архитектурой, говоришь, любовался и это в ту минуту, когда получил от меня срочное задание? Ну, как? Сам расскажешь или подсказать?

Дьяконов молча уставился на Белоусова, соображая, какие же у них улики против него?

— Ты не искренен, — продолжал начальник милиции. — Могу сказать определеннее, но, надеюсь, суть похода к церкви ты доложишь сам.

— Да вы что? В чем меня подозреваете? Что за глупость! — вскипел Дьяконов. — Не нужен вам — уйду на фронт. Там мне всегда роту солдат дадут. Повоюю, не впервой. Давно замечаю, не доверяете мне. Дикая чушь. Вас засмеют... У вас есть факты? Зачем несуразицу несете?

И Белоусов, и Рябов медлили, понимая, что прямых улик против Дьяконова пока не было. В конце концов, оторваться от задания, даже срочного, чтобы прогуляться часок-другой, по морозцу, когда все так измотаны службой, это всего лишь... ну, нерадение, ну, должностной проступок... К тому же не бог весть какой тяжелый, однако... Ждали возвращения Калинина. Тянули время в разговоре вокруг да около.

Наконец раздался телефонный звонок. Калинин отрапортовал: «Убили швейцара гостиницы. Зашел после Дьяконова в церковь. При нем найдена записка со сведениями о предстоящей ночной операции в ресторане Слезкина».

— Несите ее сюда, — приказал Белоусов. — Немедленно!

Вскоре Калинин вошел в кабинет и положил на стол Белоусова трофеи.

Увидев свою записку на столе Белоусова, Дьяконов выхватил из кармана пистолет. Но произвести выстрел не успел. Его за руку крепко схватил Рябов. А Калинин мощным ударом уложил предателя на пол.

— Ладно, ваша взяла, — угрюмо пробормотал Дьяконов, сплевывая с губ кровь, и зло закричал: — Но и вас всех, как собак, не

сегодня-завтра передушат!

— Предатель, — брезгливо поморщился Белоусов. — Под трибунал негодяя!

Когда Дьяконова увел конвой, Белоусов сам себе задал вопрос:

— Как он к нам проник? Ведь мы с первого дня полностью ему не доверяли. А проверить стеснялись...

— Вот наше первое спасибо сотруднику МУРа Столицыну, — заметил Семен Гаврилович.

Кто-то постучал. У порога появился священник в черной рясе. Сжимая пухлыми пальцами медную ручку двери, проговорил:

— Я по важному делу. Оградите храм господний от разгрома. Сохраните божьи ценности. Гибнут они от разбойников на глазах прихожан.

— Что случилось? — спросил Белоусов.

— Подчистую разорили этой ночью Никольскую, — батюшка горестно качал головой. — Унесли бриллианты, иконы, украшенные алмазами и жемчугом. Забрали изумительной работы кресты, цепочки. Духовные лица города в отчаянии. Извещен его преподобие архимандрит Арсений. Бога ради Вас просим... — поп сдвинул на вспотевший от волнения лоб покрытый шелком клобук. Страдальческим голосом продолжал: — И ведь не первый раз вторгаются в храм, супостаты. Еще третьего дня после вечерни пытались. Слышу, по водосточной трубе и по выступам в стене крадется грабитель. У окна привязался и стал пилить решетку. Мы с дьяконом Никифором онемели от страха. Богу стали молиться. Вору воспрепятствовала окованная ставня.

— Вы знаете, куда сбывается церковная утварь? — спросил Рябов.

— В ювелирные магазины да мастерские. Куда же еще. На рынке торгуют. Прихожане наблюдали. Истинный бог, светопреставление! Деда наши и пращурь в изделия душу всю вкладывали, мастерили, отливали, а варвары все под молот пускают и торгуют слитками. Церковный жемчуг продавал в харчевне Кудиярова некто Бибин. Тот самый, которого два года назад осудили за убийство и грабежи к пожизненной каторге. Уже на свободе! Разгуливает по городу.

— Постараемся найти Бибина и все, что нужно, сделаем, — пообещал начальник милиции.

— Верю, потому больше не ропщу. Новой власти, знаю, бог не помеха, — поп, задев толстым боком за дверной косяк, вышел из

кабинета. После него в кабинете остался специфический церковный запах.

Когда священник исчез за дверью, Максим Андреевич пригласил секретаря:

— Катюша, ко мне никого не пускай. Закрой на ключ дверь приемной. Сама пользуйся входом через дежурную комнату. Мы с Семеном Гавриловичем будем заняты и долго.

19. Новогодний бал близок

— К вам можно, Герман Карлович? — раздался голос Лизы. — Я не одна.

— Прошу. Входите.

— Вот, телефонист пришел, — уточнила Лиза, вводя в номер Савкова. — Не помешает Вам? Ему надо починить аппарат.

— Что вы, Лиза, пусть заходит, — ответил Столицын. — Хоть я телефоном и не пользуюсь, звонить некому, однако...

— Я вам не нужна сегодня? Мы с Шурой уходим на собрание.

— Нет, пожалуйста, можете быть свободны.

Лиза торопливо удалилась. Теперь можно было поговорить с приятелем.

— Новостей полный короб, — сразу же начал Савков. — Арестован Дьяконов. Это раз.

— Когда?

— Только что.

— Значит, газета...

— В старой церкви шел обмен информацией. Предатель пойман при передаче донесения о сегодняшней операции бородатому швейцару.

— Дьяконов не успел передать сведения?

— Дьяконов-то успел, но швейцар убит. Записка была при нем.

— Ну, ну!

— Могу еще порадовать вашу светлость, — улыбнулся Савков. — Это уже будет два. Утром арестованы управляющая Соболева и распорядительница Гоголева, она же Ердецкая. Действовали в одной шайке со швейцаром. Да, еще проверкой установлено, что сосед Платонов — сбежавший растратчик из Тамбовского продовольственного комиссариата. Разыскивается. Есть данные, что сидел в Таганской тюрьме до революции вместе с Ленькой-Иголкой. После хищения казенных денег в Тамбове приехал сюда. Устраивал его в гостиницу Леонид. Это показания управляющей. Старуха сразу раскисла на допросах. Распорядительница — покрепче орешек... Вот такие новости. Осталось вручить вам вот это, — связной достал из внутреннего кармана пиджака пакет. Подбросил его на руке.

— Что такое? — заинтересовался сотрудник МУРа.

— Разберитесь сами, я займусь телефоном, — он раскрыл ящик с инструментом. В пять минут сменил аппарат, позвонил на станцию, убедился в хорошей слышимости, дал отбой двумя оборотами ручки.

— Телефон сдаю в полной исправности. Пользуйся, кстати, им осторожно. На станции могут подслушивать. А там далеко не все за большевиков. Как и в этой гостинице.

Он надел шапку, застегнул полупальто.

— Что передать Белоусову?

— Скажи, что план не меняется. Встречаемся в ресторане. Я и Кривоносков будем там. Это передай на словах. В отношении Зоси добавь, что рыбка на приманку клюнула. Это пока лишь начало. Но оно обнадеживает. Об этом я сообщаю в письме. Вот...

Савков вышел. Тихон запер дверь и вскрыл конверт. С трудом прочитал он записку Белоусова, торопливо написанную плохо отточенным карандашом.

«Будь в эту ночь особо внимателен, остерегайся, не выдавай себя. Продолжай осваиваться в логове. Ищи пути к атаману. Держись ближе к певице. Благодарю за сведения о Дьяконове. Жму руку».

В пакете находилось также несколько справок. Одна из них об отправке багажа из Москвы в Вену, вторая — о временном выезде в Россию для завершения учебы в Московском университете. Был еще документ, что господин Беккер Герман Карлович является сыном царского дипломата, пожелавшего в сентябре тысяча девятьсот семнадцатого года принять австрийское подданство. Среди документов находилось множество квитанций, диплом об образовании, дневник на немецком языке. Словом, губмилиция постаралась на совесть.

Кроме этого, в пакете были деньги, два дамских перстня и браслет. Кому они предназначались? Конечно, прелестной Зосе. Значит, Белоусов согласился с предложением Тихона время от времени вручать певице подарки. Ставка сделана на нее. Дорогие подарки, предназначенные девушке, должны окупиться не менее ценными сведениями о банде.

За широким окном, зашторенным занавеской, опускались сумерки. Считанные часы остались у тысяча девятьсот семнадцатого года. Тихон лег на тахту. Ему надо было собраться с мыслями. Приятный полумрак

успокаивал. Тихон уставился в чисто выбеленный потолок так пристально, точно там были написаны ответы на все тревожившие его вопросы.

Перебирая в памяти свою работу, Тихон как бы подводил предварительные итоги. Появление Беккера замечено нужным образом. К нему благоволят старший официант Иголка, хозяин ресторана, Зося и другие. Проверяют, конечно, для порядка. Так и должно быть. Пошли на пользу игра на рояле в холле, разговор с какой-то приезжей девицей в ресторане Слезкина на немецком языке. При свидетелях. Это, конечно, подействовало на официантов, а через них — и на тех, кто глазами, ушами лакеев следит за постояльцем.

Потеряв Дьяконова, бандиты оказались в полном неведении о планах милиции. Вечером они наверняка попадут в ловушку, ибо не знают об облаве.

Тихон потянулся на тахте. Она едва проминалась под его тощим телом. Посмеиваясь над своей худобой, пощупал под рубашкой ребра. Прошелся по ним пальцами, как по клавишам рояля. Но тут же задумался. «Съезд Советов на носу, а до порядка в Окске еще далеко. Мало толку и от нас с Кривоносовым».

И в то же время... Раньше Тихон ежедневно читал в газетах о погромах в советских учреждениях, грабежах. В последние дни сообщений на эту тему почти не появлялось. Слабее стали налеты бандитов. Мероприятия милиции давали результаты.

Тихон включил свет. Заиграли блики на золотистых обоях, на дорогой полированной мебели. Он провел рукой по сверкающему никелем ободку тахты, ударил кулаком в гору подушек. Не снится ли ему, что он живет среди такой роскоши?

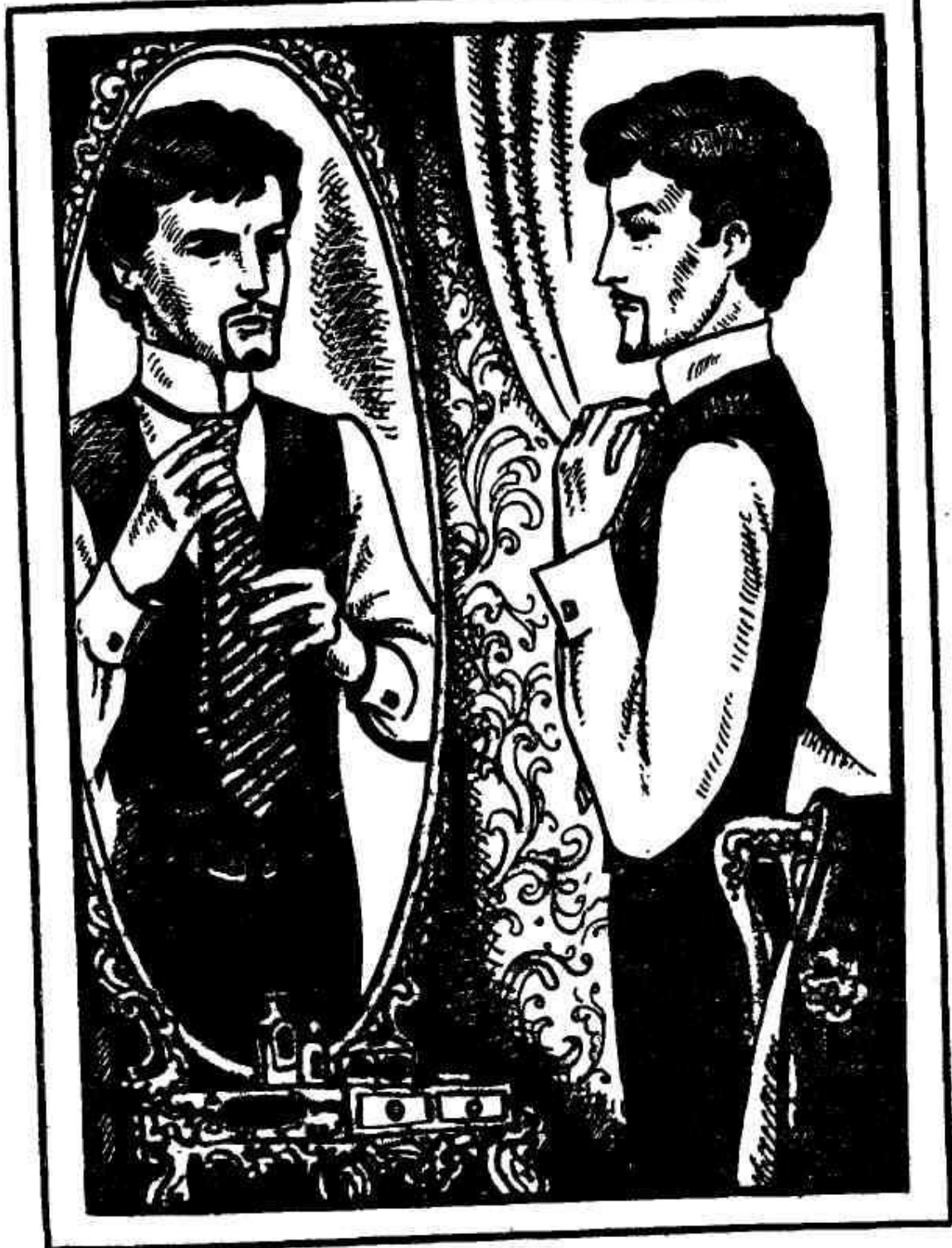
Открыл платяной шкаф. Выбрал лучшую кремовую рубашку, светло-коричневый в белую полоску галстук. В тон им надел коричневого цвета костюм, обулся в темно-коричневые полуботинки. Разложил в карманах документы. Надел дорогое пальто на меху, меховую шапку пирожком. Посмотрел в зеркало: щеголь!

Пышные волосы выбивались из-под головного убора. Он вымыл их утром средством Перуин-Пето. Погрузившись до подбородка в ванну, Тихон трижды прочитал пояснение на флаконе:

«Опасность грозит волосам, когда начинает появляться перхоть, а следом за ней идет выпадение волос, но бороться с

этим злом не так трудно, если регулярно употреблять Перуин-Пето из Парижа».

Тихону сразу же захотелось привезти домой флакончик и показать своим сестрам...

Тихону предстояло на новогоднем балу заслужить еще большего доверия от людей атамана. Господин Беккер готовился к решающей схватке. Он должен выглядеть в ресторане безукоризненно.

Новый высокий худой швейцар поклоном проводил его из гостиницы. Тихон не удостоил его ни малейшим вниманием.

Площадь перед рестораном Слезкина постепенно заполнялась народом. Несмотря на разруху, голод и тревожное время, молодежь веселилась. После мороза пришло потепление. Горожанам это показалось предзнаменованием к лучшему в их жизни — очень уж хотелось этого лучшего. Те, кто мог себе позволить побывать у Слезкина, толпились у входа в ресторан, ожидая назначенного часа. Они уже предвкушали новогодний бал-маскарад.

Тут же ковылял инвалид из бывших солдат и предлагал за махорку тоненькие брошюры:

— Подходите, приобретайте, драгоценные советы знаменитостей! Конец мучениям, тоске и подавленности! Спасение найдено. Покупайте книгу: «Половое бессилие и его лечение». Спешите узнать, как получить могучую энергию мужчинам и пользоваться всеми радостями жизни, забыв об ошибках молодости. Все без обмана! Издает аптека Российско-Американского товарищества!

Поодаль от главного входа в ресторан щебетала стайка девушек. Среди них Тихон увидел Шуру и Лизу. Они слушали свою подругу Веру Гуревич, руководителя организации «Молодежь» при Совете депутатов. Та, закинув голову, что-то говорила очень горячо и убежденно. Молодежь то и дело хлопала в ладоши. Лиза, обняв Шуру, кокетливо поглядывала в сторону Тихона.

20. Облава

В банкетном зале уже кипело веселье. У елки кружились ряженые. В малом зале и в отдельных номерах шумело праздничное застолье. Шныряли официанты с подносами, тяжело нагруженными бутылками и закусками. Промелькнул старший официант Ленька-Иголка. Звенели фужеры с вином, звякали рюмки с крепкими напитками. Взрывались бутылки шампанского, пробки летели в потолок.

— Дамы! Рыцари! Разрешите приступить к новогоднему представлению, — стараясь перекричать публику, надрывался знакомый Тихону конферансье, рыская взглядом по маскам.

— Бал открывает любимица публики, наша обожаемая Зосенька. Исполняется романс «Нам жить осталось долго!».

Тихон стоял у буфетной стойки. Старший официант, увидев его, улыбнулся, но тут же снова стал серьезным.

Часы с боем, вставленные в чучело медведя, пробили десять. Осталось два часа до полуночи.

Вышла Зося, одетая в розовую кофточку и длинную светло-серую юбку. Все в ней очаровывало Тихона, девушка уже была ему небезразлична. Улыбаясь, певица несколько раз поклонилась, начала петь.

Тихон подумал: «Великолепный голос».

Зося была в ударе. На бис исполняла номер за номером. Прекрасное пение приводило публику в восторг. Весь зал пел вместе с Зосей незатейливую застольную песенку ресторана Слезкина:

Всяк гражданин или воитель,
В часы досуга не забудь,
Что где-то есть твоя обитель,
Туда держи свой спешно путь.

Со вкусом можно здесь покушать,
Ведь ресторан наш хоть куда,
Оркестра музыку послушать
И отдохнуть после труда.

Тихон сдержанно улыбнулся: «Слабенькая реклама».

Чем ближе время подвигалось к полуночи, тем беспокойнее становился Леонид. Покрикивал на официантов, суетился, перебегая от кабинета к кабинету, остро всматривался в каждую маску. Кого-то он искал или ждал.

Подойдя к Тихону, Леонид с фальшивой улыбкой сказал:

— Господин Беккер, милости прошу за мной. Вы еще не определены? Не годится. Вот сюда, если не возражаете, прошу, это столик холостяков. Отсюда чудесно видна елка. Сцена тоже.

Тихон, пожав плечами, подчинился официанту и уселся на указанное место. Вскоре Леонид, извинившись, подвел к его столику мужчину лет тридцати, худого, с короткими русыми волосами, длинным в прыщах лицом на тонкой с большим кадыком шее.

Тот подчеркнуто недовольно что-то буркнул в адрес старшего официанта и представился Тихону:

— Иоганн Ротэ.

— С вашего позволения, — склонился было к Тихону Леонид, но тот его отстранил.

— Беккер, — изысканно поклонившись, как и подобает воспитанному человеку, ответил вновь подошедшему Столицын.

Леонид удалился, по-прежнему беспокойно шаря взглядом по сторонам.

Тихон посмотрел в центр зала.

Там высокий, круглолицый мужчина атлетического телосложения подал кому-то знак властным кивком и направился по мраморной лестнице вверх, на второй этаж.

«Кто это?» — спросил у себя Столицын. — «Не атаман ли? Что, если сам пожаловал? Пожалуй, нет. У Бьяковского было бы больше телохранителей...»

Тут же Тихон различил в толпе и фигуру своего друга. Кривоносов был в маске, прикрывавшей глаза узкой полоской, с ним весело щебетали две дамы. Перехватив настороженный взгляд Тихона, Николай слегка взмахнул рукой. Но Столицын уже и сам понял: этот бритоголовый — кто-то из главарей.

Сидевший напротив Иоганн Ротэ не проронил ни слова, лишь временами изучающе посматривал на господина Беккера...

...Какая-то экспансивная маска задела Тихона локтем. Ее подруга игриво осыпала Столицына серебристым «дождем» и обмотала

серпантином. Тут же обе с визгом убежали. От елки неслись веселые крики. Сзади Тихона послышался голос Николая, рассказывающего даме анекдот:

— ...Представляете себе? Все происходило на втором этаже. Ну, пока супруг туда поднимался, время было потеряно, муженек никого дома не застал...

Дама смеялась, а Николай, подхохатывая, повторял: «На втором этаже... Но время нельзя упускать». Тихон понял, что сбор состоялся. Все, кто собирался, уже в ресторане. На втором этаже. Бандиты пришли пировать в кабинетах второго этажа. Теперь задача милиции — выловить этих разбойников.

Столицын встал, не мешая накрыть на стол. Кривоносов едва заметным кивком показал опять в ту сторону, куда поднялся по лестнице бритоголовый. Еле заметно кивнул и Тихон: «Все, мол, понял», — и тут же праздничная волна подхватила Николая. А Тихон снова сел за столик. Его крючконосый сосед, провальсировав с дамой в зеленом бархате, молча вернулся на свое место.

Неподалеку шумела компания молодых людей. Юноша в форменной тужурке с болезненно бледным лицом визгливо доказывал:

— Веками складывалось могущество России. А большевики все растоптали дырявыми сапогами. Мы, интеллигенция, а не безмозглые пролетарии, дадим свободу пахарю! Из серого, угнетенного и ничтожного мы сделаем его светлым, свободным, великолепным!

Его прервал сухопарый парень в косоворотке:

— Прекрасные слова, но прошел час эсеровских призывов. Лучше помолчите.

— Меня обуревают раздумья, — сказал другой юноша в военном френче. — Где тот мудрец, где те пророки, которые могли бы сказать, что будет завтра с нами?

— Есть такие пророки, — торжественно объявил в косоворотке, — большевики. Но не юнкера, не кадеты, и не эсеры.

— Большевики! — завопил белолицый, — продержатся ли они хотя бы до весны? Ваш комитет издал обращение к народу: двух месяцев не прошло, как захватили власть, а уже приходится взывать — спасайте отечество и революцию!

— Будь уверен, спасем! — ответил сухопарый, — весь пролетариат идет за Советами и большевиками.

— Ох, — вздохнул крепьш в пестром жилете. — Снизойдет ли тишина на Русь или взойдет кровавая заря погромов? Установится ли порядок на земле русской или нескончаемо будут метаться по ней сбитые с толку стада народа?

— Вот такие и сбивают! — тыча пальцем в сухопарого, закричал белолицый. — От недорезанных большевиков вся смута идет!

— Революция — не смута! — спокойно возразил парень в косоворотке. — Революция — это есть порядок. Высший порядок. Не порядок застоя, а порядок развития!

К молодым людям подошел племянник хозяина ресторана Илья Слезкин. Он был одет в расписной жилет и красную рубаху. Из нагрудного кармана спускалась золотая цепочка. Выпятив грудь, произнес:

— Кто тут возводит поклеп на русскую культуру? — Слезкин-младший толкнул парня в косоворотке пальцем в бок. — Ты что ли в рассуждения пускаешься?

Тот отбросил его руку. Слезкин-младший истерически завопил:

— Пришибу! Я только за одно слово «революция» кровь пущу! Весь ваш комитет сам по столбам развешаю. Дайте срок!

Парень в косоворотке с достоинством ответил:

— Руки у вас, палачи, коротки!

— Всех — на столбы! — орал Слезкин так, что звенели хрустальные люстры. — Завтра, завтра же все большевистские Советы разнесем в прах!

Коренастый, лысый мужчина в свитере властно рванул Слезкина за ворот.

— Довольно базарить! Ты, — и быстро пошел на второй этаж. За ним, вмиг присмиривший и будто даже отрезвевший, устремился молодой Слезкин.

Тихон, наблюдавший эту сцену, поискал взглядом Николая. Тот незаметно показал Столицыну два пальца и повел головой вслед ушедшим.

Зазвенели часы, предваря двенадцать торжественных ударов. Словно на перестрелке, защелками, захлопали бутылки шампанского. На сцене вновь появилась Зося — в черном вечернем платье с бокалом вина. Рядом с ней вырос конферансье.

Певица провозгласила:

— Друзья, за новый, восемнадцатый год. Пусть, наконец, уйдут от нас все тревоги. С новым годом, с новым счастьем!

Она чокнулась с конферансье и пригубила вино. Все вокруг заулыбались.

Тихон и Николай — каждый в своем конце зала, как бы чувствуя плечо друга, — тоже выпили за успех, за Советскую власть, за полную победу мирового пролетариата.

Начались танцы. Пробираясь между танцующими, Тихон подошел к стоящему у стены Савкову и спросил у него:

— А на втором этаже танцуют?

— Нет, разве что в отдельных номерах?

— Хорошо бы вовремя прервать там гулянку, — и Тихон направился дальше.

Савков тут же исчез из зала.

Сев за свой столик, Тихон стал наблюдать за Николаем. Поведение Кривоносова его раздражало. Раньше Столицын высоко ценил его, как специалиста уголовного розыска. Видимо, Николай сейчас терял терпение, открывался. Тихону стало ясно, что его друг решил дожидаться появления милицейского наряда в ресторане и поэтому не уходил. Но ему, пожалуй, не следовало этого делать. Он подвергал свою жизнь серьезной опасности, и Тихон чувствовал это. Наверняка, для бандитов Кривоносов давно уже не представлял загадки.

Тихон решительно встал из-за стола, чтобы привлечь внимание друга, но ему это не удавалось.

Зося, хотя и выглядела усталой, но пела по-прежнему с чувством. Тихон подошел через весь зал к Зосе и под громкие рукоплескания публики надел ей на руку браслет. Было самое подходящее время для такого подарка.

— Что вы, что вы? — растерянно лепетала певица, одновременно любуясь игрой света на камнях браслета.

— Буду счастлив, если вам придется по вкусу. Вы обворожили всех нас. Поверьте, вы заслуживаете куда большего.

Зося просияла от лестных слов, с искренней признательностью проводила взглядом нового поклонника, с достоинством идущего под гром аплодисментов к своему столу.

— Ну, как, господа холостяки? — спустя несколько минут раздался бодрый голос Леонида. — Вас, господин Беккер, не заинтересовала ни одна дама?

Столицын пожал плечами.

— Понятно. Тонкий вы человек, Герман Карлович.

Леонид лукаво прищурился. Тихон уже собрался что-то ответить, как вдруг услышал за спиной крик. Он обернулся. Изрядно охмелевшего племянника Слезкина кто-то ударил по физиономии. Поднялся невообразимый переполох. Многие гости вскочили с мест.

А в зал уже входили люди с винтовками за плечами, в шинелях, в пальто, в зипунах. Это были работники милиции. Белоусов с наганом в руке выступил на шаг вперед:

— Оставаться на местах! Проверка документов. Извиняемся за вторжение. Имеется разрешение совдепа.

Слезкин поднялся с пола. Нагнулся, но милиционер, вовремя заметив финку, наступил, на нее ногой.

— Господин Слезкин, вы арестованы, — произнес Белоусов. — Степанов и Желтков, уведите задержанного.

Милиционеры шагнули к бандиту. Но схватить не успели. Он рванулся в сторону мраморной лестницы, взбежал, на ходу выдернув из кармана браунинг, выстрелил. Попал в милиционера Желткова, который тут же рухнул на пол. В это время сверху, не понимая, в чем дело, спускался бритоголовый. Увидев его, Леонид запустил тарелку в люстру. Брызнули осколки хрусталя. Белоусов выстрелил в потолок и громовым голосом крикнул:

— Ресторан окружен. Всем оставаться на местах!

Стрельба в банкетном зале ресторана началась, едва сотрудники милиции объявили о проверке документов. Новогодний бал сразу превратился в вавилонское столпотворение: сутолока, суматоха, неразбериха.

Зал наполнился криком, звоном, стрельбой. Пуля одного из бандитов попала в плечо начальнику милиции. Максим Андреевич опустил руку, в которой держал револьвер. Откуда-то сверху Слезкин-младший кричал фальцетом:

— Что, комиссар? Досталось? Это еще не все. Подождите, не то вам, большевикам, будет! И с чужой женой придется расстаться. Она моя, комиссар! Я заберу ее у тебя.

Раздались новые выстрелы.

Наверху лестницы Николай Кривоносов настиг бандита и сильным ударом кулака сбил Слезкина-младшего с ног.

Белоусов, зажав пальцами рану, командовал:

— Первый отряд — на второй этаж, живо! Второй отряд — на кухню.

Тихон в схватку не вмешивался. Он смотрел и спокойно резюмировал:

— А ведь шальная пуля может и нас прихватить, господин Ротэ. Не укрыться ли нам?

— Приказано сидеть на месте, — сухо ответил тот.

По лестнице вели под руки конферансье, бритоголового и Слезкина-младшего. Их лица были в крови. За ними семенил растерянный хозяин ресторана, утирая большим платком багровое лицо. Настя подбежала к милиционерам, стоявшим у выхода из зала, крикнула: «Арестуйте его... Я знаю, где спрятался Леонид». Но связанного Иголку работники милиции уже волокли со второго этажа. По его физиономии текли струйки крови.

И тут откуда-то раздался еще один выстрел. Пуля угодила в голову Николая. Кривоносов стал медленно оседать, меж его пальцами сочились красные струйки. Он упал на ступеньки, распластав руки, точно хотел удержаться за ковровую дорожку. Увидев падающего Николая, Тихон чуть не закричал.

А рядом трое милиционеров выносили на руках Белоусова. Сердце Тихона сжалось от горя. Второе ранение пришлось Максиму Андреевичу в грудь. Стрельба как по приказу прекратилась. В зале воцарилась тишина, лишь шелестели проверяемые документы у посетителей ресторана.

— Вот теперь и нам можно прогуляться. Не желаете посмотреть? — показал рукой в сторону второго этажа Ротэ. — Каков там погром?

— О, боюсь шальной пули, — Тихон растерянно пожал плечами. Он почти не слышал того, что говорит Ротэ. Но нельзя было выдавать своих чувств. Он через силу улыбнулся, вцепившись руками в край стола.

Бандитов вывели. Отправили в госпиталь и Белоусова. Тихон с ужасом смотрел, как уносили на какой-то дерюжке Кривоносова. Правая рука муровца безжизненно свисала до пола, голова была залита кровью. Даже издалека было видно, что он мертв.

Столицын вернулся в гостиницу, чтобы собраться с мыслями. Едва он вошел в номер, как в дверь постучалась Лиза.

— Скажите, это Леонид убил вашего друга? — взволнованно спросила она.

— Нет. Его самого раньше задержал Николай. Вот такие-то дела... Но теперь уж ничем не поможешь. Горе непоправимое! — Столицын помолчал. — Принеси мне, Лизонька, чая, да покрепче.

Через минуту чай был принесен, а девушка тихо вышла, осторожно закрыв дверь.

Оставшись один, Тихон бросился в постель, засунув револьвер под подушку, и до утра не сомкнул глаз.

«Надо узнать, где остальные притоны, — размышлял он, — и самое главное, добраться до логова Бьяковского. Тогда я выполню задание и отомщу за Николая и Максима Андреевича». Столицын прекрасно понимал, как трудно будет ему работать теперь, как будет недоставать товарищей, но довести дело до конца — его долг, и он его выполнит...

21. Похороны

А жизнь в губмилиции пошла своим чередом. Допрашивали Леонида и задержанных бандитов, арестовали их более двадцати. Все они категорически отрицали причастность к банде Бьяковского. Но их обличали награбленные драгоценности, иконы, золото.

Прах героически погибшего сотрудника МУРа Николая Кривоносова готовили к отправке в Москву. В окском Доме обороны был выставлен гроб с телом Белоусова. От безутешной Ани день и ночь не отходила секретарша губмилиции Катя Радина.

Секретарь губкома РКП(б) Савелий Ильич Бугров назначил Рябова начальником губмилиции. Но в самом городе царил переполох.

Невероятно разноречивые, а подчас и подло искаженные слухи о событиях в новогоднюю ночь, происшедших в ресторане купца Слезкина, расползались по дворам обывателей, как змеи, в клубок которых бросили камень. Ликовали враги Советской власти: «Прикончены все подчистую руководители так называемой рабоче-крестьянской милиции — и Белоусов и его помощники. Доигрались в сыщики-разбойники». Образованные обыватели припоминали историю Парижской коммуны. Захватить власть, мол, легко, ума большого не надо, а вот удержать ее, наладить работу новой государственной машины — дело потяжелее. Тут нужны не луженые глотки и пудовые мозолистые кулаки пролетариата, а умные головы, да еще культура, образование, воспитание. Парижская коммуна! Как бы в эти же сроки не уложилось и существование Советов. Два месяца и десять дней, по подсчетам врагов революции, в Окске истекали к концу января восемнадцатого года.

Губком партии большевиков в результате новогодней облавы видел начало разгрома банды Бьяковского. И, пресекая все вымыслы, предложил газете «Голос народа» выступить с правдивой информацией. Статья была опубликована на первой полосе. В ней, в частности, говорилось:

«После упорных, кровопролитных боев, после взятия власти большевиками в городе, наши кровавые недруги — эсеры, кадеты, буржуазия, крупные чиновники не сложили

оружия. Они в одиночку, группами, шайками и организованными бандами выходят из своих притонов, волчьих закутков грабить народное достояние, мстить пролетариату. Но пусть не обнадеживают себя! Они кусаются на последнем издыхании, как мухи перед гибелью. Созданные подразделения рабоче-крестьянской милиции при поддержке отрядов красной гвардии ВРК и всех честных людей успешно ведут борьбу с контрой, своим мужеством, волей и оружием твердо отстаивают завоевания рабочего класса. Сегодня мы оплакиваем лучших наших товарищей, безвременно погибших на боевом посту, имена которых принадлежат эпохе, овеянной героикой и славой социалистической революции.

От предательских пуль мы теряем замечательных бойцов. Но на их место защитниками интересов народа становятся новые большевики и сочувствующие революции и ведут беспощадную войну с предателями. Близко то время, когда враги революции будут уничтожены.

В новогоднюю ночь в ресторане Слезкина, при задержании большой шайки бандитов атамана Бьяковского был смертельно ранен первый начальник рабоче-крестьянской милиции губернии Максим Андреевич Белоусов. Смертью храбрых пали двое других сотрудников. Пусть знают бандиты — кара для них неизбежна. За жизнь наших товарищей они заплатят сполна».

В день выхода этой статьи были назначены похороны Белоусова.

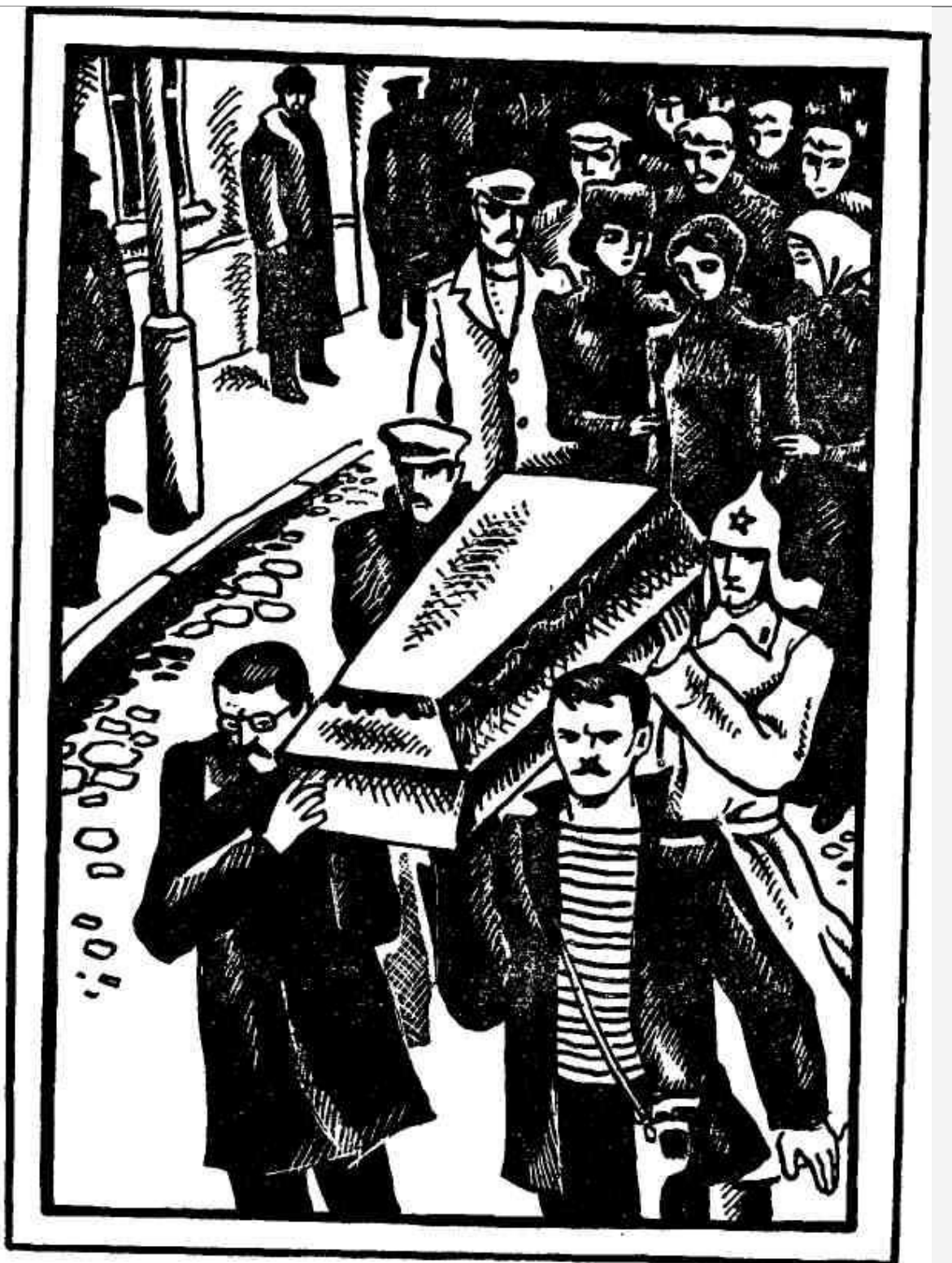
Тихону очень хотелось хоть краем глаза взглянуть на лежащего на смертном одре Максима Андреевича. Прогуливаясь по бульвару, Салтыковской улице, он как бы случайно оказался недалеко от Дома обороны. Остановился у шестигранной витрины, оклеенной самыми разными объявлениями, среди которых было и такое:

«Совет рабочих и солдатских депутатов извещает, что по улице Кутузова, в доме № 40 вступило в исполнение своих обязанностей вместо старых противонародных жандармских участков управление губернской милиции рабочих и крестьян. Его начальник...»

Дальше стояла фамилия Белоусова. Но она была зачеркнута, а над ней от руки написано

«Рябов Семен Гаврилович».

Ровно в три часа дня Тихон Столицын увидел, как из парадного подъезда Дома обороны стали выносить гроб с телом Белоусова. Его несли, держа за углы, четверо рослых мужчин. Особенно один из них обращал на себя внимание. Был он чрезмерно широкоплеч, дюж, несмотря на мороз — в бушлате нараспашку, в тельняшке, обтянувшей его могучую грудь. Тихон не знал, что это и есть председатель Военно-революционного комитета и секретарь губкома партии большевиков Савелий Бугров.

Предательскими пулями был ранен комиссар Белоусов. В госпитале он от них скончался. Друзья, соратники, близкие провожали Максима Андреевича в последний путь.

Раздались траурные звуки оркестра. Гроб установили в кузов грузовой машины, стоявшей «на парах» у подъезда. По сигналу Бугрова автомобиль зарычал и медленно двинулся под уклон улицы. Вслед тронулась длинная колонна людей, провожавших Белоусова в последний путь. Представители учреждений, заводов, коллективов несли венки. Тихон насчитал десять или двенадцать венков из живых цветов, удивляясь, откуда они взялись среди морозной зимы. На кумачовых лентах проглядывали надписи:

«От жены», «От губкома партии», «От завода железной дороги...»

Все участники шествия шагали молча, плотно сжав губы. Вдова Белоусова Аня через силу переставляла ноги. Ее поддерживали под руки с одной стороны — сестра Тоня, с другой — мать. Головы женщин покрывали заиндеветшие от дыхания черные платки.

Тихон не знал ни жену Белоусова, ни двух других женщин, но догадался, кто это может быть. Муровец шел по тротуару в стороне от процессии. Продрогшее на морозе солнце светило тускло и холодно. Столицын забыл надеть перчатки и теперь грел руки в карманах пальто. На душе у него было тоскливо.

За поворотом на вторую улицу оркестр умолк, чтобы передохнуть. Наступило тяжелое безмолвие, нарушаемое лишь шумом шагов участников процессии и натужным рычанием мотора автомашины, ехавшей на первой скорости.

Тихон через головы людей, столпившихся вдоль мостовой, видел гроб с телом покойного, обтянутый красным бархатом с черной траурной каймой. Столицын теперь отчетливо увидел жену Белоусова. Ослабевшая от горя вдова, казалось, не понимала, что происходит вокруг нее. Вслед за нею шли провожающие со скорбно склоненными головами, мужчины держали шапки в руках.

На тротуарах вдоль мостовых стояли люди, словно выстраиваясь в одну, общую шеренгу.

По распоряжению губкома в четыре часа дня прозвучали траурные гудки трех крупных заводов, и на минуту остановились на предприятиях все работы.

Тихон знал, что в эти часы там, в Москве, товарищи из уголовного розыска хоронят его лучшего друга Николая Кривоносова, так же, как и

Белоусов, безвременно погибшего от бандитской пули, и на душе у него стало еще тяжелее...

У кладбищенских ворот гроб сняли с кузова автомашины и подняли на плечи верные друзья Белоусова: Савелий Бугров, неизвестный крупнолицый мужчина со светлыми редкими волосами, приехавший, как говорили, из Москвы, Рябов и Петухов.

Гроб установили у края могилы. Замер торжественно выстроенный военный караул с винтовками в руках.

На большой дощатый помост поднялся Бугров. Рядом встали с ним Рябов, светловолосый москвич и худощавый юноша. Вцепившись руками в борта матросского бушлата, Бугров дрожащим от волнения голосом начал траурную речь.

— Мы сегодня в глубокой скорби. Нет слов, чтобы передать нашу печаль. Бандитская пуля вырвала из наших рядов замечательного сына русского народа, пламенного революционера, Максима Андреевича Белоусова. Змеиное отродье подняло руку на самое для нас дорогое. Отняло жизнь у человека, который всего себя без остатка отдал народу, революции, преобразующей жизнь пролетариата. Осталась вдовой его жена, близкий ему друг, помощница — Анна Ефимовна. Но мы не забудем ее, окружим теплом и вниманием. Не предадим и память о Максиме Белоусове, человеке большого и доброго сердца, своем боевом друге, члене партии большевиков с 1915 года. Сын богатого врача, он, окончив гимназию и поступив в университет, смело вступил на путь борьбы с темнотой, бесправием, угнетением, всем тем, что несло царское самодержавие простому народу. Порвав связь с родителями, не разделявшими его убеждения, он все свои духовные силы, всю свою энергию, светлый, большой ум отдал делу свержения царизма, уничтожения эксплуатации человека человеком. Ни тюрьмы, ни ссылки не могли сломить его кипучую волю, энергию, преданность делу коммунизма. Впервые его, студента Петербургского университета, за участие в революционном движении заточили в Петропавловскую крепость в девятнадцать лет. Затем он был сослан в Сибирь. Вернувшись из ссылки, он снова с головой ушел в подпольную работу большевистского комитета Окска, куда направил его сам Владимир Ильич Ленин. Белоусовым, как членом Военно-революционного комитета, летом прошлого года была проделана огромная работа по созданию и обучению отрядов красногвардейцев. В дни захвата власти в городе он возглавлял решающие участки вооруженного восстания.

После установления Советской власти на первом заседании ВРК ему было поручено создание рабоче-крестьянской милиции. И с этим заданием партии он успешно справился. Работая, не щадя себя, он смог за короткое время организовать, укомплектовать губмилицию, пресечь десятки бандитских налетов на государственные учреждения, задержать и отдать под суд более трехсот бандитов. И вот такой человек погиб от рук негодяев! Пусть не рассчитывают враги революции, что подлыми убийствами они смогут нас сломить. Мы еще теснее сомкнем ряды и в могучем революционном порыве поведем трудящихся к победе! Спи спокойно, наш незабвенный друг!

Гроб стали опускать в могилу, время на несколько секунд словно остановилось. Раздались оружейные залпы прощального салюта.

22. Одиночество

Не стало больше заведения Слезкина. Ресторан реквизировали Советы и открыли в нем общественную столовую.

Из всей прежней роскоши — часов, вделанных в чучело медведя, великолепной мебели, мягких зеленых штор, хрустальных люстр — остался лишь щегол в пестром оперении. Он один не чувствовал перемен, бойко перепархивал в своей клетке с веточки на веточку и пел. Исчезли из зала диковинные статуэтки с замысловатыми вензелями, фигурки из дуба, гипса, бронзы.

Слезкин-старший, заросший щетиной, по-прежнему стоял за буфетом. Но теперь, уже в роли заместителя заведующего столовой, он получал от комиссариата продовольствия денежный оклад. Его нельзя было узнать — робкий, суетливый, всем угождающий. От прошлого осталась лишь привычка держать под фартуком руки — красные, как клешни у обваренного рака.

Увидев Тихона, Слезкин обрадовался и завертел головой:

— Здравствуйте, господин Беккер. Думал, вы уехали. Леонид сразил меня. Не знал, что он негодяй. Порядочный клиент нас теперь обходит стороной. Идет молва, что меня освободили за деньги. Будто все равно арестуют. А я ведь ни в чем не виноват!

Тихон присел к столику. Он готов был долго слушать бывшего купца с одной целью: чтобы узнать, где сейчас находится певица Зося.

— Одну минуточку, я только передам на кухню ваш заказ, — залебезил Слезкин-старший.

— Мне от вас скрывать нечего, — выдавливая жалкую улыбку, через минуту продолжал он, — семьдесят лет назад дед мой, Пафнутий Евграфович, открыл на этом самом месте, — Слезкин несколько раз ударил каблуком об пол, — маленькую харчевню. Перебиваясь с хлеба на квас, пустил в оборот капитал, какой имел. Это мог сделать любой, да не всякому по душе гнуть в три погибели за копейку спину, наживать кровавые мозоли. Через сорок лет адского труда всей семьи дед отдал богу душу, оставив моему отцу крохотное состояние в виде ресторации из двух залов. Родитель мой пошел в предка, но скоро приказал долго жить. Тогда-то все хозяйство легло на плечи пятнадцатилетнего малого,

вашего покорного слуги. Этому ресторану я посвятил тридцать лет жизни.

Полная неторопливая работница столовой принесла на подносе заказанную Тихоном еду и вразвалочку удалилась.

— Так, так, рассказывайте, — Тихон помешал ложкой горячий борщ. — Слушаю вас.

— Ну, вот, — даже прослезился бывший купец, — какой я эксплуататор? Новая власть, как бы ни презирала богатых, не должна отнимать то, что нажито честным трудом, я так понимаю. Извините, не наскучил ли своими печальями? Вам они, извиняюсь, может, ни к чему?

— Напротив, слушаю с исключительным вниманием и сочувствием. Имею в этом свой интерес.

Ободренный такими словами господина Беккера, Слезкин вытер ладонью мокрый лоб и продолжал:

— Куда проще сделать капризным клиентам от ворот поворот. Сказать: идите, мол, прочь со своими причудами, отваливайте. А Слезкин, бывало, любого накормит, всякому сумеет угодить. Всегда имелся полный ассортимент закусок, вин, табака... Да что говорить, подчас губернатор с благоверной захаживали...

Столицын доел яичницу, согнал с сайки муху и принялся за жидкий чай. Слезкин горестно вздохнул:

— По нынешним временам даем только чаек, а какао и кофия след простыл.

В столовую вошли молодые люди в гимнастерках и куртках, перепоясанные ремнями. Шумно разговаривая, расселись. Все та же работница столовой приняла от них заказы и, по-утиному раскачиваясь, ушла на кухню.

— Вот здесь у меня одна горечь, — Слезкин ткнул себя пальцем в грудь. — Жаль, Зосенька потеряла место, лишилась эстрады. Обедает теперь в Никитском ресторане. И уж не ведаю, как и на хлеб, бедняжка, зарабатывает. Какой талант пропадает!

Стоп! Это все, что было нужно Тихону. Он теперь знал, где искать артистку.

Сочувственно распрощавшись с бывшим владельцем ресторана, Столицын вышел из столовой, готовый к действиям.

Тихон, гуляя в городском парке, мечтал о будущем Окска, о том времени, когда воцарит всюду мир и согласие, а благодарные потомки воздвигнут памятники эпохальным событиям и героям революции.

По заснеженной аллее парка он дошел до крутого спуска к реке. Внизу, скованная панцирем льда, спала Ока. Над ней кружился порывистый ветер. И вдруг сотрудник МУРа представил парк, берега Оки лет этак через пятьдесят. Как все изменится! Воображению представились многоэтажные дома, новые заводы, фабрики, кинематографы, великолепные мосты через реку. Дожить бы до тех пор! Прийти сюда с внуками. Рассказать им, какой был этот парк в январе восемнадцатого года. А то ведь пройдут годы, никто не вспомнит о каком-то ресторане Слезкина, где в новогоднюю ночь погибли смелые, преданные революции, люди Николай Кривонос и начальник милиции Белоусов и их товарищи. Нет, вспомнят, обязательно вспомнят! — уверенно подвел итог Столицын.

23. Тихон слушает ученого

Столицын прочитал в газете, что в Окском Доме обороны проходят встречи с учеными, выступают агитаторы новой власти. Ему хотелось развеяться, отвлечься на минуту, да и соскучился он в одиночестве. К тому же он очень любил пламенных революционеров — ораторов.

Но было ясно, что ходить на революционные собрания сыну царского дипломата не пристало. Однако поприсутствовать на встрече с ученым вполне даже можно.

Тихон слышал о некоем преподавателе местного епархиального училища, известном сочинителе книг о воздухоплавании, который живет в Окске и часто посещает Дом обороны. Столицын решил съездить туда — авось удастся послушать лекцию знаменитости.

— Эй, кучер! — Тихон остановил легкий двухместный экипаж.

— Куды изволите? — натянув вожжи, спросил возница.

— Прикажу к Дому обороны, любезный. На Салтыковку. Да погоняй, братец, пошибче. За лихую езду — получишь целковый. — Тихон хлопнул кучера по армяку, изобразил барское наслаждение и плюхнулся в экипаж.

Кучер, как водится, оказался говорливым:

— Экое время! Ноне всем подавай пошибче. Варфоломеевские дни и ночи нагрязнули. Ни слухом ни духом не ведая, а можешь загреметь в тартарары. Слыхали, как ресторан Слезкина изметелили? А начальника тутошней милиции пристукнули, да так, что он, гутарят, наутро в гошпитале отдал богу душу. Долго ли продержится новая власть, Господь его ведает. Да только одно плохо: простой люд, как ни поверни, страдает.

У Тихона, так неожиданно вновь услышавшего о смерти Белоусова, екнуло сердце. Он удивился осведомленности кучера. И на всякий случай, расплачиваясь, постарался запомнить его лицо.

У входа в Дом обороны скапливалась, главным образом, молодежь. Тихону стоило трудов пробиться через плотную толпу в зал и найти местечко поближе к лектору — благообразному старичку, одетому в темный, строгий костюм, рубашку с галстуком. Наконец Столицын мог слышать ученого.

— Друзья, науке известно, что между планетами различных звездных систем и нашей Землей, несомненно, много общих черт. Ведь их составляют одни и те же вещества! На таких далеких планетах есть атмосфера, на них действуют силы тяготения. Сменяются там времена года и есть, полагаю, планеты, которые, подобно Земле, пригодны для жизни, если они находятся на благоприятном расстоянии от своего светила... Ученым предстоят большие и полезные исследования...

Внимательно слушали увлеченную и поэтому увлекательную речь старого ученого парни, одетые в косоворотки, свитера, сюртуки. Девушки — в строгих платьях, костюмах. Наперебой задавали докладчику вопросы. Ученый, блистая эрудицией, находчиво и быстро на них отвечал. Остроумия ему было не занимать.

Некоторых молодых людей ученый называл по имени. Обращаясь к ним, спрашивал, не забыли ли они училище, которое парни и девушки, видать, окончили, интересовался, кто что теперь делает, а двум девчушкам, веселым хохотуньям, по их просьбе, подарил маленькие книжечки в коричневом переплете, оставив на первой странице свой автограф.

— Друзья мои, продолжайте глубоко изучать науку — астрономию. Все свободное время посвящайте ей и вы познаете радость открытий. А сейчас, умоляю, отпустите. Меня ждут в комиссариате милиции. Волнуюсь, потому как не имел до сих пор такого опыта. Я имею в виду опыта выступлений перед прежней полицией. Прощайте, друзья. Больших вам удач, успехов в работе, учебе. Не забывайте своего старого учителя, готовьте вопросы к следующей нашей встрече. Тему будущей лекции вы знаете...

Повидать знаменитость было очень интересно. Тихона приятно удивило то, что ученый пошел читать лекцию прямо в управление губмилиции. Вот бы его послушать там! Сильное волнение произвела на Столицына задушевная беседа старика с молодежью. В речи лектора чувствовалась мудрость. Каждая фраза им произносилась рассудительно, заставляла задумываться. Ученый производил впечатление солидного мыслителя, обладающего большими знаниями. И в то же время, он разговаривал с молодыми людьми, как с равными. Такой пример новых взаимоотношений между молодежью и старым поколением — не есть ли добрый пример нового времени, не завоевание ли это рабоче-крестьянской власти? — подумал Тихон.

В городском Доме Оборона читал лекции видный ученый. Столицын решил послушать знаменитость, его растрогала ясность, теплота и простота речи местного светила. Ученый по-свойски общался с молодежью.

Сопровождала старого учителя к выходу из Дома обороны светловолосая симпатичная молодая женщина в куртке с отложным накрахмаленным воротником. На ходу она звонко щебетала:

— Посетила я на днях село Горевское. Вы, наверное, знаете, это в семи верстах отсюда. Попала на свадьбу. И была заморожена. Какая прелесть! Настоящий праздник. Дух захватывает! Регистрация проходила по желанию новобрачных: хотите — в сельском Совете, а желаете — будьте добры в церковь, к батюшке на венчание. В общем, красота. Молодые не наглядятся друг на друга...

— Вот видите, какое вы получили удовольствие. Так и дальше дело пойдет. Я преотлично помню прежние подневольные свадьбы. Брак без радости и веселья, с лицемерием под Господом Богом. А нынче, если уж намерился кто заключить союз по христианскому обычаю, тоже, не возбраняется.

Ученый вышел из Дома обороны. Тихон оделся и направился в свои, можно сказать, апартаменты. Увлекательный рассказ о звездных мирах не отвлек его от земных дум. А они у него оставались прежними: как побыстрее выловить остатки банды Бьяковского? Когда Столицын возвратился в гостиницу, шел девятый час вечера. Еще один день прожит и — тут же в мыслях признал Тихон — он ничего пока не дал для дела.

Столицын быстро разделся и лег спать, нетерпеливо ожидая утро следующего дня, чтобы продолжить порученный ему поиск. Он верил — упорная работа должна принести успех.

24. В новом ресторане

В то утро Тихон проснулся в тревожном состоянии. Не было еще и восьми. В окне чуть-чуть брезжил поздний зимний рассвет. За дверью номера ходили по скрипучим половицам какие-то люди. Гостиница пробуждалась. Сердце Столицына исполнилось непонятным волнением и беспокойством. Он стал припоминать кошмарный сон. Будто улица, по которой он шел, уходила из-под ног. Он пытался звать на помощь, никто не отозвался. Потом появились какие-то люди в халатах. В одном из них он признал штабс-капитана по Брестскому полку господина Эссена...

Тихон закинул руки за голову. Сделал несколько спокойных вдохов и выдохов. Попытался обрести нормальный ритм дыхания. Добился этого. Встал и начал заниматься гимнастикой. Сегодня он непременно должен разыскать певицу.

К обеду Столицын был в новом ресторане, открытом Советской властью на улице Никитской, и стал ожидать появления Зоси. Придет ли? Он сомневался. То, что певица обедает именно здесь, подтвердила и горничная Шура. Но всегда ли? В небольшом зале Тихон насчитал двенадцать столиков. Сел так, чтобы через стеклянную дверь было видно помещение, где раздевались посетители, но самому оставаться менее замеченным.

Заняв удобное место, Столицын не торопился заказывать блюда. Спешить ему было некуда. К тому же он еще и не проголодался. Сотрудник МУРа не представлял, сколько придется просидеть: час или два. Он стал листать меню со скучающим видом. Подошедшей официантке, ловкой, ярко накрашенной девушке, он вежливо сказал:

— Еще не выбрал.

— Выбирайте, — сухо ответила она и хотела уйти, но Тихон спросил:

— А помимо меню что есть?

— Помимо у Слезкина было, да сплыло, — ядовито заметила бойкая официантка. — Не держим разносолов для именитых. Кухня для всех общая.

Тихона веселил такой разговор. Он продолжал забавлявшую его игру:

— Стрижете всех под одну гребенку? Не вылетите ли в трубу с таким порядком? Слезкин-то большие прибыли имел, потому что на вкус каждого клиента деликатесы держал.

— Не беспокойтесь, — вскинула подрисованные брови официантка. Запонки и перстни господина Беккера вызывали в ней раздражение. — Мы людей кормим, а не купеческие прибыли считаем.

Тихон заказал, наконец, легкий обед. В ресторан шли посетители. Но не прежние, знакомые Германа Беккера. А хорошо бы встретиться с теми, у кого завоевал он уже расположение и доверие. Столицын нетерпеливо поглядывал через стеклянную дверь в фойе.

В таком напряжении Тихон просидел два с лишним часа. За это время несколько раз ему казалось, что ожидание напрасно. Но наконец-то был вознагражден: увидел певицу.

Сопровождал ее молодой человек, одетый в военную форму без погон. Зоя стояла спиной к залу и была видна Тихону в зеркало. Вот она подправила пояс длинного шерстяного фиолетового платья. Чуть-чуть взбила локон пышных волос. Спутник подал ей руку. Она оперлась на нее и последовала за ним из фойе в зал, затем направилась к крайнему у стены столику, подальше от окна.

Певица Зося обедала теперь в новом ресторане. Появилась она в сопровождении военного. Тихон сидел за столиком и бдительно наблюдал за артисткой и ее кавалером.

Тихон наблюдал за певицей и ее спутником, пытаясь разгадать, с кем она пришла. Высокий, почти на голову выше Зоси... Большим пальцем левой руки приглаживал черные тонкие усы...

К их столику подошла официантка, полная, пожилая, улыбчивая.

А Тихон попросил девушку, убирающую с его стола посуду:

— Еще бутылочку лимонада. Понравился напиток. И будем рассчитываться.

Официантка недовольно буркнула:

— Нужно сразу заказывать, а не тянуть по чайной ложке.

У Тихона стало подниматься настроение. Ему нужна была встреча с артисткой и она почти состоялась. Лишь бы ее не задержал усатый кавалер. Сославшись, что дует из окна, Тихон незаметно для Зоси пересел поближе к парочке, спиной к ним и маленькими глотками стал пить лимонад, прислушиваясь к беседе.

— Господь сподобил еще раз тебя увидеть, — сказал усатый.

— Слава богу, — неопределенно ответила певица.

— Зося — ты чудо.

— Так уж. Вы льстец. И у меня очень много недостатков. Но с вами, вижу все в порядке?

— Увы, не так, чтобы. Мое житейское море наполнено коварными айсбергами и рифами. От столкновения с ними одни несчастья.

— Что поделаешь, безоблачного плавания не бывает.

В таком духе шел разговор. У военного, как отметил Тихон, не очень привлекательное лицо, но в осанке, движениях видна военная косточка.

Столицын продолжал ловить каждое слово. Подслушанные фразы, однако, ни о чем не говорили. Можно было лишь предположить, что Зося встретилась со старым знакомым. Но вот, наконец, мужчина спросил девушку о ее нынешней работе, чем занимается, как добывает средства к существованию. Внимание! Тихон напряг слух.

— Бегаю, ищу место в наших клубах и театрах, — ответила Зося, вращая в руке пустой фужер.

— И что же? Находите? Говорят, даже магазины и те в городе все заколочены, витрины забиты досками.

— Неправда. А я в электротеатре «Люкс» устраиваюсь. Лучший в Окске. Разве плохо?

— Что на улице Садовой?

— Да, перед сеансом будем петь. Вот вам и заработок.

— Но ведь, говорят, чистые сборы идут в пользу городского Совета депутатов. Слышал из достоверных источников. Что ж вы получать станете? Вас облапошат, как белку.

— Ну уж дудки. Получу карточки, продукты.

Удача! Теперь точно известно, где можно найти Зося.

— Я уже вам говорил, мой отъезд отложен на послезавтра, — продолжал между тем ее спутник. — Проведем сегодня вечер вместе или хотя бы завтра?

Тихон чуть подался в сторону парочки, чтобы лучше их слышать.

— Сегодня откажу, — ответила Зося. — У меня много дел. Занята. Завтра тем более не обещаю. Я сама себя обслуживаю. Много работы. Отложим до следующего раза. Надеюсь, еще приедете к нам?

— Увы, боюсь, что не скоро. Так что лучше бы использовать нынешнюю возможность. Другой может не стать.

— О, не огорчайтесь! Ну, рассчитывайтесь. Нам пора.

Столицын, положив названную официанткой сумму на стол и выждав, когда Зося и ее кавалер оденутся в гардеробной, вышел из зала. Затем направился следом за парочкой, стараясь остаться незамеченным. Вскоре девушка распрощалась с кавалером. Зося пошла вниз по улице, а военный свернул в переулок. И несколько раз оглянулся, видимо, на что-то еще надеясь.

Одиночество Германа Карловича Беккера кончилось.

25. Ба! Знакомые все лица!..

Тихон быстрым шагом стал нагонять артистку. Она дошла до торгового ряда и зашла в ювелирный магазин. Столицын завернул туда же, остановился в двух шагах от певицы. На нее, не скрывая восхищения, смотрели многие покупатели и приказчики. Она же, казалось, никого не замечала, рассматривая драгоценности на витрине. О чем-то попросила вихрастого молодого приказчика. Тот с готовностью скрылся за дверью и вскоре вернулся, осторожно поставил перед певицей деревянный сундучок, надавил пальцем на кнопку крышки. Ларчик со звоном открылся. В нем лежали кольца, перстни, кулоны, в которых сияли особой шлифовки и гранения алмазы, агаты, рубины. Зося нагнулась, запустила туда пальцы, извлекла широкий перстень с изумрудом.

— Ой, какое чудо, боже, как это прекрасно! — прошептала она.

— Будете покупать? — спросил приказчик.

— Пока взгляну, если позволите.

— Разумеется, сударыня.

— Дух захватывает, но...

— Чем еще могу служить, сударыня?

— Покажите вот это кольцо.

— Царское украшение, — притворно вздохнув, произнес Тихон.

Зося с удивлением оглянулась и, узнав Тихона, широко улыбнулась:

— Дорогой Герман Карлович! Рада вас видеть.

— Я тоже, возможно, еще в большей степени, — ответил Тихон, целуя Зосе руку и смотря на нее влюбленными глазами. — Думал о вас. Боялся, что больше не увижу. А было бы жаль потерять вас навсегда.

— А я решила, что вы исчезли из нашего города, сбежали в свою Австрию после той страшной ночи. Не рассчитывала уже вас встретить. Наверно, тогда, в новый год, вы подумали, как плохо стало у нас в России?

— Конечно, плоховато, но есть люди, которые могут скрасить и самое плохое...

— Вы что, изучаете товары в наших лавках? Или случайно зашли?

— Признаться? Честно?

— Надеюсь, ведь мы приятели.

— Я теперь много гуляю. Скучно, а друзей нет, да и откуда им взяться? Тем более сейчас. Тоска гложет. Совершенно одинок, как отшельник. Все время вспоминал, как вы прекрасно пели в ресторане. И, вдруг, на свое счастье увидел вас.

— Сегодня мне везет на комплименты.

Девушка положила перстень и кольцо обратно в коробки и протянула их вихрастому юноше.

Зоя приятно удивлена, неожиданно встретив в ювелирной лавке старого доброго знакомого Германа Карловича Беккера. Она была рада его видеть снова.

— Не станете все-таки брать? — сделал кислую мину приказчик.

— К сожалению, — ответила Зося. — Сейчас нет свободных денег. А вещички прелестные. Я только хотела их присмотреть на будущее.

— Камень в перстне особенно понравился и мне, — заметил Тихон. — Отличная вещь. Может быть, вам одолжить денег?

— Нет, нет, что вы.

Зося взяла его под руку и вывела из магазина.

— Рассказывайте, как живете.

— Я вас часто вспоминаю, это, во-первых, — искренне признался Тихон. — А во-вторых, как уже говорил, хожу по городу, люблюсь достопримечательностями.

— А вам, случайно, не икалось? — спросила Зося. Ее лучистые глаза лукаво заблестели. — В то время, когда вы гуляли по городу, вам не икалось?

— Ну как же, как же. Это вы меня вспоминали? Было, было... Пусть залогом того, что мы больше не потеряемся, будет вот это. Вещичка не уступит магазинной.

Тихон положил на ладонь девушки перстень, присланный неделю назад Белоусовым.

Зося покраснела и смущенно запротестовала:

— Что вы, разве можно делать такие подарки? Ведь один презент от вас у меня уже хранится. Вы не знаете счета деньгам.

Но Тихон был настойчив. Он надел перстень на безымянный палец девушки.

— Да уж и не знаю, как поступать с вами. Я вам, конечно, благодарна, это само собой. Но не потребуете ли вы за свои подарки?..

Зося коснулась щеки молодого человека рукой и пытливым взглядом глянула ему в глаза.

— О! Я потребую самого дорогого, о чем только могу мечтать! Погулять со мной по городу. Не откажетесь?

Она засмеялась.

— Для меня это самое легкое и самое приятное.

Столицын помнил, однако, цель встречи.

— Вы живете одна? — спросил он девушку в подходящий момент. — Так, кажется, вы мне говорили...

— Ах, вот что! Да. Совершенно одна. Не желаете ли получить разрешение наведаться ко мне? — она испытующе взглянула на спутника, не переставая, впрочем, улыбаться.

— Если бы это было возможно, был бы очень вам благодарен, — воскликнул Столицын. — Надеюсь, это когда-нибудь произойдет.

— Приглашу. В ближайшее время. Только что я обедала со старым своим поклонником. Ему отказала, а вам обещаю. Он докучливый, и мне совершенно несимпатичный тип.

— А что, если мы сейчас пойдем к вам, — предложил Тихон. — Гостиница мне просто опостылела. Не дождусь паспорта на выезд. Посидим, поболтаем, можно даже выпить бокал шампанского.

— Все это так, но я не готова вас принять, — смущенно возразила Зося. — И не расположена сегодня пьянствовать. Я вообще очень мало и редко пью. Хотя, конечно, по такому поводу, как наша встреча...

Зося была нерешительна, Тихон настойчив. Он снял с руки Зоси перчатку и поцеловал ладонь.

— Уступите, Зосенька. Ведь это будет так кстати именно сейчас. Вы не представляете, как тоскливо мне одному.

— Что же мне делать? — заколебалась девушка. — Вы нетерпеливы... Однако, дайте подумать. Сейчас сколько времени? Так. Ладно. Пожалуй, можно. Но не сразу, пойдем не вместе. Вы придете чуть позже. Хорошо?

Зося назвала улицу, номер дома, рассказала, как пройти к ней и еще раз напомнила: приходите, но не раньше как часа через два. И добавила многозначительно:

— Каждая девушка, принимая гостей, должна быть уверена, что ее не застали врасплох. Надо навести в доме порядок.

Они расстались. Настроение у Столицына поднялось. Он купил хорошего вина. Погулял по улице. Точно в назначенное время направился по указанному адресу. Со светлых улиц пришлось свернуть в темный переулок. Вытащил пистолет из бокового кармана и поместил его в кармашек, вшитый в рукав. Чего скрывать — волновался.

Но вот и деревянный дом за изгородью. Массивная калитка. Тихон прошелся по дорожке, поднялся по ступенькам, стряхнул снег с одежды. Постучал в дверь. Тут же послышались легкие шаги.

— Вы?

Звякнул засов... Зося приветливо улыбалась. Тихон прошел за ней в комнату.

— Не долго искали меня? Хижина моя на отшибе, не заблудились? — она говорила так, словно у нее перехватывало дыхание.

— Если бы даже на краю света...

— Будьте как дома, — успокоившись, щебетала Зося. — Давайте шляпу. Вешайте пальто. Не озябли на улице? Я заставила вас так долго гулять.

Из прихожей Зося провела гостя в небольшую столовую. Старомодная мебель была начищена до блеска. На стене, над столом, висел групповой снимок улыбающихся и счастливых девушек-гимназисток.

— Найдите-ка меня.

— С удовольствием.

— Не найдете! — засмеялась Зося. В домашней обстановке она казалась будничной, но по-прежнему красивой. — Даже не старайтесь. Бесплезно. Сто лет прошло с гимназической поры!

— Постойте, не подсказывайте. Нашел. Вот!

— Угадали!

Сели за стол, он уже был накрыт, весьма, впрочем, скромно. Колбаса, сыр, ветчина. Бутылка, принесенная Столицыным, пришлась очень кстати.

Тихон был в ударе. Развлекая девушку изо всех сил, рассказывал забавные истории, анекдоты.

Так они провели несколько часов. Наконец, Тихон встал и взял Зосю за руку.

— Мне хорошо было с вами, — искренне сказал он. — Но когда-то надо и прощаться.

— Скоро опять приглашу. Тогда посидим подольше.

— Вот бы завтра? Я свободен. Можно?

— Нет-нет, только не завтра. Не вздумайте самовольничать. Нужно повременить. Это мое условие. Я вам сообщу...

— Зачем откладывать, почему? — упирался Тихон. — Ведь вы будете скучать в таком же одиночестве, как и я?

— Как раз нет. Я уезжаю к подруге. У нее останусь ночевать, — ответила Зося и опустила глаза. — Приглашу в другой день. Не смейте только приходить без приглашения. Обижусь! Запомните?! До встречи, по моей воле.

— Хорошо. Обещаю. До встречи, когда прикажете.

Тихон быстрой походкой удалился от дома молодой хозяйки. Хлопнула за спиной калитка палисадника.

Столицын знал теперь, что делать. Сто против одного: Зося не может быть сообщницей бандитов. Но что-то она знает. Нужно

привлечь ее на свою сторону и все выведать.

26. Среди «серых волков»

Утром Тихон через связного передал все добытые за два дня сведения в управление милиции. Ждал до вечера указаний Рябова, и наконец получил записку:

«План одобряю. Действуй через Зосю. Рекомендуем сегодня вечером, несмотря на запрет, посетить ее квартиру. Дом взят нами под наблюдение. Будь осмотрителен».

Тихон вышел из гостиницы. Часы показывали девять часов вечера, было самое время отправиться к Зосе. Тихон тревожился. По словам певицы, ее сегодня не будет дома. А если она все же у себя и не одна?

Вот и дом. В одном из окон мелькнула полоска света, затем свет появился во втором окне и желтое его пятнышко упало на снег. Тихон нащупал холодную рукоятку пистолета и шагнул к крыльцу. У двери перевел дыхание. Прислушался, постучал в дверь. Сделал это сначала тихо, потом слишком громко. В доме продолжала стоять тишина, наполненная свинцовой тяжестью. Поскрипывал снег под ногами Тихона. Он еще раз долго и настойчиво постучал. Только теперь за дверью послышалось движение.

— Кто там? — тревожный голос принадлежал Зосе.

— Это я, Герман...

— Беккер, вы с ума сошли. Я же просила, — с испугом, почти простонала девушка. А за палисадником уже послышались шаги и приглушенные голоса.

— Входите же, быстрее, — зашептала, прерывисто дыша, девушка и за руку потянула Тихона в коридор.

Когда Столицын был уже в комнате, в дверь загрохотали. Тихон посмотрел на Зосю. Ее искаженное лицо выражало откровенный страх. Она, не выпуская руку Тихона, растерянно залепетала:

— Это ко мне. Спрячьтесь за дверь. Как только они войдут в комнату, уходите отсюда.

Девушка изменилась до неузнаваемости. Такой суетливой и беспомощной Тихон ее не видел.

— Ступайте же, — повторила она просяще. — Вы погубите меня и себя.

Тихон догадывался, какие «гости» пришли к девушке. Он притаился за дверью, ведущей из сеней в комнату. Зося открыла наружную дверь, вошел, тяжело дыша, гость. Через щель Тихон разглядел мордастого, крупного мужчину в заячьей шапке. Зося заискивающе лебезила перед ним:

— Проходи, Степан, проходи.

По тону девушки Тихон понял, что вошедший пользовался над ней огромной властью. Итак, на горизонте показалась первая «ласточка». И он, Тихон, конечно, ни за что не уйдет отсюда, что бы ему ни грозило. Наконец-то какая-то ниточка давалась в руки сотруднику МУРа.

— Ты одна? — пробасил вошедший.

— С кем же мне быть, Степа?

— Не отвечай вопросом на вопрос, — недовольно бросил гость, названный Степаном.

— Вы что, посадили меня в клетку? И познакомиться ни с кем нельзя.

Интонация Зоси насторожила гостя.

— Что, что? Ты, девка, не мудри. Со мной шутки плохи.

— Да это я к слову, успокойся, проходи. Одна я. Кому со мной быть?

Мужчина, снимая полушубок, осведомился:

— Как проводишь время?

— Ты о чем, Степа?

— Все о том же. Ишь, ягненок. Уголовный розыск арестовал многих наших. За нами с тобой очередь. Чай, в одной связке спутана.

Зося промолчала.

В комнате установилась зловещая тишина.

Тихон из-за двери мог наблюдать за обоими.

— Только меня не впутывай, — сказала тихо Зося. — Не в курсе ваших дел. Долго вообще не знала, кто вы? А теперь узнала и не по себе стало, Степа.

— И нам не сладко, — примирительно отозвался мужчина. — Тяжелые деньки наступили. Сильно потрошат нашу братву. А ты не вздумай трепаться о том, что знаешь. Язык вырву!

— Одни угрозы и слышу, — беззлобно отозвалась Зося. Она думала, что Тихон уже ушел. — Прекратите ко мне ходить. Оставьте

меня в покое. Христом богом умоляю, Степа.

— Что-о! — мужчина положил на плечо Зоси сильную руку. — Это теперь-то?

— Степан! Больно! — вскрикнула девушка. — Что за глупые шутки.

— Еще пикнешь — могу и придушить. С кем встречаешься? Такая красотка одна не усидит. Кобелей на нашу сучку хватит. Днем с фраером променаж делала. Тебя видели с ним в ювелирном... Что за тип? Кто он?

— Ах, вот ты о ком... Сын дипломата. Здесь живет в гостинице. Ожидает визу на выезд в Австрию... Вы же его все знаете, он столовался в ресторане Слезкина.

— Вот ты каких жеребчиков ловишь! — насмешливо-хмуро заметил посетитель. — Видел его, помню. Маменькин сыночек. Слюнтяй, его бродие...

— С ним-то, надеюсь, можно встречаться, — просяще произнесла девушка. — Он скромный и порядочный студент.

— С ним-то и нельзя! — с ударением ответил бандит.

Тихон несколько минут думал, как ему быть, и решил объявиться, надо действовать! Он поправил в рукаве пистолет и шагнул из-за двери.

— Это со мной она встречалась. Я пришел к ней в гости. Лицо неприкосновенное. Пожалуйста вам мой паспорт.

Тихон понимал: наивно бандиту говорить об этом. Но рискнул дезориентировать противника именно своей наивностью: пусть думает — простодушный, самонадеянный дурачок.

Зося, казалось, потеряла дар речи. Она прижала руки к груди. Ее сковал страх. Она ждала, что предпримет бандит.

Степан при неожиданном появлении незнакомца, выдернул из-за голенища финку, однако, увидев, что кавалер Зоси показывает какой-то документ, усмехнулся:

— Бравый дипломат, рисковый. Красавчик. Пожелал мне вызов бросить. Защищает свою королеву. Может, она тебе жена?

— Если я пожелаю с Зосей встречаться, вы мне не помешаете, — резко заявил Тихон.

— Смелый малый! Олух царя небесного.

— Не из пугливых, — Тихон призвал на помощь все свое самообладание. — Девушку не дам в обиду.

— Значит, говоришь, встречаться хочешь? Попробуйся, — Степан приставил финку к груди Тихона. — Наткнешься на вот это, если ослушаешься. А кралю есть кому без тебя защищать.

Зося в отчаянии закричала:

— Степан, опомнись! Я же в своем доме. Он ведь мой гость. Вам разве господин Беккер помеха. Он гражданин другой страны. Хороший мой приятель. Прояви милосердие.

— Кто тебе разрешил приводить его сюда? — Бандит левой рукой до боли стиснул плечо девушки. Зося заплакала.

Тихон сделал шаг в сторону и приемом, как его учили в МУРе, закрутил бандиту руку с финкой за спину.

— Ого-го! — Степан головой ударил Тихона в грудь, рывком освободил руку. — Молокосос.

Бандит тяжело дышал, его глаза налились кровью. У Тихона выступили на лбу капельки пота.

— Сопляк, сейчас прикончу! — рявкнул бандит. — Заодно и эту паскуду, которой уже говорено, чтобы кобелей искала среди нашей братвы. Иначе душу вытряхнем.

Австрийский паспорт Тихона валялся на полу.

Тихон находился в квартире певицы, когда туда нагрянули обитатели притона. Столицын по-прежнему представился дипломатом и вступил в поединок с бьяковцем.

Степан производил впечатление сильного зверя. Натренированного, жестокого, безжалостного. Опасность была реальной. Но Столицын знал: схватки без риска не бывает. От его умелых действий зависел успех. Он понимал, что разведал то, что не смог узнать погибший Николай. Такие сведения очень нужны милиции. Уйти бы отсюда живым! И тогда банду можно сцапать.

Мордастый переложил финку в левую руку, правой вытащил из кармана браунинг, наставил на Тихона. Решительно приказал:

— Оружие на стол или пуля в лоб.

— Не имею такового. Не ношу, — Тихон развел руками. — Ни с кем не воюю. Мирный человек.

— Зося, — приказал Степан, все еще не пришедшей в себя певице, — дай веревку. Свяжу красавца. Чтобы по ночам к занятым дамам не шлялся.

— Не трогай его, Степан, прошу господом богом, — взмолилась Зося. — Ну послушай меня, он же никому вреда не сделал. Обещаю: не буду встречаться с ним.

— Говорю, сука, веревку! — гаркнул бандит.

— Я не позволю над собой издеваться! — выпятил грудь Тихон. — Вы ответите перед законом! Вам это так не пройдет! Кто вам дал право глумиться над неприкосновенной личностью?

— Цыц, мелочь. Пистолет — мое право. С любым фраером мы поступаем по своему закону.

— Я неприкосновенная личность, настаиваю, оставьте нас в покое, — продолжал кричать Столицын, вскинув гордо голову. — За произвол ответите по всей строгости международных соглашений.

— Заткнись, козьяк! Соглашение! — Степан двинул стволом пистолета в живот Тихону и снова приказал Зосе: — Неси веревку, потаскуха.

— Какая я потаскуха, перестань оскорблять и отстань от него, — вдруг решительно заступилась за Беккера девушка. — Он мой гость. Не трогай его. Я вольна распоряжаться своим домом. Какой стыд... В какое мерзкое положение ты меня ставишь.

Степан рванул ее за рукав. Платье затрещало. Багровея, заорал:

— И ты такое мне говоришь? Сука, да я... пальчиками тебя задущу.

Тихон смело загородил собой Зося.

— Стреляй в меня, ее не трогай. Она тут ни при чем. Я сам пришел к ней без приглашения. И готов за это ответить.

Кто-то свистнул у окна.

Степан, не отводя пистолета от груди Тихона, заорал: «Заходи, братва, открыто!» — и в дом ввалились трое. Среди них — рослая женщина в каракулевой шубе, укутанная шалью с бахромой.

— А это что за ископаемое? — спросила она, глядя исподлобья на Тихона в растрепанной одежде.

— Дипломат, Муся, — ответил, хихикнув, Степан. — Застал в постели с Зоськой, что будем делать, Потапыч? В расход или как?

— Говоришь... застал в постели? — потирая руки от холода, повторил рослый, худой мужчина, которого Степан назвал Потапычем.

— Степан, зачем говоришь неправду, — возмутилась Зося, а тот ехидничал:

— Именно. Пужал, на ихнем языке, мол, еще одна мировая война из-за него начнется. Хе-хе.

Третий, низкорослый крепыш, лет двадцати, с издевкой произнес:

— Дипломатик, милый, на Зося я давно имею виды. А за то, что она изменила мне, можешь заказывать себе гроб.

Бандиты громко засмеялись. Женщина подошла вплотную к Тихону, как бы желая всмотреться в его лицо.

— Такого чистенького бабы любят, сама бы не против приласкать. А вы его на тот свет собираетесь отправить, голуби, поостыньте, отдайте мне его поворковать.

Потапыч сказал Степану:

— Пришлепнуть успеем. Документик дипломата подай-ка.

Степан поднял с пола паспорт господина Беккера и подал его сообщнику.

— Какая уважительная ксива. Мне бы такую, — причмокнул бандит, повертел книжечку перед глазами и сунул в карман Столицыну. — Садись, не маячь, в ногах правды нет. Господин...

Тихон прошел в угол комнаты и демонстративно развалился в кресле. Весь его вид говорил о независимости.

Крепыш, который вернулся из кухни и не знал о разрешении Потапыча, заорал на Тихона:

— А ну встань по стойке «смирно»!

— Пусть сидит, — милостиво бросил Потапыч.

— Не трогайте его, — отозвалась и Зося. — Что вам от него надо?

Ее глаза блестели от слез.

— Вы ответите за меня, если не перестанете ко мне плохо относиться, — добавил Столицын.

— Не страдай, сынок, мы не из робкого десятка, — воскликнула Муся.

— Потапыч, он нас всерьез запугивает, — сказал Степан, видимо, недовольный тем, что главарь имеет совсем другие виды на дипломата.

— Пуцдай попужает, — самодовольно буркнул Потапыч. — А мы его послушаем, ума наберемся.

На столе появилась бутылка мутного самогона. Молодой бандит ловко вытащил зубами пробку. Поднял бутылку над стаканами. Забулькала, выливаясь, жидкость...

— Благодарю господу бога, — ухмыльнулась Муся, глядя на Тихона. — Настроение у Потапыча сегодня хорошее. Кабы ты ему час назад достался... Была бы тебе се ля ви...

В сенях хлопнули двери, вошли еще двое. Шайка собиралась погулять.

Узнав, кто такой незнакомец и что им занимается Потапыч, вошедшие перестали обращать внимание на пленника. Выпив, один из разбойников начал декламировать стихи:

— Ум мой раздвоился, я утомлен, словно подгнивший под окнами клен. Все свое золото брошу я в топку, оставлю себе только девку да водку. Ну как мои новые вирши?

Ему яростно захлопали, громче всех хлопала женщина.

— Еще две стопки, Муся, — приказал ей Степан.

— А хозяйка что опечалена? — спросил «поэт».

Кто-то ответил:

— Полюбовника ее, видишь, красавца, сейчас маслиной подкормим. Вот она и заскучала, — хохотнул низкорослый крепыш.

Снова наполнились стаканы самогоном. Потапыч, безусловно, предводитель этой шайки, с интересом поглядывал на Столицына, подошел к нему:

— Мотаешь, говоришь, за границу, — главарь ослабил, показал желтые прокуренные зубы. — Увози Зоську, нам ее «малину» оставляй... И ее на одну ночку. Так говорю? — обратился он к шайке. Бандиты дружно загоготали.

К Потапычу почтительно потянулись стаканы с самогоном. Задиристый крепыш выплеснул самогон в лицо Столицыну и прошипел, чтобы все слышали:

— Я сам собирался с Зосей Аркадьевной Разумовской поразвлечься. А ты мне помешал...

Тихон, которому смелости было не занимать, мог бы тут же броситься на этих гадов, но сейчас он приказывал себе: «Не сорвись. Терпение. Спокойствие! Решается участь операции. Сейчас это главное. Только так можно проникнуть в расположение бандитов».

Муська, выпив стакан водки, между тем совсем развеселилась. Она провела ребром ладони по шее Тихона:

— Что-то уж больно худосочный дипломат? Не в коня корм, видать. А может, он вовсе не дипломат.

— Это легко проверить, — откликнулся Тихон.

— Нетрудно, — согласилась она.

— Документы в ажуре, — успокоил всех Потапыч. — Иностранцев я многих на своем веку повидал. Этот как раз из ихней братии.

И задумался. Посматривая на Тихона, он что-то прикидывал.

— В расход его и баста, — выкрикнул Степан.

— Что ж с тобой делать? Может, и вправду хлопот не оберешься, если прицелкнуть? Да и какой нам в твоей смерти резон? А? — рассуждал Потапыч.

— Отпустите его! — умоляюще просила беззащитная Зося.

— Я требую дать мне свободу, — вторил ей Тихон. — Я вам не противник. А может, далее в чем-то могу быть полезен.

И тут вдруг в окно и дверь забарабанили, во дворе раздались голоса, лай собак.

— Облава! Легавые! — Потапыч метнул глаза на сообщников. — Туши лампу! Ложись! Отстреливаться до последнего патрона.

Защелкали в полутьме курки пистолетов, наганов. Бандиты притаились. Взяли на прицел окна, двери. Установилась мгновенная тишина.

Тихон с молниеносной реакцией оценил обстановку и понял: сейчас ему пришли карты в руки. Есть шанс «отличиться» в глазах бандитов. Волнуясь, он прервал молчание:

— Это милиция проверяет документы. У меня дипломатический паспорт. Я — неприкосновенная личность. Пустите меня к ним. Иначе вам всем каюк.

— Ишь чего захотел, — огрызнулся Степан.

— А что, можно попробовать! — сказал Потапыч, выругавшись.

— Он дело болтает, — поддержала Муська.

В дверь все стучали и стучали. Под окнами громко разговаривали, не прекращался лай овчарок.

— Упустите момент! Будет поздно! Они не уйдут, пока своего не добьются, — повторил умоляюще Тихон. — Попытаюсь вас выручить.

И тут же сотрудника угрозыска пронзила мысль: вдруг Рябов испугается за его жизнь, выловит этих бандитов и тем самым помешает Тихону внедриться в шайку?

— Ладно. Попробуем, — решил главарь. — Муська, иди следом за дипломатом. Пристрели убудка, если засветится!

— Господи, — взмолилась, отошедшая к печи, Зося. — Что же это творится? Откуда на мою голову такое несчастье?

— Не скули, — рявкнул на нее Степан.

Тихон направился к входной двери. В спину ему глядел ствол пистолета Муськи. Тупорылый «смит-вессон» она щелчком сняла с предохранителя.

Вот и сенцы. Столицын нащупал и отодвинул щеколду. На пороге стоял в заиндевевшей шапке Рябов. За его спиной трое сотрудников. Вокруг дома сновали люди с винтовками. С таким отрядом можно перестрелять всю шайку. Но ведь это только часть банды. Нужно продолжать игру... В том главный смысл операции.

— Проверка, кто в доме живет? — строго и громко произнес Семен Гаврилович. Глаза его вопрошающе уставились на Тихона. Он пытался прочитать что-нибудь на лице агента угрозыска, а сам продолжал тоже исполнять свою роль: — Предъявите документы.

— Сию минуту. Я член дипломатической австрийской семьи. Здесь гощу у невесты. — Тихон извлек из кармана паспорт и подал его Семену Гавриловичу.

Рябов долго и внимательно изучал документ, точно и вправду видел его впервые, затем уважительно вернул и церемонно произнес:

— Не смеем беспокоить. С вами все ясно. Извиняемся за вторжение. Советской властью гарантирована ваша безопасность. Международное соглашение на этот счет нами выполняется неукоснительно. Надеюсь, кроме вас и вашей невесты в доме никого нет.

— Мы вдвоем, — ответил Тихон.

— Честь имею! — Рябов козырнул и нарочито громовым голосом скомандовал группе милиционеров: — продолжать обход жилых домов!

Когда Тихон вместе с «телохранителем» вернулся к затаившей дыхание шайке, Муська похвалила своего подшефного «иностранца»:

— Свой малый в доску! Славный дипломат. Наш кореш. На все сто! Зря мы его пощипали. Тут уж придется перед ним сделать, так сказать, реверанс, поломать шапку.

Потапыч похлопал Тихона по плечу.

— За добро платим добром. Рассчитаемся за услуги. Зла не помни. Исправим свой грех. Это уж как водится.

Столицын победителем смотрел на шайку. Он выиграл первое сражение. Молчал. Думал, как поведут себя бандиты дальше. Чего от него потребуют. По-хозяйски опять расположился в кресле, жестом пригласил, хотя и с некоторым опасением, Зосю сесть рядом. Как бы там ни было, он сильно переволновался.

Пересохло во рту, губы — что тебе полынь, горькие стали.

Потапыч горячо и благодарно забубнил:

— Слушай меня, дипломат. Коль такая вышла оказия, давай-ка раскинем мозгами. Малый ты не глупый. Мы — тоже тертые калачи. Но живем в норах, нос высовываем ночью, сам видишь. Если что не так, извиняй, без гувернеров воспитывались. Да и обстановочка, понимать должен. Тут не до манерности, но и не до обид. Вывел ты нас из тупика. От милиции отбил. Дело не шуточное. А потому на добро ответим тем же. Вот что, парень, давай сообща деньгу делать, и ты будешь с прибылью, и нам доходно. Помоги переправить в своих неприкосновенных австрийских чемоданах кое-какой товарчик в столицу. Народная милиция тебя шерстить не станет. Сам убедился. Оплата сдельная. Чем больше посодействуешь, тем жирнее получишь куш.

Что-то хотел вставить бешеный Степан, но главарь цыкнул на него:

— Говорю я. Заткнись!

— Что-то пока не все ясно, — притворился непонятливым Тихон. Его просто залихорадило от удачи. — Ну, отвезу, а дальше? Помочь вам не против, если хорошо заплатите, от хорошей награды только дураки отказываются. Заработок сейчас мне очень кстати. Поиздержался.

— Вот именно. Отвалим барыш — папаша расцелует с маманей! Соображаешь! С тобой поедет наш человек. Прикрывать тебя от всяких случайностей будет, помогать нести поклажу. А заплатим щедро.

— Вообще-то, конечно, рискованное дело. Хотя и заманчиво... — поколебался Тихон.

— Рискованное? Да ты что — забыл, как от твоей персоны отвалили мильтоны? Соображай. Ты для нас, а мы для тебя, дар господа бога, милость Иисуса Христа.

Беккер теребил бородку, делая вид, что напряженно думает, приняв решение, наконец, взмахнул рукой:

— Что ж, риск — благородное дело. Можно попробовать. Только у меня еще одно условие: чтобы Зосю не трогали! Оставьте ее в покое.

— Согласны. По рукам. Вот это песня. Идет! Мы тебя сведем на днях с атаманом. Он должен сам с тобой покалякать. Прощупать. Глядишь, и понрависься, как и нам.

Тихон постарался не выдать волнение. Ему и во сне не снилось такое везение: ему доверяют и сообщают о предстоящей встрече с атаманом. Будто не придав этой фразе значения, он завел разговор о другом:

— В Москву когда ехать?

— Скажем, вскорости. Не возражаешь? — сказал главарь.

— Напротив, сам тороплюсь.

— Тогда по рукам и давай выпьем за удачу, — предложил Потапыч. — Мне тут засиживаться некстати.

Тихон заметил, что в кухню к Зосе отправился пьяный крепыш Гришка:

— А насчет Зоси — мое неперемное условие! Ее не обижать.

— Влюбился?

Тихон промолчал.

Потапыч понял господина Беккера и отозвал Григория в светлицу, а потом добавил:

— Все решится быстро, надо, чтобы потолковал с тобою батька, и все будет в порядке.

— Если так — хорошо. У меня времени в обрез, это учтите, — продолжал свою игру Тихон.

— Завтра, сдается мне, после беседы с атаманом, дадим первый груз. Собственно, это ведь батькина мысль — найти вот такого, как ты, человека. Наш хлопец придет за тобой вечером в гостиницу, покажет дорогу. Там и потолкуем.

— Может, здесь встретимся? У Зоси? Мне так сподручней.

— Нет, атаман сюда не пойдет. На милицию нарываться не любит, — скривил физиономию Потапыч и обратился к своим: — А

теперь, братва, айда отсюда. По двое, не все сразу выметайтесь из избы. Не напоритесь на угрозыск.

Шайка, видно, готовилась к очередному налету. Что они выбрали? Церковь, склад, кассу? Только вряд ли им теперь удастся. С этой минуты на их след напал Тихон Столицын, а, значит, и управление губернской милиции.

27. Кто вы, господин Беккер?

Бандит по имени Григорий ушел последним. «Приголубь подругу, видал, как волновалась за твою жизнь», — зло бормотнул он Тихону на прощанье. — Похоже, упустил я царицу Нефертити».

Зося зарыдала, когда они остались вдвоем.

— Зачем вы с ними связались? Зачем? И меня угораздило влипнуть в эту компанию. Какой стыд! Все Леонид, будь он проклят, наделал. Уговорил сдать им квартиру. Как теперь быть? Вы думаете, у меня с ними что-то общее? Об их делах потом услышала. Сначала все в карты играли. При мне молчали. Я им две комнаты сдала — нужно же жить! Господи, какой ужас, они превратили мой дом в притон! Однажды пыталась заикнуться, чтобы нашли другое место — пригрозили. Даже, стыдно признаться, ударили. А как-то пьяные связали меня. Думали, что пойду на них заявлять. Теперь вообще перестали со мной церемониться. Честно говоря, боюсь идти к себе домой, так и жду: если озвереют — растерзают... Боже, что мне делать? Как их выдворить? Они стали следить за каждым моим шагом. Не доверяют. Опасаются, что их выдам. Хотят, чтобы я с ними пила, даже... А я этого не делаю, сторонюсь. Вот и нахожусь под подозрением. Кое-кому по физиономии от меня попало, за то, что лез куда не следует. Поначалу остерегались, а теперь вконец остервенели. Особенно Гришка. Этот не оставит меня в покое, хоть убегай из собственного дома. Не раз пытался... Куда от него скрыться? Говорит, или со мной, или со всеми заставим... Я повешусь. Ей-богу! Да еще, если власти дознаются, опять на мою голову все шишки полетят. Ведь у них, у каждого грязные дела...

Певице Зосе Разумовской наконец-то стало понятно, что Герман Беккер выдает себя за другое лицо, чем есть на самом деле. Это ее и радовало, и тревожило.

Тихон, волнуясь, взял ее руки. Что сказать, какой дать совет? Открыться очень опасно, но и темнить нельзя. В любом случае, его задача, наверное, еще и в том, чтобы привлекать на свою сторону людей из окружения бандитов. Среди них наверняка есть такие, которые недовольны Бьяковским, случайно запутались в его сетях. А что касается Зоси, она не связана с бандой, вне всяких сомнений. Он попытался объяснить девушке:

— В твоей квартире бандиты устроили «малину». Но я верю: ты к шайке отношения не имеешь. Иначе разговаривал бы с тобой по-другому. Почему я вступил в «делку» с бандитами? Скажу позже. Я верю тебе, доверяй полностью и ты мне. Нравишься — не скрываю. Поэтому забочусь о твоей судьбе. Но я выполняю свою работу. Слушай внимательно. Ничего не пытайся от меня утаивать. Иначе тебе же будет хуже. Можно рассчитывать на твою честность?

— Дорогой Герман, я бесконечно тебе благодарна. Обещаю ничего никогда не скрывать. Не сомневайся в моей преданности и честности. Я совершенно случайно оказалась среди этих иродов. Честное слово, долго не догадывалась, кто собирается в моем доме. Думала, играют в карты, вечерами некуда идти, смутное время. Вокруг стрельба, беспокойно. И вот за свою простоту горько поплатилась. О, господи, что меня теперь ждет? Какие жуткие я вижу сны.

— Поздно, да и что толку заниматься самобичеванием, — задумчиво проговорил Тихон. — Этим себе не поможешь. Надо думать, как их перехитрить.

— Но как?

— Давай вместе порассуждаем. — Тихон осторожно стал подходить к главной теме: — Советская власть не на время, а навсегда. Это факт. Ворье выловят, всех посадят за решетку. Тоже аксиома. Но с нашей помощью это получится быстрее.

— Сделаю все, что в моих силах, — взволнованно произнесла Зося, забыв удивиться таким неожиданным словам Германа Карловича. — Но кто может обещать мне полную безопасность? Ведь эти нелюди меня просто уничтожат... Как они могут расправиться со мной — вы... ты же знаешь... И другое — Не посчитает ли меня милиция на следствии сообщницей бандитов.

Тихон тотчас ответил:

— Владимир Ильич Ленин, глава Советского государства, требует внимательно разбираться с каждым оступившимся. То, что ты не в

курсе их дел была, доказать в общем-то можно.

Столицын зашагал в раздумье по комнате. Можно ли до конца довериться девушке? Наверное, даже нужно. Второго такого случая не будет. Она должна немедленно стать его помощницей. И он решился:

— Зося, восприми мои слова правильно. Я хочу помочь тебе. Но не только в этом моя роль. Я не случайно здесь...

— Ой? Вы из... Угадала? Все теперь ясно, только сейчас все поняла. Ух, как мне здорово повезло. Господи, да я в лепешку разобьюсь ради того, чтобы помочь вам... тебе. Что скажете — все сделаю.

И Тихон посвятил девушку, насколько было можно, в свои планы. На прощанье он попросил Зося:

— Дверь никому не открывай. Только мне. Пароль, скажем: «Рассвет».

— «Рассвет». Кстати, он уже за окном. Но как мне тебя все же называть?

— Пока для тебя ничего не изменилось. Я по-прежнему Беккер.

28. Надежна ли Зося?

Доверившись Зосе, Тихон стал изводить себя сомнениями: правильно ли сделал? Он то упрекал и казнил себя за то, что расшифровался перед Зосей, то тут же оправдывался сам перед собой. Можно ли было поступить иначе? Сотни раз в мыслях Тихон на свое место ставил других сотрудников угрозыска: как бы поступили они в этой ситуации и смогли бы найти иной выход. Столицын измучил себя докучливыми упреками: «Я — агент уголовного розыска, для меня важен каждый шаг, взгляд, движение, пророненное слово. Так меня учил Белоусов. И вдруг с первых дней увлекся только одной идеей: действовать через Зося. Не влюбленность ли меня подталкивала на этот шаг?..»

У себя в номере он составил донесение. До прихода связного оставалось несколько часов. Теперь, когда уже наступил день, можно было и немного отдохнуть. Он уткнулся в подушку...

...Ему пригрезилось, что в номер кто-то постучал. Дверь открылась. Вошел снова Савков. Вид суровый. Он положил на стол записку от Белоусова, а на словах сказал Тихону: «Необходимо срочно прибыть с докладом о проделанной работе в комиссариат. Тебя ждет начальство». И уходит.

Тихон недоумевает: «Зачем в такой неурочный час?» И вдруг ему все становится ясно: вызов связан с его расшифровкой перед певицей. Он с тревогой подумал: «Неужели из-за этого отзовут с задания в такой неподходящий момент? Ведь нащупал кончик бандитского клубка! Наметилась встреча с атаманом. Какой смысл читать мне запоздалые нравоучения?»

И вот Тихон входит в кабинет начальника управления губмилиции. За столом сидит очень бледный Белоусов. Вид у него мрачный. Такие же нахохлившиеся и раздраженные его заместители. Столицыну не предлагают даже сесть. Все трое молчаливо и сосредоточенно уставили в него угрюмо-подозрительные взгляды. Наконец Максим Андреевич резко хлопнул ладонью по столу и возбужденно воскликнул:

— Представляешь, что ты наделал? Могу сказать: ваша светлость совершила грубейшую ошибку. Ты завалил тонкое и ответственное дело! Кто ты после этого? Мальчишка! Растаял перед смазливой

девчонкой. Раскис, забыл о своем долге. Знаем, что у тебя еще нет нужной школы конспираторства, но нельзя же допускать таких элементарных ошибок. Не могучими мозгами нужно обладать, чтобы понять: Зося сама крепко завязла в банде. Ее симпатичное рыльце в пушку. Факт. О тебе она уже все выболтала Степану и его дружке. Тихон торопливо заговорил:

— Ах, вот почему вы меня отозвали. Хорошенькое дельце. Только стала обрисовываться поимка банды, а вы пустили дело под откос. Поймите, мне некогда было все согласовывать с вами. И считаю, что поступил правильно. Зося — наш человек, а к банде никакого отношения не имеет.

— А скорее всего — имеет, — тотчас отреагировал Петухов, поглаживая усы. Жаль, что ты этого не понимаешь. Мы переоценили твои силы.

— Точно сказал начальник: любовь затуманила твое сознание. Подумал бы, как нам отчитываться перед губкомом партии за провал операции?

— Неудачи не будет, — горячо отстаивал свою позицию Тихон. — Доверьте мне продолжение работы.

Но Столицына не слушают. Начальство остается неумолимым.

— Под суд, — жестко распоряжается Белоусов, — куда он годится, ребенок. А еще фронтовик. Бестолковых сотрудников набрали в угрозыск. Как можно пренебречь своими обязанностями? Приходилось мне видеть певичку. Хорошенькая. Обворожительная. Чудо, изящество. Лакомый кусочек для Дон-Жуанов. Но нельзя же перед всякой обаятельной девицей терять голову! Если бы ты ее сначала проверил на мелких заданиях, убедился в ее верности, надежности, тогда другое дело... Можно намекнуть, какую выполняешь миссию.

— Да поймите, Зося девушка не из ветреных. Она очень серьезная, честная. Ей ненавистна компания, которая собирается в ее доме. Но выгнать вон свору негодяев уже не в состоянии. Ей угрожают расправой, насилием. Она не предполагала, что поселившиеся квартиранты — бандиты и грабители, — энергично защищал певицу Тихон.

— Рекомендуешь ты ее отменно, — вздыхает уже примирительно Белоусов, — но при все при том нам стал известен твой разговор с ней. Откуда, Ромео? Выходит, что певичка... не сумела держать язык за зубами?

До сознания Тихона дошла неожиданная правота начальника милиции. Веская логика Белоусова подавляет Тихона. В самом деле: все разболтать могла только сама Зося. Столицын повержен этим аргументом. Он поник, молчит, понимая, что ошибся в девушке и, конечно, будет изгнан из уголовного розыска.

Максим Андреевич изучающе смотрит на Тихона и говорит тихо, с сожалением:

— Много, очень много доставил ты нам горя. Надеюсь, до конца не признался, кто ты? Откуда? Не похвалился, мол, из Москвы приехал, помогать местным непрофессионалам?

— Об этом не было речи, — заверяет Тихон. Он думает, что судом его, конечно, для острастки пугают.

— Благоприятная сложилась обстановка и вдруг... — все еще подливает масла в огонь Петухов. — Мы тут без отдыха тянем ляжку, устраиваем ловушки и засады для Бьяковского, одновременно ждем и от товарища Столицына решительного рывка, а он сибаритничает с красавицей, играет в любовь...

Тихон дрожащим голосом пытается оправдаться:

— Здесь, в тиши кабинетов легко рассуждать. Побыли бы вы на моем месте! Рад был любым способом продвинуть работу. Вы меня направили собирать сведения о банде. А информация с неба не падает. Я привлекал на свою сторону нужных людей. Зося именно тот человек. Певица, в конце концов, ввела меня в свой дом, через нее познакомился с бандой. Она обещала в любое время открывать и предоставлять для засады свою квартиру. Этого мало? Она рассказала очень многое. А что симпатизировал ей — в чем тут моя вина? Наши взаимные добрые чувства пошли на пользу делу. Любовь наша чиста.

Но, похоже, ему не снять с себя вину, не доказать руководству целенаправленность своих планов. Столицына, хотя уже и мягче, но отчитывали как мальчишку. Положение его оставалось безнадежным. Петухов продолжал хмуро допекать Тихона:

— Ум — это умение видеть, предвидеть и многое знать. Встретили мы тебя и сразу поверили в то, что ты толковый парень. Образованный, фронтовик, немало повидал. Надежды не оправдались. В тебе играет ребячество.

— Пе-ре-до-ве-ри-лись, — медленно, но с чувством произнес Белоусов.

— Вот именно, — скорбно согласился и Рябов. — Мы тебя послали в разведку на серьезное, ответственное, исключительно важное задание, а ты там пребываешь в женихах. Захмелел от влюбленности. Блаженствуешь, нежишься, вспомнил университетские проделки.

— Да поймите вы, — снова повысил голос Столицын, предчувствуя, что его отстраняют от работы, — одно дело видеть ее пышно, безукоризненно одетую, в роскошном ресторане, среди барчуков-обожателей, а другое — поговорить в домашней обстановке. Я ее лучше узнал. Она ненавидит то общество, в котором оказалась. Ей мерзок и Ленька Иголка и вся эта шайка гадов. Она презирает обитателей своей квартиры. Зося давно искала выхода из положения, в которое попала. Встреча со мной стала для нее счастливой. Зося скромная, нежная девушка, совершенно безвинная. Таким дарят цветы. А вы ей не доверяете и меня ругаете.

Белоусов от последних слов разведчика вдруг подобрел, положил руку ему на плечо, исполнился веселого задора:

— Ладно, убедил! Будем считать твой шаг оправданным. Пусть любовь сделает тебя еще более зрячим. Дерзай. Осуществляй план. Но, милоч, крепко взыщем за провал, поэтому не торопись с личным чувством. Сначала выполни задание, а потом все остальное. Пригласишь на свадьбу, все втроем придем. Кстати, хочу напомнить: приручил девушку — отвечай за нее головой. Бандитам плевое дело ее погубить... Мы думали, она кисейная барышня, с замашками аристократки, ведь получила она патриархальное воспитание. Оказывается, ошиблись. Зося хоть и современная девушка, но чувство реальности имеет. Твоя рекомендация подходящая. Однако не передоверяйся ей.

...Тихон проснулся от такого видения в холодном поту. Кто-то барабанил в дверь. Это Лиза, принесла постояльцу запоздалый кофе. Она с беспокойством, в своей манере, почти пропела:

— Ну разве так можно? Я чуть не плакала.

— Вы о чем, Лизонька, — стряхивая с себя остатки сна, осведомился Тихон.

— Да как же о чем? Всю ночь где-то пропадали. Под утро заявились. Я глаз не сомкнула, беспокоилась, живы ли? Убьют ведь как Николая.

— Этого не должно случиться, Елизавета. Мы с Николаем друг другу дали клятву, кто из нас выживет, тот отомстит за все.

Тихон начал пить принесенный кофе, заверив сердечную горничную, на которой сегодня был особенно кокетливый яркий передничек, что будет остерегаться безвременной смерти. И даже пообещал, чаще обращаться к ней за советами. Это польстило горничной. Лиза довольная покинула номер.

А Тихон снова задумался. Он боялся, как бы сон не был в руку, вещим. Он не мог все еще обрести душевное равновесие. Неужто он — ошибся в Зосе? А с другой стороны... Взять ту же Лизу, скажем. Тоже ведь ни она, ни ее подруга Шура в штатах угрозыска не состоят. Однако и Николай и он раскрылись перед ними и получили от девушек много важных сведений. Горничные оказались дельными помощниками.

Нет, без людей в нашем деле не обойтись. И лозунг опираться на массы трудящихся, на народ — не пустые слова. Надо искать опору в надежных людях. В конце концов, Лиз, Шур, да и Зось намного больше, чем, скажем, дамочек вроде той, что явилась с Потапычем, или типа Соболевой, Гоголевой...

К Тихону пришла обычная уверенность: поступил он правильно, доверившись артистке. Теперь она полностью на его стороне. Столицын стал с нетерпением ждать Федора Савкова, чтобы передать важное донесение Семену Гавриловичу. Связной прибыл точь-в-точь. Еще одно дело сделано. До встречи с проводником Бьяковского оставалось часа три.

Тихона ждала смелая операция по захвату Бьяковского и он был озабочен: не подведет ли певица, не предаст ли его и всю операцию.

Но были сомнения: придут ли вечером гонцы от Бьяковского? Надежна ли будет ловушка для бандитов? В томлении прошел остаток дня. К вечеру в назначенный час к Столицыну в номер крадучись проскользнул бандитский посыльный: вихрастый, с заросшими щеками парень неопределенного возраста. Ему можно было дать и двадцать и тридцать лет. Худое, продолговатое лицо его выглядело бледно, как у чахоточного. Жесткие черные волосы на голове, словно шапка, надвигались на самые глаза. Он, как загнанный в засаду волк, быстро, с опаской обшарил взглядом углы комнаты Тихона, потом сообщил:

— Гришкой кличут. Айда за мной. Жду на площади. — И выскользнул из номера. По всему было видно, что проводник опытный и сверхпредосторожный мужик.

Столицын оделся и вышел на улицу, увидев «гонца», направился за ним.

Григорий был поднаторен, как видно, в конспирации. По центру города он проскочил, что называется, галопом. Тихон едва поспевал за путеводителем. Сотрудник МУРа, обернувшись, заметил, что за ним скользят тени двоих парней. Значит, от Семена Гавриловича. Тихон боялся, как бы они не отстали.

А ловкий связной атамана, как вьюн, нырял из переулка в закоулок. Особо людными улицами он шел степенно, не вызывая подозрений. Тихон не отставал. На небольшом расстоянии продолжали следовать, прижимаясь к заборам, сотрудники Рябова.

А пройдоха Гришка, как заяц, затейливо петлял по дворам, а кое-где и по огородам. Легкостью, осторожностью он напоминал рысь.

Но и Тихону жизнь преподала отменную закалку. На фронте с винтовкой, скаткой, вещмешком за спиной он пробегал порой десятки километров. Сейчас муровца даже взял азарт. Только бы не отстали сотрудники Рябова. А он не подведет. Впрочем, неопытных сотрудников Рябов не пошлет на такое тонкое задание.

29. В логове

Крепость обреченных располагалась в длинном одноэтажном здании барачного типа. Оно одиноко и неприметно приютилось в глубине сада. К дому примыкало несколько легких пристроек.

Едва проводник Тихона открыл калитку в дощатом заборе, как забрежали собаки. Проводник погладил подбежавшего вислоухого пса и переливисто свистнул. Через минуту связного и господина Беккера обступили мужики в полушубках. Охрана логова «Серого волка» была внушительной.

— Веду к атаману, — гордо сообщил вихрастый проводник пьяным дружкам.

— Дуйте-валяйте, — ответил самый рослый телохранитель Бьяковского. Связной деловито зашагал к крыльцу. Тихон последовал за ним. Учащенно и томительно стучало сердце. Столицын поднялся по высоким ступенькам к открывшейся двери. Таинственное логово бандитов впускало его в свое чрево.

В сенях, освещенных фонарями, Тихона и его спутника встретила рослая дама в белой кофте. Ее Тихон видел у Зоси. Блудливые глаза обстреляли гостя. Нервно затянувшись папиросой, она хрипло что-то спросила у проводника «Дипломата». Из-за ее спины показалась другая баба, низкорослая, полная, хмурая, с чопорной прической, одетая во все черное. Держалась она более высокомерно, похоже, была хозяйкой дома. Она молча утиной, важной походкой провела гостя через прихожую в кухню и там со словами: «Отведи-ка, Дусь, его к Стеньке или Потапычу» передала Столицына тучной, сильно напомаженной дамочке. Та кокетливо вытерла руки о фартук и лукаво произнесла:

— Разлюбезного заждались. Вот и довелось самой красавчика увидеть. — А подойдя к двери одной из комнат, она негромко постучала по фанере и крикнула:

— Иван Потапыч, выходи-ка.

Тот вышел и добродушно воскликнул:

— А, корешок, входи, родимый.

Первое, на что обратил внимание Тихон — в доме была уйма закоулков, как в пчелиной рамке сот. Внутри логово выглядело объемисто. В многочисленных комнатах господствовал полнейший

беспорядок, всюду стоял спертый запах, как в свинюшнике. Похоже, помещение никогда не проветривалось, здесь ели, пили, курили при закрытых форточках.

Тихон, переступая порог притона, был полон тревоги, но при виде старого «приятеля» почувствовал себя раскованно. К нему вернулись уверенность и душевное спокойствие.

Господин Беккер, не ожидая приглашения, сел к столу, а Потапыч пошел еще в одну боковую комнату. Оттуда доносился звон стаканов и пьяные хриплые голоса. Некоторые фразы отчетливо слышались.

Вот кто-то обреченно выкрикнул:

— Семка, налей, паршивец, стопку, не скупись, может, последней чаркой душу лечим.

Горластого осадил властный голос Потапыча:

— Раскаркался, ворона...

Кто-то надрывно, на мотив частушек пел под гармонь: «Да, мы не красные, да, мы не белые, мы зеленые, в полоску серые». Эту нехитрую припевку подхватывали с десятков пьяных голосов. Потапыч обозвал кого-то олухом царя небесного и вернулся к Тихону, цокнув языком.

Заместитель атамана снова куда-то ушел. Тихон остался один. Осматривался. Напряженно ждал встречи с самим атаманом.

Мелькнул крючконосый сосед Тихона по новогоднему столику — Иоганн Ротэ. Он кивком головы, но уважительно, поприветствовал господина Беккера, как давнишнего приятеля, дружба с которым скреплена совместным переживанием облавы в ресторане. Тихон подошел к двери, через которую ушел Потапыч, и заглянул туда. Это была квадратная комната, метра четыре в длину и ширину, заполненная людьми. В сизой мути от чадящих сигарок из самосада сотрудник угрозыска увидел много юных парней, некоторые заросли щетиной, давно не брились. В комнате было все вверх дном, и люди напоминали скот в навозе. Тихон с сожалением подумал: сопляки, свиньи забрались в волчье логово, обросли бородами и совсем уподобились диким зверям. Идиоты, белого дня не видят. Как сычи выпархивают отсюда лишь ночью. Обреченный сброд. По каждому тюрьма плачет. Гады. Мерзкие негодяи. Сколько же невинной крови пролито по их злой воле.

Наконец Тихона сопроводили еще в одну комнату. Она была чистенькой, ухоженной. В ней Тихон заметил особый вход. Бархатная штора, блестящая ручка двери говорили о том, что там покой знатного жильца. Не атамана ли?

Много расплодилось «малин» у бьяковцев, но одна была самая главная, где жил атаман. Туда наконец-то и привели Тихона Столицына для встречи с главарем. Сотруднику угрозыска предстояли решительные действия.

Вслед за Потапычем и Тихоном в комнату вошло несколько человек. Двоих из них Тихон признал: кучера по имени Степан — цыгана, что когда-то подвозил его к Дому обороны и философствовал о Варфоломеевской ночи, с ним же Тихон потом встретился у Зоси, и женщину по-мужски коренастую, с тяжелым подбородком, с широкими ватными плечами зеленого платья. В новогодний вечер эта дама настойчиво приглашала Тихона на вальс. Вид у нее сейчас был усталый. Она несла в руках поднос. На нем стоял графин с мутноватой жидкостью и тарелочки с закусками: солением, домашней колбасой, кусками меда и ржаным душистым хлебом.

У Тихона от появления снеди засосало под ложечкой, только теперь он вспомнил, что почти целый день ничего не ел, но Столицын решил отказываться от трапезы.

Женщина в зеленом одеянии величаво удалилась, и все стали молча усаживаться за крепко сбитый из досок стол.

Напротив сотрудника уголовного розыска расположились ближайšie сообщники атамана — Потапыч и бородатый Степан. Справа сел незнакомый Тихону яркий брюнет кавказского типа, очень худой, бледнолицый, лет тридцати, в артиллерийском кителе офицерского покроя. Женское имя — Сулико. Мясистый нос его загибался к правой щеке. На белом лбу багровел шрам от ранения.

Слева, закинув руку за спинку стула, развалился мордастый усатый мужик, названный Василием. К его грубому скуластому лицу совершенно не шло пенсне в золотой оправе. Он больше других изучающе осматривал господина Беккера. Через минуту угрожающе положил руки на стол.

Пауза затянулась, никто не желал ее нарушать. Курили. Потапыч скупно улыбался. Степан и двое других мужчин оставались серьезными и хмурыми. Вошла еще раз женщина в зеленом платье и поставила на стол банку с рассолом.

Воздух комнаты наполнялся табачным дымом, запахами самогона, кислой капусты и еще черт знает чем. Чувствовалось, что до прихода Тихона этот закуток проветривали, а сейчас воздух приобретал то же спертное состояние, какое было во всей «крепости».

Столицын прервал молчание:

— Господа хорошие! Увы, разочарую вас. Вынужден расторгнуть наш уговор. Есть на то веские причины. Собираюсь завтра сам отсюда драпать. Не могу больше ни одного дня задерживаться. Сегодня мне

передали официальное приглашение прибыть в совдеп для беседы. А она мне ничего хорошего не сулит. Надо, как говорят, уносить ноги из сих благообразных мест. Пока не поздно.

Степан словно не слышал панической речи господина дипломата, только насупил густые брови. Он закивал кавказцу и другим своим друзьям.

— Знакомьтесь, это господин Беккер.

Сулико и Василий по-благородному привстали.

Затем господину Беккеру Потапыч деловито дал совет:

— Не суетись. О твоих бедах еще поговорим. Нынче ты наш высокий гость! Второй раз довелось с тобой свидеться. Давай отметим это событие.

— Благодарю, я поужинал, — отказывался от выпивки Тихон, но Потапыч стал серьезным:

— Не упрямься. Потрапезничай. Сулико, за тобой тост. Это по твоей части.

У кавказца перекатывались желваки на скулах, пальцы рук сжались в кулаки. Он бурно отреагировал:

— Его милость, Потапыч, только деликатесы кушают, плевал он на нашу водку. Для дипломата стоило раздобыть коньячка.

Потапыч не разделил раздражение кавказца. Старался водворить за столом мир и согласие, хотя и в его голосе появилась нотка недовольства Тихоном:

— Ладно, Сулико. У этого молодого человека мы в долгу. Но и ты, господин Беккер, не ершись. Окажи нам честь. Опрокинь чарку за удачу.

Тихон вынужденно поднял стакан с самогоном, со всеми чокнулся, пригубился к нему и поставил на место. Бандиты выпили с удовольствием и стали хрустеть огурцами. Потапыч философствовал:

— Жизнь наша — копейки не стоит, однако ее ты спас — за это тебе поклон. Еще большая будет честь, коль помогнешь в другом деле. Товар мои хлопцы поднесут прямо в номер. А завтра утречком Степан примчит к тебе на своем вороном, отвезет на станцию. Усадит в поезд. Так говорю? — обратился оратор к цыгану. Тот кивнул в знак согласия. — В вагоне рядом с тобой поедет наш человек. Там получишь свою долю: на два миллиона золотом. Голова садовая! Маманя с папаней узнают о твоём богатстве — расцелуют. Хоть и у твоих предков всего полно. Но лишнее не мешает. У людей жадные души. Только одни

об этом говорят открыто, а другие прикрываются словесными выкрутасами. Верно, хлопцы?

Дружки жадно закусывали. Лишь Степан вытер губы ладонью и заметил:

— Осыпь меня золотыми слитками — я все равно еще буду желать.

По выражению лица Сулико можно было понять, что он недолюбливает цыгана Степана. Он натянуто изрек:

— Жадность фраера сгубила. Кто этого не понимает, тот дурак. Кавказцы это понимают.

На такую колкость Степан постарался не обратить внимания, хмуро теребил густую шевелюру. Тихон настойчиво вел свою линию:

— Рисковать боюсь, да и нет резона. Советы могут упрятать в тюрьму.

Степан сжимал в руке пустой стакан.

— Тебе, дипломат, и так, и сяк, из Окска уматывать, что с нашим грузом, что без него. Не ломайся. Соглашайся. В накладе не будешь.

— А если нарвусь у Советов на немилость и не получу визы на выезд к родителям? Для меня это поважнее и трех миллионов червонцами.

— Что ты паникуешь. Все будет в ажуре. Телохранителей дадим — прикроют от сыщиков, — запальчиво убеждал Потапыч.

— Боюсь, — набивал себе цену господин Беккер.

— И эти трусливые слова мы слышим от благородного человека, сынка австрийского посла, — пытался свести к шутке упрямство дипломата Потапыч, но по его тону можно было понять, что уговаривать гостя ему надоело.

30. Встреча с атаманом

Как и предполагал сотрудник уголовного розыска, на тот случай, если Герман Беккер окажется несговорчивым, планировалась встреча с атаманом. Ее давно ждал Тихон.

Потапыч встал и направился к заветной двери, на которую изредка посматривал Тихон, догадываясь, что ведет она в логово атамана. Чутье не обмануло сотрудника МУРа. Едва Потапыч скрылся, как Сулико, Василий, Степан-цыган перестали жевать огурцы и сало, многозначительно посмотрели друг на друга. Степан даже выпрямил спину, отодвинул от себя стакан с самогоном.

Через минуту Потапыч возвратился с коренастым усатым человеком. На круглой голове его блестели залысины. Глаза слезились от яркого огня. В каждом движении чувствовались властность и решительность. Поступь была генеральской.

Сулико, Василий и Степан встали со своих стульев. Не думал тянуться лишь господин Беккер. Он посчитал: самый раз продемонстрировать барский характер.

Атаман, вылезший из берлоги, был в расписной подпоясанной рубахе, хромовых военных сапогах, атласных синих шароварах, которые обтягивали плотные ноги, он поигрывал концом вишневого цвета кушака. Атаман небрежно махнул рукой, позволяя всем сесть. Главварь не обиделся на господина дипломата за то, что он не встал при его появлении, а принял это как должное. Такая независимость дипломата лишь возвысила его в глазах Бьяковского.

Атаман молча прошелся вокруг стола пьяной походкой, а Столицын жадно смотрел на того, за кем охотился столько дней. Разведчик весь напрягся, стараясь не выдать волнение. Его по-мальчишески охватило тревожно-ликующее волнение. Происходило важнейшее событие всей операции. Он сдерживал свое возбуждение, чтобы его не заметили бандиты. Но Тихон уже научился властвовать своими чувствами. Силой воли он погасил душевный подъем. Выражение лица сделал флегматичным, равнодушным.

В комнате опять воцарилось безмолвие. Его нарушил Степан. Он услужливо сказал, обращаясь к атаману:

— Проходи, батька, садись на мое место.

У атамана дернулась щека, а вместе с ней и один длинный тонкий ус. Он неопределенным взглядом окинул цыгана и продолжал ходить, помахивая кистью красивого вишневого кушака.

Тихон продолжал контролировать свое самообладание, подчеркнуто ровно дышал.

Столицын сидел за столом в небрежной позе, раскованно, как у себя в «высшем свете». Глядел на хозяина логова безразлично. Даже скучновато. А душа его трепетала, желала немедленного возмездия гадюке с гаденышами. «Одной бомбой взорвать бы эту «малину», — думал Тихон, а вслух спокойно произнес другое:

— Возможно, мне не стоило сюда идти, коль альянс не состоялся, но я счел необходимым объясниться, потому что...

Батяка, похоже, уже знал от Потапыча, что дипломат отрекается от сделки, поэтому не дал ему договорить. Он, удостоив Тихона высокомерным взглядом острых, как бритва глаз, отстранил Стул, подвинутый раболепски Степаном, резко бросил Потапычу, кивнув на Тихона:

— Заведи-ка его ко мне...

Атаман после этих слов по-солдатски круто повернулся на носках сапог и направился в свою светлицу. За ним следом Потапыч повел Столицына.

Там у печки стояла красивая, стройная молодуха в шелковой блузке, цветастой юбке, в тапочках на босу ногу и грызла семечки. Она уважительно и с любопытством окинула взглядом гостя. «Личная пассия «коменданта крепости», — отметил про себя Тихон.

В парадной светлице притона Тихон увидел грозного атамана Бьяковского. Ему прислуживала роскошная молодуха. Отсюда, из этой горницы, главарь руководил своими сподручными налетчиками.

— Подкинь-ка, Фрось, еще поленьев в печку, — сказал атаман бабе, — да зачерпни квасу.

Свежие дрова затрещали в пламени. Через открытую дверцу печки Тихона обдавало жаром. А в комнате и без того стояла духота. Но воздух был сравнительно чистым. Атаман, похоже, мерз. Кровь аспида не грела.

Зловещий Мишка Бьяк выпил залпом большую кружку квасу. Женщина услужливо подала своему владыке расписное полотенце. Он им вытер губы, усы. Затем расстегнул ворот рубахи. Бьяковский был пьян. В сознании муровца пронеслась снова мысль: «Вот оно осиное гнездо. Ну и схватка предстоит скоро. Надо разом прихлопнуть всю банду. Не упустить бы этого черта в расписной рубашке».

За стенами «малины» стояла глухая ночь. Между тем атаман предложил господину Беккеру сесть к нему поближе. Главарь, казалось, только сейчас стал всматриваться в дипломата.

Фроська вышла и через минуту вернулась с накрашенными губами, хотела сесть на колени своему хозяину. Атаман ладошкой ударил ее по ягодице, и молодуха безобидно отошла к печке. Апатично продолжала грызть семечки. Шелуху громко выплевывала в горсть. Время от времени открывала дверцу печки и выбрасывала ее в огонь. Затем пододвинула к себе стул, уперлась локтями в его спинку и уставила белесые глаза в Тихона. Смотрела с интересом, когда Тихон ответил тем же, потаскуха улыбнулась ему.

— Поубавь фитиль, — потребовал от любовницы атаман.

Керосиновые лампы висели на крюках, вбитых в стены. Тихон их насчитал четыре. Они горели вполнакала: главарь не любил яркого света. Фроська снимала по очереди пузатые стекла и обламывала нагар на фитилях. А «комендант крепости» все молчал, следил за действиями Фроськи взглядом хмельных маленьких острых глаз. Всеми все делалось по отношению к Мишке Бьяку подчеркнуто учтиво, подобострастно. Его боялись, как пули или удара финкой. И не напрасно. Он и стрелял и резал своих. Безмолвные секунды складывались в минуты. Напряженно ждал вопросов Тихон. А сам думал: «Ох и начнется сейчас потасовка».

Для себя он ставил главную задачу: не прозевать матерого зверя, накрыть убийцу вместе с его соучастниками. Ну, что там снаружи? Окружено ли лежбище? Когда Рябов начнет отлов мерзавцев, что делать

ему после первых выстрелов? Конечно, быть рядом с главарем, не дать ему улизнуть.

К опасности для себя Тихон был безразличен, хотя его могли с первыми же пулеметными очередями на улице заподозрить в предательстве и растерзать.

Столицын спокойно смотрел на атамана.

Вид матерого убийцы, за которым тянулся кровавый шлейф вооруженных разбоев и грабежей, не показался Тихону чересчур грозным. Он выглядел даже мирным в этой обстановке. В нем трудно было угадать безумного, дикого зверя, способного принести любые кровавые жертвы в ярости мести Советам. Он был главарь шайки убийц. Но сейчас казался обычным человеком. Его мирный характер как бы подчеркивала украинская расписная рубаха. В домашней обстановке он был почти семейным человеком. Хотя одежда его была чересчур яркой для сорокапятилетнего мужика. Атаманша Фроська стащила с ног своего владыки хромовые блестящие сапоги, подала красные тапочки. Он надел их и прошелся по крашеным половицам комнаты. Пять шагов к одной стене, пять к противоположной. Он думал, видно, как поступить с дипломатом: незлобиво распрощаться, если не желает тот участвовать в деле, или приказать его «убрать» на всякий случай, чтобы не выболтал то, что видел. Возможно, все-таки заставить поработать? Последний вариант больше устраивал Бьяковского.

— Умишком тебя бог не обидел, парень, просвещенный, потерялся в университетах. Читал твои ксивы, решил доверить тебе серьезное дело. Уразумел? Обрадуешь папаню дополнительным богатством. Словом, так: ради общей пользы сделаешь то, что велю, и не противься. — Бьяковский вонзил раздраженно, с неприязнью в Тихона мутные поволчьи беспощадные глаза. — За спасение моих шляндующих по хатам мужиков от меня личная благодарность. Добро мы помним. Хоть и бандитами зовемся, честь знаем. Уважение к себе имеем. Повторяю: за доставку груза в Москву щедро заплатим. С милицией ты умеешь обращаться. Хлопцы восхищались. Потапыча — моего лучшего дружка — было бы жаль, если бы его ухлопали легавые. За него особая признательность.

Сидевший у двери Потапыч растянул полные губы в улыбке. Бьяковский поднес ко рту свой узловатый палец с большим перстнем, подул на него, протер носовым платком. И утомленно умолк.

Скорее всего, главарь бандитского сборища соображал, что же еще сказать дипломату. Столицын тоже прикидывал, анализировал, намечал план дальнейших действий.

Из светлицы главаря он давно высмотрел обособленный выход на улицу. Дверной проем, два окна светлицы были искусно задрапированы шторами.

Атаман, наконец, прервал молчание, задал Тихону несколько вопросов касательно его семьи, времени выезда за границу. Тихон отвечал спокойно, рассудительно. Особого экзамена Тихону атаман не сделал. Вопросы не содержали подвоха.

«Тем лучше, — решил сотрудник МУРа, — Бьяковский не сомневается во мне, признает барчуком без проверки».

Прошло минут пять в молчании.

«Владыка» притона больше не заводил разговора о ценном грузе, точно забыл и о господине Беккере, и о нем. Хмель нагонял на атамана дрему. Напомнил о себе сам Тихон.

— Обещанная плата за мою услугу дело верное? Или обманете?

Бьяковский повел плечами, дернул головой, прерывая полусон, уперев мутный взгляд в Столицына, что-то пробурчал невнятно. Затем встал и снова зашагал по комнате.

— Ты, видать, не знаешь, что я слов на ветер не бросаю. Лично обещаю тебе два миллиона золотом. Но и другое заруби на носу, если подведешь — схлопочешь пулю в лоб.

У Бьяковского опять задергалась щека, нервно зашевелился левый тонко закрученный ус.

— Ты, юнец, не робкого десятка. Убеждаюсь и сам. Мне бы таких орлов для работы. Ну, ладно, Потапыч, оставьте меня. Идите, завершайте дело. Фрось, разбери постель.

— Почивать вам уж верно надо, Михаил Зосимович, — согласилась молодуха, провожая блудливым взглядом гостя. Он ей приглянулся.

Тихон снова оказался среди прежних своих собеседников — Степана, Сулико, Василия, Потапыча. Ходики на стене показывали десять минут двенадцатого ночи. Сотрудник МУРа мысленно торопил время, с нетерпением ждал действий отряда Рябова. В гадючнике собралась вся верхушка. Надо бы приступить к ее уничтожению.

За мощным самодельным столом под диктовку Потапыча господин Беккер на тетрадном листе дал письменную клятву, что пока не

выполнит поручение атамана, Россию не покинет. Тихона заставили сообщить адрес его родителей в Австрии.

— На дне морском отыщем, а не то в какой-то Австрии, — хвастливо предупредил Тихона цыган Степан. Головорезы, вероятно, боялись, что дипломат умыкнет чемодан с золотом и бриллиантами.

После свидания с атаманом Тихон чувствовал себя окончательно вне опасности. Уподобляясь Бьяковскому, он стал важно прохаживаться по комнате и решать с бандитами детали «операции». Он согласовывал время завтрашнего отъезда из Окска, выяснял, кто станет брать билеты, как будет проходить посадка в вагон, надо ли заходить в зал ожидания вокзала. Тихон старался показать свою деловитость, предусмотрительность, заинтересованность в благополучном исходе задуманного. И тянул время.

Сотрудник МУРа обговаривал разные подробности, а сам прислушивался к уличным звукам, ждал начала осады притона. Пора бы Рябову приступать к действиям.

Ходики показывали полночь. Степан допил из стакана самогон, закусил огурцами и медом, пошел в другие комнаты искать хлопцев, которым можно доверить два чемодана с драгоценностями и сопровождение Германа Беккера в гостиницу.

Встал и Тихон. Тонкости плана обсуждены, вопросы исчерпаны. Хотя их он мог придумывать сколько угодно.

Тихон с Потапычем направились вслед за цыганом.. В грязной, как хлев, комнате пьяные разбойники целовались, истерично объяснялись в любви трем молоденьким девицам, которые кокетливо шныряли между мужиками-алкоголиками.

Потапычу не понравилась эта картина. Он толкнул в бок Степана:

— Заткни глотки индюкам. Баб отошли на кухню.

Степан прогнал девиц, раздал подзатыльники, облаял пьяниц нецензурной бранью, и сравнительно быстро навел порядок. Потом Степан по именам подозвал к себе человек десять.

Троим из них он велел идти к Покровской церкви, двоих выгнал на улицу протрезвиться. Несколько рослых молодых парней он оставил при себе и дал им особое задание:

— Филя, Троша и Захар, возьмите по «игрушке», зарядите «смит-вессоны» и ступайте сменить караул у дома. И не шумите в саду, атаман лег отдыхать.

Те подошли в угол к ящику с бомбами, взяли по одной. Затем из ведра набрали в карманы патронов для наганов.

На столах остались пустые бутылки, недопитые стаканы с самогоном, миски с медом. На полу валялись обрывки газет, шелуха от семечек, гильзы от винтовочных и револьверных патронов, лошадиная сбруя, кобура от револьвера, разломанные ящики.

Сотруднику уголовного розыска хотелось самому взять из ящика парочку бомб и швырнуть их по этим коварным врагам молодого советского государства. Если бы ему самому можно расправиться с бандитами, то поступил бы именно так. Но сейчас была другая задача: он запоминал входы и выходы из комнат, подсчитывал бандитов. Их набралось человек сорок. Среди этого сброда Тихон заметил парикмахера гостиницы. Тот заходил в номер к Тихону и подстригал бородку «дипломату». Тоже вынюхивал, выведывал. Столицыну в этой своре многие были знакомы по гостинице, ресторану или по дому Зоси. Всех их сейчас должен был ждать арест.

Цыган Степан цвыкал через золотой зуб, властно командовал:

— Никола, и ты, Филипп, для вас припасено поручение от самого батьки. С этим молодцом по имени Герман Карлович прогуляетесь. Поднесете груз к гостинице Слезкина. Потапыч тут же стал вполголоса инструктировать проводников дипломата. И не то в шутку, не то всерьез предупредил: — Особо отвечаете за здоровье нашего дорогого гостя.

Еще одна девица появилась в комнате, шатаясь, с визгом ринулась к Тихону и повисла у него на шее. Столицын брезгливо толкнул ее от себя. Она явно удивилась, даже раздраженно задергала плечами от неожиданности. Потом со словами «грубиян, дурень», еще раз полезла обниматься, обдав Тихона перегаром самогона. Платье ее было мокрым и вонючим. Тихон резко снова отстранил ее от себя. Ноги девицы заплелись, казалось, она вот-вот упадет на пол. Однако снова агрессивно рванулась к Тихону, хотела его ударить. Конфликт пресек Потапыч. Он взял ее за руку и со словами: «Поди прочь, Людка» отвел ее в сторону.

— Да я ему в харю плю-ю-ну... — но тут же, забыв о Тихоне, она облапила проходившего мимо путеводителя Тихона Григория.

— Э, че-е-рт с ним, — незлобно махнула на Тихона рукой пьяная девица. — Мы с Гришкой о-проб-бо-ван-ные.

Но тот не склонен был к любезностям. Он тоже не стал с ней церемониться, сказав:

— А покедова посторонись-ка, Людмила.

Тогда девица повисла на шее у длинного, с угристым лицом, молоденького, лет семнадцати, парня. Тот, ухмыляясь, пошел с ней в другую комнату.

Тихон, глядя на очередную потаскуху притона, сопливого пацана, подумал: «Воровская романтика и этих бездомных сбила с толку».

31. Штурм притона

Связной угрозыска сбился с ног в поиске начальника управления губмилиции, чтобы передать ему важнейшее донесение сотрудника МУРа. Но тщетно. В городе Окске в этот день формировались революционные роты для отправки на фронт. Рябову губком партии поручил вести запись добровольцев на железнодорожной станции. Но его и там трудно было найти. Тогда Савков стал искать Петухова, но тот, как выяснилось, уже отбыл в действующую армию. Было уже семь часов вечера, когда в управление губернской милиции вернулся Семен Гаврилович. Савков обрадовался и вручил ему наконец-то записку Тихона Столицына, а словами добавил:

— Быстрее посылайте к гостинице своих надежных сотрудников. Вот-вот туда придет человек от Бьяковского. Тайный проводник доставит «господина Беккера» в логово атамана.

— Не заманят ли Тихона в ловушку, как Кривоносова? — все еще настороженным оставался Рябов.

— Тихон не расшифрован. Бандиты вступают с ним в переговоры.

— Ну так тому быть. Значит скоро завершим разгром банды.

Рябов тотчас послал проворных и сметливых в деле милиционеров близнецов — братьев Азаровых. К гостинице они подошли вовремя. Те заметили бандитского связного и тенью отправились за ним, когда он повел за собой Столицына.

...Формируя отряд для атаки логовища Бьяковского, Семен Гаврилович нетерпеливо и с удовольствием потирал руки: «Кажется, предстоит решающая схватка. Жаль, что нет рядом Максима Андреевича. Ему бы находиться с нами в самый раз. Он бы крепко порадовался за успех».

Итак, отряд сотрудников милиции во главе с Рябовым бесшумно подошел к главному притону. Лишь чуткие псы брехали за изгородью. Но работа началась. Вездесущие братья Азаровы, умельцы на все руки, бесшумно пробрались через забор к дому и без единого выстрела у крыльца сняли охрану атамана, загнали собак по конурам, открыли ворота своим подводам с пулеметами и бойцами.

Вся усадьба в несколько минут оказалась окружена, а на двери и окна наведено оружие. Рослый сотрудник уголовного розыска Иван

Киселев связал последнего пьяного караульного, спавшего в конюшне. Надел на себя его рыжую лисью шапку со словами: «Пусть охладится, ему дрыхнуть хоть бы хны, а мне в кепочке зябко».

Путь в логово атамана препятствий больше не имел.

А внутри ничего не подозревала самонадеянная шайка головорезов. Там базарили, горланили частушки, жрали огурцы с медом, хлестали самогон, пиликали на гармонике. Слышался бойкий визг пьяных женщин. Рябов больше не торопился. Он выжидал своего часа.

Стрелки его карманных часов показывали без четверти полночь. Отряд словно замер. Начальник управления милиции решил: часть архаровцев сама должна вылезти из «конуры». Разбойники — те же сычи, промышляют ночью. Глухая темень — их залихватское время. У милиции должно быть терпение. Еще раз терпение. Оголтелая, бесшабашная свора вот-вот станет выползать, чтобы проветрить пьяные мозги. Выловив внезапно часть их вне логова, потом легче будет арканить остальных в бараке.

Беспокоился Рябов о Тихоне Столицыне. С ним вполне могли расправиться в эти минуты. Да и что можно ждать от оравы безумцев?

Минут через десять в сенях послышались голоса, удалая песня. Предположение Рябова сбывалось: бандиты в расстегнутых полушубках, в шапках набекрень, обвешанные оружием, вихляясь, высывались из притона. Разнузданные лихоимцы врасплох попадали в руки сотрудников уголовного розыска.

Действуя энергично, неожиданно, Рябов в считанные минуты арестовал около двадцати бандитов. Только теперь по окнам «крепости» застрочили пулеметы. Сотрудники милиции свистками издали пронзительную трель. У разбитых окон Рябов оглушительным баритоном командовал:

— Бросайте оружие. Сдавайтесь. Дом окружен.

В комнатах лишь на мгновение установилась свинцовая тишина, потом поднялся визг, панический крик их обитателей, бандиты появлялись в окнах, дверях, некоторые выпрыгивали во двор и сдавались, другие отстреливались.

Бьяковцы, после первых выстрелов, свистков и криков на улице, поняли, что их убежище окружено. В панике жильцы притона беспорядочно отстреливались, выпрыгивали из окон и попадали в руки угрозыска.

Семен Гаврилович с группой бойцов вбежал в дом. Стрельба началась внутри, в лабиринтах барака. Обезоруживались охваченные смятением и страхом преступники. Не переставая, истерически визжали бабы, стонали раненые, издавали последний стон сраженные меткими пулями головорезы. Уцелевшие, бандиты продолжали, как чумные, прыгать в окна и на улице попадали опять-таки в руки блюстителей революционного порядка. Пленным связывали руки, ставили лицом к стене глухого забора, обыскивали, затем усаживали в подводы и отправляли под усиленным конвоем в тюрьму.

Рябов продолжал волноваться. Он не мог разыскать Столицына. Озадачивало и то, что исчезли атаман с верными подручными. В логове не оказалось главарей. Рябов не заметил, как цыган Степан, стараясь улизнуть, ринулся к окну, но увидев во дворе плотное кольцо вооруженных бойцов, отпрянул от него. Матерый бандит с кольцом в руке устремился бесконечными коридорами в светлицу атамана. Он знал, там есть тайный ход в подземелье. Через него наверняка тайно уже сбежал атаман.

А в эти мгновения бойцы во главе с Рябовым тщательно обшаривали многочисленные закоулки логова. Ни атамана, ни того, кого особенно искал начальник милиции в запутанных лабиринтах хаты, не было. Они словно растворились, потерялись, исчезли. Начальник губмилиции лично осмотрел горницу Бьяковского. В ночной сорочке, уткнувшись в шелковую подушку, выла в отчаянии пассия «коменданта крепости». На требование Семена Гавриловича сообщить, где атаман, Фроська показала лаз в сенях, примыкающих к горнице. Любовница не щадила своего хозяина и отреклась от него. «Изверг туда, туда полез. С ним Потапыч и еще кто-то», — Ефросинья хотела искупить свою вину, не признавала атамана своим. Атаманша, конечно, давно поняла, что расплата для ее «милого» неминуема. И ей самой было за что отвечать: когда атаман валялся в стельку пьяный, Ефросинья лично выпроваживала на разбой свору мерзавцев. Любила ими покомандовать. Водился за ней такой грех. Этой разжиревшей бабе по нраву были ужасы, жестокость, беспорядки, которые чинили в городе головорезы.

Работники уголовного розыска продолжали переворачивать логово вверх дном. Проверяли уйму закутков, пристроек, сеней, коридоров, чердаков, освещали каждый их уголок, заглядывали в шкафы, под кровати. Все чисто. Больше ничего в доме не было. Напрасно

сортировались пленные, осматривались лица убитых. Подтверждалось то, что атаман исчез с кошачьей ловкостью, дали деру и его верные дружки. Значит, путь их был один — через потайной лаз, указанный Ефросиньей. Проверили и это подземелье, оно вывело к сараю, в сад. Но и там все было пусто, лишь один истоптанный снег.

И не удивительно. Загадочного в этом ничего не было. Первые же свистки отрезвили опасливого «батьку» Бьяковского. От них он враз всполошился и полусонный стал слезать с постели. Пнул ногами Фроську с кровати и на нее заорал: «Дура, легавые...» А беспечной любовнице — трын-трава. Ей подумалось, что «батьке» мерещится. Она что-то хотела ему сказать, но еще больше обозлила «властелина», предводитель шайки разбойников крикнул: «Сгинь, стерва, ты откупишься толстыми ляжками, а мне заготовлена пуля».

Сверхосторожный Михаил Бьяковский безошибочно почуял свою катастрофу. Казалось, бедствие неминуемо. Но он был предусмотрительный. Боялся аркана для себя. На случай облавы для него существовал потайной выход из горницы. Его голыми руками не возьмешь. Главарь верил в свою дальновидность. Он знал, каким образом ему испариться в случае опасности. Еще в ярости понял: «Дипломат» — ловушка, подставное лицо от милиции. Выходит, его перехитрили, обвели вокруг пальца. Атаман, за ним Потапыч, а чуть позже Степан и еще кто-то через им лишь ведомый лаз спустились в подземелье, а оттуда кротами выкарабкались во двор, к сараям, в сад. Теперь можно проползти огородами, а там рукой подать до леса и реки.

Но нельзя уйти, не отомстив за провал и предательство. И Бьяковский взвыл на дружков: «Идиоты, кого ко мне привели», — затем приказал Степану:

— Певичку пристукни. Дипломата найдешь у нее. Его тоже разукрась. И хату артистки спали. Хорошо им будет. А вы... Идиоты вы с куриными мозгами. Но теперь надо драпать. Двигай и ты, Степан, но побыстрее. А певицу можешь живьем ко мне доставить в Романовский лес. Там мы ее, курву, поласкаем...

А что же Тихон? Он сориентировался при первых же криках и выстрелах на улице. Понял, наконец-то сборище преступников окружено милицией. Воспользовавшись замешательством и паникой среди своих собеседников, потушенными лампами, сотрудник угрозыска нырнул в светлицу атамана, оттуда в сени и спрятался в огромном пустом ящике, приготовленном, видать, для ценных

«трофеев». В притоне, кстати, поднялся такой переполох, что все забыли о господине Беккере. Да и не до него стало воровскому притону. Надо было каждому спасать свою шкуру. Тихон слышал, как тяжело дыша, в суматохе стали отбрасывать люк и спускаться в подземелье атаман, Потапыч... Столицын через щель следил за ними. Потом затопал кованными сапогами Степан... Не раздумывая, Столицын рванулся туда же. Сотрудник МУРа знал: его дело не упустить атамана. У Тихона под ногами что-то запружинило, похоже, он ступал по матрацам, одеялам, какому-то тряпью. Минуты через три он услышал, как впереди ползет и кричит здоровенный Степан. Столицын карабкался на четвереньках за ним. Наконец Тихон вылез из подземелья, жадно глотнул освежающего морозного воздуха. Взял пригоршню снега и умыл им лицо. Хотя Тихон остался в одном костюме, на морозе ему было жарко. Он, перепачканный, вспотевший, стал всматриваться и вслушиваться. Донеслись крики, свистки, выстрелы. Тихон по снегу наугад прополз еще метров сто. Наткнулся на копну сена. Что делать дальше? И вдруг, у другой копны, шагах в десяти от себя он заметил силуэты троих мужчин и огонек сигарки, ветер донес знакомый торопливый и нервный голос атамана. Он приказывал расправиться с дипломатом и заложницей взять в Романовский лес Зося. Послышался лошадиный топот, и Тихон понял, что Бьяковский с помощниками скрылись. Стрелять им вслед было бессмысленно. Да и не об этом сейчас он думал. Зося в беде. Его любимая в опасности. Что-то надо делать. Он за нее в ответе. Столицын явственно представил последствия «визита» к ней беспощадного Степана. Сотрудник МУРа прикинул, в какой стороне жилище Зоси. Он должен опередить цыгана.

Все отдаленнее стали слышаться свистки, крики, выстрелы там, около притона, а Тихон, полураздетый, припустился напрямик, огородами к дому артистки. Спотыкался, падал, поднимался и снова бежал по ночному бездорожью, огородами, садами, оврагами. Выкладывал все свои силы. Порой казалось ему, что он сбился с направления. Но вот заветное крыльцо. Он благополучно достиг цели. И, кажется, успел. А он боялся, что дом Зоси уже охвачен огнем от рук бандитов.

Зося на его голос открыла дверь. Она за этот длинный вечер измучилась неизвестностью. Страстно стала целовать лицо Тихона

теплыми влажными губами. Потом, почуяв неладное, с изумлением отпрянула от него.

— На кого ты похож? Где твоя верхняя одежда? За тобой гонятся? Что это значит: наган в руке?

Господин Беккер, конечно, предстал перед любимой девушкой не в лучшем виде. Но было не до этикета, не до соблюдения правил приличия в одежде.

Пиджак, брюки, белая рубашка порваны, перепачкались грязью, кровью, расстегнуты пуговицы. Растрепалась мокрая от пота и снега шевелюра. И пистолет наизготове, в боевом положении. Можно было предположить, что он, отстреливаясь, вырвался из ада. Или что-то в этом роде.

— Ты собираешься с кем-то сражаться? — допытывалась в изумлении Зося.

Тихон после долгого бега не мог отдышаться. Наконец ответил:

— Сейчас от Бьяковского кто-то заявится. Потуши свет. — Столицын привлек к себе девушку. — Я к тебе торопился... Сцапала милиция банду. Только главари вырвались из ловушки. Кто-то из непрошенных гостей через минуту будут здесь.

— Ой, — Зося задрожала, точно в лихорадке, сильнее прильнув к молодому человеку. — Ты разве один с ними сладишь? Мы погибли? Давай убежим... Впрочем... Я помогу тебе. У меня припрятан пистолет. Научи меня стрелять. Они точно сюда придут?

А Тихон приводил в норму дыхание. Заставил ровно биться сердце. Ему был приятен облик Зоси и в такую минуту. Его растрогал ее лепет. Он, ободряя ее, разъяснял:

— Банду почти всю арестовали. С нашей с тобой помощью. Несколько человек все-таки дали драпу. По-моему, ушли атаман, Потапыч, Степан. Я слышал, как атаман приказал одному заглянуть к тебе...

Сотрудник угрозыска не договорил; во дворе послышался шумный лошадиный топот. Кто-то подъехал верхом к окну спальни Зоси и с размаху выбил стекла колом. Куски его со звоном влетели на пол к ногам Тихона и Зоси. Еще секунда, и вместе с порывом морозного снежного ветра в спальню девушки, кряхтя и чертыхаясь, влез, опрокидывая стулья, Степан. Он зажег спичку, чтобы осмотреться. Змеей прошипел, грубо матерясь:

— Ах ты сука, ах ты стерва. Где ты, красотка? Поди-ка, я тебя обойму, поцелую. Давно желал с тобой подзаняться. Скажи-ка, с кем снюхалась... — Бандит нахраписто упивался блатным жаргоном и яростно искал девушку, но наткнулся не на нее, а на сильный толчок. Тяжелый удар пистолета в висок свалил его с ног. Подручный атамана гулко рухнул на пол.

В тусклом свете зажженной спички Столицын нагнулся над хрипевшим и стонавшим бандитом. На пол потекла кровь.

Сотрудник МУРа коленом придавил матерого зверя, связал его руки веревкой. Но бандит был все еще крепок физически. Он быстро приходил в себя, попытался привстать, дернул из петли руки. Тихон сильнее подналег на него всем телом, зло давил его.

— Ну, гад, пришла расплата, — Столицын наставил дуло пистолета в лоб убийце, — где Бьяковский? Скажешь — будешь жить. Считаю до трех. Раз, два...

Заместитель атамана напрягся до предела. Он не сомневался: выстрел последует, и все-таки на что-то надеялся, верил в бандитское счастье. Ему, вырвавшемуся полчаса назад из капкана угрозыска, здесь казалась смерть абсурдом.

— ...три, — хладнокровно считал Тихон. Острый черный зрачок ствола браунинга смертельно смотрел в переносицу опасного пленника.

Задыхаясь в дикой злобе, глотая воздух как рыба на сухом песке, преступник, казалось, потерял рассудок:

— Накось, выкуси... Кто-нибудь другой скажет, от меня не дождешься, сопляк. Ищи ветра в поле. Потапыч клюнул на твою приманку. Я-то... Жаль, что не прикончил вовремя. За версту чуял падлу. Давно понял, что ты легавый. Документики для наших дураков разложил по чемоданам. Барчуком прикинулся. Тебя бы пришить, а вот эту проститутку... в лес, к атаману... Тогда бы все было по справедливости.

— Но мы раньше тебя расстреляем. Искупай вину, помогай найти атамана...

— Да пошел ты, молокосос... И помни: за меня с тобой рассчитаются, как с твоим дружкойм...

После этих угрожающих слов громила, напрягаясь, рванулся изо всех недюжинных сил и выдернул руки из веревочной петли. Встал на колени и головой ударил Тихона в живот, а руками обхватил его ноги.

Это и стало его последней минутой жизни. Тут же он нашел свою гибель.

Глазок дула пистолета наполнился огнем и грохотом. Выстрел кончил с бандитом все переговоры. А Тихон в ярости приговаривал:

— Это тебе, подонок, за Кривоносова. Это тебе, мразь, за Белоусова.

Потом установилась минутная тишина. Зося чуть слышно от страха пролепетала, глядя на мертвого Степана: — Давай вытащим его на снег... Ну и ну. Они бы растерзали тебя и меня! Ты, Герман, послан мне господом богом. Как благодарить тебя? Хочешь, я подарю тебе золотые часы швейцарского производства? Остались от отца.

— Хочу, чтобы твое серебристое сопрано звенело в моих ушах. Больше ничего не надо, — ласково ответил Тихон.

* * *

А в притоне продолжался обыск. Под домом, в погребах нашли огромные запасы провианта, бочки с медом, селедкой, топленным салом, тюки со шкурами, шерстью, ящики с оружием и сундуки с дорогой царской утварью. Там же отыскивали большой и тяжелый глиняный кувшин, заделанный сверху воском.

Рябов приказал вскрыть его. Очистили горлышко сосуда от воска, перевернули кувшин над столом: из него посыпались золотые монеты — чеканка императора Петра Первого, золотые кольца, перстни, серьги, браслеты. Последним выпал неподобный по очаровательности золотой женский кулон. При свете лампы он засверкал десятками маленьких огоньков, стал переливаться всеми цветами радуги. На нем разместилось созвездье алмазов, изумрудов, рубинов, топазов...

На обратной стороне тончайшим каллиграфическим почерком была нанесена гравировка:

«Окск, 1903 год. Рубинштейн».

Не было сомнений в том, что разыскано самобытнейшее произведение искусства, имеющее историческую ценность.

Рябов восторженно произнес:

— Вот это находка! Редкое сокровище! Бесценный бриллиант. Место ему в музее. Туда мы его и определим.

Семен Гаврилович лично спустился в подземелье, тайный ход его вывел во двор, к сараям. А там — в огород. Дорог для исчезнувших из притона было много. «Неужели с атаманом ушел Столицын? Тогда его ждет участь Кривоносова», — с досадой думал Рябов.

Вскоре он распорядился прекратить обыск бандитского барака. Осиное гнездо разорено. Оставив около него караул бойцов, Рябов вернулся в управление.

Наступило утро. А в коридоре милиции спозаранку его ждал настоятель Никольского храма отец Пимий. Увидев Рябова, он сложил руки, точно при молитве, и забубнил:

— Мне известно стало от прихожан, что вы нашли разбойников, которые третьего дня организовали налет на мою обитель. Много у меня взято ценностей. Не утомляю перечислением похищенного. Однако прискорбно жаль одной бесподобно-дорогой вещички. Не отыскали ее часом у антихристов?

— Что именно? — поп пришел некстати. Но он заинтересовал Рябова.

— Золотой кулон моей свояченицы. Особой работы. Сделан в 1903 году по нашему заказу ювелиром Иосифом Рубинштейном. По преданию такой носила святая дева Мария, когда оказалась на грешной земле...

— Отец Пимий, продолжайте. Опишите его.

— Кулон висел в светлице перед лампадой и очаровывал неповторимым изяществом. Редкий, единственный в своем роде предмет...

— Ну, ну. Изложите особенности.

— В центре крупной золотой волнистой оправы вставлен алмаз с двухкопеечную монету. По окружности кулона редкие камни: рубин, топаз, изумруд, янтарь, яшма, сапфир. Между ними расположена изумрудная крошка. Неужто варнаки в слиток его превратили.

— У нас кулон. Нашли мы его. Решим, как с ним поступить. Сообщим вам через неделку. Посоветуемся.

Только Рябов распрощался с батюшкой, как неожиданно на пороге кабинета с изумлением увидел Тихона, живого, здорового. Крепко стал его обнимать, тискать, так, что чуть не растерзал своего разведчика. Но времени для объяснений было мало. Оба пришли к выводу, что

уцелевший атаман с остатками банды подался в последнее прибежище, в Романовский лес.

Тихон считал себя в долгу перед губернской милицией и попросил разрешения лично возглавить отряд бойцов для преследования Бьяковского.

— Согласен. Бери конников человек пятьдесят и айда по его следу. Дело твоей чести изловить зловещего выродка и остатки его шайки.

32. Погоня

Военный опыт езды верхом теперь пригодился Тихону. Ранним утром отряд конных бойцов, возглавляемый Столицыным, галопом взял курс на село Березово. Недели две назад именно туда для расправы бандиты заманили Николая Кривоносова. Теперь в этой деревне предстояло ловить самого главаря. Часа за два быстрым аллюром прискакали конники к месту назначения.

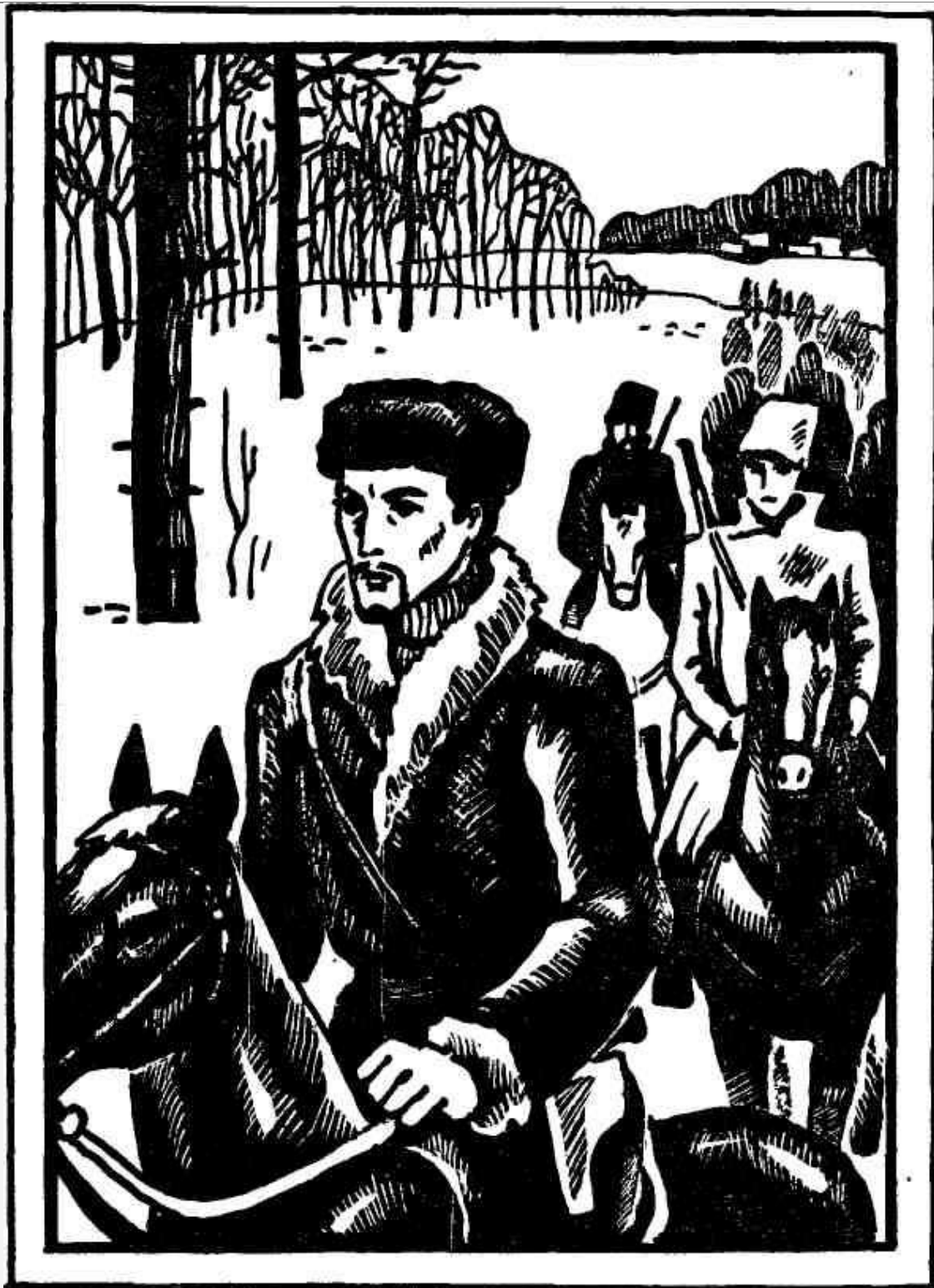
Березово располагалось в центре Романовского лесного массива. Въехав вскачь в деревню, бойцы спешили, повели разведку. Тихон тут же узнал, что рано утром здесь уже позверствовали Бьяковский с остатками шайки. Ворвавшись в деревню, он к церковной площади согнал крестьян, на глазах у них убил возражавшую ему депутата сельского Совета Настю Краюхину и при этом объявил перепуганному народу:

— Если кто против меня слово скажет, тот получит пулю в лоб. Не станете мне помогать — подожгу деревню с четырех сторон. Запылаете, как факел. А кто будет тушить — тех постреляю!

Он озверело носился по улицам, угрожая расправой, требовал помощи для борьбы с Советской властью. Страх загнал людей по хатам. Они боялись выходить из них. Сотрудник Московского уголовного розыска Тихон Алексеевич Столицын сам собрал крестьян у сельского Совета. Рассказал им о проводимой операции против коварных бандитов. Убеждал народ:

— Покажите, где укрывается атаман. Содействуйте нам. Не бойтесь. Теперь вы под защитой вооруженной милиции. Ваша трусость на руку вырождакам и мерзавцам. Отряд бойцов, которым доверено мне командовать, не уйдет отсюда, пока не выловит до единого бандита.

Люди мало-помалу отрешались от страха и скованности, начинали верить в надежность Столицына и доверять ему. Но крестьяне не могли пока указать бандитское логово, однако охотно стали во всем содействовать бойцам. Крестьяне разместили у себя по хатам милиционеров и взяли их на свое довольствие. Кормили лошадей. Рассказывали о Бьяковском, кто что знал. Оказалось, настоящая фамилия атамана Прокопович. Он сын зажиточного крестьянина-кулака из соседнего уезда.

Военная служба приучила Тихона к верховой езде. Этот опыт пригодился сейчас: он возглавил конный отряд, чтобы настичь и разгромить остатки бяковцев.

В царской армии Михаил дослужился до чина унтер-офицера. На деньги, выжатые его отцом из крестьян-бедняков, он делал военную карьеру.

Когда победила социалистическая революция, Михаил Прокопович не мог не стать ярким врагом Советов. Он дал клятву мстить новой власти до последней капли крови за то, что она лишила его мечты стать его благородием штабс-капитаном. Словом, это был деятельный махровый антисоветчик. Конечно же, требовалось положить ему конец.

Теперь все село помогало отряду Столицына в поимке атамана и его людей.

На третий день Тихону поступило сообщение от сельского паренька Петра Иванцова. Когда мальчишка из лесу на санях вывозил дрова, то набрел на бандитскую нору, вырытую вблизи Лисицынского оврага. Из нее выползли двое обросших пьяных бандитов и приставали к парню с вопросами.

В указанное место стремглав понеслись верховые бойцы. Они окружили землянку, вошли туда, но она была уже пуста. Лишь объедки пищи да пустые бутылки говорили о том, что совсем недавно здесь пьянствовали кровавые отшельники.

Тщательный осмотр оврага и всего прилегающего ельника положительных результатов также не дал. Проческа большого участка леса тоже не имела успеха. Ни с чем вернулись в Березово конники.

На следующий день, едва рассвело, Тихон с холма начал просматривать в бинокль каждый уголок, кустик окрест. И вдруг заметил, что трое в тулупах мужиков осторожно вышли из березняка на дорогу, соединяющую Березово с соседним селом. Бандиты, конечно, прознали, что милиция окружила Романовский лес, и вели себя чересчур обдуманно.

Бьяковцы боялись теперь не только вольготно разгуливать по деревням, а в некоторые — совать и нос. Они на дорогах отбирали у несчастных крестьян хлеб, сало, соль, скот. Их мало-помалу настигал голод. В поисках еды лишь самые бесшабашные разбойники рисковали пробираться к крайним сельским хатам. Вот эти, видать, трое направлялись в какое-то село.

Столицын подозвал местного жителя Дмитрия Кузнецова, отколовшегося от банды Бьяковского, изъявившего желание помочь Столицыну. Передал ему полевой бинокль.

— Погляди, кто это?

Кузнецов поднес бинокль к глазам и живо ответил:

— Да это бандиты атамана. Они пробираются в хуторок Белое за продуктами.

Тихон приказал десятерым сотрудникам оседлать лошадей и начать их преследование. Несколько конников поскакали преступникам наперерез, чтобы отсечь дорогу к Романовскому лесу, а другие — навстречу бандитам.

Но бьяковцы еще издали заметили погоню и успели скрыться в овражном перелеске.

Вечером к Столицыну подбежал мальчуган, лет десяти и спросил:

— Вы будете командир?

— Допустим.

— Велено передать вам записку.

— Кто велел?

— У оврага двое дядьков, когда я катался на салазках.

Тихон развернул лист серой засаленной бумаги и прочитал каракули. Оказалось, что двое бандитов Фролов и Козин назначили Столицыну свидание на опушке леса. Они писали:

«Приходи — погутаим. Уважь нашу просьбу, не посчитай за труд. При подходе назови пароль «изгнанник». Тогда стрелять не будем. Дело есть к тебе толковое».

Тихон не стал медлить. Не впервой ему рисковать. Да не в опасности теперь дело. Ловушка для бандитов должна захлопнуться как можно скорее.

На всякий случай с трех сторон Тихон расставил незаметные конные патрули. Те должны были ждать сигнала Тихона, если потребуется захватить бандитов.

У леса Столицын увидел двух замерзающих, обросших буйной щетиной мужиков в драных зипунах. Они грелись у чадившего костра. Пахло паленой хвоей. Тощие, бледные, обессиленные бандиты лихорадочно смотрели на Тихона.

— Мы, мы вызывали, — произнес бандит по фамилии Фролов, грея руки над костром.

— Зачем? С голодудохнете?

— Не ерепенься, начальник. Мы здесь в лесу гибнем, — проронил второй бандит по фамилии Козин. Наступила пауза.

— Ну дальше что? — Тихону противно было смотреть на общипанных, с бешеным блеском глаз разбойников. Сколько же они зла уже принесли людям. А сейчас ищут способы отвертеться. — Так что от меня требуется?

— Вот что, — отпрянул от костра Фролов, — Бьяковский всех погубил. Будут ли нас судить, если сдадимся добровольно? Мы готовы помогать тебе. С нашей указки поймаешь Бьяка.

— Поможете выловить остатки банды — облегчите свою участь. Факт. А если останетесь в шайке — все равно погибнете... Банда Бьяковского в западне. Все с голоду подохнете. Мы зиму будем стоять в Березове. Так что надеяться вам не на что. Словом, выбор у вас не велик.

Бандиты потоптались у затухающего костра, пошмыгали носами, почесали косматые затылки, отошли в сторону, пошептались, посоветовались.

— Ладно, сдаемся, — ответил Фролов за двоих. — Давай потолкуем и обмозгуем, как словить Мишку.

Из разговора с ними Тихон узнал, что завтра утром Бьяковский собирается идти в деревню Белое к своей любовнице Полине Чавкиной, а его помощник Кравченко, пока вернется главарь, обязан сходить в Березово к тетке и взять у нее хлеба и запряженную лошадь, на которой решено отвезти часть награбленного имущества в укромное место.

— Может быть, через вас я своего человека подошлю к атаману?

— Бесполезно. Приблизиться к Бьяковскому нынче невозможно. После провала в городе он незнакомых не берет, — сказал Козин, а Фролов горько добавил:

— Моего братеника пристрелил. Думал, что он подослан из милиции.

— Уже многих Бьяк ухлопал по пьянке, мерещится ему, все направлены Советами, — рассказывал Козин. Помолчал. — Его надо подкараулить на лесных дорогах. Атаман часто посещает пасеку Залепухина. К ней по балке можно приблизиться и сделать засаду.

Бандиты назвали еще несколько мест возможного появления главаря.

Каждую ночь Тихон выставлял посты, где считал нужным. Делал засады, устраивал атаману капканы, группы захвата охраняли дороги, опушки леса, овраги, подходы к селам. В результате принятых мер была

задержана подвода, на которой ехал еще один заместитель Бьяковского Кравченко.

Фролов и Козин старались искупить свою вину, заслужить снисхождение. Они усердно помогали Тихону. От бывших бьяковцев удалось еще узнать, что остатки банды ходят по лесным сторожкам, заглядывают в лесничество в поисках еды, хлеба и самогона.

Фролов и Козин показали заветную тропку, по которой ночами иногда и сам атаман пробирается от сторожки беженца Александра к землянке отшельника Лазаря, заглядывает в деревню Горино. Там живет одна из многочисленных потаскух «батьки» Глафира — к тому же очень пронирливая баба. Из-под земли добывает атаману нужные сведения о милиции. Она же шьет, вяжет теплые вещи главарю. Сотрудник МУРа блокировал все подступы к указанным местам и лично решил подкараулить Бьяковского у самой глухой землянки, где была большая вероятность появления главаря. Тихон дал Фролову и Козину винтовки, по три десятка патронов и отправился с ними в глубь леса.

Расправиться с Тихоном бывшим бандитам ничего не стоило. Однако ждать Столицын больше не мог. Он верил, что нет смысла Козину и Фролову убивать его, а есть резон ускорить поимку Бьяковского.

Втроем они прошли лесом версты четыре. У далекой Дедовской просеки, в стороне от проезжих дорог, за толстым дубом, в снегу сделали наблюдательный пункт.

Сквозь голые деревья участок разнолесья просматривался далеко. Появление Мишки Бьяка или его людей можно будет без труда заметить на большом расстоянии.

Столицыну, верившему в удачу, казалось, что он последний раз запасается терпением, на дне которого, как любил говорить Максим Андреевич Белоусов, оседает золото.

Сотрудника угрозыска угнетала мысль, что он упустил верхушку банды, угрызения совести заставляли стараться изо всех сил.

Столицын выбрал две лохматые ели, которые сплелись, образуя свод. Залег в снегу. Заиндевелые ветки деревьев от легкого ветра потрескивали.

В лесу, казалось, все замерло. К середине ночи усилился ветер и мороз. Тихон, Фролов и Козин поплотнее завернулись в тулупы, взятые для засады в сельсовете. Двое с винтовками, один с револьвером замерли, вслушиваясь в звуки леса. Но по-прежнему лишь деревья

покачивались, шептались и скрипели. Где-то вдали недремлющий дятел сделал несколько ритмичных ударов клювом о кору сосны. Близко в стороне издала шорох запоздавшая с ночлегом продрогшая пичуга. Все звуки, то глухие, то отчетливые, настораживали.

Зарывшись в снег, Столицын и его проводники напряженно всматривались в лесную чащу. Так пролежали больше трех часов. Стали мерзнуть.

Лес оставался безлюдным. Тщетно они ожидали бандитов. Атаман и его люди, похоже, не думали идти этой дорогой. Не было признаков, что кто-то угодит в засаду. Впрочем, Тихон и не рассчитывал, что первая же ночь одарит везением. Он настраивал себя на многоразовую засаду, чтобы пришел желательный исход дела.

Время близилось к рассвету, когда вдруг, в глубине кустарника, справа послышалось шуршание, хруст сучьев орешника. Тихон весь превратился в слух. Ветер донес приглушенный мужской говорок. Еще через мгновение заскрипела от шагов неизвестных ледяная корка промерзшего снежного покрова. Прошло несколько напряженных минут. Из кустов ельника на тропинку вышли двое в шинелях с винтовками наизготове.

В двух десятках шагов от Тихона неизвестные умолкли и остановились. О чем-то посоветовались. Прикидывали: идти дальше или вернуться. Чувствовалась их опытность и крайняя настороженность.

Напрягая зрение, Столицын с трудом, потом твердо узнал одного и другого ночного пешехода. Это были Сулико и проводник Тихона по гостинице Гришка.

Сотрудник МУРа прицелился из револьвера в худого брюнета с женским именем Сулико и дал знак Фролову и Козину, чтобы они взяли на мушку коренастого Гришку. После этого Столицын в приказном тоне крикнул:

— Бросай оружие, пристрелим.

Но бандиты кинулись в разные стороны. Тихон произвел два выстрела по ногам Сулико. Тот покачнулся и ткнулся лицом в снег. А Григорий встал за ствол сосны и начал яростно отстреливаться. В него палили Фролов и Козин. Когда Григорий высунулся из-за дерева, пуля достигла цели. Григорий замертво свалился у валежника, а Сулико прополз несколько метров, головой уперся в ствол сосны, обхватил ее руками и стал кусать обледенелую кору.

33. Ясное утро

Сулико доставили в сельский Совет. Раненый бандит понял: нужно спасти собственную шкуру. Он немедленно назвал соседнюю с Горино деревню Заркихино, где у полубовницы Райки Кликиной остановился атаман вместе с верным дружкой Иваном Ложкиным и другими преданными ему людьми.

Тихон в сопровождении местных провожатых с двумя десятками конников галопом взял курс в названную деревню, поднялась метель, даже снежный буран. Наконец, после часа езды сквозь белесую пелену появилось очертание заваленной снегом Заркихино. Провожатые указали на добротную хату Райки Кликиной. В дальней, видно, ее комнате горел слабый желтоватый свет. Он едва пробивался в трех окнах.

Залаяли у соседей собаки. Залился звонким тьяканьем и пес около дома Кликиной.

Тихон приказал ловкому бойцу Якушеву утихомирить дворняжку. После этого в два счета дом с пристройками был окружен. Теперь требовалось бесшумно проникнуть двум-трем бойцам через глухую дощатую стену во двор, к сараям. С ходу это сделать не удалось. Все было плотно, надежно заперто.

Стояли по-зимнему темные предутренние сумерки.

Ближе к сенцам в двух окнах хаты мелькнул яркий красный свет. Это огонь из печки освещал кухню. Потом еще в одном коридорном окне появился тусклый свет, видать от фонаря, кто-то выходил в сени.

С неба валила и валила снежная крупа. Бойцы для предосторожности, чтобы их не увидели из дома, прильнули к стенам хаты.

Большое подворье было полностью блокировано. Ветер и ночь стали верными помощниками милиции. Столицын с двумя здоровенными бойцами Сидоровым и Ванюшиным зашел с тыльной стороны дома и еще раз попытался через кованые ворота проникнуть во двор. Но не удалось. Ворота были заперты на крепкие засовы. Ломать их не стоило. Все нужно было делать неспешно, обдуманно, с должной осмотрительностью, чтобы не наделать много шума и переполоха в

доме. Беззвучно, чтобы не спугнуть бандитов, Тихон в отдаленном месте проломал дощатую стену изгороди.

Осторожно оторвав доску, затем еще одну, Столицын, Сидоров и Ванюшин наконец оказались внутри двора. Из сарая, почуяв людей, подали голос многочисленные кони. На дворе припорошенные снегом стояли два крепких возка, каждый на пару лошадей. Все это, верно, принадлежало Бьяковскому и его дружкам. Значит, они здесь покоятся.

Но теперь, кажется, пути отхода грабителям и убийцам были перерезаны. Стала утихать метель. Мороз по-прежнему щипал носы и уши. Столицын ждал: кто-то поутру должен вылезти из хаты. Ближе к рассвету так и вышло: в сенях послышался женский кашель, брякнула дужка ведра. Загромыхал засов двери. Тихон и его товарищи метнулись в темный угол двора. Спрятались за сани. Словно на зло, выкатила из-за туч луна и осветила все вокруг.

Отворилась дверь. Звеня ведром о порог, показалась молодуха в валенках, похоже, на босу ногу, в ночной сорочке, в небрежно накинутом на голову и плечи тяжелом платке. Она быстро спустилась по ступенькам, пробежала несколько шагов от крыльца, выплеснула помой и хотела вернуться в избу. Но ей преградили дорогу.

Тихон, Сидоров и Ванюшин, не дав молодой бабе опомниться, зажали ей рот. Женщина оторопела от неожиданности. Столицын, наклонившись над ее окаменевшим от страха лицом, строго приказал:

— Спокойно! Без шума! Веди в горницу. Пикнешь, ответишь как сообщница атамана. Мы из милиции.

Раиска Кликина — подруга атамана — и сама догадалась, что за люди заполнили ее двор. В деревнях Заркихино, Горино, Березово, Белое, Глоднево все знали, что Советы вылавливают шайку Бьяковского. Испуг у разбитной хозяйки быстро прошел и молодуха легонько толкнула в живот Столицына, весело заявила:

— Холодно же мне! Одолжи-ка зипун, а то прозябну, рожать не стану. А батьку атамана забирай. Насточертел, изверг, не нужен боле. Тихон накиннул на плечи игривой бабе свой полушубок, а сам остался в свитере. Хозяйка бойко продолжала:

— Я здесь придержусь, а вы идите туда и расправляйтесь с мироедами. Мочи нет от окаянных.

Сидоров и Ванюшин остались с Кликиной. Тихон через сенцы, коридор пробрался в кухню, чуть-чуть отстранил дверную занавеску и посмотрел в освещенную керосиновой лампой горницу — огромную,

метров шести в длину и метра четыре в ширину, комнату. Из нее два дверных зашторенных проема вели, как видно, в спальни.

Комната была обильно обставлена комодами, шифоньерами, сундуками. Посередине стоял стол. За ним сидело шестеро обросших мужиков. Один из них, совсем старец, накинуд на плечи затрепанную в лохмотья фуфайку, пятеро других, видать, только встали с постелей и были в кальсонах и исподних сорочках. Лишь один — в синей сатиновой рубахе. Из огромной бутылки они разливали по стаканам жидкость. Видно, опохмелялись. Закусывали моченой капустой и ломтями хлеба. Что-то вполголоса обсуждали. Слов Тихон разобрать не мог.. Пахло жареным луком, заквашенным тестом.

Старик в фуфайке, подойдя в угол к иконе и крестясь, недовольным хриплым голосом монотонно бубнил:

— Грехи, сукины дети, подить-ка, отмаливайте. Не дайте господу богу совсем от вас, нехристей, отвернуться. Батюшка, мне сдается, еще может очистить ваши черные души. Идите, торопитесь с молитвой... Намедни сам побывал в кои веки в Глодненской церкви. Какое надясь испытал блаженство. Хором там ублажался. Уму непостижимо! Батюшка Денисий тянет плавно, благостно, от самого бога службу правит. Под ликами святых горят свечи. Дьякон Севостьян, не уставая, кадит и кадит. Потом и настоятель старший священник Алексей пожаловал со святым отцом Никандром. Оба в золоченых ризах...

В натопленной избе пьяных разморило. Движения их были вялы, безжизненны. Двое простуженно кашляли. Никто не обращал внимания на зудевшего отца Раисы, на его нравоучения.

Тихон заволновался: «Где же атаман? За столом его не было. Никак опять прозевал? Может, снова куда нырнул от засады?»

Столицын беспокойно вернулся во двор к Раисе Кликиной.

— Где атаман?

— Та чего ты всполошился. В спальне, дрыхнет. Всю ночь, оголтелый, самогон хлестал. И Ложкин вдрызг пьяный на подстилке рядом валяется. Хватайте их, проклятущих. Пропади они пропадом. Мать из-за них не уберегла. Померла от простуды.

Тихон снова прокрался на кухню и опять стал наблюдать в дверную щель за пестрым сборищем в большой светлице. Он держал наготове семизарядный револьвер. Усилием воли старался погасить в душе и тревогу и нервную дрожь. Ненависть к нелюдям, засевшим в последнем своем логове, наполнила все его существо, но он опасался,

что может снова упустить убийц. Ему очень нужны были сейчас хладнокровие, расчетливость, осмотрительность.

И тут откуда-то раздался знакомый властный и визгливый голос атамана:

— Демьян, передай этой стерве Райке, чтоб к утру щей покислей наварила, где ее черти носят? А ты, дед Митяй, подлец, перестань антимионию разводить! Зачерпни, паршивец, воды холодной, а то я тебя прикончу напоследок... Сенька, подай кочан капусты и стакан водки!

— Сказился бы ты, лиходея прокаженный, кровопиец, — в ответ пробурчал смело дед. — Напрасно дерешь нос. Живой труп ты, батька Михайло...

— Да заткни ты свое поганое горло, — угрожающе фальцетом закричал главарь, — или я, ей-богу, тебе кишки выпущу.

Старик не унимался, зудил, проклинал «квартирантов». Вот он проковылял в темноте мимо Тихона, немощный, худой, кряхтя, зачерпнул оловянной миской из кадки воды и, чуть не уронив с плеч фуфайку, со словами «конченные вы циклопы», понес ее в горницу. Теперь Столицын заметил, что в большой комнате в лежку, на полу, спало еще человек шесть бьяковцев.

Тихон продолжал наблюдать за людьми в комнате и выжидать удобного момента. Главарь, судя по скрипу кровати и топанию в спальне, встал с постели. Принял воду от деда и, фыркая полошадному, громко стал ее пить. Потом вполголоса огрызнулся, похоже, на новую реплику отца Раисы.

— Рано хоронишь, Митяй, еще есть порох...

— Дай-то боже нашему телку волка задрать... — невозмутимо констатировал дед, который, видать, угрозам главаря не придавал значения.

И тут произошло неожиданное. Атаман вдруг истошно, гортанно, как раненый медведь, заорал, загрохотал ногами, яростно треснул кулаками какого-то сообщника. Лишь через минуту к нему вернулся дар речи:

— Идиоты с куриными мозгами! За окнами милиция! Мерзавцы, пьяницы. Нас окружили, а вы водку жрете. Подлецы! Шакалы!

По всему видно, бдительный Бьяковский посмотрел по привычке в окно и на улице увидел скользнувшие среди снежной белизны тени людей. Атаман беспорядочно стал стрелять, не разбираясь куда. Раздался звон стекла, посыпалась штукатурка со стен и щепка с потолка.

Атаман показался в исподнем белье в горнице, на ходу натягивая хромовые, лакированные сапоги. Второпях зацепился за дверную ручку, рубаха затрещала, раздалась нецензурная брань Бьяковского. С голым животом и маузером в руках атаман пробежал в столовую, затем в кухню, проскочил мимо Тихона, направляясь во двор.

Столицын резко крикнул:

— Сдавайся, Прокопович — дом окружен! Бросай оружие. Сопротивление бесполезно.

Не оборачиваясь, главарь то с левого, то с правого плеча выстрелил несколько раз на голос Столицына, но Тихон укрылся в безопасном месте. Пули лишь впивались в стену и дверь.

— Бьяковский, сдавайся! — повторил Тихон и произвел два предупредительных выстрела над головой Мишки Бьяка. Атаман был уже на крыльце сеней. Сотрудник МУРа еще раз выстрелил теперь по ногам главаря, но, похоже, промахнулся.

Бьяковский выбежал во двор, но и там увидел людей Столицына, готовых его поймать. Глаза атамана метались в поиске выхода из ловушки, он поскользнулся, упал, встал, подскочил к высокому забору и в горячке, с невероятной быстротой вскарабкался на его вершину и уже забросил ногу... Вот-вот он мог спрыгнуть на ту сторону, а там рядом кустарник, чуть дальше — лес. И хотя Тихон везде расставил посты, почувствовал вдруг опаску, что атаман улизнет.

Из сарая на звуки выстрелов вышла лошадь. Серая кобыла мотала головой, хвостом, била копытом по мерзлой земле, шла к саням.

Атаману, возможно, пришла шальная мысль с разгону прыгнуть на кобылу и рвануться через ворота, если бы они были открыты.

Очень хотелось Столицыну взять «батьку» живым, но не видел он сейчас другого выхода, как только уничтожить беспощадного главаря шайки разбойников и убийц, иначе могли быть ненужные жертвы в отряде бойцов правопорядка — шакал озверело палил из маузера по всем во дворе.

— А, дип-пломат, — предводитель особо знал, кому мстить. Он вскинул свой отличный автоматический пистолет, чтобы выстрелить в «господина Беккера», но его опередил Тихон. Столицын на секунду раньше прицелился и послал пулю в мерзавца, уже закинувшего вторую ногу на верхушку забора.

Мишка Бьяк, он же Прокопович, вскрикнул, дернулся плечами, нагнулся, маузер выпал из рук, ударился о забор, полетел вниз. Участь

«Серого волка» решилась. Он, покорчившись наверху, кулем рухнул обратно во двор, на им же утоптаный и окровавленный снег.

Атаман спаслся от возмездия. С бешеной быстротой он пробежал двор и вскарабпался на забор, чтобы перепрыгнуть преграду. Но пуля догнала его, и неудовимый Мишка Бьяк, покорчившись на верху забора, рухнул на землю, в снег.

Тихон, Сидоров, Ванюшин и проворная, краснощекая Райка Кликина подбежала к атаману. Спина рубахи главаря набрякла кровью. Бойцы перевернули отяжелелого атамана навзничь. Сидоров ощупал тело злодея и, довольный результатами осмотра, сообщил:

— Готов, кровопиец. Туда ему дорога. Давно могила по волку тосковала.

— Все так. Да следовало бы судить подлеца публично, — ответил Тихон. На лице его и в движениях четко означилась усталость от многих тяжелых бессонных ночей.

Затихла стрельба и в доме. Двенадцать бандитов, последних сподвижников Бьяковского, связанными по рукам, выводили из хаты. Сама Кликина, рослая, видная баба, кандидатка в атаманши, тут же стояла, прижав руки к груди, и ждала своей участи. Но она не падала духом, на губах даже играла улыбка. Весь ее гордый вид говорил о том, что сделанное милицией дело было ей по нраву и с ее помощью.

— Иди, Раиса, домой. Следствие решит, как велика твоя вина. Из деревни никуда не отлучайся, об этом дашь подписку, — предупредил укрывательницу Бьяковского Тихон.

А молодая баба игриво задержала круглыми плечами под пуховым дорогим платком и слащавым голоском предупредила командира:

— Уж вы запомните, гражданин начальник, что я вам открыла двери. Иначе атаман бы вас укокошил. Так что, снисхождение поймите, и защитой будьте. На вас моя надежда.

— Все зачтется, — ответил Тихон, — суд разберется, кто в чем виноватый и у кого какие заслуги.

Отряд бойцов начал выезжать из деревни. Столицын остановил своего буйного вороного коня на взгорье.

Пропали последние ночные тени. Яснее забрезжил рассвет. Растаял месяц. Над светлеющим горизонтом догорела последняя звезда.

Проявлялось после ночной завирухи морозное прозрачно-голубое небо. А потом в звонкой тишине, нарушаемой ржанием лошадей и похрустыванием снега под их копытами, из-за дальнего леса лениво показало бок оранжевое солнце.

Его холодные, яркие лучи спокойно как бы «погладили» макушки сосен, под которыми совсем недавно, зарывшись в засаде глубоко в снегу, лежал Тихон.

Затем лучи пробежали по верхушкам стогов сена на лугу, белым крышам крестьянских изб. И вот уже они золотыми брызгами заиграли

на снежном покрывале взгорья. Вступал в свои права новый зимний день.

После метели, в затишье, хрустально-чистый воздух как будто дрожал, и виделось далеко-далеко.

Щурясь от искристых лучей утреннего зимнего солнца, командир отряда бойцов и милиции сотрудник Московского уголовного розыска Тихон Алексеевич Столицын последний раз окинул взором место, где пришел конец остаткам банды. Сверху, с взгорья, оно лежало как на ладони. Село просыпалось.

Хлопали двери деревенских изб, громко переговаривались крестьяне. Вот пошла молодая баба с младенцем на руках к запряженным саням. Кому-то крикнула по улице: «Захвати щепотку соли, возьми кожух да вертайся проворней, поедem крестить Прошку».

По заовражью с диким ржанием носились беспризорные кони, принадлежавшие плененным бандитам. Сами бьяковцы, мрачные, обросшие, все как один надежно связанные, были размещены на нескольких подводах.

Для Окска и всей губернии наступал ясный январский день молодого 1918 года без «серых волков» атамана Бьяковского-Прокоповича. Непривычно и смутно было на душе у Столицына: ну вот и закончилась операция «Дипломат». И он словно бы остался не у дел.

Но Тихон Алексеевич напрасно затосковал по работе. За сорок два года последующей службы в уголовном розыске на долю генерал-майора Столицына выпадет еще много испытаний. Все радости и невзгоды с ним будет делить его спутница жизни Зоя Аркадьевна Столицына, сын и две дочери. Со своей супругой они часто будут вспоминать то романтическое знакомство в ресторане купца Слезкина.

Что же касается операции «Дипломат», то ее можно по праву отнести к одной из первых в истории рабоче-крестьянской милиции.

* * *

Увы, молодость — достоинство не абсолютное, а относительное. Но когда автор этого романа принес в квартиру Столицыным букет гвоздик, лица супругов, конечно же усталые и болезненные, разгладились от морщинок на некоторое время, засветились удальством.

Тихон Алексеевич, чтобы скрыть свое волнение, сбросил прожитые нелегкие годы, игриво стал русскую речь перемешивать с немецкой и французской.

Зоя Аркадьевна, раздвигая плотные оконные шторы, бросила поощрительный взгляд на расшалившегося мужа:

— Ох, каким он представляет себя молодцом!

Затем хозяйка звенела чашками и блюдами на кухне, а мне приятно было слушать ветерана, и перед взором вставала его юность, отвага, достоинство и честь.

Летят годы — написано в глазах стариков, а так недавно все проходило. Память хранит то биение сердец.

И вспомнилась восточная мудрость: юноша, заслужи себе имя, пока живы бывалые люди, родители.

1971—1984

ПОВЕСТИ

ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ

**ЛЕТНЕЙ
НОЧЬЮ**

ПОВЕСТЬ

Ночь пленила поселок с названием Цавля. Его освещали редкие лампочки на столбах. Затихли полсотни песчаных улиц. Райцентру, окруженному знаменитым сосновым лесом, ничто не мешало отдыхать и упиваться хвойным ароматом.

Все спало в покое. Нарушали тишину лишь грохот локомотивов и тьяканье разбуженных дворняжек. Но поезда через здешнюю станцию проходили нечасто, а на ленивый лай всполошившихся собак не стоило и обращать внимание. Молчали два заводика, деревообделочный комбинат, склады, базы. Дремали во мраке почта, магазины, кинотеатр...

Ярко светили лишь окна в дежурной комнате милиции. Там сейчас несут службу капитан Вершигородцев, сержант Кириллов, шофер Волвенкин (недавние посланцы райкома комсомола) и милиционер Горбачев. В эту короткую июньскую ночь они отвечают за порядок в поселке и районе.

Вершигородцев — старший оперуполномоченный уголовного розыска, а это, как говорят сотрудники, третье лицо в райотделе. После начальника и его заместителя. Ему очень часто приходится дежурить. Потому как штат районной милиции — меньше некуда.

Но дежурство Вершигородцеву совершенно не в тягость. Наверное, трудно найти в милиции человека, которому так же, как и Вершигородцеву, нравилось бы коротать ночи в «дежурке». Правда, он не теряет времени попусту в ожидании сигнала о происшествии и «подчищает» свои дела: анализирует результаты уголовного розыска, составляет планы, готовит выступления для населения.

Единственное, чему мешает дежурство, физзарядке, а он крепко привык к ней еще с фронтовых лет. Без нее весь день словно недомогает, и легкости той нет, и бодрости. И форма, которая всегда была привычной, годами обжитой, вдруг начинает казаться неудобной и тесной. В таких случаях он после работы идет к реке купаться. И при взгляде на его спокойное, вечно загорелое лицо трудно представить, что этот человек прошел все дороги минувшей войны, имеет четырнадцать боевых наград.

И только при очень близком знакомстве с Вершигородцевым понимаешь, откуда у него спокойные и сдержанные движения,

неторопливая уверенная походка, тот особенный негромкий говор, в котором чувствуется и скрытая сила, и спокойная, непоколебимая убежденность: жизнь не баловала его, все время ветер бил в лицо, а он от этого только крепчал, закалялся, набирался рассудительности, житейской мудрости.

Любил капитан молодых сотрудников, свою смену. Сейчас он с удовольствием наблюдал за Кирилловым, который ходил взад-вперед по малюсенькой дежурке и по его, редактора стенгазеты, заданию сочинял в очередной номер стихи о милиционере. Сержант декламировал:

Имей наготове хорошее слово,
Будь благороден, внимателен, прост.
Неси свою службу усердно, толково.
Тогда только будет надежным твой пост.

Ночь уходила на запад. Поселок выплывал из мрака. Рассветало.

Вершигородцев разрешил было Кириллову и Волвенкину, еще не привыкшим за короткую службу в милиции бодрствовать всю ночь, два часа отдохнуть, но тут зазвонил телефон. Капитан поднял трубку и услышал стон и пыхтение. Потом и оно пропало. Через телефонистку коммутатора удалось установить, что звонят со склада ОРСа местного леспромхоза.

Вершигородцев подтолкнул сержанта Кириллова к вешалке за фуражкой.

— Надо проверить, что там случилось.

2

Обшитый тесом склад ОРСа находился у самого парка, в километре от райотдела. Вершигородцев и Кириллов выбрали путь покороче. Шагов за пятнадцать от склада они увидели распластавшееся на ступеньке крыльца тело сторожа Леонтьева. Молодой Кириллов опешил от кошмарного зрелища, на лбу выступила испарина. Он сунул пальцы в пачку с папиросами, но подумал, что, наверное, в подобной ситуации нельзя курить, спрятал пачку в карман.

Вершигородцев тем временем нагнулся над несчастным стариком, приподнял его за плечи. Набрякли кровью рубашка и тужурка.

Застывшие глаза погибшего уставились на шнур телефонной трубки, висевшей вдоль стены склада.

Капитан Вершигородцев нагнулся над несчастным стариком, взял его за плечи и убедился — сторож мертв.

Капитан взял трубку и вызвал квартиру исполняющего обязанности начальника райотдела милиции майора Копылка. Ответила его жена, чрезмерно опекавшая мужа от неожиданных тревог. Расспросив подробно о случившемся, она пошла будить супруга.

— Что произошло? — спросонья голос у майора грубый.

— Убийство, Александр Иванович, вот такая штукавина.

Выслушав Вершигородцева, Копылок приказал:

— Осмотр произведите тщательный, с участием эксперта. Вызывайте следователя прокуратуры Петропавловского. Прокурору Мизинцеву сам сообщу.

Через несколько минут у склада собрались все, кому следует находиться при осмотре места происшествия. Понятые — двое мужчин — по указанию следователя Петропавловского поднимают, поворачивают труп старика. Навзрыд плачет жена покойного. Подошедшая заведующая складом пытается ее утешить. Наконец судебный эксперт, молодой врач районной больницы Игорь Васильевич Толстолыкин, посоветовавшись с Петропавловским и Вершигородцевым, считают свою миссию выполненной. Труп грузят на машину и везут в морг.

Теперь Вершигородцев может заняться заведующей складом. Округлая, мягкая, она колом катается вокруг склада.

— Окна целы, только дверь взломана.

— Вы считаете, Татьяна Григорьевна, взломать одну дверь — этого мало? — думая о чем-то своем, говорит старший оперуполномоченный. — Евгений Михайлович, — обращается Вершигородцев к следователю, — я готов приступить к осмотру склада. Что могли похитить преступники, Татьяна Григорьевна, прикиньте?

— Коробки нет с деньгами.

— Откуда у вас могут быть деньги? — спрашивает Петропавловский. Ожидает ответа и Вершигородцев.

— Я вчера три ковра продала по разрешению начальника ОРСа. Деньги не успела сдать в бухгалтерию. Пятьсот пятьдесят рублей.

— Кто об этом знал? О том, что продавали и что деньги оставили на ночь? — задает вопрос следователь.

— Продала своим работникам. О деньгах они могли знать.

Вершигородцев записывает фамилии покупателей. Потом вместе с сержантом Кирилловым помогает следователю осмотреть каждый стеллаж, каждую коробку и ящики. Нашли два новеньких

железнодорожных билета на поезд, который прошел минут сорок назад в сторону Киева. Потом бросилась в глаза лежавшая на полу серенькая пуговица. Она была вырвана вместе с лоскутом синего цвета с белыми разводами.

— Не ваша? — спросил Павел Иванович у заведующей складом.

— Впервые вижу, — повертела перед глазами пуговицу кладовщица. — Кажись, никто в такой одежде ко мне не заходил. Это от рубашки. Модной, мужской.

И вот протокол осмотра подписан понятыми, заведующей складом. Даны необходимые указания в отношении сохранения тайны расследования и дальнейшей работы склада.

Следователь Петропавловский направляется доложить прокурору, затем надо присутствовать у Толстолькина при вскрытии трупа. Вершигородцев и сержант Кириллов займутся опросом местных жителей.

— Что, страшно? — сочувственно посмотрел на неопытного помощника капитан. Сам-то он насмотрелся вдоволь на подобные вещи за тридцатилетнюю службу в милиции. И Кириллов, и Волвенкин, представители комсомола, ко всему еще должны привыкнуть. Их надо научить с твердым сердцем выполнять порой очень деликатные милицейские обязанности.

— Павел Иванович, у нас такие улики! Преступника, нам кажется, совсем нетрудно найти.

— Кажется, нетрудно, — с досадой и иронией повторяет капитан. — Давай рассуждать, где его искать? Учись распутывать клубки.

— Два железнодорожных билета — это кое-что! — оживленно говорит Георгий Кириллов.

— Бесспорно, — подтверждает старший оперуполномоченный, — дальше.

— Идемте на вокзал, в кассу. Кто-то их покупал. Если потерял, то после преступления новые купил и уехал. Передать по телеграфу, задержать поезд, — горячился сержант. — А потом... просто найти преступника — по одежде. Так, Георгий Николаевич?

— Точно.

— Мы обязательно пойдем на вокзал, непременно допросим кассира. Но, думается, в этих уликах есть какая-то заковырка. Больно

наглядно они оставлены, нетрудно нам достались. Ну, да поживем — увидим.

Кириллов, увлеченный романтикой поиска, недоумевал, почему капитан все делает так медленно. Но каждая секунда этой медлительности оперативного уполномоченного наполнена напряженной умственной работой. Капитан успел подумать и о том, что из Кириллова выйдет неплохой работник. Цепкий, старательный, умный.

3

Они разбудили молодую хозяйку маленькой хатки в два окна Лидию Климову. Сонная женщина удивилась ранним гостям. Вершигородцев кивнул на склад:

— Обворовали ночью. Сторожа на тот свет отправили негодяи. Слыхала, небось, новости. Или крепко спишь?

— Мамочки, неужто? Впервые слышу. — Кулачок Климовой на груди сжался до хруста.

— Пустишь в дом или на крыльце нам стоять? — упрекнул замешкавшуюся хозяйку дома Вершигородцев.

— Проходите, проходите, — спохватилась Климова. — А я как ошпаренная.

— Жалуются на тебя, Лидия, с соседнего завода молодухи. На мужей их часто виды имеешь. В эту ночь к тебе никто не заглядывал?

— Побойтесь бога, Павел Иванович. Людской суд не всегда справедлив.

— На этот раз аккурат справедлив. Видал, уже окно открыто. Тебе-то некогда было его открывать. Перед тем, как к тебе постучать, я обходил вокруг дома, окна видел закрытыми. Кто ночевал? Лидия, не время скрытничать!

Хозяйка заморгала и, когда глаза наполнились слезами, призналась, что был у нее вернувшийся из армии Станислав Крапивников.

— А ведь он собирался к нам, в милицию, поступать, — покачал головой оперуполномоченный. — Не возьмешь шалопая. Значит, спала, ничего не знаешь?

— Нет, голубчик, ничего. Легла часов в одиннадцать, и вот вы разбудили.

Капитан вышел из домика. За ним последовал Кириллов. А вот и сам длинноногий Крапивников. Делает невинные глаза, вежливо здоровается.

— Стаська, Стаська, без тебя забот хватает. Угораздило же тебя! Отца встречу, непременно расскажу. Это — первое. А второе — тебя надо допрашивать по всем статьям. Когда пришел к «невесте»?

Крапивников растерянно заморгал, с трудом проглотил слюну.

— Часа в два ночи.

— Сторожа видел?

— Ходил вокруг склада. Я поздоровался с ним. Он же моему отцу приятель.

— Добавляй теперь «был». Убили старика. Ты его видел в два, а уже в три он хрипел в телефонную трубку. В милицию звонил.

— Как же так? Надо найти бандюгу.

— Искать будем, а ты подтяни дисциплину, по ночам не блуди. Зайди к следователю через пару часов. Допросит.

Кое-кто в отделе считал, что капитан любит читать мораль, а некоторые даже сделали вывод, что Вершигородцев черствый службист. Но такое мнение легко опровергалось друзьями капитана. Работа в милиции сделала капитана обостренно чутким к чужой беде, заботливым, внимательным и требовательным к людям. Начальник райотдела Михаил Иванович Парамонов не раз повторял своему заместителю Копылку, который одно время недолюбливал Вершигородцева, неизвестно почему:

— Ты учти: совесть у Вершигородцева чистейшая. До твоего прихода к нам я ни одного решения не принимал, не услышав мнения старшего оперуполномоченного. Советую и тебе придерживаться такого правила.

Копылок очень скоро понял свою ошибку. Понял, что работает тот, хотя и не спеша, но верно, с холодной головой и чистыми руками. И при всем этом под его капитанским мундиром бьется горячее сердце. Заместитель начальника подружился со старшим оперуполномоченным.

От Климовой Вершигородцев и Кириллов зашли в соседний дом. Капитан знал всех жителей поселка, за малым исключением. Вот на

порог вышла его старая знакомая — престарелая Лукерья Спирова. Капитан к ней очень уважительно относился. Когда-то на месте ее хаты хотели построить какое-то районное учреждение, а домишко Спировой снести, но по ходатайству военкомата и отдела милиции в райисполкоме решили не трогать с насиженного места старую женщину, потерявшую на войне двух сыновей. К тому же ее муж был первым начальником районной милиции и вскоре после Октябрьской революции погиб от рук бандитов.

— Страдаю бессонницей, — поздоровавшись, сообщила старушка, — а вот, соколики, ничего не знаю про ваше дело.

Вершигородцев распрощался со Спировой и направился в дом старого учителя Власова. Там есть невесты, а значит, могут быть поздние возвращения с гуляний.

Григорий Семенович, узнав о беде, разбудил всех домочадцев. Одна из дочерей — Настя — очень не хотела признаваться отцу, что она вернулась со свидания утром. Но наконец сказала, что видела мужчину, который шел огородами со стороны вокзала к складу. Она посмотрела на часы: было двадцать минут третьего.

— Что за мужчина? — поинтересовался капитан.

— Этого сказать не могу, темно было. Но грузный и пьяный. Спотыкался.

Вокзал был рядом: двести-триста метров по путям. Капитан отметил в блокноте, что необходимо допросить парня, провожавшего девушку.

А сержант Кириллов помогал капитану, но и сочинял обещанные для стенгазеты стихи. Возбуждение, вызванное первым удачным, на его взгляд, четверостишием, не проходило. На вдохновении и азарте у него появились еще четыре стиха, которые он немедленно прочитал старшему оперуполномоченному Павлу Ивановичу Вершигородцеву:

Свой долг выполняй, как диктует присяга,
Тебе доверяется труд непростой.
Ты клятву давал, преклоненно у стяга:
И верой, и правдой за дело постой.

Десять минут по шпалам и вот — нешумный вокзальчик. Начальник линейного пункта старший лейтенант милиции Зимундинов уже был здесь. Широкое темное лицо его от неприятной новости еще больше потемнело. Небольшие карие острые глаза его пылали гневом. Он вызвал кассира, молодую девушку. Та отрекомендовалась капитану:

— Мануйлова, работаю с ноль-ноль часов. Что-нибудь случилось?

Раскосые, монгольского типа глаза ее ожидающе смотрят на работников милиции. Допрашивал ее Вершигородцев.

— Пассажиров много было на киевский?

— Нет, человек пять.

— Поезд не запаздывал?

— Вовремя пришел. В три двадцать.

— Пассажиры по многу билетов брали?

— Все по одному. Один парень — два.

— Не помнишь его в лицо?

— Как еще помню. Женька Коровин, муж моей бывшей одноклассницы Анны Витюгиной. Спросила его: «Супругу куда увозишь — два билета берешь?» А он ответил: «Много будешь знать, зубы заболят».

— Ко-ро-вин! — привстал из-за стола Вершигородцев и полез рукой под китель растирать левую сторону груди. — Ко-ро-вин! Как был одет?

— Рубашка синяя, белыми полосами. По-моему, пьяненький...

— Ну и задача, — протянул в раздумье Вершигородцев. — Это же мой подопечный. Сколько же мы ему добра сделали!

— Судимый? — спросил Зимундинов.

— Оттуда! Год с ним занимался. Специальность получил. Ударник, портрет на заводской Доске почета. Женился. Ведь исправился парень. Радовался за него, как за сына. Не может быть, чтобы он. Черт знает, что такое! Пошли-ка, Георгий, зайдем в буфет.

— Я с вами, — встал Зимундинов.

Все трое вышли на перрон. Редкие пассажиры раскланивались с работниками милиции. В поселке все знали друг друга. Подошла

утренняя электричка. Вокзал на несколько минут заполнился людьми. С трудом прошли через маленький зал ожидания в буфет.

Буфетчица Волошина только заступила в дневную смену и ничем не могла помочь. Ночью работала Канаева. Придет она только вечером. Вершигородцев взял на всякий случай ее домашний адрес.

И вдруг Павел Иванович почувствовал тяжесть своей работы. Легче забивать сваи. По крайней мере, там не связан с людскими душами. Попробуй, разберись в них! Мог ли совершить такое кошмарное преступление двадцатидвухлетний Женька Коровин, которого уже и с учета-то снял капитан. С особенного учета старшего оперуполномоченного угрозыска. На котором стоят прибывшие в поселок после отбытия наказания десятка полтора мужчин. В этих списках еще в прошлом месяце числился и Коровин. Да теперь вычеркнут так, что капитан в том деле, где стояла его фамилия, карандашом порвал бумагу. Он был уверен в парне на все сто процентов. Так почему же улики на складе ведут к Коровину?

К десяти утра жаркое июньское солнце уже сильно палило. Было пыльно и душно. Вершигородцев пошел домой завтракать. У порога его встретила жена и озабоченно спросила:

— Это правда? Про убийство сторожа? А, Паша?

— Правда, Лена. Дай перекусить. Надо идти в райотдел.

— Некого же подозревают?

— Не поверишь, Коровина!

— Что?! — Елена Тихоновна учила Евгения Коровина в десятом классе вечерней школы. — Не верю!

— Я тоже, а доказательства, как по заказу, в полном букете против нашего подопечного.

— Паша, разберись, прошу. Что-то не то. Он перешел в десятый класс с одними пятерками.

— Можешь, Ленок, добавить: на заводе он выполняет план на двести процентов. Принят в комсомол в мае, на собраниях сидит в президиумах. Но неужели он нас всех водит за нос? — рассуждал вслух Павел Иванович.

— Нет, нет, нет. — Такой взволнованной Павел Иванович что-то не помнил свою жену. Он внимательно и благодарно посмотрел Елене Тихоновне в глаза.

— Подай, пожалуйста, полотенце.

Измученное бессонной ночью лицо капитана сейчас понемногу отходило. Вершигородцеву всегда становилось спокойно на душе, если рядом была жена. Она уважительно относилась к людям, глубоко переживала неприятности мужа по службе.

Павел Иванович выпил два стакана крепкого чая, переделся в штатский костюм и заторопился на работу, пообещав жене вовремя прийти на обед.

7

Увидев Вершигородцева, старший оперуполномоченный ОБХСС капитан Горелов сказал, чтобы он шел к майору Копылку. Вершигородцев прошел в конец коридора и открыл дверь.

— Разрешите, товарищ майор?

— Проходите, проходите, рассказывайте!

Майор напряженно слушал старшего оперуполномоченного уголовного розыска, постукивал пальцами по стеклу стола. Наконец, явно с тяжелым сердцем подвел итог:

— Удобно ли вам дальше помогать следователю расследовать дело? Ведь замешан Коровин! В поселке знают вашу роль в судьбе парня. Для большей объективности собранные сведения передайте Горелову. Тем более, кладовщица незаконно продавала ковры. Это по его линии. Думаю, так будет верней.

Майор встал из-за стола. Удрученный убийством, он, казалось, еще более похудел. Одна, как говорят, кожа да кости. Как руководитель райотдела, он не мог не предупредить Вершигородцева, что если установят виновность Коровина, старшего оперуполномоченного ждут неприятности по службе: коль взялся за перевоспитание в прошлом судимого, то отвечаешь за его поступки.

Понимал это и сам Вершигородцев. Он вышел из кабинета майора задумчивый. Пенсия! В ближайшее утро проснется и поймет, что не надо спешить на работу. Останется только вспоминать и рассказывать внукам, сколько раз рисковал жизнью, выполняя служебный долг. Вот, к примеру, такой случай. Как-то из-под стражи бежал опасный преступник Коваль. Семья его жила под Цавлей, в селе Бузина. Вскоре стало известно, что бандит дома. Ночью оперативная группа, возглавляемая Вершигородцевым, оцепила жилище преступника.

Закрыли ему все пути отхода... По разработанному плану начали приближаться к хате. И тут из нее пальнули из ружья... Заплакали дети. Коваль, прячась за их спинами, прицеливался в работников милиции. Оставалось одно: рисковать.

— Может быть, ворвемся? — предложил кто-то из сотрудников Вершигородцеву.

— Дорогой ценой обойдется бандит, — ответил оперуполномоченный. — Сделаем так: отвлекайте Ковалья, а я подползу поближе.

Так и сделали. Павел Иванович неожиданно вырос перед преступником, крикнул:

— Бросай оружие, стрелять буду!

Бандит на секунду растерялся. Этим воспользовался капитан, придавил к подоконнику Ковалья. Тот успел лишь ранить оперуполномоченного.

Вершигородцев тогда получил именные часы от министра. Ну, да все это теперь не утешало. Перед глазами стоял Женька Коровин. Его открытое, чуть тронутое загаром лицо, доверчивые глаза. Оперуполномоченный, ему поверив, сказал:

— Итак, Женя, послушай внимательно. Однажды мальчик зажал в руке птицу и обратился к мудрецу: «Скажи, живая у меня птица?» Сам, хитрец, подумал: «Если старик скажет, что живая, то я сожму кулак и раздавлю ее. Если скажет, что мертвая, то я раскрою ладонь, и птица вылетит». Но мудрец сказал: «Как ты захочешь». Вот так же и я тебе, Евгений, отвечу: «На работу помогу устроиться, места в общежитии добьемся, помогать, как сыну, во всех делах буду. В остальном — как сам захочешь».

Евгений к сердцу близко принял теплые напутствия капитана и пообещал:

— Вы не пожалеете, что с доверием отнеслись ко мне. Когда смою все грехи, уеду на родину, в Донбасс.

— Нет уж, тогда мы тебя не отпустим. Хорошие люди в Цавле нужны.

На заботу капитана Евгений отвечал искренним желанием исправиться. Павел Иванович много раз бывал в цехе, где работал Коровин, говорил с людьми, которые окружали парня. Приглашал к себе домой, смастерил с ним отличную лодку. А потом гулял на его свадьбе. Но не с легким сердцем он шел туда. Анна Витюгина, ставшая

женой Женьки, не очень-то нравилась капитану: ветреная, несерьезная. Но ни одним словом не обмолвились на этот счет Павел Иванович и его жена Елена Тихоновна с Коровиным, потому что видели: крепко любит Женя свою Аннушку.

8

— Коровин исчез, ты знаешь об этом? — спросил Вершигородцева Горелов.

— Как так?

— Ночью сел на поезд и тью-тью. Вот такие-то пироги. Давай мне материалы на него, а сам сходи к Анне Витюгиной. Поговори на правах старого знакомого, что ли... Мне она чепуху молола.

— Возьми материалы. Но запомни, они не на Коровина, а по факту убийства сторожа. У следователя прокуратуры возбуждено уголовное дело только по факту преступления, но не на Коровина.

— Извини, я оговорился. Сам считаю, что тут какое-то недоразумение. Ну, успеха тебе в разговоре с Анной. Зла, как бес. Подступиться не мог. Кричит: «Милиция меня женила на преступнике».

Решая по дороге сложную задачу, связанную с убийством сторожа, а заодно и с Коровиным, старший оперуполномоченный уголовного розыска не заметил, как за нелегкими мыслями постучал в дверь.

— Заходите, заходите, Павел Иванович, — забасила мужским прокуреным голосом мать Анны Степанида Пантелеймоновна Витюгина. — Легки, как говорится, на помине.

— Здравствуйте, хозяйва. Я, собственно, больше к Анне. Дома?

— Отдохнуть после обеда прилегла. Разбужу.

Вершигородцев огляделся. Месяца два он не был в этой квартире. Появилась дорогая мебель, ковровые дорожки. Капитан слышал, как за перегородкой шептались мать с дочерью. Степанида Пантелеймоновна, видно, уговаривала Анну поговорить с капитаном.

Старшая Витюгина наконец появилась.

— Одевается. Присядьте.

— Заработок велик у Евгения? — спросил у моложавой родительницы капитан.

— В дела молодых не вникаю. Что получают — все их. Анна на заводе свою и его получку получала заодно. Какой прохвост выродился,

Павел Иванович. Что ж теперь Анне делать? Имущество наше не конфискуют? К нему бандит никакого отношения не имеет, учтите!

Вершигородцев покачал головой, но не произнес ни слова.

В дверном проеме показалась Анна в цветном халате. Кукольное личико ее выражало нежелание вести разговор с сотрудником милиции.

— Привет, — произнесла Анна, словно сделала одолжение. — Что скажете?

Мать с состраданием смотрела на дочь и ломала себе руки:

— Угроздило же тебя, моя милая девочка. Погубила жизнь молодую...

— Пришли? — переспросила неуважительно жена Коровина.

— Не знаю, как и начать. Посмотрел на вас — уйти хочется.

— Не задерживаем, — распалилась Анна.

Мать ее причитала:

— На колоде бабы только и галдят про убийство. Говорят, люди видели, как Женька на сторожа напал.

— Кто видел? — спокойно спросил Вершигородцев. — Назовите, кто видел?

— А что это вы за него заступаетесь? Ишь, «батя»! — Иногда Женька называл так капитана.

— Ну ладно, один вопрос. Когда Евгений пришел вчера с работы?

— Темнеть стало. Часов в десять, может, одиннадцать. Переоделся и ушел из дому.

— И тебе ничего не сказал?

— Меня не было дома. К подруге ходила. Мама, дай закурить.

Мать и дочь курили.

— Рано, рано... — не спеша произнес Вершигородцев.

Нелегкие мысли овладели капитаном: эти две женщины не выражали желание разговаривать о Коровине. Евгений в их понятии был убийцей.

— Не говорите загадками. Что рано?

— Из дому убегаешь. Месяца три как поженились, — холодно сказал оперуполномоченный и встретился взглядом с колкими и упрямыми глазами молодой женщины. — Вы его к матери, в Донбасс, за три месяца хоть разок отправили? Нет! А тебе и самой не грех было бы познакомиться с мамашей супруга.

— Мне там нечего делать.

— Ее бы к себе пригласили.

— Была нужда. Выродила убийцу, а мы на нее будем любоваться. И потом, что вы нас пришли обвинять? При чем тут мы? Где он, мы не знаем. Находите и судите. Нас не трогайте.

Вершигородцев вдруг увидел в окно бывшего одноклассника дочери, курсанта военного училища Игоря Власенко. Он стоял у калитки двора Витюгиных.

— У, какой сюрприз. К тебе? — спросил Павел Иванович у Анны. — Новый кавалер?! Конечно, зачем тебе дожидаться с работы мужа... Вчера с ним была?

— У вас не спросила.

— Зови в квартиру жениха. — Капитан открыл окно и крикнул:

— Игорь, заходи!

Глаза Анны сверкнули:

— Не командуйте.

— Нет уж, все выясним. — А когда вошел Власенко, капитан сказал:

— Тебе что, девчат мало? Анна — замужняя женщина!

Власенко растерялся. Поднял плечи.

— Она другое говорила. А девчат хватает.

— Да у самого сыщика три девки. Иди, выбирай любую, — крикнула Анна.

Старший оперуполномоченный взял за локоть Власенко и показал глазами на дверь. Оба вышли на улицу.

— Врала она мне, товарищ капитан. Говорила, что не замужем. Я-то ее знаю еще по школе, мы в десятом классе с ней встречались. А вчера в парке до часу ночи с ней гуляли. Какой-то парень искал ее вечером. Говорила, что не может от него отвязаться. Заставляла меня прятаться за деревьями.

— Скорее всего, это был ее муж, Коровин. Пришел с работы домой в одиннадцать. Помылся, перекусил. Анны нет. Переоделся, пошел

искать. Да, дела... Было бы все ничего, да этой ночью сторожа убили. А тут сам Коровин как сквозь землю провалился. Ну, ладно, будь здоров, Игорь. От Витюгиной держись подальше, советую.

— Все, отрубил. Я же не знал... Ну и артистка!.. Неужели этот Коровин замешан в убийстве?

— Поживем — увидим. Всего доброго, Игорь. Отдыхай. Отпуск долгий?

— Месяц. Недели уже нет. До свиданья, товарищ капитан!

9

Находился Вершигородцев с раннего утра. Ноги гудели. Но, оказавшись в парке, зеленом уголке Цавли, он решил пройти его из конца в конец. Отдохнуть, подумать. По пути разбудил незнакомого мужчину, спавшего на траве. Проверил документы. Сделал нужную пометку в разбухшем от записей блокноте и не спеша подошел к пригорку. Здесь кончался парк. Чуть дальше серпом вытянулся песчаный берег реки. От воды отслаивался редкий туман, сизый, как дымок от папиросы.

«Куда теперь пойдём, товарищ капитан? — мысленно спросил себя старший оперуполномоченный. — Заглянем к новому подшефному Хайкину. Не наделал бы этот бед».

Вершигородцев покинул парк, вышел на улицу Калинина, свернул в Лесной переулок, в дом Николая Хайкина, трижды судимого за хулиганство и кражи. Полгода как прибыл тот в поселок и женился на женщине-одиночке с кучей детей.

— День вам добрый, труженики. Все дома? — спросил капитан, переступив порог. Его сразу же окружили сопливые ребятишки. Он дал им по конфете. Жена Николая, худенькая, но боевая женщина, насторожилась:

— Николай чего натворил?

Ее мать, старушка доброго нрава, сразу Павлу Ивановичу кружку квасу:

— Отведай, сынок, поспел к твоему приходу.

— Выпью, бабуся, жажда мучает. А с Николаем все в порядке, Надежда Марковна. Где он сам?

— Да вон, окаянный, — показала ухватом в окно молодая женщина, — с четырех идет на завод. Во вторую смену. Ну, что тебе? — крикнула Надежда Марковна в окно мужу.

— Сгони кур, огурцы пожрали, — ответил через форточку Николай и, увидев капитана, воскликнул: — Милиция в доме! Почтение Павлу Ивановичу. Так что, Надь, с курами делать?

— Спрячь ты их себе за пазуху, непутевый. Шугни с огорода, видишь, к тебе человек пришел. Так как, Павел Иванович, ни в чем этот баламут не замешан? А то я его враз...

Вошел Николай. Высокий — жердина. Худой, как стручок, с иронией произнес:

— Мое вам с кисточкой, гражданин капитан. Чем обязан?

— Сети что сушишь? За рыбой собрался?

— Век бы ее не видел.

— Смотри за ним, Надежда. От рыбоохраны есть сигналы.

Надежда закипятилась:

— Поменьше верьте. Надзор-то рыбный сам рыбку глушит, а потом продает — рубль кило.

— Проверю. А ноги Николая чтоб там не было. Что у тебя такой вид? — показал капитан на засученные штанины.

— Вот кого спросите. В прошлом месяце сто семьдесят принес, а костюма не выклянчу... Правда, гражданин капитан, ночью убийство было?

— Правда. Не поможешь? Дружки как? Семен Бурлов, Михайлов, «Атаман»?

— Давно с ними не виделся. Знаю, усердно вы их заставили трудиться. Так, говорят, Коровин, зять Витюгиных?

— Болтовня, — ответил капитан.

Поговорив еще немного, сотрудник милиции раскланялся с женщинами, погрозил на всякий случай пальцем подопечному:

— Я лично за тебя в ответе, не забыл? Не ершись на заводе. Слышал, с мастером пререкаешься, хвалишься жаргончиком. Прекрати!

— Можете всюду за меня ручаться. — Помолчал, ехидно добавил: — Как за Женьку Коровушкина, то бишь Коровина.

— Ну, замолкни! — Надежда шлепнула мужа ладонью по лбу.

— Может, в шахматы сыграем, гражданин начальник? Уже с месяц не с кем играть. Редко заходите. Расставляйте?

— А на работу?

— Успею.

— Расставляй, отвлечемся.

Николай сделал первый ход, посмотрел, далеко ли женщины, и шепотом сказал:

— Хотите новость?

— За тем и пришел. Выкладывай!

— К вашему Женьке дружки завернули. Вчера на вокзале пьянствовали.

— Сам видел?

— Мужики говорили. Ходили вечером пиво пить в буфет. Всю компанию разглядели. Человек восемь за столом сидело. Освободились. Видимо, переписывался с ними Коровушка.

— Озадачил ты меня, брат. И все-таки Коровин тут ни при чем.

Сыграв партию, оба вышли из дома. Вершигородцев проводил Николая по улице до поворота на завод. Услышал от него:

— Дело говорю, оперуполномоченный. Коровушка с приятелями рубанул старика. И рванул когти. Не промахнись в этом случае. Не настырничай. За нашего брата, судимого, не ручайся. Потеряешь голову.

А Вершигородцев стоял на своем:

— За Коровина уверен, как за себя. А за Хайкина Николая Трофимовича поручусь через год. Иди трудись и не заедайся с мастерами. А то будешь ящики таскать в тарном складе.

— Лады, учтем. А вы, Павел Иванович, не мешкайте, идите на вокзал. С четырех заступает буфетчица Канаева. Опишет картину в деталях.

10

«Дружки? Какие приятели, когда вчера в одиннадцать вечера он ужинал дома. Пошел искать Анну, — доказывал сам себе капитан по пути на вокзал. — А, впрочем, стой, буфет работает до двух ночи. Коровин вполне мог зайти и со зла выпить. Мог и Анну искать». Толстушка Канаева виновато оправдывалась перед старшим оперуполномоченным:

— С пьяными шутки плохи. А их двое. Один стройный, блондин, может, это и есть Коровин, не знаю, второй, как бык, сутулый, лет сорока, а то и пятидесяти, в сером замазанном костюме. Соляжкой от

него несло. Зато денег полный карман. Шиковал. Коньяку две бутылки взял. И молодому внушал про вас, Павел Иванович: мол, не верь ему, в душу влезет, чин на тебе заработает, а потом все преступления за твой счет будет списывать, пока на десяток лет не упрячет по старой прописке. Это я дословно помню. Соседний столик вытирала. Даже задержалась. Очень удивилась.

— Кто же такой? — вырвалось у капитана.

— Не могу сказать. Но он вас знает. И я поняла так, что вы его посадили, «срок намотали», так он выразился. Не прощу, дескать ему. До двух ночи, до самого закрытия все балабонил. Горло луженое, все бу-бу-бу. А потом ушли. Может, мне надо было в милицию сообщить, товарищ начальник? Но ведь пьют же все. На то и буфет. А тут еще и коньяк покупают. Опять же выручка. План тянуть мне. Нет, я не о том, знай я, что тут пахнет таким преступлением, я бы ни на что не посмотрела, прямо в органы звонила... Но, скажу прямо, я этого здоровяка сторонилась. Он как зыркнет красными глазищами на меня, аж дрожь по спине.

Разговорчивая Канаева не умолкала. Описывала в подробностях одежду поздних «гостей», вспоминала «досконально» их беседу, потому как заинтересовалась ею. Потом, в полтретьего ночи, проходя через зал ожидания, она видела стройного блондина, в синей с белыми полосками рубашке. Другого с ним не было.

Вдруг женщина замолчала. Внимательно посмотрела в утомленное постаревшее лицо старшего оперуполномоченного уголовного розыска и предложила:

— Гуляш или поджарку? Вы еще с утра ничего не ели... Угадала?

— Час назад две кружки квасу выпил.

— Миленький, садитесь за стол, я мигом.

— Баловать меня не надо, Раиса Александровна. Пойду домой: получать взбучку за пропуск обеда. — Вершигородцев попрощался.

— Да, вот еще, — вслед капитану крикнула толстушка-буфетчица, — рыжий второй был. Щетина так и выпирала на груди из-под рубахи, аж завивалась на воротник. Шея — во! — Канаева растопырила пальцы и свела их в незамкнутый круг. — Что каток тебе суковатый. Жилами опутана, как веревкой или канатом.

Часам к семи вечера Павел Иванович попал домой. Во дворе разделся до пояса, налил ведро воды и как следует освежился: день был душный, жаркий. Небо нахмурилось. Завихрил перед глазами ветерок. Небольшой сад вокруг дома зашумел листвой. Еще несколько минут, и ударила гроза. Небо вспыхнуло синим цветом. Дождь быстро усиливался.

Вершигородцев встал под навес, не надевая рубашки. Вышедшая из квартиры жена сердито приказала:

— Сейчас же оденься. Ей-богу, как маленький. Простудишься, потом нянчись с тобой. Где задержался?

— Так вот, мать, — начал капитан, — все доказательства ведут к нашему с тобой подопечному, Коровину.

— Косвенные?

— У, Леноч, ты просто юрист на все сто. Да, косвенные улики. Но их много. И еще есть одна. Про нее пока только я знаю. Вернее, только я вспомнил. По прибытии из заключения в Цавлю Коровин месяц работал на складе ОРСа грузчиком. Расположение внутри отлично знал.

— И что? Ну и что?

— Нет, нет, ты ничего не подумай. Я по-прежнему за Женьку. Но нагромоздились на его голову крючки и зацепочки.

— Тяжело вот тут. Да? — Жена показала рукой на левую часть груди мужа. — Крепись, друг.

— Креплюсь. Завтра в управление вызывают — доложить о событии нынешней ночи.

Гроза кончилась. Дождь утих. Воздух посвежел, наполнился запахами вымытой земли. Небо очистилось, посветлело.

Наутро Вершигородцев подготовил необходимые документы по делу об убийстве. Заодно взял в райотделе материалы по взлому пасеки. В краже меда подозревался шофер колхоза «Рассвет» Шаршнов. Лет семь назад он попал за решетку: покушался на жизнь одной женщины. С год как вернулся из мест заключения. Пьянствовал, не прекращая. А на что?

Шаршнов всегда был подозрителен Вершигородцеву. Но и капитан не пользовался особой любовью вернувшегося из заключения колхозника. Попросту сказать, ненавидел старшего оперуполномоченного Шаршнов. Шесть лет, проведенных в тюрьме, считал на совести Вершигородцева. И даже вроде хвалился приятелям, что рассчитается с усердным блюстителем порядка. Ну да

Вершигородцев на эти угрозы мало обращал внимания и решил очень внимательно проверить Шаршнова на причастность к «посещению» пасеки.

12

Ровно в девять утра начальник уголовного розыска областного управления внутренних дел подполковник Розодоев слушал отчет капитана Вершигородцева. Слушал и по привычке теребил мочку своего уха: признак того, что он озадачен. Но окончательного решения не принимал: происшествиями в Цавле занялся сам начальник управления генерал Евстигнеев.

— Часов до двенадцати погуляй по городу. Давно был в краеведческом музее? Есть время сходить. А перед обедом зайдем к начальнику управления. Доложим.

Зазвонил телефон. Розодоев поднял трубку и услышал голос дежурного по управлению. «Товарищ подполковник, женщина еще одна пришла. Заявляет об ограблении ее ночью. Будете сами с ней разговаривать?».

— Да, обязательно. Значит, третье за неделю ограбление. Ну и дела.

Розодоев положил трубку на рычаг телефона и глубоко вздохнул:

— Понял? Третью ночь подряд. Самые настоящие разбойники завелись. Был бы ты, Павел Иванович, посвободнее, включил бы тебя в опергруппу. С ног сбиваемся и без толку. По всему видно — «гости» заглянули к нам. Наделают нам бед и улетят. Ищи ветра в поле. Ну, ладно, отдыхай до двенадцати часов. Всего доброго.

«Забот тут и без меня хватает», — невесело подумал капитан, выходя из кабинета начальника уголовного розыска. Он еще раз посмотрел на часы. Действительно, времени оставалось достаточно для прогулки.

Когда Вершигородцев шел в управление, ему казалось, что там все только и думают, что о происшествии в Цавле. Однако вскоре он почувствовал: то, что для него стало центром жизни, для сотрудников УВД это лишь периферийная точка в их каждодневной работе. Они беседовали с ним, сочувствовали, пожимали руку и желали успеха. И тогда к Вершигородцеву пришла уверенность, что бояться начальника

управления нечего, вызван капитан для обычной беседы, на все вопросы Павел Иванович даст исчерпывающие ответы.

Для него, военного человека, УВД было крепостью. Бастионы — райотделы. А он, оперуполномоченный — редут. Он всегда относился очень уважительно к этой сложной машине, призванной обеспечить охрану общественного порядка.

Итак, до беседы оставалось время, и капитан пошел по своим делам. Свернул к спортивному магазину присмотреть старшей дочери кроссовки или хотя бы кеды. Не найдя ничего подходящего, зашел в несколько торговых заведений и, наконец, оказался в большом гастрономе. Молоденькие кассирши без передышки стучали по клавишам своих аппаратов, принимали деньги и выбрасывали на тарелку чеки. И вдруг капитан заметил парнишку лет четырнадцати, который стоял около безлюдного прилавка с дорогими винами и засовывал в карман две бутылки коньяка. Справившись с этим делом, малец вытащил из нагрудного кармана двадцатипятирублевку и спрятал ее в носок.

Удивился и возмутился капитан. Во-первых, продают спиртное несовершеннолетним, а, во-вторых, кому понес? С кем собирается пить? Чьи деньги? Как ловко спрятал купюру. Да какую! Познакомиться бы с его родителями.

А малец тем временем пулей выскочил из гастронома, на ходу поправляя комочек ценной бумажки, спрятанной в носке. Вершигородцеву большого труда стоило не выпускать сорванца из виду на шумной многолюдной улице. Тот с чрезвычайной легкостью нырял между людьми. Старший оперуполномоченный имел привычку сердиться на себя, если вдруг у него пропадало желание доводить начатое дело до конца. Вот и сейчас ему показалось, что он нашел себе пустое занятие. Что за польза бегать по переулкам за озорным мальчонкой? Много ли удовольствия от того, что он остановит безобразника и сделает ему внушение? Но капитан тут же подумал о родителях сорванца, которые, небось, и не знают о проделках сына. Значит, непременно их надо повидать. «Нет, уж, доведу дело до конца», — твердо решил капитан, рассматривая в тугом людском потоке вихрастую мальчишечью голову.

Парнишка добежал до высокого забора, пригнулся и нырнул в дыру. Дальше была новостройка. Он скороходью несся куда-то на край города. «Понаблюдаю, понаблюдаю, с меня не убудет, — точно сам себя

уговаривал капитан, — да потом доложу подполковнику Розодоеву подробности. Ах, шляпа, снова упустил... Нет, вот вынырнул».

Наконец мальчишка подошел к бревенчатой хатке, уцелевшей среди трех- и пятиэтажных домов. Хлопец бесцеремонно постучался в одно из двух окон домика. Дверь приоткрылась, и на крыльцо вышел коренастый бритоголовый человек.

— За смертью тебя посылать, — недовольно буркнул тот, — так и опоздать с тобой недолго!

Дверь закрылась. Лязгнула щеколда. Малец вместе с мужчиной скрылся за дверью. Раздумывая, как лучше поступить, Вершигородцев встал за куст сирени. Надо, надо познакомиться с родителями бойкого сорванца. Мужчина, встретивший пацана, был явно пьян, и это насторожило капитана. Милицейское чутье подсказало — не спешить. Оперуполномоченный незаметно приблизился к окну, в которое только что стучал парнишка. Оно было неплотно занавешено, и в небольшую щель он увидел компанию за столом.

Двое мужчин, женщина, тот самый паренек, — он уже повзрослому сидел за столом и держал рюмку. Все четверо выпили. Бритоголовый мужчина развалился на стуле, что-то проговорил, махнул рукой. Он был приземистый, с большой головой и отвисшей нижней губой.

Второй, повыше ростом, худой, остроносый, с гладко зачесанными волосами. Выпив, оба стали раскланиваться с женщиной. Большеголовый обнял ее за плечи, притянул к себе и что-то стал говорить на ухо, потом поцеловал в щеку.

Женщина все время поворачивалась к окну то спиной, то в профиль. Вершигородцев с досадой щурился: рассмотреть он ее не мог. Вот женщина вышла в другую комнату. Принесла картонную коробку. Бритоголовый запустил в нее руку и извлек что-то увесистое, похоже, пистолет. Сунул предмет в боковой карман. Заговорил с напарником. Потом, нагнувшись, что-то сказал пацану, потрепал его слегка за вихры.

Вершигородцев стал соображать, что же ему теперь делать? Не было сомнений у капитана: он имеет дело с вооруженными преступниками.

Капитан выбежал из засады и осмотрелся. Нужен телефон. Следовало немедленно позвонить дежурному по управлению, можно Розодоеву или его заместителю Балашову. В это время послышался шум мотора подпрыгивающего на ухабах автомобиля.

К хате подкатила «Волга» с шашечками на боках. Такси. Шофер поближе подъехал к домику и подал два коротких сигнала, вышел из кабины и завозился в багажнике. На крыльце появились все те же, кого видел в хате за столом капитан, но без пацана. Подвыпившая дама плакала, целовала руку бритоголовому.

— Так не забудь уговор. Буду ждать! Забери отсюда — мне так будет без горя. Неслух растет. Мужская твердость требуется. — Женщина заискивающе смотрела в глаза бритоголовому.

— Знаю, знаю, — мужчина высвободил руку.

— Уж ты не обмани, — не умолкала женщина, — одно прошу.

— Ну, еще чего, — важно успокаивал бритоголовый. — Ну, довольно, поехали. Хватит копошиться. Вперед, Саид, — высокомерно хлопнул по спине напарника бритоголовый.

Остроносый мигом сбежал с крыльца и подошел к автомашине. В руке он нес большой и, видно, тяжелый портфель. Стали усаживаться в такси. Остроносый возился у багажника, он не закрывался.

— Садись, поживее, — через открытую дверцу крикнул бритоголовый.

— Секунду, Витек.

Тут Вершигородцев изобразил на лице исключительное волнение и подбежал к шоферу, сидевшему уже в машине.

— Не откажи, браток. Двадцать минут до поезда. Подбрось к вокзалу. Опаздываю. Заплачу за всех. Позарез надо. — Движением руки Вершигородцев показал, что нужда у него по горло.

— Занят, — категорически отрезал таксист. — Машина по заказу.

— Ну ты войди в мое положение. Вот тебе десятка аванса. А то мне хоть под колесо твоей машины ложись, — почти плачущим голосом простонал Вершигородцев. — Ей-богу, помоги, дружок. Место ведь в машине есть.

— Место есть, — ответил за водителя бритоголовый, которого назвал остроносый Витьком. — Но ложиться под авто не следует. Нам только этого не хватало. — Бритоголовый через опущенное в дверце окно высунул голову. — Давай-ка сюда червонец и садись. Подвезем

его, шеф. На полчаса я в машине хозяин. Так, что ли, водитель? С тобой рассчитаюсь, не бойсь.

— На какой вокзал вас везти? — спросил у Вершигородцева шофер.

Капитан поудобнее разместился рядом с водителем на первом сиденье. И, все еще не скрывая своего беспокойства, ответил:

— На железнодорожный, тот, который поближе.

— А вас куда? — обратился к пассажирам заднего сиденья таксист.

— Потом разберемся. Сначала папашу на вокзал давай отправим. Надо иметь уважение к старшим. Хоть он и щедрый, но пусть еще гонит пятерку. В аккурат водителю на коньяк с закуской. Думаю, шеф позволит себе после смены стопочку. Так, что ли? — Бритоголовый явно находился в хорошем расположении духа. Много трепался. Все, видно, у него шло в этом городе отменно. Он удалялся в новые места с чувством уверенности в себе, везучести.

При упоминании о коньяке водитель, похоже, засмутился. Кивнул на первый попавший по дороге пятиэтажный дом, нежно произнес:

— На кооперативную квартиру собираю. Ущемляю себя в коньяках.

— И это дело, — опять пустился в разглагольствования бритоголовый.

«Волга» не спеша выехала из ухабистого двора, плавно катила по гладкому асфальту центральной улицы. Вершигородцев сидел молча и лихорадочно соображал. Обстоятельства складываются в его пользу. Поистине удача. Таксист мог бы и не взять. Улизнули бы преступники. А то, что это залетная шпана, — оперуполномоченный по своему опыту чувствовал наверняка. Теперь бы благополучно их задержать. Вооружен, похоже, один, бритоголовый. У остроносого, скорее всего, ничего нет. Если в квартире одному давали припрятанное оружие, значит, будь оно, получил бы и второй.

Вершигородцев прислушивался к разговору на заднем сиденье.

— Бабе я кинул две сотни. Она вполне заслужила, — вполголоса повелительным тоном балагурил мужчина, названный Витьком. — Пацан ее — вот кто шельма. Вырастет из него отменный прожигатель. Попадись ему этак лет через пяток — придушит за мамочку.

— Это точно, — захихикал остроносый и вдруг переменял тему разговора, заканючил: — Черт с ним, с пацаном. Слушай, давай выйдем вместе на той станции. Зачем меня бросаешь? Куда тебя дьявол несет?

Отдышаться надо, отсидеться. Пойми, куда мне одному по незнакомой дороге...

— Нельзя, Саид. У меня наполеоновские планы. — Покосившись, Вершигородцев увидел, что главарь нежно обнял за плечи своего напарника. Остроносый сидел поникший, невеселый, а бритоголовый по-хозяйски развалился на сиденье. Он и вправду производил впечатление сильного, волевого человека. — Нельзя, — с ударением повторил Витек, — мне следует отрастить волосенки. Уж больно стал приметный. А это ни к чему. К тому же у меня есть барышня, пальчики оближешь, ждет... не дождется.

— А эта? — остроносый осклабился и кивнул в сторону оставшейся позади хатки.

Бритоголовый наигранно вздохнул:

— Отрываю ее от своего сердца, — Витек рассмеялся, закашлялся.

— Без всякого сомнения — преступники, — думал оперуполномоченный. Капитан напрягся и, как в былые годы, почувствовал предстоящую схватку. Он продолжал прислушиваться к разговору сидящей позади парочки. Остроносый не совсем в чем-то был уверен. Заискивающе попросил:

— Может, все-таки выйдем на той станции вместе. Мне одному боязно. Чем черт не шутит, а вдруг не найду твоего дружка. Может, его замели...

— Не канючь, — отрезал бритоголовый. Судя по стрижке, он только что освободился из мест, не столь отдаленных. Остроносый, названный Саидом, не унимался:

— Дурно ты с этими дамочками кончишь. У меня остался за колючкой корешок, тоже без меры любил эту публику, причем любого возраста. На старухе сорокалетней зашил. Так соглашайся, Витенька! Чует мое сердце, не повезет мне без тебя. Почему все-таки нельзя? — допытывался остроносый Саид.

— Слушай, ты начинаешь мне надоедать. Не буди во мне зверя. Не выводи из терпения. Береги мои нервные клетки. Они не восстанавливаются. Не желаешь в Цавлю — проваливай на все четыре. Ищи другую конуру. Я бы на твоём месте сказал мне спасибо за адресок и не канючил.

— Как я его найду, не представляю. На темную по селам шастать! Загребут меня в два счета. — Тянул одно и то же остроносый. — Может, его и след простыл или давно зашил и за колючкой...

— Неделю назад от него письмо получил. Слушай дальше. Остановишься в Цавле. Оттуда сорок минут езды на машине. Сначала по путям дойдешь до переезда. Выйдешь на большак, поднимешь свою интеллигентную ручку, тебя и довезут. А не захочешь рисковать — ножками пройдишь, полезно для здоровья. Кстати, пешком потопать вернее. Пять километров и первая остановка, а потом еще чуток. Тут уж можно и на машине. И колхоз «Рассвет». Что, трудно тремя извилинами запомнить?

У оперуполномоченного вспотели шея и лоб. Цавля! Колхоз «Рассвет»!

За спиной у Вершигородцева продолжался диалог:

— Фамилию не забыл, мелкая ты рыбешка, тюлька бердянская?

— Помню, акула тихоокеанская, — в тон приятелю отпарировал Саид.

— Повтори!

— Ну, Шаршнов.

— То-то. Прозвище — Бугор. Расскажешь обо мне все как есть. Передай, что позарез желаю его видеть. Уговори его и мотайте вместе с ним ко мне, в Краснодар. Там и зимой тепло. Проживем...

Всякие бывают совпадения, то такое... К Шаршнову задумали. На свежий, сельский воздух. Разбойники! Машина выехала на улицу Пушкина, управление внутренних дел вот-вот и останется в стороне. Вершигородцев зажал в руке удостоверение и осторожно показал его шоферу. Тот удивленно и понимающе посмотрел на капитана.

Капитан незаметно кивнул в сторону, показывая, куда следует ехать. Нет более понятливых людей, чем таксисты. Шофер кашлянул в знак того, что все о'кей, и стал объезжать квартал, чтобы выехать на другую сторону центральной улицы. Краешек красного удостоверения возымел нужное действие. Ай да шофер, ай да парень, молодец!

Через минуту-вторую «Волга» заскрипела тормозами у известного всем в городе здания управления милиции. Оперуполномоченному было не занимать самообладания. Капитан серьезно и чрезвычайно спокойно спросил:

— Дозвольте сигаретку! Закурить кто из вас даст?

— Папаша, ты что ненормальный, или у тебя не все дома? А ну сей миг сесть на месте. На вокзале затянешься. Погоняй, шофер, — недовольно произнес бритоголовый. Остроносый добавил в полусонной дреме:

— Не мешкай, шеф. Курить в машине запрещено. — У Саида оставались закрытыми глаза. Коньяк, видно, наводил на него сонливость.

— У вас, по-моему, есть сигареты, — настаивал на своем Вершигородцев. И, не дав опомниться, полез в карман к бритоголовому, как в свой собственный, извлекая оттуда пистолет.

— Цыц, ни звука, — Вершигородцев не давал преступникам прийти в себя. — Живо из машины! — капитан быстрым движением рук дослал патрон в патронник. — Пристрелю, если задумаете бежать. Обыщи, водитель, остроносого. — Саид безумно таращил враз протрезвевшие глаза. Шофер активно помогал сотруднику милиции. И как-то загадочно единым духом выпалил:

— Зайцы бегают зигзагами...

Саид презрительно хмыкнул, а капитан к скрытому смыслу слов толкового водителя понимающе, живо добавил:

— Но все равно попадают на глаза ловкому охотнику. Так?!

14

...Когда Вершигородцев ввел обоих в дежурную часть, сидевшая там женщина, потерпевшая по ночному происшествию, с которой утром беседовал Розодоев, округлила от изумления глаза, лицо ее вытянулось:

— Это же они, грабители! Ужас! Где сумка? Они у меня все отняли, они, товарищ начальник!

— Они? — рядом стояли Розодоев и его заместитель. — Они? Откуда вы их, Павел Иванович? И пистолет... Их?!

Остроносый Саид завизжал, окончательно проснувшись:

— Гражданин начальник, что она плетет? Вы меня, дамочка, видели?

— А как же, в стороне стоял. Как по-вашему: «на шухере». А вот этот ударил меня в живот и отнял сумку. Чуть с рукой не оторвал. Забрал перстень, кольцо, часы...

— У него и спрашивай, а я-то при чем? — трусливо залепетал остроносый, отмежевываясь от своего дружка.

Бритоголовый сочно сплюнул в сторону остроносого: «Гнида! Ворона! Впрочем, правильно делаешь: без соучастника меньше дадут».

Потерпевшая не унималась:

— Товарищ начальник, они отдадут мне вещи? Деньги, часы золотые — подарок мужа. Свадебное кольцо?

Подполковник Розодоев приказал дежурному, рослому симпатичному майору:

— Задержите по сто двадцать второй. И прими у капитана Вершигородцева оружие, изъятое у преступника.

При упоминании о часах Вершигородцев посмотрел на свои. Было без четверти двенадцать. Самый раз идти на беседу к начальнику управления. Розодоев улыбнулся:

— Пунктуальный вы, Павел Иванович. И на этот раз не опоздали.

— Но поволновался крепко, — признался Павел Иванович и попросил у помдежурного закурить, хотя забыл, когда держал в зубах сигарету. Он курил очень редко, разве что вот после такого нервного напряжения.

Подполковник Розодоев дружелюбно потряс старшего оперуполномоченного угрозыска за плечо:

— Молодчина. Как говорится: пришел, увидел, победил.

Затем он вызвал второго своего заместителя, молодого, стройного, все понимающего с полуслова, старшего лейтенанта Свириденко. Приказал ему:

— Оперативные группы снять с засад. Так сказать, чрезвычайное положение отменяется.

— Ясно. На завтра пригласим остальных потерпевших. В притон к Захаркиной выехали лейтенант Горный и капитан Всеволодов. Сделают там обыск.

— Хорошо, — ответил Розодоев, — все проверьте досконально и сами возглавьте. Почему у Захаркиной грабители останавливались? Откуда она их знала? Ну и все остальное уточните. А нам с Павлом Ивановичем пора предстать перед светлыми очами начальства. Дайте мне справки об освобождении, изъятые у задержанных. Так... один Уткис Саид Видеич, судимый по статье 117 Уголовного кодекса, второй Барабашкин Виталий Романович... за грабеж и разбой... Пистолет на экспертизу.

Секретарша генерала, моложавая, подвижная, как ртуть, женщина, гостеприимно показала на дверь кабинета начальника управления. Розодоев взялся за круглую стеклянную ручку и открыл отлично

отполированную двойную дверь, пропустив впереди себя Вершигородцева и уже в кабинете победно произнес:

— Разрешите, Андрей Николаевич, войти и доложить: ночные неприятности кончились. Грабители задержаны.

— Все это я знаю, товарищ главный сыщик. Рапортуешь ты, Устин Кириллович, неплохо. Только не понимаю, что бы ты делал, не приди тебе на выручку Вершигородцев?

Розодоев не остался в долгу:

— Замечу, товарищ генерал, капитан Вершигородцев состоит в должности старшего оперуполномоченного уголовного розыска, а, значит, тоже мой кадр, моя выучка...

— Слышал, слышал, — прервал его генерал, — но тебе надо знать места, куда преступники лезут, как тараканы в щели. Купоросом опрыскивай эти притоны! А вот таких Геркулесов в милицейском деле нам бы побольше. — Генерал вышел из-за стола и крепко пожал Вершигородцеву руку. — Доволен тобой, доволен.

Павел Иванович виновато улыбнулся.

— Товарищ генерал, все произошло настолько неожиданно и даже как-то случайно. Не могу даже опомниться. Как в кино.

— В кино? — Подхватил генерал. — В кино покажут, зрители усомнятся: бывает ли в жизни такое, не наврал ли автор сценария? А выходит, что бывает. За поимку грабителей шофера наградим именными часами. Ну, ладно, с этим покончено. Какие проблемы в Цавле? Что у вас там? Что вы не поделили с Копылком? Может, от этого и преступления не раскрываются? Знаю, он заносчивый, а ты упрямый. В чем разногласия? Я сам хочу к вам ехать. Подкинули вы с Копылком нам информацию к размышлению. На месте буду разбираться. Может быть, даже завтра поутру и выберусь в Цавлю. Начальник отдела вернулся из отпуска? Подкачали вы без него.

— На днях выходит на работу. А с Копылком особых разногласий нет. В одном не сходимся. Он против моих бесед в домашней обстановке с ранее судимыми. Ну, а на это у меня есть полное разрешение начальника райотдела подполковника Парамонова.

— Обожди, обожди, разрешение... — осек капитана генерал. — Польза-то есть от этих посещений, народ не возмущается? Я лично считаю, наша служба не любит уединения. Выход в общество, разговор с людьми в непринужденной обстановке — это основа оперативной работы, если хотите. Знаю я: некоторые начальники в своих

подчиненных больше любят исполнительность, чем умение думать. А здесь нужно и то и другое. Словом, будем у вас. — Генерал легкой, пружинистой походкой прошелся по мягкой ковровой дорожке.

— Меня не возьмете? — спросил Розодоев.

— Пожалуй, нет. Оставайтесь здесь. Поедет Щеглов. Ему, как моему заместителю по оперативной работе, тоже нужно вникнуть... — Генерал подошел к большим часам, стоящим в углу кабинета, открыл дверцу и поправил минутную стрелку. Он был высокого роста, полный, держался очень прямо, от этого казался еще выше.

— Нежданно-негаданно беды на Цавлю посыпались, — нарушил минутное молчание начальник уголовного розыска.

Генерал неторопливо и тщательно закрыл дверцу часов.

— Вот я и боюсь, что они прибавятся. А когда бед много, от них уже нет боли, а только черствеет сердце и тупеет голова. Подкачала Цавля, подкачала. Два нераскрытых за месяц! Многовато. Версии какие отработываете или списываете на гастролеров? — Хитро прищурил глаза генерал и той же почти невесомой походкой вернулся и сел за широкий письменный стол. — Доложите про это убийство сторожа. Что там?

— Такая штука вышла, товарищ генерал, — начал старший оперуполномоченный уголовного розыска.

— Ну, ну, какая незадача? — снова встал из-за стола генерал и заходил взад-вперед по ковровой дорожке. Вся его фигура от седой головы, подстриженной ежиком, до лакированных туфель излучала силу и добрую власть.

Все, кому приходилось встречаться с генералом, отзывались о нем как о человеке на редкость справедливом. Прославленный командир взвода во время войны, он всю свою жизнь посвятил работе в милиции. За эти беспокойные годы ему самому доводилось выполнять сложные задания. Не раз лично приходилось вступать в опасное единоборство с отпетыми рецидивистами и обезвреживать их. Начинал лейтенантом и дослужился до генерал-майора. Почти четыре десятка лет им отдано тому, чтобы все люди спокойно и радостно встречали рассвет и занимались своими делами: учились, работали, воспитывали детей, отдыхали. Это к нему можно полностью отнести слова Александра Блока: «И вечный бой, покой нам только снится...»

Сам генерал, несмотря на огромный стаж службы, постоянно прислушивался к мнению подчиненных, невзирая на их чин. Особой

любовью его пользовались вот такие просмоленные жизнью, богатые мудростью, как старший оперуполномоченный Вершигородцев.

— Так какая штука произошла? — поторопил с ответом Евстигнеев капитана, открывая пошире форточку. Свежий ветерок затеребил атласные шторы.

— У меня сложилось твердое мнение, — продолжил капитан, — в машине эти двое произнесли фамилию шофера колхоза «Рассвет» Шаршнова.

Его дополнил подполковник Розодоев:

— Шаршнов — это скверная личность. Одним словом, прожженный негодяй. Может быть, помните, товарищ генерал, нашумевшее лет семь назад дело о посягательстве на жизнь молодой учительницы... Это и есть тот Шаршнов. Полностью отсидел срок и вернулся. По всему видно, дружки к нему путь держали, — закончил Розодоев.

— Да, припоминаю. Что против него есть по новому делу? — спросил Евстигнеев у Вершигородцева.

— Пока ничего, товарищ генерал, но меня осенило, как говорится. По объяснению буфетчицы выходит, что разговор обо мне на вокзале мог вести только Шаршнов. В прошлом преступлении, за которое отсидел, мне пришлось его изобличать. По приметам он — «крестник». А улики все вывел на Коровина, моего подшефного.

— Коровина... — повторил генерал. Он был в хорошем расположении духа. Его баритон заполнял обширный кабинет, — слышался я о вашей индивидуальной профилактике. Отговариваете людей от преступлений... Мне думается, перевоспитанию поддаются все. Нужно только найти хорошее слово для каждого. Раздуть огонек в потемневшей душонке. Конечно, я не говорю о таких, как Шаршнов. Этот, как старая телега, прогнил до дна. А если, действительно, виноват Коровин?

— Уйду на заслуженный отдых.

— На пенсию собрался, — подтвердил серьезно Устин Кириллович.

— Именно. Выйдет из всей моей затеи мираж. — Капитан невесело, едва заметно улыбнулся. — Выходит, не нашел ничего светлого в сердце паренька.

— На пенсию — это не то слово: накажем. Да, да, накажем. Несмотря на заслуги. А их у вас, знаю, немало. Ни на что не

посмотрим. Представляете — люлюкаться, люлюкаться с тем же Коровиным, а он вас за нос водил, убийство совершил. Будьте, как говорится, здоровы! Фикция тогда со всей вашей профилактикой.

— И я не думаю на Коровина, товарищ генерал, — заступился подполковник Розодоев. — Мне доводилось дважды с ним встречаться. Производит неплохое впечатление. Сожалеет о прошлой судимости. Парень раскаялся. Женился. Правда, в семейной жизни не все в порядке.

— Не повезло, похоже, с женой. А за все остальное ручаюсь головой, — твердо и даже с запалом произнес капитан.

Генералу понравились эти рассуждения. Он улыбнулся чему-то далекому и начал рассказывать, как в армии был назначен военным дознавателем, о первом милицейском крещении.

— Давно это, правда, было, — сказал генерал, — но памятно. Помню, в выгоревшей гимнастерке, сразу после Победы, с начищенными орденами и медалями пришел по направлению райкома партии служить оперуполномоченным в милицию... Часов в двенадцать ночи, на пятый то ли шестой день моей работы, сообщили: в вагоне товарного поезда обнаружен человек с огнестрельным ранением. Чуть жив. Выехал на место происшествия, осмотрели с милиционером злополучный вагон, облазили весь поезд в поисках следов преступления. Существенного ничего не нашли. Где мог скрыться преступник? Все прикидываю. В армии приходилось быть и дознавателем. Анализировать приучен. И вдруг среди пассажиров заметил мужчину лет тридцати пяти в засаленной рубашке. На голове — фетровая шляпа. На руке — старенькое демисезонное пальто. Незаметно наблюдаю за ним. Он явно нервничает. Думаю себе: не ко времени у него пальто и шляпа. Выходит, приехал из тех мест, где холодком веет. А злополучный поезд прибыл из Воркуты. Постовому совету проверить у неизвестного документы. У незнакомца задний карман брюк оттягивает что-то тяжелое.

Милиционер подошел к мужчине и предложил предъявить паспорт. Тот в миг выхватил «ТТ» и произошел бы выстрел. Но мне удалось молниеносно выбить пистолет. Мы вдвоем скрутили злодея с кучей убийств на совести. Вот у меня с тех пор такое ощущение, что нет большего счастья для нашего брата, чем раскрыть преступление, обезвредить злодея. Потому как за всем этим благодарность людей, которым мы служим. Так говорю? — Генерал встал из-за стола и

посмотрел сначала на Вершигородцева, потом на Розодоева, протянул руку капитану. — До встречи на цавлинской земле.

В управлении начинался обеденный перерыв. Опустели кабинеты и коридоры: ни сотрудников, ни посетителей.

Вершигородцев вышел из управления в чрезвычайно приподнятом настроении. «Значит, есть порох в пороховнице», — думал он про себя. От разговора с генералом осталось сильное впечатление. Он забыл даже, что нужно где-либо перекусить.

В электричке, почти в полупустом вагоне, он глубоко и облегченно вздохнул. На маленьком полустанке в вагон вошел мужчина и ввел огромного бульдога в наморднике. Пес томился, высунув широкий, как лопата, язык. Тяжело дыша, крутил обрубленным хвостом.

В душе Вершигородцева, любившего животных, поднялось чувство восхищения отменной собакой. Он вспомнил о своем приятеле, старшем оперуполномоченном ОБХСС капитане Горелове, обладателе такой же собаки, и подумал: «Предложу ему поехать со мной в колхоз «Рассвет». И стал в уме прикидывать, как лучше сегодня же вечером, без промедления, заняться проверкой Шаршнова. Опять придется на всю ночь оставлять жену в тревоге. Но он знал, Елена его поймет и пожелает удачи.

Продолговатое, худощавое лицо Вершигородцева за два последних дня пожелтело, осунулось, точно сошел загар. У глаз залегли глубокие морщины и не пропадали, как это было раньше. Сейчас, когда прошло возбуждение, он почувствовал тяжелую усталость.

С деликатным, энергичным Гореловым Вершигородцев сдружился давно. С виду они казались очень не похожими друг на друга. Один высокий, худой, неразговорчивый — это Вершигородцев. Второй коренастый, улыбчивый, балагур и остролов — это Горелов. Грубая, обветренная кожа его лица и рук говорила о том, что он самый что ни на есть рабочий человек, несмотря на чин старшего оперуполномоченного ОБХСС, капитана милиции.

Но у этих двух капитанов, если приглядеться, можно было найти много общего. Завидная старательность и предельная честность в большом и малом — черта каждого из них. Оба глубоко переживали

неудачи и искренне радовались успехам, чьи бы они ни были. Лишь бы на пользу общему делу.

Вершигородцев улыбнулся, представив, как обрадуется Горелов удачной поездке в областной центр. В двух словах ему, конечно, Павел Иванович расскажет о задержании грабителей. Будет о чем потолковать и обменяться мнением. Вершигородцеву явно сейчас не хватало скуластого, улыбчивого, любителя присочинить небывалую историю, придумать смешной анекдот, Семена Семеновича Горелова.

Ступив на перрон родного цавлинского вокзала, Павел Иванович по привычке зашел в линейный пункт, потом направился к себе домой. У калитки его обдал заветный и милый запах дорогого ему сада. Много раз приходилось ездить капитану в областной город, и всегда он вырывался с шумных, многоголосых улиц с удовольствием. Его манил зеленый, уютный уголок родного дома.

Вершигородцев открыл дверь и остановился у порога. Печальный и расстроенный вид жены насторожил его.

Елена Тихоновна, увидев вошедшего мужа, как протирала полотенцем чашки после обеда, так и замерла с ними в руках. Глаза ее блестели от слез.

— Что произошло, Лена?

— Пойдешь в райотдел — узнаешь. Горелов сейчас приходил. Задержан убийца сторожа Леонтьева.

— Кто такой?

Жена с досадой пристукнула чашку о блюдце.

— Коровин арестован. И вроде даже признался.

— Вот так да, — Вершигородцев присел на стул. Посмотрел на стенные ходики с кукушкой. Они прокуковали полчаса пятого. И хотя капитан не обедал, аппетит вдруг пропал. — Не верю, что он убийца. Значит, на себя все взял, паршивец. Без меня Коровин никому ничего не станет говорить толком. Упорный, самолюбивый. Особенно, если ему напрямик скажут: подозреваем в убийстве.

— Паша, пообедай и беги в отдел.

— Да, да. Меня не жди. Будет работа. Дочки где?

— Ушли к Гореловым, с бульдогом возятся. Свою собаку просят.

— С этим подождем, Лена. Есть дела поважнее. — Вершигородцев выпил стакан молока и выбежал на улицу. И уже в открытое окно крикнул:

— Меня не ждите. Я уеду в колхоз «Рассвет».

Жена смотрела мужу вслед, разделяя все его планы, сомнения и тревоги. Она не понимала тех жен, которые злились на мужей за задержку на службе, за ночные дежурства, наряды, подъемы. «Что возмущаетесь, — говорила она им, — знали, на какой службе ваш молодой человек, зачем же выходили замуж? Вы в тепле, а они где-нибудь на опасном задании, в операции, засаде. Не разыгрывайте сцен. Если уж не обещаете мужу лад в семье, так оставьте его в покое».

Когда Елена была слишком молода, ей казалось, что любовь с первого взгляда — только в книжках. Так было до тех пор, пока она, восемнадцатилетняя сельская учительница начальных классов, не встретила возмужалого Вершигородцева. С первого дня пошла у нее голова кругом. Вся истоскуется, пока дождется свидания. Видела она, что хмельным от счастья был и бравый фронтовик, младший сержант милиции Павел Вершигородцев.

Сейчас она смотрела ему в спину и понимала, что он для нее остался таким же, как много лет назад: молодым, умным, добрым.

От Горелова Вершигородцев узнал все, что было ему нужно. Сегодня утром, после отъезда Вершигородцева в УВД, в Цавлю вернулся мариупольским поездом Коровин. Пришел домой, если можно так назвать дом Витюгиных. Анна и ее мать, даже перепугались. Они считали, что Евгения уже посадили за решетку. Но вскоре изумление прошло, и зрачки обеих женщин потемнели от злости.

— Пришел? Заявился? Жив, здоров и не кашляешь? — грубо приветствовала мужа Анна.

— Дайте мне переодеться. Пойду на работу. И сообрази что-нибудь перекусить с дороги. Ездил я...

— Чувствую, что ездил, а не пешком шлялся, — небрежно сказала жена. — Вся жизнь твоя — дороги. Но когда-нибудь они кончатся. Где две ночи блудил? В каких краях болтался?

— Мать навещал. В Макеевку ездил. Болеет она. Тебя хотела бы видеть. Можешь выбратся на денек к ней, проведать?

— Проведать? Вот как!. — воскликнула с иронией, вскинув тонкие брови, Анна. — Сейчас это крайне необходимо...

— Давно женился, а мать в глаза невестку не видела, — спокойно возразил Евгений. Вид у него был измученный. Под глазами расплывались темные пятна.

— И не увидит, — крикнула из-за перегородки Витюгина-старшая. Она, видно, курила, и оттуда тянуло едким дымом. Анна добавила:

— Теплой встречи не будет.

— Не об этом сейчас речь. — Степанида Пантелеймоновна, теща Коровина, вышла из-за перегородки. Она, действительно, развлекалась сигаретой. Курила, затягивалась и пускала кольца дыма в потолок, — не об этом. И ты знаешь, о чем должен идти разговор. Не увиливай, не крути носом. Старика Леонтьева помнишь? Сторожа склада? Где он сейчас?

— Какой еще Леонтьев?

— Тот, что богу душу отдал с помощью некоторых, — визгливо крикнула Анна, — в нашу квартиру больше не заявляйся, чтоб ноги не было. Тебя ищет милиция.

Сердце Евгения сдавила тревога.

— За что же вы хотите меня отправить в колонию? За что? Что я сделал вам плохого? Эх, людишки! Я ведь свободу люблю, а не тюрьму. А вы, как тигры. Собак и тех без дела не бьют... В общем, решим так, по-вашему: ты мне, Анна, больше не жена. Я не желаю числиться твоим мужем, а вы Степанида... — не теща. — Коровин оглядел комнату, хотел что-то захватить с собой на память из вещей. Но не нашел ничего подходящего и подавленно закончил: — Я знаю, если меня посадят, передачи не принесете. Разведемся по закону, как положено, в ближайшее время.

— Да уж как водится, безотлагательно, — понеслись вслед Коровину голоса Анны и Степаниды Пантелеймоновны.

Коровин хлопнул дверью и выбежал на улицу.

Одна у него была мысль — сразу же идти к Вершигородцеву. Спросить, в чем дело. Все о себе рассказать. Просить о помощи, чтобы снова вернуться в общежитие, и, разумеется, развестись с Анной.

В райотделе милиции немало удивились, увидев Коровина. Все сотрудники знали, что вокруг его имени только и были разговоры в поселке: он или не он отправил на тот свет сторожа. Дежурный немедленно отвел Коровина к исполняющему обязанности начальника райотдела Александру Ивановичу Копылку.

В уголовном деле по убийству Леонтьева накопилось к этому времени много косвенных улик против молодого человека. Копылок не скрыл удивления:

— Сам явился? С повинной? Молодец, парень. Это самый лучший выход. С земли еще нет средства на другие планеты перескакивать. А на своей, брат, на матушке, все укромные уголки просматриваются.

Майор Копылок усадил Коровина напротив себя и посоветовал чистосердечно признаться в том, как убивал сторожа Леонтьева.

Копылок усадил Евгения напротив себя и продолжал:

— Чистосердечные признания смягчают вину. Считаю своей обязанностью напомнить тебе, парень, об этом.

— Не соображу, что и ответить, — буквально прохрипел Коровин.

Его голос словно кто-то пересыпал битым стеклом. Откашлялся — все тот же хрип. «Беда не приходит одна», — вспомнилась поговорка.

— Последуй моему совету. Давай честно, подробно. Повторяю, если положиться на собранные доказательства на складе, а я не могу этим пренебречь, то тебя, Евгений, следует задержать...

— Хорошо, поступайте, как знаете. Мне все равно идти некуда.

— Не становись на путь запирательства. Ты должен все рассказать.

— Убийство сторожа. Вы шутите, товарищ майор. Да я узнал-то обо всем этом полчаса назад. — Вяло, как во сне, говорил Коровин. — Вы можете до одной минуты проверить, где я был эти двое суток. Уезжал я.

— Когда? Во сколько?

— Вчера утром, в три сорок пять, поездом Москва — Жданов, или как его называют, мариупольским. Им же приехал сегодня обратно в девять утра. Мне можно поговорить с Вершигородцевым?

— А со мной не желаешь?

— Не в том дело. Вы меня не поймете.

— А он поймет? — Майор возмущался все больше, но не подавал виду.

— Мне нужен он.

— Его нет. Нет. А тебя ждет пока изолятор временного содержания. Не обижайся. На моем месте поступил бы каждый точно так же.

— А вы не скажете, какие против меня доказательства?

— Пока не могу. Но верь, они есть и довольно весомые. Иначе мы бы не стали тебя подвергать аресту. Так как?

— Для меня — снег на голову. Не соображу, почему я оказался в роли убийцы. Надо подумать. Дайте мне время.

— Только в изоляторе. Не возражаешь?

— Ваше право. Надеюсь, вы его не превышаете. Но, повторяю, я ни в чем себя не могу признать виновным. Не совершил же я преступление в беспамятстве. Вот увидите, Павел Иванович во всем разберется.

— Ну, лады. До приезда твоего шефа. — Колко бросил Копылок. — Только смотри, не подведи его. Он не заслужил этого. Много для тебя старался.

— Все это я всегда буду помнить. Отец он для меня, и точка.

— А может, и запятая. Ну, все. Пожалуйста, думай. — Майор нажал на кнопку, вмонтированную в боковую стенку письменного стола. Когда вошел дежурный, приказал: — Общитесь в присутствии понятых. Пошлите к Витюгиным, чтобы рубашку другую прислали, а эту, синенькую, мне на стол. И составляйте протокол о задержании в порядке статьи сто двадцать второй уголовно-процессуального кодекса. Евгений, вам нечего мне на прощанье сказать? — Обратился вдруг на «вы» майор.

— Нет, гражданин начальник. Ищите настоящего убийцу. Я тут ни при чем. — Коровин стал привыкать к выдвинутому против него подозрению и уже задиристо отвечал заместителю начальника райотдела милиции.

— Учту ваш совет. Идите, полежите на нарах, поразмышляйте. Я знаю, что вы крепкий орешек. Голыми руками не возьмешь.

Дежурный вывел из кабинета Коровина, а Копылок позвонил прокурору, чтобы доложить о своих действиях и обменяться мнениями:

— Валерий Васильевич, мы задерживаем Коровина. С вашего согласия. Провел первый допрос. Никаких результатов. Давайте подождем Вершигородцева. Нам придется смириться с такими требованиями подозреваемого. Павел Иванович в управлении... Как вы считаете, не перегнули мы палку в отношении задерживания?.. По моему, тоже полные основания. Рубашку изымем и направим сейчас же на экспертизу вместе с пуговицей. Тут и простым глазом видно, что она от его одежки. На рукаве, на манжете оторвана. С мясом вырвана, видно, зацепился на складе за что-то... Придете сами? Хорошо.

19

Часа в четыре дня Коровина вновь привезли на допрос. Присутствовал теперь уже прокурор. Копылок представил его Коровину:

— Валерий Васильевич Мизинцев, прокурор района. В присутствии его тебе нет смысла скрытничать и заператься.

— Я не против. — Коровин безо всякого энтузиазма посмотрел на прокурора.

— В юриспруденции есть такое понятие, как презумпция невиновности, — начал Мизинцев. — Это значит: со всяким человеком мы беседуем, как говорится, с нулевого цикла. Заранее предполагаем, что он не виновен, и только по мере поступления в уголовное дело улик, противостояим, а не следуем слепо за ними, критически воспринимая собранные доказательства, мы строим обвинения... — Прокурор говорил долго, пока не почувствовал, что залез в книжные дебри.

— Вы мне поменьше теории, — хмуро произнес Евгений, — если захотите посадить — то и статью найдете.

— Ты в корне не прав, — опять начал прокурор. — Пожалуйста, вот законом предусмотрена статья о смягчении вины при чистосердечном признании. С кем ты распивал коньяк в буфете вокзала?

— Не знаю я его. Первый раз видел. Подошел, предложил выпить. Я был в расстроенных чувствах на семейной почве. Согласился выпить с ним с удовольствием. Разговорились. Поведал ему о домашних неурядицах. Он мне без отдачи предложил десятку на билет, и я уехал в Донецк, оттуда — в Макеевку. По-моему, все тут ясно. Мои показания легко проверить.

— Легко, — согласился прокурор, — если найти твоего собутыльника. А поскольку его нет, значит, трудно, даже невозможно. Ты брал ему два билета в железнодорожной кассе? Но он же был один?

— Сколько просил — столько и купил. Мне-то что, — Евгений немного начал раздражаться.

— Ну, а этот приятель почему сам не пошел покупать билеты? Он что, был занят?

— Нет. Сидел в зале ожидания. Сказал, что ему нельзя около касс появляться, — объяснил Коровин.

— Так был или не был с ним кто-нибудь второй?

— Чего не видел, того не видел, — ответил Коровин, — но, по-моему, никого с ним не было. Мы вдвоем с ним сидели и в буфете, и в зале ожидания.

Коровин неопределенно говорил о собутыльнике по вокзальному буфету. Евгений, якобы, этой ночью уехал к матери, потому что

поссорился с женой, заскучал по родному дому, а случайный приятель остался на станции.

Описанные Коровиным приметы собутыльника совпадали с показаниями буфетчицы Канаевой.

20

Когда Вершигородцев вошел в кабинет к майору Копылку, из комнаты выводили Евгения Коровина.

— Здравствуйте, то... гражданин капитан, — пролепетал виновато и растерянно парень и стал ловить взгляд сотрудника уголовного розыска.

Вершигородцев успел положить руку на плечо Евгению и жестко спросил:

— Все рассказал? Не вздумай играть в благородство.

— Вы меня вызовете? — умоляюще смотрел на капитана молодой человек.

Евгения увели в изолятор временного содержания, или как его сокращенно называют — ИВС, вместо прежнего КПЗ. Прокурор и заместитель начальника отдела ждали, что скажет вернувшийся из управления капитан. Ждали и молчали. Вершигородцев в раздумье стоял у окна. Первым нарушил молчание прокурор:

— Садись, Павел Иванович, в ногах правды нет. И рассказывай. — Мизинцев показал на стул рядом с собой. — Ты что такой взволнованный? Какие есть новости?

— Вы его напрасно задержали! Не он! Хотя от Коровина в нынешнем его положении можно добиться и протокола явки с повинной, — убежденно заявил капитан.

— Да, но согласитесь с нами, — начал прокурор, — лучшим подтверждением ваших слов, Павел Иванович, будет представление нам конкретного лица...

— Вы хотите сказать: дай человека, совершившего преступление?

— Совершенно верно. И тогда мы перед Коровиным извинимся. А сейчас улики прямо показывают на него.

Вершигородцев отстаивал свою точку зрения:

— Валерий Васильевич, в этом деле, очень тонком, надо разобраться. Тут одним напором не возьмешь.

— Похвально, что вы так уверены в своем подшефном, можно сказать, грудью за него, но не забывайте и полный, главный круг своих обязанностей — раскрыть преступление. — Это раздраженно вставил Копылок.

А прокурор подхватил:

— Да. Не увлекайтесь только адвокатскими речами. Нужны дела в этом случае, тем более, от старшего оперуполномоченного уголовного розыска.

Прокурор считал, что оружие юриста — красноречие. В судебных заседаниях у него это очень хорошо получалось, но в частных беседах с сотрудниками он быстро уставал. Впрочем, он был справедливым человеком, и, в сущности, очень мягким по характеру.

— Выходит, мы все зашли в тупик и не можем ответить на вопрос, кто совершил преступление?

— Кто совершил убийство? Это хотите у меня спросить? — Капитан, утомленный, пересел к приставному столику. — Я подозреваю Шаршнова. Считаю, надо немедленно его задержать.

— Вот как? — поднял вверх карандаш прокурор. — Черт возьми, по приметам и в самом деле им пахнет. Гадкая личность. Сколько уже с ним возимся.

— Гм, — почесал переносицу майор. — Я согласен. Павел Иванович, мотоцикл в вашем распоряжении. Берите любого, кто на месте, в помощники. Успеха! Позвоните из колхоза. Приедет Волвенкин, направлю вам машину. Обязательно разыщите участкового колхоза «Рассвет». Привлеките его к этому задержанию. Будьте осторожны, бандюга на все способен.

К колхозу «Рассвет» Вершигородцев подъехал в сумерках. Горелов уехал в ОРС, поэтому принять участие в операции не мог. С капитаном был сержант Кириллов. Вершигородцев не стал «делать крюк» и заезжать за участковым милиционером. Он несся прямо в нужное село.

А между тем дотошный Георгий Кириллов продолжал настойчиво доводить сочинение своего стихотворения до конца. И в большом, и в малом сержант оказался пытливым и педантичным человеком. Даже к общественному поручению он относился так же, как к уставному требованию или распоряжению начальника.

— Товарищ капитан, послушайте третье четверостишие. Пока вас не было, я его написал. Скажите, хорошо ли придумал?

— Ты что, здесь хочешь декламировать?

— А что?

— Тогда попробуй, другого времени может у нас с тобой не быть.

На свистящем при быстрой езде ветре неутомимый сержант милиции, жестикулируя рукой, прокричал:

Добавлю не фигуральности ради:
Держи свою выдержку крепко в тисках.
И, что б ни случилось с тобою в наряде,
Мы верим — оружие в надежных руках.

21

Однако поиски Шаршнова осложнились. Несмотря на поздний час, дома его не было. Жена ответила односложно: «Небось пьянствует». В хате все вверх дном. Мастерят что-то на полу четверо грязных пацанов. Грудной, пятый, на руках у хозяйки и кричит благим матом. Словом, семейка!

— А синяки-то на лице откуда? — спросил инспектор у худой, не по годам старой женщины. — Он приложился?

— Сдох бы, проклятый.

Всю ночь разыскивали в большой деревне Шаршнова. Под утро Вершигородцев оставил Кириллова с двумя депутатами сельского Совета в доме Шаршнова, а сам поехал на ферму в соседнюю деревню: Шаршнов мог там быть у сестры.

Подъезжая на мотоцикле к ферме, капитан издали заметил массивную фигуру колхозного шофера. Шаршнов сидел на перевернутом из-под корма ящике.

— Выпили на крестинах у кумы. Шумит, — сообщил сотруднику милиции Шаршнов и постучал кулаком по голове. — Что так рано в наших краях?

— Дела, да вот тебя увидел — вспомнил. Допросить тебя надо еще разок по медку. Садись в люльку.

— Шаршнов послушный, — садясь в мотоцикл, пробурчал тот. — А теперь куда? Только все напрасно. Не я пасеку брал. Так куда мы?

— Заедешь домой, переоденешься и в райотдел. Допрос по всем правилам.

— Гони прямо в Цавлю. Переодеваться не стану. И так узнают, кому надо. Сплетен меньше в деревне будет... Погоняй, оперуполномоченный.

Бычья шея Шаршнова надулась, стала фиолетовой.

«Довезти бы благополучно», — подумал капитан и не стал заезжать за Кирилловым. Будет слишком наглядно для Шаршнова. поймет, что обложили его, как медведя. А этого не следовало ему пока знать.

22

В это утро начальник управления рано выехал в Цавлю. С собой он взял своего заместителя Щеглова. А в девять утра он уже слушал доклад майора Копылка об оперативной обстановке в районе.

Дежурного офицера генерал Евстигнеев послал за вернувшимся из санатория начальником райотдела подполковником Парамоновым.

Андрей Николаевич Евстигнеев сел за стол начальника райотдела. Утренние лучи солнца светили в окно и золотили его погоны. Он неторопливо мял в пальцах папиросу.

— Накурюсь, пока жены нет рядом, — сказал начальник управления и прикурил от миниатюрной зажигалки. А когда вошел подполковник Парамонов, спросил его: — Не икалось в Сочах? Вспоминали. Уехал — и тут на тебе!

— Не было меня... — оправдывался Парамонов.

— Ну и ладно, — примирительно заключил Евстигнеев, — как отдохнул?

— Успел загореть, морской водичкой побаловаться.

— Видим, видим, — поддержал разговор Щеглов. — Подрумьянился, посвежел, теперь за работу.

Несмотря на свои пятьдесят лет, подполковник Парамонов выглядел молодожаво. Старился только лицом.

— Продолжайте доклад, Александр Иванович. — Генерал Евстигнеев пригасил в пепельнице окурков. — Извини, что прервали. Итак, убийство сторожа Леонтьева. Какие улики против Коровина?

— Пуговица от его рубашки — раз, — констатировал Копылок.

— Дайте мне ее разглядеть, — попросил начальник управления.

Копылок подал. И продолжал:

— Два билета. Найдены на складе. Кассир вокзала подтверждает, что покупал их Коровин, — это два.

— И что же третье? — торопливо спросил начальник управления.

— Третьим можно считать два обстоятельства: исчезновение в ту ночь Коровина и пьянство его с неустановленным лицом в буфете вокзала до двух часов. Главное, конечно, пуговица от его рубашки, — закончил Копылок и добавил: — Осложняется тем, что сам Коровин не дает вразумительных ответов. Поэтому мы не могли его не задержать. Все обдуманно, конечно, с прокурором.

— А вы не допускаете, что Коровин подставное лицо? Потому что, как я ни смотрю на пуговицу, она не вырвана, а отрезана. Можно ли представить, что Коровин сам у себя срезал, к примеру, лезвием безопасной бритвы пуговицу и бросил ее на складе? Мол, ищите меня, визитную карточку я оставил.

— Да, но нужно найти убийцу, прежде чем снять полное подозрение с Коровина, — ответил майор Копылок.

— Безусловно. За этим, думается, дело не станет, Вершигородцев звонил, как идут у него дела? Нет? Непорядок! Шаршнова нужно немедленно проверить. А сейчас пригласите сюда Коровина, — приказал начальник управления.

Через минуту дежурный по отделу ввел в кабинет Коровина.

— Евгений Коровин, да? — спросил Евстигнеев.

— Так точно.

— Почему же вы не помогаете милиции раскрывать преступление?

— Я могу и вам, гражданин генерал, повторить. Уезжал я к матери. Могут там подтвердить. Ну, а пить — пил в буфете. Не знаю, с кем. Ему я брал в кассе два билета... Просил. Перепил я сильно с горя. Семейной жизни не получилось. Ничего не помню. Вообще не представляю, как я сел в таком виде в поезд. Слышу, объявляет проводник: «Донецк». Вышел, на автобус — и в Макеевку, к матери и сестрам. Напоил меня случайный собутыльник крепко.

— А возможно, и умышленно, — вставил Парамонов. — Эх, ты, Женька! Сколько Павел Иванович с тобой хлопотал... Непорядки в личной жизни — к нему надо было идти, посоветоваться, а ты на вокзал...

— В лапы к матерому преступнику, — тяжело вздохнул полковник Щеглов.

Начальник управления прервал молчание:

— У матери вас было много, Евгений?

— Семь душ.

— Чай, тяжело было ей поднимать вас на ноги?

— Куда мать не кидалась, чтобы нас прокормить, а тут я неудачный. Узнает, что меня снова... с горя умрет.

— У тебя одна задача — помочь нам найти твоего собутыльника.

— Я его запомнил. Приземистый, здоровый, как штангист, сильный. Физиономия — что свекла корешком вверх.

— В общем, прими наши извинения за то, что переночевал в милиции и... — Начальник управления не успел договорить. Вбежал дежурный офицер и растерянно произнес:

— Вершигородцева подобрали в кустах. Ранен. Везут сюда. Звонили из сельсовета.

— Что-о? — Евстигнеев ударил кулаком по спинке стула. — Коровин, это работа твоего собутыльника. Направить группы на вокзалы — железнодорожный, автобусный, в аэропорт. Закрыть все ворота Шаршнову!

23

Коровин, выскочив из райотдела, никак не мог привести свои мысли в порядок. Что нужно сделать в первую очередь? Что? Его сердце переполнилось болью за дорогого ему человека — Вершигородцева. На ступеньках крыльца Евгения догнал Горелов. Остановил за плечо.

— Куда сломя голову несешься? Хитростью надо, понял? Шаршнову теперь все равно, кого на тот свет отправить.

— Что мне делать?

— Сперва остудись. Ищи его вдоль железной дороги. У него другой дороги нет. Объясни ему, что тебя милиция ищет. Просись с ним в бега. А там найди возможность нам сообщить — хоть с Камчатки. Понял?

— Я буду ходить вдоль насыпи, за вокзалом.

24

...От деревни Вершигородцев вырулил на пригорок, к редкому кустарнику: через него пролегла проселочная дорога. Три километра, а там большак. По раннему утру безлюдно вокруг. Опытный сотрудник уголовного розыска привык действовать смело и решительно. Он на приличной скорости отъехал от села. Еще слышалось где-то кудахтанье кур, а дорогу уже с двух сторон стали теснить кусты орешника и мелкого ельника. Из травы, точно первомайские флажки над колоннами демонстрантов, выглядывали кумачовые, синие, желтые, голубые цветы.

Едва мотоцикл тряхнуло на ухабине, Шаршнов приподнялся. Вершигородцев вцепился в руль, чтобы не опрокинуться. И в эту же секунду понял, что проиграл. Шаршнов рывком достал из-за голенища своего сапога финку и ударил ею в спину капитана. Затем сделал толчок в бок офицеру, и Вершигородцев полетел с сиденья. На лету сотрудник милиции выхватил из бокового кармана пиджака пистолет. Раздался один, второй выстрел. Шаршнов, помышлявший добить капитана на земле, прыгнул из люльки на место Вершигородцева, слился с мотоциклом, до упора повернул ручку газа. Мощный «Урал» рванулся вперед, оставляя за собой облако пыли. Старший оперуполномоченный потерял цель. А в следующую минуту дорога, деревья поплыли перед глазами. Он терял сознание. Очнулся — вокруг незнакомые люди. Кто-то рассказывает: «Слышу: бах, бах, выстрелы!» Подъехала машина. «Живой? Осторожно берите, сюда его, в кузов, на солому...» Капитана спешно повезли в больницу, внесли в палату.

Шаршинов, воспользовавшись безлюдной проселочной дорогой, незаметно вытащил из-за голенища своего сапога финку и с резкой силой ударил ею в спину капитана.

Потеряв много крови, он никак не мог справиться с ознобом. Сухие губы твердили одно слово: «Зябко». Его укрывали одеялами, но он по-прежнему не мог согреться.

В больнице Вершигородцева начало бросать в жар. Он стал бредить. У постели чуть-чуть посидел генерал. Затем он уступил место Елене Тимофеевне. Она плакала.

Врач пригласил Евстигнеева и Парамонова к себе в кабинет. И озабоченно сказал, сочувствуя собеседникам:

— Мне самому не по себе. Я преотлично знаю Павла Ивановича. Как-то пацаны сложный аппарат через окно из комнаты больницы утащили. Нашел капитан огольцов. Трудяга-человек, каких мало...

— Спасибо за добрые слова, доктор. — Голоса у подполковника и генерала дрожали. Фронтовики ведь, а как разволновались.

А доктор продолжал:

— Ранение у Вершигородцева тяжелое. Опасное. Удар прошел в миллиметре от легкого. Много потеряно крови. Несколько часов не приходил в сознание. Сейчас ему чуть лучше. Волевой он человек. Одно слово, как и вы, фронтовик. Таких лечить и врачам нетрудно. Поставим на ноги капитана, не беспокойтесь. Через денек-второй можно будет с ним и поговорить.

Тут же в коридоре, около палаты, где лежал в забытьи Павел Иванович, дежурил и Георгий Кириллов. Он, как и все сотрудники райотдела, очень волновался за состояние здоровья капитана Вершигородцева, своего любимого наставника. Сержант продекламировал сам себе четвертое четверостишие сочиненного им стихотворения:

За то, что отважный и строгий ты воин,
Тебе наш глубокий сердечный поклон.
Всегда будь заветов великих достоин,
От всех отведи и беду и урон.

А на словах сержант решил сказать капитану, что, сочиняя эти стихи, он видел перед собой безупречную службу Павла Ивановича, он, Вершигородцев, пример для подражания всем милиционерам.

Милиция действовала. В поиски преступника включилось областное управление внутренних дел. Все вокзалы, дороги, аэропорты были взяты под наблюдение. Выполнял поручение генерала Евстигнеева и Коровин. Хрустели у него под ногами стебли бурьяна, ветки кустарника. Евгений выбился из сил. Надвигалась ночь. И никаких результатов. Он несколько раз пытался припомнить подробности разговора с Шаршновым. Теперь он не сомневался, что его собутыльник в буфете вокзала и Шаршнов — одно и то же лицо. Вконец измучившись, он сел на траву у маленького шалаша: видно, кто-то из детворы соорудил. И тут Евгений вспомнил, что в буфете Шаршнов говорил ему: «Если надо будет укрыться от милиции, приходи за мост, к копнам сена. В одной из них мой шалаш. За мостом и поезда тише идут. Можно уехать на товарняке».

Коровин вскочил. Он торопливо зашагал по шпалам железнодорожного моста. Внизу бурлила река. Евгений оглянулся. Поселок — как на ладони. Неровные улицы, переулки и десятки электрических лампочек на столбах. Вокзал весь в огнях. Сон, который только что морил Евгения, как рукой сняло. Еще сотня шагов — и поляна с копнами. Дальше темные пятна опушки леса.

Коровин спустился с откоса. Шуршала под ногами галька. И тут от одного из стогов отделился человек, огромный, как глыба. Это он, Женькин собутыльник, Шаршнов. Бандит признал Коровина.

Коровин помогал искать убийцу. Евгений догадался, что укрывается Шаршов за мостом, в копнах сена, у густого ельника, и побежал туда.

— Откуда взялся, суслик?

— Надо мотать. Милиция на пятки наступает. Убийство мне клеют.

— Напрасно не приклеют. Видно, после нашей выпивки в мокрое дело влип. Теперь, парень, мотай отсюда. Я тебе не пара. Впрочем, я тоже втюрился. Рву когти.

— На товарняк? Здесь вспрыгнем на подножку вагона?

— Большая скорость. Придется у вокзала садиться. — Шаршнов привалился плечом к одинокой ели. Деревце согнулось от тяжести. Страшно вдруг стало Коровину. Он пошатнулся.

— Ты что? Земля не держит?

— Оступился.

— Ладно. Через мост не пойдем. На лодке.

Шаршнов и Коровин спустились к реке. Нашли припасенную Шаршновым в кустах лодку.

— Садись за весла, — прохрипел Шаршнов. От него разило самогоном.

«Пьяный, скотина», — подумал Коровин и налег на весла. Шаршнов с медвежьей силой оттолкнулся от берега.

— Твоего благодетеля, да и моего тоже, Пашку Вершигородцева, секанул по брюху. Блаженный. Верную дорогу все для нашего брата ищет. Преподнес ты ему тоже пиллюлю. Воспитатель! Куда прешь! — зашипел Шаршнов. — Там топь, бери правее, к камню.

Оба вылезли на противоположном берегу. Прошли густые заросли. Осмотрелись. Рука бандита коснулась Коровина. Нервное ее напряжение передалось Евгению. Он вдруг засомневался: не хватит, пожалуй, сил задержать. От этой мысли даже вспотел. Громко билось сердце.

— Ложись, — приказал Шаршнов, указывая место поближе к пыхтевшему локомотиву товарняка. — Вот-вот пойдет. Сбегай на вокзал, купи папирос. Жратвы тоже. Голодный, как волк, понял? На червонец. Своих-то, видно, нет.

— Боюсь, — медленно произнес Коровин.

Понравилось это Шаршнову. «Не терпится улизнуть».

— Не бойся. Держись вдоль состава. Прямо выйдешь к вечернему ларьку. Ступай, разомнись. Здесь буду ждать. Поспеш. Этим товарняком уедем. Слышишь, стучат молотки по колесам. Готовят к отправке.

Коровин встал и беспечной походкой обошел товарный состав. Подождал, пока мимо пронесся скорый поезд, и вышел на перрон. Предупредил, кого следовало, купил папирос и бутербродов и тем же путем вернулся к товарняку. Локомотив медленно тронул состав. Коровин сел в тамбур первого вагона и посмотрел туда, где остался Шаршнов. Ни души. Коровин уже решил спрыгнуть с подножки вагона, но тут заметил бандита. Он крупными прыжками догонял вагон, в тамбуре которого ехал Коровин. Евгений подал руку, Шаршнов ухватился за нее одной рукой, второй сжал скобу. И влетел в тамбур. А затем от сильного удара в спину проскочил его и вылетел в противоположную дверь. Ухнул плашмя на железнодорожный гравий и заревел, как раненый зверь. Коровин обхватил его руками и придавил к земле. На помощь бежал постовой милиционер.

— Сыроват, суслик, — простонал Шаршнов и успел подмять под себя Коровина. Но в эту минуту бандит почувствовал у своего горла кольцо чьей-то сильной руки. Шаршнов захрипел и выпустил Евгения. Помогая милиционеру, Коровин обхватил голову бандита руками, зажал рот и нос. Задыхаясь, Шаршнов вскинул правую руку вверх. Но милиционер, молодой и ловкий, сразу же схватил ее и через плечо стал выгибать до тех пор, пока бандит не запросил пощады. Щелкнули наручники.

— Гаденьш, — ядовито прошипел Шаршнов. Налитые кровью глаза его уперлись в тяжело дышавшего Коровина.

— Это, подонок, тебе за Вершигородцева, за сторожа Леонтьева и за себя, — вырвалось у Коровина. — Пуговицу обрезал.

— Жаль, что кишки не выпорол, — желчно сплюнул Шаршнов.

Коровин из дежурки вокзальной милиции позвонил по телефону в районную больницу.

— Сестричка, как Вершигородцев Павел Иванович?

— А вы кто ему будете? — спросила дежурная медсестра.

— Сын я ему, сын.

— Температура тридцать шесть и восемь, дело пошло к лучшему. Не волнуйтесь. Через каждые пять минут то родственники, то товарищи звонят. Неделька — и он будет, как новенький.

— Спасибо. — Коровин осторожно положил телефонную трубку. Улыбка застыла на его осунувшемся лице.

Только дома, вернувшись ровно через месяц из больницы в сопровождении сияющего от счастья Женьки Коровина, Павел Иванович почувствовал колоссальное облегчение.

Капитан (теперь уже майор) признательно взял за нежные руки жену и с легким смущением произнес:

— Прости.

Елена Тихоновна трогательно расцеловала мужа, помогла ему снять китель, в котором он угодил в больницу, дала ему возможность поплескаться около умывальника, нарядила его во все чистенькое и усадила всех за мирный, заботливо уставленный вкусными блюдами стол.

Но тут шумно открылась дверь и в комнату вбежала разбитная дочь старого учителя Власова — Настя.

— Павел Иванович, я мчалась к вам на всех парах, потому что видела того бандита... ну того, который в то утро шел со стороны огородов к складу... когда сторожа Леонтьева убили.

— Где же он? — серьезно, скрывая иронию, воскликнул Вершигородцев.

— Его повели в наручниках два милиционера.

— Дорогая ты наша свидетельница, — благодарно окинул взглядом боевую гостью майор, — тот бандит уже арестован и браво за это моему спасителю Евгению Коровину.

— Очень хорошо, что он ваш спаситель, а я с ним и разговаривать не хочу. Представляете, Павел Иванович, Елена Тихоновна, полгода за мной ухаживал, а женился на другой...

— Сейчас это можно поправить, — с готовностью, улыбочиво отозвался Женька.

— Как это так, — не на шутку удивилась зардевшаяся девушка, — ты что ж, как турецкий паша, хочешь занять гарем?

— Ничего подобного. Свидетельство о разводе с Витюгиной в нагрудном кармане и греет душу, — констатировал довольный Коровин.

— О, тогда тебе вдвойне повезло. Еще и потому, что у меня уже куплены два билета на концерт. Приглашаю.

— С удовольствием.

Когда веселые Настя Власова и Женя Коровин ушли, Елена Тихоновна любовно проводила их взглядом и вымолвила тихо:

— Хотя бы им теперь повезло.

— Мне кажется — прекрасная пара, — согласился задумчиво Вершигородцев. — Ну, а со мной что будет начальство делать? Сам на пенсию не уйду. Еще подумают, что сдрейфил. Получил, мол, «майора» и — в кусты. Вот, если предложат — тогда другое дело.

Жена притворно тяжело покачала головой: «Вряд ли найдется где еще такой человек...»

1975—1978

ВСТРЕЧА С ДРАКОНОМ

**ВСТРЕЧА
С АРАКОНОМ**

ПОВЕСТЬ

С капитаном Вихревым Юдин расследовал дела в паре несколько лет. Им даже дали прозвище литературных героев Конан Дойля. И, действительно, Георгий Юдин привык к Руслану Юрьевичу, а он, надо думать, к нему. Но пришлось им ненадолго расстаться. Юдину предписывалось выехать в Ленинград подковаться, как говорится, в теории, а Вихрев оставался заниматься практикой, набираться классного мастерства. Хотя и без того о нем, как о везучем следователе, ходили легенды не только в областном управлении внутренних дел.

Когда Юдин вернулся с академических курсов, Руслан Юрьевич уже имел майорские погоны. Но и Георгий из старшего лейтенанта превратился в капитана. Они сразу стали искать возможность выехать на какое-нибудь происшествие вдвоем. Случай не заставил себя ждать.

Как-то под вечер в дежурную комнату управления вошла немолодая женщина. Нетрудно было догадаться, что появилась она там неспроста. Озабоченный вид говорил о том, что у нее имеется серьезное дело. А бледное лицо, запыленные туфли, волнение, нерешительность заставляли думать, что она приехала издалека и визит в милицию ей дался нелегко.

Она попросила встречи с Русланом Юрьевичем Вихревым.

— Вы хотите встретиться именно с ним, или вас устроит любой другой следователь? — попытался уточнить дежурный. — Вы знакомы с ним лично?

— Желательно только его. Сама товарища Вихрева не знаю. Но слышала о нем, да и читала в прессе. Он ловко распутывает уловки жуликов, а я приехала из Загорьевска именно по такому делу.

Им, сотрудникам милиции, кажется, что успехи служебного мастерства отражаются лишь на оперативных совещаниях, да в послужном списке, но нет — от народа и это не скроешь.

Проходивший мимо дежурной части начальник следственного отдела УВД Виктор Викторович Белов пригласил женщину к себе, в кабинет.

— Что у вас?

— Да как вам сказать, — уклончиво произнесла женщина, все еще собираясь с мыслями.

— Ну уж выкладывайте, не стесняйтесь, попытаемся разобраться. — Начальник следственного отдела пододвинул ближе к себе пепельницу, размял сигарету, но не закурил. — Что вас привело к нам?

— Да вот неладно у нас не почте вышло. Мне скоро пять десятков стукнет. Половину из них проработала в районном узле связи. Одна такая там осталась. Как говорится, последний из могикан. Вокруг солидных людей нет, одна молодежь. А с нее какой спрос? Да и по характеру я такая, что не могу закрывать глаза на беспорядки.

— Ну, ну, — подбадривал женщину полковник милиции. Ему хотелось конкретности и откровенности. — Я вас слушаю.

— На почте пропала сумка с деньгами. А начальство не заявляет. Сергей Иннокентьевич Любарский думает, что — найдется. А теперь с нас собирают, чтобы погасить недостачу. Разве это правильно?

— А что это за сумка?

— Госбанковская сумка, брезентовая, с металлической застежкой. Ее у нас называют страховой сумкой. В нее начальник Воскресенского почтового отделения Полина Яценко запломбировала десять тысяч рублей, а до нас деньги не дошли.

— Поясните, пожалуйста.

— Это деньги от переводов, собранные от граждан за неделю. Полина Яценко, с ее слов, опечатанную страховую сумку положила в почтовый мешок среди писем, бандеролей. Содержимое мешка она перечислила в реестре. Опечатанный мешок и реестр передала тому, кто занимается кольцевым объездом всех сельских почтовых отделений и собирает почту — шоферу Холодняку и его напарнице сопровождающей Галке Семирухиной. Но вся беда в том, что Яценко, якобы, забыла в реестре написать, что в почтовом мешке лежит страховая сумка с десятью тысячами. И кто-то воспользовался этим.

— А может быть, Яценко не вложила в мешок сумку с деньгами?

— Не исключено. Хотя она — передовик производства. Я с ней работаю лет двенадцать, ничего плохого не замечала.

— Но как она могла забыть написать в реестре о самом главном?

— Представления не имею. Но я другое хочу сказать: какая молодежь пошла: лентяи, бездельники, гулены, грубияны, алчные до денег. Работать не хочу, а зарплату дай высокую. Взять нашу почту — все молоденькие со школьной скамьи, спешат пораньше убежать с работы, чтобы ринуться в общежитие к итальянцам. Они у нас обуюную

фабрику строят. Сами иностранцы не могут от них отбиться... Курят, пьют, как сапожники. Извините, может, преувеличиваю, есть и у нас, конечно, хорошие девушки. Взять хотя бы Валюшу Цепко. Вожаком молодежи ее считают. Решительная. Она и воюет с такими, как Ахторина, Щербакова, Барабанова.

Полковник нажал кнопку электрического звонка, вмонтированного под крышкой стола. Вошла секретарь. Полковник попросил пригласить к нему Вихрева и Юдина.

Им было предложено записать показания гражданки, назвавшейся Тарасовой Евдокией Петровной. Что они и сделали. А когда озадачившая милицию посетительница ушла, Белов молча, пытливо, вроде бы изучающе, посмотрел на примолкших сыщиков. Они ответили ему таким же долгим, многозначительным взглядом.

— Вы что уставились, точно видите меня впервые, — полусерьезно спросил Белов. — Выкладывайте свои мысли по заявлению Тарасовой.

— М-да, — проронил Вихрев. — Не знаю, что и думать. Моя голова пока на этот счет без особых мыслей. Во всяком случае, один подозреваемый по делу уже есть.

— Заявительница?

— Точно.

— Доказательства?

— Почему загорелась она желанием ехать к нам за сотню километров, хотя в Загорьевске есть своя милиция и прокуратура, — вставил Георгий Юдин.

— Ты же слышал, что она ответила — сюда надежнее. Там, якобы, начальники друг друга покрывают. А Любарский — приятель прокурора, — прокомментировал Вихрев.

— Какие у вас есть еще аргументы, чтобы заподозрить Тарасову?

Вихрев стал оживленно, не особо заботясь о логике, загибать один за другим пальцы:

— Тарасова — работница почты, а кто-то же из них похитил страховую сумку — раз; больше всех заинтересована придать происшествию гласность — два, в-третьих...

Руслана Юрьевича остановил начальник:

— Хватит, достаточно. Сейчас нам не до шуток. К тому же у вас будет время поломать голову над версиями. Принимайте дело к производству и выезжайте в Загорьевск. На передовую линию огня.

Оттуда виднее. А против твоих, Вихрев, пунктов в отношении заявительницы я могу выставить столько же, освобождающих ее от подозрения. У нее, на мой взгляд, есть и алиби. Женщиной могут руководить честные мотивы.

— Соглашусь с вами, Виктор Викторович. На меня и моего, надеюсь, коллегу Тарасова произвела неплохое впечатление. Но, как известно, даже самый безобидный человек не так прост уже по одному тому, что чужая душа — потемки. Уверен в одном: нас с капитаном ждет очередное дело...

— Ждет запутанное, непростое дело. Поторопитесь в дорогу.

2

На следующий день, рано утром, прежде чем идти на почту, Вихрев и Юдин заглянули к начальнику Загорьевского районного отдела милиции подполковнику Борисову. Он их словно ждал:

— Вот и они: Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

О пропаже страховой сумки на почте он все знал. Перед нашим приходом сам беседовал с Тарасовой, у которой в подозреваемые угодила Полина Яценко.

— Почему?

— Тарасова неожиданно заявила вчера, к ночи, в Воскресенское отделение связи и на столе у начальницы отделения среди бумаг нашла настоящий реестр на этот злополучный мешок с почтой. В нем значилась сумка с деньгами. Но Яценко почему-то переписала его. В новом реестре в графе, где записывается сумма денег в страховой сумке, «забывает» написать «десять тысяч»? По забывчивости ли? В спешке ли? А может быть умышленно, тогда какую преследовала цель?

Загорьевск прибывшим сыщикам хорошо был известен по прежним командировкам. Они заблаговременно заняли места в гостинице, будучи уверенные, что в городе им предстоит прожить не один день. Умылись, побрились с дороги и около десяти утра капитан и майор стояли перед двухэтажным обветшалым кирпичным зданием районного узла связи.

Еще через несколько минут они входили в кабинет начальника почты Любарского, рослого, молодого мужчины с сочным баритоном. Все запахи почты поселились и в этой комнате.

Однако, едва открыв дверь, были встречены сухим раздраженным голосом хозяина кабинета:

— Я занят.

Майор Вихрев, не торопясь, подошел к письменному столу и предъявил начальнику удостоверение личности. Он не ждал следователей, но и не удивился, даже знал, что о пропаже денег сообщено в милицию. Руководитель почты суетливо протянул руку и отрекомендовался:

— Любарский Сергей Иннокентьевич.

Только теперь друзья разглядели, что кто-то в кабинете начальника узла замер по стойке «смирно». Это была Тарасова и детективы не знали, объявлять ее им знакомой или нет. Как для нее лучше. На всякий случай без всяких эмоций поздоровались с ней. Она беззвучно ответила шевелением губ и вышла.

Ей вслед Любарский крикнул:

— Все время я вас отпускать с работы не могу. Вчера отпрашивались, сегодня с утра куда-то уходили и снова — сюрпризы. Продолжайте работать. Мне нечем вас заменить.

И уже заезжим детективам:

— Времечко пришло для начальников. Демократия. Гласность. Ни с кого нельзя потребовать четкости в работе, зато с меня три шкуры дерут.

Следователи попытались заинтересовать его тем делом, ради которого приехали в Загорьевск. Любарский объявил, что он рад приезду «знатных гостей»:

— Сколько позволяло время я сам пытался разыскивать страховую сумку. Но успеха не имел. Такую пропажу не замажешь. Это не десятка, а десять тысяч. Впрочем, допустил ошибку: нужно было сразу обращаться в милицию.

Любарский вышел из-за стола и во всем своем огромном росте предстал перед сыщиками. Вид у него был внушительный, но и удрученный. Вихрев попросил Любарского ввести их в курс дела. Начальник быстро вернулся к столу, открыл один, второй, третий ящик, наконец, нашел то, что искал. Это было заявление от начальника Вознесенского сельского отделения связи Полины Иосифовны Яценко.

«Докладываю, — писала она, — что мною 23 сентября была вложена страховая сумка с десятью тысячами рублей в

почтовый мешок. Уведомление о получении этих денег ко мне до сих пор не поступило».

Любарский повел следователей показывать помещение почты. Миновав узкий коридор, по деревянной лестнице втроем спустились со второго этажа на первый, рабочий. Пахло сургучом, фруктами, отправляемыми в посылках, клеем. За стеклянным барьером девушки стучали штемпелями. Лица работниц серьезные, напряженные, в глазах отражалось холодное ожидание неприятного. Угадывалась гнетущая атмосфера, царившая на почте.

Пропавшая сумка с деньгами здесь была притчей во языцех, каждому, надо думать, было неловко до тошноты от мысли, что его могут заподозрить в мерзком преступлении.

Первая, с кем надо было детально побеседовать и кого официально допросить, в списках значилась начальница Воскресенского отделения связи. Она не заставила себя долго ждать. Открылась дверь: и следователи услышали бодрый и смелый голос дородной женщины лет сорока:

— Разрешите? Кто тут меня вызывал? Кому я понадобилась?

Яценко была весела, добродушно-беззаботна, словно не у нее выкрали сумку с деньгами. Она стояла на пороге выделенного именитым сыщикам кабинета, заслонив собой широкий дверной проем. Ждала приглашения. А когда его получила, поставила рядом два стула и села на них.

Полина Иосифовна сразу же бросилась в атаку:

— Да на кой ляд мне эта авантюра! Еще чего не хватало! Я сумку не клала? Какой подлец может такое сказать? Нашли у меня настоящий реестр от того мешка с записью о десяти тысячах? Ну и что? Заполнила его, да среди бумаг потеряла. Новый настрочила, но в нем уже не записала про деньги. Да у меня в голове не одна эта запись. Сама и за почтальона, и за телефонистку, и за газетного подписчика.

— Сами вы никого не подозреваете? — спросил Вихрев.

— А как же, еще как! Те же молодожены, я их так называю, Холодняк и Семирухина в прошлое воскресенье поехали в Киев и на грузовом такси привезли гарнитур. Спальный. На какие шиши? По сто рублей оклады. Видно, на мои денежки шиковали. Мешок почтовый им вскрыть и заново опечатать плевое дело. Я уверена, они давно уже с моей печати сделали себе дубликат. Эти жулики, видать, месяцами

готовились к разбойному нападению на мой почтовый мешок. В реестре карандашом написали «нет» по графе о страховой сумке. А Холодняк, по-моему, судимый. С них начинайте. Припугните их как следует и выложат денежки, если у них остались после поездки в столицу Украины.

3

Наработавшись за день, поздно вечером капитан и майор возвращались в гостиницу. Лишь благодаря тому, что ни Юдин, ни Вихрев не курили, головы после работы оставались ясными, чистыми, способными продолжать мыслить уже в номере, в креслах.

Наработавшись за день, майор и капитан медленно, не торопясь, возвращались притихшими улицами заштатного городка к себе в гостиницу. Но и там, они точно знали, их мысли будут заняты загадочным исчезновением на почте сумки с деньгами.

Горничная только была недовольна. Она, фыркнув, наигранно произносила:

— Фу, как вы сургучом пропахли. Опять копались весь день на почте среди бандеролей и посылок. Знаю, знаю, что там деньги исчезли.

Дотошно и кропотливо «Шерлок Холмс и доктор Ватсон» собирали воедино, казалось бы, случайные штрихи и детали. Вылепливали из малозначительных фактиков и сведений и характеристику всего коллектива, и картину пропажи денег. Накапливалось много данных. Друзья наметили и проверяли несколько концепций. Сопоставляли добытые сведения, факты, выясняли, какие из них ценны и относятся «к их» делу. Достоверность очень многих информации не подтверждалась.

В гостиничном буфете они наедались булочек с кефиром и шли в тихий холл посидеть на диване. И порассуждать. Работа в милиции одних делает разговорчивыми, общительными, других сдержанными, серьезными. У Юдина с Вихревым было и того и другого понемножку. Когда выдавались вечерами лирические минуты, отдых в полном смысле, они расспрашивали друг друга о жизни. Так Юдин узнал, что с девятого класса, после гибели отца, Руслан Вихрев все свободное время посвящал спорту, готовил себя к службе в милиции. То, что будет работать следователем, он не сомневался. Тренировал молодое сердце для экстремальных ситуаций. Поэтому он и сейчас в свои сорок по-юношески поджарый, энергичный, умеющий как должное выносить эмоциональные перегрузки.

Школьником он по привычке бегал на городской шумный перекресток, где долгие годы с милицейским свистком и пистолетом стоял на посту его отец. Пожилой старшина, сменивший погибшего коллегу, по-мужски крепко прижимал парня к себе и глухо, проникновенно заявлял: «Скоро я уйду на пенсию. Пора. Ты отслужи армию и занимай отцовский пост».

Руслан и сам мечтал об этом. Но его матери не нравились разговоры о службе в милиции. Идти сыну по стопам отца для женщины многое значило. С одной стороны, боялась за Руслана, а с другой, понимала: хорошо для сына продолжить отцовское дело.

Взволнованно, растроганно обнимала она сына, когда тот, после окончания юрфака пришел домой в милицейской форме с погонами лейтенанта. Но годы летят так быстро, что кажется дни проходят медленнее. Вот он уже майор, густая и черная когда-то как смоль

шевелюра усеяна серебристой блесткой. Юдин чуть моложе был его, да и то каждое утро находил на голове новые сединки, словно белые ниточки. А лица их украшать стали морщины. Иначе не бывает. Приходится мириться и воспринимать все как должное.

Новое дело пленило коллег. Они с головой ушли в него. Допросили всех без исключения работников почты. Даже мелкие противоречия в их показаниях устранили на очных ставках.

Из пятидесяти трех сотрудников узла связи двадцать семь человек в тот день не были в здании почты. Это почтальоны, разносчики телеграмм, те, кто был в отпуске, отгуле, после ночной смены. Остается двадцать шесть человек. Из них бухгалтерия, уборщицы, телеграфистки, конюхи, — двенадцать работников. Эти лица непосредственного отношения к мешкам с корреспонденцией не имели. Круг поиска виновного сужался. Он был среди четырнадцати человек. Но и Любарского не было резона подозревать. Таким образом, оставалось тринадцать. Чертова дюжина.

Хотя, если следовать рассуждениям Любарского, философская позиция которого была — скептицизм, то можно было навести тень на каждого почтового работника, из пятидесяти трех.

Холодняка и Семирухину допрашивали дважды. Но так как накапливались неосвещенные вопросы, следователи их пригласили в третий раз.

Влюбленные заявили, как всегда, вдвоем, юные, одухотворенные, с сияющими от счастья глазами. Лишь от того, что они были вместе, ухватившись за руки, им было радостно. Они олицетворяли собой молодость, хотя и омраченную: Галя уже выходила замуж, но развелась, а Николай отбыл два года лишения свободы за кражу и в связи с этим в свои девятнадцать с половиной лет он не имел перспективы служить со своими сверстниками в армии.

Держались «молодожены» на следствии с такой неподкупной искренностью, так естественно, так правдоподобно, что их грешно было заподозрить не только в краже сумки с деньгами, но даже в том, что они с кем-то из знакомых не поздоровались утром.

— Да, — от стеснения, затаив дыхание, произносит Галя, — мы с Колей решили пожениться. Мы еще не знаем точно, когда сыграем свадьбу...

— Что, если бы я потребовал от вас декларацию, отчет, так сказать, об истраченных на мебель деньгах, как бы вы объяснились: — Вихреву,

чувствовалось, и самому неловко намекать на то, что будущих молодоженов подозревают в краже сумки с деньгами.

— Мы купили «жилую комнату», — ободренная взглядом Николая, отвечала Галя. — Нам три тысячи дала соседка-бабушка. Но вы ее не сможете спросить об этом. Она позавчера умерла.

— Значит, перед самой смертью подарок вам сделала?

— Да-а, мы ей так благодарны. Коля был у нее за родного внука. Мы ее похоронили. Она была одинокая.

Так же стеснительно, мягко в разговор вступил Николай:

— Если мы угодили в подозреваемые, то напрасно. От Яценко мы получили почтовый мешок опечатанный и сдали его в районной почте Высоцкой опечатанный.

— Она при вас его распечатывала?

— Должна была при нас, если бы в реестре значились деньги, а так как по реестру страховая сумка не показана, то почтовый мешок она обязана была, не распечатывая, передать для выемки бандеролей и ценных бумаг Барабановой.

— Да, но нам известно, что Высоцкая раскрывала почтовый мешок.

— Мы этого не видели, честное слово. — Галя раскраснелась как маков цвет. Николай гладил руку молодой женщины. Точно этими движениями успокаивал ее.

Впрочем, они не очень-то волновались. Либо не чувствовали за собой ни малейшей вины, либо... очень опытные, искусно играют роль безумно влюбленных?

Но следователи все-таки исключили их из круга подозреваемых. Профессиональная проницательность — плод долгой вдумчивой работы. Вихрев ее имел и Юдин с ней не мог не считаться. Он не раз демонстрировал младшему другу свое умение быстро и верно отгадывать какую-нибудь скрытую следственную сущность. Проницательность Вихрева основывалась на знании, опыте, умении. Но даже сейчас, отделив незримым забором тех лиц, которых решили следователи тщательно проверить, от остальных почтовых работников, невольно сомневались, не остался ли преступник за намеченным кругом.

Тогда может случиться самое тяжелое, даже непоправимое: сыщики укокошат уйму времени на пустую ненужную следственную

работу, выбьются из сил, упустят, наконец, момент, а преступник в темпе сколотит себе алиби.

4

Легкой стремительной походкой входила к приезжим детективам и помогала вести следствие вожак молодежи почты, как ее называли, Валя Цепко. Быстрым говорком, едва переводя дыхание, она сообщала все добытые за день сведения. Близоруко, через очки смотрела на них, а следователи на нее, ангелоподобную. Она умоляюще поднимала большие серые глаза и строчила как из пулемета:

— Если бы человек каждое утро просыпался с мыслью побольше за день сотворить добра, то никогда бы не случались преступления. Говорят пушкинисты, что Александр Сергеевич не мог прожить и часа, чтобы кому-нибудь не сделать приятного.

Но весь ее разговор, между характеристиками, которые она давала своим комсомольцам, сводился к тому, чтобы побыстрее найти подлого вора. И в то же время она не верила, что кто-то из ее девчат мог пойти по кривой дорожке.

Кропотливо, наблюдательно и дотошно коллеги продолжали вести следствие. Пришло время допросить выемщицу денежных средств Анжелу Высоцкую. Следователей интересовал вопрос, с какой стати она распечатала почтовый мешок, если делать этого она не имела права, так как по реестру в нем не значилась страховая сумка.

— Автоматически сорвала пломбы, по привычке, — подняла удивленно тоненькие плечи Анжела. — Сначала распечатала мешок, потом глянула в реестр. Не увидев в описи страховой сумки, я весь мешок передала выемщице бандеролей Марине Барабановой. Я даже руку не опускала в мешок, следовательно, не могла страховую сумку вытащить и притырить. Так это по-вашему называется. Но хорошо помню, что слова «нет», написанного карандашом по графе, где должна делаться запись о денежных вложениях, не было. Графа была чистой. Это слово могла написать либо Барабанова, либо троица, которая вынимает в самую последнюю очередь все из мешка: Цепко, Ахторина или Щербакова.

— По инструкции вы обязаны только в присутствии других работников почты распечатывать почтовый мешок, а 23 сентября это

сделали самостоятельно?

Небольшого роста, на вид почти девочка, но уже мать двоих детей, Высоцкая заерзала на стуле, не находя объяснения. Но через минуту просто и безысходно признала свою вину:

— Допустила грубое нарушение. Но неужели я способна, по-вашему, совершить кражу и вместо своих детей увидеть железную решетку. За семь лет работы на почте имею одни благодарности.

Лицо молодой женщины перекопилось, губы запрыгали. Валя Цепко дала ей отменную характеристику. Сейчас Высоцкая была расстроена:

— Не только вы, но все на почте видят в моем лице преступницу. Косятся, шмыгают носами, что ни попрошу — огрызаются, нервничают.

— Что же тут можно поделать?

— Как что? Побыстрее найти настоящего вора. Но одно могу твердо сказать: в описи слово «нет» мог дописать только тот, кто похитил сумку с деньгами. Сличите почерки и вы убедитесь, что написано это слово не моей рукой.

Распроцавшись с Высоцкой, сыщики приступили к допросу Барабановой, двадцатидвухлетней женщины, муж которой не вернулся из Афганистана и она одна, на очень скудные средства воспитывала трехлетнего сына. Для нее бы, между прочим, сумка с деньгами была бы как нельзя кстати. Но смогла ли она бы присвоить государственные деньги? С ее положительной характеристикой и репутацией. Расследование продолжалось.

На допросе Барабанова в основном молчала или отделялась односложными предложениями. Тяжелая личная драма отражалась на всем ее опечаленном в двадцать два года облике. В реестр она вообще не смотрела, поэтому, понятно, было ли в нем слово «нет», написанное карандашом, естественно, не знает. Сама она «на-темную» залезла в мешок рукой и вытащила из него бандероли. Распознала их на ощупь. Пальцы руки ее не касались страховой сумки, иначе она бы сразу сказала Высоцкой, что та пропустила выемку денежных ценностей.

Последним звеном в цепочке движения почтового мешка были Цепко, Ахторина и Щербакова. Они — сортировщицы писем. В их обязанности входит вытряхнуть все оставшееся после Высоцкой и Барабановой из мешка и приступить к сортировке конвертов.

Юдин с Вихревым, что называется, находились в пиковом положении: дошли до конца обработки почтового мешка, а вора не установили. Что касается Цепко, Ахториной и Щербаковой, то пока они вели следствие, у них сложилось впечатление, что до этих девушек страховая сумка дойти не могла, а если бы и могла, то, при наличии в этом звене безупречно честной Валентины, похитить Ахториной или Щербаковой страховой сумки невозможно.

— А не могла ли в этот момент отсутствовать Цепко, — заметил как-то Юдин. Вихрев тотчас отреагировал:

— Надо пригласить Валентину и спросить об этом. Только вряд ли.

Пришла Валентина и подтвердила:

— Выемка писем из поступивших из отделений связи почтовых мешков — это часы «пик». В сортировке мы все трое, засучив рукава, работаем. На минуту никуда нельзя отлучиться, и 23 сентября так было. Конечно, мы друг за другом не шпионим. Каждый берет свою долю писем и сортирует. И так пока весь мешок не пересортируем.

— Расскажите про Ахторину и Щербакову.

— Задушевные подруги. К итальянцам по ночам шлятуются, потом весь день в сортировке хихикают да порошки глотают. Говорят, от ангины и гриппа. Скорее всего, распустились и от ребят лечатся. Но, думаю, что прикарманить чужую сумку струсят. Тюрьма ведь, а у них ребята на уме. Музыка, дискотеки, вино, сигареты. Вы побеседуйте с ними.

На первой же беседе с Ксенией Щербаковой нельзя было не отметить ее опытности, хитрости. Год как окончила среднюю школу. Характеристика оттуда на нее пришла неприятная:

«Училась плохо, физического труда тоже избегала, не считалась с чужим мнением, конфликтовала с учителями. Замечена в обмане старших. Рано вступила в интимные отношения. В десятом классе сделана операция по имени «аборт».

Ксения вошла к следователям в кабинет накрахмаленная, одетая с иголки. Милое личико измазано до такой степени, что вряд ли бы ее узнавала родная мать. Она стояла и словно танцевала, кривляясь, ее всю водило из стороны в сторону. Она призывно ухмылялась.

— Садитесь, — предложили ей.

— Нет уж, — забалансировала руками, точно вот-вот собиралась начать кадрили, — моему отчиму пять лет назад следователь тоже сказал «садись», так он до сих пор сидит.

— Будете стоять? Неудобно же? — резонно заметил Георгий.

— Присяду, в приметы не верю. Вас называть мне граждане следователи или товарищи. В первом случае по-казенному выйдет.

О том, что пропала страховая сумка, она краем уха слышала, но кто ее умыкнул, она знать не знает и слышать не слыхивала. Вы, надеюсь, не намекаете на меня. Любопытно, как бы я это могла сделать. Впрочем, десять тысяч мне быгодились. Реестра никакого не видела...

Иногда подчиняешься побуждению, не всегда ясному самому себе. Лишь скажешь — потом подумаешь. Так было и на этот раз. Юдин брякнул:

— И вы не знаете, как эта страховая сумка защелкивается? — Вихрев недоумевающе осадил коллегу взглядом, но было поздно. Ксения беспокойно отреагировала на реплику капитана:

— Мой младший брат играл этой застежкой, где он ее взял, откуда принес в дом — не знаю. Но этим вы ничего не сможете доказать. Все это одни ваши слова, а конкретно против нас ничего нет.

Сыщики недоумевали от такого поворота событий. Юдин побежал изъять застежку. И вот она у него в руках с обгорелыми концами парусины.

Кто ее мог сжечь? А то, что ее сожгли, предварительно, естественно, забрав из нее деньги, сомнений не было.

Вихрев позвонил в УВД Белову. В трубке он услышал знакомый, ободряющий и рассудительный голос начальника следственного отдела. Полковник, выяснив все досконально, обещал приехать в Загорьевск на помощь.

Положив телефонную трубку, Вихрев посмотрел на часы. Они показывали четверть седьмого. Пинкертонам оставалось допросить Ахторину и программу сегодняшнего дня можно считать выполненной.

— Насчет иностранцев желаете меня спросить, — осведомилась протяжным певучим голосом девушка. — Все могу рассказать. Мне с ними приятно. Душа отдыхает. Вышла бы за любого замуж. Но имейте в виду, я не нахалка. Мужички сами меня зовут и угощают. Чем расплачиваюсь? Это мое личное дело. Расплачиваюсь своим. Ни у кого ничего не одалживаю. Я — продажная? Нисколечко. Я сама их покупаю за один поцелуй.

По внешнему виду Ахторина чем-то сродни была Щербаковой: такая же стройная, высокая, симпатичная. Но более горделивая, женственная: движения ленивые, мягкие, затейливые.

Она очень спокойно, даже величественно вытащила из сумочки сигарету и, не спрашивая разрешения, закурила. Поискала глазами, куда бы стряхнуть пепел. Я подвинул пепельницу. Затянувшись, затем медленно выпустив кольца дыма, она уточнила:

Виктория спокойно, с небрежной величием вытащила из своей сумочки сигарету и, не спрашивая разрешения, закурила. Украдкой она бросала профессиональные взгляды на молодых следователей и хотела, чтобы они заметили в ней роскошную женщину.

— В «ромашку» не играю. Если доступна, то только тем, кто мне нравится. И в течение вечера партнеров не меняю. С законами стараюсь ладить. Мое имя — Виктория, что означает — победа. Учтите.

Пожалуй, Ахторина была самой красивой девушкой из тех, кого офицеры милиции за неделю допросили. И как все красавицы, очень чисто плотная. Одежда на ней была модная, заграничная, надушенная до предела. На сторублевую зарплату и на пятую часть она бы не в состоянии была бы себя так содержать. Ясно, что великолепная Вика была на иждивении богатых кавалеров и гордилась этим. А детективы думали, что она будет смущаться.

Виктория сама изучала их пристальным взглядом. Демонстративно закидывала ногу на ногу, поглаживала колено и старалась засечь, любят ли ее длинными ногами, обтянутыми чертовски модными ажурными капроновыми чулками, или как «сухари» отворачивают глаза?

Вульгарная откровенность Ахториной не пришлась по душе Руслану Юрьевичу, как, впрочем, и Юдину. Вихрев встал из-за стола и стал прохаживаться по кабинету. Бормотал себе под нос: «Эротика нам не чужда, но не в рабочее время...»

Когда майор заговорил о пропавшей на почте сумке с деньгами, Виктория подняла воротничок оранжевой не то шелковой, не то нейлоновой кофты, словно ей стало холодно, долго молчала, разглядывая не то кончик сигареты, не то свой отлично отполированный маникюр изящного ноготка. Затем повела плечами в недоумении:

— Вы же у меня отобрали образцы почерка, вот и сравните, кто в описи вставил карандашом слово «нет». Тот и хапнул десять тыщенок.

Было уже поздно и офицеры распрощались с Викторией, а Юдин еще раз прочитал на нее характеристику:

«В шесть лет потеряла родителей, воспитывается у тетки без ласки, в строгости. Рано познала тяжелый труд. С малых лет усвоила истину: «что нашла — то твое. На людей не надейся». В первый же день работы на почте завела сберкнижку. До приезда иностранцев в город была постоянной посетительницей общежития строителей. Будучи в десятом классе, уехала почти на месяц с артистами, гастролировавшими в Загорьевске. В противовес Щербаковой,

к деньгам не жадная, любит сорить купюрами. Практически каждой женщине на почте что-нибудь подарила: духи, кофточки, колготки... Однако честную жизнь ненавидит, как и ее подруга Щербакова. По этой общей черте и сошлись они характерами».

Кто же совершил кражу денег? Этот вопрос ежедневно обсуждали друзья. Но одно дело было говорить об этом, когда они только приступили к расследованию, другое — сейчас. Практически все работники почты ими были допрошены. Но казалось, следователи не продвинулись ни на йоту к разгадке таинственного исчезновения страховой сумки.

— Подождем экспертизы почерка, — заметил Вихрев, и тут же к майору, капитану, легкий на помине, поступил конверт из УВД.

— Пришло заключение, — сказал вошедший дежурный райотдела.

Сыщики разом оживились. Руслан Юрьевич извлек из него листы машинописного текста.

— Читай, — попросил Юдин коллегу.

Вихрев быстро пробежал глазами заключение почерковедческой экспертизы. Его густые брови все больше хмурились.

— И кто, ты думаешь, написал в описи слово «нет»? — поднял майор глаза.

— Тот, кто совершил кражу сумки. Так пророчествовали Высоцкая и Щербакова, — ответил капитан майору, — так кто же, не тяни душу?

— Так вот сообщаю, дружище доктор Ватсон, оно в реестр внесено рукой самой Высоцкой. Как прикажешь это понимать?

— Металлическая застёжка от страховой сумки найдена у Щербаковой, а реестр «запачкала» Высоцкая? Совсем мы что-то запутались. Будь они подругами — куда ни шло. Но женщины ненавидят друг друга, поэтому стать заговорщиками в краже никак, как будто, не могли.

Теперь оба сыщика озадаченно заметались по узенькому кабинету, потом Руслан Юрьевич и Георгий позвонили традиционно, как это делали каждый вечер, домой, поговорили со своими женами, осведомились о новостях и собрались уходить в гостиницу: утро вечера мудренее. Уже закрыли и опечатали сейф.

Но им не суждено было этой ночью отдыхать. За дверью послышался тяжелый суетливый топот. Появившийся снова дежурный

теперь сообщил ужасную новость: на центральной улице убита Ахторина. Часы показывали около девяти вечера.

7

В юридическом институте студентов учили качественному осмотру места происшествия. Тысячи, пожалуй, раз за время службы Георгий с Вихревым теорию закрепили практикой. По умелому осмотру места происшествия судят о мастерстве следователя. Можно его начинать с центра и кончить периферией, или наоборот, с дальних участков подходить к основному месту преступления.

Осмотр места происшествия всегда искусство следственной практики. Но в этих действиях есть самый тяжелый случай для любого даже самого опытного следователя — это описание и осмотр лишенного жизни, окровавленного человеческого тела. Помимо квалификации — точности, собранности, компетентности — нужно обыкновенное мужество.

В арке между домами, на асфальте лежала мертвая, с обезображенным лицом сортировщица. На ней была та же оранжевая нейлоновая кофточка, в которой она сидела на допросе перед следователями около двух часов назад. Из порванного выреза на груди выглядывали испачканные кровью кружева тонкой импортной сорочки. Юбка была задрана, изорвана. Рядом с погибшей лежала открытая дамская сумочка. В ней находились тридцать семь копеек и ампула с морфием.

Майор Вихрев сам взял Викторию на руки. Сердце его сжалось от острой боли. На погибшей была та же оранжевая нейлоновая кофточка, в которой Ахторина сидела два часа назад перед следователями.

Всю ночь, не сомкнув глаз, сыщики помогали прокурору. Дело о краже страховой сумки окрасилось новой еще более таинственной ситуацией. Употребляла ли Ахторина наркотики? Кто и зачем лишил ее жизни? Кому помешала Виктория? И хотя напоказ были выставлены доказательства тому, что нападение на Ахторину связано с покушением на изнасилование, в эти признаки не верили. На некоторые вопросы ждали ответа от вскрытия тела покойной Ахториной в морге.

Врач следователям сказал так: то, что ножевые удары в основном пришлись молодой женщине в бок, заставляет думать, что убийца шел с Викторией рядом, был ее спутником, скорее всего для Ахториной не случайный человек. И шла она не домой, а из дома. Тетка, у которой жила Ахторина, заявила, что племянница пришла из милиции после допроса возбужденная и ждала кого-то. В полдевятого вечера постучали в окно, она вышла и больше не возвращалась. Взяла она с собой какой-то сверток. При убитой его уже не было. Что было в свертке, кому она его вынесла?

На почте сказали, что Ахторину и Щербакову, которые последние дни были молчаливы, но работали прилежнее, неоднократно вызывал к телефону мужчина с хриплым, простуженным голосом. Всякий раз после телефонного разговора подруги нервозно и боязливо шушукались друг с другом о каком-то «Драконе».

А Любарский даже видел Ахторину как-то с молодым человеком около гастронома. В почтовый ящик Виктория опускала белый конверт. Любарский же как-то заметил обеих подруг в компании того же молодого человека. В парке. Кто он?

Пришлось снова побеспокоить тетку Виктории Ахториной. О письме она была в курсе. Племянница посылала его в Мурманск, подруге по имени Жанна, с которой познакомилась истекшим летом на курорте в Сочи. Точного адреса Жанны не знала. Дополнила сведения о том молодом человеке, с которым видел Любарский два дня назад Викторю:

— Позавчера я в неуточный час явилась домой с работы. Застала племянницу с мужчиной лет тридцати. Он произвел неприятное впечатление: настороженный, пугливый, злой. Рыжеватыми бровями шевелит, как морж. Заметила на левой руке наколку «Дракон».

Тетка Виктории Ахториной сообщила, что у них в гостях был молодой человек вольного вида. На руке парня красовалась татуировка «Дракон». Обращался он с Викторией и Ксенией без церемоний, запросто.

— Что было дальше? — сведения сыщикам поступали очень полезные.

— Вижу и чувствую: квартира заполнена едким дымом. Они сжигали какую-то тряпку. После и появилась у нас дома металлическая защелка. Ее забрал у нас младший брат Щербаковой.

— Эта защелка от страховой сумки, похищенной на почте...

— Не могу этого с точностью сказать. Но Виктория меня просила об увиденном никому ничего не говорить, особенно милиции, иначе, мол ей будет плохо, посадят в тюрьму.

8

Часов в восемь утра, после бессонной ночи, Юдин предложил Руслану Юрьевичу сходить в гостиницу, побриться, умыться и позавтракать. В это время из травматологического отделения больницы поступило новое сногшибательное сообщение: в кустах сирени, около железнодорожного вокзала, с черепной травмой обнаружена Щербакова. Была без сознания. В настоящее время пришла в себя. Следователям разрешили с ней увидеться с условием, что вопросы ей будут задавать «не очень серьезные», чтобы ее не разволновать, причем отвечать на них Щербакова может только письменно.

Сотрудники вошли в палату, естественно, решив о гибели Ахториной ничего не говорить. Одетые в белоснежные халаты, мягко прошли по ковровым дорожкам. Остановились у койки, на которой лежала около окна Щербакова. Посетителей обдало запахом гипса, йода, пряных лекарств. Голову их подопечной врачи укутали толстым слоем бинтов. Ксения застывшими глазами смотрела в потолок.

Увидев гостей и обо всем догадавшись, Щербакова заплакала, зашмыгала носом. Врач наклонилась над ней и ласковыми словами утешила девушку. Глаза Ксении начали высыхать, но дорожки от слез так и остались на щеках.

Руслан Юрьевич дал Ксении шариковую ручку. Лист бумаги положили перед ее глазами на картон. Попросил рассказать, что с ней произошло. Через несколько минут они читали каракули тяжело раненной девушки:

«Три дня назад к Ахториной приехал курортный ухажер, Заморенов Ипполит. «Дракон», «Прыщ». Она не знала, как от него отбиться: в Сочи летом он ей был нужен, а здесь — нет. Без него хватало. В десять часов вечера, вчера, он вызвал меня из дома, сказал, что окончательно поссорился с Викторией и просил, чтобы я проводила его до железнодорожного вокзала. Говорил, что к нему постоянно привязывается милиция, а когда он будет находиться с девушкой, то «легавые» не тронут. Я согласилась. Его поезд отправлялся около двадцати трех часов. Было время погулять. Он предложил пройтись к реке. Дальше ничего не помню».

Ксения подробно описала Заморенова:

«Двадцать восемь лет. Без определенного места жительства и работы. Среднего роста. Плечи покатые, брови и усы сбрил, прическа короткая щетинистая, мочка правого уха оторвана, на левой руке между большим и указательным пальцем татуировка в виде креста. На правой текст — «Дракон». Имел намерение выехать в Мурманск».

Дел следователям прибавлялось. Кто-то совершал преступления, тяжесть которых постоянно увеличивалась. К майору, капитану приехал на черной «Волге» Виктор Викторович Белов. Он остался в Загорьевске верховодить, а подчиненных самолетом отправил в Мурманск.

Прилетели капитан и майор в Заполярье в субботу. В помещении управления внутренних дел стояла тишина, несла службу лишь дежурная часть. Оперативник в звании старшего лейтенанта проверил у приезжих коллег документы, пригладил ладонью и без того безукоризненно прилизанные волосы и спросил, когда мы намерены начать работу с Замореновым?

— Как, разве он задержан? — от удивления детективы открыли рты.

— Похоже, вы разыскиваете того, кто сидит у нас в изоляторе. Ночью задержали. Подозревается в ношении холодного оружия. В железнодорожном ресторане пугал соседа по столику финкой, а тот заявил в транспортную милицию. Но он назвался Лапландиным. Документов не имел.

Вихрев попросил дежурного:

— Сначала дозвоьте-ка посмотреть на оруженосца в дверной глазок.

— Может устали, обмякли с дороги, отдохнете часок, а потом и займетесь? — заботился о гостях старший лейтенант.

— Некогда отдыхать, — вставил Юдин, а Вихрев поддержал его кивком головы. Действительно, каждая минута была дорога.

Старший лейтенант повел нас по длинному коридору ИВС, куда выходили двери комнат, а лучше сказать камер-изоляторов.

— Самсонов, — крикнул офицер своему сержанту милиции, охранявшему арестованных. — Подойди ко мне. — А когда тот подошел, продолжал: — Проведи майора и капитана к тому, которого задержали ночью с финкой.

— К Лапландину? — уточнил сержант.

— Наши гости разберутся, Лапландин он или кто другой.

9

Вихрев открыл окошечко в двери комнаты-изолятора и, сначала он, потом Георгий, увидели лежавшего на нарах молодого мужчину. Свет от зарешеченного окна падал на его ноги, черты лица скрывались в тени.

— Допросим сразу, — у Вихрева возникло желание немедленно с дороги, несмотря на усталость, приступить к беседе с задержанным. Слишком много он с Юдиным пережили за время расследования дела о пропаже десяти тысяч на почте, переволновались в связи с убийством Ахториной и покушением на уничтожение Щербаковой, чтобы и дальше держать себя в нервном напряжении.

Сержант открыл дверь. Сотрудники вошли внутрь изолятора.

— Заморенов, встаньте, — громко скомандовал Юдин.

Лежавший на нарах привстал и сонно посмотрел на вошедших.

— Это вы ко мне?

— Здесь только вас мы видим, — уточнил Руслан Юрьевич, — прекратите играть спектакль. Мы приехали из Загорьевска.

— Это мне ни о чем не говорит. Уверяю, впервые слышу о таком пункте. Возможно, в нем и живут люди, но я там не бывал.

Слишком ясно сыщики представляли себе Заморенова, с прозвищами «Дракон» и «Прыщ», чтобы ошибиться. В Мурманск заехал он, как следователи и высчитали. С земляным лицом, словно припудренным дорожной пылью, слегка рябой, с бородавкой у самого носа, с выколотым на левой руке крестом, под которым было написано «Не попадись в лапы...» Дальше шло грязное слово. Девизом своим «Прыщ» избрал формулу «Не попадись». И попался. Теперь они в этом не сомневались. Он находился в «тех» «лапах». Встреча с «Драконом» состоялась.

От чувства, что близко разоблачение убийцы, муторный холодок прошелся по лопаткам сотрудников милиции. Да и у Вихрева, заметно, вспотели руки. Но через секунду они оба овладели собой.

За что же он убил красавицу Викторию Ахторину, почему покушался на жизнь ее не менее симпатичной подруги Ксении Щербаковой — милых, к несчастью, распущенных девушек? Это еще предстояло узнать.

— Товарищ сержант, принесите нам две табуретки и бумагу, мы начнем допрашивать арестованного.

— Задержанного, — возмутился искусно Заморенов. — Примите к сведению мою поправку. — Прыщ, он же Дракон держал себя надменно, имея большой запас самообладания для экстремальных ситуаций.

— Арестованного, — четко повторил Руслан Юрьевич.

От того, что Вихрев изо всех сил напряг память, работу мозга, да и волю, вопросы он задавал ясные, как клетки в ученической тетради, логически цепкие, как звенья одной цепи. Помогал ему и верный капитан Георгий Юдин.

— Вам нет смысла отпираться от Загорьевска.

— Согласен. Не иголка, меня там видели. Вашу арифметику усвоил за три судимости. Предвосхищу ваш следующий вопрос. В Загорьевск приехал с Урала. Там жил тайно у одной девицы, потому выдавать ее адрес не стану, и не пытайте. Да он вам и не нужен.

— Каким поездом приехали в Заполярье? — вопросы задавали следователи оба.

— Москва — Мурманск.

— В котором часу вышли в Кандалакше?

— Какое это имеет значение?

— Самое прямое. Вы лжете. Установлен таксист, который вез вас в Мурманск, — Вихрев сказал это наугад и попал в точку. Он исходил из того, что Заморенов боялся милиции, а, значит, не решится ехать в поезде.

— Добирался не с Кандалакши, а с Петрозаводска на «Волге». Я три месяца назад освободился. Еще не истратил деньги. А я их кучу заработал в Магаданском крае на трелевке леса. Будут еще вопросы?

— Значит, признаетесь, что вы — Заморенов?

— Допустим.

— В Мурманске у кого остановились?

— Ни у кого. На вокзале провел ночь. Куда вы гнете? Выпустили меня на волю, а теперь страдаете, жаль стало. Я-то знаю, если вы захотите, то и у праведника грешки найдете, щуку утопите.

Юдин интуитивно почувствовал, не зря они с Вихревым в самолете не сомкнули глаз, на сто процентов уверенные, что встретятся с Замореновым. И готовились к его допросу.

Лицо Прыща заострилось, точно все его умственное напряжение по закону центробежной силы стеклось к губам, носу, подбородку. Мысль о поиске алиби билась в его сморщенном лбу.

— Я вам противен, граждане следователи, но, может, и у меня нет особых симпатий к милиции. Впрочем, как сказал Бальзак, мы не луидоры, чтобы всем нравиться. Однако это не причина состязаться в нападках друг на друга. У вас власть, у меня паразитические замашки. Но я клянусь, после шести лет тюрьмы и колоний я «завязал». Да, я был в Загорьевске, повидался с курортной своей возлюбленной, почтаркой Викой и уехал, чтобы путешествовать дальше...

— На этот раз к Жанне?

— Что за чушь? Впрочем, мели Емеля, твоя неделя.

— Ну, ладно, о Жанне поговорим чуть позже. Начнем с убийства...

— Что?! Что?! Мокрое дело пришиваете? Ни к какому преступлению там не причастен. И вообще, нигде не причастен. Повторяю: я «завязал».

— Заморенов, сейчас мы вас страшно обрадуем. Вы не знаете самого главного. Щербакова жива.

Прыщ на мгновение замер, точно кот перед прыжком на мышь. Глаза его стали вылезать из орбит и мы подумали, что он подавился. Но через несколько секунд он убрал голову в пиджак и сжался в комок, нецензурно выругавшись, гаркнул изо всех сил:

— Что вы в грязи копаетесь?

— Не обрастайте навозом, и мы не станем дерьмо тормозить, — в тон Заморенову, но более спокойно заметил Вихрев.

— Слушайте, граждане следователи, — наконец, тоже спокойно выговорил Прыщ, — вы утомили меня своей рассудительностью. Вам, наверное, много платят, раз вы такие умные. Мне вот-вот должны принести бурду под громким названием рассольник, я поем его, и мы с вами продолжим беседу. А кто кого убил или ограбил, мне это без надобности. Не насыщайте меня подобной информацией. Для меня это, как для зайца наперсток. — Заморенов снова невежливо в присутствии «гостей» выругался.

10

Сыщики оставили Прыща наслаждаться одиночеством, сами вышли на свежий воздух. Заморенову они дали большой заряд подумать о том, что он попался. Им с ним разговаривать пока было не о чем. Теперь надо было найти того, к кому приехал убийца в этот далекий северный город. Известно было лишь имя мурманчанки «Жанна».

Когда следователи очутились после двух часов беседы с Замореновым на улице, то поразились изменчивой заполярной погоде. На тротуарах лежало тонкое белое покрывало. И это в сентябре. Воздух, очищенный лениво падающими хлопьями снега, был свеж и ароматен.

Задумавшись, капитан и майор не заметили, как прошли до конца центральную улицу, гостиницу, в которой решили расположиться, несколько переулков, и неожиданно вышли на окраину города, к кладбищу.

Хоть они и гордились тем, что не курят и голова на плечах от этого всегда свежая, на этот раз она была тяжелой. И у Юдина, и у его Шерлока Холмса. У Георгия, к тому же, во рту расположился горьковато-едкий привкус. Ему даже подумалось, не простудился ли в дороге. Сейчас, когда возбуждение, не покидавшее капитана при допросе Прыща, прошло, захотелось ткнуться в постель и отоспаться.

Оба взад-вперед прошлись вдоль кирпичной стены кладбища, слушая, как шумят у оградок вековые деревья, охраняя вечный покой

живших когда-то разных людей.

Вихрев вдруг остановился и неожиданно для коллеги произнес:

— Заморенова расстреляют и ему ни на одном кладбище не найдется места. Ему не стоило появляться на божий свет.

— Всем таким, как он, — ответил «доктор Ватсон».

11

Отдохнув час-другой, друзья снова пришли в управление. И занялись проверкой личных вещей Заморенова, отобранных при обыске во время задержания. Побеседовали с двумя милиционерами, которые задерживали Прыща в ресторане. Затем стали вместе с мурманчанами гадать, как найти неизвестную подругу «Дракона» — Жанну.

Когда Щербакова провожала Заморенова, он был с чемоданом-дипломатом. Сейчас его при нем не было. Стало быть, он оставлен либо у той самой Жанны, если он ее уже посетил, либо на вокзале в камере хранения.

Ахторина вышла из дома, накануне убийства, со свертком. У погибшей его не было, значит, сверток перекочевал к убийце. Может быть, из-за этого свертка Заморенов лишил жизни Викторину?

Надо искать дипломат. В нем, казалось, будет разгадка диких преступлений Прыща. Паспортный стол дал справку: в городе проживает сто четырнадцать Жанн в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. Кто-то предложил обратиться к ним по телевидению, объявить, что следствие ищет ту, у которой остановился этой ночью молодой мужчина. Но, увы, отвергли эту идею. К «той» Жанне нужно было прийти неожиданно, сделать, возможно, обыск, если она добровольно не выдаст вещи Дракона.

Поэтому разделили город на участки, создали оперативные группы и стали из квартиры в квартиру обходить всех Жанн. Интересовала та, которая отдыхала этим летом в Сочи.

Три долгих дня сотрудникам милиции понадобилось на эту однообразную работу. Но труд увенчался успехом. И как всегда в таких случаях бывает, не потребовалось никакой затейливости.

У одной из Жанн, по фамилии Носкова, на подоконнике, опергруппа, Юдин и Вихрев обнаружили письмо Ахториной. Она просила принять на временное проживание Ипполита Заморенова.

Мурманчанка Жанна не стала долго с уголовным розыском объясняться, с готовностью вытащила из-под дивана чемоданчик Заморенова. Сотрудники, затаив дыхание, взломали отверткой его. Там лежали пачки денег. Каждая перетянута полоской бумаги, по которой шла подпись начальника Воскресенского почтового отделения Полины Яценко. Их насчитали девять тысяч триста рублей.

Настал час снова встретиться с Прыщом-Драконом. Теперь в лучших условиях, в кабинете начальника УВД. Его доставил конвой. Вихрев, едва сдерживая ликование, огорошил Заморенова первой фразой:

— Ну что, Заморенов, Жанну Носкову нашли. Дипломат твой в присутствии понятых вскрыли. Деньги пересчитали. Изъяли. Вот они, полюбуйся. Трех пачек хватит на показ или все выложить?

Лицо Прыща так налилось кровью, что даже посинело. Он завертелся на стуле, стал грызть ногти, но не думал сдаваться:

— Деньги мне дала Виктория Ахторина. Мы с ней собирались сюда приехать, но в последнюю минуту мы с этой дамой поругались и я один ушел на вокзал. А если ее кто уколошил — я не в курсе остального. Дайте сигаретку. — После нескольких затяжек он притушил окурочок в пепельнице.

А что если Дракон дает правдивые показания? А он стоял на своем. Следователи доставили его в Загорьевск. Для очной ставки с Щербаковой. Но до этого дело не дошло.

Конвоиры доставили Заморенова-Дракона к месту происшествия, в Загорьевск для очной ставки с Щербаковой и других следственных действий. Жизнь Ксении была уже вне опасности, в противовес желанию Прыща.

Вихрев снова стал убеждать Заморенова, склонять его к откровенному признанию:

— Раскайся, Ипполит. Может быть, не веришь, что Щербакова жива? Вот ее собственноручное письмо. Мы ее посетили в больнице и тебе с ней свидание устроим. Теперь до Ксении рукой подать... Извини, я перешел на «ты». «Вы» — это слишком уважительно. Не извивайся как уж. Нет резона. Она действительно не на том свете, а на этом.

Прыщ уже второй раз на допросе оказался в тупике. Он посмотрел краем глаза показания Щербаковой и небрежно отодвинул исписанный лист бумаги от себя. Опустил голову к коленям, точно собирался с мыслями и делал выбор: все рассказать или закатить истерику. Остановился на последнем. Он уперся локтями в стол, обхватил голову руками и стал, как спятивший с ума, рвать на себя волосы.

Побесился и перестал. Все молча выжидали этот момент.

— Ну, будешь давать правдивые показания: время идет не в твою пользу, — многозначительно поднял палец Вихрев.

— Буду, буду... Эх, следователи, знали бы вы мое детство. Жил я с мальства как червяк в навозе. Познал пьянство и свинство. Менялись отчимы. Матери было не до меня. Если говорить по-вашему, так она содержала притон. Ее подруги научили меня с четырнадцати лет всему. Пил, играл в карты, отнимал вещи, деньги. Неужели я доживаю последние дни?..

— Ближе к делу, Ипполит, — заметил начальник управления внутренних дел, присутствовавший на допросе. — И не забудь уточнить, нет ли за тобой в Мурманске каких-либо преступлений?

— Нет, нет, а в Загорьевске есть. Сумку с деньгами неожиданно обнаружила в почтовом мешке Ахторина. Поделилась тайной с Щербаковой. В реестре подделал я почерк Высоцкой. Все данные на этот счет девчата мне дали. В остальном я мастер: денежные знаки рисую — комар носа не подточит. Когда мне Ахторина вынесла сверток с деньгами, я делить его на троих не стал. Решил от одной и второй избавиться.

— А про деньги что Щербаковой говорил?

— Наплел ей целый короб. Мол, они, деньжата, остались у ее подруги, Ахториной. Посоветовал Ксении деньги поделить с Викторией. А мне, вроде бы, дензнаки ни к чему, своих будто бы в избытке.

— И она поверила?

— Еще как. «Куколки» нечасто рождаются умными...

Вот и вся печальная детективная повесть. Увы, счастливых историй в этом жанре не бывает.

* * *

После суда Ксения Щербакова сочла необходимым засвидетельствовать свое почтение подполковнику Вихреву и майору Юдину. Следователи встретили девушку любезно. Поправилась она сравнительно быстро. Но, увы, Ксения была не только потерпевшей, но и обвиняемой

Усевшись поудобнее, она достала из сумочки пачку дорогих сигарет, закурила, безучастно подняла глаза к потолку, не торопясь выпустила кольца дыма изо рта, так же равнодушно проговорила:

— Вы здорово поработали. И все же я бы не хотела, чтобы массивными плечами «Дракона» удобряли землю. Пусть бы жил лет двадцать в тюрьме. Там бы он хоть прочувствовал свое злодеяние, а так — раз и нету его. Пуля — дура.

— Суд решил все по закону, — резюмировал Вихрев, а Юдин добавил:

— Но почему его физиономия ехидно расплылась в улыбке, когда ты давала против него показания, изобличала его?

— Жалел, что не укукошил меня. В конце концов мне его не видеть больше никогда. Во всяком случае, этого я хочу. Да и вообще, мне все безразлично.

— Где думаешь работать? Надо ж отбывать наказание.

— Если бы не исправительные работы, то уехала бы отсюда. Тяжело без настоящих родных и приличных знакомых. Мать под влиянием отчима, обо мне забывает... Придется на почте год торчать, мозолить всем глаза. А потом, может быть, что-нибудь удастся и хорошее в жизни сделать. Повезло мне уже в том, что меня обвинили не в краже, а в присвоении найденных денег, а это статья полегче... Ну, дай вам Бог здоровья, я пойду. Прощайте.

Следователи искренне пожелали добра и ума еще одной своей «героине».

ДЕЛО № 14

ПОВЕСТЬ

Дело №14

Утром, когда в сонную тишину комнаты вползает через щели оконного занавеса синева рассвета, хорошо поваляться в постели. Благо — выходной день. Ведь еще с понедельника ждал этого дня, чтобы отоспаться за всю неделю. Так или иначе суббота подходит, а за ней — воскресенье. Тут уж на зорьке отключаются все рефлексy. Ясно слышу, как в коридоре в полную силу звенит дверной звонок, а окончательно проснуться не могу, хоть продирай глаза руками. И если бы работал не в милиции, а в какой-нибудь артели, ей-богу, не торопился бы открывать дверь.

Но делать нечего. Отбрасываю ногами легкое байковое одеяло. Колени как можно ближе подношу к груди, рывок — и я в сидячем положении.

Итак, прежде всего, сколько времени? Тянусь к именному «Старту» в анодированном корпусе: половина восьмого.

В трусах, майке, шлепанцах, с предусмотрительной осторожностью смотрю в дверной «глазок». Так и есть, в следственном отделе управления вспомнили обо мне. И вот уже на моем пороге самый исполнительный человек, каких я только знал, — старшина Хафизов.

Круглое лицо расплылось в улыбке. Он все еще продолжает нажимать пальцами кнопку электрического звонка.

С тоскою смотрю на плечистого, веснушчатого посланца.

В первую секунду мне хочется слукавить, придумать версию о недомогании, но всепонимающий Хафизов, прищурив, точно от яркого света, карие глаза, ухмыляется: понял, что я здоров, а следовательно, проблем для него нет. Может с безмятежной улыбкой взять в охапку, отнести меня в отдел.

Значит, дежурить. Вне всякой очереди. Кому ж еще «ремонтировать» лопнувший график? Начальство убеждено, что со всеми молодыми поступают испокон веков точно так же.

Впрочем, дежурство милицейское, когда нет краж, убийств, драк и тому подобных происшествий, совсем необременительно, от него почти не устаешь.

Хуже, когда всю ночь стоишь у трупa автомобилем раздавленного человека или пересматриваешь уйму стеклянных банок обворованного

магазина, отыскивая отпечатки пальцев. Но не каждую ночь случается такое. Заступая на дежурство, надеешься, что все будет мирно, и тут же чувствуешь, что спокойное дежурство не удастся.

Есть неоспоримое преимущество спешного дежурства против запланированного: не надо с вечера, как строевому матросу, драить пуговицы, бляхи, утюжить штанины, а утром чуть свет вздрагивать от мысли, как бы не проспать.

Хитро устроен человек. Что ему ни делают — он всегда обоснует, что это к лучшему, и приведет десятки доводов.

Против любых утренних ритуалов в период спешки я могу погрешить. Но это не относится к физзарядке. Пятнадцать минут, куда бы я ни спешил, всегда неукоснительно отдаются ей. Поиграв с гантелями, бросаю их в угол, застилаю по-солдатски аккуратно и быстро кровать и, блаженно жмурясь, выхожу на залитую ярким майским солнцем улицу.

Какие могут быть происшествия в такой чудесный день, полный света, тепла, солнца, свежего воздуха, щебетания птиц в парке! Но я ошибался.

Едва я переступил порог дежурной комнаты, как сразу понял, что поступило сообщение о происшествии. По телефону вызывали эксперта, проводника служебной розыскной собаки.

2

До места происшествия мы добрались быстро. Я стал осматривать труп шофера. Два других наших сотрудника пошли вдоль дороги по высокой росной траве, кустарникам и вскоре нашли ключ от зажигания, фуражку, обеды пицци и две пустые бутылки из-под водки.

Участкового инспектора Иванова, Свинцова и Коржко из уголовного розыска послали ко второму месту происшествия — к колхозной бане — с заданием организовать охрану того, что от нее осталось после пожара до нашего прибытия туда.

Следователю приходится сталкиваться и с убийствами. И все-таки умом невозможно постигнуть, как можно отнять у человека жизнь. С большим нервным напряжением осматриваю еще теплое, податливое и тяжелое тело, распластавшееся на асфальте. Соблюдаю видимое

спокойствие. Рядом судебно-медицинский эксперт сноровисто и невозмутимо (может быть, тоже через силу) диктовал глухим голосом:

«...кости черепа лица на ощуп подвижны. В отверстиях ушей, рта, носа — кровь. Огнестрельное ранение в область сердца».

У погибшего в кармане рубашки, под пиджаком, мы обнаружили документы на имя Киселева Ивана Романовича.

Первой, кто узнал об убийстве, была семнадцатилетняя Майя Алимова. Рано утром она пешком возвращалась с поезда домой. В лучах восходящего солнца девушка увидела на шоссе автомашину. Около нее возились люди. Двое бьют третьего. Потом раздался выстрел, и один из троих со стоном упал на асфальт, а двое бросились прочь от машины по направлению к деревне. Майя, подойдя с колотящимся сердцем ближе и увидев окровавленное и беспомощное тело, на мгновение онемела и растерялась. Но справилась с собой, сняла туфли и босиком, стороной, по кювету, бросилась вслед за убийцами к крайним домам деревни (отвага, которой мог бы позавидовать иной мужчина, ведь, оглянься убийцы, девушке пришлось бы худо).

Добежав до деревни, Майя забарабанила в одно, второе окно. Встревоженные люди стали преследовать преступников. Один из них не успел вырваться из оцепления колхозников, заскочил в баню и начал отстреливаться. Через полчаса после начала осады бани оттуда взметнулся черно-оранжевый клуб дыма.

Колхозники подтянули помпу, сунули пожарный рукав в колодец, и струя воды затушила огонь. В бане обнаружили труп преступника с пулей в виске.

У сгоревшего неизвестного был обнаружен пистолет «ТТ» без единого патрона. Последнюю пулю, видно, он пустил в себя. Между тем, извлеченная в результате вскрытия трупа шофера пуля, согласно заключению эксперта, была выстрелена не из «ТТ», а из автоматической мелкокалиберной винтовки, похищенной несколько дней назад из городского музея. Следовательно, скрывшийся преступник остается на свободе вооруженным.

Мне было поручено допросить первого очевидца, а затем выехать в соседнюю область, на которую указывал номер автомашины, оставшейся на шоссе без «хозяина».

— Алимова, — нараспев сказала девушка, войдя ко мне в кабинет. — Меня уже допрашивали.

— Теперь подробнее. Тогда мы просто беседовали.

Девушка в ситцевом платье, в голубой кофточке, в новых туфлях, с ясным взглядом, села на предложенный мною стул. Щеки свидетельницы заалели от волнения. Светло-голубые большие глаза открылись еще шире.

— Ну, откуда мне было знать, что вот-вот убьют человека? Он же был еще жив, когда я увидела, что происходит.

— По заключению врачей, шофер не выжил бы и без выстрела в него. Перелом свода черепа. Понимаете?

— Конечно. Я собираюсь в медицинское училище. — Она положила на острые колени руки.

— Вот почему вы бесстрашны!

Девушка улыбнулась. А я открыл окно, впуская в кабинет вечернее солнце.

— Что же вы медлили с сообщением в милицию?..

— Да все село за ним гонялось, некому было позвонить. И некогда.

Я подробно записал, во что были одеты преступники, как выглядели, что делали, при каких обстоятельствах один из них заскочил в баню, второй убежал к опушке и скрылся в лесу. Затем протокол дал прочитать и подписать Майе.

Подперев ладонью подбородок, она стала читать, перелистывая тонюсенькими пальчиками листы протокола. Дочитав, подняла на меня глаза и сказала по слогам:

— Про-чи-та-ла.

— Распишитесь под каждой страницей.

Майя попрощалась со мной, тоже как-то нараспев, и ушла. Ее голосок долго висел в кабинете.

Я стал собираться в командировку.

4

Приехав в село Поземка, где жил Киселев, я первым делом побеседовал с председателем колхоза, грузным мужчиной, по фамилии Галушка. Вот что он рассказал:

— В колхоз пришла разнарядка на шифер. Ехать за ним — верных триста километров. Охотников на такую командировку немного. Подходит шофер Киселев: «Я поеду». «Согласен, — говорю. — Утрясай с бригадиром Захаром Семеновичем Воропеевко. Он за груз — старший». Через день рано утром прихожу на наряд. Говорят: за шифером уехали. Еще день проходит, вваливается ко мне в кабинет бледный, как мел, Захар Семенович. «Где машина?» — «Там». — «А ты почему здесь?» — «Приедет Киселев, тогда я все расскажу».

Допрос бригадира я начинаю с вопроса: почему он не рассказал, возвратившись в колхоз, правду?

— А кто знал эту правду? Киселев-то уехал с теми жуликами.

— Где вы были, когда убивали шофера?

— Как, разве его нет в живых?

— Давайте по порядку. Начните с выезда из колхозного гаража.

— Вечером мы договорились, что Киселев утром пораньше заедет за мной. Чуть свет он постучал в окно. Я сунул в карман завтрак, вышел, сел прямо к нему в кабину.

— Никого больше с вами не было? По дороге останавливали машину?

— Вот тут в чем вопрос. Жена говорит (вы побеседуйте с ней), что когда Киселев постучал, она посмотрела в окно, из кузова, уверяет, торчала кепка. Я же, когда садился, видел только брезент. Им укрывать должны были шифер. Мне кажется все эти дни, что в том месте, где останавливался шофер, кто-то ударил из кузова по кабине. Навязчиво думается — и все.

— Но если шофер тут же остановился, а вы вышли из кабины, на дороге кто-либо сзади вас был? Или в кузове?

— Не было... Иван Романович говорит мне: иди в деревню, купи яиц, молока, машина надолго испортилась. Ночевать на дороге будем. «Как, — говорю, — ночевать, времени только четыре часа дня, неужели не починишь?» Отвечает: «Починить починю, да куда на ночь глядя ехать, где в городе ночевать? В гостинице места не бронировали».

— Что же вы сделали? — направляю я бригадира к главным вопросам следствия.

— Расстелил брезент на обочине, лег. Полежал, пока стало холодно, доел сало с хлебом. Шофер полез в кабину спать, а мне говорит: «Ты что, шифер уже везешь, боишься груз оставить? Иди в село ночевать. Я за тобой заеду утром».

— Разве он знал, у кого вы будете ночевать?

— Вот и я об этом подумал.

— Что же не спросили?

— Поздно сообразил. Лег я в колхозной риге, и вдруг среди ночи как ударит в голову то, о чем вы спрашиваете. Куда он заедет? Что у него на уме? Он в деревне новый человек. Жинка его, Елена Прохоровна, у нас ветеринарным фельдшером работает. Слухи были, что другая у него есть. Может, думаю, жену задумал бросить с тремя пацанами? Я и махнул враз к дороге. Еще издали слышу разговоры. С кем он там гутарит? Осторожно подхожу, вижу: трое неизвестных и Киселев. Шофер одному говорит: «Ты второй день морочишь мне голову». А тот со всего размаху как даст ему оплеуху. У меня сердце в пятки ушло. Двое стали вроде успокаивать третьего, здорового, плечистого. «Миша, не надо, он сам поедет». А тот опять как гаркнет: «Ты что, не веришь? Откуда я взял ее имя?» Иван сразу отвечает неуверенно: «У меня здесь старший в деревне ночует». «Вернешься к утру», — отвечал здоровяк уже мягче.

Я увидел: трое сели в стоящую впереди «Волгу», пропустили Ивана Романовича на машине и следом поехали за ним.

— Почему не заявили? — спросил я, невольно беря под сомнение путанные показания бригадира.

— Утра дожидался. Тысячу раз казнил себя, что не разбудил местного председателя колхоза или сельсовета.

Он стал говорить, что покажет место, где просидел в кустах, и противно моргал красными глазами.

Бригадир ушел, согнувшись, точно у него болел живот, а я выписал на листок: «вторые сутки голову морочишь», «сказал ее имя», «приезжала к Киселеву другая», «живут здесь недавно». «Был ли Киселев судим, об этом никто не знает в колхозе. Что скажет жена?»

Рассыльную я послал за Еленой Прохоровной Киселевой, а сам вышел подышать свежим воздухом.

Только что прошел сильный дождь. Лужи дождевой воды — по всей дороге. С листьев яблонь и черешен сползают крупные капли. Вот-вот, кажется, проглянет солнышко.

Отсюда, от здания правления колхоза, юго-западная часть села как на ладони. Вон поднимаются гуськом по тропинке на подъем запоздавшие к обеду колхозники с поля. О селах я имел смутное представление и, приехав сюда, готовился встретить узкие кривые

улочки, заселенные приплюснутыми к земле избенками с подслеповатыми оконцами, а увидел строгие кирпичные и белые саманные дома, с фасадом в пять-шесть окон городского типа. Крыши — под красную тяжелую черепицу. Центральная улица заасфальтирована.

Чувствовался недостаток и здесь, в помещении правления. На стенах дорогие картины. Я осмотрел их и остановился перед «Корабельной рощей» И. Шишкина.

5

Жена Киселева держалась спокойно, без суетливости. Попросила разрешения снять с себя и девочки мокрые плащи. Деловито перекинула их через спинку стула и, тяжело присев, сказала, словно самой себе:

— Третий день дождь. Ферму затопит.

И как вошла женщина с хмуро сдвинутыми бровями, так и не смягчила суровое выражение лица на протяжении всей беседы. Я готовился, что она станет задавать мне вопросы, на которые не смогу ответить, поэтому испытывал беспокойство, ожидая прихода Киселевой. Но все повернулось иначе.

— Что вы можете рассказать о выезде вашего мужа в командировку? — задал я вопрос Елене Прохоровне.

Белокурая черноглазая девчонка лет семи беззаботно вертелась у колен матери. Я ей дал лист бумаги и карандаш.

— Он часто брал ее в рейсы, — взглядом показала Киселева на дочь. Затем продолжала: — Иван сказал вечером, что едет в командировку. Собрала ему заранее завтрак. Легли спать. Он ворочался с боку на бок. Говорю: «Спи, а то аварию сделаешь». Отвечает: «Пойду покурю». Долго его не было. Думаю, наверное, беспокойная душа, к машине пошел. Заснула. Утром вдвоем чуть свет проснулись. Он торопливо ушел в гараж.

— Личные счета к мужу кто-нибудь имел?

— В селе нет. Председатель им доволен, в гараже — тоже.

Уткнувшись разом в полу кофты, она приглушенно зарыдала, затем вытерла глаза концом косынки, сдавленным голосом сказала:

— Похоронить надо. Пусть дети ходят на могилу.

Я объяснил женщине порядок выдачи из морга трупов.
— С бригадиром у мужа не было недоразумений?
— По-моему, у такого бригадира ни с кем нет недоразумений.
— Извините, что это за другая женщина у Ивана?
— До меня доходили слухи, но он отрицал.
— Муж судим?

Женщина ответила отрицательно.

Я записал показания жены погибшего, дописал, во что он был одет — рубашка светло-голубого цвета, слева нагрудный карман, брюки галифе, солдатские, сапоги яловые, серый пиджак, — и дал листки прочитать Елене Прохоровне.

— Наверное, темно, — включить электричество?

— Спасибо, — поблагодарила женщина.

Минут пять я смотрел на каракули притихшей белокурой девочки, затем повернулся к окну. В четыре часа деревню сковывали сумерки.

Я щелкнул выключателем и заметил, что Киселева все это время задумчиво и отрешенно смотрит на одну и ту же страницу.

За окном небосвод с грохотом раскололся. Молния разбила на мелкие куски небо, словно блюдец.

Киселева вздрогнула, передала мне обратно протокол.

— Не могу, плывет перед глазами...

Я вслух прочитал ее показания.

Затем Киселева грузно встала, свернула изрисованный дочерью лист бумаги, напомнила девочке сказать дяде «Спасибо» и «До свидания», взяла за руку и неверной походкой вышла из кабинета.

Едва женщина ушла, дождь так же внезапно утих, как и начался. Я двинул створки окна, распахнув их. Меня обдало свежестью мокрых садов, зелени, цветов.

6

Решил сделать передышку, выйти на лоно сельской природы и как следует подумать, кого здесь еще допросить, какие вопросы меня могут интересовать в этом далеком от места преступления селе.

С высокого берега реки дома тонули в буйных садах. Их крыши глядели, как поплавки среди моря.

Над головой пронесся бекас, вытянув вперед длинный клюв. Безобидная ящерица вынырнула из-под ног и зарылась в песок.

А я стоял и смотрел на спокойное течение реки, в которой зыбко отражался зеленый берег. На горизонте, куда укатывалось вечернее солнышко, еще прижимались друг к другу красновато-серые от заката облака.

Вечером решил допросить жену бригадира Воропеевко, сторожа гаража и некоторых шоферов, а также на выбор пять-семь человек жителей села, хорошо знавших образ жизни семьи Киселевых.

7

Поздно ночью я закончил работу и, не получив ничего к тому, что имел в деле, усталый, возвращался в Дом приезжих. Лишь жена бригадира, бойкая и расторопная женщина, уверенно заявляет, что в кузов, пригнувшись, полез человек. Если это так, то «пассажир» мог скрыться от бригадира под брезентом. Кто этот человек? На этот вопрос мог бы ответить Киселев, будь он жив.

Я взял полотенце и пошел мыться в теплой протоке, проходящей в низине под самой моей «гостиницей».

Надел плавки, залез по мягкому илистому дну в воду по грудь и минут десять обливал себя пригоршнями нагретой теплыми дождями воды. Свежий, оставив усталость в реке, поднялся по тропинке, бегущей среди ивняка, в отведенную мне комнату.

«Завтра Шерлок Холмс отправляется ни с чем восвояси».

С такими малоутешительными мыслями открываю дверь и вижу — встает навстречу местный участковый инспектор, двухметрового роста детина, по фамилии Квартальный, с которым я познакомился в первый день своего приезда.

— Что случилось, Денис Гапеевич? — всматриваюсь в глаза милиционера, пытаюсь угадать, зачем он пожаловал в двенадцать часов ночи.

— Извиняюсь, что не в урочный час, Киселева от вас — да ко мне. «Не все, — говорит, — сказала следователю, утаила малость». Я ее — за бумагу. Вот собственноручные показания.

Я развернул протокол, титульный лист которого заполнен на украинском языке, и стал вникать в слова, написанные мужским

бисерным почерком.

«Из чувств личной безопасности, чтобы и с нами не рассчитались, укрыла от следователя, думаю, немаловажные сведения. К сожалению, мой муж Киселев Иван отсидел срок вместе с Матвеем Тананыкиным за кражу в совхозе зерна. Пшеницу продали, и два дня муж, Матвей и его сестра, непутевая Зинаида Ваксина, не показывались в деревне, прожигали «выручку». С той поры, пока его не забрала милиция, спутался он с Зинкой. Мне говорит: «Последние дни, мать, гуляю, ты уж разреши».

Срок у него был немалый, а вернулся прямо ко мне. Плакал, как баба, что промашку в жизни допустил, извинялся за причиненную мне обиду, благодарил, что четыре года ждала его, передачи возила. А Зинаида, совсем рехнулась, проходу ему не давала, тянет к себе в избу. «Брось, — советует ему, — Елену», — меня, значит. «У нас все есть». И действительно, Зинаида каталась в богатстве, как сыр в масле. Обшивала деревню втридорога и еще откуда-то доходы имела. Мы собрались и уехали на Украину, чтобы ничто не напоминало прошлое.

Был слух, что какая-то приезжала и сюда. Но Иван отрицал, может, не хотел меня расстраивать. В эти дни, когда пошли разговоры, что к Ивану «старая зазноба» приехала, загорелся у нас стог сена во дворе, дом отстояли.

Два года с Иваном не могли нарадоваться согласию, жили душа в душу. Деток растили. Весь грех я кладу на Зинку Ваксину, будь она трижды проклята, а доказать ничем не могу».

И тут меня осенило. Я торопливо спросил:

— Когда поезд в сторону Конотопа?

— Считаете, что надо ехать?

— Ни одной минуты, или, как вы говорите, «хвалыны», не медля.

Проси у председателя машину.

— Могу на мотоцикле.

— Тем лучше.

Я бросил в свой огромный портфель мыльницу, электробритву, рассчитался с хозяйкой и сел в пыльную люльку мотоцикла. Через час с небольшим мы преодолели шестьдесят километров асфальтированной дорожной ленты, и я благодарно помахал рукой Денису Гапеевичу Квартальному из тамбура поезда.

Зашел в купе, расстелил постель на верхней единственной свободной полке и полез туда не спать, а только пока собраться с мыслями.

Два пассажира в полумраке купе сладко похрапывали. Но, кажется, и во сне слышали пронзительный свист тепловоза, на секунду притихли с тем, чтобы захрапеть еще громче.

Третий обитатель купе, несмотря на поздний час, с унылым видом склонился над столиком и на малой громкости крутил зубчатое «колесико» транзистора. Несколько раз метнул на меня взгляд, надувшись как мышь на крупу. Не размягчилось выражение лица, когда из его приемника послышалась веселая музыка и голос Аллы Пугачевой.

Он поднял голову и флегматично изрек:

— Я немножко мешаю, но у меня дело идет к бракосочетанию.

— Так и должно быть, — ответил я. Мужчина вновь стал привязываться:

— Томик Блока или Поля Элюара не желаете по сходной цене?

Я закрыл глаза и сделал вид, что сплю. А пассажир бормотал:

— А может быть, Сашку Грина... по странам и континентам...

Я же хотел только простой вещи: тишины, чтобы никто мне не мешал обдумывать ход следствия.

Я ворочался с боку на бок, ложился навзничь и зарывался лицом в мягкую подушку. Сон, который был мне так необходим, чтобы прямо с дороги можно было приступить к серьезным допросам свидетелей в селе Крапивная, на родине Киселева, не приходил. Наконец меня сковала тяжелая дрема.

Проспал я часа четыре. Вышел в коридор вагона. В предрассветной голубизне, за мостом, вырисовывались приближавшиеся очертания домов. Еще несколько минут, и я прибыл, как говорят, по назначению.

Меня никто не встречал, никому я здесь не был нужен. Мне предстояло искать необходимых свидетелей. Первое, что я сделал, — направился прямо в сельский Совет, к председателю.

Человек с обветренным, задубленным морозом и солнцем лицом поднялся мне навстречу. Знает ли он Ивана Романовича Киселева? Знает, здешние, кому за сорок, редко из сел выезжают, а этот снялся с насиженного места. Какая тут история с ним была? Не так, чтобы и значительная. Спутался с местной красавицей одинокой Зинаидой Александровной Ваксиной. Да потом порвал.

О Зинаиде председатель сказал три слова:

— Проворная, лукавая, смазливая.

— Чужой человек у нас, как на ладони, — говорит мне председатель, когда мы с ним шагали по деревне к дому Зинаиды. — Был у нее дня три мужчина, видели соседки, а вот как и что, не знаю. Одна сейчас живет, временный был, видно.

Мы постучали в крашеную дверь.

— Входите, не заперто, — раздался сочный женский голос.

— Она и есть, — шепнул председатель и машинально погладил руками лацканы своего хлопчатобумажного пиджака.

Хозяйка сидела перед зеркалом в модной меховой шапочке, нейлоновой кофте, держа перед губами помаду.

— Ой, сколько гостей, — непринужденно проговорила Зинаида, но я успел заметить, как тень беспокойства застыла в ее карих глазах.

Квартира обставлена самой что ни на есть городской мебелью.

Да, к ней заезжал старый приятель. Фамилия? Не то Сидоров, не то Иванов.

— Это старого-то приятеля имени не знать, — весело пристыдил я Зинаиду Александровну.

— А вы, простите, из ОБХСС?

— Следователь из милиции.

— Ой, как страшно, — произнесла она темпераментно и передернула в судороге плечиками, взвихрив на них пушистые кружева. — Я немножко знаю вашу профессию, по книжкам. Сама хотела после десятилетки поступать.

— Вы? — вырвалось у меня.

— Да, я! Что ж тут удивительного?

— А я не думаю удивляться. Мне необходимо вас официально допросить. Пойдемте в сельсовет.

— До этого мне нужно с вами с глазу на глаз побыть, — кокетничала Зинаида. — Сообщить кое-что. Сергей Ильич, оставьте нас.

Я остановил председателя.

— Стоит ли, Зинаида Александровна? Председатель сельсовета свой человек, стесняться его не следует.

Она чуть обиженно оттопырила влажную губу и разочарованно посмотрела на меня. Затем нехотя вслед за нами пошла в сельский Совет.

Я долго записывал показания Зинаиды, этой тридцатипятилетней женщины, живущей с большим достатком.

— С этим «Ивановым» или «Сидоровым» у вас серьезно? — спросил я, инстинктивно почувствовав, что мой вопрос такую женщину не смутит.

Она немедля отрапортовала:

— Легкие увлечения.

— А найти его сейчас можно?

— Разве он сделал что-нибудь противозаконное? — Прямо и настороженно глянула она на меня, но, не выдержав моего ответного взгляда, стушевалась, одернула на коленях юбку и повернула голову в сторону председателя, которого я от себя не отпускал, опасаясь какого-нибудь фокуса со стороны этой легкомысленной женщины.

— Нам просто есть смысл встретиться с вашим возлюбленным, но не вздумайте ему об этом сообщить.

— Я не знаю, где он. Случайный человек для меня, если хотите правду. Чай, не старуха, чтобы не пользоваться хотя бы и временными, — откровенно выпалила Зинаида, вздернув брови, как бы возмущаясь тем, что ей не верят.

Я понимал, что она лжет, но решил продолжать игру, слушая ее то спокойные и самоуверенные, то нарочито взволнованные ответы. Наблюдая за выражением ее лица, я делал с полным отчетом для себя вывод: актриса.

Вот она придвинулась ко мне и заговорщически затараторила:

— Марфа, та гонит, сейчас застанете. И продает рубль — стопка. Вот кого, пока вы здесь, надо приструнить. А любовь — все это вздор.

— Неужто вздор? — иронизировал я.

— Приспосабливаются бабы к мужику да на сторону зырят. Вот и все возвышение. Семья нужна. За мужем, как за каменной стеной. Делай что хочешь, муж — дурак. А я ночь переспала — следовательно приехал. Одиночка, потому загородиться нечем.

— Зинаида Александровна, про вашу любовь мы к слову спросили. Ваше личное дело, где влюбляться и с кем, но коль следствие заинтересовалось некоторыми деталями и вас о них спрашивают, согласно статье уголовного кодекса вы сами можете быть привлечены к ответственности за отказ или дачу ложных показаний.

От Зинаиды я потребовал невыезда из села, отпустил ее домой, а сам стал перечитывать материалы и набрасывать план мероприятий. Прежде всего надо допросить тех свидетелей, кто видел неизвестного в деревне, уточнить его приметы, одежду, черты лица. Если не сойдется с показаниями Зинаиды, провести очные ставки. Зинаида при допросе отрицала связь с Киселевым даже до его ареста, в то время, как хвасталась трактористу Зорину, посетившему ее под хмельком неделю назад, что она наведывалась к Киселю, он опять будет ее или она «пустит дружка по миру».

Необходимо произвести обыск у Зинаиды. «Необходимо, — твержу себе. — Воспользуюсь своим правом исключительного случая. Сейчас же сделаю обыск, а потом сообщу об этом прокурору». Беру понятых — и вновь в ее дом.

— Что, следовательно, деньги, небось, будешь искать? Сразу говорю, нет их, вот пять рублей наличными на неделю прожитья. Верь слухам больше. Пирожные из яичных белков делаю! Платья шелковые с бахромой ношу!

Зинаида была в сумасшедшем припадке. Ее, умевшую час назад показать себя перед следователем в лучшем свете, было не узнать.

— Да, да, я грешна. Люблю рестораны, танцы, вино, мужчин художавых и лысоватых. Ищите.

Терялся в догадках, что у нее может быть криминального в квартире: награбленные кем-то деньги, золото или сам «Сидоров» на чердаке? А оказалось всего лишь, что она не успела до нашего обыска уничтожить письмо брата.

«Зиночка, к тебе едет Хабаров. Наш шеф. Устрой его как можно лучше и сведи с Киселем».

— Ну, вот видите, как неплохо закончилось, — стараясь изо всех сил казаться спокойным, сказал я натянутой, как струна, Зинаиде. А она плюх передо мной на колени.

— Расскажу, не срами перед деревней. Я ни в чем не виновата.

— Адрес брата.

— Приморский край. Был в тех местах вместе с Хабаровым. Срок новый получил. Зачем меня втягивает?

— Хабаров к Киселеву ездил?

— Не знаю.

— Лжете. Вы ему дали адрес Киселева. А знаете ли вы, что Иван Романович на... — я хотел сказать «на том свете», но вовремя остановился, вдруг это еще рано говорить, и я выпрямился, — настолько переменялся, что вряд ли ваша затея привела бы к положительным результатам?

О, как я ждал сейчас кого-нибудь на подмогу. Один я выбился из сил физически и морально. На мои плечи легла дьявольская нагрузка: принимать важные для следствия самостоятельные решения. На следующий день я доставил Ваксину в управление внутренних дел.

10

Генерал ловко повертел, помял пальцами папироску, поднес к ней огонек, двумя глубокими затяжками раскурил ее.

— Подсаживайтесь ближе, угощайтесь. — Начальник управления легонько толкнул по столу коробку «Казбека», затем поправил очки, оглядел присутствующих начальников отделов и опергруппу во главе с прокурорским следователем Валерием Васильевичем Лаховым.

Я встал и начал, подавляя волнение, пересказывать показания Киселевой, бригадира, Зинаиды и других второстепенных свидетелей.

Лицо генерала было задумчивым, серьезным. Рубашка с золотыми погонами плотно облегла широкую грудь. Он стряхнул пепел с кончика папиросы и по ходу моего доклада задал вопрос:

— Вы все взвесили в смысле обоснованности ареста Зинаиды? Нужно, кстати, ей доказывать и поджог хозяйства Киселевых.

— План, который выполняет Свинцов, только на это и направлен, — ответил Кирилл Петрович, начальник следственного отдела.

— Ну, следует не только на это. — Генерал задумчиво поправил очки, потом услышал в углу шепот, легонько постучал ладонью по краю стола, напоминая о внимании.

Я окончил. Генерал еще раз затянулся, пустил кольцо дыма и взмахом руки разогнал его над собою, наклонился к пепельнице, придавил в ней остаток папиросы.

— Товарищи, час назад с прокурором области и начальником отдела уголовного розыска мы решали ребус. И, кажется, решили. Предстоит серьезная операция по проверке гражданина Рылина, вернувшегося несколько недель назад из заключения.

Вошла секретарь и, стеснительно улыбаясь, поставила на стол тарелочку с двумя бутербродами.

— Запасаюсь, — невесело улыбнулся краем губ генерал и, обернувшись к стене, всунул вилку электрического чайника в розетку. Затем включил свет. Зеленые шторы на окнах стали еще нежнее. Генерал закончил мысль: — В общих чертах операция намечена. Кому поручить отдельные участки ее выполнения, обдумают начальники отделов.

Заместитель генерала полковник Федор Леонтьевич Щелкунов только и знал, что ворошил свои густые с проседью волосы, волновался. Видно, его план претворялся в жизнь. А он мастак был придумывать комбинации.

От генерала я вышел, не зная, участвую ли в названной операции, или мне можно после пяти дней отсутствия вернуться в свою холостяцкую постель.

Зашел к себе в кабинет. После долгой разлуки он, как живое существо, встречал теплотой и уютом. Наверное, соскучился без хозяина. Зазвонил телефон. Я снял трубку.

— Это милиция? — раздался в ней женский голос.

— Управление внутренних дел.

— У меня повестка, я бы хотела узнать, зачем меня вызывают.

— Ничего не могу сказать, никого не вызывал. В повестке есть фамилия следователя, обратитесь к нему и узнаете.

Не успел я положить трубку и спросить у Кирилла Петровича, можно ли мне идти отдыхать, как раздался снова звонок. Он сам мне звонил:

— Зайди ко мне.

Спускаясь с третьего на второй этаж, я на лестнице встретил Людмилу Григорьевну Свинцову.

— Где Виктор?

— В командировке.

— Это я знаю, а где и когда приедет?

— Скоро, скоро, дорогая Людмила Григорьевна.

У меня поднялось настроение, стало приятно душе от того, что о моих товарищах так беспокоятся жены. Не мог сдержать улыбки. Может быть, и мне пора обзавестись милой женушкой, которая вот так же будет делить милицейские тревоги. Но Людмила Григорьевна сделала вид, что не замечает моей веселости. Она сердито бушевала:

— Подумать только, врач может семье говорить, куда едет, что делает, учитель может, инженер тоже может делиться с женой, а они не могут, попросту не хотят, дым на себя напускают.

«Нет, — решил я, еле-еле успокоив женщину, — рано мне еще думать о собственной «половине»».

11

Чтобы ввести в курс дела читателя, которому надо понять так же, как в ту пору и мне, о какой «операции» говорил генерал и для чего меня вызывал следственный начальник, необходимо вернуться немного назад.

К участковому инспектору Смолякову, принимавшему в тот день на заводе граждан по личным вопросам, обратилась член заводского комитета Вера Васильевна Прохорцева:

— Соседка моя, Антонина Ивановна, «муженьком» подозрительного типа обзавелась, да и сама она озлобленная, недоброжелательная. При случае обратите внимание.

И вот теперь Вера Васильевна Прохорцева сидела в кабинете моего начальника и как ни храбрилась, не могла унять во всем теле дрожь от непривычного предложения. Я должен был немедленно на правах племянника переселиться в ее квартиру.

— Этого требует дело, — убеждал ее Кирилл Петрович. — Мы разыскиваем опасных преступников, очень опасных, — сделал ударение Кирилл Петрович на слове «очень». — Вы должны нам помочь. Вы, кажется, даже член месткома?

— Завкома, — поправила смущенно женщина.

— Вот видите... На кого же нам опираться, от кого ждать помощи?

— Да я не возражаю. Для дела...

Придвинувшись к столу, втроем мы обсудили детали комбинации: как убедительнее поселиться в квартире на правах родственника Прохорцевой.

Решили: Вера Васильевна сейчас же прибежит домой с заготовленной Кириллом Петровичем телеграммой и оповестит всех, что приезжает, мол, племянник. Благо у Веры Васильевны их на самом деле три, и игра должна быть как можно приближеннее к «боевой обстановке».

Вера Васильевна встала, покрыла свой высокий белесый начес косынкой, улыбаясь, смотрела на меня и, видно, на себя тоже, как на людей, задумавших играть в детскую, но опасную игру.

В первом часу ночи, сотни раз пройдя инструктаж и репетиции, я с чемоданом в руке громко в коридоре сообщил «тете» новости, переступив порог ее квартиры.

Утром Антонина Влажнова, женщина с зелеными и как будто пустыми глазами, в узеньких брючках, зашла к Вере Васильевне, и та представила ей меня. Влажнова сразу с предложением:

— Заходите к моему бездельнику, сами скучать будете меньше, и мой Николай даст отдохнуть пружинам дивана. Валяется целыми днями, вот жизнь кому. Слесарь же отменный, — наигранно обидчиво говорила Антонина Ивановна Влажнова. — Привела в дом — в одну неделю обещал устроиться, так поди ж ты, бьет баклуши. Фамилия-то неприличная — Рылин.

Я взял припасенную на этот случай бутылку водки и вместе с Антониной Ивановной пошел в гости к ее соседям.

В кухне чистил картошку смуглолицый, черноволосый, как цыган, с кустистыми бровями лет сорока мужчина. Он, не вставая, поздоровался со мной и молча продолжал делать свое дело.

— Бросай бабью работу! — зло крикнула на Николая Антонина. — Потолкуй со свежим человеком.

— Толкуй сама, раз привела, — буркнул он. И, обернувшись, быстро бросил взгляд на меня. Этот самый Николай Рылин.

Я развернул из газеты и со стуком ставил на стол поллитровку. Николай поднял глаза, медленно вытер руки о брюки:

— Это нас устраивает. Таким пузырькам рады всегда. Распить можем.

Николай еще раз вытер, теперь уже полотенцем, руки и подошел к столу. Нетрудно было догадаться, что он исстрадался без алкоголя. «Залетный» пил много и терял контроль над собой. Болтал обо всем, что у трезвого было на уме. Но о том, что я ждал от него, не вел пока речи, все больше твердил о своих переживаниях, говорил, что Антонина баба-кулак и его держит в ежовых рукавицах, что она змея тропическая и только по большой нужде он согласился с ней жить.

Вошла Антонина в забрызганных грязью чулках.

— Ты пойдешь сегодня в отдел кадров? — спросила в упор она Николая.

Тот, не моргнув осоловелыми глазами, выдержал ее взгляд.

— Пойду, пойду, отвяжись, худая жисть.

Вид у Николая был неприличный. Засаленный пиджак с темными пятнами, торчащие вихры невымытых, лоснящихся волос. Он явно опускался.

12

Третий день я «пил» с Николаем. Он обо мне знал больше, чем моя родная мамаша. Я рассказывал про рыболовный траулер, на котором хожу в море, обещал через неделю взять его с собой.

— Здесь ты пропадешь.

Вера Васильевна принесла мне записку. Писал Павел Коржко.

«Терпение, в городе, судя по приметам, бродит Хабаров».

А было так. На улице Коммунаров в доме № 117 по объявлению вошел незнакомый мужчина и, предъявив документы на имя Виталия Савельевича Стрельцова, снял сдававшуюся Пряхиными комнату. Жил два дня, но прописываться не торопился. Об этом узнал участковый Свиридов и на следующий день рано утром пришел в дом Пряхиных, чтобы проверить у жильца документы, что называется, в постели. Но того и в такую рань не застал в доме: как сквозь землю провалился.

— Только-только был, — недоумевала хозяйка. — Видела же, умывался.

Жилец больше в квартиру Пряхиных не пришел.

А Николай окончательно спился и проникся полным доверием ко мне.

— Когда уезжаем? — сонно спрашивал он.

— А с чем ехать? Мои деньги пропили, тебе дружок не несет.

— Принесет, тот не надует. Мужик-кровопиец, а силен. Судим семь раз и сбежал!

— Сейчас-то? — недоверчиво переспросил я. — Там колючая проволока.

Самолюбивый и мнительный, Николай был задет за живое.

— Говорю, сбежал. Вместе тельпужили. Я по сроку вышел, а он драпа по тайге.

— Как это можно по тайге? — сомневался я.

— Как? Очень просто для него. Сняли Мишку с работы... (У Зинки в записке тоже Михаил, — мелькнуло у меня в голове) и направили в изолятор с двумя бойцами. Привезли к зоне соседней колонии. Один олух пошел узнать, как сдать заключенного, а второй курил. Мишка бросил вещмешок, метнулся в ворота стройконторы, перемахнул через двор, выломал в заборе доску, дальше рукой подать — тайга. Сзади пах, пах. Миша мой скинул робу — под ней цивильная куртка и брюки.

— Просто получается, — подлил я масла в огонь.

— Иди, попробуй, просто или нет, — горячился Николай. — Я — Цыганок, меня все в колонии знают, неделями мог прикидываться глухонемым, прибивал себя за шкуру к нарам, а не рискнул бы. Пуля в горб смотрит.

— Ерунда! — не унимался я.

— Ерунда! Он вышел на трассу, — махал у меня перед лицом корявой, тяжелой рукой Цыганок. — На попутной машине приехал к левому берегу Колымы. Ты был там? Нет! Сообрази, четыре дня человек скитался по тайге, прежде чем попасть в поселок. Ты знаешь его?

— Мишку?

— Спрашиваю про поселок... А я его, как свои пять мозолистых знаю. — Он растопырил пальцы перед своим носом. — Я против него гнида неполноценная, хотя дважды веревку на шею накидывал и стул из-под ног выбивал. Чувствуешь, поржавели голосовые связки.

Я его больше не слушал, уложил на диван, пришел в «свою» половину и написал Павлу, чтобы он проверил спецтелеграммой, кто сбежал в начале мая этого года по Магаданскому управлению.

Утром верный наш связной Вера Васильевна принесла ответ:

«Бежал Михаил Хабаров. Повторяю, он гуляет у нас по городу, будь готов, может зайти к Цыганку».

Нам нужен был человек, который бы отбывал наказание на Севере. Подошла кандидатура Владимира Ишкина, в прошлом много хлопот доставлявшего милиции. Вернулся Ишкин из заключения и поставил крест на своем непутевом прошлом, его словно подменили. Закончил среднюю школу, женился. Его задача теперь — часть всей нашей операции — войти в доверие к Цыганку, поделиться воспоминаниями, намекнуть, что «старое» дело он не бросил, и уточнить, есть ли у Рылина оружие. Цыганок о пистолете ничего не говорил мне.

Дальнейшие события развивались в нашу пользу. Антонина принесла на имя Рылина конверт. Вертела его и вслух удивлялась:

— Ни одного штампа, откуда письмо?

— Это я его с днем рождения поздравил, — сморозил я. Антонина успокоилась, стала варить ужин.

Я помочил теплой водой заклеенные места и вытащил из конверта вчетверо сложенный почтовый листок бумаги. Было написано:

«Гад, прикончу, если не вернешь игрушку».

Я заклеил, подсушил конверт и положил его на прежнее место.

Из бани ввалился Цыганок. Я следил за выражением его лица, когда он торопливо разорвал конверт и вдруг стал бледный, как стена.

Он начал ко мне приставать, кусая губы:

— Выручи. Отнеси штучку одну, скажу — куда.

— А сам?

— Боюсь. Зверь он.

— Мишка-то?

— Неважно. Твое дело передать и сказать: «Цыганок заболел, к нему нельзя».

— Ищи дурака в другом месте.

— Тебя он не тронет, в людном месте встреча.

— А ты попроси Володьку Ишкина.

К тому времени они были уже знакомы. Николай хлопнул себя ладонью по лбу.

— Точно.

Рылин инструктировал Ишкина и передавал ему пистолет без меня.

14

— Хочешь, поедem сегодня, — говорил он, заискивающе и жалко заглядывая мне в лицо. — Женщину бы мне — не Тоньку. Эта тонкостей душевных не понимает.

У меня был один стальной аргумент.

— А деньги?

После этого Николай задумывался и умолкал. Я пьяной походкой подошел к окну, думая о своем. Невольно вспомнил командировку на Украину. Там давно расцвели цветы, а у нас кусты черемухи еще только в бутонах, собираются распуститься. Почему-то вдруг почувствовал усталость. Если бы кто-то заставил проделать всю работу снова, казалось, что не хватило бы сил.

— Кто бы вошел в мое положение, — канючил пьяный Рылин. — Для меня Михаил — бог, скажет: прыгай с третьего этажа — прыгну. Знал бы ты, как по струнке мы у него ходили там...

Рылин стал молча и сосредоточенно, словно и не пил водку, ходить по квадратной влажновской комнате.

И я с усмешкой вспомнил слова Антонины: «Он такой, что кому угодно поначалу голову заморочит». Эта грязь, мерзость, чудовище, убийца только и мог произвести впечатление на полуграмотную женщину.

А между тем события шли своим чередом. Ишкин вручил пистолет сотрудникам милиции. Стоило только на него взглянуть, чтобы убедиться, что оружие изготовлено из малокалиберной винтовки. Эксперт стал выявлять номер на затворной части, спиленной преступниками. Три последних цифры — 175. Из музея похищена винтовка 3175. Баллистическое исследование подтвердило, что извлеченная из тела погибшего шофера Киселева пуля выстрелена из этого пистолета.

Теперь предстояло вручить пистолет по назначению и в этот момент задержать Хабарова, а после — Рылина.

15

Мой подопечный волновался, передаст ли пистолет Владимир Ишкин.

Рылин раскупорил новую бутылку водки и вертикально опрокинул ее. Водка забулькала, наполняя до краев стакан.

Цыганок залпом выпил. Через минуту, мне показалось, он снова «окосел».

— Я страшно раскаиваюсь, — прижимал руки к груди Николай. — Ну, явлюсь я в милицию, расскажу, так кто мне поверит, что я сам жертва? — ревел он, насупив кустистые брови. — Когда приходит Антонина?

— Тебе лучше знать, — как можно бесшабашнее выбирал я тон.

— В двенадцать ночи! Во когда!

— А вдруг он не верит мне ни на йоту, — подумал я, — а так же играет в прятки, и никакому Мишке «штучку» нести не надо? Он просто проверяет меня и Ишкина?

Тут же я себя успокоил. Не может быть, уж очень тупым и недалеким виделся мне Цыганок.

Я прикорнул на диване, закрыл глаза. Одиннадцатый час вечера. Если «операция» еще не завершилась, то вот-вот завершится.

Рылин чертыхнулся. Лишь только один он знал, какой крайний срок придумал Хабаров для передачи ему оружия. Если бы я это знал, то, может быть, меньше бы волновался. Пока Цыганок о том, что нет с известием Ишкина, не проронил ни слова. Значит, время не вышло. Без пятнадцати одиннадцать...

Я вспомнил портрет, нарисованный нашим художником со слов Зинаиды и свидетелей, видевших Хабарова в деревне Крапивная.

Крупный подбородок, плоский, скошенный лоб, полукругом заросший темно-русыми волосами, глубоко сидящие, точно ввалившиеся кнопки, маленькие глаза. Сплошные, как говорят, архитектурные излишества и недотяжки.

Мой подопечный тоже чем-то оригинален. Тупостью. Беспредельной тупостью. Из-за стола вдруг раздалось:

Рылин мог бы рассказать мне о своих отношениях с Хабаровым многое. Освободившись из колонии, он несколько дней ждал Хабарова во Владивостоке, а затем в Комсомольске-на-Амуре с украденными им для «главаря» документами на имя Стрельцова Виталия Савельевича. А дождавшись, они вдвоем «направили стопы» к Шевчуку — их дружку, освободившемуся годом раньше. Во всем была четкая договоренность.

Добравшись до крупной станции, они дали Шевчуку телеграмму о времени приезда.

Рылин в вагоне познакомился с Антониной, ехавшей от находившегося на Севере мужа, и та немедля променяла «кукушку» на «ястреба», доставила Рылина к себе в комнату. С Шевчуком, встречавшим их, пошел Хабаров.

И если бы я заинтересовался и дальше, а Рылин был бы таким простаком, что продолжал бы рассказывать свою «эпопею», он мог бы поведать сразу, не дожидаясь допроса, как в первую же ночь он и Хабаров подошли к городскому музею и, пока Антонина была в ночной смене, принесли к ней в квартиру малокалиберную винтовку, отпилили ствол, сняли ложе и сделали маленький, удобный для ношения в кармане бренок пистолет.

Затем бы он рассказал, как жену и ребенка Шевчук отправил на неделю в деревню, готовясь для приема, по их расчетам, на десять тысяч товара, похищенного из намеченного универмага на ст. Елецкая. Эту станцию выбрал Хабаров по двум причинам — прежде всего, это в другой области, а воровской закон велит, не живи, где воруеть, и не воруи, где живешь, и, во-вторых, невдалеке от этого места живет сестра оставшегося еще в заключении Тананькина. Имя той женщины Рылин, по своему обыкновению, забыл, но главарь шайки делал на нее большую ставку. Через нее он должен был познакомиться с «подельником» Тананькина, шофером Киселевым, и тот на машине будет надежным их транспортным агентом по переброске шерстяных и шелковых рулонов ткани к месту сбыта. Сейчас нужны были, как никогда, деньги. Наладить их «производство» обещал высокомерно Хабаров, и только на них — Цыганка и Шевчука — цыкал:

— Планы проверены, возражений не должно быть, делайте точка в точку, как я велю, а теория о неотвратимости наказания — это пыль в глаза для слабонервных.

Многое мог рассказать, не дожидаясь следствия, наклонившись над фужерами и тарелками Рылин. Мог он поведать то, что я и те, кто принимал участие в этой «операции», узнали только потом из его показаний... Единственное, чего не знал в ту пору Рылин, — что одного из соучастников — Шевчука — уже не существует, и опаленный пламенем прах его развеян по ветру.

Трусливый Рылин ни к кому не шел первым после «мокрого дела». Возможно, он и сделал бы шаг к этому, но мое вселение к нему и компанейское развлечение несколько облегчили одиночество, он не замечал, как быстро шли дни. Этого-то не мог сказать о себе Хабаров, ежечасно то выезжая из города, то приезжая на встречу, заранее обусловленную с Рылиным.

17

Я все время думал, где я мог видеть Хабарова, вспоминая нарисованные нашим художником Ильей Петраковым черты его портрета. И вдруг вспомнил: да я ведь столкнулся с ним, что называется, лицом к лицу на месте происшествия, осматривая погибшего Киселева.

События, установленные впоследствии, о которых уже можно поведать читателю, развивались так.

Хабаров от Зинаиды направился в деревню Поземки, к Киселеву. Там, в селе, поймал встречного мальчонку и попросил сходить в гараж, передать Киселеву, что его ждут в школе.

— Новый учитель, — уточнил мальчику Хабаров.

Киселев не замедлил явиться и тут, почти в середине села, жители которого так гордятся, что чужой человек у них, как на ладони, встретил Хабарова.

Бандит шел размашистой походкой к нему навстречу, не забывая озираться краем глаза на обе стороны. Рецидивист был с чисто выбритым лицом, аккуратно причесан, в темно-коричневом костюме из дорогого трико «ударник», в импортных, начищенных до зеркального блеска, несмотря на деревенскую пыль, туфлях. Кому могла прийти в

голову мысль, что эта отяжеленная, квадратная, обрюзгшая личность ежеминутно, ежесекундно готова уничтожить любого, кто станет на его пути?

— Я сведу с тобой счеты, если ты не явишься для серьезного разговора с Зинаидой Александровной, — медленно, с расстановкой, сразу же после первых слов знакомства и передачи приветов от «подельника» Тананыкина, процедил сквозь плотно сжатые зубы Хабаров.

— Что ей от меня нужно?

— Малого.

— Если вы не оставите меня в покое, я сообщу куда следует, — нервничал и неуверенно говорил Киселев.

— Попробуй, — сказал Хабаров и показал рукоятку пистолета. — Да или нет? Приговор тут же приведу в исполнение. Ты обидел Зинаиду. У нее от тебя... ребенок.

— Вздор, брехня, очумела.

— Разбирайтесь сами, мое дело доставить тебя на место. Бери недельный отпуск, проси машину за дровами, торфом, куда угодно, и айда за ней в Крапивную. За сутки обернемся. Жду ответа вечером у моста...

Первое намерение, какое было у приступившего к честной жизни Киселева, идти все рассказать — жене, председателю, милиционеру Квартальному. Широким шагом, возбужденно, не замечая встречных односельчан, он направился в правление колхоза.

— Иван! — окликнул его завгар. — Куда торопишься, к председателю? Решил...

— Что решил? — побледнел Киселев. — «Неужели уже все знают?»

— Решил, говорю, ехать за шифером?

— За каким шифером? Ты о чем?

— Как, разве ты не в курсе? Пришла разнарядка ехать в соседнюю область за шифером. Поедешь? И оплата побольше, а что дома высидишь?!

Киселев плохо поначалу разобрался, растерянно потер руки о пиджак:

— Могу поехать, — неуверенно выговорил он, а сам подумал: «Возьму этого типа, заеду к Зинке, раз и навсегда развяжу узел. Ребенок... Идиотка взбалмошная. Свидания просто захотела...»

Так утром на следующий день оказался у него в кузове под брезентом Хабаров. Киселев не мог тогда предполагать, что везет человека самого мерзкого, каких он только знал и о каких только слышал.

По договоренности Хабаров стукнул по кабине в нужном месте на дороге. Киселев остановил машину и должен был ждать. Хабаров сделал ему «услугу». «Незачем тебе показываться в Крапивной. Зинка на такси сюда подъедет, все и решите. Я буду считать, что свою миссию выполнил». Сказав так, непрощенный попутчик часа на два отлучился.

Частная «Волга» (хозяин решил подзаработать) с Хабаровым подъехала, как мы знаем, поздно ночью, но без Зинаиды. Планы у него были совсем иные: завербовать Киселева снова на преступный путь. В «Волге», кроме Хабарова, были Шевчук с «ГТ», хранившимся десятком лет в земле, и Рылин с самодельным пистолетом Хабарова. Они предложили Киселеву ехать за ними.

Шофер «Волги», позже установленный, Павличенков Федор Федорович, считал, что вез веселую компанию, подгулявшую на свадьбе, слушал их болтовню, сосредоточив внимание на автостраде. Ему в голову не приходило, что в своей автомашине он подвозит опасных преступников.

Заставив отъехать Павличенкова, трое окружили Киселева.

— Хабаров сказал:

— Отвезешь, что скажу и куда укажут ребята, и — на все четыре...

— Не повезу, — наотрез отказался Киселев, узнав, что речь идет об имуществе из обворованного магазина.

— От-ве-зешь, — по слогам повторил Хабаров.

Если бы Киселев имел представление, что кто-то сидит в двухстах метрах от него в «Волге», он бы кричал, звал на помощь. Владелец «Волги», как потом говорил, мог бы многое сделать по предотвращению убийства. Но ему тогда казалось: «Подгулявшая братия, разберутся».

— Буду ждать вас около вокзала с трофеями, — предупредил Хабаров Шевчука, Рылина и особенно Киселева. Затем бандит повернулся к двум «своим». Четко, так, чтобы слышал «строптивый», произнес:

— Не захочет — девять граммов. — И передал самодельный пистолет Рылину. — Думаю, жизнь ему дорога. — Хабаров угрожающе посмотрел на Киселева.

— Что ты? — Зашептал трусливый Рылин. — «Мокрое» же дело.

— Девять граммов. Пистолет потом мне вернешь. Я жду.

Он побежал вперед, сел в ожидавшую его «Волгу», толкнул дремавшего шофера.

— Замаялся, друг, ты с нами. Перепили ребята, ну их к черту. Доберутся сами. Машина у них есть. Поехали.

18

Но напрасно на привокзальной площади, через которую должны были ехать с «грузом» напарники с тем, чтобы отсюда свернуть к Шевчуку, ждал Хабаров.

— Что-то случилось? — томился он. — Если убили — полбеды, а вдруг попались, что делать одному здесь, в чужом городе, без оружия, без денег?

Прождав до девяти утра, он взял снова такси. Преступника всегда тянет к месту преступления, он решил проехать по этому участку автострады. Там как раз в эту пору проходил осмотр места происшествия, стометровую полосу асфальта оцепили, машины пропускали в объезд по грунтовой дороге.

— Что тут случилось? — услышал я у себя за спиной.

Я обернулся. Из приоткрытой дверцы «Волги» выглядывал мужчина с могучим подбородком, чисто выбритый, в костюме из отличного трико «ударник».

Милиционер, стоявший сбоку от меня, недовольно ответил:

— Разве не видите, человека убили.

— Нашли негодяев?

— Поезжай, поезжай! — раздраженно сказал милиционер. — Каждому встречному объяснять.

— А-а, — промычал неизвестный и захлопнул дверцу. Но на этом не успокоился. Отъехав, попросил шофера остановиться, вышел и подробности убийства с живым интересом расспросил у мальчишек, которые, как пчелы, налетели изо всех близлежащих сел.

— Сожгли одного гада в бане, — радостно сообщил мальчонка. — «ТТ» при нем, а второй бежал.

Все. Лучших сведений ни один следователь при всем желании не сообщит. Значит, погиб Шевчук: «ТТ» у него.

Хабаров прикинул. Одному из города не уехать — безрассудное дело. «Вместе с Рылиным приехали, вместе уедем. Пистолета одного на двоих пока хватит».

Но три дня он околачивался в запланированных местах, а Рылин как в воду канул. Невдомек было бандиту, что он время проводит в душеспасительных и совсем не официальных беседах со следователем управления внутренних дел. Идти к нему в дом Хабаров боялся — вдруг засада. Тогда он бросил записку. Но к этому времени Рылин так отвык от своего повелителя, что решился на такой необдуманый шаг, как передача пистолета Хабарову через Ишкина. Лишь бы навсегда избавиться от Хабарова, а это значило, по его разумению, почти на 100 процентов уйти от наказания за «мокрое дело».

Но неотвратимое наказание, как дамоклов меч, висело над головами Рылина, Хабарова и Антонины, тоже погрешившей руки от кражи Рылиным выручки из магазина. Следствию предстояло доказать, что Зинаида совершила поджог хозяйства Киселева и упрятала часть ворованного имущества в магазине.

Но все эти обстоятельства выяснятся позднее.

А пока еще нужно было разыскать бандитов.

19

Ишкина, как и планировалось, взяли под наблюдение переодетые в штатскую одежду сотрудники милиции. Участвовавшие в «операции» дружинники получили фото бандита Хабарова. Парни и девушки дежурили на вокзале, у кинотеатров, двух ресторанов, вблизи других мест, где могло произойти неожиданное появление Хабарова.

В этой обстановке стоило Хабарову самую малость заподозрить, что он со всех сторон «обложен», почувствовать опасность, и он бы бросился бежать из города. И тогда поймать убийцу и главаря шайки было бы во сто крат сложнее.

Поэтому добровольных помощников милиции и самих блюстителей порядка во главе с полковником Щелкуновым тщательно проинструктировал сам начальник управления.

Согласно рылинскому указанию, Ишкин подошел в назначенное время к кинотеатру. В эту минуту окончился сеанс, и зрители потоком хлынули по улице. Хабаров мог быть среди них. Ишкин стал на видном

месте, на ступеньках у колонны. И простоял, как от него требовалось, двадцать пять минут. Главарь не явился. В этом месте засада делалась напрасно.

Ишкин направился ко второму запланированному месту встречи — ресторану железнодорожного вокзала. Было около семи часов вечера. В это время дружинники сообщили, что подозрительного вида мужчина, имеющий в чертах лица что-то общее с фотокарточкой, обогнул с тыльной стороны привокзальные ларьки, сам вокзал и, не заходя в него, проскользнул на перрон.

Две дружинницы и переодетый сотрудник угрозыска Павел Коржко, прячась за спинами пассажиров, последовали за неизвестным, вместе с ним вошли в электричку.

Павлу была дана команда, если неизвестный не намерен будет возвращаться, задержать его.

Пусть не покажется некоторым, что милиция осложнила себе работу. Ведь, казалось, куда проще задержать незнакомца, проверить документы и в дальнейшем поступать сообразно с личностью гражданина. Но это так может представиться лишь на первый взгляд. Многие «но» предостерегали от этого шага. И первое из них такое: допустим, это Хабаров. Задерживаем. А дальше, попробуй, докажи, что он имеет отношение к убийству Киселева. Преступника во что бы то ни стало надо было задержать с «истребованным» им пистолетом, из которого был убит шофер и который сделан из похищенной в музее винтовки. Необходимо было быть очень осторожным при задержании и потому, что, возможно, он имел и других соучастников преступления, с которыми намеревался встретиться. Для следствия важно было закрепить «операцией» и связь Хабарова с Рылиным.

Между тем, возможно, в душу к Хабарову вкралось сомнение, а может быть, он вообще день и ночь пребывал в страхе. Это, по всей видимости, настораживало до предела его, побуждало никому не доверяться. Казалось, Хабарову можно было сбежать одному из чужого города, на память которому он оставил два преступления: кражу мелкокалиберной винтовки и организацию убийства Киселева (универмаг — в другой области). Но он отдавал себе отчет в том (мы на это делали ставку), что один он без Рылина попадетсЯ. Ему нужен был сообщник, чтобы вместе покинуть этот город. Как он мечтал обосноваться в нем, и вдруг такая нервотрепка после первых же преступлений...

«Я буду в случае чего отрицать все, — метались мысли в голове бандита. — Доказательств нет, что я участвовал в убийстве. За один побег «голый» судите, не возражаю, возвращайте в колонию. Какая мне разница. Я погулял месяц на воле».

На имя Стрельцова в камере хранения вокзала удалось обнаружить рюкзак и чемодан. С санкции прокурора произвели обыск. Содержимое его состояло в основном из консервированного продовольствия, сухарей и плащ-палатки. А это, пожалуй, было лучшим свидетельством того, что он готовился, получив пистолет, может быть, совершить еще одно преступление на пару с «дружкой» и распрощаться с городом. Затем отлежаться в густой чаще леса на плащ-палатке, а возможно, пробраться куда-нибудь, где они навсегда будут в безопасности... подальше от расплаты за свои преступления.

20

Между тем через два с лишним часа Хабаров с незримыми для него сопровождающими, сделав круг в полсотни километров, вернулся в вечерний город, с которым его связывали вещи, находившиеся в камере хранения, пистолет, оставшийся во временном пользовании у Рылина, и сам Рылин.

На оружие убийца возлагал особые надежды. Совершив удачное ограбление или «мокрое» дело, можно было загулять на неделю. Жить с коньяком, белужьим балыком. Кидать официанткам за бутерброд с зернистой икрой красненькую бумажку и целовать какую-нибудь нещепетильную, типа Зинаиды или Антонины, дамочку в угарном забытии. А потом... потом читать маленькую настольную книжечку следователя, именуемую Уголовным кодексом. «Да, счастье всегда должно зависеть от того, насколько мы, сильные и хладнокровные, не от мира сего, просто добываем себе на прожиточный минимум. Не хочешь, чтобы я тебя душил, положи сам на блюдечко с голубой каемочкой свои сбережения. Так, кажется, говорил Остап Бендер. Он знал сто один способ, не хватая за горло и не извиняясь перед Уголовным кодексом, иметь приобретения. Лично я этих приемов не знаю. Владею самым верным, одним: за горло. Но, как всякий метод, он имеет свои недостатки — излишняя опаска, потом как бы не сцапали и не пригвоздили навечно самого к стенке», — бились в висках Хабарова

мысли. Он знал законы не хуже юриста: побег из мест лишения свободы — статья 188 уголовного кодекса — пять лет лишения свободы. Две кражи личного имущества на Дальнем Востоке и две — государственного — здесь, в том числе оружия, — до десятка лет. И, наконец, статья 102, от которой дыбятся на голове волосы, — умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах — смертная казнь. Может быть, ему погулять напоследок? Устроить всемирный потоп? Поджечь землю со всех концов? Эти мысли сводили с ума Хабарова. Страшно подумать о том, что он будет пойман. А потом — следователь, прокурор, суд. В таком состоянии Хабаров, имея рабочий телефон сожительницы Рылина, позвонил ей на завод. Если все нормально, та должна быть на производстве. Ведь как-никак, она знала о краже и «доле» Рылина в четыреста рублей. В случае чего и ее сграбастает милиция.

К телефону подошла Антонина.

— Алло! Это я.

Хабаров прислонился к стеклу телефонной будки и натянуто ухмыльнулся. Разговор между ними состоялся краткий.

— Где Николай?

— Уходила, был дома. Ждет деньги, видно, от вас.

— Привез их, привез, — сказал Хабаров. А про себя подумал: «Последние заберу».

После этого он положил трубку и, широко распахнув дверь телефонной будки, с минуту с непринужденным видом постоял на выходе, а затем, оставив дверь открытой, направился, судя по всему, к месту третьей встречи, запланированной с Рылиным на одиннадцать часов вечера в сквере привокзальной площади.

Время еще было.

«Зайти, может, к Шевчуку? Переночевать у его жены?» — думал Хабаров. А там осталась одна улика, о которой он не знал. Запись «19 Москва К. 5 ваг. Миша Хабаров» — и сама телеграмма из Москвы Шевчуку от Хабарова.

Около часа Хабаров шлялся по вокзалу, не решаясь идти в дом погибшего «дружка», ходил по перрону, не отходя далеко от поездов.

Не было сомнения, что в любую тревожную минуту готов нырнуть в уходящий поезд этот безумец.

В одиннадцать часов вечера Хабаров, сделав «отводную» петлю, направился в сквер. Еще издали в тени ветвей увидел сидящего на скамейке Ишкина, решил подойти. Может, Рылин не теряет времени даром, вербует «на службу», как он его учил?

— Папироски «Беломора» не найдется? — спросил, как инструктировал Рылин, у проходившего мимо Хабарова Ишкин. И хотя он десятки раз репетировал пароль, ему показалось, что сказал его чужой, рядом стоящий человек. Голос изменил ему при виде кряжистого здорового бандита.

— Сигаретой могу угостить, а спички ваши.

— Предпочитаю лучше совсем не курить.

— Что с Рылиным? — вплотную подошел Хабаров к Ишкину.

— Велел передать, — Ишкин натренированным движением сунул тому оружие.

Но Хабаров вдруг отстранил руку Ишкина.

— Пусть у тебя. Пойдем проведем больного. Ночевать все равно негде, а с его возлюбленной договоримся, может, еще отобьем.

И они вдвоем через сквер гулко затопали по асфальту.

Согласно договоренности, если Хабаров возьмет оружие, Ишкин должен пойти в другую сторону, они должны разойтись. Но так не случилось. Это озадачило наблюдавших. Следом сразу идти было нельзя. В то же время совершенно ясно, что Хабаров, утомленный за день, измотанный, не мог спать как когда-то на диване вокзала или скамейке сквера.

Пойти он мог и к самому Ишкину, которому по дороге задал несколько вопросов.

— Где сидел? За что? Чем занимаешься?

Получив исчерпывающие ответы, успокоился.

Итак, Хабаров потащил Ишкина к Рылину. От северного пронизывающего ветра было холодно. Прижимаясь к стене, за ними незаметно побежали Свинцов, Коржко и их группа.

Было без четверти двенадцать. Рылин открыл створку окна. Со двора доносились горьковато-пряный запах и свежесть.

В это время в дверь постучали.

— Антонина, — сказал я.

— Рано, — насторожился Рылин и метнул взгляд в окно.

Я крикнул ему:

— Ты что, обалдел! Открывай дверь!

— Кто? — дрожащим голосом спросил Цыганок.

— Свои, — услышал он до ужаса знакомый голос главара.

В комнату ввалились Хабаров, Ишкин. А следом за ними, не дав опомниться, Свинцов, Коржко и другие. Я и кто-то из наших рванулись к бросившемуся в окно Рылину, сцепились с ним, повалили его на пол, придавливая к шкафу.

Наши ребята скрутили руки главарю. Он плотно сжал зубы, маленькие волчьи глаза забегали, налились кровью.

— Отродье! — взвыл он в наручниках на Рылина. — Провалил дело.

23

Я зашел к Кириллу Петровичу, своему непосредственному начальнику, доложил, что задание выполнил. В кабинете у него сидел молодой лейтенант милиции.

— Знакомьтесь, молодое пополнение.

— Георгий Соловьев, — протянул мне руку стройный, большеглазый, как девчонка, офицер.

— Возьми его с собой. У тебя место найдется на одну койку?

— Конечно, найдется, — радостно произнес я и хотел добавить: — Все реже по выходным дням буду ходить в наряд — разделим внеочередные дежурства пополам.

Мы с Георгием пошли через парк к автобусной остановке. Ветер вздымал прошлогоднюю бледно-желтую обмороженную листву и пригоршнями бросал ее нам в лицо. Встречная девушка улыбочиво вскинула на молоденького лейтенанта брови.

«Будет пользоваться успехом, — отметил я про себя. — Четыре года назад, — думал я, — вот так же и я с чемоданом и направлением переступил порог родной милиции. И так же, как сейчас он, считал, что

главное в нашей службе — романтика опасностей, риска. Отбрасывал повседневность, кропотливость нужной и важной для всех нашей работы».

Но этих первых представлений не стоит опасаться — они временны для тех, кто проникся уже с первых месяцев службы уважением к своей профессии не внешней стороной, а ее сутью.

Я открыл после долгой командировки свою холостяцкую уютную комнатку. Покой и обжитость дохнули на меня.

После разлуки простое следовательское жилье мне стало еще милее. Порадовался тому, что после вуза меня направили работать в этот город.

— Размещайся и будь, как дома, — сказал я новоиспеченному лейтенанту милиции, а сам стал распечатывать письма от милой, доброй мамы.

В это время в дверь позвонили. Открываю — опять старшина Хафизов. Он улыбается.

— Иду мимо, решил поздравить вас с успешным окончанием «операции». Вижу, вижу, сколько корреспонденции накопилось за эти дни...

Я втаскиваю его в комнату, и мы начинаем весело пить чай.

Итак, банде Хабарова пришел конец. Следователь прокуратуры поставил последнюю точку в уголовном деле № 14. Приговор коллегии по уголовным делам областного суда в отношении Хабарова и Рылина о высшей мере наказания приведен в исполнение. К разным срокам лишения свободы осуждены Зинаида Ваксина и Антонина Влажнова.

Ах, как Хабарову и его компании хотелось поставить запретный промысел на «широкую ногу». Но они (пусть и не так уж быстро) оказались укрощенными. Каждый из пятерых получил свое по закону. И по справедливости.

Закончив рассказ о своем первом «крупном» деле, Руслан Юрьевич Вихрев скромно заметил: «Рядовой эпизод. Но дорог тем, что от него пошло начало моей беспокойной службы».

1968—1970

«ЛЕКАРИ»

ПОВЕСТЬ

ШЛЕКАРИИ

Начальник следственного отдела Виктор Викторович Белов, моложавый подполковник милиции, выслушав доклад следователя, полистал папку с бумагами, касающимися взлома аптеки, и, не глядя, протянул руку к телефону.

— Обстановка несколько осложняется, товарищ генерал, — сказал Белов в телефонную трубку.

Начальник управления попросил зайти к нему.

Генерал был в годах, закаленный жизнью, на вид простоватый, но на самом деле с хитрецей человек.

— Ну-ну, что там у нас плохого с аптечным делом? — спросил он и по привычке стал вертеть в руке коробок спичек.

Начальник следственного отдела подумал невольно: «Вот еще провидец! Я не успел рта раскрыть, а он уже знает, с чем я пришел».

Подполковник с легкостью человека с натренированной памятью, даже не открыв папку с документами, стал выкладывать обстоятельства и подробности преступления.

Теперь уже генерал исподволь восхищался тридцатидвухлетним руководителем самого сложного отдела управления и в который раз подумал о том, что, возможно, придется все же расстаться с Виктором Викторовичем: министерство ставило вопрос о переводе Белова в другую область — на повышение. А отпускать подполковника не было у генерала ни малейшего желания.

Впрочем, если говорить начистоту, выдвижение не радовало и Белова. Оно означало расставание с генералом, товарищами. А он этого не хотел. Кто знает, как сложится служба на новом месте, каковы будут начальники и подчиненные. Здесь же Белову работалось легко и удачно.

— Так как дела с аптечными разбойниками? — повторил вопрос генерал.

— Осмотр аптечного киоска на улице Кирова подтвердил, что стекло выставлено тем же способом, что и в других. — Подполковник положил перед генералом протоколы осмотра места происшествия. — А вот список похищенного.

Начальник управления поправил очки, взял поданный Беловым листок бумаги.

— Опять натрий бром — 3 килограмма. Пирамидон в порошках — 500 граммов, пенициллин — 150 трубочек номер 10 и сто тысяч единиц, еще десятки названий. Кому это нужно? — генерал поднял глаза. — Можно вылечить целый город от эпидемии. Что вы думаете на этот счет? С кем мы имеем дело? Что за «лекари»?

— Напрашивается предположение, что у воров есть связь с каким-нибудь аптечным киоском, возможно, обеспечивают таблетками токсикоманов.

— Улик на месте происшествия оставлено немного, и все-таки, думается, зацепиться есть за что. Не так ли? — генерал вопросительно глянул на подполковника. Версия о токсикоманах, думаю, реальная.

— Да, — согласился Белов. — Слепки со следов обуви у аптек сличили. Одни и те же туфли. И еще кое-какие улики изъяты, которые пригодятся. Будем проверять наркоманов и их «младших братьев».

— Сейчас самый раз, — оживился генерал, — усилить охрану у аптек, которые на окраине. Нужно быть готовыми к новым аналогичным взломам и в пригородных селах. Эта тварь не остановится ни перед чем.

2

Возвратясь к себе в кабинет, Белов вызвал следователей на оперативное совещание. Переводя взгляд с одного на другого, подполковник с удовлетворением отметил, что любому из них можно поручить самое серьезное задание. Выполнят. Возьмут молодой энергией, знаниями, которые они получили в вузах, опытом.

— У кого есть неотложная работа? — поинтересовался Белов.

Следователи начали докладывать о срочных делах, необходимых выездах, следственных мероприятиях. В результате оказалось, что лишь капитан Вихрев полностью свободен от расследования уголовных дел: он только что вышел на службу после отпуска.

— Тогда с вас и начнем, Руслан Юрьевич, — сказал Белов.

Неторопливый, обстоятельный, логичный в рассуждениях, капитан был симпатичен подполковнику, хотя у капитана была слабость: ехидничать по поводу даже самых здравых и толковых рассуждений товарищей, а иногда и начальника.

— Согласен, не глядя, — сострил по привычке Вихрев и безмятежно уставился в глаза начальника отдела. На самом деле капитан пытался угадать, что за происшествие ему предстоит расследовать.

Белов, пройдясь взад-вперед по ковровой дорожке, сказал:

— Аптеки трещат по швам. Вернее, по окнам. Беритесь и раскрывайте преступления.

3

Когда материалы о взломах аптек оказались в руках Вихрева, он со свойственной ему скрупулезностью стал вчитываться в каждую строчку протоколов. Время от времени запускал пятерню в свою буйную шевелюру. Наконец позвонил Белову:

— Товарищ подполковник, разрешите командировочку в Малые дворики. По моим подсчетам, этой ночью преступники заглянут туда. Ведь три аптеки взломаны по автотрассе, следующая по логике в Малых двориках.

— В Малых двориках нет аптеки, а рядом, в Васильевке, есть. Поезжайте туда на ночь.

Вечером Руслан Юрьевич прибыл в село и разместился в малюсенькой комнатке для приезжих. В час ночи он уже был поднят по тревоге. В аптеке орудовали грабители.

4

Минут через пять капитан был на месте происшествия. Дрожали, как в лихорадке, пальцы рук у заведующего аптекой Волина.

— Я вас попозже допрошу, — пригасив чужой окурок, сказал Волину Вихрев. — А сейчас помогите мне снять вот эти следы топора с дверей.

Затем были собраны в пакет рваные части металлического запора, сфотографированы вмятины от ломика на дверцах старинного сейфа.

Преступники, чувствовалось, были опытные, сильные и решительные. Эти предположения подтвердились взволнованным и сбивчивым рассказом управляющего аптекой Волина. Налетчики не подозревали, что под одной крышей с аптекой расположена квартира

управляющего Волина. Проникнув в помещение, они оказались у него в спальне. И Волин столкнулся с ними лицом к лицу. Один из них был рослым, гораздо выше Волина. Второй хоть и маленький, но крепыш.

Сцепившись с рослым незнакомцем, Волин оттеснил бандита к шкафу. Неистово и жалобно задребезжала разбитая посуда, с грохотом повалились на пол чашки, тарелки. На помощь верзиле бросился другой — низкорослый крепыш. Скуластый, широколицый. И неизвестно, чем бы кончился этот неравный поединок, если бы на помощь управляющему не кинулась его престарелая мать. Она вцепилась ногтями в лицо крепыша и тем самым помешала ему нанести удар сыну. Волину удалось на какое-то мгновение оттолкнуть от себя рослого преступника. Споткнувшись о поваленный стул, бандит упал. Метнувшись к двери, Волин схватил ружье, обычно висевшее возле двери. Ружье не было заряжено, но угрожающий вид двух стволов подействовал на бандитов отрезвляюще. Они, протаранив головами остекленные рамы, исчезли в темноте.

Рассказывая о случившемся, Волин глубоко затягивался дымящей папиросой, изредка разгоняя дым усталым движением руки. Не окончив фразу, вдруг вскакивал и убегал в соседнюю комнату, где лежала больная мать. Пережитая ночь ее потрясла. Возвращаясь к следователю, управляющий снова отвечал на вопросы Вихрева. Это был до смерти уставший человек. Но он крепился, не подавал виду, что самое большое его желание сейчас — остаться одному, отдохнуть, развеяться.

Все, что интересовало следователя, Волин рассказал в полчаса. К своим показаниям он ничего добавить не мог. Кто преступники, откуда взялись они в селе — об этом он не имел ни малейшего представления. Но предположил, что были наркоманы или токсикоманы. Они часто отираются около аптеки.

— Ну что ж, Аркадий Васильевич, спасибо за показания и за смелость, идите отдыхайте, у нас еще будет время побеседовать с вами.

— Какой уж тут отдых, — мягко возразил Волин. — Скоро аптеку открывать. Больные ждать не будут.

— Вот этого делать не следует.

— Не понял, что именно?

— Открывать учреждение. Нужно сделать ревизию, — напомнил следователь управляющему.

— Ах, да, да, — оживился Волин. — Пойду распоряжусь.

В это раннее утро большая группа сотрудников была поднята по тревоге на ноги. Срочно перекрывались дороги, ведущие из города, выставлялись посты на вокзалах. Сообщение о преступлении было передано в соседние области. Четкие распоряжения капитана Вихрева создавали у сотрудников, подчиненных следователю, уверенность в правильности принятых решений. Сам же следователь был далек от мысли, что преступников удастся задержать легко и быстро.

Следователь приступил к повторному осмотру места происшествия утром. Появились дополнительные улики. Прежде всего — на осколках разбитого стекла обнаружили следы крови. Очевидно, кто-то из бандитов повредил открытые части лица, рук или шеи. Насколько серьезны эти ранения — пока судить трудно, но для следователя обнаруженная кровь — немаловажная улика.

Вихрев осмотрел оставленные бандитами второпях вещи. В обычном рюкзаке — пиджак, полотенце, сапожная и одежная щетки.

— Чистоплотные, — брезгливо поморщился Волин. Он стоял рядом со следователем и подписывал протокол.

Следователь обрадовался находке. Это уже кое-что: личные вещи преступников да к тому же среди них увесистая связка ключей. Вихрев внимательно осмотрел ее, перебрал ключи.

— Давно, видно, готовились к кражам. Сколько припасли запчастей.

— Какие-то залетные птахи, у нас в селе таких не видать было. Может, приехали по большаку.

Но следователь уже не слушал аптекаря. Он, как опытный в своем деле человек, почувствовал, что нащупывается «ниточка». Она начиналась клочком газеты, обнаруженным на полу помещения. В верхнем углу обрывка стояла пометка, которую обычно делают почтальоны при доставке корреспонденции подписчикам: «26.31/8».

Пока Вихрев оценивал и фиксировал в протоколах улики, ребята из опергруппы, дружинники, отряд добровольных помощников продолжали поиск. Не исключалось, что преступники, в надежде выиграть время, притаились где-нибудь в ближайшем лесу и ждут, когда наступит затишье, поэтому нужно было прочесать влажные от утренней

росы опушки леса, опросить сторожей, случайных прохожих, шоферов проезжающих машин.

К исходу дня следователь выработал план дальнейших действий, составил перечень мероприятий. Об отдыхе никто не думал. Все были одержимы одним стремлением — найти и обезвредить преступников.

— Братцы, человек — не вечный двигатель, его нетрудно испортить, — неожиданно заявил молодой лейтенант из уголовного розыска. — Мы же совсем отощали.

Несмотря на молодость, лейтенант был массивен, упитан и все же раньше всех запросил передышки. Сотрудники начали по-дружески подтрунивать над ним. Тем не менее на столе появились колбаса, аппетитные ломтики хлеба, свежего, ржаного. Жена Волина подала проголодавшимся по стакану ароматного чая.

Позвонили из управления внутренних дел:

— Какие результаты, Руслан Юрьевич? — спросил Белов.

— Улики — пальчики облизешь.

— Выезжайте в управление, — решил Белов. — Обратимся к экспертам.

6

Эксперты быстро установили название газеты. Районный центр, где она издавалась, был расположен в семидесяти километрах от места преступления. Для начала совсем неплохо. Но оснований утверждать, что воры прибыли именно из этого городка, пока у следователей не было.

В который раз капитан вчитывался в крайне лаконичную запись: «26.31/8». Положим, 31 — номер дома, а 8 — номер квартиры. Но что означает цифра 26? Эту загадку скорее всего можно решить на месте, где издается газета.

Сумрачно посматривая из окна кабины «газика», Вихрев ждал встречи с райцентром, в котором не был ни разу. Перед тем, как зайти в местное отделение милиции, он проехал по нескольким улицам небольшого городка.

7

Было еще рано. Во всем отделении милиции хозяйничал дежурный старший лейтенант Кравцов, плечистый, с военной выправкой. Он оказался участковым инспектором райцентра. Значит, можно было сразу же приступать к делу.

Кравцов взял у капитана клочок бумажки и посмотрел на него острым взглядом из-под тяжелых нависших век. Потом откинулся на спинку стула — резко, энергично.

— Значит, нам нужно расшифровать...

— Сначала цифру 26. По-моему, в ней что-то для нас скрыто, — уверенно сказал Руслан Юрьевич.

— Это нить для вас. Стоп! — Участковый инспектор заметно оживился. — Идея, причем блестящая. Давайте я вас познакомлю с наименованием всех райцентровских улиц.

Может быть, менее опытный следователь сказал бы: пустое, что может быть общего в цифре с наименованием улиц, но Вихрев впился в справочник города. А участковый инспектор уже загорелся осенившей его идеей.

— Фантастически! Улица 26 Бакинских комиссаров. Идет?

— Подходит, — Вихрев бросил на спинку стула плащ. — Вроде.

8

В доме под номером 31 в квартире 8 по улице 26 Бакинских комиссаров капитана и старшего лейтенанта встретила предупредительная и до умиления доброжелательная старушка.

— Проходите, проходите! — засуетилась она, увидев на пороге двух незнакомых мужчин, один из которых был в милицейской форме.

Извинившись за столь ранний час визита, следователь пропустил вперед Кравцова, затем переступил порог сам. Старушка провела гостей в большую комнату и усадила в старые, но удобные кресла, и к немалому удивлению мужчин закурила.

— Закуривайте, молодежь. Своего Сашку я, ох, как гоняю за эти шалости, а сама вот балуюсь. С войны привычка. Тяжело досталось. Связисткой была. Ну да ладно. — Она заговорщически подмигнула и с доброй материнской улыбкой пододвинула пачку сигарет гостям.

— Вы нас извините, Екатерина Семеновна, мы сразу с вопроса, — начал Вихрев.

— Будьте добры. Слушаю.

— Саша — это кто?

— Саша-то? Мой внук. Он уже теперь по фигуре величается Александром Ивановичем. Вот, голуби мои. Восемнадцать стукнуло.

— Спит, что ли? — понизив голос до шепота, допытывался Вихрев.

— Да нет его дома, говорите громко, — добродушно сказала женщина. — Еще будут вопросы? Уж, верно, неспроста вы ко мне.

— Да как вам сказать, — тянул в нерешительности участковый, выразительно поглядывая на приезжего следователя.

А Вихрев, заметив на тумбочке районную газету, потянулся к ней. Очевидно, он изменился в лице, так как старушка участливо посмотрела на Андрея Даниловича и поспешно распахнула окно.

— Мне невдомек. Я столько курю. Сейчас проветрим комнату.

— Нет-нет, я сам балуюсь куревом, только не с утра, — заверил хозяйку капитан, а сам с трудом оторвал взгляд от характерного «26.31/8». Такая же пометка. Да и сделана она той же рукой.

— Екатерина Семеновна, вы не можете уточнить, где сейчас находится ваш внук, Александр?

Теперь уже старушка не сомневалась: гости пожаловали неспроста, а по поводу ее внука. Она изменилась в лице и озабоченно посмотрела в глаза следователю:

— Не томите, что случилось?

— Ради бога, не волнуйтесь. Ничего не случилось. Но на мой вопрос прошу ответить. Это необходимо знать.

— Саша на заводе. Он в ночную смену... — голос изменил старой женщине, она умоляюще попросила: — Пожалуйста, еще раз прошу, скажите, что с ним? Он здоров?

— Екатерина Семеновна, конечно, здоров. Впрочем, мы его не видели. Но раз он на работе, значит, здоров, все с ним в порядке, — заверил старший лейтенант.

Старушка помолчала. Затем закурила новую сигарету и тихим, уже менее взволнованным голосом пояснила:

— Не думайте, я ведь прекрасно поняла сразу, что ваше посещение не случайно. Сперва мне показалось, что вас интересует какой-то вопрос, касающийся наших соседей, жильцов напротив. Но вдруг вы заинтересовались Сашей — это другой оборот. Я забеспокоилась. Сами должны понимать, кто он для меня. Впрочем, если вы утверждаете, что

он жив, здоров, значит, с ним ничего не случилось. А в остальном я спокойна. Я слишком хорошо знаю своего мальчика, чтобы допустить мысль о его причастности к делам, которые расследуете вы, я имею в виду милицию. Впрочем, опекуны всегда узнают последними о проказах своих воспитанников.

9

Минут через двадцать следователь выяснил все, зачем пришел в эту квартиру, к Екатерине Семеновне. Саша работает на заводе фрезеровщиком. В прошлую ночь спал дома. И хотя это требовало дополнительной проверки, тем не менее чувствовалось, что ответы старушки правдивы. Действительно, районную газету они выписывают. Ее доставляет почтальон Вера. К восьми утра она, как всегда, и сегодня принесла свежую почту. Когда вернется Саша? Часов в десять. То есть минут через сорок, сорок пять.

Решили подождать Сашу. А заодно и письмоносца.

Вера вскоре появилась. Глаза у девушки были лукавые и задорные. Она вмиг рассказала все новости, какие напечатаны в газетах, и извинилась, что немного припоздала.

— Когда же вы смогли их прочитать? — изумился Вихрев, которому понравилась общительная девушка.

— А вот кладу в почтовый ящик и на ходу заглядываю сначала на первую страницу, потом на последнюю. Ведь свежие события только на этих страницах.

Когда Вера ушла, Екатерина Семеновна стала хвалить ее:

— Чудо-человек. Смотрите, ведь красавица, может пойти в секретарши, в тепло, на легкую работу, а привязалась к нам, говорит, утра не дождусь, чтобы обрадовать кого-нибудь письмецом.

Пришел Саша. Длинный, стройный, юношеская спортивная выправка подчеркивалась модной курткой. Лицо улыбочное, открытое, располагающее с первого взгляда. И умное. Ни тени смятения, ни малейшего повода к замешательству не заметили сотрудники в глазах парня. Да, такие ребята не бывают причастными ни к чему, кроме работы, спорта, учебы.

И все-таки сотрудники милиции объяснили Александру цель своего прихода. Саша подумал и не спеша ответил:

— Газеты мы все храним. Наша не могла быть в другом районе в каком-то селе. Свою газету за то число я попытаюсь найти.

Но, просмотрев сохранившиеся экземпляры, Саша недоуменно пожал плечами.

— Не нашел. Куда она девалась — ответить прямо-таки затрудняюсь. Может, кто-нибудь взял? Кто же к нам приходил в последнее время? Бабуля, ты не помнишь?

— Ну как же, — охотно вступила в разговор бабушка, — например, вчера приходила Ирина Родионовна. Несколько дней тому назад — Игорь Степанович... Была Верочка.

Но Саша вдруг задумался.

— Припоминаю. После майских праздников забегал Юрка, — сказал парень. И вдруг воскликнул: — Вы знаете, пожалуй, вспомнил. Точно, приходил Юрий и просил дня на два ножовку. Я дал ее, но предварительно завернул в попавшуюся под руку районную газету. Помню, ножовку едва прикрыла маленькая газета. Впрочем, я не могу утверждать, что именно за 23 апреля была та газета. Я лишь утверждаю, что газета была районная, малоформатная.

Следователь насторожился:

— Юрий — это кто?

— Он бабушкин племянник. Мой родственник, но у нас мало общего.

— Парню девятнадцатый год, — вмешалась Екатерина Семеновна, — нигде не работает, сестру до нитки вымотал. Извел, негодяй. Какую-то гадость глотает.

10

В квартире Савинских были сбиты в кучу половики. Прямо в прихожей — бак с мусором. Хозяйка, истощенная сутулая женщина, убиралась. Она болезненно восприняла приход работников милиции. Рассматривая предъявленные ей для опознания вещи, найденные в аптеке, никак не могла успокоиться.

— Пиджак сына, — помявшись, согласилась женщина. Потом, повернувшись к длинному и худому, как жердь, сыну, спросила: — Где опять таскаешься? Твой пиджак ведь. Почему он в милиции? Эх, Юрка, Юрка...

Парень стоял с заспанным помятым лицом. Правая щека в мелких и частых царапинах. «Свежие порезы» — отметил про себя Руслан Юрьевич. Руки его заметно дрожали, как после крепкого похмелья.

— Твой пиджак? — спросил следователь у Юрия.

— Что вы привязались? «Твой, твой». Что у меня у одного такой пиджак? Их фабрика для всего Союза производит...

— Покажи свой, — произнес участковый инспектор. — Неси!

— Я о другом, а вы свое, — путался и соображал, как ответить, парень. — Может, и это мой, откуда я знаю...

— Что ты мелешь? — прикрикнула мать.

Юрий молча ушел, заплескалась вода. Умылся, вернулся с полотенцем через плечо. Немного посвежел.

— Вы у меня спрашиваете: «Твой?», я отвечаю: «Не знаю», потому что свой пиджак я продал на прошлой неделе одному чуваку встречному. Деньги нужны были, — угрюмо ответил Юрий.

Вихрев не выдавал волнения. Он понял, что попал на след — какой, трудно предугадать. Но Юрий не из тех, кто боится нарушить закон.

— Кому продал, Юрий? — поинтересовался Вихрев. — Назови. Он нам нужен, твой покупатель.

— А откуда я знаю, кому. Говорю: чуваку встречному, впервые тогда видел. Удостоверение личности не спрашивал. Если б знал, что с милицией встречу по этому поводу, спросил бы. Мама, дай что-нибудь пожевать. — Юрий сказал так, как будто и не было в комнате работников милиции. Он недвусмысленно дал понять, что ему больше нечего сказать. Зато милиции было что спросить у Юрия. Его пригласили в райотдел.

— Одевайся, поедемся, — сказал участковый инспектор, — потом насытишься. Это ты у меня на прошлой неделе изгородь в парке поломал?

— На оградку я ее. Старушка одна — божий одуванчик — попросила. Как откажешь? — нагло отвечал Юрий, одеваясь. Женщина крикнула вслед:

— Если в чем замешан, чтоб духу твоего в доме не было. Не дает жить, стервец. В кого ж он, бандюга, сработан?

Через полчаса беседу с Юрием следователь продолжил в райотделе. А еще через час и приятель Юрия отыскался — Борис Сорокин.

Борис, низкорослый, длиннорукий парень, был дважды судим. На допросе он вел себя предупредительно, заискивающе и все советовал приятелю на очной ставке «говорить все», хотя сам ни словом не обмолвился о своей причастности к расследуемому преступлению. Его лицо, руки еще больше, чем у Юрия, исполосовали ссадины и царапины.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов, — сказал Борису капитан. — С какого начинать, как вы считаете?

— С любого, товарищ следователь. Я вам прямо скажу, с некоторых пор я исключительно честно помогаю милиции. Блюстители порядка — наши друзья, если разобраться.

Словоохотливого Сорокина следователь заставил задуматься над вопросом:

— Две ночи вы не ночевали дома, на работе вас не было, где вы их провели? Только честно, как мы и договаривались.

— Как мы договаривались, не сомневайтесь, как договаривались, все расскажу, точно на духу, к этому я привык. Не скажу правды, бывало, в детстве матери, маюсь, приду, говорю: ма, прости, соврал... Тут вот ведь какое дело. В каком-то фильме (я уже не помню его названия), у одного товарища спрашивают, где он провел ночь? Так вот, если вы смотрели эту ленту, то помните, товарищ тот ответил так: я же не импотент. Зарок на безбрачие не давал.

— Ну, что ж, — развеселился следователь, хотя участковому казалось, что Вихреву следовало рассердиться на эту чепуху, — примем информацию к сведению. А отчего порезы на лице да вот и на руках?

— По пьянке. Ей-богу.

— Стеклом? Ну-ка, дайте правую руку, посмотрим с участковым. По-моему, стеклом. Так, стеклом?

— Не знаю. Говорю же, по пьянке.

И Юрий, и Борис продолжали изворачиваться, лгать.

— Доставлены два орла с поломанными клювами, придется прийти, попробовать опознать. Опознаете — наша взяла, других доказательств немного, хотя и немало. Приходите в сельсовет.

Волин, какой-то растерянный и угнетенный, пришел в сельсовет, и лишь после того, как опознал и Сорокина, и Савинского, побывавших у него в комнате у ту злополучную ночь, улыбнулся.

— Знаете, где-то в глубине души боялся, что вы меня заподозрите в трусости. Мол, имел ружье и не смог хотя бы одного бандита задержать.

— Ну, что вы, — успокоил его Руслан Юрьевич, — даже и в мыслях не имел подобного. Храбрость вашу вы и сейчас подтверждаете: смело опознали налетчиков, в глаза им сказали об их преступлении. Идите работайте и ни о чем таком не думайте.

13

Первым на допрос запросился Юрий. Он застучал кулаками и ногами в дверь изолятора временного содержания.

— Постовой, капитана мне, быстрее, иначе он тебе всыплет. Не медли, дело важное. Понял?

— А ты, голубь бескрылый, не шуми, — сказал степенный старшина Абрамов.

— Не оскорбляй! — завизжал Савинский. Он был на грани истерики.

— Доставьте Савинского в кабинет начальника следственного отдела Белова, — распорядился капитан Вихрев.

— Хотите полное признание? — с порога в каком-то нервном испуге начал Савинский.

— Очередной каламбур слушать, увы, у нас нет времени, — встал из-за стола Белов. — Говорите дело.

— Мы в аптеке были, управляющий не ошибся. Подробности давайте на бумаге. Простите, если можно, я сразу устроюсь на работу. Я не понимал, что за аптеку могут посадить. Мать жалко. — Натянутые нервы сдали, Савинский зарыдал. Задергались худые плечи, заходил кадык на длинной шее. — Мы таблетки потом выбрасывали. Они нам негодились.

Белов возмутился:

— Перестаньте хныкать. Умели воровать, умеете отвечать. Токсикоманы паршивые. Разбойники-«лекари». Взломщики несчастные.

— Просчитались мы, думали, тихое село... Сорокин говорит: ломанем что-нибудь, потом побалдеем, — с горечью признался Савинский. — Первый раз пошел...

Вихрев возразил:

— Первый ли? Вы пришли с раскаянием, а не договариваете. Какого снисхождения вы ждете? Вот прочитайте еще раз статью о смягчающих вину обстоятельствах. Только при полном раскаянии и при условии, что будете содействовать раскрытию преступления, вы можете рассчитывать на мягкое наказание. Расскажите о других аптеках.

— К другим непричастен. В них кто-то другой лазил. Не я.

14

Предстояла дальнейшая работа по разоблачению преступников. Хотя Белов с удовлетворением доложил генералу о том, что большая часть задачи решена Вихревым, сам он понимал, что праздновать победу еще рано.

И Белов не ошибся. Утром следующего дня, когда Савинский и Сорокин, признавшиеся в краже из одной аптеки, пребывали в изоляторе временного содержания, в городе была взломана еще одна аптека.

Начальник управления вместе с Беловым и Вихревым сам прибыл на место нового происшествия.

— Ну, что у вас, кража? — начал генерал, обращаясь к заведующей аптекой. — Или не похоже?

— Как же не похоже: все вверх дном, разве этого ералаша мало?

— Не мало, а много, а как вы думаете, Виктор Викторович? — обратился генерал к начальнику следственного отдела.

— Тут и дураку ясно — симуляция, — подтвердил Белов.

Генерал иронически поджал губы. Вихрев, нагнувшись, поднимал с пола разбросанные коробки из-под дорогих духов.

— Совсем ненужный беспорядок, — констатировал между тем генерал, прохаживаясь по аптечному торговому залу. — Перестарался

кто-то, — продолжал начальник управления, — часы и те на стене перевернули. Было ли время у преступников забираться на стенку?

— И рецептурное окно разбито, — воскликнула работница аптеки.

— Разве оно вору мешало? — спросил сам у себя генерал. — Нет, разумеется. Кто последний уходил вчера вечером после работы из аптеки? Уточните это, — сказал Вихреву генерал вполголоса. — Ищите преступника среди работников аптеки. Только не обидьте подозрением честного человека.

15

— Кто там у нас на очереди? — спросил Белов Вихрева. Они оба несколько часов подряд допрашивали свидетелей по поводу кражи из городской аптеки.

— Продавец ручного отдела Валентина Маничева. Кстати, я изучил акты ревизии по этому отделу.

— И что нашли?

— Странность нашел, Виктор Викторович. Внезапные проверки выявляли в отделе излишние товары, плановые же заканчивались, как правило, недостатками.

— Так, интересно, — отозвался Белов. — Что из себя представляет Маничева — не интересовались?

— Ей двадцать лет. Была замужем. Развелась год назад. Ребенок есть, двух лет. Живет с престарелыми родителями. Встречается с мужчинами, посещает рестораны. Носит все модное, дорогое. Зарплата до ста рублей.

— Любопытно, — потер в задумчивости затылок Белов. — А давайте не будем трогать денек-другой эту самую Валентину, присмотримся к ней пристальней, а?

— Есть резон. Мне кажется, у нее есть связь с наркоманами и прочей шушерой.

16

В управлении внутренних дел к окошечку вахтера подошла Екатерина Семеновна — бабушка Саши. Ей надо было срочно увидеть следователя Руслана Юрьевича Вихрева.

— Екатерина Семеновна, дорогая, какими судьбами к нам?

— Из вашего города девушка приезжала вчера, племянника моего, Юрку, разыскивала. Как узнала, что его милиция увезла — так и заторопилась обратно. Не имеет ли это отношения к вашему делу-то? Вот я с чем к вам пришла.

— Девушку эту вы в лицо видели? — спросил Вихрев.

— Как вот с вами разговаривала, потому что сестра ее ко мне привезла.

— Пойдемте.

Вихрев, Белов и Екатерина Семеновна вошли в обворованную аптеку. В прихожей толпились все работники. Екатерина Семеновна подошла к одной и, как старой знакомой, протянула руку:

— Здравствуй, Валюша. Я вот приехала: думаю, узнаю насчет племянника. Да вот неожиданность: вас встретила. Вы здесь работаете?

17

В кабинете следователя сидели двое: Вихрев и Маничева.

— Где же вы познакомились с Юрием?

— Случайно.

— Он вроде помоложе вас будет?

— Молодой конь борозды не испортит.

Вошел генерал. Вихрев встал.

— Сиди, сиди. Возьми протокол и записывай, а я побеседую с Валей. Не возражаете, Валя?

— Хоть сколько... — Маничева недоверчиво, чуть-чуть испуганно перевела взгляд с генерала на протокол, который положил перед собой Вихрев.

— И давно вы с ним связь поддерживаете? — напомнил о себе генерал.

— Вы о ком?

— О Савинском. А вы о ком думали?

— О нем же, — раздраженно проговорила Маничева.

Генерал, словно не замечая этого, продолжал:

— В ваши годы пора уже серьезно задуматься над жизнью. Опоздаете — заест бесчестье. Тогда пиши пропало. Крест на себе ставь.

А мы, то есть общество, этого не желаем. Лично я хочу приходить и покупать у вас лекарства. Но только лечиться, а не травиться...

— Вы ищите козла отпущения. Арестовали преступников — с них и спрашивайте. А ваши намеки приберегите для других.

— Вы не поняли меня, — снова взялся за свое неугомонный и терпеливый генерал. — Вдумайтесь в то, о чем я говорю. Может ли быть человек счастлив, если живет не по закону?

— Я в этом не разбираюсь, у меня среднее образование.

— Эта истина с молоком матери должна всасываться.

Видно, генералу удалось растопить ледок отчуждения в душе Маничевой. Она вдруг заговорила быстро, горячо:

— Вы, я понимаю, здесь самый главный. Не вмешивайте меня в аптечные дела. Моя вина в том, что я дружила с Савинским, хотя, конечно, как можно дружить, если живем мы в разных городах? По делам иногда я бываю в его городе, захожу, проведываю. И только. Какой тут грех? Или есть? Он просил у меня денег в долг: нигде ведь не работал. Я ему давала, правда, иногда брала из кассы, вот и вскрывали ревизии недостачу.

— А чем ребята рассчитывались? — пристально глядя в глаза женщины, спросил генерал.

Лицо Маничевой стало злым и замкнутым. Налаженного контакта как не бывало. А генерал, как бы между прочим, поставил на стол коробку со 150 трубочками пенициллина, десяток разных пузырьков.

— Их обнаружили у вас, Валя, в портфеле, под кроватью.

— Ну и что?

— Откуда они? — От пота загорелая лысина генерала заблестела. Он протер ее носовым платком и признался, не стесняясь:

— Тяжело в мои годы вести допрос. Ну, будем кончать, Валя?

— Пустое. Пенициллин и прочие таблетки, что мне выставили, никакого отношения к кражам из аптек не имеют. Что, трубочки и пузырьки помечены?

— Ох, упорная, — провел ладонью по лбу генерал и вытащил из папки клочок газеты с пометкой «26.31/8», обнаруженный у сельской аптеки, приложил его к газете, в которую была завернута коробка с пенициллином и другими лекарствами.

— Вот смотрите, Валя, сходится. Тютелька в тютельку.

Глаза Маничевой, тщательно подведенные тушью, округлились от удивления. Генерал неторопливой, уверенной походкой человека,

поставившего все точки над «и», прошелся по кабинету из угла в угол. Маничева тихо заговорила:

— Савинский таскал мне медикаменты. Я их продавала в штучном отделе, выручку делили. А когда узнала, что Савинского посадили, решила доказать, что не он ворует из аптек, еще кто-то есть. На ночь окно оставила открытым — и вот... Иногда меняла лекарства: брала, что у них лишнее, а давала то, что просили. Они токсикоманы. Своего здоровья — «лекари». Только в кавычках.

Ее вывели из управления. На тротуаре она остановилась и обернулась: лицо не выражало ничего, кроме злости. Видимо, много еще пройдет времени, прежде чем она поймет, что жизнь начала плохо, что сама себя, как говорится, объехала по кривой...

Большая предстояла работа и с аптечными разбойниками, диверсантами собственного здоровья.

* * *

Разные сроки лишения свободы определил народный суд Юрию Савинскому, Борису Сорокину и Валентине Маничевой. С учетом роли каждого в преступлении.

Екатерина Семеновна Сорокина часто присылала письма следователю Вихреву. Писала она рассудительно, доброжелательно, спокойно. Хлопотала за племянника Бориса. Все спрашивала совета, кому ей написать, чтобы пересмотрели приговор. Борис, на ее взгляд, наказан очень строго. Не заслуженно. А милицию хвалила. Находила лестные слова Вихреву и его коллегам. Стражей порядка величала защитниками, желала успехов в «искоренении преступлений» и тут же уточняла:

«А мой племянник Борис — какой же он преступник? А что дважды отсидел, так то судьи до конца не разобрались...»

Случайные послания получал Вихрев и от вспыльчивой, раздражительной матери Юрия Савинского. Читая их, Вихрев непременно мысленно воскрешал в памяти ее — худенькую с болезненно-желтым лицом. И гневные слова, брошенные этой

женщиной вслед сыну: «Если в чем замешан, чтоб духу твоего в доме не было...»

Да, Юрий и не собирался, видать, в родной дом возвращаться. Как сообщила Савинская,

«ее сын Юрий пишет очень часто из колонии Валентине Маничевой. Она собирается к нему ехать, чтобы стать его законной женой. Начальство колонии обещало содействовать регистрации брака».

Самой Валентине Маничевой, как матери малолетнего ребенка, назначена была мера наказания условной.

1970—1971

В ОДНОМ БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

**В ОДНОМ
БОЛЬШОМ ГОРОДЕ**

ПОВЕСТЬ

Село это расположилось в чудном лесном уголке, на берегу Оки. Все в нем сейчас есть: дорога, автобус, детский сад, школа, клуб, медпункт, магазин, новая улица из разноцветных коттеджей. Природный газ проводят в новые и старые дома. Не хватает только людей, особенно женского пола. От этого «страдают» и ребята. Только в нынешнем году из армии вернулись пятеро, а свидание назначать некому. Если переиначить старую песню, то выйдет, на десять парней придется три девушки.

И старый председатель колхоза, местный старожил Егор Иванович с досадой смотрит, как готовит свою единственную дочь Лену к выезду в город доярка Полина Матвеевна Зубова.

— Зачем ты Елену с такой любовью выпроваживаешь из села? Вон у нас в животноводстве едва хватает людей на одну смену. Нужны продавец, помощник бухгалтера, библиотекарь. Что твоя Ленка, выпускница нашей школы, забыла в областном центре?

— Счастье, Егор Иванович, счастье. Ты уж не обессудь.

Мать подала дочери в автобус чемодан, сумку, свертки... А через пять часов пути девушка увидела за окном салона весь в огнях вечерний город, тот, в котором должна решиться ее судьба.

Лену уговаривали остаться в селе не только председатель и ее лучшая подруга Галя. Ее просил не уезжать и демобилизованный солдат озорной Павлушка. Но если Лена колебалась, то ее мать оставалась непреклонной. Женщине давно хотелось, чтобы дочь ее стала горожанкой. Это было заветной мечтой Полины Матвеевны.

И вот уже побежали дни в городской суете. Девушка поступила работать на огромный хлебозавод. Труд оказался нелегким. Лена усталая и одинокая возвращалась после смены в небольшую комнату общежития, где впритык стояли три кровати. Одну из них занимала Люся со швейной фабрики, вторую — медсестра Валентина. Обе приехали тоже из деревни, но уже пообжились в большом городе.

Лене, особенно поначалу, не пришлось по душе беспокойная городская суета, торопливость, вечная беготня. И матери с отцом она написала первые свои письма не радостные, сообщала, что невесело ей пока живется в городе.

Лена скучала по отчему дому. В городе она была потерянной, никому не нужной, заменить тех друзей, которых она оставила в родном селе, было некем.

Забывалась девушка лишь на заводе. Ее там полюбили. Только старый мастер Федор Кузьмич первые недели хмуро, с холодком относился к «пополнению» из деревни. Он знал: там своего труда хватает и руки Лены в селе куда нужнее, чем здесь.

Но Елена, от природы человек трудолюбивый, старательный, каждый раз, подходя к проходной завода, загодя настраивала себя на прилежную, безукоризненную работу. И, действительно, она выполняла свои обязанности, хоть и нехитрые, безупречно.

Она научилась виртуозно смазывать сдобные булочки густой помадой, включать транспортер и отправлять выпечку на стеллажи.

У Лены был дар: она ни с кем никогда не ссорилась. Обладая уступчивым, легким характером, девушка покоряла всех своим обаянием, считалась у своих напарниц по труду «золотцем».

2

Жизнь Лены Зубовой в городе совпала с расследованием необычного преступления. Все дело было в том, что в ОБХСС пришло письмо, в котором сообщалось о существовании матерого спекулянта. Тот, якобы, появляется в учреждениях, на предприятиях города и втрюдорога сбывает служащим французские духи, иноземный шампунь, туалетное мыло, импортную губную помаду, тушь и многое другое из парфюмерного дефицита.

Полковник Георгий Митрофанович Сомов и руководитель ОБХСС подполковник Иван Семенович Тумановский решали, кому поручить расследование этого преступления.

Нужен был опытный, осмотрительный и цепкий оперативный работник, который бы скрупулезно вник в обстоятельства дела и докопался до истины.

— А что, если передать материалы старшему лейтенанту Александре Васильевне Кучеренко? — предложил Тумановский. — У нее, правда, есть в производстве одно уголовное дело по обвесу и обсчету покупателей продавцами продовольственного магазина

«Ладога», но она его вот-вот закончит и тогда полностью сможет заняться материалами о спекуляции косметическими товарами.

— Ей, думаете, уже можно доверить такое дело, не рано ли? — усомнился полковник Сомов. — Ведь она у нас специалист по делам другого рода?

— Не рано. Считаю, в самый раз. Сколько ей сидеть на одном и том же? В нашей службе она прижилась, много изобличила нечестных продавцов, директора магазина Стоянову — хитрого и матерого жулика — и то не упустила, довела до скамьи подсудимых.

— Ну, что ж. Убедили. Поручим ей, — подвел итог беседе Георгий Митрофанович Сомов и написал ей на поступившем в УВД письме:

«Товарищ Кучеренко, принять меры к розыску спекулянта...»

Я лично хорошо помню тот день, когда появилась у нас в отделе БХСС стройная, симпатичная девушка с волевым выражением смуглого лица. Ей было тогда... впрочем, она была еще буквально девчонкой.

Известно, с какой осторожностью принимают в милицейские учебные заведения женщин. Но она, видать, произвела хорошее впечатление на экзаменационную, а потом и мандатную комиссию Волгоградской Высшей школы МВД СССР и в результате с дипломом образованного специалиста прибыла к нам для прохождения дальнейшей службы.

Некоторые из нас приятно и не без иронии улыбались, завидя нового сотрудника ОБХСС в платье. Мы ждали дальнейших событий. Было небезынтересно: справится ли она с чисто, как нам казалось, мужским делом?

Но в любом случае Кучеренко сразу обратила на себя внимание. Не было в отделе такого человека, который бы остался к ней равнодушным. Она успевала всюду: выполнить комсомольское поручение, написать заметку в стенгазету, увязаться с товарищем на задание, если сама оказывалась свободной.

Общительность, душевность, начитанность, искренность — это как раз те качества, за которые уважают человека. Немудрено, что к Александре Васильевне стали относиться с симпатией. А кое-кто из наших холостяков стал поглядывать на девушку и более пристально.

Потянулись к ней и наши женщины — сотрудницы из канцелярии, инспекции по делам несовершеннолетних.

Сейчас ее уже все называют по имени и отчеству. За ее плечами семь лет службы в милиции, у нее подрастает сынишка, да и фамилию она носит одного из наших работников. Но мы ее по-прежнему знаем как Сашу Кучеренко.

Из дневника Кучеренко

Первая запись

Я хорошо понимала, что в мои обязанности входит оповещение руководителей предприятий, учреждений о появившемся «жучке». Что и сделала. Рассказала им о ловком торговце, который ходит по рабочим точкам и сбывает доверчивым покупателям импортную косметику втридорога. Сегодня я побывала в локомотивном и вагонном депо, на станции «Скорой помощи», на других предприятиях.

Информации поступило много. Проверила цыганку, продававшую кофточки и покрывало, мужчину, предлагавшего женские импортные сапоги. Но это не те, кого я разыскиваю. Оказывается, действительно, кое-где появляется искомый молодой человек. Он прилично одет, гладко выбрит, волосы уложены безукоризненно, словно щегольски пользуется ежедневно первой классной парикмахерской. Кстати, надо побеседовать с работниками служб быта.

Не находит ли спекулянт и среди них ярых покупателей дезодоранта, венгерского мыла, французских духов, помады и прочего косметического товара, который идет среди городских модниц, что называется, с молотка? Он берет за свой дефицит по двойной, а то и тройной цене.

Основания для возбуждения уголовного дела есть. Пожалуй, уже можно приступать к полному расследованию собранного материала.

3

А жизнь Лены в городской суматохе набирала скорость. Нельзя сказать, что девушка не была замечена парнями. Напротив, многие

навязывались ей в приятели. Но мало кто из них отвечал ее требованиям. Будучи человеком тонким, умным, разборчивым, она не принимала приглашения развязных «современных» парней. Успех у таких ребят она не ценила высоко.

Но дружить с хорошим парнем хотелось. И вскоре она свой выбор остановила на студенте сельскохозяйственного техникума. Его звали Владислав. Лена охотно бежала к нему на свидание. Встречи с Владиком продолжались, увы, недолго. Разрыву отношений послужил один случай.

Как-то, гуляя одна по городу, она заметила Владислава у входа в центральное кафе. Молодой человек был не один: он держал руки симпатичной, невысокого роста девушки и в чем-то страстно ее убеждал. Наверное, приглашал в кафе. Она не давала согласия, кокетничала. Тогда Владислав, в качестве последнего аргумента, привлек к себе свою спутницу и поцеловал в щеку.

У Лены поплыло все перед глазами. Она решительно подошла к Владиславу и четко, делая соответствующие ударения, произнесла:

— Ко мне больше не приходи. Понял? Не при-хо-ди!

Он пришел. Пытался что-то объяснить, извинялся, клялся. Но Лена не простила измены.

Как-то в парке Лена познакомилась еще с одним молодым человеком. Он был на семь лет ее старше, но во вкусе Лены. Однако и тут творилось что-то неладное. Дмитрий назначал свидания в укромных безлюдных местах. Говорил о любви, озираясь по сторонам. А потом признался, что он еще не разведен с женой и боится, что та его выследит и учинит скандал.

На следующее свидание Лена к нему не пришла.

Так бесплодно проходили день за днем городской жизни. Но у девушки были светлые надежды, вера. Сердце переполнялось неведомой любовью. Она ждала настоящего своего суженого.

Однако все чаще Лену охватывала тоска по отчужденному дому. В такие минуты она подумывала о расчете, увольнении с хлебозавода... Девушка томилась и в общежитии, как птица в клетке. Часто приходили письма от девчат из деревни. Подруга Зоя писала, что в село вернулись братья Рубовы. Сергей устроился лаборантом, а Василий шофером — на легковую машину. Ребята часто вспоминают ее, Лену. Бывший солдат Павлик женился. А Егор Лосев после окончания техникума назначен руководителем мастерских. Он даже выспрашивал Ленин городской

адрес. Зоя перечисляла подруг, которые уже вышли или вот-вот выйдут замуж.

Такие письма сильно тревожили душу Лене. В ее селе происходило что-то значительное, радостное, живое, а Лена уехала оттуда. Втайне Елена считала, что раньше подружек в городе выйдет замуж и найдет свое счастье. И не находила его. Лена вспоминала, как Егор Лосев в прошлом году, когда она была еще десятиклассницей, а он заканчивал техникум, встречался с ней у крутого берега Оки, угощал яблоками, конфетами, объяснялся в любви, добивался поцелуя. А она только смеялась. Ей, действительно, было весело. Егор ей больше всех нравился.

4

Из дневника Кучеренко

Вторая запись

Сегодня утром стало известно, что раз в неделю неизвестный спекулянт, которого полковник Сомов окрестил «коробейником», и впредь я последую его примеру, заглядывает в трест столовых и ресторанов.

Предупредила всех работников бухгалтерии: при появлении спекулянта немедленно звонить мне или дежурному по управлению внутренних дел. Не прошло и двух часов, как у меня зазвонил телефон:

— ОБХСС? — скороговоркой зачастил кто-то. — Вы ищите спекулянта, а он в бухгалтерии, что во дворе склада ресторана железнодорожной станции.

И тотчас пошли короткие гудки. Заколотилось мое сердце, как колокол, хоть рукой держи. Я набрала номер телефона директора того учреждения — Владимира Антоновича Косарева:

— Говорит Кучеренко из ОБХСС. Задержите человека, который вашим сотрудникам продает парфюмерный товар. Он сейчас в бухгалтерии.

Сама почти бегом спустилась с пятого этажа органа внутренних дел и буквально взлетела на второй этаж названного здания. А там

переполох.

— Выпрыгнул в окно. Выпрыгнул, — волновался директор. — Я взял его под руку, велел ждать прихода милиции, а он оттолкнул меня и выпрыгнул в открытое окно. Не знаю, как он только не разбился. Вот его «дипломат», в котором весь товар, то, что предлагал спекулянт моим работницам: помада, шампунь, тушь, дезодорант...

Я осмотрела место происшествия и доложила начальнику ОБХСС Тумановскому, а тот — Георгию Митрофановичу. Полковник Сомов сказал, что надо действовать предельно осторожно, чтобы впредь не спугнуть «коробейника».

Приметы оставались прежними — молодой, очень привлекательный шатен. Предлагает товар совершенно открыто, но боится попасть в руки милиции. Идет на любой риск, избегая задержания.

Из дневника Кучеренко

Третья запись

Внимательно наблюдаю на привокзальной площади за одной парочкой. Девушка, раскачивая целлофановую сумку, расстегнула зеленую кофточку. Открылось модное платье-халат с блестящими металлическими пуговицами, украшенное этикетками. Редкие рыжеватые волосы завязаны сзади.

Когда девушка улыбалась, на ее щеках проступали ямочки.

Ее собеседник — молодой человек, лет двадцати шести, одет в костюм серого цвета, воротник белой рубашки повязан темным галстуком в красную полоску. Почти на полголовы выше собеседницы.

Разговор между ними проходил не более трех минут. Попрощавшись, они разошлись, но тут же мужчина, словно передумав, догнал девушку, обмолвился с ней двумя фразами. Целлофановая сумка у девушки стала тяжелее: молодой человек положил туда какой-то сверток.

В кавалере обнаружила сходство с разыскиваемым спекулянтом. Но он так стремительно нырнул в отходящий троллейбус, что побеседовать с ним мне не удалось.

Мужчину теперь не догонишь, а вот с девушкой поговорить стоит. Назвалась Светой и показала набор импортных парфюмерных изделий, только что купленных у молодого, человека. Его ей рекомендовала два дня назад случайная попутчица по электричке, назвавшаяся Люсей Шведовой, продавцом магазина. Еще Светлана сказала, что только что к ней подходила подружка того спекулянта, интересовалась, «какие у меня отношения с ее возлюбленным». Приревновала. Или помогает сбывать товар.

Итак, у «коробейника» есть компаньоны среди миловидных девушек. Хорошо бы поскорее найти хотя бы одну из помощниц.

Надо запросить все торговые организации города и прежде всего найти Люсю Шведову. Это резко повлияло бы на ход розыска.

Эксперт посмотрел «товар», оставленный в дипломате беглеца, и флаконы, купленные Светланой. Они идентичны. Все сфотографировала. Сняла отпечатки обуви на мягком грунте под окном, куда прыгнул «коробейник». Это сделала на случай, если после задержания спекулянт будет отрицать, что именно он выпрыгнул из окна в бухгалтерии.

И вдруг вечером ко мне подходит паренек и заявляет:

— Вы ищете спекулянта косметикой, мне говорила знакомая по имени Светлана. Я — дружинник. Работаю таксистом. Подвозил его с последней электрички на улицу Борщовскую, номер дома не помню. Обратил внимание на пузырьки, баночки, скляночки, потому что парень что-то разбил у меня в машине.

5

Рассказывая о «коробейнике», мы не забыли о Лене. Она уже несколько раз порывалась написать заявление об увольнении, но сдерживало ее то, что не за горами отпуск. А после отпуска, думала она, все решится.

Как-то в обеденный перерыв Лена проходила мимо заводууправления. Ее окликнул молодой человек в куртке, джинсах, кроссовках.

— Не желаете приобрести вот такой дефицит? — обворожительно улыбаясь спросил он и раскрыл перед Леной «дипломат». Пленяя

яркими этикетками, в нем лежала импортная парфюмерия. А как галантен и симпатичен был сам «коробейник»!

Молодой человек спешил, но успел сказать Лене, купившей у него что-то по мелочи, что она ему необыкновенно понравилась и он считает за счастье, если встретится с ней вечером...

6

Из дневника Кучеренко

Четвертая запись

«Коробейник» снова появился на привокзальной площади. Но, завидев милиционера Анатолия Громова, исчез. Громов привел ко мне девушку, с которой «коробейник» разговаривал и продал товар.

Вот уж действительно случай! Девушка оказалась именно той продавщицей Люсей, которую я разыскивала по магазинам.

— Кто тот парень, передавший вам губную помаду, одеколон, тушь?

— Вы, небось, и сами знаете, — уклончиво ответила она, — Валерка...

— А поподробнее?

— Прежде чем искать этого Валерку, вы отыщите Катю Перцовскую. Она мне его порекомендовала, говорила, что может достать любую косметику. Где сейчас работает Перцовская, я не знаю. Слышала, вроде учится в Подольске. Но вы ей не очень-то доверяйте, может слухавить. Легкомысленная особа. Имеет близкие отношения... в общем, связь с Валеркой.

Если Перцовская в городе, то я ее установлю быстро. Адресный стол дал несколько адресов. Отправилась искать. И нашла сравнительно удачно при помощи ее брата. Катя Перцовская сидела на скамейке в парке и держала на поводке домашнюю собачку. Охотно познакомилась со мной. И не довела допрос до стен милиции. Все рассказала тут же. Собственно, речь шла лишь о фамилии Валерки — Атракционов. Не то с 1969, не то с 1970 года рождения.

— Я ни в чем не виновата. С Атракционовым лет шесть назад в одной спортивной секции была. И потом изредка встречалась в городе. Он рос и я росла. Года два последних вообще его не видела. Потом встретила и по старой дружбе находила ему клиентов на парфюмерию. Мне говорил, что после десяти классов до ухода в армию устроился работать в Москве агентом универсальной фирмы «Альфа-Омега», к ним, якобы, поступает товар из Франции, Аргентины, Туниса... Доигрался, как я понимаю, разъездной приказчик. И нас, дураков, околпачил. Потеха. — Все это Перцовская произнесла добродушно и с юмором.

— Где он живет?

— Не знаю. Слышала, что он получил новую квартиру, в связи со сносом их старого дома.

Не такой уж плохой мне показалась Перцовская. Выходит, права пословица: людской суд не всегда справедливый.

Из дневника Кучеренко

Пятая запись

Поиски продолжаются. Передо мной уже сидело более сотни разных свидетелей. Согласно появившимся у меня данным, Валерий Семенович Атракционов, которому не исполнилось еще и восемнадцати лет, уже был судим за корыстное преступление. Ему приговором суда определили три года лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора на этот же срок. Наконец-то в моих руках его адрес. Подхожу к искомому дому и вижу, что он снесен. А жильцов расселили по городу. Это то, о чем говорила Перцовская. В домоуправлении сказали, что Атракционовой Клавдии Варфоломеевне с дочерью выделили двухкомнатную квартиру на улице Красной, а ее сыну с отцом (супруги расторгли брак) однокомнатную квартиру по переулку Радищева. Побывала по этим адресам. Заглянула и в райотдел милиции, обслуживающий этот район. Обследовала лично подходы к названным домам. В общем, предварительно все изучила. В переулке Радищева соседи сказали, что квартирному Атракционов Семен Данилович работает шофером и уезжает иногда на месяц в дальние рейсы, а сын

его Валерий — редкий гость в своей маленькой квартире. Что-то приносит туда раз в неделю, закрывает дверь на три замка и уходит.

У него много в городе знакомых женщин и девушек. У них он частенько ночует. Иногда отдыхает у матери на Красной. Любит посещать кинотеатр «Октябрь», вечерние кафе и рестораны.

Атракционова Клавдия Варфоломеевна продолжает настаивать на том, что сына почти не видит и не знает, где он обитает.

Правду ли говорит мать? Я ей не верю, поэтому всю ночь с милиционером, переодетым в гражданский костюм, прождала Валерия на улице Красной, а мой коллега Лизунков — в переулке Радищева. Но «агент» универсальной иностранной фирмы «Альфа-Омега» не объявился.

7

В этот день Елена трудилась за двоих. Ни о каком возвращении в село она не могла и думать. Эдуард, как парень себя назвал ей, очень понравился. На вид она ему дала гораздо больше лет, чем в действительности был его возраст. С таким не стыдно приехать к родителям в село, если дело дойдет до обручения. Этого Лена желала. Хотелось уже иметь настоящего суженого.

Принарядившись с помощью подруг по комнате в общежитии, Лена, переполненная сердечным трепетом, отправилась на свидание...

Первые две недели они встречались каждый вечер. Гуляли по узеньким улочкам, где лишь лай собак нарушал почти деревенскую тишину. Он не заходил в общежитие к Лене, как это делали знакомые парни других девушек, а приглашал ее иногда к себе, в двухкомнатную квартиру, где жил с матерью. Был он с девушкой ласков и легко добился близких отношений.

Он отверг предложения Лены познакомиться с ее подругами, но попросил подыскать среди ее знакомых покупателей на парфюмерный товар. Желающие нашлись.

Безоблачная любовь длилась недолго. Однажды Лена пошла встречать Эдуарда. Он должен был возвратиться из столицы. Якобы заканчивалась его работа «агентом по реализации изъятых у контрабандистов предметов дефицита». Так замысловато называл он свою должность в загадочной конторе «Альфа-Омега».

До прихода электрички оставалось чуть больше получаса. И вдруг Лена увидела Эдика. Он гулял по привокзальной площади. Рядом с ним прохаживалась рыжеволосая девушка. На ходу он перекидывал что-то в ее сумку. У Лены зашло сердце от горькой неожиданности. Думала: что ей делать? Но секунда — и парочка рассталась.

Не помня себя, Лена подбежала к «сопернице», та спокойно объяснила, что лишь купила у парня тушь и губную помаду.

Лена отошла пристыженная, но сомнения в верности возлюбленного не угасли. В тот вечер она слушала объяснения Эдуарда, старалась поверить ему. Однако чисто женским чутьем улавливала в голосе неискренность. И однажды, сгорая от ревности, страха быть обманутой Эдуардом, она решилась на безнравственный поступок: проверила карманы его пиджака на вешалке. Обнаружила клочок бумаги:

«Валера, приди ко мне домой, хочу с тобой поговорить.
Томлюсь в ожидании...»

Дальше стоял адрес, округленный красным карандашом. Это изумило и озадачило Лену. Почему Эдика называют Валерой? Эдик говорил, что среди ребят он носит это имя. Но, выходит, и девушки называют его так же. А в том, что записка была от девчонки, она не сомневалась.

8

Из дневника Кучеренко

Запись шестая

Изучаю записную книжку Атракционова. Ее обнаружили в потайном кармане «дипломата», оставленного им при бегстве. В ней более пятидесяти адресов. И все женские. Каков ловец и донжуан! Проверила десятка два адресов. Все девушки подтвердили, что покупали у «коробейника» косметический товар. О самом продавце ничего толком не знали.

Наконец, еду в поселок, расположенный в пригороде. В глубине палисадника домик с белой черепичной крышей. Свежевыкрашенный зеленый забор. Калитка скрипнула и я пошла к крыльцу. Не здесь ли живет «невеста номер один»?

Навстречу мне выбежала небольшого роста, аккуратная девушка лет восемнадцати. Безупречный овал лица, мягкие щеки, подбородок тронуты приятным загаром, веселые карие глаза, пышные каштановые волосы. Красавица. Синяя кофта с молниями, вельветовые брюки в обтяжку подчеркивали стройность фигурки.

— Что вы хотите? — Девушка молниеносно, оценивая мою личность, прошлась по моей замшевой куртке, джинсам, модным кроссовкам и осталась, видно, довольна.

— Мне нужен Валерий, очень срочно, — ответила я.

— Адрес мой он дал?

— Кто ж еще! Я из Москвы. Он мне чрезвычайно необходим. Я ему должна передать кое-какой товар. Это не терпит отлагательства.

— Тогда другое дело. Поищите, может, у Кольки Рыжего. Но где Рыжий живет — не знаю. По четвергам Валерка ночует у матери.

Итак, Колька Рыжий. Это уже кое-что. Решила позвонить на работу матери Валерки по телефону.

— Клавдия Варфоломеевна, я от имени Рыжего вам звоню. Где Валерка?

— Какого Рыжего, ты что болтаешь?

— Вы что от своих отрекаетесь?

— А я тебя своею признавала? — хриловато рокотало в трубке.

— Давайте не будем терять время. Я от Кольки Рыжего. Валерка мне очень нужен. Немедленно. За ним «почет» (на жаргоне «слежка»), я должна ему кое-что сказать. В общем, предупредить...

— Идолы, окаянные, мне покоя не даете. Не знаю, где он, может, вечером ко мне придет. — Она положила трубку.

Я и мои помощники всю ночь прождали спекулянта на улице Красной и в переулке Радищева. Безрезультатно. Напрасно встречали электрички. Он не появлялся.

По адресу в записке, найденной в кармане Эдика, Лена, сильно томясь, поехала выяснять отношения.

Автобус привез в пригородный поселок. Вот и домик с белой черепичной крышей. Открыв калитку, Лена шла по асфальтированной дорожке. Что, если она, на свою беду, застанет Эдика здесь? Нервно постучала в окно.

На крыльце появилась девушка совсем молодая и очень привлекательного вида. Лена сразу поняла, что и в красоте и в нарядах она уступает ей. От этой мысли еще больше сдавило сердце.

— Эдик у вас? — с дрожью в голосе, презирая себя за малодушие, произнесла Лена.

— Кто, кто? Эдик? Не знаю такого. Вы не ошиблись адресом?

— Ну как же! Вспомните, французскую тушь... — пролепетала Лена.

— Да? Может быть, Валерка Атракционов?

— Он, он самый!

— Так бы и сказала! При чем здесь какой-то Эдик. Где он — не знаю. Им что-то многие сегодня интересуются. Ты не первая. Заходили и до тебя, с полчаса назад его спрашивали. А вчера им интересовалась какая-то элегантная москвичка.

После взаимных вопросов «соперницы» узнали, кто есть кто. Молодая хозяйка поняла, что «коробейник» завлек в свои сети еще одну простодушную девчушку и обманул ее. Хозяйка дома сообщила, что с торговцем дефицитом ее связывают только коммерческие отношения. Ревновать не следует. У нее есть перспективный жених. Она вот-вот выйдет замуж.

С чувством смущения, покидала дом пригорода с белой черепичной крышей Лена. Девушка решила немедленно отправиться к своему суженому и забыть о ревности. Лена готова была даже извиниться перед ним за свой душевный бунт. В конце концов из-за этой сердечной вспышки не расстраиваться же свадьбе... О ней Лена уже мечтала...

Елена прибежала на Красную улицу и привычно позвонила в дверь. Ей долго не открывали, наконец, впустили в прихожую. Ее приходу «благоверный» явно был не рад. Возлюбленный даже вспылил:

— Ты должна приходиться ко мне только тогда, когда тебя приглашают!

Неловкая пауза сменилась приглашением присоединиться к игре в карты. Кроме Клавдии Варфоломеевны и ее сынули Валерки, за столом сидел незнакомый молодой человек с рыжей шевелюрой. Он много острил, говорил в адрес Лены комплименты. Словом, только один за столом был в отличном настроении.

10

Из дневника Кучеренко

Запись седьмая, последняя

Утром на машине объехала все адреса, где возможно появление «коробейника». Под особым присмотром находился дом, где живет его мать. И все-таки фарцовщика проглядели, но не упустили. Мы лишь не заметили, как он прошмыгнул к Клавдии Варфоломеевне. Однако, находясь под открытым окном, услышали голос пожилой женщины:

— Валер, а Валер, ты хоть не носи ко мне эту косметику. Обыск может быть. И я с тобой погорю.

— Не паникуй, мамуль. У меня сотни адресов, до всех милиция не докопается. А от тебя сегодня все заберу. Ленка должна отнести половину на свой завод.

— Девку ты напрасно впутал в наше дело. Коснись чего — все в милиции расскажет.

— Я, мать, закамуфлировался, ничего она обо мне толком не знает. Сделает дело — и пошлю ее ко всем прабабушкам. С минуты на минуту Рыжий должен прийти, часть товара он себе возьмет.

«Рыжий», как нетрудно было понять из приветствий хозяина квартиры, появился вовремя. Из окна послышалось его предложение сыграть в карты. Затем в комнату вошла какая-то девушка. Игра продолжалась вчетвером, судя по репликам.

— Я приехал из Москвы, — говорил Валерка. — На этот раз «Альфа-Омега» порадовала меня особенно — наложен полный «дипломат». Чудесную тушь изъяли у контрабандистов. Моя задача, как всегда, реализовывать. Ты мне, Леночка, должна помочь. Весь товар с

«дипломатом» забори в общежитие. Но уговор: подружкам о нем — ни слова».

11

Лена уже не верила рассказам об агентстве по реализации изъятых у контрабандистов предметов дефицита. Но помалкивала. Она хотела остаться с лже-Эдиком наедине, чтобы выяснить все.

В эту минуту в дверь постучали, а затем в квартиру вошли два человека — мужчина и женщина. Они объявили, что являются сотрудниками ОБХСС. Предъявили удостоверения.

— Не делай глупостей, — крикнула женщина спекулянту, когда тот по старой привычке метнулся к окну, чтобы выпрыгнуть на улицу. Но Александра Васильевна Кучеренко предусмотрительно выставила под окном пост в лице капитана милиции Хорева и шофера-милиционера Рябинина. Увидев их на тротуаре, махровый фарцовщик отбежал назад.

Пригласили двух понятых. Начался обыск. Из-за шкафа, из-под дивана, кровати сотрудники милиции вытащили сотни баночек, пузырьков, коробочек с импортными этикетками. На полу, столе образовались горы тюбиков помады, мыла, духов, дезодоранта... приобретенных фарцовщиком у иностранцев. Весь этот товар должен был дать огромный барыш спекулянту.

— Еще, не откажи в любезности, разреши мне «дипломат». И прихвати с собой паспорт, поедем в милицию. — Александра Кучеренко взяла в руки тяжелый чемоданчик, наполненный свежим привозом парфюмерии. Но Валерий попытался вырвать его у Александры Васильевны. Ручка оказалась у «коробейника», а «дипломат» у старшего лейтенанта Кучеренко. Мать спекулянта вцепилась в бок женщине, пытаясь выручить сына. Она пыталась, как ей казалось, выхватить самую главную улику против сына — «дипломат» с новой партией косметического иностранного товара.

На помощь Кучеренко бросился второй сотрудник лейтенанта Павлов. «Дипломат» остался в руках работников ОБХСС. Тогда Валерка выбежал на кухню. В его руке появился кухонный нож. Он стал тупой стороной лезвия водить себе по горлу. Крепко переволновались сотрудники милиции, думали, что Атракционов всерьез хочет покончить жизнь самоубийством.

Клавдия Варфоломеевна дико вопила, что милиция хочет загубить ее единственного сыночка.

И тут Валерка исчез, словно испарился. Перед старшим лейтенантом стояла лишь обозленная, сверкающая от ярости глазами его матушка.

Две комнаты и кухню быстро осмотрели работники милиции с понятами. Валерия нигде не было. Заглянули под кровать, столы, в шкафы. Не осмотренной оставалась лишь кладовая. Но на двери ее висел солидный замок. Куда же нырнул неуловимый проходимец?

Кучеренко переглянулась с лейтенантом Павловым. Может быть, шустрая Варфоломеевна успела упрятать сына туда и повесить замок? Но это просто невероятно, сделать такое за несколько секунд. За узкой дверью полнейшая тишина.

— Клавдия Варфоломеевна, где ваш сын? Нам не до шуток. — Строго произнесла Кучеренко, посматривая на притихших гостей Атракционных.

— Дык, убег, видать. Лен, ты не видала, куды убег Валерка?

— Не разыгрывайте комедию, — вдруг осмелела Елена, — он в кладовой.

— Дайте ключи, — попросила Кучеренко у старухи. С помощью лейтенанта Павлова связка ключей перешла в руки Кучеренко. Она находит нужный и вставляет в скважину замка. Старуху снова словно обдало кипятком. С реакцией кошки она кинулась к Кучеренко и вцепилась в ключи. Ее оттащил в сторону Павлов.

В чулане, на ворохе тряпья, сидел Атракционных.

12

Долго шло следствие. Покупателей пришлось выявлять и допрашивать. Их оказалось более трехсот человек. Несколько раз вызывал следователь и Лену. Не была ли она соучастницей Валерки? К счастью, нет. Девушке сказал на прощание следователь: подозрение с нее снято. Еще он ей посоветовал напрочь забыть фарцовщика.

Автобус подвозил Лену к родному селу поздно вечером. Сонную тишину нарушал лишь лай разбуженных собак. Лена подошла с чемоданом и сумкой к своему дому с широкими окнами и высоким крыльцом. Дворняжка Лайка взвизгнула от радости и лизнула ей руку.

Лена погладила собаку, а затем постучала в третье от крыльца окно.
Где-то там спала мать.

1982—1983

В ГОСТЯХ У «КОШКИ»

**В ГОСТЯХ
У „КОШКИ“**

ПОВЕСТЬ

За годы службы в уголовном розыске мой друг Алексей Ермаков раскрыл много преступлений. О талантливом розыскнике ходили легенды. Одним словом — мастер. А новое дело не поддавалось.

В связи с этим и пригласил его к себе начальник отдела полковник Сомов. Нахмутив брови, чуть хриловатым от недовольства голосом он спросил у вошедшего капитана милиции:

— Что с разбойным нападением на сторожку у разъезда Вавилино? Понимаю: бандиты ничего не взяли. Лишь замки посрывали и хозяйку перепугали. Но у них есть оружие, поэтому искать их нужно упорно.

— Нового пока ничего нет, товарищ полковник. Я вам уже докладывал: верное дело сойтись поближе с Харитоном Петраковым. Думаю, налетчики из его компании. Искали в сторожке деньги, да не нашли. Так что разрешите мне на время перевоплотиться?

Полковник помолчал.

— Для осуществления твоего плана нужен сотрудник помоложе, — наконец произнес он. Это, видно, и было бы окончательным решением, но разговор прервал вошедший в кабинет заместитель начальника отдела майор Орловский. Он догадливо спросил:

— Опять о Петракове?

— Да, о нем, — подтвердил начальник отдела. — Вот Ермаков просится к нему, так сказать, в гости. А я считаю: помоложе годился бы сотрудник для такого опасного дела.

— Ну уж нет, тут я с вами, Георгий Митрофанович, не согласен, — весело заступился за Ермакова быстроглазый, энергичный Орловский. — Что молодой? Горяч и необъезжен. Опыта никакого. А наш Гаврилыч знает повадки этих людишек.

— Все это так. Все так, — беспокойно завертел в руках шариковую ручку полковник. — А вдруг на нож нарвется? Как, не подкачаешь? — теперь уже мягко, но испытующе посмотрел на капитана полковник.

После заверений Ермакова, что он будет действовать осмотрительно, сообразно обстановке, Сомов дал согласие на операцию. Тут же пригласил к себе второго заместителя по оперативной работе, майора Котова:

— Павел Петрович, присаживайся к столу, обсудим план сближения Ермакова с рецидивистом Петраковым.

Когда все в деталях было обговорено, Ермакову разрешили готовиться к необычайной командировке.

На следующий день Ермаков расхаживал по перрону вокзала соседнего областного центра, ожидая скорого поезда из Одессы. На первом этапе операции капитан должен был познакомиться с сестрой рецидивиста, Альбиной Петраковой. Она работала проводницей этого скорого поезда.

В назначенный час, согласно расписанию, одесский плавно подкатил к перрону. Алексея Гавриловича интересовал восьмой вагон, в него и куплен был заранее билет. Он предъявил билет до Москвы высокой и худой девице, оказавшейся напарницей Альбины. Интересовавшая капитана Петракова отдыхала в купе после своей смены. Завязывая знакомство с проводницей Любой, подругой Альбины, Ермаков пустился в пространственные рассуждения о наступлении весны, пригласил зайти к нему в купе, попробовать розового ликера, но та игриво отказалась.

Мелькнул за окнами калужский вокзал. Ермаков начал волноваться: так можно приехать в Москву и не познакомиться с Альбиной. Наконец из служебного купе высунулась голова Любы. Она, смеясь, поманила Ермакова пальцем, приглашая зайти в служебку.

— Познакомьтесь, моя подруга, — представила Люба. — Тоже холостячка. Потолкните. Я подмету вагон.

Маленького роста, упитанная Альбина враждебно, с недоверием косилась на Ермакова.

— Холостяк или трепался Любке? — спросила она.

— Был женат. Сейчас один. Не скрою: знакомые женщины есть. Ищу по душе. — Взгляд Альбины стал добрее. Обращая внимание Ермакова на свои дорогие украшения, молодая женщина перебирала пальцами золотую цепочку и узорчатый медальон, возможно, щедрые подарки братца.

— Мужичок ты видный, — заметила Альбина после двухчасового разговора. — Я бы с таким не против встречаться. Заработком твоим не интересуюсь. Прокормлю со своей «грядки».

— В таком случае, что от меня требуется? Большие обязательства?

— Ничего особенного, — выйти за меня замуж, — Альбина, довольная своей шуткой, громко засмеялась.

— В этих делах нет нужды торопиться. Пойду собираться — Москва.

— Возьми мой адресок. Может, заглянешь.

— Твердо не обещаю, но постараюсь.

Поезд медленно подходил к Киевскому вокзалу. С чемоданом в руке Ермаков стоял в тамбуре.

— Ну, так как, ждать? — еще раз навязчиво спросила у него Альбина. — У меня отгулы, пять дней буду дома.

— Если не задержат командировка и начальство, приеду, — Ермаков ломал голову: вместе ли с сестрой живет Петраков?

Вдруг напарница Альбины, проворная и смышленная Любка, шепнула:

— Задержись, Юра (при знакомстве так себя назвал Ермаков). На перроне брат Альбины. Встречает сестренку любимую.

Поезд остановился. В вагон вошел высокий плечистый молодой человек лет тридцати. Альбина передала ему тяжелую сумку и о чем-то стала рассказывать, кивая на Ермакова.

Петраков подал «кавалеру» широкую шершавую ладонь:

— Харитоша. Брат Альбины.

— Юраша, — в тон ему ответил Алексей. — Сестер не имею.

— Тогда отметим это событие. За то, что ты не имеешь, а я имею.

Харитон потащил Ермакова в ресторан «выпить по стопочке за знакомство». Сели за свободный столик. Петраков поманил пальцем из дальнего угла официантку.

— Что будем пить? — спросил у Ермакова бандит.

— Что дадут, — ответил Ермаков, — не пью только расплавленное олово.

Шутка понравилась Петракову. Он осклабился.

Подошла с недовольным видом официантка:

— Вы что, черти, расселись? Не знаете мои столики?

Пересели за другой столик.

— Не шуми, Зойка, — самодовольно произнес Петраков. — Альбину пропить думаю. Видала, какого женишка отхватила?

— Заждалась принца Альбина, — ответила Зойка и убежала на кухню.

Ермаков и Харитон сидели молча до первой рюмки. Затем Петраков толкнул легонько старшего оперативного уполномоченного уголовного розыска в бок.

— Ну, рассказывай. Откуда будешь? Чем занимаешься? Выскабливай душу. Меня сам видишь: малый-рубаша.

Для капитана милиции наступал ответственный момент. Алексей почувствовал, как кровь застучала в висках. Поверит ли ему опытный

рецидивист?

— Обижен я. Все тут. Злость в груди, — глухо бросил Ермаков. Петраков чертил на скатерти вилкой. Он по-своему понял немногословное признание будущего родственника. Уставив отупевший взор в лицо Ермакову, спросил:

— Срок имел?

— Было, — признался Ермаков, входя в свою роль.

— Статья?

— Все из раздела «личная собственность граждан».

— Где утюжил? — задавал вопросы бандит.

Тут Ермаков счел нужным возмутиться:

— Что в душу лезешь?

— Испугался, майданник! Спрашиваю, потому что сам три срока нанизал. Не встречались ли?

— Лапшу на уши не вешай, — хмыкнул Ермаков.

Харитон даже поперхнулся салатом.

— Гм, не веришь?

— Я недоверчивый.

— Годится. Люблю таких. Еще по одной и айда. Поедем ко мне. Поговорим без людских глаз. Но прежде выкладывай, где срок тянул?

Ермаков вскинул удивленно брови.

— Хочешь признаний. Сам, небось, туфту порешь.

Харитон закипел. Кровью налились его пьяные глаза:

— Космы твои зараз на вилку намотаю. На мушку ловишь? Я и сейчас в бегах. Видишь, каким документом прикрываюсь. — Охмелевший бандит полез в карман. Но его остановил Ермаков:

— Нашел место. Меньше об этом толкуй.

— Понял, с кем имею дело! — не унимался Харитон.

Ермаков, стараясь быть последовательным, придерживаясь выработанной легенды, подробно рассказывал о своей «малопривлекательной жизни».

— Пропадаем, — подвел итог рассказу рецидивист.

Ермаков для пущей важности сплюнул на пол, небрежно бросил:

— Голыми руками нас не возьмешь...

Расстегнул ворот рубахи, добавил:

— Нужно держаться дружно.

Подошла к столику Зоя.

— Набили желудки? Чего еще?

— Все, Зоюха! — крикнул Петраков. — Счет. Дружок жаждет кинуть тебе на чай. За моментальный ремонт нашего душевного состояния, — весело подмигнул Петраков Алексею Ермакову.

— Возражений не имею, — буркнул старший оперуполномоченный угрозыска.

— Хороша у тебя, Зойка, юбчонка, — Харитон вытянул руку и ущипнул официантку.

— Не цапай, — в тон ему возразила игриво Зоя. — Сейчас представлю счет.

Когда официантка ушла, Харитон с завистью произнес:

— Хороша Маша, да не наша. Хохлушка. Горячих кровей. Наши так не умеют.

Потом, спохватившись, спросил:

— Альбина вправду пришлась тебе по душе?

— Гм, — почесал переносицу Ермаков.

— Понимаю.

— Время, когда я угорал от любви, прошло, — многозначительно сказал Ермаков. — Надо все взвесить. Хотя к Альбине я расположен...

Харитон удовлетворенно стукнул кулаком по спинке соседнего кресла. Ему понравился «кирюха». Это чувствовал Ермаков и смелел. Он торжествовал: тонко сыграно. Ничего существенного не сказал о себе, а бандит уже видел в нем бывшего рецидивиста, как он сам.

— Заночуешь у меня, — сказал Харитон после того, как Ермаков щедро рассчитался с Зойкой. Туго набитый червонцами кошелек Ермакова окончательно успокоил бандита. Не мог он подумать, что эти деньги честно заработаны. Он не сомневался, что «приятель» занимается «капитальными» кражами. Ермакову это и было нужно. Поняв немой вопрос бандита, небрежно буркнул:

— Занимаюсь делами. Но только такими, в которых абсолютно уверен. Советую и тебе не рисковать. Зря не суйся в клетку.

Они вышли из ресторана. Харитон стал угрюмым. В ресторане он выглядел спокойнее и увереннее. Вышли на вокзал: Петраков жил в пригороде Москвы.

Но Ермаков, соблюдая выработанную для себя линию действий, не сразу согласился посетить квартиру Петракова. Упрямылся:

— Поезжай один. Завтра встретимся. На вокзале. Здесь.

Озираясь, Петраков обдавал Алексея коньячным перегаром:

— Там укромно. Комар носа не подточит. Познакомлю с дружками. У Гришки Крепыша пушка и маслины есть. Поехали.

Это то, что нужно было Ермакову. На воровском жаргоне значило, что шайка бандитов имеет пистолет и патроны к нему. Капитан милиции удачно зацепился за ниточку. Она должна привести к воровскому клубку.

— Мы действуем сообща. Одной компанией, — убеждал Петраков. — Присоединяйся. С Альбиной будешь видеться. А там решай. За горбом у нас многовато. Вскорости соберу пожитки и отвалю в дальний уголок необъятного Союза. Косяк пахнет. Деньги требуются. Вместе, авось, и добудем. Ты мне по душе. Не пропадем. Такие корешки на вес золота.

Из этой болтовни капитан уловил главное — момент подходящий. Надо его не упустить. «Птенцы» могут разлететься. Держат такие планы. Лови потом ветра в поле. Десятки преступлений останутся нераскрытыми. Поколебавшись, Ермаков махнул рукой:

— Поехали.

— Деловой разговор. Электричка через полчаса.

Все шло как нельзя лучше. Пружинисто покачиваясь, как волк с переполненным брюхом, на полшага впереди Ермакова шел Петраков. Вдруг нечаянно толкнул перегруженную покупками женщину. Она вскрикнула:

— Не шибко руками-то. Сила есть — ума не надо!

— Не шуми тетка, — заступился за Петракова Ермаков, — видишь, какая давка. Родную мать не заметишь.

— А вы замечайте, ястреб вас дери. Никакого уважения.

Высокая пожилая дама в старомодной шляпе, не понимая, в чем дело, сочла необходимым внести свою лепту в конфликт:

— Поглядите нынче на молодежь. Никакого преклонения. Не уступят недоросли ни места, ни дороги.

Маленький мужичок с крестом на груди поверх пальто вставил:

— И куды глазеет милиция? Кто пресыщает их интерес?

На перроне рядом с обиженной толстухой появился постовой милиционер. Издали Ермаков заметил: женщина что-то возмущенно говорит блюстителю порядка. Тот скорым шагом стал догонять Петракова. Ермаков понял, что нелепое перронное происшествие может перепутать все карты. Ему вдруг захотелось отстать от Харитона и шепнуть милиционеру: «Не тратьте время. Я сотрудник уголовного

розыска...» Но капитан не мог позволить себе этого. Он ждал, что сейчас произойдет.

Петраков, не предвидя ничего плохого, торопился во второй от локомотива вагон. А его настигал милиционер, молодой и бдительный сержант милиции.

— Одну минуту, гражданин, — взял он за руку Петракова. — Нарушаете?

Петраков остолбенел:

— Товарищ лейтенант, ошибаетесь. Еду домой с работы. Вот подтвердит товарищ. Со мной работает на заводе...

Но бесполезно. Сержант был непреклонным. Стоял на своем:

— Пройдемте в дежурную комнату.

Постовой обернулся, отыскивая потерпевшую. Но ее и след простыл. Милиционер стал помягче:

— Хорошо, предъявите документы. Запишу на всякий случай.

Петраков замялся, начал оправдываться:

— Но с какой стати. Если каждый будет обвинять, в чем ему вздумается, а ты оправдывайся, предъявляй документы... Мы опаздываем. Отправление...

Милиционер снова сменил милость на гнев. Он истолковал слова Петракова по-своему: «Виноват и крутит. Надо вести в отдел».

Ермаков решил спасти рухнувшие планы:

— Товарищ сержант, я могу подтвердить, ничего предосудительного не случилось. Излишне капризная дамочка... Вот и затеяла перебранку. Отвлекает от работы. Убедительно прошу...

— И вы со мной, — твердо ответил постовой.

Ермаков шел за сержантом и проклинал неудачу. Пути господни неисповедимы. Только что капитан не мог сдержать душевного подъема, и вдруг все насмарку.

К счастью, дежурный офицер счел необходимым поговорить с каждым из нарушителей в отдельности. Оставшись наедине с ним, Ермаков сказал, кто он, и попросил выпустить Харитона Петракова. Тот так и сделал, предварительно прочитав «приятелям» целую лекцию о правилах поведения в общественных местах.

— А в общем, извините за недоразумение, — заключил офицер, — однако впредь толкайте женщин поосторожнее.

Инцидент наконец-то был исчерпан. Своим бойким заступничеством в милиции Ермаков еще раз подтвердил Петракову

свою верность.

— Молодец, в беде не оставил, — заметил Петраков, когда приятели остались вдвоем. Бандит не находил слов благодарности:

— Думал, все, пропало. Хотел долбануть мильтона, да зевак вокруг много. Но ты хладнокровен. До гробовой доски обязан. Заставлю Альбину раскошелиться. Ты заслужил роскошное угощение. К твердому выводу пришел: надо будет забрать у «кирюхи» пушку и ходить с ней, с «дурой» спокойнее. Чуть что... пах.

Вдруг на перрон снова вышел старый знакомый сержант милиции. Петраков зыркнул на него искоса и прикусил губу.

— Никак ищет кого-то? Не нас?

— Меньше паникуй, — ответил Ермаков. Но ему самому показалось странным, что постовой пристально всматривается в лица отъезжающих. Не хотелось бы снова...

— Пошли, — кивнул Петраков в сторону поездов дальнего следования. — Сумской сейчас отправится. Им поедем. Сойдем в Апрелевке, а оттуда на автобусе доедем.

— Не останавливается в Апрелевке, — возразил Ермаков.

— Спрыгнем.

— Заманчивая перспектива! — бурчал Ермаков. — На полном ходу ночью.

— Теперь доверься мне. С проводниками умею ладить. — С этими словами Петраков сунул два червонца мордастому с мясистым носом проводнику. Тот открыл вход в вагон.

— Куда вам?

— До первой остановки, — ответил Харитон и ринулся в тамбур вагона. Ермаков последовал за ним. Не было другого выхода.

Перед Апрелевкой Петраков и капитан вышли в тамбур. Харитон своим ключом открыл дверь вагона. Скорость поезд держал бешеную. Бандит не решился на риск.

— Не меньше сотни, — заметил Петраков. — Подождем, по станции пойдет со снижением.

Прогнозы не оправдались. Отбивая мелкую дробь колесами по стрелкам, скорый на полном ходу пролетел Апрелевку.

Петраков, не говоря ни слова, спустился на последнюю ступеньку подножки и крикнул:

— За мной!

Петраков приземлился удачно.

— Была не была, — вырвалось у капитана милиции, и он коснулся ногами земли. Но неудачно, встал на пятки. В следующий момент не удержался и ударился лицом о землю.

Когда к Ермакову вернулось сознание, он не сразу понял, где находится. Осмыслив происшедшее, забеспокоился: не выдал ли себя. Харитон и его сестра Альбина суетились около него.

— Ну, что, родненький, — прикладывая мокрую тряпку к лицу сотрудника уголовного розыска, заискивающе заглядывала в глаза «своему любимому» девица.

Харитон тормозил Ермакова за плечо, с беспокойством спрашивал:

— Корешок, живой? Душа в теле?

Ермаков вяло отозвался:

— Дураков приключения любят. Вполне бы приехали электричкой. Чуть шею не свернул.

— Главное — живой. Остальное приложится. Лучше отдать богу душу, чем вернуться за колючку.

Альбина стояла рядом, охала и ахала. Гундосила:

— Родненький! Раньше времени хотел вдовой оставить.

Петраков хитро подмигнул сестре:

— Губа не дура, да только не спеши. Не навязывайся. Пусть решает. Я молчу.

От боли в груди, голове Ермакова мутило. Он недовольно махнул рукой:

— Дайте прийти в себя. Не до жиру, быть бы живу. — Он взял у Альбины заново смоченную водой тряпку и приложил ко лбу. Стало легче.

Два дня старательно лечили Ермакова Харитон и его сестра. Петраков лез из кожи вон, доказывая новому «приятелю» верность и дружбу. Он как самого близкого человека лечил Ермакова.

На второй день старший оперуполномоченный встал с постели и подошел к зеркалу. Посмотрел на себя — бледного, с синяками под глазами. Лицо было обсыпано каким-то порошком. «Стрептоцидом», — пояснила Альбина. Одет он был в чисто выстиранное белье. В прихожей висели на вешалке вычищенные костюм и плащ. Тут же стояли до блеска надраенные полуботинки.

Поздно вечером в квартиру Петракова пришли те, с кем Харитон обещал познакомить. Их было трое. Назвались: Петр (на вид ему не

больше двадцати лет), Валерка (этот был чуть старше, лобастый крепыш) и Василий — самый старший среди всех.

После выпивки и щедрой закуски Харитон отвел Ермакова в сторону и сказал:

— У Васьки пушка. Ему передал Валерка. Желаете — заберем себе?

— Возьми, — согласился Ермаков.

Однако тут же оказалось, что оружия у Васьки нет. Он передал его «одному малому, который сидит в укрытии». Оружие вот-вот должен вернуть.

«Значит, не вся банда в сборе», — отметил Ермаков. Петраков ему больше не был нужен. Все, что можно было из него выжать, — выжато. Он дал не только важные сведения, но и ввел капитана в шайку преступников, хорошо отрекомендовал Ермакова Василию и его сообщникам. Рассказанную старшим оперуполномоченным легенду Харитон развил и приукрасил: находчивость и хладнокровие, проявленные на вокзале, сыграли тут не последнюю роль. Васек поверил Харитону и с удовлетворением выпил стакан водки за нового «кирюху». Были тосты за воровские удачи, за намеченные дела.

Узнав все, что нужно, о Василии по прозвищу «Бомба» — где его найти, как с ним встретиться, если потребуется, Ермаков сказал Харитону, что ему пора ехать домой.

— И я с тобой! — напрашивался Харитон.

Капитану милиции только и требовалось: ликвидацию банды решил начать с Петракова. Но он счел нужным не сразу согласиться. В шайке бандитов никому не должно прийти в голову, что Харитон заманивается в ловушку.

— Я же тебе говорил, — начал Ермаков, — ремонт у меня. Приведу в порядок квартиру — прошу, приезжай. Адрес дам.

За Петракова вступился Васек:

— Дурень, Харитон пригодится: таскать, передвигать — этим он занимался в местах не столь отдаленных. Так, что ли, «Слон»?

Для Ермакова кличка «Слон» много значила: в двух налетах на пассажиров потерпевшие слышали, как этим прозвищем сообщники называли одного грабителя. «Был он в маске. Высокого роста. Руки длинные, как лопаты». — Так они описывали его.

— Ладно, как знаешь, — согласился Ермаков, — собирайся. Мне нельзя больше здесь оставаться.

— Мне тоже, — буркнул как всегда пьяный Харитон и повел своим массивным подбородком. Все черты лица Петракова говорили о его грубом и сильном характере.

Продрогший в холодном вагоне, капитан милиции легко вздохнул на вокзале родного города. Петраков был настроен радушно. Ему казалось, что он ушел от опасности. «Слон» даже пустился в философию:

— Людей я делю на два рода. Одни мильтоны, с которыми шутки плохи, вторые — все остальные. С этими, грешным делом, люблю позабавиться.

— Постой здесь, — приказал Ермаков верзиле, — я на минуту. Есть свой человек. Узнаю, никто мной не интересовался?

Петраков послушно остановился, прислонился к стене. Смотрел, как спокойно его дружок подошел к одной из билетных касс и что-то начал говорить кассирше.

Ермаков попросил знакомую женщину позвонить Георгию Митрофановичу Сомову и сказать следующее: «Товарищ полковник, на вокзале Ермаков. Он не один. Вас ждет».

Но Сомова в кабинете не оказалось. Произошла заминка. Капитан милиции скосил глаза в ту сторону, где остановился Петраков. Тот прохаживался вдоль стены, хмурился. Ермаков назвал кассиру номер телефона заместителя Сомова. Он, к счастью, был на месте.

Не успел Ермаков отойти от окошечка кассы, как услышал надрывный крик Петракова:

— Беги, кореш!

Скрученный сотрудниками уголовного розыска, бандит своим криком предупредил капитана «об опасности».

Ермаков на глазах у Петракова с паническим выражением на лице бросился в густой поток пассажиров. А обладателя пыжиковой шапки повели в дежурную комнату милиции. Он не мог сообразить, что произошло.

Капитан впервые за четверо суток почувствовал себя душевно раскованным. Почти бегом он устремился в отдел.

Едва Ермаков, запыхавшийся, бледный, появился в родном кабинете, как с объятиями на него набросились друзья, те, кто знал об операции.

Сомов тепло пожал руку Ермакову, внимательно всмотрелся в его лицо.

— Болел? Осунулся. Весь поцарапан. По всему вижу, не сладкая у тебя была жизнь.

— Житуха — во! — со смехом ответил Алексей Гаврилович.

Ермаков обстоятельно доложил о ходе выполнения задания.

— По-моему, — вставил Орловский, — на главного организатора разбойных нападений Алексей еще не вышел.

— Да, — согласился Георгий Митрофанович, — главарь тщательно законспирировался. «Бомбы», «Слоны» — послушные овечки в его руках. Задача такая, Алексей Гаврилович: теперь сближайся с Васьком «Бомбой», войди к нему в полное доверие и с его помощью знакомься со всей бандой. Устанавливай жожака. Это опаснейший рецидивист.

— Он вооружен, — предостерегающе напомнил заместитель Сомова по оперативной работе Павел Петрович Котов.

— Пожалуй, при знакомстве с жожаком стоит выдвинуть версию, будто ты, Алексей, отбывал срок вместе с Петраковым, — посоветовал Орловский.

Обсуждая это предложение, все пришли к выводу, что и тут нужна осторожность. Что, если главарь сам скитался по колониям вместе с Петраковым?

— Буду действовать сообразно обстановке, — пообещал Ермаков.

— Как ты себя чувствуешь? — изменил тему разговора полковник.

Ермаков потер ладонью бледное лицо. Помедлив, ответил:

— Все еще плохо, если честно. Падение с поезда чуть не стоило мне жизни. Но задание выполню до конца.

— Павел Петрович, — обратился Сомов к заместителю по оперработе, — нужен врач: осмотреть Алексея и оказать первую помощь. Пошли машину.

Котов вышел. Минуту молчали. Сомов, беспокоясь за благополучный исход операции, вновь вернулся к ней, спросил у Ермакова:

— Как там ответишь, где Петраков? Капитан сказал с улыбкой:

— У меня, в надежной квартире, на «малине».

— Хорошо, ну, а почему снова приехал, бросив Петракова и ремонт?

— Ключуло верное дело.

— Нужно придумать такое, которое заинтересует «Бомбу». Если предложить что-нибудь заурядное — не польстится, не поведет тебя

знакомить с главарем. Давай подумаем вместе, как выманить из берлоги зверя и задержать его.

Сомов предложил несколько вариантов. Обсуждая их, решили: выбор сделает Ермаков на месте, согласуясь с настроением «Бомбы».

«Подремонтированный», Ермаков поздно вечером вышел из отдела милиции. Путь лежал сначала в Апрелевку, а оттуда — на встречу с Василием. На улице бушевал свирепый ноябрьский ветер. Закрывались глаза от бессонных ночей. Лечь бы в постель и согреться! Но долг повелевал идти, что называется, вперед. Когда двадцать лет назад принес Ермаков Сомову заявление с просьбой зачислить в уголовный розыск, услышал от начальника отдела:

— Вы знаете, что вас ждет?

— Да, знаю.

— Нет, не представляете. Начитались книг. Нелегкая будет жизнь. Опасная. Не пожалеете ли?

— Не придется за меня краснеть, — отчеканил Ермаков. — Можете посылать на любое задание.

Пустой вагон был неудобным и холодным. А тут еще погас свет. Ермаков поехал. Вдруг сзади с шумом распахнулась дверь. Ермаков почувствовал, как кто-то положил ему на плечо тяжелую руку. Над ухом хрипло пробасили:

— Деньги есть?

Капитан боковым зрением увидел у себя за спиной двоих. Один был невысокий, кряжистый, в короткой тужурке, без головного убора. Второго разглядеть не удалось. В следующую минуту Ермаков безмятежно ответил:

— Есть. Без валюты не выхожу из дома.

Такого бесстрастного ответа грабители не ожидали. Смутила смелость пассажира. Несколько секунд они молчали в растерянности. Капитан милиции воспользовался их замешательством, с вызовом продолжал:

— Будете брать?

Кряжистый бандит сказал второму:

— Не тронь. Пошли дальше.

— Пойдите. — Ермаков привстал и схватил одного за руку. — Куда? А деньги?

Кряжистый взгляделся в лицо Ермакову и радостно воскликнул:

— Мать родная, Юрка!

Это оказался не кто иной, как дружок Васьки «Бомбы», Валерка. Сообщник Валерки сел напротив капитана, поджал губы. Монгольского типа лицо его луна окрасила в синевато-бледный цвет.

Ермаков для порядка снял с «дружков» «стружку» за то, что не умеют «работать».

— Ты куда? — спросил пристыженный Валерка.

— К Ваське.

— Зачем?

— Есть дело.

— Хорошо. Да только вряд ли его застанешь. Он завербовался после твоего отъезда на Север. Ему солнце здесь не светит.

Эта новость встряхнула Ермакова. Может быть, он сам его напугал? Что делать? Ехать на встречу или возвращаться? Но в конце концов Ермаков счел свои подозрения напрасными: если бы ему «Бомба» не поверил, то предупредил бы всех сообщников. Валерий не проявил никаких признаков недоверия Ермакову. Выкладывал все новости. Значит, операция продолжается. В Апрелевке все трое вышли.

— Пойдем ко мне, побудешь до утра, — предложил Валерка.

— Пожалуй, — согласился Ермаков. Он отметил, что настроение у преступников скверное. Видимо, они рассчитывали сорвать куш с какого-нибудь пассажира.

Распроцавшись с «монголом», Ермаков последовал за Валеркой. Тот привел его на пятый этаж многоквартирного дома.

— Располагайся.

— Один живешь?

— Мать. В отлучке.

Немного поболтали. Ермаков пытался заполучить какие-либо сведения о скрывающемся главаре банды, но Валерка о нем ничего не знал. Он коротко буркнул:

— Не вхож. С ним связь через «Бомбу».

Валерий рассказал о себе. Ему двадцать семь. Четыре года отсидел за соучастие в разбойном нападении на какого-то профессора. Вернулся из колонии неделю назад. Имеет на руках предписание сразу же по прибытии к матери стать на учет в милиции. Не торопится. Ему «светит» административный надзор. На счету у него уже был после возвращения из колонии не один грабеж. Валерий знал: если поймают, то новый срок «заработан». Поэтому стал осторожничать. Разделились в шайке воры по парам. Валерка ездит с «монголом». Имя его он не

может запомнить, так как «его не выговоришь». «Монгол» раньше Валерки вернулся из мест лишения свободы. Дела прежние не бросил. Живет по чужому паспорту. Его разыскивает милиция.

Утром Валерка вызвался найти Ваську «Бомбу».

— Сиди у меня. Жди.

Но к обеду он вернулся ни с чем.

Поздно вечером Ермаков пошел искать «Бомбу» вдвоем с Валеркой. И надо же такому случиться: на одной из улиц, прижимаясь к безлюдной ее стороне, «Бомба» лицом к лицу встретился с Ермаковым и его попутчиком. Он удирал из города. В руках нес чемодан.

— Вы? — удивился Васька. — Откуда взялись?

— К тебе.

— А я тебя, Юрака, не признал, — сказал Василий. — А «Слон» где?

— У меня. В надежной «малине». Я к тебе — дело есть.

— Что за дело? — поинтересовался Василий. — Пойдем вон туда, в скверик, присядем.

— Охоты не стало говорить, — притворился Ермаков, — уматываешь.

— Выкладывай, — потребовал Василий.

— Дело, — зашептал капитан, — лучше не придумаешь. Поэтому приехал. Пятнадцать кусков. Разделим. Всем хватит.

Васька задумался. Потом сказал:

— Ладно, вхожу в пай, валюта нужна. Без гроша в кармане.

Ермаков произнес:

— Не с пустыми руками, надеюсь, входить в пай желаешь?

— А с чем? — насторожился Василий.

Ермаков, сославшись на Харитона Петракова, попросил взять оружие с собой. Василий возразил:

— Зачем пушка? Деньги, говоришь, в квартире? Старуху пальцами задушим.

Ермаков озлобился:

— Еще я сюда топал! И без тебя бы с Петраковым обтяпали. Уж если кого придушить, так Харитона Петракова. Посылает, а тут ничего нет. Вернись, я его проучу.

— Пушка — не шутки, — вмешался Валерка.

— Без тебя знаю, — возмутился Ермаков. — Она нужна поугуать старуху, чтобы рехнулась со страху.

«Бомба» задумался.

— Ну, все. Рву когти. Мне тут нечего делать. — Капитан встал.

— Брось пороть горячку. Не психуй, — примирительно произнес Васька, вставая вслед за Ермаковым. — Пушка есть. За ней нужно съездить.

Сдерживая волнение, старший оперуполномоченный угрозыска спросил:

— Далеко?

— Здесь, в городе.

— Поедем вместе, — сказал Ермаков.

Васька соорудил кислую мину.

— Мне нельзя. Поезжай один. Буду ждать на вокзале. Пистолет я передал «Седому» — Ивану Брыкину. Обратишься к нему от моего имени. Отказа не будет. — Василий назвал улицу и номер дома. Сказал, как проехать, сообщил, что с «Седым» они обтяпали не одно дельце. — Вчера мы с ним тоже хотели грабануть одну старуху: продала полдома. Но опоздали — она деньги в сберкассу снесла. Не досадно ли?

— Может, туфтила? — небрежно обронил Ермаков.

— Сами видели сберкнижку.

Ермаков взглянул на часы. Было без четверти восемь вечера. Поиски пистолета затягивались. Он прикинул и решил, что лучше заняться «Седым» завтра утром. Да и Васька посоветовал перенести встречу на утро.

На квартире у Валерки Васька достал из чемодана бутылку коньяка и сказал:

— Берег. На случай хорошей встречи. По-одному нам жить трудно. За совместимость!

До середины ночи Валерка и Васька, разгоряченные коньяком, не могли уснуть, вспоминали прошлое. Ермаков пристроился на тахте, слушал, вставлял словечки.

— Неплохое дело и здесь есть. Завтра хотели обтяпать с Брыкиным, — произнес «Бомба».

— Что за дело? — поинтересовался Ермаков.

— Кусков на тридцать, не меньше.

— Может, и пушку для себя оставит? — забеспокоился капитан.

— Подождешь день, если так, — вставил Валерка.

— Пушку он тебе отдаст, раз я сказал, — ответил Василий.

— Так какое дело? — опять спросил Ермаков.

Директор сельской школы сам получает в городе зарплату для учителей. Носит ее в портфеле. Иногда его сопровождают завхоз и физрук. «Седой» идет на мокрое дело. Если потребуется, то всем троим выпустит кишки.

Утром, чуть свет, Ермаков отправился искать Ивана Брыкина. По просьбе капитана Василий чиркнул Брыкину на листке календаря:

«Вано, посылаю к тебе своего кирюху. Буду потом у него на малине. Сделай то, что он просит».

Сжав в руке записку, Ермаков разыскал местных сотрудников милиции; сделать это было нетрудно.

Поздоровавшись с широкоплечим майором, начальником отделения, Ермаков рассказал ему, что вышел на окопавшихся на станции и вблизи нее грабителей, попросил срочно задержать Валерку и Василия, назвав их адреса.

— Еще сообщите моему начальнику полковнику Сомову: пусть выезжает сюда с опергруппой, перекрывает станции около города. На какой-нибудь из них я появлюсь с вооруженным главарем банды Иваном Брыкиным по прозвищу «Седой». Иду к нему в логово.

— А если взять вам наших сотрудников?

— Не стоит, — ответил Ермаков. — Записке Васьки он поверит. Вопрос лишь в том, с какой станции он пожелает со мной ехать?

— Хорошо. Сейчас свяжусь с Сомовым.

Через полчаса Ермаков был в нужном месте. Отыскал дом Брыкина. На дверях висел замок. Соседка Ивана назвала Ермакову номер дома, где он может быть. Ермаков быстро нашел небольшую хату. Заглянул в окно: за столом сидело четверо мужчин. Они играли в карты. Кто из них Иван? Чтобы не попасть в неловкое положение, Ермаков окликнул находившуюся во дворе девочку, попросил ее вызвать из дома Ивана Брыкина.

Через несколько секунд на крыльцо вышел парень. Ермаков отозвал его в сторону и заговорщически зашептал:

— Кончай, Ванюха, свои шуры-муры. Дело есть.

Капитан протянул записку.

— Если узнаешь, кто писал, тогда буду толковать дальше.

Иван внимательно, несколько раз, прочитал записку и указал глазами на скамейку:

— Сядем, записка от Васьки «Бомбы».

Ермаков и Брыкин разместились на лавке. Капитан повторил рассказ о выдуманных пятнадцати кусках «наварара».

— Желаете с нами — отчаливаем сейчас же. Но прихвати оружие. За ним меня послал «Бомба».

Иван присвистнул:

— У меня его нет.

— Брось заливать. Не играй в дурачка. Васька тебе отдал.

— Не отрицаю, но со вчерашнего вечера пушка у «Кошки», моего кирюхи. Освободился. Заглянул ко мне в гости. Без денег, и на твое дело скорее всего он может пойти.

— Как его увидеть?

— Потопали.

Это было через два дома.

Вошли в прихожую. Из нее одна дверь вела в светлую комнату, вторая — в кухню. Подслеповатое окно ее едва пропускало полуденный свет.

— Ростик! — крикнул, пройдя на кухню, Иван. Откуда-то сверху раздался приглушенный кашель.

Ермаков заметил: с печи слезал крепко сбитый, мускулистый парень лет двадцати пяти.

— Ты с кем? — спросил Ростик. — Кто это? — повторил он вопрос. Бандит смотрел то на Ивана, то на Ермакова.

Брыкин самодовольно крякнул:

— Кирюха мой, знакомься.

Капитан милиции назвался, как и раньше, Юркой. Бандит с иронией переспросил:

— А точнее?

— Ты что, не слышал, что сказал? — серьезно ответил Ермаков. Своим деловым видом сотрудник уголовного розыска показывал, что ему не до шуток.

Знакомство состоялось. Но Ростик по прозвищу «Кошка» оказался осмотрительнее своих дружков. Выслушав набившую Ермакову оскомину историю с пятнадцатью дармовыми кусками, он с ухмылкой спросил:

— Откуда ты знаешь, что именно пятнадцать? Ты что, их считал? Тогда почему не взял?

Ермаков рассказал, что, якобы, его девушка проживает на квартире у одной старухи. Однажды, будучи там, Ермаков заглянул старухе под матрац и увидел несколько пачек сторублевки. А позднее Ермаков выпытал у своей девушки, сколько у бабки денег.

— Не лезу я сам потому, что хочу сделать как надо. Не навлекая подозрения на свою девку.

Тогда, не глядя на Ермакова, Ростик спросил у Ивана, тыча пальцем в грудь капитана:

— Ты хорошо его знаешь?

Ермаков затаил дыхание. Что ответит Иван?

Иван произнес:

— Можешь в нем быть уверен, как в самом себе. Он лучший кирюха Васьки «Бомбы».

В это время Ермаков услышал на кухне шорохи. Кто-то чиркнул спичкой. Потянуло папиросным дымом. Капитан поднял глаза и увидел на печке курящую девицу. Безобразно разлохмаченная, в одной сорочке, она свесила с печки ноги.

— А ну, сгинь! — крикнул на нее Ростик.

Девица ответила:

— Сам пропади пропадом.

— У, дьяволина. — Главварь со злостью ударил ложкой по тарелке, стоявшей на столе.

— Не кипятись, — посоветовал Иван.

«Кошка» действительно напоминал рысь: глаза бегают в разные стороны, резкий, пружинистый, готовый прыгнуть и придушить любого, в ком померещится «враг».

— Как с директором?

— Потерпит, — ответил «Кошке» Иван.

— К этому времени вернем пушку, — вставил Ермаков. — Васька мне говорил, — объяснил он Ростик, показывая свою осведомленность.

Краснея от раздражения, главварь, которому не понравилась реплика незнакомца, ядовито прошипел:

— Трепло Васька. Все вы дерьмо. Вам, щипачам, в куклы играть. — Ростик яростно запустил руку в свои густые волосы. — Ладно, пес с вами. В случае чего пушка выручит. Всех пошмаляю, если замечу «стукачей».

Ростик взял со стола тряпку и стал протирать пистолет. Загнал патрон в патронник.

— Запомните: буду шмалять в каждого гада. А ты, как тебя, Юрка, что ли, покажешь мне эту старуху с дармовыми кусками. Иван, останешься здесь. Приготовь к нашему возвращению «горючего». Обмоем ваше дельце. Не обделим. Доля твоя — равная будет со всеми.

Ермаков радовался такому решению «Кошки». «Седой» мог помешать в будущем при задержании Ростика. Он пока был не нужен.

Ермаков и Ростик вышли из хаты. «Кошка» предупредил:

— В Апрелевке садиться не станем, перехватим поезд на соседней станции.

Они пешком прошлись километров пять. На маленькой железнодорожной платформе Ростислав заметил, как двое мужчин скрылись в помещении вокзала. Он толкнул Ермакова:

— Не мильтоны?

— Откуда им взяться? — ответил капитан и тут же спохватился. В таких случаях рискованно разубеждать. Поправился: — Может, и они. Давай-ка махнем лесом до другой станции.

Расчет Ермакова оправдался.

— Ерунда. В случае чего пушка выручит. Подождем здесь, — махнул рукой Ростик.

— Тогда сходи, посмотри расписание, — предложил Ермаков. И опять попал в точку. На вокзал главарь отправил Ермакова.

Капитан вбежал в зал ожидания, увидел Сомова, Орловского и рослого, крепкого сержанта Расина, передал им:

— Там — главарь «Кошка». С пистолетом. — Быстро обговорили, что делать дальше.

План наметили такой: прямо на этом полустанке во время посадки в вагон и надеть бандиту наручники.

Ермаков, вернувшись к «Кошке», прошелся с ним до конца платформы. Главарь, кажется, держался спокойно, а капитан волновался. Бешено колотилось сердце.

Вдали показалась электричка.

Когда поезд остановился и открылись двери, Ермаков и Ростислав быстро вбежали в вагон. Капитан ожидал, что вслед за ними в вагон войдет и опергруппа. Но поезд тронулся, а сотрудников милиции не было. В последнюю минуту Сомов передумал брать бандита на этой

маленькой станции и решил сопровождать его до конечной остановки и там задержать.

Ермаков все понял, едва увидел в дверях вагона Сомова и Расина.

Когда поезд остановился на конечной станции, пассажиры густым потоком хлынули на перрон.

Теперь пришло время действовать Сомову, Орловскому и Ермакову. Они рывком окружили бандита, затем прижали у стены и вытащили из кармана его пиджака пистолет. Ростик не мог сообразить, что произошло. Он еще не пришел в себя, а его уже под руки вели в дежурную часть. Все явилось как во сне. Он буквально опешил.

Опомнившись, бандит яростно закрутил головой и несколько раз сплюнул на асфальт, скосил глаза на Ермакова и в бессилии выругался.

— Хорош у вас Юра...

Да, действительно, «Юра» блестяще выполнил свою миссию. И Сомов с удовольствием пожал руку Ермакову.

А в это время другая оперативная группа заканчивала задержание и аресты «Монгола», «Бомбы», «Седого» — всей компании оплошавшего Ростика — «Кошки». Волчье-кошачье логово обезврежено.

А вскоре пришел приказ министра о досрочном присвоении Алексею Гавриловичу специального звания «майор милиции».

Действительно, прекрасный у меня есть друг «Юра». Живу я с ним почти в одном доме, поэтому встречаюсь и по выходным дням, если они случаются. Рядом с ним неразлучны в таких моментах жена и сынишка. Лицо главы семейства всегда излучает жизнерадостную улыбку. Я не видел его унывающим. Без шутки, розыгрыша вообще его не представляю.

А за светлой улыбкой майора Ермакова вижу то одну, то другую операцию, каждая из которых могла стоить ему жизни.

1980—1983

РАССКАЗЫ

ВЫСТРЕЛ НА УЛИЦЕ

1

Что-то гроыхнуло на улице среди ночи. А утром «скорая помощь» подобрала у крыльца жилого дома восемнадцатилетнего Диму Кузьмина. Он лежал без сознания, пульс почти не прощупывался, рубашка, простреленная на животе, густо пропиталась кровью.

Галина Степановна Изотова, первая свидетельница, рассказала на следствии так:

— Выхожу рано утром, слышу — кто-то не то стонет, не то храпит. Подхожу — парень лежит на ступеньках. Словно карабкался по ним, да не осилил до двери дотянуться. Что пьяный — не похоже. Пригляделась, еще не совсем рассвело, а он руками живот зажал. Показалось, умирает. Ну и срочно позвонила по «03».

В больнице определили: огнестрельное ранение в брюшную полость. Опасное для жизни. Парня немедленно повезли в операционную.

Не пришлось долго устанавливать личность раненого. В заднем кармане джинсов лежал пропуск на автозавод. Там следователю Петрову пояснили, что Дмитрий Кузьмин приехал в город год назад из-под Киева. Пытался поступить в институт, но не набрал нужного количества баллов, год как работает (и хорошо работает), активист заводской комсомолки. А на днях должен был снова сдавать экзамены в вуз. Живет в заводском общежитии, на той самой улице Пирогова, где на него напали.

Косвенные улики в деле появились сразу. Установили многих свидетелей, которые слышали выстрел и видели бежавших вдоль домов парней. С ними была женщина.

Помните; как Шерлок Холмс в «Собаке Баскервилей» утверждает, что косвенные доказательства очень обманчивы, бывает, они ведут нас не к истине, а в противоположную сторону.

И все же косвенные улики нередко помогают.

В течение дня к Диме дважды возвращалось сознание, но такое мимолетное, что следователь не успевал с ним обмолвиться словом.

К вечеру юноше стало лучше, боль отступила. Он смог говорить, правда, еле-еле шелестя пересохшими губами:

— На автобусной остановке, около котельной, подбежали ко мне двое парней, третий вдалеке как будто стоял, может, это была и женщина. В руках одного разглядел какой-то маленький предмет, точно игрушка была со стволom, из которого вылетело пламя. Что было дальше, не помню. Очнулся здесь, в больнице.

— Узнаете их? — с надеждой услышать положительный ответ, спросил Петров.

— Вряд ли. В том месте улица не освещена.

2

В тот день в городе назревало новое происшествие. В субботу утром, сдав последний экзамен за четвертый курс, выехала на каникулы в родную деревню студентка техникума Зоя Рогожина. Мать не дождалась дочери и заявила в милицию. Начальник сказал Петрову: «Займись. Может быть, эта Зоя еще в городе и никуда не выезжала? Узнай точно, садилась ли она вчера в электричку».

...В субботу Зою провожали подружки. Компания была чисто девичья. Только Зоин дружок Михаил Вавилов был тут же — для него сделали исключение.

Настроение у всех было превосходное. На прощанье подружки экипировали Зою чем могли: кто дал кофточку, кто туфли, надавали взаймы денег.

Миша попрощался с Зоей на привокзальной площади. Девушка побежала за билетом, когда электропоезд уже подкатил к перрону. Села ли Зоя в вагон — Михаил не видел...

А в это время Зоя, раненная из огнестрельного оружия в шею, пришла с помощью добрых людей домой. В сельском медпункте ей уже сделали перевязку.

— В вагоне ко мне стали приставать два парня, — рассказывала Зоя. — Один высокий, очень худой, сутулый, волосы темно-русые, лицо бледное. Лет двадцати двух, назвался Андреем. Играл на гитаре. Был в темно-синем спортивном костюме. Второй пониже, улыбчивый, круглолицый, в джинсах, вельветовая тужурка надета прямо на майку. Сергей. Оба в импортных кроссовках. Когда подошла моя остановка,

вышли со мной. Уже темнело, людей вокруг ни души. Андрей начал приставать, я оттолкнула его, тогда Сергей вытащил самодельный, как игрушечный, пистолет и прострелил мне шею. Упала я больше от страха, сделала вид, что они меня убили, а на самом деле немножко жгло и сочилась кровь. Парни тут же сбежали.

Возможно, два выстрела — в Диму и Зою — произведены из одного и того же самодельного пистолета?

Зоя показала майору милиции Петрову не совсем серьезным человеком. Миша признался, что Зоя взбалмошна, легко могла уйти на танцы, в кино с малознакомыми парнями. Не встречалась ли Зоя раньше с Андреем и Сергеем?

3

Кузьмин чувствовал себя плохо. Врачи опасались за его жизнь. Петрову пришлось во второй раз выехать к месту происшествия на улицу Пирогова.

«Вряд ли все происходило без свидетелей, — размышлял он. — Ради чего напали на беззащитного юнца? Может, Димка что-то скрывает, недоговаривает?»

Из дома в дом обошел всю улицу: одни ничего не знали, другие слышали выстрел, но выйти побоялись.

Истекали вторые сутки, а поиск оставался безуспешным.

Петров опять взялся за второе происшествие. Зоя совершенно оправилась от ранения. Проговорилась, что ребята в вагоне откупорили бутылку вина, сказали, что обмывают удачу, предложили Зое присоединиться, но она отказалась. Тогда длинный парень в спортивном костюме угостил Зою сигаретой, она закурила — хотелось быть вполне современной. Никто их не одернул: в вагоне ехала лишь бабушка с внучкой. Постепенно следователь установил, что, когда Зоя вошла в вагон, крепыш подошел к ней и услужливо стал помогать развешивать сумки. Кивнул за окно, где остался Миша:

— Прелестный мальчик. Но теленок.

От парня пахло вином. Он болтал без умолку:

— Прощу прощения за хамство, рад с вами познакомиться. Студент — будущий инженер. Мой друг, без пяти минут доктор. Обратите, сделайте одолжение, и на него внимание. Персона!

Парень показался ей добродушным и остроумным. Не то, что деревенский Мишка, которого город за четыре года студенчества так и не обтесал.

Зоя вытянула руку в открытое окно навстречу приятно холодившему ветру.

Солнце садилось за лесом. Чуть померкли краски полевых цветов.

В вагоне стояла предвечерняя духота.

Поезд приближался к Зоиной станции. Стала прощаться с парнями. Но те запротестовали:

— За кого ты нас принимаешь? Можем ли мы тебя оставить наедине с сумками? Проводим до деревни...

Сергей поднял палец над головой и уточнил:

— До дверей родной хижины!

Когда сошли на глухом разъезде, совсем стемнело. Ребята весело галдели, подтрунивали, пугали Зою то волком, то разбойником за кустом.

От железной дороги уже отошли с полкилометра. Слева и справа от тропинки простирался буйно-зеленый кустарник.

Длинный Андрей, перебросив через плечо гитару, стал вести себя нагло.

— Прекратите, — пыталась оттолкнуть Зоя Андрея.

— Не трогай — моя... — Сергей недобро глянул на Андрея, и в руках у него появился самодельный пистолет. — Мне не страшен серый волк. Бах — и дырка!

Зоя похолодела от страха:

— Что это?

Грохнул выстрел. Кровь заструилась по кофточке.

Зоя разом перестала вырываться от Андрея и, точно мертвая, сползла с его руки на траву. Когда пришла в себя, ребят рядом не было. Только к вечеру следующего дня раненная, в бинтах, она заявила домой.

4

— И еще вот что, — вспоминает Зоя, — ребята выбегали на перрон за три остановки от моей станции, я поняла, что там живет их друг и может оказаться на вокзале. Он хромой...

— А вернулись, что сказали? — следователь искал подробности.

— Молчали. Длинный со злостью ударил по струнам гитары... И еще вас прошу. Допрашивать будете Мишу, не говорите ему подробности...

Петров обещал. Она попрощалась, быстро застучала каблучками к выходу.

Поправлялся, набирался сил и Дима Кузьмин. Майор Петров приступил к основательной беседе с юношей.

5

...В тот вечер Дима был в парке культуры и отдыха. Познакомился с Тамарой. Договорился после концерта на открытой эстраде ее проводить. Когда стемнело, он на минуту оставил ее, чтобы купить сигарет. В темной аллее на него набросились двое, предупредили, чтобы он немедленно уходил из парка. Дима понял, что конфликт — из-за девушки.

Тамару на скамейке он не нашел. Пошел домой... Потом вспомнил, что в потасовке сильно ударил одного ногой в живот...

Поиск продолжался. Следователь зашел посоветоваться к полковнику, своему непосредственному начальнику.

— А не поможет ли нам такое мероприятие... — полковник изложил свои мысли. — Завтра в любом случае поезжай на ту станцию, где выходили попутчики этой самой Зои. Побеседуй с железнодорожниками. Кстати, из транспортной милиции тебя сотрудник будет ждать. Эксперты не смогли вынести заключение, что два выстрела произведены из одного и того же пистолета. Но я не сомневаюсь, ребята одни и те же.

Через час Петров беседовал с водителями автобусов, курсирующих по улице Пирогова, и ухватился, кажется, за ниточку. Следователю помог сослуживец Юдин. Он возбужденно докладывал:

— Кондуктор Шарова — просто находка.

Петров взглянул в протокол допроса:

«Около 22 часов ехали в моем автобусе двое подвыпивших парней. Один высокий, худой, остриженный почти наголо. Второй — малоросток, плечистый, круглолицый, крепыш в джинсовых брюках и вельветовой тужурке темно-синего цвета. Из-под куртки выглядывала красная рубашка. У крепыша лицо очень загорелое, темно-каштановые вьющиеся волосы зачесаны назад, заметила во рту золотой зуб. Сходили они на остановке «Улица Пирогова». Выскочили из дверей и сразу сбили кепку у парня,

стоявшего с девушкой под навесом автобусной остановки, придирались к прохожему, пожилому мужчине с палочкой (тот заступился за парня). Старичок нагнулся, поднял головной убор и отдал его девушке. В это время старика так толкнул высокий, что тот чуть не упал. Что было потом — не видела. Автобус пошел дальше».

Петров и Юдин наметили план дальнейших действий. Выходило, есть еще потерпевшие, даже двое. Один — тот, у кого кепку сорвали с головы, и, возможно, ударили. Второй — старичок с палкой, ему нанесли удар — видела кондуктор.

Петров поручил Юдину довести дело до конца, зайти в райком комсомола, посоветоваться, собрать оперативный отряд, раздать ребятам задания. И попросить помощь в розыске преступников и свидетелей происшествия.

Первый день положительных результатов не дал. А к полудню второго член комсомольского оперативного отряда Марина Зорина привела к капитану Юдину Юру Окина. Паренек разволновался, смутился, лицо покрылось испариной.

— Боюсь, мстить будут.

Но кое-что рассказал:

— У меня сбили кепку, ударили по лицу. И угрожали. Их было двое: один небольшого роста, в руке у высокого был какой-то металлический предмет со стволом, на настоящий пистолет не похожий.

Юра согласился подежурить вечерами на улице: он бы их узнал в лицо.

Нашли дружинники и обиженного старичка. Но ничего нового он не добавил, сказал лишь, что одного хулигана видел и даже часто встречал где-то.

— Вспоминайте, Тихон Мартынович! — взмолился Юдин.

Тем временем вместе с лейтенантом из железнодорожной милиции Петров вел свой поиск. Приехали на станцию, где парни встречали своего хромого приятеля.

Билетные кассиры, путевые обходчики, наконец, жители небольшой деревни, прилегающей к вокзалу, тщательно были допрошены. Никто тех парней не видел. Что за дружка они встречали — понятия не имели.

Кем он может быть? Студентом, который проводит каникулы в деревне? Отпускником? Бездельником?

Пригласили дежурного по станции. Молодая женщина лет двадцати пяти, увидев удостоверение сотрудника милиции, насторожилась:

— В прошлое дежурство двое парней выбегали из вечерней электрички. Прошлись по перрону, снова вскочили в вагон. Один высокий в спортивном костюме, второй низкорослый в джинсах, вельветовой куртке. Какого-то приятеля с поврежденной ногой пытались увидеть.

— А у низкорослого нет ли золотого зуба?

— Есть.

— А высокий — в темных очках, с гитарой?

— Да! Кажется, припоминаю, имен их не знаю, а вот к кому приезжают, укажу. Полгода назад парень сломал ногу, говорил, в каких-то спортивных состязаниях. В Ольховке живет.

Отыскали «хромого» быстро.

Стас, мускулистый стройный паренек — действительно мастер спорта по настольному теннису, бывший работник радиозавода. На ранней инвалидности. Указал адреса своих приятелей и назвал имена: Андрей и Сергей Поповские, двоюродные братья. Сергей работает на заводе в областном центре, Андрей учится в Москве.

Задерживал Сергея Юдин прямо в цехе. Петров ждал в райотделе.

Сделал подготовку к опознанию преступника. Юра Окин узнал Сергея. Тот, помявшись, во всем признался.

В противоположность брату Андрей держался вызывающе, агрессивно.

Даже очные ставки с Дмитрием, Сергеем, Зоей и Тихоном Мартыновичем не образумили его.

— Никакого пистолета у меня нет. Кто стрелял — тот пусть и отвечает.

Обыск решил все. В кухонном столе, в комнате, которую в Москве занимал Андрей, Петров и Юдин нашли пачку малокалиберных патронов и кожаный самодельный чехол (кобуру от пистолета), а за ковром, в стенной нише и сам оловянный корпус пистолета. Ствол разыскали в помойном ведре.

Теперь Андрей сознался:

— Мы выследили его, ну... того, который ударил меня ногой в парке. Я его просил не приставать к моей девушке. Стрелял поверху, не думал, что угодил в него. На следующий день, в субботу, мы поехали в Ольховку проведать Стаса, ну и так, прошвырнуться. В электричке познакомились с Зоей. Показалась она нам такой... свойской. Увязались за ней. А в лесу допустили оплошность. Надо же было Сергею «самоделку» достать! Придурок... Думал, ей в грудь пуля досталась. Я еще ей подул в лицо, побил по щекам. Бесплезно. Драпанули. Только учитите, гражданин следователь, что и она хорошая птичка.

— Пусть так, но как же вы спокойно ели, спали все эти дни?

— Больше себя жалели, что получим срок ни за что... по дурости, — произнес Андрей.

Вот так своеобразно смотрят порой преступники на содеянное. Кажется им, что ни за что пострадали. Подвели вроде бы нелепая ситуация, случайность, оплошность, безвинная шалость, ребячество.

Еще раза два приходили ко мне и потерпевшие Зоя и Димка. Они быстро поправились, молодость брала свое. Лица веселые, беззаботные. И вроде бы даже ничего особенного с ними не случилось...

Только следователи долго не могут забыть такие происшествия, и носят их, как рубцы на сердце.

1968—1976

ДЕНЬ СЛУЖБЫ

День службы

РАССКАЗ

Просыпаюсь ровно в пять. Полчаса на зарядку. Умываюсь, завтракаю. В голове мысли о работе: что случилось за ночь, все ли вызванные свидетели придут, по каким делам истекают сроки следствия?

Жена что-то спрашивает. Невпопад отвечаю, что побуждает ее упрекнуть меня: «У всех мужья как мужья: спокойно к девяти уходят, спокойно к семи приходят».

Но я уже на лестнице.

До службы час пешего хода. Торопливо шагаю по пустынным улицам города, по которым вот-вот хлынет поток рабочих. Наконец, поворот в узкую улочку, на которой выросло двухэтажное здание милиции. Прежде чем идти к себе в кабинет, заглядываю в дежурную комнату, где наряд сотрудников круглосуточно несет вахту и каждую минуту готов выехать на задержание правонарушителя.

Меня встречает Тимур Фазаматов, небольшого роста, коренастый, улыбочивый, широколицый. Он недавно пришел к нам после окончания школы милиции и быстро прижился в отделе. Бодрый даже в конце суточного дежурства, после бессонной ночи, Тимур рад моему раннему приходу.

— Дорогой Шерлок Холмс, только что думал послать за тобой машину. Что случилось, спросишь? Неприятная новость. Ограбление. Всю ночь колесили, задержать преступников не смогли. Женщины, потерпевшие, ждут.

Забираю у Тимура собранные материалы, иду к себе в кабинет на второй этаж. Вызываю потерпевших на допрос. Их трое: пожилая полная, с претензией одетая дама, она возвращалась с электрички домой, девушка в легком платьице, повар заводской столовой, и женщина лет сорока в траурном черном одеянии, приехавшая разыскивать родственников. Все трое говорят примерно одно и то же, называют приметы мужчины, который при встрече с ними неожиданно выхватывал у них сумки: по возрасту около тридцати лет, среднего роста, худой, в коричневых мятых брюках, в рубашке защитного цвета, военного покроя.

В кабинет заходит сотрудник уголовного розыска капитан Архипов. В руках у него альбом с фотографиями тех, кто вернулся недавно из мест лишения свободы. Архипов уводит с собой женщин, чтобы показать им снимки. Тем временем достаю из сейфа два уголовных дела, по которым сегодня будут приходиться свидетели.

Одно — на неизвестную мошенницу, присвоившую деньги нескольких горожан, которым она пообещала достать ковры и шубы. Второе — по автодорожному происшествию.

В дверь кто-то стучит. Спустя несколько секунд в кабинет мелкими шажками входит, словно вливается, сухой, съезжившийся лысый старик.

— Жученков, такая фамилия, — объявляет первый посетитель. — Вы ищите лихача-шофера? Смею доложить: перед вами единственный и достоверный свидетель. Видел все до тонкостей. Пьяный был водитель, факт. Я и звонил в милицию, когда он скрылся, «Скорую помощь» вызывал. Номера, врать не стану, не запомнил, а вот был шофер в кепке. Это я точно заметил.

Записываю показания старичка. Хотя он ничего нового к имеющимся материалам не прибавил, но я ему признателен: человек преклонного возраста, ехал издалека, чтобы выполнить свой гражданский долг.

Однако вскоре мнение о посетителе пришлось изменить. Он перегнулся через стол и таинственно зашептал:

— Нельзя ли, товарищ следователь, эквивалентик за мою честность? Не понимаете? Поясню. Есть у меня один сосед, Прохоров Васька, надоел, как горькая редька. Постоянные с ним стычки по поводу совместной межи. Ну, доложу вам, проходимец!

— Что ж он, хулиганит, ворует?

— Пока не замечал. Но уж, конечно, не без этого. Рожа — во! Рисковый мужик. На любое «мокрое» дело может пойти. Достоверно говорю. Так вот, я и прошу обыск у него на всякий случай... А насчет машины не сомневайтесь: грузовая была, шла с потушенными фарами и врезалась в мотоцикл. Сами знаете: одного человека насмерть, второй — до сих пор в больнице.

Мне захотелось скорее закончить разговор со склонным к мести стариком. Сдерживаясь, объясняю, что на всякий случай милиция обыски не делает. Это будет нарушением социалистической законности. Советую таким образом не сводить счеты. Благодарю старика за показания. Жученков, оглядываясь, теми же мелкими шажками выплывает из кабинета.

А на смену ему уже входит другой посетитель, молодой человек с бородкой.

— Работаю шофером в третьем автохозяйстве. Секретарь комсомольской организации. Пришел по своей инициативе. После

осмотра нашего гаража автоинспекцией. Меня послали ребята. Располагайте нами, если нужна помощь. Лихача надо найти. Послушайте, может быть какие дежурства на дорогах надо? Чехов моя фамилия. Но не подумайте, в родстве с великим писателем не состою.

Не могу не улыбнуться этому бородатому парню по фамилии Чехов.

— Спасибо. Учту ваши предложения. Понадобитесь — разыщу. А теперь желаю счастья: меня ждут дела.

— Понимаю. Исчезаю. — И он стремительно скрывается за дверь кабинета.

Слабый стук в дверь.

— Да, да, прошу!

Кто-то робеет, не решается войти.

— Да входите же! Кто там?

Наконец дверь потянули, она открылась. Порог переступила молодая круглолицая женщина. Красная косынка на пышной прическе. Черные, тонко начертанные дуги бровей, глаза карие. Выражение лица извиняющееся, просительное. Рядом с женщиной девочка в синем шерстяном костюмчике.

Я предложил им сесть, подбадривающе спросил:

— Вы ко мне? Не ошиблись комнатой?

— Нет, нет. — Женщина опустила на стул, подтянула к коленям дочь.

— Тогда давайте для начала познакомимся.

Женщина стеснительно выдавила что-то похожее на улыбку. Отрекомендовалась:

— Ефремова, захотела с вами поговорить насчет брата, Ефремова Николая.

— Что с ним?

— Стыдно признаться. Его посадили. Но все равно. Я так рада, рада.

— Чему же? — не понял я.

— Думала, умер, а он, оказывается, в тюрьме. Хотела бы узнать адрес, чтобы письмо написать.

Пообещал узнать. Женщина с тем же напряжением, с каким вошла, удалилась. На ходу поблагодарила: «Спасибо вам, спасибо».

Звонят из ГАИ:

— Радуйся, товарищ следователь. В общем, нашли. Погнуты бугер и радиатор у «газика» из пригородного совхоза «Восход». Водитель Белев. Сейчас его доставим. Допрашивай. Ух, устали: облазили три сотни больших и малых гаражей.

Через полчаса передо мной стоит упитанный мужчина лет сорока, вяло дает показания:

— А кто его знает, что с машиной, кто ее погнул. Может стукнули, когда стояла в гараже. Я вины за собой не чувствую.

Ну что ж, проверим версии шофера Белева. Прошу его расписаться на пакете, в котором находятся соскобы краски с облицовки радиатора его машины. Краска явно другого, чем «газик», цвета. Похоже, она от поврежденного мотоцикла.

— Отправим на экспертизу. Сличим с краской поврежденного транспорта.

— Ваше дело, — безразлично отвечает Белев. — Проверьте сколько угодно. Непричастен.

...Занимаюсь снова ночным грабежом. Потерпевшая Печерникова, та, что вся в черном одеянии, внимательно всматриваясь в фотокарточки альбома, обратила внимание на одну из них.

— Вот он! Да, точно. Выхватил сумку и убежал.

Инспектор уголовного розыска Архипов в моем присутствии дает альбом потерпевшей Еремеевой, полной женщине. И она указывает на ту же карточку.

Третья потерпевшая — Лазовая, девушка из столовой, видно, волнуется: ей еще ни разу в жизни не приходилось давать показания. Она прижимает руки к груди и со страхом произносит, останавливая взгляд все на той же фотографии:

— Он, он. Схватил меня сзади за плечи, вырвал сумку. Там ключи от квартиры. Денег не жалко, рублей пять.

Закрепляю опознания протоколами. Докладываю начальнику отдела. Он направляет на квартиру рецидивиста Киськова, на чью фотографию указали все три потерпевшие, оперативную группу. Киськов месяц назад вернулся из мест не столь отдаленных и вот, как видно, снова «напроказил». Печерникову, Лазовую и Еремееву прошу подождать привода Киськова для опознания уже, как говорят, в натуре. Вскоре его приводят. Сонное лицо. От него за версту тянет водочным перегаром. Обмывал, видно, удачу. После очных ставок легко признает:

— С горя взялся. Жена от меня сбежала. Учтите, гражданин следователь, мои семейные неприятности. От нее, Верки, все беды. Да разве я пошел бы на это, будь она человеком. Не хочет жить, и баста. Принялся за старое, будь оно проклято. Опять решетка, опять нары, трижды им в дышло.

Нервного, издерганного, прозрачного от худобы Киськова уводят.

— Матери сообщите! — кричит он мне.

Преступление раскрыто, что называется «по горячим следам».

Секретарь отдела, всеми уважаемая Лидия Ивановна, приносит мне на исполнение анонимное заявление. Неизвестная женщина пишет:

«Слышала, что вы разыскиваете мошенницу. Попалась и я на ее удочку. Дала двести рублей. Та обещала достать ковер. Заставила ждать около универмага. Да так и не дождалась. Сама виновата, поэтому свою фамилию не называю. Однако помочь могу. Ищите мошенницу на железнодорожном вокзале. Там скитается, клиентов ловит. Ищите по наколке «Марина» у большого пальца левой руки».

Это уже кое-что. Приглашаю ожидающих вызова двух женщин, одураченных мошенницей «Мариной».

— Опознаете мошенницу?

— Да, — отвечают обе.

— Подежурьте с нашим сотрудником на железнодорожном вокзале. Можете?

Женщины просят позвонить домой и еще куда-то — своим родственникам. Согласовывают с ними свое отсутствие на целую ночь. Наконец сообщают:

— Одну ночь для общего дела подежурим.

Открывается дверь. В кабинет нерешительно, с опаской, входит высокий мужчина. Лицо мученическое, утомленное, под глазами фиолетовые впадины.

— Румбов Семен Яковлевич. Горе привело меня к вам. Много читаю об изобличении виновных. И решил не ждать. Сам пришел. Записывайте.

На трех листах составляю протокол явки с повинной. Две недели назад работники милиции обнаружили в кювете молодого парня. Он

был без сознания. Кто приложился кулаком к нему? Преступление оставалось нераскрытым. И вот виновник передо мной.

— Все произошло в порядке самообороны, — еще раз поясняет Румбов. — Шапку он с меня снял. Ну, я догнал его и стукнул по затылку. Не думал, что налетчик такой хилый. Вижу — упал. Я — дай бог ноги. Что будет?

Через несколько минут в кабинет входит супружеская чета. Оба щеголи, одеты с иголки.

— Пропала дочь, — произносит дама. — Найдите!

Берусь за карандаш, чтобы записать возраст, приметы пропавшей, но все тот же голос останавливает:

— Мы знаем, где она. Она вышла замуж. Неудачно. Он пьет. Хорошо бы его вам приструнить. Пусть знает, что мы шутить не станем.

С минуту недоуменно смотрю на них. Наконец объясняю, что следователь не может выступить в такой роли. Они, обиженные, уходят, сильно хлопнув дверью.

Меня вызывает прокурор с материалами на грабителя Киськова. К прокурору приводят и задержанного. В коридоре мать Киськова, старенькая, сторбленная женщина, увидев сына, бросается ему на грудь.

— Ну, что расплакалась? — вдруг нежно произносит рецидивист. — Уймись. Все будет хорошо. Вот увидишь, в тюрьме я буду бригадиром.

Глаза старушки как будто бы даже повеселели. Она поверила шутке неисправимого отпрыска. Прокурор санкционирует арест грабителя. Его уводит конвой. Я возвращаюсь к себе и берусь за дело об автонаезде.

На допрос приходит сторож гаража колхоза «Восход» Кузьмичев.

— Что скажете о Белеве, когда он вернулся в тот вечер?

— Гараж сам тогда ему открывал. Въехал он на территорию со стороны свинофермы. Там разгорожено. Крыло машины было помято. Белев еле стоял на ногах. Заплетался язык. Проговорил только: «Втюрился». Я спросил: «Авария, что ли?» Махнул рукой: «Тюрьма, если дознаются: мотоцикл смахнул, убил кого-то. Ты уж молчи, Кузьмичев. Не осироти детвору». Ну, я и молчал. Да из ГАИ осмотрели вчера машину и все вылезло наружу. — Кузьмичев сильно волнуется.

Составляю протокол, даю подписать его сторожу. Звоню по телефону в госавтоинспекцию. Прошу на завтра доставить ко мне на повторный допрос Белева. Вина Белева, видимо, теперь без труда будет

доказана. Поступит заключение экспертизы. Проведу очную ставку со сторожем. Да, пожалуй, и сам виновник не станет больше отпираться. Чистосердечное призывание в его пользу.

Закрываю сейфы, кабинет. Перед тем как уйти домой, спускаюсь со второго этажа на первый в дежурную комнату. К вечеру там чаще трезвонят телефоны, мигают на пульте связи сигнальные лампочки. Все подчинено одному: приему, обработке, передаче сообщений о кражах, хулиганствах, авариях, семейных скандалах, горестных происшествиях. Отсюда идут радиокоманды нарядам милиции, постам, которые охраняют покой и безопасность людей.

Дежурный, его помощник еще бодры, подвижны. Но к утру навалится на тело усталость, и, по себе знаю, будет казаться, что нет даже сил подняться с кресла.

Прощаюсь с дежурным, но не за руку. Это считается дурной приметой: поднимут ночью на расследование нового происшествия. Лишь говорю: «Удачи. Спокойного дежурства».

...Восемь часов вечера. Мой рабочий день кончается. Но знаю: и поздно ночью будут крутиться в голове обрывки разговоров с посетителями, а перед глазами стоять их лица, радостные и печальные, усталые и бодрые, простодушные и с хитрецей. И мне все будет казаться, что в беседах с ними я что-то забыл сказать, спросить.

За окном полуголые тополя. Последние уцелевшие листья сморщились, потемнели, свесились к земле, готовые упасть. Косо чертит квадрат окна мелкий въедливый дождь. Капли прилипают к стеклу, нехотя ползут вниз, точно просят в теплую комнату.

Думают о том, как быстро промелькнули три десятка лет службы. Совсем не за горами тот день, когда в последний раз окину взором свой рабочий кабинет, задержусь у кустистого фикуса, полью его водой... От этой трогательной мысли сжимается тоскливо сердце.

За долгие годы службы в милиции мне довелось работать со многими людьми. На их плечах были погоны сержантов, лейтенантов, полковников и даже генералов. Но вне зависимости от этого они были надежными коллегами, товарищами, боевыми друзьями, которых объединяют одни заботы, тревоги, раздумья, одна готовность к самым опасным и неожиданным испытаниям.

«ТАЙНА» БУФЕТА

День стоял ноябрьский, пасмурный. Работать в кабинете можно было только при свете, но начальник следственного отдела полковник Белов не стал его включать. Он прошелся взад-вперед по ковровой дорожке, сел за стол, закурил. С флегматичным видом стал пускать кольца дыма: нужно было хорошенько обдумать все то, что услышал в кабинете начальника управления. Белов не мог не признать справедливости слов генерала по поводу дела заведующей буфетом Панфиловой, которая, судя по кипе поступивших анонимок, присваивает продукты, ворует.

По анонимкам подписывать постановление на возбуждение уголовного дела против Панфиловой Белов не хотел: если пойти навстречу фантазии анонимщиков, то можно несчетное число дел возбудить. Анонимки вроде бы вне закона.

— Но если так, — сказал генерал, — то нужно сдержать натиск анонимок, нужно тщательно расследовать все факты недостат в этом буфете. Отчего они происходят? Если Панфилова честно торгует, но каждый месяц ревизия вскрывает у нее нехватку товара, значит, к ней присосались паразиты. Защищать надо женщину. Разве Панфилова, мать троих детей, не заслуживает внимания? Покорись судьбе, — с легкой иронией продолжал генерал, по-приятельски положив руку на плечо Белову. — Возбуждай дело, наша задача не только наказывать, но и защищать обиженных.

— Знаю, товарищ генерал, — ответил Белов. — Но проверкой не установлены признаки растраты, налицо всего лишь недостача. Ежемесячная, на одну и ту же сумму — тридцать рублей.

Генерал подсел к Белову. Он досадовал, что приводимые им аргументы не производят на того впечатления.

— Разве мы можем быть безразличны к тому, что у Панфиловой, честно торгующей, как ты установил, пропадают продукты? Это не пустячное дело. Удивляюсь на этот раз твоему упорству. — Рослый генерал прошелся по своему огромному, как лекционный зал, кабинету. — Ты же двадцать лет неустанно разыскиваешь преступников. — И заключил: — Вот тебе мой приказ — защити

Панфилову или установи, что она ворует. Не спускай материал, как говорят, на тормозах. Понял меня?

— Все я понимаю, — буркнул Белов.

— А раз понимаешь — действуй. Сам должен знать состояние этой женщины, если на нее вот такой поклеп возведен. К тому же она страдает материально. Зачем ей, вдове, ежемесячно покрывать из собственного кармана недостачу? Сама-то, чай, еле-еле концы с концами сводит. Поддайся искушению, — весело закончил генерал, — найди, кто ворует. Пошли на место своего самого лучшего сотрудника.

Все это, сидя за столом и листая в который раз бумаги, морщась как от оскомины, вспоминал полковник. Белов как-то сбросил со счетов возможного «паразита», как выразился генерал, присосавшегося к буфету Панфиловой. Поэтому сейчас ему было не по себе от той небрежной легкости, с которой он час назад докладывал генералу о буфетном деле.

Ему было стыдно и за то, что «зеленый» следователь Ландышева, только-только пришедшая после окончания юрфака в отдел, ей он поручил провести проверку анонимок, сумела легко убедить его, опытного в делах человека, прекратить расследование. Общеизвестными, даже можно сказать примитивными, аргументами она мотивировала свою позицию. Но Белов, изменив своей привычке вчитываться самому в каждую строчку, с легкостью, с какой стряхивают пепел с листа бумаги, махнул рукой: «Хорошо, я согласен».

Заглушая в сердце неприятные воспоминания, полковник поднялся навстречу вошедшему подполковнику Вихреву.

— Руслан Юрьевич, вот. — Белов двинул на край стола папку с материалами на Панфилову. — Тут надо...

Бывалому старшему следователю не нужно было объяснять, что к чему. Он быстро полистал бумаги и произнес:

— Будем возбуждать дело, Виктор Викторович?

— Вот именно. И проверь все обстоятельно. Ландышевой не удалось отыскать ахиллесову пяту. По совести говоря, и рано ей. Дело сложное. А для тебя это, что называется, семечки. — Белов улыбнулся.

— Спасибо за доверие, — так же весело ответил подполковник, — но вы же скажете: сейчас и ехать в эти самые Белые Озерки. А сегодня пятница. Значит, дома не оценят ваше исключительно положительное ко мне отношение.

— Жене от меня передай тысячу извинений. Скажи: обязательно дам тебе отгулы. И добавь: ты не такой, как все, ты — легендарная в народе личность, молодые следователи с благоговением смотрят на тебя. Итак, выписывай на неделю командировку — и в дорогу. Смотришь — и засверкает на твоей груди еще одна медаль.

— Ладно, товарищ полковник. Не за медали служим. Они...

— Сами находят героев? Так хотел сказать?

...Рыжеволосая, жилистая, сухопарая тридцатилетняя буфетчица Любовь Николаевна Панфилова, узнав, что по ее делу в поселок приехал следователь, сама прибежала поздно вечером к нему в гостиницу, не дожидаясь, когда он пожалует к ней. Начала рассказывать про недостатки, про горькую жизнь. Она смотрела на Вихрева глазами, в которых стояло какое-то жалкое выражение, пыталась в каждом его движении уловить самое важное для себя: понимает он ее или безучастен к вдовьим страданиям. Вихрев ничем не выдал своего отношения к делу Панфиловой, но долго и внимательно смотрел в заплаканное лицо женщины, в ее грустные глаза.

Утром Вихрев собирался побывать в торговом отделе райпотребсоюза, в самом буфете, а вечером заглянуть на квартиру Панфиловой. Легкая досада от того, что в субботний день он должен таскаться по чужому поселку, незаметно исчезла, уступив место другому чувству: желанию довести начатое дело до конца.

В беседе с вызванными в контору райпотребсоюза несколькими должностными лицами выяснилось, что Панфилова уже давно просила перевести ее из буфета столовой на кухню: она была отменной поварихой. Отчасти эта просьба была вызвана тем, что после гибели мужа Панфиловой хотелось уединения, покоя. Основная же причина была в том, что Ольга Косовотова, прежняя буфетчица, которую сменила Панфилова, бросала мстительные взгляды в ее сторону, распускала о ней небылицы, считала, что та подсидела ее, чтобы занять «теплое» место. Были и скандальные случаи: Косовотова встречала Панфилову на дороге и обвиняла ее на людях в том, что она ворует, но ее защищают начальники.

Вихрев предположил, что все анонимки скорее всего настрочила Косовотова и решил при встрече с этой взбалмошной женщиной взять необходимые для сличения образцы почерка.

Равнодушно взирали на враждебные действия Косовотовой руководители райпотребсоюза.

— Все недосуг вплотную заняться этими бабами, — сказал тучный заведующий торговым отделом Яков Сидоренко. — А про загадочные недостачи давно знаем. Многие Панфиловой сочувствуют, но некоторые не верят в ее честность: получали сигналы. Вот и разберитесь. Полагаю, что тут надо взяться за старика Пенчева. Нечист он на руку, хотя ему доверена охрана столовой. Кстати, он приходится дядькой прежней буфетчице Косовотовой.

Вихрев кинул быстрый взгляд на массивную фигуру Сидоренко, от которого несло перегаром, и подумал: ни чужое добро, ни зло такого не станут волновать.

— Может, и сама ворует, — продолжал Сидоренко. — Только какой смысл — самой и платить недостачи. Но заметьте: ежемесячные нехватки продуктов на одну и ту же сумму: три червонца. Можно и ревизии не делать, а высчитывать в конце месяца тридцатку из зарплаты Любки.

Квартира буфетчицы состояла из одной большой комнаты и кухни. Дешевая старомодная мебель, стертые половики. Все говорило о скромном бюджете хозяйки.

В квартире Панфиловой подполковник застал, к своему удивлению, родственницу враждующей стороны, старуху Пелагею Пенчеву, супругу сторожа и кочегара столовой Дмитрия Пенчева.

Старуха оказалась говорливой, ловкой. Чистила хозяйке картошку, помогала стирать, развешивать белье, хваталась за веник, едва увидев, что ребятишки Панфиловой намусорили. Люба даже не успевала отказаться от ее услуг.

— Разыщите грабителя, — бойко тараторила Пелагея, — может быть, во вред Косовотовой, но я, как родной, хочу добра Любке. Мальцам вон валенки бабенка купить не может. Люб, ставь-ка на стол угощение! Чайку с дороги... Холодцу? Нехитрое блюдо, но не прогневайтесь.

Вихрев почтительно отказался от угощения, сказал, что он гость поневоле, но все-таки выпил чашку домашнего кваса и приступил к уяснению некоторых непонятных вещей.

— Ну, допустим, — мягко, но решительно начал Вихрев, — кто-то ворует из буфета продукты. Но как он это может делать?

— По правде говоря, не знаю. Разве что подземный ход есть. А так — на два замка запираю. Сами видели. Ключи не подберешь. А

если подберешь — прорвешь контрольную бумажку. Я бы утром заметила.

Вихрев нечаянно во время разговора с буфетчицей поднял глаза на старуху, протиравшую окна. Он не мог не заметить что она делала свою работу машинально и очень внимательно и серьезно ждала ответа Панфиловой. Складки прорезали ее лоб, а взор маленьких, прищуренных глаз становился то тревожным, то довольным. Но какое-то замешательство выразилось на лице Пенчевой, когда Панфилова вывалила на стол из книги горсть заранее заготовленных контрольных бумажек величиной с этикетку спичечного коробка. По диагонали на клочках бумаги стояла подпись Панфиловой.

— Что за необходимость такой запас делать? — деликатно спросил подполковник. — Ведь их на полгода хватит.

Панфилова смущенно пояснила:

— Гавриловна мне листы принесла, я и нарезала.

— Да уж чтоб никто не подделал, — вспыхнула краской старуха и яростно заработала по стеклу тряпкой. Шестым чувством, именуемым интуицией, Вихрев неожиданно понял: в этих клочках бумаги и в том, что Панфилову усердно посещает жена сторожа, кроется отгадка преступления.

А бабу на окне точно подкосило. Она обеими руками схватилась за подоконник.

— Забываю, что не молодая. Проворность до обморока чуть не довела, — сказала Пенчева, прикинув лбом к холодному подоконнику.

Старуха выпила стакан воды, почувствовала себя лучше и почему-то резко сказала:

— Что тут болтать про кражу? Знаете, чай, муженек мой охраняет столовую. Неужто не заметил бы вора? Поймал бы если что... Да и дырки были бы в бумажках.

...Маясь вечером от скуки в номере гостиницы, Руслан Юрьевич с величайшей досадой думал о какой-то непонятной любви старухи к семье Панфиловой. Утомленный рабочим днем, он улегся в свежую постель и вскоре заснул. Но спалось на новом месте неважно, ему снились то краснощекий и пьяный завторгом Сидоренко, то сама Панфилова явилась к нему и стала просить умоляющим взглядом побыстрее найти вора, а под утро в каком-то неясном виде представился старик Пенчев.

В воскресенье с утра Вихрев, позавтракав в гостиничном буфете, решил заняться сторожем. Тот словно угадал его мысли. Когда Вихрев прохаживался около конторы райпотребсоюза, к нему подошел маленького росточка, довольно пожилой человек и, подав руку, отрекомендовался:

— Пенчев буду. Речь пойдет об ней, Панфилихе.

Часа два беседовал Вихрев со сторожем. «Где я мог видеть его?» — спрашивал себя Руслан Юрьевич и только к концу встречи вспомнил. Чтобы проверить себя, спросил как бы между прочим:

— Не скажете, где мы с вами встречались?

— Ей-богу, не припоминаю, — ответил сторож и переменял тему: — Панфилова — любопытная баба. Неграмотная. Видно, счет ее подводит. Нечестности с ее стороны нет.

— А чем же она любопытная? Вы-то сами понимаете это слово?

Старик оскорбился.

— Вы что ж, считаете, одним городским можно щеголять хорошими речами? — И присовокупил: — Скупая у нее душа. А выходит, теряет больше. Шла бы из буфета. Что тянуться за буфетной стойкой, раз образования маловато. Вот тем и любопытная, что в интеллигенцию норовит прописаться. А племянница моя, Косовотова, замечу между прочим, имеет полное среднее образование. И ни за что ни про что сняли с работы. А тут целый год недостачи у Панфилихи — и держат.

— Нет, мы с вами-таки где-то встречались, — прощаясь, еще раз сказал старику Вихрев.

Подполковник вспомнил, как лет восемь назад привлекались к уголовной ответственности расхитители зерна с районного элеватора. Среди них был и Пенчев. Он отделался тогда легким наказанием, потому как главная вина пала на других.

Но сейчас Вихрев не проявит оплошности. «Надо только не поспать эту ночку», — решил Вихрев, обдумывая операцию.

По подсчетам, ему нужно было восемь помощников.

— Работа предстоит ночная, интересная, — сказал подполковник начальнику районного отдела милиции Бессонову.

Тот понимающе кивнул.

Поздним теплым вечером Вихрев сам расставил сотрудников милиции по постам.

За лето подполковник, стыдно признаться, ни разу не смог сходить в лес. А тут, попав в него золотой осенью, стоял на опушке леса, подступающей к окраине райцентра метрах в ста от столовой, и как замороженный втягивал лесной аромат.

— Какая свежесть, не могу надышаться! — мечтательно произнес Вихрев, обращаясь к стоящему рядом подполковнику Бессонову.

— Слишком не увлекайся, — весело сказал начальник райотдела, — в лес надо ходить по воскресеньям.

— Вот я и пришел. Сегодня — воскресенье. Все правильно.

Оба негромко засмеялись.

Над головой у самых верхушек сосен висели рыхлые тучи. Накрапывал дождь. К утру совсем похолодало. Вместо дождя посыпалась снежная крупа. Вихрев упросил идти домой Бессонова, а сам стал подумывать, не снять ли посты, чтобы не простудить своих помощников. Но тут в окне столовой заморгал условный огонек участкового инспектора Корнеева, у которого пост был самый благоустроенный и теплый — внутри помещения. И хотя всю ночь прождал этого заветного огонька подполковник, он показался неожиданным и ошеломляющим.

Все сотрудники бросились к столовой на условный сигнал. Он означал: вор почти пойман, он в заветном буфете. Но как он попал в столовую, если входные двери заперты на замки, а та, что ведет в кочегарку, закрыта изнутри на крючок?

Впрочем, на эти вопросы не так сложно оказалось ответить. Вором, как и предполагал Вихрев, был сторож, он же кочегар дед Пенчев.

Прижатый в угол с кругами колбасы, пивом за пазухой и в руках, он ощерился, как бешеная собака, загнанная в клетку. Из-под грязной фуражки выбились седые волосы. Пенчев зло сверкал глазами по сторонам, искал подполковника. Он понял, кто ему подстроил западню.

Из кармана старика изъяли поддельные ключи к замкам буфета и несколько клочков бумаги с подписью Панфиловой. Ими обеспечивала Пенчева его старуха, втершись в доверие к одинокой женщине.

Полковнику Белову Вихрев доложил из гостиницы по телефону:

— Воришка пойман. Буфетчица тут ни при чем. За ее счет жил сторож Пенчев со своей старухой. Недурно устроились. Каждый месяц на тридцатку воровали, а заодно и выживали буфетчицу. Расчищали место для Косовотовой.

— Ну вот, видишь, милиция не только обвиняет, но и защищает, — крикнул в трубку издалека Белов. — Ты у меня палочка-выручалочка. Не знаю, что буду делать без тебя. Иду докладывать генералу. Или, может быть, тебя подождать с подробностями?

— Давайте, Виктор Викторович, без подробностей. Скажите, что глаза Панфиловой полны слез от радости. Генерал всю жизнь работает за такие благодарности и нас научил. А жене позвоните: к концу дня приеду.

1972—1973

ТРУДНЫЙ РОЗЫСК

РАССКАЗ

Много людей пройдет перед следователем, прежде чем он поставит точку в уголовном деле. И все разные, непохожие друг на друга. Одни уйдут из кабинета, и как будто их не было. Другие надолго запомнятся, иногда на всю жизнь. Едва вспомнишь одну-две детали из встреч с такими людьми, и память услужливо воскресит многие события.

Почти все следователи любят дела бойкие, так называемые событийные, те, что регистрируются по линии уголовного розыска. Поэтому я не очень обрадовался, когда однажды утром, переступив порог кабинета своего начальника, получил задание расследовать скучное уголовное дело из сферы отдела борьбы с хищениями социалистической собственности. Подсчетами рублей и копеек, ревизиями, квитанциями и накладными, считал я тогда, должен заниматься не следователь, а бухгалтер.

Полковник Белов угадал мое минорное настроение и на кислую мину рассудительно заметил:

— Экий вы народ горячий и непоседливый. Возьми-ка сначала материал да вникни в него. Полагаю, интересное дело получится. Будет в нем тебе и романтика, и динамика, и событийность. Еще не известно, по какой линии закончишь его. Сдается мне, что действующие лица этого материала занимаются не только должностными преступлениями, но и кое-чем еще... Впрочем, не стану предрекать, сам разберешься. Одним словом, дерзай!

Началось все с листа ученической тетради в клетку. Фиолетовыми чернилами неровным почерком на нем было написано:

«Приглядитесь к нашему райтопсбыту. Уголь, торф и дрова там расхищаются должностными лицами. А все дело в накладных. На них обратите внимание».

Я отправился по указанному адресу. Райтопсбыт по числу рабочих — организация небольшая, управленческого аппарата всего несколько человек. Небольшую комнату в конторе занимают учетчик Белидзе, бухгалтер Вольтов и кассир Редискина. По территории склада постоянно мотается его заведующий, попросту говоря, кладовщик Маркин. Заведует всем хозяйством директор Ранцев.

Пять человек — вся контора. Работают вместе не один год. Новичок среди них Антий Белидзе, в недавнем прошлом — судимый. Когда я попросил его рассказать, за что он раньше привлекался к уголовной ответственности, Антий постарался представить дело так, будто оказался жертвой мошенников, занимавшихся воровством кровельного железа. Он верил людям, помогал перевозить и продавать листовую сталь, думая, что все происходит на законном основании, а они оказались проходимцами, об этом он узнал уже во время следствия. Теперь Белидзе, с его слов, настолько прочувствовал и понял, как запросто можно «влипнуть» в грязную историю, что на всю жизнь зарекся иметь дело с какими бы то ни было подозрительными личностями.

Белидзе можно было бы отнести к числу, если можно так выразиться, благонадежных, если бы не одно «но». В беседах с работниками конторы выяснилась такая деталь: заведующий складом Маркин, однажды придя на работу во хмелю, заплетающимся языком стал выкрикивать то, что, видимо, не давало ему покоя: «Если меня посадят, я их тоже всех пересажаю...»

Он намекал на свое окружение, на сослуживцев по складу.

Не входит ли Белидзе в число тех, кого имел в виду Маркин? Ведь Антий его первый помощник.

2

Вскоре в поселок, где я вел расследование, прибыл мой коллега Руслан Юрьевич Вихрев. Обликом, характером являл он полную противоположность своей фамилии. Был высок, худощав, физически очень сильный, представлял собой образец спокойствия, не охотник до многословия, говорил коротко, лаконично.

В то же время оправдывал свою фамилию тем, что никогда не унывал, был решителен, упорен в сборе доказательств по уголовным делам. Он умел довести до логического конца самые замысловатые происшествия. Начальство, конечно, было довольно его работой и не скупилось на благодарности. Любили его и мы, товарищи, прежде всего за то, что он всегда в трудную минуту приходил на помощь любому из нас.

Раньше Вихрев любил поострить, присочинить историю. Теперь, с годами, стал серьезным, степенным. К нему пришли опыт, знания, уважения, авторитет.

На погонах он уже носил две большие звездочки, а не одну, как я.

Признаюсь, мне давно Вихрев нравился, я старался во многом ему подражать. Хотелось так же, как он, прекрасно владеть следственным мастерством и быть своим коллегам надежным соратником. Я давно с ним дружил.

Руслана Юрьевича Вихрева с приятной неожиданностью я увидел в холле второго этажа гостиницы. Поздоровавшись, он жестом руки пригласил меня сесть, затем сухо сказал:

— Футбол в девятнадцать часов. Приходи смотреть телевизор, товарищ майор.

— Как ты сюда попал? — улыбнулся я.

— Тем же путем, что и ты, — отшутился он.

Чуть позже, когда я, умывшись и переодевшись, подсел к нему, Руслан Юрьевич сказал:

— Грабители завелись в этих местах. Очищают один за другим соседние с поселком сельские магазины и остаются неуловимыми.

Я не сомневался, что Руслана Юрьевича на пустяковое дело начальство не пошлет.

— Каков же метод налетчиков? — поинтересовался я у Вихрева.

— Самый обычный. Заявляются в какую-нибудь ближайшую деревню ночью. Взламывают дверные запоры. Орудий взлома не оставляют. Действуют наверняка. Налетом очищают прилавки и уматывают.

— Отпечатки?..

— Найти не удастся. Следы заливают одеколоном. Сегодня весь день, тщательно изучал места происшествий. Одна деталь привлекает внимание: кражи совершаются из сельских магазинов, расположенных у реки.

— Вывод? — подражая Вихреву, задавал я вопросы из одного слова.

— Похоже, что преступники обеспечены водным транспортом, обитают в этом поселке. Поэтому я и приехал сюда.

— Поработаем, товарищ подполковник?!

— Как водится, — невозмутимо ответил Вихрев.

С утра Вихрев занимался своим делом, а я отправился побеседовать с директором топсбыта.

Сергей Михайлович Ранцев отвечал на вопросы охотно. Давал характеристики каждому сотруднику. Антий Белидзе — работник неплохой. Старательный. Маркин любит выпить, но, в общем, человек надежный в труде. Редискина халатна в работе. Бухгалтер Вольтов не весь отдается службе, трудится «от» и «до». Характеристикой же самому Ранцеву служило то, что он вот уже десять лет состоит в этой руководящей должности. Имеет благодарности. Не на худом счету у своего начальства.

После беседы с Ранцевым у меня осталось впечатление, что о хищениях в топсбыте он может и ничего не знать. Вышло так, что я ему как бы открыл глаза на то, что некоторые работники конторы менее чем за два года приобрели по автомашине, построили новые дома, обзавелись отличной мебелью. «Трудно представить себе, что они могли сэкономить так много, получая весьма скромную зарплату», — заметил я. Ранцев залился краской и заерзал на стуле. Не проронил ни слова. Он и сам сделал много дорогостоящих приобретений, что было доподлинно известно. Но, наверное, мог бы отчитаться, коснись я этого вопроса.

Я приступил к допросу сотрудников конторы. Показания Белидзе и Маркина не представляли интереса. Но вот тревожная информация бухгалтера Вольтова давала пищу для размышлений. После летних месячных курсов он вернулся в контору и обнаружил ящик письменного стола взломанным. Вольтов категорически заявил, что недосчитался нескольких десятков бланков пронумерованных накладных на отпуск топлива. Доложил руководству. Виновные взлома стола так и не были установлены. Впрочем, директор Ранцев, со слов Вольтова, не придавал особого значения этому происшествию.

Через три дня я увидел Вихрева.

— Куда ты запропастился?

— Дела, брат, дела, — нахмурился Руслан Юрьевич. — Выезжал в село Евдоколье. Очередная дерзкая кража из универмага. Преступники не изменили своим привычкам: опять взлом дверных запоров и похищение в основном выручки, ценных необъемных вещей.

— Осмотр ничего не дал?

— Почти. Хотя есть зацепочка. На стеклянной банке обнаружили отпечаток пальца.

— Когда это случилось?

— Два дня назад. Под утро. Надо присмотреться к мужичкам райцентра. Воры наверняка отсюда. Кто-то должен обмывать удачу.

— Могу тебе, кажется, помочь, — ответил я. — Вчера и сегодня не вышел на работу учетчик Белидзе. В прошлом судимый. Кстати, имеет лодку. Моторную.

— Транспорт на колесах есть?

— «Москвич».

Вихрев задумался.

— Белидзе, Белидзе — знакомая фамилия. Мною установлено, что не выходил на работу и баянист Дома культуры Иван Король, тоже в прошлом судимый. Есть данные, что он пьянствовал именно с «твоим» Белидзе. Однако как дела наши объединяются. Впрочем, наш начальник почему-то предвидел это.

5

На следующий день я допросил Белидзе, а Вихрев — баяниста Дома культуры. Нас интересовал вопрос, где они провели ночь, когда была совершена кража из магазина села Евдоколье. Оба дали путанные показания. А когда отпечаток пальца Антия сошелся с отпечатком, изъятым в магазине со стеклянной банки, я произвел обыск у Белидзе, а Вихрев — у Короля. В ванной комнате Белидзе за трубой канализации лежали хрустящие червонцы — три тысячи триста рублей, а у Короля в носке дырявого сапога «прижались» две тысячи. Это была именно та сумма, которую захватили налетчики в универмаге.

Продавщицы, три молоденькие девушки, только-только окончившие торговые училища, неопытные, расстроенные, признались:

— Поленились сдать выручку. Но ведь спрятали так, что сами могли не найти, под мешками. А эти бандиты отыскивали. Все вверх дном

перевернули. Еще похитили трое золотых часов...

У нас с Вихревым были теперь все основания предположить, что взятые под стражу Белидзе и Король участвовали в кражах из других магазинов и у них есть сообщники. Их стал выявлять Вихрев.

6

Я продолжал заниматься своим делом в топсбыте. Оно постепенно прояснялось. Похищенные бланки накладных могли использоваться для фиктивного оформления топлива покупателям. Их можно было заполнять для вида на глазах у покупателей, затем рвать, а полученные деньги класть себе в карман. Но для такого хищения необходимо почти всех сотрудников конторы вовлечь в преступные махинации. Без кассира Редискиной обойтись нельзя — покупатели отдадут ей деньги по накладным Белидзе. Один экземпляр такой накладной идет кладовщику Маркину. Тот прикладывает документы к отчету для списания со склада топлива: угля, дров, торфа. Предусмотрительные преступники в таких случаях обычно создают излишки на складе, базе, а затем их реализуют по «липовым» документам. Деньги, естественно, присваивают. Следовательно, Маркин вполне мог быть причастен к хищениям.

Трудно сказать, сколько бы времени мы потратили на выяснение этого, если бы не произошла встреча с учителем местной школы Василием Васильевичем Нечаевым.

Узнав, что ведется расследование, он принес сохранившуюся накладную топсбыта на сорок четыре тонны угля стоимостью 680 рублей. Выяснилось, что в райтопе двух других экземпляров накладной не оказалось ни в отчетах Маркина, ни в кассе бухгалтера. Деньги в кассу не поступали.

Итак, первый криминал установлен: 680 рублей, уплаченных Нечаевым, присвоены. Похищены.

— Есть ли смысл преступной группе брать к себе в компанию соучастницей Редискину? — выслушав меня, спросил Вихрев. — Если бы она оказалась заодно с ними, то расхитителям вообще не нужны были бы никакие бланки, отправляли бы покупателей топлива с клочком бумаги. Хотя, впрочем, видимость законности нужна и для приобретения топлива...

— Редискина, — заметил я, — находится в дружеских отношениях с бухгалтером Вольтовым. Знала, в каком ящике стола лежали бланки. Редискина представляет интерес для следствия.

— Ну, пусть так, — согласился флегматично Вихрев. — Теперь послушай меня. Событьем Король и Белидзе, по свидетельским показаниям, вырисовывается Кулешов, рабочий мебельной фабрики. Тоже судимый. На допросе отрекается от дружков. Говорит: «Только здоровались, и то под настроение». А у меня есть данные иные. Вот я и осмотрел одежду Кулешова. На пиджаке отыскал розовую краску — именно такой, как подтвердил наш эксперт, была выкрашена накануне кражи часть прилавка в магазине села Евдоколье. Вызвал Кулешова в райотдел милиции повторно.

Держится уверенно. Входит в кабинет этой морской размашистой походочкой. На лице — ухмылка. Приглашаю его сесть, уточняю:

— Когда, где и при каких обстоятельствах запачкали одежду?

Вальяжно балагурит:

— Убей громом, не помню. Замети меня метелью, не лгу.

Пришлось пойти на крайнюю меру: задержал его. Утром выводят из камеры потемневшего, хмурого, со лба не сходит глубокая морщина. Обменялись несколькими малозначительными фразами. Смотрю на него, молчу. Жду.

— Чистосердечное признание желаете? — спрашивает.

— Конечно. И поподробнее. Никого не выгораживайте.

Кулешов закуривает, плотнее садится в кресло, тербит лохматую шевелюру. Гонора как не бывало. Он скороговоркой рассказал, как вместе с Белидзе и Королем ограбили универмаг в Евдоколье. Признал за собой кражи в поселке Степино и в селе Ларово. Заверил, что шайка состояла только из названных трех человек. Больше никто не причастен, и искать бесполезно. Торопит меня. Хочет, как можно скорее предстать перед судом. Понести кару за три магазинных взлома. По-детски даже прослезился.

— Ты ему веришь? — спросил я у Вихрева.

— Нет.

— Три дня уже под стражей Белидзе.

— Да это так. Показания их ты знаешь. Белидзе и Король начисто отмежевываются от Кулешова. Твердят, что обокрали только универмаг в Евдоколье. Устроил им очные ставки с Кулешовым. И только после

них признались в трех кражах, о которых рассказал Кулешов. А вчера все трое признались и в краже из почтового отделения села Севское. Там похитили, кроме денег, револьвер системы «Наган» с семью боевыми патронами.

— И оружие сдали?!

— Увы! Наган нужно искать. Его якобы потеряли.

— Врут?

— Конечно.

7

Утром я предъявил Белидзе для ознакомления материалы графической экспертизы по накладным райтопсбыта. Но он продолжал твердить, что ни в чем не виноват. Досадовал:

— Вы все на меня валите. Ну, влип, попался с магазином, втянули дружки. А насчет топлива моя совесть чиста. Упрекают меня покупками? Да, приобрел машину. Ну, построил дом. Так у меня бабуся богу душу отдала, а мне чулок с кредитками оставила. Больше десяти тысконок. С обворованных магазинов кое-что перепало. Вот и обживался. Нечаев, говорите, меня уличает? Я даже помню, когда он покупал у нас для школы уголь. Мною заполнялись три экземпляра накладных. Два вручили Нечаеву. Он пошел платить деньги Редискиной. Третий экземпляр накладной, как и положено, передал Маркину.

Как случилось, что двух экземпляров накладной (от кассира и от кладовщика) нет в бухгалтерии, он понятия не имеет. Почему 680 рублей не оприходованы, Белидзе объяснить не мог.

Редискина на допросе решительно заявила:

— Никакого Нечаева я в глаза не видела. Если бы от него деньги принимала, то они были бы в кассе. — И добавила: — С утра до вечера сижу в конторе. Контролирую, как положено, отпуск топлива. Хищений быть не может. Впрочем, если были, то без моего участия.

Да, вполне возможно, Маркин отпускал иногда топливо со склада без накладных, а денежки присваивал. Чтобы пьянствовать, их надо иметь и дармовые. В накладной Нечаева, согласно экспертизе да и по показаниям самого кладовщика, стоит его подпись. Правда, не

подтверждаются его слова, что два экземпляра накладной он отправил в бухгалтерию. Деньги от Нечаева в кассу не поступали.

Неужели водит за нос и главный бухгалтер Вольтов? Однако проверка документов Маркина опровергла эту мысль. В реестре, написанном рукой кладовщика, накладная Нечаева не значилась.

Впрочем, Маркин не сдаётся:

— Одна накладная могла быть и пропущена из-за спешки. Это ни о чем не говорит. Единичный случай. Вы установите систему. Повторяю, накладную Нечаева, помню, я сдавал в бухгалтерию с отчетом.

8

Через день ко мне поступили новые интересные данные на Белидзе. На запрос в колонию о том, на каком основании тот был освобожден досрочно, пришел ответ:

«Ходатайство об освобождении Белидзе условно-досрочно поступило от директора райтопсбыта Ранцева. В письме заверялось, что Белидзе будет предоставлена должность учетчика».

Сама по себе бумага не вызвала удивления, если бы Ранцев не твердил на допросах, что Белидзе он раньше не знал, трудоустроить его предложили исполком райсовета и еще какие-то общественные организации.

Больше того, стало известно, что незадолго до прихода Белидзе на место учетчика собирались принять кого-то, но в один прекрасный день Ранцев, ссылаясь на «вышестоящих», неожиданно заявил: «Никого брать не будем, пришлют из райисполкома».

Жена Белидзе рассказывала: «Ранцев в первый же день по прибытии мужа из колонии пришел к нам в гости...»

Впрочем, очень скоро стало известно, что Ранцева, Белидзе, Маркина часто видели вместе не только на работе. Иногда с ними был высокий смуглый мужчина в светло-коричневом костюме из чесучи. Вчетвером выезжали на природу в машине Белидзе. Я стал наводить справки, интересоваться «четвертым» и установил его личность. Это был завхоз соседней сельской больницы Румынский. Кстати, в прошлом судимый за разбойное нападение на сторожку лесника.

Меня продолжал волновать вопрос: какое отношение к преступлению имеет кассир Редискина? Изучил ее распорядок дня. Подозрительной представлялась, по показаниям кассира, такая деталь. Каждый день, ровно в 12 часов, Ранцев провожал Редискину в Госбанк. У дверей банка он говорил:

— Можешь пообедать дома. Управимся без тебя. Попридержим покупателей до твоего возвращения.

Выходило, что Ранцев, Маркин и Белидзе один рабочий час оставались без кассира. Могли отпускать топливо и прикарманивать денежки. Возникла уверенность, что у населения на руках много липовых накладных. Их нужно найти, собрать и приобщить к делу. Переговорив с начальником райотдела милиции, я попросил выделить мне пятнадцать энергичных дружинников, которым дал соответствующее задание. Они приступили к повторному обходу многих прилегающих деревень. А я выступил с сообщением по радио. Мы разыскивали тех, кто в течение двух лет приобретал топливо.

Наши поиски увенчались успехом. Каждый день приносил результаты. И вот в руках следствия двадцать шесть, тридцать восемь, сорок девять липовых, неучтенных накладных. Бланки были похищены из стола бухгалтера Вольтова.

9

Инвентаризация материальных ценностей выявила крупные излишки топлива на складе. Снова допрашиваю Маркина, а потом Белидзе. Показываю им целую стопку фиктивных накладных. Маркин изворачивается.

— Мое дело отпускать. Документы выписывает Белидзе, деньги принимает Редискина. Она же должна расписываться в их получении, хотя в накладных, вижу, подписи стоят не понятно чьи. Загогулины не мои.

Но покупатели говорят, что деньги платили не женщине, а мужчине. Что на это скажет Маркин? Чьи же в накладных каракули?

— Проведите опознание, и люди скажут, кому платили.

Почему же так смело ведет себя на следствии Маркин? Оказалось потому, что деньги брал с покупателей Белидзе. Установлено это было опознанием.

Белидзе твердил:

— Да, получал от граждан деньги. Было. Но их вместе с копиями накладных сдавал в кассу Редискиной.

Лишь избобличенный Редискиной, очными ставками, всеми материалами дела, он вынужден был сознаться:

— Да, брал и пропивал деньги. Семь бед — один ответ. Прибыль делил с Маркиным.

— А Ранцев?

— Он ни при чем. Знал ли Ранцев о хищениях? Не могу сказать. Неучтенные накладные передал мне Маркин. Где взял? Не уточнял, ни к чему. С Маркиным ухо держал востро. Имеет силу. Он — дружок Васьки Румынского. А тот шутить не любит. Раз пять судимый. Он-то, собственно, и подсказал, как на складе накопить излишки и как распорядиться ими.

— А излишки откуда? Неполный вес получателям отпускали?

— Маркин скажет. С ним занимайтесь.

Еще раз копаюсь в документах вместе с бухгалтером-экспертом, и он мне подсказывает:

— По отчетам Маркина значится, что склад должен Сусловской больнице сотню тонн угля. А что если выехать и проверить?

Направился туда. Директор больницы говорит:

— Спасибо, спасибо за уголек. Но мы все перевезли. Даже благодарность за оперативность объявили Василию Романовичу.

— Василию Романовичу? Это кто? — спрашиваю у директора.

Он удивлен моей неосведомленностью:

— Как кто? Завхоз Румынский. Вон он.

Румынский стоял невдалеке, давал какое-то указание больничному шоферу. Высокий, крепкий, пропитан солнцем, в светло-коричневом чесучовом костюме.

10

А в это время подполковник Вихрев избобличал группу грабителей магазинов. Показания Короля и Кулешова, которые под напором неопровержимых улик признали за собой уже шесть ограблений (на три последних из них Белидзе брал с собой наган), капитан милиции записал на пленку. Ее он дал послушать на допросе Антию Белидзе. С

магнитной пленки Антий услышал голоса соучастников, изобличивших его.

— Вот дают! Все на меня валят, — от ярости и негодования Антий даже привстал. — Хорошо, я тоже знаю, что такое пункт девятый статьи тридцать восьмой Уголовного кодекса. Выключайте магнитофон. Дальше сам отчитаюсь.

И Белидзе собственноручно все изложил:

«Перед выездом на грабежи, — писал он, — один приятель Румынского на заводе изготовлял два-три металлических ломика, которыми мы ломали дверные запоры. Ломики затем бросали в реку или на платформы проходящих товарняков. Уходили все из дома под видом рыболовов, встречались в кустах. На моей моторной лодке или лодке Короля подплывали к выбранному населенному пункту. Взламывали в перчатках. Согласно установке Румынского брали только деньги, часы, а также водку, чтобы обмыть удачу. Револьвер хранится у шефа — Василия Румынского, по тюремному прозвищу Бином-ньютон. Сидел я с ним в колонии и знаю, на что он способен. Любимая поговорка шефа: «Сотру в бином Ньютона». Сам-то он не знает никаких ньютонов, да, видно, понравилось когда-то услышанное словечко...»

Допрашивали мы Румынского с Русланом Юрьевичем Вихревым. Наши дела в этой точке сошлись, натолкнулись на одного организатора по его и по моему расследованию.

Я не видел еще таких артистов, как Василий Румынский. Едва мы успели сказать, по какому поводу вызвали его на допрос, как увидели перед собой взъяренного несправедливостью, оговором человека.

— Я так дело не оставлю, — кипятился Румынский. — Вы что, не понимаете: эти прохвосты хотят меня опорочить! Я имею за год работы восемь благодарностей, почетную грамоту, а вы верите каким-то ворами.

Обыск у Румынского никаких результатов не дал. Однако оперативная группа продолжала искать револьвер с помощью миноискателя во дворе его усадьбы. И наконец аппарат «заговорил». Револьвер и патроны, завернутые в целлофан, и «трофеи» из магазинов: золотые часы, зажигалки, крупная сумма денег.

Теперь разыгрывать оскорбленного Румынскому было наивно... Он тоже склонился над протоколами допроса и стал запоздало раскаиваться. Тут же его арестовали.

Вскоре и Маркина взяли под стражу. Оказалось, что и он участвовал в кражах. Нашли в его тайниках ворованную обувь, костюмы, золотые изделия.

11

Настало время браться за директора райтопсбыта. Произвели обыск в его кабинете. В столе среди множества бумаг нашли неопровержимое доказательство участия Ранцева в хищении: один экземпляр потертой накладной на сумму 260 рублей с его подписью. Из нее было видно, что топливо потребителю отпущено. Но в кассу бухгалтерии эта сумма денег не поступала.

Уронив лысую голову, Ранцев с горечью признавался:

— Занял у Румынского такую сумму. Тот вскоре затребовал долг. Где взять денег? Дома ни копейки — мебель купили. Вот и попутал бес...

А Румынский не стал больше притворяться, цинично изрек на последнем допросе:

— Пожили на славу, гражданин следователь. Только Ранцев дурак и размазня. Руководил-то райтопом фактически я.

Все виновные получили по заслугам. Ранцеву тоже пришлось предъявить обвинение в хищении государственных материальных ценностей, взять под стражу.

Вот и вышло по народной поговорке: сколько веревочка ни вьется, конец найдется. Что и говорить, руководитель только тогда имеет право стоять во главе трудового коллектива, когда сам кристально честен и неподкупен.

Следствие закончено. Обвинительное заключение подшито. Гора томов возвышается на столе. Мы с Русланом Юрьевичем Вихревым можем наконец-то облегченно вздохнуть: денек-другой выйдет передышка, прежде чем нам поручат новое дело с новыми вопросительными знаками.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Говорят, что самое таинственное в человеке — зарождение любви. И все-таки появление страсти где-то закономерно. Куда более загадочно возникновение предчувствия.

Какой мудрец возьмется объяснить причину возникшего вдруг чувства ожидания беды? Где взять формулу, по которой можно вычислить, за какое время до бедствия приходит к человеку тревожное состояние, беспокойные мысли?

Извечный вопрос: почему предчувствия нередко сбываются? После них частенько случаются малые неприятности и большие удары судьбы.

Вот и сейчас Оксана вышла на крыльцо провожать жениха, переполненная тоской и отчаянием. Недобрые предчувствия, неожиданно вспыхнувшие, томили ее весь вечер.

В районном поселке уже третий месяц девушка жила на квартире у бабушки Поли. Сюда ее направили после окончания института.

Суженый Оксаны — Михаил недавно возвратился из Афганистана, работал в уголовном розыске, из областного центра наведывался к невесте. Скорая свадьба у них считалась как решенное дело.

Ему шел двадцать второй год. Носил он невзрачный, добротный пиджак, рубашку без галстука, джинсы, немодные кроссовки. Но это не мешало невольно обращать на него внимание не только девушек.

В Михаиле под неброской одеждой чувствовался основательный молодой человек, угадывался спортсмен: широкие плечи, волевое лицо, уверенная походка.

Под стать ему была и Оксана: фигурка тонкая, женственная, взгляд внимательный, доброжелательный к людям, крупные серые глаза, пышные блестящие волосы. Все это всегда было причиной тому, что случайные парни искали с ней знакомства, а те, с кем она училась в институте, встреч и дружбы.

Но она со школьной скамьи любила ловкого и веселого, с ленцой, как все ребята, к наукам, Мишку-Медведя. Он мог так сильно, ловко и нежно обнять, что казалось вот-вот и перехватит дух. Всех своих поклонников девушка предпочитала ему еще и потому, что он был очень бережен по отношению к ней, своей невесте.

Но сегодня она, от какого-то страха дрожа, разрешила сама Мише сесть на ее кровать и вдруг крепко обняла его за шею и стала неудержимо целовать Мишины глаза, губы, щеки, а слезы у самой лились градом.

Бабушка Поля крикнула из своей комнаты:

— Миша, ты бы рассказал что-нибудь про службу в Афганистане.

— Ничего особенного, бабуш, там не было.

— Он очень скромный, бабушка, — наигранно оживленно и бойко заявила Оксана. — Я расскажу, за что он получил орден Красной Звезды. Дело было так, — Мишка-Медведь с двумя своими товарищами горами возвращался с задания в свою часть. Их заметили душманы, конечно, захотели взять в плен. Окружили, загнали в ущелье. Закричали: «Русь, сдавайся! Москва капут!» Тогда Миша стал карабкаться почти по отвесной стене. Ему помогли товарищи. Через пять минут он оказался за спинами у бандитов. Оставалось разрядить свой автомат, что он и сделал. Михаил дюжину уложил душманов. Остальные в панике разбежались. Одного удалось взять в плен и доставить в часть. Так?

— Почти. Только один бы я там ничего не сделал...

— Да и ноне он выбрал работу — не сахар, — заключила бабушка.

— Я сам думал, — отозвался успокаивающе Миша, — что в милиции все время происходят сплошные происшествия, ночные засады, погони, сражения. Ничего подобного. И хочется чего-нибудь такого, да нет.

Все еще с тягостными мыслями в ожидании неприятности, предчувствия удручающего одиночества, Оксана на крыльце крепко обняла Михаила и улыбнулась ему через силу в темноте.

— Береги и ты себя, — ответил понимающе молодой человек и с той же признательностью заглянул в глаза невесте.

Шел первый час ночи. Он успевал к последней электричке. Лишь звезды летнего неба освещали притихший поселок. Громыхнет вдали поезд, залает собака — и снова тишина. Лишь гулко раздаются торопливые шаги окрыленного счастьем Михаила. Дышалось легко воздухом, напоенным ароматом садов и трав.

Когда Михаил спустился к центральной улице, ведущей на вокзал, то невольно стал свидетелем такой картины. По асфальтированной дороге, на большой скорости с дальним светом, грохоча кузовом,

мчался грузовик. Два постовых сотрудника ГАИ жезлом давали команду ему остановиться.

В кабине мог сидеть пьяный водитель, и Михаил подумал, что машина вряд ли послушается. Однако самосвал покорно заскрипел тормозами. В кабине сидели трое настороженных, с отеками пропитыми лицами мужчин.

Повинуясь неведомому зову, Михаил затаился у темной стены дома. Внутренний голос как бы говорил ему, что в грузовике гуляют небезобидные путешественники.

— За чем дело, — вылезая из кабины, серьезно спросил упитанный, с квадратной физиономией мужчина лет двадцати семи.

Один сотрудник милиции с погонами сержанта полез в кузов, в котором оказалось зерно, а второй — лейтенант стал проверять документы.

Из кабины самосвала двое продолжали угрюмо наблюдать за действиями работников милиции. Интуиция все больше подсказывала Михаилу, что здесь может понадобиться его помощь.

— Откуда пшеница? — спросил сержант.

— Из поля, вестимо, — недружелюбно ответил мордастый шофер.

Запоздалым путникам сотрудники ГАИ предложили следовать в райотдел милиции.

Началась перегруппировка. За управление самосвала сел сержант милиции, потеснив там хмурых двоих пассажиров, а лейтенант открыл дверцу своего «Жигуленка», стоявшего у обочины дороги, шоферу грузовика.

И тут раздались выстрелы. Это в лейтенанта трижды выстрелил его подозрительный «клиент». Работник милиции ухватился за живот, потом за кобуру своего пистолета, но вытащить оружие не смог: ничком ткнулся в землю.

В эти же секунды те двое, что тихо сидели в кабине самосвала и угрюмо молчали, двинули так сержанта от себя, что тот вылетел через дверцу на асфальт.

Они хотели его добить на земле, но услышали постороннюю властную команду:

— Стой, стрелять буду! Оставаться на местах.

Это кричал Михаил, подбежавший к смертельно раненному лейтенанту. По Михаилу бандиты, опомнившись, открыли огонь, прорыдав в нескольких местах «Жигули», но не попав в него.

Самосвал рванул с места. От мертвого лейтенанта Михаил подбежал к сержанту. Тот тоже бездыханно лежал на дороге с разбитой головой и пулей в груди.

Михаил по рации связался с дежурным по райотделу и коротко доложил ситуацию, а сам с его разрешения на милицейских «Жигулях» стал делать все возможное, чтобы загнать «КамАЗ» в тупик.

Поравнявшись с самосвалом, он дал несколько сигналов, заставляя бандитов остановиться. Но те, безуспешно пытаясь раздавить легковушку, уходили от преследования.

Кругом ни души, ни одной машины. Некого звать на помощь. Михаил заметил, что у «КамАЗа» нет правого зеркала. Он стал обходить самосвал с нужной стороны, а поравнявшись с машиной, несколько раз выстрелил из пистолета, взятого у мертвого лейтенанта, по скатам.

Грузовик на ухабинах подпрыгнул несколько раз, его стало заносить в кювет. Он остановился. Трое бандитов прыгнули из кабины и залегли в траве.

Текли минуты. Подмоги Михаилу все не было. Он один против троих вступал в сражение. Сражение... Словно как там, в Афганистане.

Выкатившись колом из кабины «Жигулей», Михаил на противоположной стороне дороги стал выбирать удобное место для поединка. В его сторону полетели пули. Бандиты стреляли наугад. Притаившись, Михаил всматривался в темноту. Вот одна из троих фигур приподнялась из травы, и Михаил тотчас послал туда пулю. Крик, возня, кажется, попал в цель. В ответ очередь из автомата в сторону Михаила.

Выходило, что противники вооружены до зубов.

В это время стала подъезжать милицейская подмога на машинах. Высыпав из двух «Москвичей», шестеро сотрудников начали окружать бандитов.

Те не думали сдаваться. Их можно было взять решительной схваткой. Михаил пополз через дорогу, за ним — трое сотрудников милиции. Их заметили бандиты. Началась почти рукопашная схватка. В ней пришлось уничтожить всех убийц, но получил тяжелые ранения в плечо и шею, а самое опасное в грудь, Михаил.

С места происшествия его доставили на операционный стол. От большой потери крови его охватил холод, он никак не мог справиться с

дрождью. Сухие губы произнесли: «Как-нибудь поосторожней сообщите обо мне Оксане».

Вскоре и она, невеста, заливаясь слезами, прибежала в больницу.

— Я ведь чувствовала, я ведь чувствовала, — причитала она. Оксана застала Михаила в бессознательном состоянии. Он выкрикивал бессвязные слова. У постели посидели сотрудники из районной милиции. Оксана не отходила от постели бредившего Михаила дни и ночи.

Ранения были тяжелые. Одна пуля прошла в миллиметре от легкого. Несколько суток пришлось бороться за жизнь Михаила. Доктор подытожил:

— Волевой он человек. Одно слово — афганец. Фронтовик. Таких и врачам ставить на ноги нетрудно. Вылечим, Оксана, твоего жениха... Вот тех двух героев уже не вернешь. Жаль в мирное время терять от бандитских пуль отличных парней. Да, такая у них служба. Опасная и трудная. Мы привыкли лишь в фильмах о милиции к сценам перестрелок и поимки тяжких злоумышленников только в кино... Благодатней была бы и наша служба и жизнь.

1976—1977

РЮМКА ШАМПАНСКОГО

1

Зоя Митрофановна Дубровина, мать не вернувшейся из школы домой десятиклассницы, как мне показалось, чего-то недоговаривала. Задал ей вопрос: «С кем дружила Лена? Могла ли куда-нибудь уехать, не заходя домой?»

— Да нет же, — ответила она и пожала плечами нерешительно, и я готов был думать, что угодно.

Потом я понял Дубровину: она впервые за свою жизнь пришла в милицию и не знала, как себя вести.

Дубровина была скромна и душевна. Упрекала только себя, что не усмотрела за единственной дочерью. Никого не хотела больше винить.

У классного руководителя удалось выяснить, что после уроков, около часу дня, Лена вместе с Антониной Ворониной и Валентиной Седневой вышли из школы.

Зоя Митрофановна уже побывала у подруг дочери. Застала лишь Валю Седневу. Та подтвердила, что действительно вместе с Леной и Тоней вышла из школы. Далее было так. На улице Тоню Воронину ждал парень, по имени Сергей. Тоня о чем-то пошептала с ним. Затем Сергей забрал у Тони портфель, громко сказал: «Только побыстрее, я жду». И ушел в сторону автобусной остановки. Воронина вернулась к подругам и попросила их минут пять ее подождать. Сама пошла в гастроном и вернулась с бутылкой шампанского. «По случаю субботы рюмка шампанского не повредит здоровью».

Лена отказывалась:

— Чур, без меня. Болит горло. Иду прогреваться в поликлинику.

Воронина решительно взяла Дубровину под руку.

— Никуда я тебя не отпущу.

Под натиском настойчивой и энергичной Ворониной в овраге выпили вина. Рюмки сделали из бумаги. После этого Валя сразу ушла: ее ждала мать, чтобы ехать на дачу. Лена с Антониной остались сидеть на травке.

С Дубровиной-матерью, понятыми осмотрели овраг. Никаких следов не нашли: ни пустой бутылки из-под шампанского, фантика от

конфет, девчата закусывали ими. Наметили план действий. Прежде всего нужно сходить к родителям Ворониной, затем разыскать парня по имени Сергей.

Антонины дома не было. Родители сказали, что дочь пришла из школы поздно, взяла теплую кофту и молча ушла. Узнал также, что дочь частенько выпивает. Родители не видят в этом беды.

— Не водку же, а розовую водичку, — заметив мое недоумение, произнесла представительная брюнетка лет сорока пяти Лара Львовна Воронина, преподавательница музыкальной школы. — Тем и отличается слабый пол от сильного, что пьет шампанское, а не покрепче. Что касается дочери, то плохого не сделает. Голова на плечах. И если что произошло — Тонечка ни при чем.

Я не сдавался:

— Девушка же. Если от нее пахнет вином — теряешь всякое уважение.

Своими возражениями никого не убедил, а только подлил масла в огонь. Лара Львовна стала спорить. Она заявила, что старомодно смотрю на воспитание подрастающего поколения.

Вышел из дальней комнаты отец Антонины Роман Николаевич Воронин, инженер автохозяйства. В руках он держал журнал «За рулем».

— Извиняюсь. Не мешал вашему разговору, а сейчас счел нужным вмешаться.

— Здравствуйте, — подчеркнуто громко произнес я, намекнув этим, что нелишне нам поприветствовать друг друга.

— Мое почтение, — ответил Роман Николаевич. — Как понял, вы пришли узнать, где наша дочь? Мы не знаем. Она не обязана докладывать, куда уходит и с кем. Мы ей доверяем. Ее моральные качества положительны. Об этом мы позаботились. А работникам милиции следует заниматься ворами и разбойниками, смотреть за порядком в скверах, парках. Я хожу с работы мимо злочных мест. Вижу такие безобразия, что диву даюсь. Тороплюсь унести ноги.

Я мог не продолжать разговора в таком тоне, но очень заинтересовался суждениями Воронина.

— Любопытно. Что там в скверах?

— Вы прекрасно знаете. Девушки сквернословят, курят, хулиганят наравне с парнями, дерутся, набрасываются на прохожих. Так что...

— Извините, Роман Николаевич, — не выдержал я, — но я хорошо знаю вечерний город. Часто дежурю по ночам. Не соглашусь с вами. По одной распущенной девице не судите. Но давайте закончим разговор по существу. Сегодня после занятий в школе ваша дочь организовала выпивку в овраге с одноклассницами. Одной из них до сих пор нет дома.

— Нет дома... Причем здесь Тоня? — подняла плечи рослая Воронина-мать. — Свалить всю вину на дочь! Девочки, наверное, отметили какое-то событие. Что тут криминального? Зачем сгущать краски.

— Криминального? Кончается и таким...

— Опять замечу, — зарокотал баритоном Роман Николаевич, — рано паниковать. Всего десять часов вечера. Найдется ваша Лена. Никуда не денется. Не иголка.

— Именно, — кивнула шапкой-париком Лара Львовна. — Она, возможно, зашла к приятелям. Увидите: все кончится благополучно... Милиция напрасно встревожена. — Лара Львовна говорила со мной и точила пилкой длинные, покрытые розовым лаком ногти. Она не смотрела на меня. Похоже, ей представлялось, что я не заслужил должного внимания.

— Я разделяю беспокойство Дубровиной. Припомните, где бывает Тоня. Надо помочь в поисках Лены.

— Боже мой, — махнула пилкой для ногтей Лара Львовна, — утомили, откуда нам знать, с кем и куда пошла Антонина?

— Ручаемся головой за нее, — Роман Николаевич свернул трубочкой журнал «За рулем» и бил им себя по колену. — А вы, если переполнены забот и тревог за судьбы молодежи, то находите применение теплым своим чувствам в другом месте. Наша квартира благополучная. Занимайтесь трудными.

Родители Тони не принимали к сердцу мое беспокойство. Я напрасно тратил время. Сытые, самодовольные, Воронины не терзались угрызениями совести. Все мои замечания они встречали с иронией. Ни за свою дочь, ни за чужую они не волновались. Разговаривали мы друг с другом на разных языках. Время двигалось к одиннадцати вечера. Антонина не возвращалась. Делать у Ворониных было больше нечего.

Встреча с Ворониными подействовала ошеломляюще. Не подозревал, что есть такие родители. В сознании «прокручивались» фразы Лары Львовны и Романа Николаевича. «У нас все вечера заняты. Дочь часто одна остается дома. Мы разрешаем ей приглашать в гости кого угодно и ходить с тем, с кем считает нужным. Лишь однажды у нас было объяснение с Тоней. Она пришла домой под утро. Да, у девочки нашей есть парень по имени Сережа. Он вернулся из армии, работает водителем автобуса».

Решил сам поговорить с Валею Седневой, а потом уж разыскивать Сергея. Валею застал у плитки: она варила, узнал по запаху, картошку. Матери дома не было. «Вот-вот должна прийти. Готовлю ужин». Узнал, что Седнева-мать работает мотористкой на швейной фабрике. Задаю те вопросы, которые приготовил для Антонины. Она повторяет то, что уже рассказывала Лениной матери.

Взрослый брат Вали, в спецовке, с молотком и гвоздями в руках, мастерил в прихожей ящик для цветов. Внимательно слушал наш разговор. Когда зашла речь о Сергее, вставил:

— Это Голубев. Знаю, стилига. Живет за углом.

Он назвал улицу и номер дома.

Хотел уже уходить, но вошла мать Вали. Пришлось ей рассказать, в чем дело. Сделал это без охоты. Боялся реакции, как в семье Ворониных. Но Седнева, напротив, очень близко приняла к сердцу исчезновение Лены. Ее она хорошо знала, как подругу дочери. Седневу поразило, что девочки распивали спиртные напитки. Да еще в кустах, как алкоголики. Сделала дочери строгий выговор. Пригрозила:

— Обожди, займись. Без следователя. Долго будешь помнить. Отчитаешься за все действия.

Валя старалась задобрить мать. Сняла с нее пальто, помыла высвободившуюся от продуктов хозяйственную сумку.

— Мамочка, так вышло, — оправдывалась она, — мы с Леной не хотели выпивать, но Тоня, как репейник. Выпила-то две капли. Пригубили.

— И Лена? — спросил я.

— Чуть больше. У нее горло болело. Антонина ей сказала: прополоскай шампанским — как рукой ангину снимет.

— Наивные дурочки, — закипятилась Седнева. — Дополоскались. Может, уже нет в живых Лены? Сколько раз говорила: держись подальше от Антонины. Иди в свою комнату.

Когда мы остались одни, женщина тяжело вздохнула:

— Не стану расхваливать дочь. У нее много недостатков. За них ей достаётся. Не жалею. Люблю порядок. И пока, слава богу, удаётся. Но в голове не держала, чтобы Валя вот так на улице, в овраге... Одно могу сказать: каждому её слову верьте. Между нами все честно. Валя меня ни в чём не обманула. Корень был — Антонина.

— Что-нибудь знаете о ней?

— Да, поэтому запретила дочери встречаться с Ворониной: раньше Антонина к нам частенько заходила.

— Что произошло?

— Не хочу сплетничать. Одним словом, распущенность.

— История неприятная. — Я напомнил женщине, неизвестно чем кончится. Милиция поднята на ноги.

— Раньше я знала, — решила Седнева, — что Тоня неважно учится, пропускает занятия, грубит учителям, на родительских собраниях об этом слышала. Потом от своих ребят знала, что Тоня встречается и допоздна задерживается с кавалерами, но не придавала этому значения. А недели три назад... В общем, расскажу все по порядку. В полночь мне не спалось. Укрыла детей. Дописала письмо мужу — он в экспедиции сейчас. Подхожу к окну, смотрю во двор. У нашего подъезда на скамейке сидит парочка. Целуются. Ну, бог с ними, сами молодыми были. Вдруг в тусклом свете узнаю Тоню. Любопытно стало. Смотрю, парень встает, берет Антонину за руку, тянет. Она упирается. Отталкивает парня. Он сильнее потянул и потащил её за собой. Куда бы вы думали? В подвал. Представляете мое состояние? Что делать? Растерялась. Ломала голову, как поступить. Может, позвать людей на помощь? Влюбленная пара как ни в чём не бывало показалась через час из мрака. Парень сел на скамейку, закурил, потянулся. Тяжело было мне ночью. Не заснула до утра. Что за дружба по подвалам? Обо всем рассказала дочери. Убедительно попросила порвать дружбу с Антониной. Сама стала холодно встречать Тоню. Она заметила, спрашивает: — Тетя Катя, что вы на меня дуетесь? За что в обиде? — Вот тут и произошел у меня с ней откровенный разговор. И что вы думаете? Не смутилась! Невинно говорит: «Что тут такого?». Я ей: «Ну разве место в подвале среди ночи девушке с парнем?» Она свое: «Какое тут преступление?» Я ей слово. Она — два. «Вы тетя Катя, с предрассудками». Я ей: «Родителям скажу». Фыркнула: «Вы наивные». И правда, Антонину отец с матерью не винят за поздние возвращения с

гуляний, разрешают пить спиртное. Так мой разговор и окончился ничем...

Сел в машину. Назвал водителю старшине Рябинину адрес Сергея. Посмотрел на часы: пошел двенадцатый час ночи.

Если от Ворониных вышел мрачным и злым, то от Седневых, напротив, с хорошим настроением. Почувствовал себя способным работать всю ночь. Пришла уверенность, что Лену найдем.

Дверь мне открыл молодой человек высокого роста с эффектной укладкой пышных иссиня-черных цыганских волос. В майке и шортах. Из комнаты неслась эстрадная музыка.

Первая мысль: «Неужели девчата еще здесь? Их ищут, а они весело проводят время».

Но, как выяснилось, ни их, ни Сергея здесь не было. Передо мной стоял его брат Андрей. Он сказал, что Сергей минут пять назад ушел провожать маму в больницу. Она там медсестрой работает.

— Что случилось? — участливо спросил Андрей.

Пришлось рассказать.

— Девчата к нам не приходили. Тоню знаю. Приходит к Сергею. Последнее время часто. А портфель лежит на письменном столе, — сообщил Андрей.

Открыл его, увидел учебники, тетрадки. Они принадлежали Ворониной. Тревога снова вошла в сердце. Где девушки? Почему Воронина не пришла за портфелем?

Андрей добавил:

— Сергей ждал Тоньку. Никуда не уходил из дома. Сам возмущался. Он страшно ревнивый. Подождите, брат должен вот-вот прийти...

«Должен прийти»... Он не представлял, как нам дорога каждая минута.

Я не мог оставаться в квартире Андрея. Стало ясно: Сергей не знает, где девушки.

Сел в машину и сказал Рябинину:

— Не вешать носа, Алексей Петрович. Надо собраться с мыслями. Наметить план.

— Розыскную бы собаку, — поддержал разговор водитель.

— Именно. Возьмем овчарку, проводника. Пустим с того места, где пила вино потерпевшая. Авось, повезет. Дождя не предвидится. Тоже — к лучшему.

У меня, крепкого человека, так вдруг защемило в левой стороне груди, что замычал от боли. Предчувствие беды, чего-то недоброго вошло в душу. Каково матери пропавшей девушки? Что теперь делает? Где ожидает известий?

Шел второй час ночи. Из телефона-автомата позвонил дежурному. Капитан милиции Муров басом пророкотал:

— Товарищ майор, вас ждут.

— Кто?

— В дежурной комнате. Парень. Назвался Сергеем. Вы к нему заезжали домой. Хочет вас видеть. — Муров замолчал. Я слышал, как он с кем-то переговаривался. Через полминуты капитан добавил: — Имеет важные сведения. Что ему сказать? Пусть ждет?

— Непременно. Сейчас буду. Позвоните в питомник: нужна служебная собака. — У меня в какой раз тревожно забилося сердце. В голове беспокойные мысли. Хотел положить трубку. Упредил торопливый голос Мурова:

— Тут мать пропавшей девушки...

В телефонной трубке послышались глухие рыдания. Упавшим и обессиленным голосом Зоя Митрофановна спросила:

— Товарищ следователь, нет у вас никаких новостей? Извелась я. Не доживу до утра. Мочи нет ждать известий.

Ответил женщине как можно спокойнее, что нельзя терять надежды. Потом добавил:

— Ждите меня. Сейчас приеду.

Голос меня выдал: он был глухим и неуверенным. И женщина вновь заговорила дрожащим, взволнованным голосом:

— Ее нет в живых? Не скрывайте. Лену убили? Признайтесь.

Все эти расспросы холодили душу. Как мог, попытался утешить Дубровину:

— Откуда вы взяли? Что за кошмарные предположения? Вы так себя доведете бог знает до чего. Возьмите себя в руки.

Я попросил Мурова создать к моему приезду оперативную группу из сотрудников уголовного розыска. Вызвать тех, кто поближе живет.

Через четверть часа приехал в отдел. Стал успокаивать Дубровину. Потом беседовал с Сергеем. Это был щуплый, юркий парень с бегающими по сторонам маленькими серыми глазками. Он больше походил на девушку: длинные, до плеч, мягкие вьющиеся волосы, замшевая куртка, цветастая шелковая рубашка с выпущенным воротником.

— Я хочу вам помочь, — тихо сказал парень и покраснел, точно в чем-то был виноват. Не имеет ли он к исчезновению девушек какого-нибудь отношения? — Не надо собаки. — Сергей судорожно заглотнул воздух. Надрывно закашлял.

— Где? — раньше меня спросил Муров.

— Я вам покажу, где мы встречаемся с Тоней. У железной дороги, там наш шалаш.

Мать Лены услышала и запричитала:

— Едьте. Я с вами. Здесь не останусь. Лучше видеть своими глазами, чем умирать в ожидании. Возьмите меня. Пусть самая горькая правда.

Приехал проводник со служебно-розыскной собакой. Собрались три сотрудника уголовного розыска: Кафтанов, Мишин и Переверзев. Брать или не брать с собой Дубровину? Не испортит ли она поиск? Посмотрел на четко выступившую прядь седых волос у женщины, дрожащие, как в лихорадке, губы. Принял решение: взять ее с собой. Будь что будет.

Рассветало. Было без четверти пять. Летнее раннее утро. Оставив в машине на опушке леса шофера Рябинина, мы все пошли за Сергеем. Он проворно лез через кусты. Утренняя роса мочила ноги, ветки деревьев хлестали по глазам.

— Там, там, — показывал рукой Сергей. — Еще метров сто.

Дубровина вырвалась вперед. С нетерпением раздвигая кусты, бежала за Сергеем.

Рядом захрустели сломанные ветки. Послышалось сопение. Через минуту я увидел ползущего по репейнику человека. Коричневый пиджак его был порван. Лицо исцарапано до крови. Пьяный, он тупо смотрел по сторонам. Мы заставили его встать. Он нехотя сделал это, но еле держался на ногах. Липкие волосы его торчали клочьями. Создавалось впечатление, что он участвовал в потасовке.

— Михаил Иванович, — приказал я Переверзеву, — охраняйте. Потом проверим, кто такой.

Мы снова побежали за Сергеем. Минут через десять лес кончился, начался низкий кустарник. Он полосой тянулся вдоль железной дороги. Издали я заметил в кустах шалаш из веток и сена. Когда пробрались к нему поближе — увидели, что оттуда торчит пара девичьих ног в красных босоножках.

Дубровина узнала по обуви свою дочь. С душераздирающим криком она бросилась к шалашу. Подбежала к нему первая. Стала на колени и наклонила голову, чтобы заглянуть внутрь. Тут новый, еще более сумасшедший вопль вырвался из ее груди. Над Леной на корточках сидела Воронина и кусками какого-то материала бинтовала ее окровавленную шею.

Увидев нас, она затараторила:

— Быстрее. Он напал на нее, когда я собирала сучья. Ранил. Где-то рядом. Если бы я не подросла да крик Лены, он бы... не знаю, что сделал.

В полутемном шалаше рассмотрели Лену. Одежда ее была порвана, весь вид — истерзанный.

Мы вовремя подросли. Как выяснилось, ранее неоднократно судимый за грабеж Костиков бродил пьяный по лесу и случайно наткнулся на спящую в шалаше Лену. Набросился на нее. Девушка, как могла, сопротивлялась. Озверевший бандит нанес ей удар ножом в шею. К счастью, рана оказалась неглубокой, легкой.

Лена дрожала. Посиневшие губы едва выговаривали слова оправдания.

— Мамочка, родная, прости. Сама виновата. Не могла прийти, хотела переждать.

Воронина вызывающе бросила:

— Лучше быстрее ищите бандита. Далеко не ушел. А нам дайте доспать на свежем воздухе. Ну, что вы на меня уставились?

Она зло кричала на нас. На миловидном личике яростно блестели огромные, как два желудя, карие глаза.

Дубровина ползала на коленях около Лены, трогала пальцами на шее ранку. Прижимала к груди дочь.

— Думала, больше не увижу...

— Согрей меня, — прижималась к ней Лена. Она выглядела совсем девочкой. Под кофточкой едва обозначились груди. На них упала длинная толстая коса. — Выпили самую малость. В голову ударило.

Ничего не соображала. Ты бы меня ругала. Думали, часок в шалаше посидеть, да заснули...

Антонина с возмущением перебила:

— От рюмки шампанского захмелела, как заяц! Твердит: «Я пьяная, боюсь идти домой». Вожусь с ней целую ночь. Боже, с кем связалась! Чуть жизни обе не лишились. Будь этот бандит не один, чтобы от нас осталось?

— Ах, Тоня, зачем вы сюда пошли, — вздохнула Зоя Митрофановна. — Вас могли убить. Милиция только задержала такого, что страшно смотреть...

Руки Антонины были перемазаны кровью. Она вытирала их о мокрую траву. Не обращая внимания на переживания, нервное состояние Зои Митрофановны, холодно бросила:

— Учите девчонку пить вино. Тогда бы я тут не торчала, не охраняла ее.

— Тебя тоже, наверное, родители ищут, Тонечка, — ответила женщина.

— Обойдутся, — вяло проронила Воронина.

5

Долго из головы не выходила история с пропажей Лены Дубровиной. Мать уделяла ее воспитанию много внимания, сама показывала хороший пример того, как быть самостоятельной и осторожной в поступках, однако власть над Леной смогла без всякого труда взять подруга с неблестящей репутацией. Почему? Пришел к выводу, что Лену увлекала романтика, игра во взрослых и современных девушек. Она не могла подозревать, как плохо все кончится, не знала, что бывают случаи патологического опьянения, оно наступает порой от одной стопки спиртного. У тех, кто никогда раньше не пил.

Но для Лены тот день преподал урок на всю жизнь. За нее я спокоен, а вот Антонина... Вспоминая беседу с ее родителями, вообразившими себя, видимо, воспитателями нового типа, начинал злиться, лишался хорошего настроения. Как я понял, та история их ничему не научила, и мы, к сожалению, не смогли открыть им глаза...

Прошло время. Однажды у дверей своего кабинета я увидел супругов Ворониных. Они смущенно поздоровались со мной,

попросили разрешения зайти в кабинет.

— Сделайте одолжение, — открыв дверь, я пропустил их вперед, отметив про себя: прежней недоступности в Ларе Львовне и Романе Николаевиче нет и в помине. Они выступали в роли посетителей.

— Дело вот в чем, — начала Воронина. — Дочь попала в беду. Нужна помощь. — Она замялась, не зная, видно, как приступить к главному, тому, что привело их сюда. Сам Воронин молчал, теребил в руках ключи от «Жигулей». Я их видел у входа.

— Несчастье! Тонечка во всем призналась. Ужасно, — сжала кулачки Лара Львовна.

— Дочь знает, кто он. То есть, называет его, — вставил Воронин.

— Вызовите его. Строго предупредите. Заставьте жениться. Боже, она еще ребенок, едва минуло восемнадцать, и уже беременна. Он не должен отвертеться, — запричитала Лара Львовна.

Я напомнил им об их «системе воспитания». Им не понравились мои нравоучения...

— Ну и не надо, — зло поджала губы женщина. — Не утруждайте себя. Сами разберемся. Жалеем, что пришли.

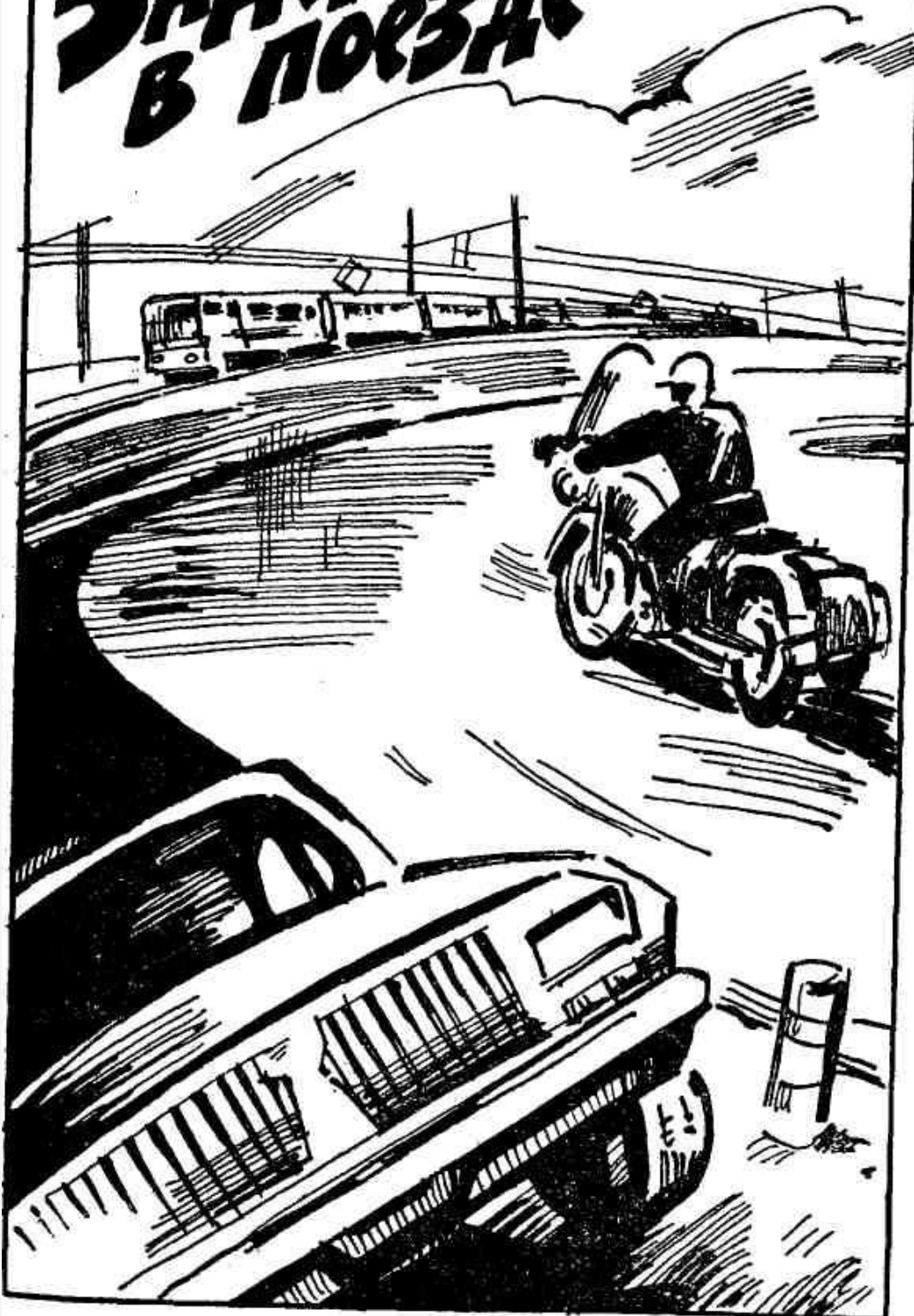
Да, болезнь зашла слишком далеко.

1977—1978

ЗАДЕРЖАТЬ В ПОЕЗДЕ

ЗАДЕРЖАТЬ В ПОЕЗДЕ

РАССКАЗ

Зеленый «уазик» медленно подкатил к подъезду пятиэтажного дома. Водитель, грузный мужчина в зеленом берете, прилег грудью на руль и замер. Когда начали сгущаться ранние осенние сумерки, мужчина отпрянул от руля, вылез из машины, вошел в подъезд, позвонил в одну из квартир.

Пожилая женщина, очень осторожная, не раз предупрежденная ушедшими на работу домочадцами: «Никому дверь не открывать», посмотрела в дверной «глазок». В коридорчике она увидела мужчину, белолицего, низкорослого, плечистого, лет тридцати пяти — сорока. Рыжеволосого.

Тот понял, что его видят через «глазок», и заговорил:

— Я из электросети...

Хозяйка открыла дверь.

Незнакомец решительно ступил через порог, спиной закрыл выход из квартиры, щелкнул дверным замком, наставил пистолет:

— Молчать. Пристрелю.

Грабитель запер женщину в ванной и заметался по чужой квартире. Ценные вещи засунул к себе в сумку. Затем вышел из квартиры и направился к машине.

Сорвав дверь в ванной, Мария Васильевна Скворцова подбежала к окну, затем — на балкон. Рычавший автомобиль выезжал со двора. Женщина могла потом назвать лишь марку и цифру «15» в номере. Из телефона-автомата она обо всем рассказала дочери.

Милиция о происшествии узнала через сорок минут. Именно в это время поступило в дежурную часть еще одно сообщение: при выезде из города автомашинка марки «УАЗ» сбила восьмиклассницу Зою Фирсову.

Ее подруга Лена Сопкина ехала почти рядом, тоже на велосипеде. Она рассказывала:

— Помню, что Зоя крикнула: «Машина, сворачивай!» В следующее мгновение мимо меня проскочил «козел». У машины горели фары. Я обернулась. Зоя лежала на дороге с разбитой головой. Нашли и других ребят, которые катались на асфальтированной, только что открытой для движения дороге.

Девятиклассник Виктор Коростылев дал такие показания:

— Я поехал за Зоей и Леной по большаку, пытался их догнать. Когда до девочек оставалось метров двести пятьдесят, они вдруг развернулись и поехали мне навстречу. Я тоже повернул домой. Теперь девочки ехали за мной. Навстречу промчалась автомашинка «УАЗ-469», в

марках я разбираюсь, темно-зеленого цвета. О гибели Зои я узнал только утром. Со слов Лены я понял, что тот «уазик» сбил Зою.

— Витя, ты случайно не запомнил номер?

— Помню первые и последние — не могу сказать — 15 и букву «Б».

Большак опустел. Родители запретили кататься детям по шоссе.

Автомашины «УАЗ-469», как правило, почти все темно-зеленого цвета, и среди них большинство в области с буквой «Б», но ни одна не имеет в номере цифру 15. Проверив все «уазики» области, оперативная группа сделала запрос в госавтоинспекции соседних областей с просьбой выслать сведения на автомашины «УАЗ-469», имеющие в номере цифру 15. Данных на такие автомашины у меня оказалось больше сотни. Поехал осматривать их. Одни за другим «уазики» исключались из круга моих подозрений. Многие из них вообще не заезжали на территорию области. Это было видно по путевым листам. В конце концов осталось только четыре автомобиля.

Шофер госплемстанции Макеев дал показания, что он в день ограбления квартиры и убийства девочки поставил автомашину «УАЗ-469» под номером 15—79 в гараж в шесть часов вечера. Осмотр его автомобиля следствию ничего нового не дал. Достоверность показаний не вызывала сомнений.

Полностью исключалась причастность к преступлениям и водителей двух других автомашин. Оставалась машина торфпредприятия соседней области, в номере которой нет буквы «Б», но есть буква «В» с цифровым добавлением 43—15.

В путевом листе значилось, что водитель Дафонин Евгений Васильевич в день ограбления квартиры Скворцовой и несчастья на большаке выезжал по поручению директора за яблоками в Подмосковье и проезжал он через место происшествия. Согласно отметке в гараже, Дафонин вернулся обратно в двадцать три часа этого дня. Место происшествия от гаража в 7 часах непрерывной езды. Значит, он был там еще засветло.

Допросить Дафонина было невозможно. Он выехал якобы по телеграмме хоронить мать в Черкасскую область. Я отправился туда, но оставленный шофером адрес оказался ложным. Приметы, названные Скворцовой, сходились с обликом Дафонина.

При осмотре его автомобиля установили, что на левой задней дверце на высоте семидесяти пяти сантиметров от земли — тонкая

горизонтальная царапина длиной тринадцать с половиной сантиметров, чуть пониже — еще одна полоска.

Судя по показаниям диспетчера и по отметке в журнале о времени прибытия транспорта, у Дафонины полное алиби. И все-таки мы сделали обыск в комнате, где он жил после возвращения из мест лишения свободы. Обыск ничего нам не дал.

Среди тех, кто катался вместе с погибшей Зоей, разыскал Катю Погорелец. Она мне сказала:

— Машину «уазик» видела. По поселку ехала, потом свернула на большак. Смеркалось. Шофер был в берете, в кабине играла музыка.

Берет темно-зеленого цвета нашел в багажнике Дафонины. Радиоприемник в автомобиле на диво громкий, исправный.

В котором часу все-таки было происшествие? Это мне удалось точно установить во время допроса матери Виктора Коростылева. Мальчик приехал домой вечером без десяти или без пятнадцати девять. Я посадил Витю на велосипед в том месте, где он увидел автомашину с цифрой 15. Он поехал домой и через двадцать минут был у своей калитки. Значит, происшествие случилось ровно в половине девятого вечера. Выходит, Дафонин, вернувшись из поездки, уговорил диспетчера поставить другое время, а может быть, он и не причастен к преступлениям?

Как раз в это время в наш город приехали несколько человек — возмущенное начальство Дафонины. Послали на меня жалобу в горком партии. Кто позволил следователю третьи сутки держать «арестованной» автомашину? Трудно с ними спорить. У меня в руках находились хотя и веские, но только подозрения в отношении их шофера.

— Объясните происхождение царапин? — спрашиваю у начальства.

— Это скажет Дафонин, когда вернется из Черкасс.

— Его там нет.

— Плохо искали.

— Да какая там царапина? — продолжают возмущаться руководители. — На каждой машине таких полно. Придирки...

Снова еду к месту автодорожного происшествия, вызываю ребят на беседу:

— Расскажите подробнее о той машине...

— Шофер меня пугал, в мою сторону вилял, — говорит Витя Коростылев.

— Да, да, — вторит ему Лена, — он бы Зою не сбил, если бы не повернул свою машину. Чуть-чуть меня не задел, я соскочила с велосипеда, а Зоя — вот видите.

Шофер «шутит», развлекался.

Одна мысль не давала мне покоя: в результате чего, какого столкновения, могли быть оставлены на машине Дафонины царапины? Велосипеды не задеты. В воображении рисовал картину автомобильного наезда на Зою. Увидев рядом с собой машину, Зоя наверняка инстинктивно левой ногой должна была ударить по кузову машины, оттолкнуться. Что если царапины оставлены левой туфлей девочки? В морге допросили санитарок. Оказалось, Зоя была доставлена туда без туфли. Снова еду на место происшествия. Конечно, именно от удара о кузов туфля соскочила с ноги! Стоит приставить туфлю к царапинам, и все станет на свои места.

Однако на том месте, где сбили Зою, в эти дни проведены дорожные работы. Обочина расширена на полтора метра, сотни кубометров грунта уложены заново. И хотя три бульдозера подогнали к месту происшествия, чтобы весь новый грунт перевернуть, найти туфлю не удалось.

Снова допрашиваю ребят:

— Кого вы по дороге встречали?

— Я видел мотоциклиста. Он долго стоял с девушкой на обочине, — вспомнил Коростылев.

Мы решили попытаться найти этих людей через газету. В заметке писали:

«Около половины девятого вечера в двух километрах от поселка шофер-лихач сбил восьмиклассницу Зою Фирсову. В это время, в километре от места происшествия на обочине стоял мотоцикл. Хозяин его может дать ценные показания следствию об убийстве девочки».

Владелец мотоцикла Николай Самохвалов пришел по заметке и привел с собой девушку. Да, они поднимали руки, пытались остановить автомашину «УАЗ-469», хотели попросить бензина. Темнело. Часы

показывали девять вечера. Машина на зверской скорости проскочила мимо, и номер ее, освещенный фарами, оба запомнили: 43—15.

Значит, к двум преступлениям, ограблению квартиры и убийству Зои причастен исчезнувший и вооруженный Дафонин. Он понимал, что натворил, поэтому упробил диспетчера поставить нужные ему часы прибытия. Прокурор дал санкцию на его арест. Дафоница, прозвище которого по местам лишения свободы Жук, объявили во всесоюзный розыск.

Вскоре поступила с Украины телеграмма о замеченных следах Дафоница. Стало известно, что выехал он одним из поездов и должен сделать пересадку либо в Брянске, либо в Москве, направляясь в Томскую область, к друзьям, к прежнему месту жительства.

Приметы его назывались: рост — 168 см, плотного телосложения, круглолиц. Волосы рыжие, зачесаны назад.

Не был известен точный поезд, в котором мог поехать Дафонин, это осложняло поиск. Но в телеграмме указывалось число, когда был замечен в Черкассах на вокзале опасный преступник.

...Начальник отдела полковник Георгий Митрофанович Сомов положил перед собой расписание движения поездов и обвел кружками те, которые, следуя в Москву, проходили через Черкассы.

Их было несколько. Один уже прошел в Брянск и приближался к Москве. Второй должен находиться еще в Конотопе, а вот поезд № 150 на Москву полчаса назад отправился с ближайшей станции.

Сомов позвонил по телефону руководителю той железнодорожной милиции:

— Посмотрите, кто сделает остановку у вас со 150-го поезда. Не забыли приметы Дафоница?.. Вот-вот...

Полковник связался с милицией других станций. Затем с группой сотрудников направился встречать этот поезд.

Точно по расписанию к перрону подкатил пассажирский состав. Ни один пассажир из него не вышел.

В планах руководителя операции Сомова допускался этот вариант. Им была сформирована и ждала команды оперативная группа, возглавляемая начальником линейного пункта Растаховым. Туда вошли также инспектор уголовного розыска старший лейтенант Юрдеев и рослый милиционер старший сержант Лаков. Надежные,

осмотрительные сотрудники. Каждый имел на своем счету десятки задержанных преступников.

Дафонин, конечно, знал, что его ловят, и, как заяц, метался в поиске надежного укрытия. Заглянув на станцию Черкассы, он не стал там садиться в поезд, хотя и купил билет до Томска. Взял такси, выехал за город. В поле, в стогу сена скоротал несколько часов, а утром перехватил попутную грузовую машину, догнал свой поезд № 150, идущий в Москву, на глухом полустанке. Вошел в вагон № 2 и занял свое место.

Он не мог отдышаться: бежал за поездом, садился уже на ходу. Мучного цвета лицо его, казалось, еще больше побледнело. Выступили лишь темными буграми желваки на широких, тяжелых скулах. Вдавленные маленькие глаза горели лихорадочным огнем.

Чуть успокоившись, понял: здесь его не найдут. И опять прикинул в уме: милиция не должна узнать, где он. За те несколько суток, которые провел, скрываясь от нее, он изменил свой облик, сменил одежду и даже постригся, чтобы не «светить» рыжими волосами.

А Сомов от оперативной группы ждал сообщения. Текли тревожные минуты. Он то и дело смотрел на часы. Еще и еще раз, как опытный шахматист, продолжал предугадывать, какие нужно сделать ходы, только не на шахматной доске, а в жизни, чтобы вооруженному преступнику перекрыть дорогу.

...Дафонин проявлял исключительную бдительность в отношении каждого вновь появившегося пассажира. А они выходили и садились на станциях. Поезд проследовал крупные железнодорожные узлы. Тревога полностью покинула его. Кажется, погони нет. Он вне опасности.

Потрогал за поясом выступившую через свитер едва заметную рукоятку пистолета и подумал: «Зря не уколошил шофера, который подвозил до полустанка».

А в это время Растахов, Юрдеев и Лаков проводили беседу с бригадиром поезда, проводниками вагонов. По названным приметам никто такого у себя не видел.

Тогда сотрудники милиции порознь, держа друг друга на зрительной дистанции, стали изучать вагон за вагоном, пассажира за пассажиром.

Первый обход состава положительных результатов не дал. Растахов вспомнил напутственные слова полковника Сомова: «Особенно на

приметы одежды не уповайте. Может переодеться. Держите в памяти черты лица».

Все ближе поезд подходил к конечной остановке. Через полчаса Москва — и тогда ищи ветра в поле. Растахов, Юрдеев, Лаков, посоветовавшись, стали снова обходить и осматривать каждое купе, в воображении держали только приметы: низкорослый, грузный, белолицый, рыжеволосый, с залысинами... Такой встретился глазами с Растаховым во втором плацкартном вагоне. Правда, пострижен наголо, едва заметен рыжий «ежик». В лице его капитану показалось что-то крайне неприятное, злое. Пассажир скосил глаза в сторону прошедшего по вагону Растахова. Диктор по поезвному радио торжественно передал: «Товарищи пассажиры! Поезд приближается к столице нашей Родины городу-герою Москве». Юрдеев стоял в тамбуре. Минуту назад он тоже посмотрел на белолицего с «ежиком». Приметы сходились. Он! Старший лейтенант отошел подальше и ждал сигнала от Растахова.

...Проводница, пожилая женщина, открыла свою папку-кассу, нашла нужный билет, покрутила им и понимающе глядела в лицо Растахову:

— До Томска.

Анатолий Прокофьевич дал знак Юрдееву, Лакову, сидевшим через купе от белолицего. Все трое сошлись около бандита.

— Ваши документы.

Надеясь, что проверка по недоразумению, подозреваемый напрягся, но произнес спокойно:

— В чем дело?

В купе тут же нашелся старичок «доброхот»:

— Зачем пристаёте к молодому человеку?

Его поддержала моложавая женщина в шелковом, как говорится, бабушкином, в оборочках, платье:

— Ходят всякие, не поймешь, кого ищут. Жить спокойно не дают.

— Ваши документы, — повторил Юрдеев.

Ни слова не говоря, Дафонин, окруженный работниками милиции, в тревоге, страхе, почти инстинктивно, подал военный билет. Документ был на имя Дафонины Евгения Васильевича.

— Где оружие? — Дафонины взял за одну руку Растахов, за вторую — Юрдеев.

Бандит крутнулся, чтобы вырваться, но его придавил к сиденью Лаков. Жук, как говорится, отлетался.

Он попятился, запрокинул все тело назад, опустился на лавку под нажимом Лакова и утихомирился. Сопrotивление не имело смысла. Подавленный, он в яростном бессилии зарычал, как загнанный в клетку хищный зверь.

— Оружие... Минуту назад положил в портфель. Фортуна на вашей стороне. Жаль, что не подошли чуть раньше, когда пистолет держал за поясом. Вряд ли достался бы я вам.

Когда из портфеля Растахов на глазах у заступников-пассажиоров вытащил пистолет, а из его рукоятки выпала обойма с патронами, люди невольно вскрикнули.

— Разве знали, что вы из милиции. Спасибо, голубчики. Вот уж точно: милиция бережет наш покой, — смущенно продекламировала женщина в шелковом платье.

Через несколько минут Растахов докладывал полковнику Сомову из дежурной части одного из отделов внутренних дел Москвы:

— Товарищ полковник, преступник обезврежен. Пистолет «ТТ» и восемь боевых патронов изъяты.

— Не беседовали с ним? Как он попал в квартиру Скворцовой.

— Рассказал подробно. Говорит, таить мне теперь нечего. Чистосердечное признание, мол, смягчит вину...

— Ну, ну. Суть...

— Ехал в командировку за яблоками через наш город, утром зашел в Госбанк на разведку. Машина его стояла у подъезда. В здании, видит, милиция дежурит, людей полно. Строить преступные планы — и думать нечего. В вестибюле Дафонин услышал интересный для него разговор двух женщин. Одна из них была Галина Сергеевна Скворцова. Ее расспрашивала подруга о домашних делах. Скворцова похвалилась, что получила новую квартиру, назвала адрес, пригласила подругу в гости, там, мол, одна мама сейчас, а сын — в школе. Третья женщина из-за барьера обратилась к Скворцовой: «Галина Сергеевна, арифмометр принесли?» Та ответила: «Дома, завтра верну».

Сомов остановил Растахова:

— Не продолжайте, все ясно. Сама же Скворцова «навела» Дафонины на свою квартиру. Ну, а Зою Фирсову умышленно сбил?

— Нет, по неосторожности. Ему показалась она взрослой, и захотел в хорошем настроении ее поугубить, затеял «игру». Но руль не смог вовремя вывернуть. Говорит, подвело управление «уазика»...

— В этом разберемся. А пока благодарю за службу. Возвращайтесь.

1982—1983

ЧП В СЕЛЕ

В Сергеевке ограбили кассу.

Мы выехали солидной оперативной группой: следователь, старший оперуполномоченный уголовного розыска, эксперт и начальник отделения кинологов с овчаркой.

Встретил нас председатель колхоза, грузный мужчина лет шестидесяти со шрамом на лице.

— Вы, смекаю, люди бывалые, докопаетесь. Если наша кассирша виновата, ее упеките. Давно по ней наказание плачет. Если же она ни при чем — найдите лихачей...

Сергеевка — село раздольное, главная улица тянется на пять километров. Райцентром бы в пору сделать.

Вот и здание правления колхоза. Следов взломов на дверях и окнах нет. Запоры целехоньки, крепкие двойные рамы окон остеклены, в пазах не тронута замазка. На потолке и крыше проломы, лазейки исключались. Значит, подбирали ключи.

А сейф! Повреждений и взломов тоже нет. Свыше десяти тысяч рублей словно высосали пылесосом через толстую металлическую обшивку...

Кассирша Раиса Архипова рассказала, как в пятницу она пересчитала банковские упаковки, поставила на каждой зеленым карандашом «галочки», закрыла и опечатала сейф, в понедельник открыла его, а полки пусты. Молодая женщина онемела от страха. Заявила председателю. Убежала домой, заперлась. Никого не пускала: пусть, мол, приезжает следователь и разбирается. Ей показалось, что сослуживцы не поверили в кражу.

Она сидела перед нами расстроенная, настороженная, недоумевающая. Сухие губы дрожали, волосы не причесаны. Одета в помятое платье и шлепанцы. Может, специально так нарядилась? Сразить нас своей отрешенностью, безразличием к жизни! Мол, ей опротивело все на свете, готова наложить на себя руки. Обхватив руками голову, твердила: «Мне хоть петлю на шею. Я пропала... Я пропала... Кто меня защитит?»

Ее разрисовали нам отчаянной соблазнительницей. Я бы с первого взгляда этого не сказал.

Видно, мы произвели на нее неплохое впечатление, успокоили. Сказали, что беззакония не допустим.

— Виновного найдем! — заявил мой давний коллега Алексей Егорович Соколов. Мыкались мы и с ним уже лет двадцать по командировкам. За эти годы ни по одному делу не опростоволосились. Соколов в качестве поощрения лично из рук министра получил погоны подполковника. Естественно, у нас был опыт, однако подобного преступления в нашей следственной практике не могли припомнить.

На следующий день Раиса пришла к нам преображенной. Королева! Румяна, стройна, слегка тронуты загаром плечи, руки. Подчеркнуты тушью большие серые глаза, тонкие брови разлетелись яркими дужками. Пышные каштановые волосы завитушками нависли над матовым лбом, в улыбке она то и дело показывала белоснежные, ровные, крепкие зубы. Одета со вкусом. Мы залюбовались своей «подозреваемой».

— Явилась, — проворчал председатель.

Опергруппа изучала жизнь села. Ведь кражу могли совершить как местные, так и заезжие. Кто навел на кассу? Знаючи в нее лезли. О поступлении в пятницу из банка крупной суммы немногим было известно. А может все-таки симуляция? Было в селе еще одно происшествие. Как раз в ночь с субботы на воскресенье из колхозного двора угнали грузовик. Машину нашли в пяти километрах на большаке недалеко от железнодорожной станции. Назад пригнали, подремонтировали. Председатель в район об этом даже и не докладывал. Сейчас он агрессивно посматривал в сторону Раисы. Он явно ее недолюбливал.

— Что вы ищете? Вчерашний день. Сажайте кассиршу, — настаивал он. — Это она все вытворяет. Уж вы прислушайтесь к нашему мнению.

Что мы знали о Раисе?

Появилась она здесь семь лет назад девятнадцатилетней женой Димки Архипова, бывшего солдата, вернувшегося в родное село.

— Жили мы сначала дружно, — рассказывала она нам. — Не замечали, как время бежит. Работы я не боялась, в детстве намучилась и всему научилась. Мне было четырнадцать лет, когда отец погиб в шахте, под вагонеткой. Недосмотрел в темноте, а та его и придавила. А я из троих детей старшая. Специальности толковой не досталось, но десятилетку закончила. Любил меня Димка, уважал. Не все он знал.

Когда мне дали в Сергеевке магазин, был у меня залетный зазнобушка. Из города на субботу и воскресенье навещался. Не устояла против него. К тому были тайные семейные причины. А вскорости и умер от болезни муженек. Тут бы мне найти одного да привязаться к нему, а я их стала менять.

Мы же анализировали каждую деталь ее биографии. Думали, вдруг сама натворила. Много было показаний «за» и «против» этого. Сторож конторы, старик лет под восемьдесят, спал ночами, но категорически это отрицал: «Сама, чай, себя облапошила со своими хахалями». Главный бухгалтер, дородная молодая женщина, пожимала плечами: «Чужая душа — потемки. В нечестность Райкину не верю, не примечала за ней жадности к деньгам. Копеечку поднимет с пола, на стол положит».

Оперативная группа особенно была внимательна к людям, нечистым на руку. Интересовались, кто за последние дни выехал из деревни.

Среди выехавших были Павел Матронов, Аркадий Вакаревич, Борис Яковин. Наводили о них справки, уточняли, кто на что способен, причину выезда и другие необходимые для нас данные.

Между тем доставили результаты повторной экспертизы замков. Оказывается, дверь здания правления колхоза открывалась особым ключом, а сейф — либо отмычкой, либо поддельной заготовкой.

Подозрения в отношении кассира, как и следовало ожидать, постепенно таяли. Хотя совсем исчезнуть, конечно, не могли. Не менял своего убеждения председатель.

С Раисой встречались каждый день. Мой напарник Соколов все хотел что-то понять в ней. Я подшучивал над коллегой. А он отвечал:

— Многих убийц, думается, такая красавица уговорила бы на покаяние. А мы ее записываем в преступники. На мой взгляд, чистое ее сердце. А что имела любовников, то не мы ей судьи.

Почему уехал ее приятель Павел Матронов? Надо бы допросить его жену. Но где гарантия, что она по злости не наговорит на Раису?

Полина Матронова, доярка колхоза, сидит перед нами. В волосах чуть пробивалась седина, большие, выразительные, спокойные глаза. Она заметно смущена — неприятна ей роль покинутой женщины.

— Муж поначалу работал не хуже других. Начальство было всегда довольно, поощряло. На стороне кто чем угостит — яблоком, медом — детям несет. Меня не обижал... А год назад признался: подбивается к

нему Раиса. Посмеялись оба. И точку поставили. Слетал Райкин соблазн с Павлушки, как шелуха со спелой луковицы. Раиса бесновалась, что не по ее выходило. Строила ему одну за одной задачи. Но я наперед знала: бесполезно. И представьте себе, ошиблась...

Павлом следствие все больше заинтересовалось. Опять расспрашивали Раису, с которой продолжали встречаться почти каждый день.

— Лучше его в деревне, почитай, никого не было. Высокий, сильный, смелый, буйная шевелюра. А ни в какую. За грибами вместе ходили и на покосе под дождем куковали... Заманивала я его как-то поколоть мне дрова. Полины тем временем дома не было... Ну и добилась своего. Полина приехала, обо всем дозналась. Говорит ему: «Не мучь себя и поступай так, как велит сердце, разойдемся достойно, по-людски, оставь меня, иди к ней». Он и заявился среди ночи, в руке чемоданчик. И по-серьезному говорит: «Будем жить мужем и женой, разведусь, сходим в сельсовет». Тут-то я как заново родилась: «Зачем же ты мне напостоянно? Да я одна где села, там и легла, проснулась, встряхнулась — никому ничего не должна. А для тебя надо стирать, у плиты коптиться...» Уговаривал вместе уехать. Отказалась. Он исчез. Видно, с Вакаревичем Аркашкой подружился, — рассказывала Раиса бесхитростно.

Итак, Павел Матронов вместе с Аркадием Вакаревичем выехал из деревни. Куда? Узнали у матери Аркадия: устроились дружки каменщиками в местном строительном-монтажном управлении. Уехали как раз в тот день, когда была обнаружена в Сергеевке кража. Следовательно, алиби у них нет. Проверять надо.

Соколов, который выезжал допрашивать сельских беглецов, вернулся с новостью. В общежитии Матронова и Вакаревича он не встретил. Не могли их найти и товарищи по работе, а в комнате, где они жили, у соседей пропали деньги, часы и транзисторный приемник. Местная милиция разослала ориентировку об их задержании. Планы у нас менялись, вернее сказать, стали более определенными. Аркадия знали в селе как вора, это подтверждалось новыми обстоятельствами.

Мне дали в управлении дополнительные силы для засад в местах возможного появления приятелей. Розыск их стал неизбежным.

Трое суток ждали в Сергеевке, искали в прилегающих деревнях следы Матронова и Вакаревича. Наконец Павла нашли недалеко от

Сергеевки, в заброшенном подвале, он колотился в ознобе. Когда пришел в себя, начал говорить медленно, глубоко продуманно:

— Судачат про нее, что она такая-рассякая. Одинокая она, не встретила человека по сердцу. Меня б любила, да между нами трое моих совсем еще сопливых, не выращенных, никому, кроме родителей не нужных ребят. Ни в чем не виню ее. Раньше бы встретить да жениться. Она б гулять от меня не пошла. Вакаревич! Скажу, где, скажу, где его искать. Про кражу в общежитии впервые слышу. Аркашка, выходит, негодяй, тень и на меня навел.

Вакаревич сознался в краже ценностей в общежитии. Часы «Молния» висели на стене, приемник «Вега» Аркадий уже продал, деньги потратил. От кражи в колхозной кассе, — отпирался. «И знать не знаю, и ведать не ведаю».

— Нет смысла, Аркаша, утаивать, — мрачно сказал Павел на очной ставке. — Рассказывай, как дело было, рассказывай. Меньше дадут...

Аркадий смотрел в пол, упорно молчал, раздумывая. Прошло немало дней, пока Вакаревичу втолковали, что по закону он может рассчитывать на такое смягчающее вину обстоятельство, как чистосердечное признание, если ничего не утаит о других преступлениях и своих соучастниках.

Павел Матронов утверждал, что будто они вдвоем с Аркадием «брали» кассу, но в это плохо верилось. Мелкие детали Павел путал. Сколько было денег, как их разделили и где они, объяснить не хотел. Нам представлялось, что Павел наговаривает на себя.

У Вакаревича сотрудники милиции за балкой в курятнике обнаружили деньги: четыре пачки десятирублевых в банковской упаковке и завернутые в бумагу несколько купюр разного достоинства. Всего более четырех тысяч рублей.

Между тем из допроса кассира было известно, что пропало шесть пачек десятирублевых, восемь пачек пятирублевых в банковской упаковке. Все оклеены полоской бумаги, на которой она ставила при пересчете двойную «птичку» зеленым карандашом. У Вакаревича деньги имели такую пометку.

В уголовном деле появились интересные показания киномеханика Николаева. В час ночи, в субботу, перед исчезновением Вакаревича и Матронова из Сергеевки, он видел с ними и третьего. Это был дважды судимый за грабежи Лавренюк Захар Петрович, всего месяц назад он вернулся из тюрьмы. Все это время Захар из деревни никуда не исчезал

и вроде бы даже проявил усердие к работе скотника. Впрочем, пил сильно.

Павел и Аркадий опровергли показания киномеханика: «Врет. Лавренюка с нами не было».

Но сам-то Лавренюк, не зная, что о нем будут говорить Вакаревич и Матронов, вдруг занервничал, собрал пожитки и дал тягу из деревни. Доставили его снова в село. Теперь он не сомневался, что выдали его дружки. И стал давать показания о воровстве всего шести тысяч рублей.

— Я расскажу, как все было. Знал я, что Матронова выгнала жена, но не думал, что и с любовницей дело швах. Пашка во хмелю слезу пустил, мол, утопиться мне в пору. Я ему другое толкую: нюни не распускай, а посади за решетку Райку, тогда и с женой легче станет уладить. «Что для этого надо?» Отвечаю: «Узнай, когда поступят в кассу деньги. Открою сейф, комар носа не подточит, растрата на нее обернется». В пятницу Пашка мне сказал: «Деньги в сейфе, много пачек. Сам видел». Я-то думал, он забыл про тот разговор... Работал отмычками. Деньги разделили с Аркадием Вакаревичем. Я взял меньшую часть. Около тысячи. Павел от доли своей отказался.

Последнее, что надо сделать нам, — найти долю, что досталась Лавренюку. Если делили на двоих с Вакаревичем, то у него пять тысяч рублей. Сотрудники милиции разделились на три группы. Одна обыскивала надворные постройки, вторая — приусадебный участок и третья — дом Лавренюка, который утверждал: «свою долю сжег».

Обыск затягивался. Осматривали множество закоулков, укромных мест. Пересмотрели чашки, кружки, сундуки, шкафы, кладовки, чердаки, сарай... Никакого результата.

Пришлось вызвать специалиста с миноискателем. Через несколько часов около расколотой молнией старой яблони сработал механизм «прощупывания». Очертили круг, и застучали штыки, ломы, заработали лопаты.

Раиса не отходила от нас. Воспрянув было духом после задержания преступников, она снова приуныла. Из десяти тысяч воры признают, что взяли только шесть. Мы, опергруппа, и сами понимали: если не найдем недостающих четырех тысяч, то Раиса останется под подозрением.

А сотрудники милиции тем временем трудились, как истинные землекопы. Наконец что-то затрещало... В металлической миске, прикрытой стеклом, лежало восемь пачек пятирублевых в банковской

упаковке с зелеными «галочками» на оберточной бумажной ленте. Пересчитала сама Раиса. Выходит, не хватало у Вакаревича лишь пятисот рублей, а у Лавренюка — тысячи. Но это пустяки. Мы с облегчением вздохнули. Раиса тоже. Основное найдено.

В просторном зале сельского Дворца культуры публично проходило заседание народного суда. Независимо и кокетливо вошла туда и обворожительная какой-то особенной крестьянской красотой Раиса. Улыбаясь, она грациозным движением поприветствовала всех. Плутовка не увядала, а расцветала, любовалась собой.

У нее был даже какой-то особый женский голос: свежий, звонкий, сильный. Работала она уже не в бухгалтерии, а воспитательницей в колхозном детском саду.

А еще через минуту вошла в зал судебного заседания и Полина Матронова. Бледность тонкого лица, скорбный вид как бы подчеркивали благородство ее души.

«Теперь, когда Павел в беде, я останусь с ним, буду ждать его сколько угодно, облегчу этим его участь. Я всегда любила его, знала с ним счастье и горе», — это она нам сказала накануне суда.

Потом прозвучал приговор. Мера наказания Павлу Матронову была минимальной, без лишения свободы...

1981—1985

ПРЕРВАНИЙ ОТПУСК

РАССКАЗ

ПРЕРВАНИЙ ОТПУСК

В то лето я безмятежно поехал отдыхать на Херсонщину. Поселился у самого берега Днепра. Как-то в ресторане ко мне подсел симпатичный паренек. Разговорились. Он пригласил в свою компанию. Так я в самом начале отпуска оказался среди веселых, умных и бедовых молодых людей. Каждый должен был что-нибудь рассказывать о себе.

Узнав, что я работаю следователем, меня засыпали вопросами и начали жадно слушать мои истории. Можно представить, как я трудился, если учесть, что в этой компании мне приглянулось совсем юное существо по имени Вероника Серова.

Приехав на каникулы к матери, Вера так же, как и я случайно оказалась здесь и быстро стала всем задушевной подругой.

На лугу мы пировали: соленую рыбу запивали квасом, уничтожали огурцы, помидоры, варили уху. Ненасытно смеялись от игривых, приятных чувств. Словом, дурачились.

На второй или третий день нашего знакомства Вероника, закинув голову, с невинным любопытством спросила меня:

— Вам не скучно у нас?

— Отчего же, помилуйте. Очень даже недурно.

Приднепровское раздолье, действительно, меня трогало. Но еще больше — волновала девушка в легком кремовом халате, небрежно накинутом на загорелые плечи. Она!

Юная Вероника и впрямь вся освещалась красотой и милым задором.

Точеная фигурка, волшебные глаза, лукавая улыбка, искрометный ее юмор — все было привлекательно и неотразимо. Природа создает таких безупречных в красоте для того, чтобы все их любили.

Валяясь в горячем песке, я закрывал глаза и узнавал приближение этой девушки по дыханию и походке. Она требовала от меня лишь одного — обучения плаванию. При этом была усердной ученицей. Вечерами мы слушали жаворонков и сбивали росу с вольной травы ногами.

Но всему бывает конец, и я с тоской и досадой считал оставшиеся дни отпуска. Их оставалось чуть больше недели, когда я провожал Веронику в близлежащее село на свадьбу к подруге.

На дорожку я положил ей в сумку две горсти шоколадных конфет московской кондитерской фабрики «Мишка на севере». А на следующее утро я был поднят, что называется, по тревоге. Известие сразило меня.

В кабине мощного самосвала я продолжал начатый в гостинице разговор с шофером Сидорчуком. Слушал его рассказ.

В то утро он, шофер колхоза «Урожай», в последний раз отвез в хозяйство известковую муку и свернул к реке, чтобы выкупаться.

Самосвал затормозил у берега неширокой речушки, притока Днепра. Шофер хотел уже нырнуть в воду, как вдруг облился холодным потом. Он увидел зацепившееся за куст женское белье, оно словно полоскалось у берега.

— Кровь бросилась мне в голову, — возбужденно, в смятении говорил водитель. Не разбирая дороги, напрямик, устремился к самосвалу. Наткнулся на корягу и обнаружил новую поразительную находку. У его ног лежали скомканные, истоптанные кофта и юбка.

А я еще больше не мог прийти в себя. По описанию найденной водителем одежды я почти на все сто процентов догадался, что она принадлежит моей Веронике. С тупым недоумением задавал и задавал себе вопрос: «Как же это могло случиться?» Сидорчук приехал за мной в гостиницу, потому что присутствовал накануне на моей беседе на подобные темы. Он боялся, что его самого могут обвинить в чем-нибудь предосудительном, коль он оказался на том злосчастном месте.

И вот мы на берегу реки. Валялись опрокинутые лодки, обрывки бумаги, порванный резиновый круг... Я остался охранять место происшествия, а шофера направил за милицией и понятыми.

Вскоре собралась солидная оперативная группа. Следователь прокуратуры, сотрудники уголовного розыска, криминалист и самый обнадеживающий длинноногий проводник служебной розыскной собаки со своей рослой овчаркой начали работу.

Ищайка и точно оправдала надежду. Она вмиг привела к самой изувеченной потерпевшей. Это была Вероника. Предчувствие не подвело меня. Она комом лежала между кустов в траве. Трудно было поверить, что девчонка еще дышит. С окровавленной головой, исцарапанная, она была еще, к счастью, жива. Туго завязанный на шее чулок прикрывал ярко выраженные следы душения.

Веронику торопливо увозили в больницу, чтобы спасти ей жизнь. А мы намечали для расследования версии. Их выстраивалось многовато. И было от чего.

Здесь, в этих местах, стучали топорами лесорубы и плотники на соседней колхозной ферме. Вдоль реки полно расположилось

рыболовов. В деревнях Кашино и Глоднево — отдыхающие горожане. Там, где обнаружили Веронику, тянулся глубокий след трактора.

Но и это еще не весь, как говорится, строительный материал для версий. В близлежащих населенных пунктах проживало порядочное число лиц, в прошлом судимых. В том числе и за изнасилование, другие тяжкие преступления.

В селах расположилось несколько строительных студенческих отрядов. Они строили дома колхозникам, всем желающим по заявкам. С членами студотрядов несложно было побеседовать. Они все находились там, где квартировали.

На третий день в опергруппу влился опытный работник управления внутренних дел майор Коровин. Он начал с того, что в каждом селе провел информацию среди колхозников, подростков, мобилизовал дружинников, всю общественность на участие в розыске опаснейших преступников.

Содружество милиции и населения всегда приносило отрядные результаты. Надеялись мы на это и сей раз.

Прослышала о нашумевшем происшествии и кондуктор рейсового автобуса Надежда Кисель.

— Я знаю Верину мать, а девушку везла из города в Кашино. Она мне рассказывала, что едет в деревню на свадьбу. После меня с Верой в салоне беседовали два паренька, по-видимому, ее знакомые. Все трое сошли на конечной остановке в селе Глоднево. В соседнюю деревню Кашино многие пошли пешком. Никого подозрительного не заметила. Но вот парней разыщите.

— Они пошли тоже в Кашино?

— Может быть. Да, скорее всего. Но точно не знаю.

Ах, как нужны нам были сию же минуту те ребята, что ехали вместе с Вероникой. Что они нам скажут? Какой прольют свет на загадочное нападение фактически в полдень, среди массы людей на Веронику? То, что подонков было не менее двоих, мы доподлинно определили по осмотру места происшествия и освидетельствованию потерпевшей.

Борис Лохнин и Николай Резник сами пришли к нам. Серьезные ребята. Им можно было полностью доверять. Первый вопрос им был задан такой:

— В каком месте расстались с Верой?

Отвечал Лохнин:

— У магазина в селе Глоднево. Мы зашли купить сигарет. Она не стала нас ждать. Торопилась. Минут через десять, не больше, мы пошли вслед за ней по той же тропинке, вдоль реки. Ни крика, ни шума не слышали. Считали, что она идет впереди нас. Договорились с ней встретиться на свадьбе. Мы тоже были приглашены. Удивились, когда ее там не встретили. Ума не могли приложить: неужели вернулась домой? Зачем тогда приезжала. А потом все узнали, к вам притопали. Готовы помочь, что в наших силах. Кстати, может пригодиться, видели двух рыбаков, тоже шли по тропинке, впереди нас.

Мы со своими энергичными и бескорыстными добровольными помощниками продолжали искать следы преступников. Пытались представить, как могла Вера оказаться в десятках метрах от тропинки в густых зарослях кустарника. Естественно, не по своей воле. Почему не звала на помощь, если неожиданно на нее напали насильники?

Лучше всех на эти и другие вопросы могла бы ответить сама Вероника, но она еще очень была нездорова, и врачи не разрешали беседовать пока с ней. Тяжелые и жуткие воспоминания были бы ее неокрепшим силам опасны, могли привести к непредсказуемым последствиям.

Но измятая во многих местах трава, перемешанная с землей, поломанные ветки, валявшееся окровавленное топориче, которым скорее всего и был нанесен первый роковой удар ей по голове, говорили о том, что Вероника первое мгновение сопротивлялась, а потом ее лишили этой возможности.

Зеленое село, где мы разместились для работы, продолжало оставаться спокойным и красивым, точно не здесь этими днями разыгралась нашумевшая в округе драма.

Но тишина и покой не касались нас. Никто не мог ни о чем думать, кроме как о раскрытии кровавого злодеяния. А между тем, мерзавцы оставались на свободе и кто знает, что вытворяли еще.

День за днем мы допрашивали свидетелей, подворно обходили села в надежде получить любую полезную информацию. Отыскали молодых рыбаков Сашку Долгих и Владимира Марченко. Оба приезжали рыбачить из Новой Каховки.

Когда мы ввели их в курс дела, то Саша Долгих, оказавшись более наблюдательным, отметил деталь: «Часов в двенадцать в том месте, где совершалось нападение по нашим предположениям на Веронику, появился парень в мокрой одежде». Долгих обрисовал его портрет. Нам

показалось, что то был один из насильников, вышедший после преступления из кустов.

Кто тот парень? Он наверняка купался в реке. Новый подворный обход теперь был целевым. В беседе с подростками удалось получить почти точную информацию. В мокрой одежде на пляже валялся в песке один из братьев: не то Юрий, не то Сергей Полонский. Вчера или позавчера они выехали к себе домой, в Харьков. Оттуда они почти каждое лето приезжают отдыхать и останавливаются у глухонемой старушки Кубенко. Беседа с женщиной, естественно, ничего не могла дать.

Сведения о Полонских расширились. Девушка из села Кашино по имени Зоя рассказала следующее:

— С Полонскими в последнюю неделю их пребывания в Глодневе неотлучно бродили двое чернявых молодых людей, похоже, цыган или кавказцев. Один из них, лет двадцати двух, назначал мне свидание, ухаживал за мной. По имени Тимур. Приятеля его помоложе звали Василием.

Домашних адресов Зоя не знала, но предполагала, что эти двое чернявых ведут кочевой образ жизни. Следовательно, найти Тимура и Василия могли мы только случайно, а вот харьковские координаты Полонских мы раздобыли. А на Василия и Тимура мы подготовили ориентировку и разослали во все концы нашей страны.

И тотчас к нам поступило сообщение из Киева. Там железнодорожной милицией были задержаны за кражу в поезде Тимур Сальква и Василий Шакия.

В составе бригады я тоже собрался выехать в Киев, затем в Харьков. Позвонил в больницу очередной раз. Меня уже по голосу узнавали медсестры и доброжелательно осведомляли о состоянии здоровья Веры. Она поправлялась. От нее не отходила мама, с которой в одно из посещений больницы успел познакомиться и я. Нетрудно себе представить, что творилось на душе у женщины.

Некто Тимур Сальква был отпетым вором. В скитаниях по станциям и поездам рецидивист познакомился с несовершеннолетним Василием Шакия. Бывалый Сальква пригрел паренька и сделал своим соучастником в поездных кражах.

Оставалось уяснить, как Тимур и Василий забрели в Кашино. Такие, как они, как правило, чураются деревень. Им легче скрываться в больших городах.

Пояснение давал Тимур при допросе в линейном отделе милиции. Оказалось все не так уж и сложно. Как-то в поезде он познакомился с молодежкой женщиной легкого поведения Прошиной. Она привезла Тимура на ночевку к себе домой. Для ее шестнадцатилетней дочери Валентины подошел симпатичный Василий. Но он оказался соперником Сергея Полонского, который тоже встречался с ученицей на парикмахершу Валентиной.

Однако все кончилось мирно. Валентина оказывала чуткое внимание обоим, тем и предотвратила войну. Более того, Сергей Полонский пригласил Салыкву и Шакия на недельку в деревню Глоднево, позагорать, покупаться. Четвертым поехал старший брат Сергея Юрий Полонский.

Кто же из них выходил из кустов в мокрой одежде? Оказалось, — никто. Был еще пятый, о котором все четверо молчали, не называли его. Но в любом случае с тем, пятым, вышедшим после злодеяния из кустарника, соучастником был кто-то из этой четверки.

О Юрии Полонском мы наслышались много лестных характеристик: примерный семьянин, работник, общественник и даже депутат районного Совета, а вот о его младшем брате этого не скажешь. Он бездельничал, отлынивал от школы. Увез на велосипеде за город восьмиклассницу и там обесчестил ее, за что привлекался к уголовной ответственности, но из-за малолетства отделался небольшим сроком лишения свободы и уже гулял на свободе.

Дружба с Прошиной была для него и нее самой подходящей: оба распущены, бесконтрольны и вольны. Произведенным обыском в квартире Прошиной нашли Вероникины золотые часы «Заря», маникюрный набор, косынку, дамскую сумку. На подоконнике валялись фантики от, скорее всего, моих конфет «Мишка на севере», которыми я угостил на дорожку Веронику, когда она отправлялась в село на свадьбу.

Допрос Прошиной состоял из одного вопроса и ответа на него. И часы, и капроновую косынку, и все другое ей подарил по возвращении из села Глоднево Сергей Полонский. Тот и не думал отпираться. Правда, сначала развел болтовню о том, что нашел вещи, а потом сознался, что наблюдал, как пошла по тропинке из Глоднева в Кашино девушка, догнал, сбил ее с ног, закрыл рот, чтобы не кричала, и потащил в глубь кустарника. Так как она сопротивлялась, то ударил ее топором по голове.

— Что стало дальше с девушкой, я не знаю, — закончил показания Сергей, — никакого насилия больше не совершал. Кто это сделал, я не знаю. Мужчин в чаще было много, может, кто и воспользовался беспомощностью девушки. Мне достались только ее вещи.

Он врал. Врал до тех пор, пока не нашли мы парня в «мокрой одежде», того, кого видели Саша Долгих и Владимир Марченко. Это был двадцатилетний местный конюх, ранее дважды судимый за разбой и грабеж Григорий Андаренко. Без чести и совести пьяница, развратник, увидев, как пошла по тропинке Вероника, направил за ней следом Сергея, а сам побежал ей наперерез.

Вдвоем они мучали, издевались над своей жертвой, пока та не потеряла сознание. После преступления Сергей убежал полем, а Андаренко в мокрой одежде вышел из кустов, обдумывая, что дальше делать.

После опознания Вероникой преступников их арестовали. Им предстоял суд. Население ждало его и требовало публичного процесса. А я засобирался в дорогу. Отпуск мой кончился, нужно было спешить на службу.

Перед отъездом зашел в больницу, чтобы еще раз проведать Веру. Застал в холле. Она выписывалась домой. Я напросился ее проводить.

И вот уже открываем скрипучую калитку ее забора, окружавшего небольшой зеленый с верандой домик. Совсем поседевшая за эти десять дней женщина сосредоточенно смотрит на нас. Через секунду она трепетно распахивает дверь и, волнуясь, семенит нам навстречу. Отчаяние этих дней сменилось счастьем, хоть и перемешанным с глубоко засевшей в душе грустью. Глаза ее, добрые и робкие, полны слез и радости.

В сумерках седая женщина разливает нам по кружкам козье молоко. Не отрывает мягкого взгляда от дочери. То и дело обнимает ее и целует, благодарит врачей и милицию.

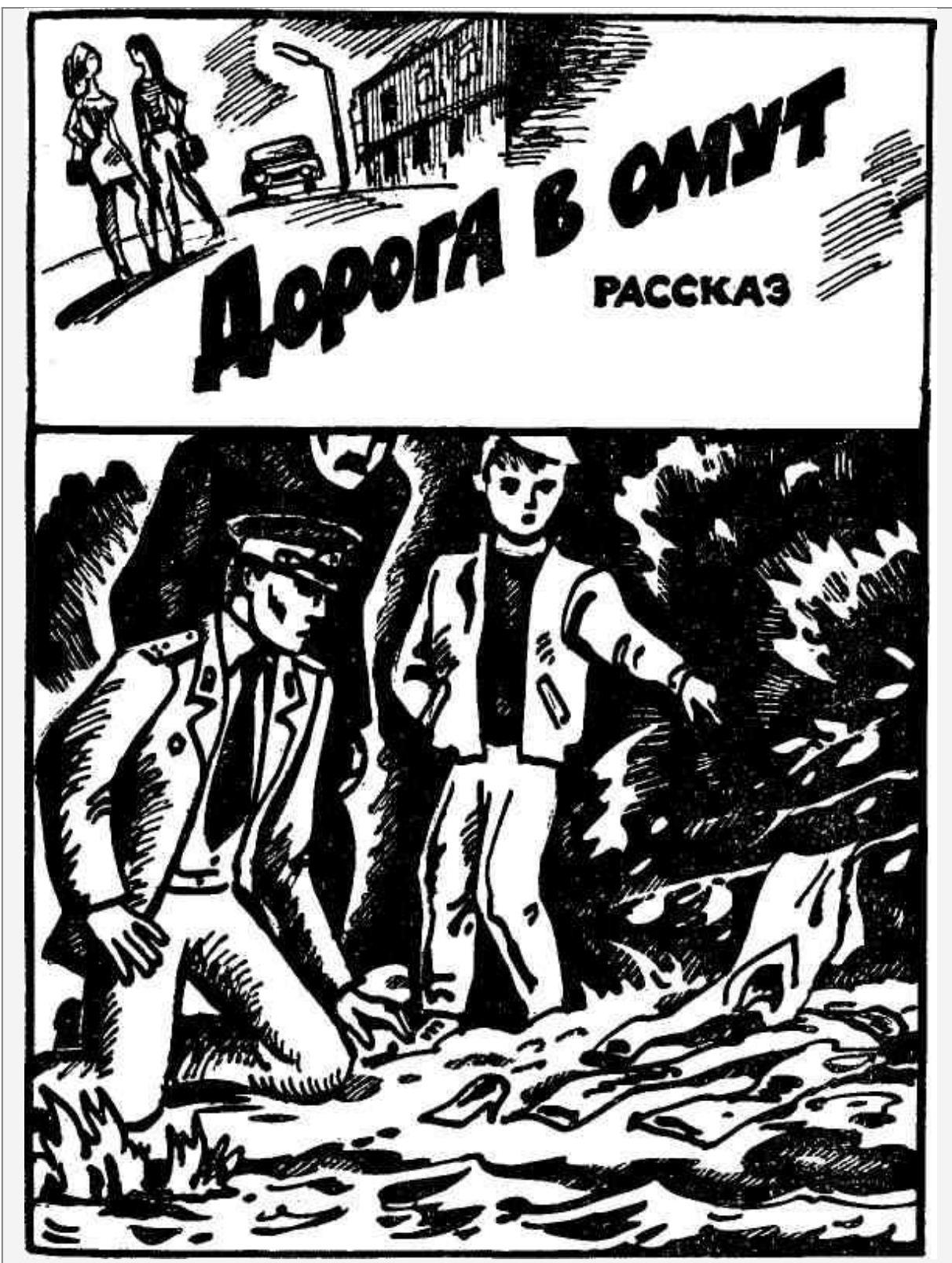
Я вспоминаю своих отца, мать, сестру и даю себе слово непременно заехать к ним по дороге с юга. Может быть, надо бы мне провести это лето у них, и тогда бы я не стал в этой истории действующим лицом. История, которую не выброшу из сердца всю жизнь.

Вечерело. Садилось солнце. Алый свет озарял вокзал, делал прозрачным и сияющим воздух. «Прощайте», — услышал я в последний раз дорогой мне голос Веры. На сердце было горько. Поезд

набирал скорость. А я думал: «Вера все равно должна быть счастливой».

1985—1986

ДОРОГА В ОМУТ

1. Исчезновение девушки

Полковник Сомов, как обычно, в шесть утра позвонил дежурному по городскому отделу внутренних дел и спросил, как прошла ночь.

Оперативный дежурный капитан Хорин обстоятельно доложил о всех зарегистрированных преступлениях. В заключение коротко сообщил, что только что от него ушли супруги Молодихины, заявив о пропаже взрослой дочери: Вероника, учащаяся техникума, 18 лет. Живет с матерью, отчимом.

Георгий Митрофанович Сомов насторожился:

— Молодихины... Вот об этом происшествии поподробнее.

— Говорят, вечером отправилась с подругами их дочь не то в кино, не то в парк и до сих пор не вернулась. Одета она, якобы, была в новые, дорогие модные вещи, имела серьги, перстень, электронные часы.

— Молодихина Вера, — медленно произнес Сомов...

— Да. Ее мать — Анна Алексеевна официально подала заявление. С какой-то непонятной уверенностью твердила, что Веронику ограбили и убили.

— Что-то с этой Вероникой было подобное прошлым летом. Позвоните начальнику уголовного розыска Николаю Васильевичу Спиридонову. Девочка эта, по-моему, в прошлом году стояла на учете в инспекции по делам несовершеннолетних.

Разыскивая девушку, пришлось изучить материалы, связанные с прошлогодним исчезновением из дома Вероники. Ее мать также тогда панически кричала в дежурной части милиции, что дочь погибла, однако девчонка нашлась через сутки: гуляла с «кавалером» по Москве.

На этот раз дело обстояло иначе. Истекали третьи сутки, а Вероника не появлялась дома. Тревога матери была не напрасной. А когда в зарослях крутого берега Оки, у самой кромки воды вездесущие пацаны нашли шерстяную кофту, джинсы, опознанные, как Вероникины, Анна Алексеевна вообще чуть не потеряла рассудок.

Если предположить, что Вероника, купаясь, утонула, то вряд ли бы она полезла в сентябрьскую холодную воду. Да и делать это в таком неудобном и рискованном месте безрассудно: двухметровая глубина у крутого берега, дно завалено корягами, железками — ничего другого там водолазы не нашли.

Кто затащил девушку в это глухое место? По чьей воле она полезла в осеннюю воду. Версий строилось немало. Только мать, истерически причитая, в бесконечных слезах повторяла одно и то же:

— Мою доченьку утопили, уто-пи-ли, польстились на сережки...

Мне, как следователю, принявшему дело к своему производству, хотелось знать больше о Веронике.

Девушка поступила в техникум после восьми классов. Мать ее тогда расторгла брак с алкоголиком мужем. Вера, несмотря на домашние дразги, росла спокойной, аккуратной, словно ее и не касались ссоры родителей.

Учителя, знавшие ее семейные неприятности, между собой говорили: «Какая скромная, хозяйственная, послушная, словно не она живет с отцом-пьяницей. Мамина школа. Анна Алексеевна не даст с пути сбиться».

Вероника во всем, действительно, беспрекословно подчинялась матери, авторитет которой поколебался с прошлого года, когда к ней стал заходить мужчина, ставший впоследствии отчимом девушки.

У Вероники в душе точно что-то надломилось. Она перестала спешить домой с занятий, задерживалась на улице вечерами. И мать как-то не то остыла к ней, не то устала ее воспитывать.

Дочь это поняла. Став студенткой, еще больше начала задерживаться до ночи, ссылаясь на срочные занятия с подругами, на отсутствие транспорта. Она выучилась ловчить, хитрить, оговариваться. Приходила с улицы то в повышенно-радостном настроении, то хандрила, точно потерянная, не сбрасывая платья, ложилась в постель.

После окончания второго курса группу Вероники отправили в колхоз. Старшей была преподаватель математики Юлия Галактионовна Смолякова. Пришлось попросить ее рассказать о том времени.

— Группа из двадцати двух девушек жила в колхозной школе, — вспоминала преподаватель, — убирали мы с поля овощи. Вечерами заниматься в основном было нечем. Но деревенские парни заглядывались на наших девчат, особенно на статную, рослую Веронику с вьющимися волосами над милым личиком... А когда в село приехала группа ребят из ПТУ нашего города, Веронику словно подменили: крутится перед зеркалом беспокойно, нервно, вечерами пропадает. Я с ней поговорила, узнала, что из города ее парень приехал. Попросила Веронику на улице не задерживаться вечерами, в крайнем случае гулять до десяти часов, познакомилась с ее кавалером Усланом, не то грузином, не то армянином. Вот я чувствовала, что Вера потянулась к нему, не может дождаться свидания... Тут я поняла, что дела мои плохи: за Верой нужен глаз да глаз. Приструнила ее,

объяснила, чем это может кончиться, предложила после десяти вечера сидеть в школе. Они выполнили мои требования: проводили время, когда уже было поздно, в коридоре школы. Услан мне нравился. Не строптивый.

Следующая беседа у меня была с Анной Алексеевной все по поводу того же колхозного лета ее дочери. Она охотно рассказала:

— Вероника возвратилась тогда из колхоза возбужденная, хвалилась, что заработала за лето двести рублей, прикидывала, куда их истратить. Об Услане я впервые услышала. Даже, не видя парня, мне страшно было предположить, что у Верочки началась большая любовь. Через три дня после приезда из колхоза дочь исчезла из города. Можете представить мое состояние. Пропала единственная дочь. Вся радость-то моя в ней. Я тогда была вне себя от горя. Мне казалось, что Услан увез ее в Грузию или Армению. Что мне оставалось — бежать в милицию.

А начальник уголовного розыска Николай Васильевич Спиридонов добавил, вспоминая то заявление Анны Алексеевны Молодихиной:

— Первое мое предположение тогда было такое: Вера уехала в Москву потратить заработанные деньги. Не сказала матери об этом, зная ее отношение к Услану. А что уехала она с ним — не сомневался. Я пообещал — разыщу Услана, если дочь не вернется ночью. Организовали встречу проходящих из столицы электричек. И вот, почти под утро, девчонка с чернявым пареньком вышли из вагона, нагруженные покупками. Счастливая Анна Алексеевна обняла дочь. Тут же стоял тот самый Услан.

Все как будто кончилось благополучно, и тревоги были напрасны.

Анна Алексеевна сменила работу. Она перешла к мужу на завод, были ночные смены. В это время Вероника оставалась на собственной совести. И все-таки контроль за девушкой кое-какой был. Анна Алексеевна попросила свою сестру Тамару Алексеевну Звереву заглядывать в вечерние часы к ней домой и проведывать Веронику.

Что она и делала, в результате произошло такое событие, что Веронику пришлось поставить на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних. А дело происходило так. Тут не обойтись без пояснений Тамары Алексеевны Зверевой:

— Я была в курсе: сестра Анна мне говорила про любовь Вероники к Услану. В один из вечеров, когда сестра была в ночной смене, подхожу к их дому, чтобы проведать племянницу, и вижу — сидит на скамейке во дворе Услан, точно Вероники нет дома, и он ждет

ее. Спрашиваю: «Ты почему здесь?». Он смутился, покраснел, что-то нечленораздельное промямлил и его как ветром сдуло — убежал. Я прямо опешила. Открываю дверь — у меня свой ключ — и застаю Веронику в постели с каким-то незнакомым парнем... «Кавалера» пришлось выставить из квартиры. «Кто этот парень?» — спрашиваю. Отвечает: «Друг Услана». «До чего ты докатилась!» Парирует мне: «А у меня с ним ничего не было, просто валялись...»

Тогда, придя снова в милицию, обе женщины-сестры спрашивали, советовались, как им дальше поступить, спасая Веронику от возможного морального разложения.

Девушку, которой оставалось полгода до совершеннолетия, поставили в инспекции на учет. Но ни родители, ни сотрудники ИДН еще не догадывались, что Вера начала принимать наркотики. Они видели, что психическое состояние девчонки безобразное, она вся расстроенная, но не могли понять, отчего это происходит.

2. Поиски-розыски

Итак, мы делали свою работу. Оперативные сотрудники вместе со мной, следователем, ломали голову над вопросом: «Было ли убийство или сама запутавшаяся девчонка свела с жизнью счеты, а, возможно, несчастный случай — полезла, забубенная, купаться и утонула?»

Продолжали изучать поведение девушки до исчезновения.

Известно было, что Вера приводила домой последние месяцы многих парней, подруг. Уточнив приметы, разыскиваю их. Я опрашивал соседей Молодихиных.

Татьяна Валерьяновна Быстрова, живущая рядом с Анной Алексеевной, при беседе рассказала следующее:

— Хорошо, скрывать не буду. Я заметила то, о чем не догадывалась Анна Алексеевна: в комнату к ее дочери приходили разные парни. На кухне звенели поздним вечером стаканы, тянуло дымком сигарет. Замечала, что пьет вино и Вероника. Однажды слышу какой-то крик. Выбегаю в коридор, дверь у соседей не заперта, приоткрыла ее и вижу: Вероника вцепилась в волосы незнакомому парню. В чем дело, я так и не поняла. Молодой человек убежал, а Вероника просила ничего не рассказывать матери. Это было за неделю до ее исчезновения.

Разыскали мы и Услана. Наконец-то, он сидит передо мной. На мои вопросы он отвечал как будто бы откровенно, хотя и требовалось их, конечно, проверять.

— Я хотел по-хорошему, может, и женился бы на Веронике. А она, с кем к ней ни приду, к тому и лезет. Мне говорит: побудь во дворе на лавочке, оставь нас с твоим другом. Доставлял ей кодеин, анашу. Но я ни разу не кололся, а она много раз. Стала и вино безбожно пить. К тому, что с ней произошло, отношения не имею. Последние две недели ее не видел. У Вероники появились две закадычные подруги. Одну зовут Калерией, вторую — Нонной. Живут где-то около универсама. Обе нигде не работают, да и Верка неделями не ходит в техникум.

Нас интересовали все ребята и девчата, с которыми общалась Вера в той или иной степени. На вопрос о том, кто тот парень, которого видела в постели с Вероникой ее тетка Тамара Алексеевна, Услан ответил, что это его приятель Дмитрий Чернов. Сейчас он лечится от наркомании где-то под Москвой.

Майор Спиридонов разыскал точный адрес клиники, и мы выехали туда.

3. «Особая» больница

Самое поразительное в этой клинике было то, что ее обитатели получили мучительные недуги по собственной воле. За эту болезнь платили еще и бешеные деньги. Нам с Николаем Васильевичем горько было смотреть на изможденных людей в недуге. Они неприкаянно в байковых халатах и шлепанцах бродили по коридорам, молчаливыми группами теснились перед дверьми кабинетов врачей.

Раньше мы стеснялись говорить о наркоманах: закрытая тема. А между тем кошмарное пристрастие получало и получило распространение. Как бы мы преуспели в искоренении дурной привычки, если бы открыто провозгласили борьбу с коварной червоточиной намного раньше.

...Остро пахнет лекарствами. Снуют взад-вперед сестры и нянечки в белых халатах среди особых пациентов, которые здесь о своих болезнях не рассказывают ничего друг другу. У всех она одна. И причины ее возникновения одинаковые: сегодня таблетку, завтра — две,

послезавтра укол. И вот уже пристрастие, с которого начинается дорога в трясину, а то и в омут, если туда «ушла» несчастная Вероника.

В палате, куда нас привели, пациенты выглядели такими же, как и в коридорах другие, — жалкими, безвольными. Чувствовалось, что они переживали страшные муки: их кости, мышцы, мозг, желудок, похоже, выворачивало буквально наизнанку — организм со страшной силой требовал допинга.

Дмитрия Чернова мы пригласили в маленькую изолированную комнату. Он рассказал:

— Познакомил меня с Вероникой Услан. Ей нужны были деньги, чтобы покупать наркотики. Заглядывал к ней трижды. Платил по десятке. Последний раз у нее был с месяц назад. Однажды на нее посмотрел и понял: конченный она человек — руки исколоты, в синих рубцах. Верка вполне могла сама утопиться, вряд ли кто о нее будет пачкать руки. И все-таки покрепче займитесь ее подружками. Одну зовут Нонной, вторую — Калерией.

Уходя из клиники, мы попросили у врача-психиатра разрешения поприсутствовать на приеме больных. Хорошо бы здесь установить телекамеру и показать людям, во что превращаются наркоманы от «безобидной травки». И через стенку слышали, как визжали, вопили истошно «не хочу жить» пациенты этой «особой» клиники.

Вот в кабинет к врачу не заходит, а почти заползает с трясущимися руками, блуждающим взглядом молодой мужчина лет тридцати.

— Доктор, помоги, дай одну таблетку кодеина, потом все брошу...

Мы глядели на все это и думали: сколько же надо выдержки, терпения врачу в этой непростой клинике. А медсестры, нянечки...

Когда прием закончился, Михаил Георгиевич мог уделить нам полчаса своего внимания. Мы ему рассказали о происшествии.

— Не доверяйте этому Услану, — предупредил нас врач. — Скорее всего, он имел и гашиш, и анашу не только для себя, но и для друзей. За деньги. Проверьте его как следует. Он, видимо, пользовался тем, что девушка увлеклась им. Стал приучать ее к сильным наркотикам. Приобщив Веронику к наркотикам, Услан мог использовать ее как товар. Когда Вера оставалась без допинга, то металась в поисках денег на «лекарство». Наступала опустошающая депрессия, которая и могла стать причиной самоубийства.

4. Снова дома

По дороге домой мы с майором Спиридоновым думали вот о чем: почему не перекрыты буквально все каналы утечек из аптек, больниц, других мест сильнодействующих, и наркотических препаратов? Почему наркоманы оказались опытнее врачей, и медикаменты, отпускаемые без рецептов, при переработке умельцами становятся источником дурмана?

Еще думали об Услане. Безусловно, им совершено тяжкое преступление, предусмотренное соответствующей статьей Уголовного кодекса. Он склонял к употреблению наркотиков Веру, которой потребовалось всего два-три месяца, чтобы дойти до полной деградации. Как уязвим подросток, как стремительно укореняется в нем дурная склонность!

Росказни Услана теперь для нас ничего не стоили. Наблюдение за ним дало новые сведения. Как паук-скорпион, он прибрал к рукам еще одну доверчивую девушку. Ее показаний было достаточно, чтобы Услана арестовать.

Вскоре он уже давал показания и назвал место, где прячет наркотики. В заброшенном подвале сотрудники уголовного розыска нашли двадцать две ампулы морфия, анашу, расфасованную на разные порции, таблетки кодеина. В его «аптеке» было все — от легкого до сильного дурмана. Своих «избранниц» он взбадривал слабеньким зельем... А потом, когда девушка попадала в зависимость от поставщика допинга, торговал своей жертвой, зарабатывая большие деньги.

Нам стали известны и настоящие имена Нонны и Калерии, с которыми Вера ушла на «прогулку» в тот злополучный вечер. Одной из них — Фалеевой Элле, шел двадцатый год, второй — Зинаиде Петрушевой, уже исполнилось двадцать пять.

Они брали Веру с собой для приманки «клиентов». Наркотики девицы не употребляли, а без вина и водки жить не могли.

На допросе они заявили, что в тот вечер, действительно, заходили к Вере домой, пригласили ее в кино. Она согласилась, но около кинотеатра Вероника встретила знакомого парня, которого подруги раньше не знали. Больше ее в тот вечер они не видели.

Мы им не верили. Неоднократно допрашивали каждую, но не могли изобличить во лжи. Помог случай.

Вскоре Элла, оказавшаяся на излечении в вендиспансере, рассказала подруге по койке о том, что они вручили Веронику среди ночи одному с виду порядочному «клиенту». А позже одежду девушки нашли у реки. Зинаида и Эльвира переживали, что им придется отвечать. Рассказать в милиции правду боялись: вдруг их заподозрят в убийстве или еще в каком тяжком преступлении, которого они не совершали. И вина их лишь в том, что они последними видели Веронику.

5. Признание «куртизанок»

Запирательство Зинаиды и Эльвиры теперь стало бессмысленным. В милиции им объяснили, что за лжесвидетельство они могут быть привлечены к строгой уголовной ответственности. После очных ставок Зинаида и Эльвира чистосердечно рассказали обо всем.

В тот злополучный вечер Зинаида, Эльвира и Вероника почти ни с кем из мужчин не могли познакомиться. Прогуливались у входа в парк культуры и отдыха, затем у гостиницы. Продефилировали и по центральной улице. Задевали молодых мужчин, то выпытывали, сколько времени, то просили сигаретку, то напрямую предлагали знакомство. Но вечер был явно неудачный.

Тогда Зинаида предложила свой план: взять такси и поехать на железнодорожный вокзал. Найти надо было такого водителя, который бы с первого пытливого взгляда понял их намерения найти «клиента». Здесь вроде бы замаячила удача. Таксист все сразу смекнул.

Но, как ни старался, найти подходящего им партнера не удавалось. Шел двенадцатый час ночи. Вот-вот надо было бы расплачиваться за такси. А денег у троих нашлось чуть больше рубля. Таксист поглядывал на «ночных бабочек» и заметно отдавал предпочтение самой молодой клиентке — Веронике.

— Через полчаса моя смена кончается, — улыбнулся многозначительно шофер. — И куда вас отвезти?

— Куда скажете, туда и поедем, — торопливо выпалила бойкая Зинаида.

Неизвестно, как бы дальше развивались события, но вдруг машина «зачихала», задергалась и со скрипом остановилась. Таксист нервно стал искать под капотом неисправность.

Пассажирки вышли из «Волги» и тут заметили запоздалого прохожего. Это был мужчина выше среднего роста, спортивной выправки. Разгоряченный, он держал в руке куртку, а в рубашке засучил рукава.

Прохожий был слегка в нетрезвом виде. У «куртизанок» в осоловевших глазах зажглись последние огоньки надежды. «Только бы этот «охламон» клюнул», — подумала Зинаида.

Но мужчина оказался и сам из тех, которые не пренебрегают случайными встречами с женщинами. У него все к тому располагало: было желание и пустующая квартира. Он игриво посмотрел на трех «куртизанок». Они были хорошенькие собой.

И пока шофер чинил машину, успел рассказать им несколько анекдотов. Девицы поняли, что с этим «клиентом» мороки не будет и можно не играть в прятки. Они выложили ему все напрямую. Он выбрал Веронику.

У мужчины, назвавшегося Виктором, Вероника потребовала задаток — двадцать пять рублей, чтобы тут же рассчитаться за такси и дать Зинаиде с Эльвирой червонец «для пропитания».

Виктор вытащил бумажник, но нашел там только семнадцать рублей. Десять из них Вера отдала таксисту, а семь подругам. Сама укатила на такси в холостяцкую квартиру — как объяснил новоявленный кавалер, он развелся с женой.

На этом рассказ Зинаиды и Эльвиры кончился. Что стало с Вероникой после, они не знают. Конечно, потрясены случившимся.

6. Розыск таксиста

Таксист, нам казалось, должен был дать ответ на загадку исчезновения Веры Молодихиной. Его нужно было найти. Впрочем, труда это не могло составить при наличии подробных примет.

Мы пришли в таксопарк, когда там проходило собрание. Дождавшись его окончания, мы объявили, что нам нужно от шоферов. Однако никто не мог вспомнить, возил ли описанную девушку с мужчиной в названное нами время.

К вечеру пригласили на собеседование тех водителей, кто отсутствовал на собрании. И вот один из них дает показания:

«Я, Голубицын Иван Дорофеевич, в конце сентября, числа не помню, примерно за час до окончания смены, был остановлен в центре города тремя девушками. Они просили подвезти их до железнодорожного вокзала. Одна из них, подруги называли ее Зиной, сказала:

— Шеф, ты не мог бы найти нам ухажеров? Появилось желание за их счет поужинать.

Наконец, одна из них, по имени Вера, нашла себе «клиента». За его счет оплатили такси. Зина и другая девица ушли. Веру я повез к ее обожателю. Примерно за полчаса мы попали в район новостроек — дорогу указывал пассажир, приголубивший Веру. Около какого-то дома на улице Вознесенского по его требованию я остановил машину».

Далее водитель описал одежду мужчины. И указал такую деталь: «клиент» в машине два раза повторил, что он художник. Для следствия это была зацепка. Таксист привез нас на то место, где он тогда высадил пассажиров. Мы стали искать по имевшимся приметам «художника», обходили дом за домом, квартиру за квартирой. Наша работа увенчалась успехом.

Некто Филимоненков Виктор Яковлевич, тридцати восьми лет, охранник ведомственной охраны одного из заводов, художник-любитель, расторгший брак с женой около месяца назад, был тем, кого мы так с нетерпением искали.

На звонки в дверь никто не открывал. На работе его не было. Он прогуливал уже неделю. Пригласили понятых, хотели взламывать дверь, но соседи посоветовали съездить к матери Виктора на улицу Загородную. Может быть, сын обитает у нее?

Филимоненкова-старшая назвала другой адрес: Степная, сто пятьдесят шесть. Она пояснила, что там ее сын живет всю неделю и боится показываться у себя в квартире на улице Вознесенского. Филимоненкова взялась за голову и надсадно запричитала: «Он там или кого-то убил, или боится, что его убьют».

И вот обрюзгший от самогонки Виктор, обросший щетиной, сидит перед нами. Угрюмо кивает головой, слушая опознавшего его таксиста.

— Где девушка, которую ты привел к себе домой? — спросили его.

— Я сбежал от нее, она могла меня прикончить, требовала от меня еще денег, я ее не убивал... — еле ворочая языком, выдавливает

Филимоненков.

— Бери ключи от квартиры и садись в машину...

Обыск в квартире подозреваемого в любом случае необходимо делать, надо искать следы преступления, вещи Веры.

Подъехали к его дому, открываем дверь, пропускаем Филимоненкова вперед. И вдруг слышим девичий злой голос:

— О, кого я вижу! Ты что же, болван, издеваешься надо мной? Кто тебе, идиот, позволил держать в неволе полноправного человека...

Увидев нас, она осеклась на полуслове.

Перед нами, в чужом халате, непричесанная, дерзкая с виду, стояла Вероника. Она сразу поняла, кто мы, и пояснила, указывая на «кавалера»:

— Да он же простофиля, мерзость, оставил меня без куска хлеба, корки собираю в ящиках стола... Хочу к маме, домой.

Мы без всяких комментариев поняли, что шутку со своими вещами, обнаруженными у реки, придумала сама Вера. Решила от тоски сыграть роль утопленницы. Захотелось попугать коллектив техникума, где она погрязла в двойках, мать, чтобы та не терзала ее вопросами о чести и достоинстве девушки.

Потом она мне потрясающе откровенно скажет: «Жаль, что по правде не утопилась, если не выкарабкаюсь из трясины, то у меня впереди одно: дорога в омут в самом деле».

А сейчас я смотрел на нее и думал вот о чем. Однажды оступившись, человек не обязательно становится преступником на всю жизнь. Но однажды сказанная ложь неминуемо порождает другую. Со лжи Вероника и начинала. Она обманывала мать, преподавателей, подруг, изворачивалась, путалась, не задумываясь над тем, какой ущерб приносила капля за каплей самой себе и своим близким.

В данном случае вроде бы все обошлось благополучно: девушка жива, позади все треволения, связанные с ее поиском, нет даже досады на затраченные силы и время. Но для того, чтобы вернуть ее к настоящей жизни, потребуются немалые усилия врачей, которые по просьбе Вероники начнут с запозданием ее лечить, чтобы вырвать из трясины наркомании, Услан и ему подобные — вот кто опасен для тех, кто с ними встретится.

1982—1984

CXBATKA

СХВАТКА

РАСКАЗ

Работники милиции, конечно, не в одиночку ведут борьбу с преступностью. И все-таки очень часто на долю стража порядка выпадает один на один вступать в схватку со своим злейшим противником, с врагом норм социального общежития.

Так было и на этот раз.

...Люк на чердаке был плотно закрыт. Игорь поднялся по лестнице, головой приоткрыл крышку люка. С чердака пахло слежавшимся сеном. Игорь включил фонарик, но разглядеть что-либо было трудно, и он его погасил. Тогда он ползком перелез через выступ и, спрятавшись за венец сруба, ждал, пока глаза не привыкнут к темноте. Фонарик младший лейтенант боялся зажигать — освещенный, он являлся великолепной мишенью для преступника.

Вдруг, в левом углу зашуршало сено. И снова тишина. Гнетущая. Напряженная.

«У преступника наган. И достаточно патронов. Стреляет он метко», — невольно вспомнил Игорь. Сжав в правой руке револьвер, младший лейтенант направил все-таки луч фонаря в ту сторону, откуда донесся шорох. И тут же грянул выстрел. Пуля взрыхлила опилки у его ног. Игорь ничком упал на стоявший рядом молочный бидон и, услышав шаги поднимающегося по лестнице сержанта Алексева, крикнул:

— Борис, не заходи, выстрелит! Я сам.

Я сам! Медленно текли минуты, налитые свинцовой тяжестью. Игорю как-то не верилось, что вот наступил день его первого боевого крещения. Боевого в самом прямом смысле этого слова. Четыре года назад, демобилизовавшись из армии, комсомолец Игорь Усов меньше всего помышлял о работе в органах милиции. Вернувшись в родной городок, хотел устроиться на работу по старой гражданской специальности шофером. Но вызвал его секретарь райкома комсомола, окинул взглядом по-военному стройную фигуру, внимательно посмотрел на значок «Отличник Советской Армии», привинченный к гимнастерке, а потом крепко, по-мужски пожав ему руку, сказал:

— Ну вот, Игорь, поздравляю с возвращением. Только о спокойной жизни не помышляй, — и увидев недоуменный взгляд комсомольца, пояснил:

— Мы решили тебя по комсомольской путевке в органы милиции направить. Подумай, солдат, крепко подумай.

Дома отец, оперуполномоченный уголовного розыска, коротко сказал:

— Иди, Игорь, работа нужная. Сменишь меня.

...— Держись, Усов, мы окружили дом. Преступник не должен уйти! — крикнул товарищ по операции капитан Виктор Рогин, возглавлявший в эту тревожную ночь опергруппу.

В ответ грянул еще один выстрел. Ударившись о бидон, пуля рикошетом отлетела в сторону.

— Игорь, жив?

— Жив, товарищ капитан. Только сюда не поднимайтесь.

Снова выстрел. И тут Усов решил пойти на хитрость. Вскрикнув, он ударился головой о бидон. Его маневр удался. Преступник, решив, что он наконец-таки сразил работника милиции, зашевелился. Игорь выжидал.

— Ну что, шкура милицейская, жив еще?

Игорь молчал. Он знал: единственное, что может заставить преступника вылезти из укрытия, — это уверенность в том, что враг, то есть он, Игорь Усов, младший лейтенант милиции, мертв.

...Младший лейтенант. Он был сначала постовым, потом участковым инспектором. Нелегко давались ему навыки работы в милиции. Вначале бывшему солдату все казалось простым: совершилось преступление, задержал преступника, передал дело следователю. Но на поверку выходило иначе.

Был у него за годы службы случай. Задержал четверых за хулиганство. Избили они зверски парня. И вот хулиганы сидят перед ним, участковым инспектором. А в коридоре плачут сердобольные мамы. У одного задержанного отец при смерти, второй на руках повестку в армию держит, третий поступает в университет, четвертый и без того судьбой обижен — трудноизлечимой болезнью страдает. И вызвали у Усова они больше сострадания, чем выздоровевший потерпевший. Казалось ему, что парни прочувствовали, раскаялись. Одним словом, пожалел их младший лейтенант, оставил на свободе. Прошла неделя, вторая, испуг у преступников прошел, и они весьма недвусмысленно начали намекать потерпевшему о дальнейшей расправе.

На первый раз Усову был объявлен строгий выговор.

В тот день Игорь и написал письмо своему другу по армии Николаю Немчанинову:

«Дружище, давно не отвечал на твое письмо. Ругай меня. Был все это время на распутье. Честно говоря, казалось, что милицейское дело не по мне. Но сейчас, после строгача, все сомнения позади. Представляешь, моя первая крупная ошибка не охладила мой пыл к работе. Как раз наоборот. Я понял, что кто-то должен делать эту тяжелую, но необходимую для общества работу — бороться с хулиганами, ворами, одним словом, со всей нечистью, мешающей нам жить. На днях у нас были стрельбы. Как и когда-то в части, стрелял я нормально. Все десять выстрелов «в яблочко». Видишь, не потерял, так сказать, «квалификацию».

Он вспомнил отца, работника уголовного розыска.

2

В послужном списке его, Усова-старшего, наберется очень много записей, расшифруй которые — и получится увесистый томик детективных рассказов. Игорь стремился во всем походить на отца. Как-то довелось парню читать на отца характеристику:

«За поимку особо опасного рецидивиста награжден медалью «За отличную службу по охране общественного порядка...»

А было все так просто, что и «рассказывать нечего», со слов отца — Семена Михайловича Усова. Несколько фраз, а за ними...

Выполняя задание, отец оказался на маленькой железнодорожной станции. Подошел поезд. И тут из вагона выскочил юркий парень лет 20-ти. В руке он держал чемодан.

Люди из вагона закричали: «Держите... чемодан»... Какой-то гражданин попытался задержать вора, но получил от преступника удар в живот. Еще минута, и вор прыгнул в кабину чужой автомашины, завел ее, вырулил на большак.

Отец попросил у проезжего мотоцикл и рванулся в погоню. Через 3—4 километра стал нагонять. Сигналами и криками давал понять, чтобы преступник остановился. Тот высунул налитое злостью фиолетовое лицо из кабины. Машина продолжала набирать скорость. И вдруг — ухабистый участок дороги. Автомобиль запрыгал на большаке, сбавилась скорость, Усов-старший смог обогнать машину и развернуть свой мотоцикл поперек дороги, подвергая себя смертельной опасности.

— Уходи, — выкатил от ярости глаза преступник Костырев и поехал на мотоцикл.

Усов-старший получил тогда небольшие ушибы. Оперуполномоченный уголовного розыска доказал, что нервы у него крепче, чем у отщепенца.

Таким хотел быть и его сын.

3

...Да, стрелял Усов-младший отлично. И здесь, на чердаке, сжимая в ладони теплую рукоятку револьвера, Игорь ждал, когда преступник выйдет из укрытия. Он знал о нем все. Знал, что несколько часов назад Иван Алков (работник одного из заводов) совершил два убийства. И лежа за бидоном, внимательно вслушиваясь в тишину, Игорь вновь и вновь вспоминал, как началась эта ночь.

Как всегда вечером он ждал с работы жену: Лена работала во вторую смену. Поиграл с сынишкой, уложил его спать, засел за книги (готовился к поступлению в высшую школу МВД страны). Часов в одиннадцать кто-то сильно постучал в дверь. На пороге стоял сержант Алексеев. Из-за его спины выглядывал шофер отдела Гавриков. Вошел капитан Рогин.

— ЧП, Игорь. Убийца, по оперативным данным, в деревне Репьево. Не забудь оружие.

О том, что случилось, Усов узнал уже в машине. Из города к Зинаиде Ращенко приехал дружок Иван Алков. Он затеял с ней бурное объяснение прямо у калитки. Проходившие мимо двое парней пристыдили подвыпившего «кавалера». Не долго думая, Алков выхватил из-за пояса наган и выстрелил в одного из этих ребят. Промазал. Парни выбили из рук преступника оружие, он выхватил из кармана второй наган и уложил наповал обоих. Третьим выстрелом он

тяжело ранил Зинаиду. Работникам милиции удалось выяснить, что в деревне Репьево живет у него еще одна «приятельница» — Екатерина Чарова. Не исключено, что убийца направился к ней.

...В дом к Чаровой вошли несколько членов опергруппы. Осмотрели дом, обратили внимание на стоящие под столом пустые бутылки из-под водки. Хотя Екатерина на вопрос, был ли у нее Алков, твердила: «Нет, не был», решили осмотреть чердак. Первым вызвался пойти Усов.

4

Некоторые считали рискованным Усова-старшего: в него стреляют, на него наезжают колесами, а он не трусит, идет напролом. Но Игорь понимал, что кроме риска, отец обладает мастерством и мужеством, он всегда чувствовал, что сильнее преступника морально, ловчее.

Твердость руки, верность глаза, отвага сердца пришли к отцу впервые там, на войне, солдатом которой он был.

Война... Она осталась в памяти Усова-старшего до мельчайшей подробности. Вот он, как мог, рассказывает сыну о гибели комбата. Семен Усов тогда стоял на коленях у его изголовья и, не стесняясь, плакал. Ему шел всего девятнадцатый год.

...Накануне комбат вызвал к себе рядового Усова и хриплым от вечной простуды голосом спросил:

— Попробуешь?

— Да.

— Будь осторожен. Трое не вернулись. Но «язык» вот как нужен, — комбат провел ладонью по горлу.

С трех сторон стиснутая батальоном высота оставалась неприступной. Две атаки отбиты фашистами. Откуда они питались силами?

Темным вечером Усов пошел на задание. Апрельский ветер то гнал в спину, то бросал в лицо пригоршни сухой листвы. В темноте Усов подполз вплотную к оградительному рву. Дальше — колючее заграждение. На высоте тихо. Долго всматривался вдаль Усов, пока не заметил фашиста. Часовой что-то устанавливал во рву. Семен дождался момента и прыгнул на гитлеровца. Завязалась схватка. Но она была

недолгая. Вскоре доставленный в штаб батальона фашист чертил схему защиты «крепости», самые уязвимые ее места. Батальон взял высоту...
Фронтовые рассказы отца легко запомнились Игорю.

5

Один за другим на чердаке раздавались выстрелы. Только уже на крик капитана Рогина: «Жив, Игорь?» — не было ответа. Но комсомолец Усов был жив. Он выжидал. По деревне проехала машина, освещая дорогу. Свет фар на мгновение заглянул через щели крыши на чердак. У Игоря мелькнула мысль: «Лена едет с работы (рабочих комбината развозили по домам по этой дороге)». И тут же Усов, поднявшись во весь рост, выстрелил по черной, ползущей к слуховому окну фигуре.

Да, он отлично стрелял, младший лейтенант Игорь Усов.

Оперативная группа вышла из дома Чаровой.

— Вы уж простите, товарищ капитан, не смог взять живым.

В ответ Рогин крепко обнял Игоря и по-русски три раза поцеловал.

Но больше всего удивился Игорь, когда посмотрел на часы. Было два часа ночи. Оказывается, схватка заняла всего 40 минут. А ему казалось там, на чердаке, что прошло несколько часов.

— Молодец, поздравляю с успешным завершением операции, — сказал и отец.

1983—1984

ПОХИЩЕНИЕ РЕБЕНКА

Валентина долго стояла в скверике, напротив универмага. Все эти дни, пока она находилась в городе, знакомом по детству и юности, ее вниманием и сознанием владела одна единственная, но безумная мысль.

От затянувшегося волнения, тревожного и счастливого предчувствия сердце молодой женщины больно сжималось, а рассудок туманился, как запотевшее стекло. Она почти осязаемо ощутила в своих руках заветного похищенного ребенка. Именно сейчас, вот-вот все свершится.

Голуби, подпрыгивая, что-то клевали. Это отвлекало Валентину. И досаждало. Взмахом руки женщина попыталась их отогнать. Но они, взлетев, тотчас опустились на прежнее место.

Последние ночи, после того как Валентина беспрекословно решила именно в этом городе украсть новорожденного карапуза, преступница почти не смыкала глаз. Сон, казалось, навсегда покинул ее.

От головокружительной слабости, усталости земля скверика, где она топталась, зорко всматриваясь в выбранную точку, качалась как палуба. С каждой минутой Валентина все больше томилась. Курлычущие птицы наводили на нее скуку. Появилась бродячая кошка. Она тоже отвлекла ее сосредоточенное внимание.

Ждать и выслеживать — тошней труда не сыщешь.

Она вся покрылась испариной, намок в руках носовой платок. Корешки ее черных волос, перехваченных пластмассовым ободком, воспаленно горели. Как ненормальная, Валентина мысленно твердила, не отрывая взгляда от синей коляски, что стояла у двери «Детского мира»: «Мальш будет мой. Никто не узнает. Я его воспитаю, как никто. Родная мать ему того не даст, что — я». Всеми фибрами души она уже прониклась любовью и нежностью к малютке, которого настоящая мама плавно покачивала взад-вперед. У Валентины затекли ноги, а ребенка не оставляли одного. Его усыпляли. Он, видимо, засыпал. Вот-вот и мать уйдет в магазин. Валентине бы хватило одной минуты, только одной минуты, на которую без присмотра оставили бы коляску.

Юная роженица не торопилась расставаться с сынишкой. Она блаженно и горделиво представляла единое целое с ним. Синий цвет коляски свидетельствовал, что в ней нашел себе приют мальчишка. То, что надо Валентине. Мальш пока был под защитой молоденькой мамы.

Валентина обязана ей, неопытную, незоркую, счастливую, перехитрить. Воровка ненавидела скороспелых рожениц. Валентина заметила, как они упивались расцветающим и выстрадавшим материнством.

Стоя на часах, она с неусыпной бдительностью продолжала наблюдать и ждать от соперницы оплошности. Валентина тысячу раз внушала себе: только настороженность и неослабное внимание гарантируют успех предприятия. Она, готовясь к краже ребенка, мысленно тренировалась, выверяла свои действия, чтобы не «наследить». Никаких доказательств для ее поиска не должно быть оставлено.

Воровка понимала, что идет на страшно серьезный поступок. Предосудительный, постыдный, уголовный. Все бралось в расчет. Одно дело быть воришкой шмуток или там еще чего мелкого, другое — ребенка. Тут не только пугало ужесточенное в несколько раз наказание — до семи лет лишения свободы — важно другое. Сам смысл кражи. Материальные ценности похищаются в корыстных и низменных целях, чтобы обогатиться, чужого ребенка умыкают для души. А на содержание и воспитание отпрыска придется всю жизнь транжириться. В такой ненормальной краже вроде бы даже нет логики. Неразумно, расточительно, без толку мотать средства неизвестно на кого. А если он вырастет неблагодарным подлецом? Это будет мощная расплата за нынешний неосмысленный порыв. Шутка ли представить, сколько на маленького негодяя придется истратить денег, пока вырастишь, ужас сколько, а в результате — горе и страдание.

Впрочем, тут все зависит от родителей. «Мы будем чуткими, любящими и у малыша не найдется повода насолить нам. Он оценит достойно старательных отца и мать. И тогда какая ему будет разница — настоящие у него родители или нет», — успокаивала себя Валентина.

Так что не без толку потратят они на чадо деньги. Сейчас нужно думать о собственной душе. Чем ее можно больше всего усладить? Разумеется, ребенком. Другое богатство у Валентины есть, но нет у нее детей. Малыш создаст в семье и блаженство, и уют. Пропадет у мужа меланхолия, угрюмость, вспыльчивость. Ребенок играет с душой взрослого, делает ее добрей, искренней, возвышенной. Он вдохновляет. Утешение к старости.

После таких рассуждений выходит, что в краже ребенка тоже есть и корысть, и низменные побуждения? Нетрудно сделать вывод, что вор

похищает маленького несмышленного человечка для собственного удовольствия и удовлетворения своих сердечных, духовных потребностей. Лечит свое настроение, хотя и берет грех на совесть.

Этими раздирающими душу противоречиями уже давно переболела Валентина и пришла к единственному выводу: лучше согрешить и покаяться, чем ждать в будущем дикого одиночества. А образцовым отношением к похищенному живому существу можно очистить совесть, снять с души грех, оправдать преступление. Она не убивает цветок, а удобряет почву, чтобы он пышнее расцвел.

2

Валентина так яростно возгордилась своей ущербной логикой, что готова была без всяких объяснений отнять у сопливой мамы ребенка и заявить на него претензии по праву старшинства. А ей уже стукнуло тридцать.

Валентина беспощадным хищником стояла уже минут сорок на своей немилосердной вахте. Как коршун она стерегла добычу. И, кажется, наступала долгожданная минута. Взятая на мушку роженица, наконец, перестала теребить коляску, оставила ее в покое, а сама стремительно направилась к двери магазина, но, похоже, малыш заплакал, и она вернулась.

Вот любвеобильный прохожий нагнулся над малышом и полюлюкал. Молоденькая мама ответила мужчине признательной улыбкой, поправила белую кофточку на полной груди, пригладила джинсовую юбку и занялась обычным делом: покачивать коляску и усыплять сына.

Оттяжка выполнения задуманного раздражала преступницу. Внутренний голос советовал Валентине: «Ничего не выйдет. Поищи другого». Но рефлексы были готовы схватить этого малыша. Она даже пренебрегала опасностью: своим топтанием на одном месте могла вызвать подозрение.

Роженица вторично оставила коляску в покое и сделала попытку скрыться в магазине. Валентина жадно ловила эти томительные мгновения, наконец, почувствовала в груди бурную радость. Едва белая кофточка скрылась за массивной коричневой дверью универмага, как воровка, не обращая внимания на красный глазок светофора, у которого

остановилась вереница автомобилей, огибая их, рванулась вперед, нагнав, как азартный и яростный футболист, голову.

Увы, вновь мелькнула полненькая молодая женщина — опасная соперница. Обладательница белой кофточки и джинсовой юбки окинула взором малыша, убедилась, что он не плачет и...

Но Валентина больше ничего не видела. С молниеносной реакцией, в отчаянном испуге она ретировалась на прежнее место. В который раз пришла мысль о дурном предвестии. Нельзя возвращаться, когда идешь на дело. Приметы очень часто сбываются. В таких случаях в пору отказываться от задуманного предприятия.

Валентину стал бить озноб. Ощущение холода усиливалось оттого, что вечернее солнце слабо грело, часто скрывалось за тучи. Все тело воровки быстро и нервно дрожало.

3

Стараясь успокоиться, Валентина прижала к ногам матерчатую сумку, набитую пеленками и бутылочками с пищей для малыша. Если все выйдет удачно, лжематери придется ехать больше суток в поезде с ребенком...

Глубоко разочарованная неудачной попыткой, Валентина болезненно-обреченно сгорбилась: не заметили ли ее странное поведение прохожие? Но люди шли мимо, не обращая особого внимания на посторонних, ничему не удивляясь, никого не выделяя. Все были поглощены своими заботами. И одинокая фигура, без перемен маячившая у синей скамейки сквера, никого не волновала.

Приехав сюда, в город своей юности, Валентина остановилась у подруги Раисы. Обе когда-то учились в одном классе, бегали к ребятам на свидания и к врачам — на аборт. С удовольствием жили для себя. Вольность для женщин не бывает без беременностей. Есть исключения, но в их число не вошли школьные подружки. Аборты — тончайшие мостики между сладкой нежностью и горьким страданием, подорвали молодое здоровье обеих. Необдуманно «играя», они навсегда лишили себя счастья материнства.

Раиса в двадцать два года вышла замуж. Супруг развелся с ней, едва узнал, что жена не может иметь детей. Второй муж тоже жаждал стать отцом. Бездетная семья его не устраивала и он покинул Раису.

При третьем замужестве она твердо решила обзавестись чужим ребенком, взяв его из детдома. Выстояла длинную очередь. Этого же она советовала подруге Вале. Но та боялась отрицательных наследственных качеств, не желала тратить время на сбор справок, дающих право на материнство, на ожидание. Она решила пойти другим путем... Более благополучным, как ей казалось.

Настал день, когда Валентина сообщила мужу, что у них появится собственный ребенок. С этого радостного дня многое изменилось в жизни супругов.

Валентина искусно имитировала беременность все двести восемьдесят дней. Муж, человек от природы незлобивый, отходчивый, особенно стал внимательным к ней. Часто говорил ей в уютной двухкомнатной квартире:

— У нас все есть для воспитания ребенка. Главное, чтобы он родился здоровым. Он скрасит нашу однообразную жизнь и не даст развиться в нас эгоизму. Я достану тебе все необходимые продукты, чтобы малыш в твоём животике не голодал.

На столе не переводились фрукты, вкусные мясо, рыба, орехи.

Мучила ли Валентину совесть? Трудно сказать. Она свыклась со своим положением беременной женщины и знала, что «родит». Сколько их, беспечных мамаш, оставляют новорожденных без присмотра на улицах! Нужно иметь лишь сноровку — и малыш в твоих руках. Кое в чем должна помочь верная подруга Раиса. Все годы она переписывалась с ней.

Валентине нравилась забота окружающих о ее самочувствии — «от состояния настроения матери зависит насколько крепким появится малыш». Время от времени Валентина сообщала, что посещала женскую консультацию. Она бросила курить, заглядывать в рюмку с крепким напитком, к чему заимела пристрастие.

Валентина стала закатывать дома истерики. С чем они были связаны, муж никак не мог понять, успокаивал ее ради малыша. Все для него.

Мужу объясняли по секрету верные люди, что беременные женщины становятся капризными, упрямыми, требуют особых для себя условий. И он добросовестно вырабатывал у себя умение тонко обращаться с женой, стал уступать, не замечать задиристого тона. Тем более, понимал, что жена собралась одарить его счастьем отцовства.

Когда появилось у нее вздорное желание рожать в другом городе, за тысячи километров от дома, он, в основном, согласился с ее прихотью. Лишь однажды пылко произнес, что надуманная эта затея, «какой-то абсурд».

Валентина решила отбить охоту мужу делать ей замечания и устроила припадок истерии: рыдала, упрекала супруга в бессердечности, требовала извинений. У нее хранился весомый аргумент в пользу поездки: подруга Рая — молодая мать и она ей в первые дни поможет.

Сама Валентина думала о другом. Для нее в силу ее вранья так сложились обстоятельства, что она стала заложницей фиктивной беременности. Теперь уже противоестественно не умыкнуть ребенка на отшибе, подальше от своего городишка.

Муж стерпел несуразный поступок Валентины, собрал и проводил ее в дальнюю дорогу, хотел попутешествовать с ней сам, но жена категорически запретила.

И вот она несколько дней живет в городе, облюбованном для кражи. Ей во что бы то ни стало надо привезти домой малыша, скорее всего вот того, лежавшего в синей коляске у входа в «Детский мир». Валентина переместилась поближе к «объекту». Она находилась у цели. И когда снова увидела, что около четырехколесного детского экипажа нет молодой мамы в ярко-белой кофточке, она, убрав голову в плечи, рванулась к нему.

Наклонившись над коляской, Валентина в суматохе никак не могла справиться с тысячу раз осмысленными действиями. Бесполезно она подсовывала руку под теплое и мягкое тельце карапуза, сладко дремавшего в своей «комнатке». Мешали какие-то одеяла. Ей хотелось мгновенно вырвать сверток из синей оболочки коляски, а он не поддавался. Она лишь с яростью критиковала себя за то, что недостаточно тренировалась. Из-за отсутствия сноровки Валентина ощутила тело малыша неподатливым и каким-то вязким.

Более того, от внезапного резкого толчка чуткий ребенок проснулся и заблестел умными осмысленными карими глазками. Он понял ясно: кто-то не умеет мягко, учтиво, как мама, обращаться с ним. Вот-вот и могли испортиться его отношения с этой старой, некрасивой, холодной женщиной. Он все соображал: заплакать ему или подождать. Тетя ему не нравилась. Она носила блеклую одежду, а у мамы на груди белой кофточки сияла, как солнце, брошь. Мама имеет чудесные

белокурые волосы, огромные карие глаза, тепло улыбается и очень приятным голосом смеется.

У Светланы тоже были до появления ребенка проблемы. Дружеское расположение между нею и одноклассником переросло в любовь. И родители в панике узнали, что Светлана собирается стать матерью. В страхе и малодушной стыдливости они созвали большой семейный совет. Успокоившись, решили, что если Светлана сделает операцию, то обеднит свою судьбу. Ранний брак несовершеннолетних зарегистрировали. Старших пугали последствия родов для очень молодой мамы и не напрасно. Роды наступили неожиданно и Светлана на личной автомашине свекра прибыла в больницу. Ребенок был почти мертв. Дежурная смена реанимационного отделения несколько часов не отходила от посиневшего малыша. Но вот, наконец, сердце будущего мужчины мало-помалу застучало, нормально забилося, дыхание восстановилось. Привели в сознание и Светлану, которая лишилась чувств от нелегкого своего состояния и от мысли впервые потерять сына. Кто мог предположить, что через несколько дней ей снова придется терять сына, не навсегда, но надолго. Сына — с новым перстом судьбы.

4

С первых дней малышка испытал невзгоды. Но благоразумие и выдержка победили, плоду дали созреть, потом его спасли врачи, и вот ребенок лежит в коляске. С больничных будней малыш привык к поддаваниям, хотя и в лечебных целях, но эта новая тетя ему категорически была неприятна. Лицо ребенка налилось кровью, он недовольно заворочался, закричал. Тут-то и подсунула под него руку Валентина, когда он еще не успел пронзительно запищать.

Дважды Валентина оглянулась, прижав к плечу головку похищенного ребенка. Погони не было. Троллейбус стоял на месте, впуская пассажиров. Выждав, когда водитель для нее с малышом откроет переднюю дверь, воровка нырнула в салон. Сердце вырывалось из груди, билось резкими толчками, отнимались ноги.

Когда обратился к ней ревизор и попросил предъявить билетик, она от страха не могла вымолвить ни слова. Колотились зубы, будто в холодной лихорадке. Ревизор с опаской отошел в сторону.

Электричка тоже, как по заказу, стояла «на парах», готовая к отбытию. Вбегали в вагоны последние запоздавшие пассажиры. Валентина вскочила с ними. Ей уступили место. Она неловко и грузно плюхнулась на скамейку и стала думать только о ребенке: когда кормить, пеленать, как не простудить.

А настоящая мать ребенка теряла рассудок. Еще в магазине, охваченная смутным беспокойством, она решила выйти и посмотреть малыша. Но его не оказалось. Глаза ее моментально стали безумны. Такое было состояние, словно ее выбросили в море и она тонет. Ее волной окатило сумасшедшее подозрение: ребенок похищен. Но оставалась маленькая надежда: а вдруг это шутка ее родителей или родителей мужа.

Пока она их обзвонила — ушло время. Милиция начала поиск, а воровка выходила из электрички в Москве. Переезд с вокзала на вокзал, и Валентина оказалась в поезде, который вез ее домой. Билет был заранее куплен.

Вызвали проводника со служебно-розыскной собакой. Овчарка старательно обнюхала коляску, асфальт вокруг нее, детские вещи, заметалась на «пяточке», но след не взяла: и дождь заморосил, и народу прошло здесь уже много.

А Светлана с родственниками ошалело бегала по городу и отчаянно выпытывала у прохожих, не видел ли кто женщину с чужим ребенком? Теперь уже опасались за молодую маму. Она лишалась здравого смысла. Ее поступки выглядели безумными: она все время шарила руками в коляске, словно искала не ребенка, а его погремушку.

«Ну вот мы и дома, — со вздохом облегчения вымолвила Валентина, — отмучились. Надо будет его быстренько зарегистрировать. Справка из роддома есть. Назовем его Максимом».

Муж от счастья готов был Валентину с малышом подхватить на руки. Радости не было границ. Супруг любил возиться с малышом и пытался докопаться, на кого он похож. Ни мать, ни отца он не напоминал. Особенно отца. Изредка, потом все чаще мужа терзала ревность. Он даже стал следить, подсматривать, не встречается ли Валентина с настоящим родителем ребенка. Муж стыдился своего шпионства и мучился. Но годам к десяти он понял всю постыдность своих подозрений. Валентина честно выполняла супружеские обязанности. Да и Максим вроде бы приобретал черты и матери и отца. В какой-то части.

5

Чем дальше уходил в прошлое тот день, когда Валентина выкрала Максима из коляски у настоящей мамы, тем все задумчивее она всматривалась в меняющийся облик «сына».

Супруги радовались тому, что их доброта, щедрость, забота находят теплый отклик в сердце Максима. Взрослые люди берегли его как зеницу ока. Видели, что Максим мыслит пока сердцем, а, значит, больше у них было возможности искать в нем для себя нравственную благодарность, опору. Чувствовали, что развитый в семье мещанский уклад жизни еще более способствует их сближению с неродным сыном.

Но не станет ли он чуть позже копать в родословной, осознанно искать истоки своей генеалогии? А мальчишка имел впечатлительную натуру. Часто и на работе, и дома, вдруг, сожмет сердце тоска и она поймает себя на мысли, что сковывают ее душу смятение и паника перед потерей своего «чада». И тогда безумно душили слезы.

Она боялась, что когда-нибудь нечаянно прорвется долго сдерживаемая правда о Максиме. И выдаст она сокровенную тайну, ту,

что прикрыта самым толстым слоем вранья. Спohватившись от дурной мысли, она бурно начинала себя упрекать в малодушии.

Увы, предчувствия не обманули Валентину. Постоянное ощущение того, что она когда-нибудь потеряет сына, оказались не напрасными. Неясным чувствам тревоги, оказывается, стоило верить. Впрочем, пока что все это были нервы...

Все эти годы родители вели поиск похищенного ребенка, а Раиса, однажды потеряв бдительность, проболталась о делах Валентины своей задушевной подруге, та — другой, другая — третьей. И все — по чрезвычайному секрету.

И вот сотрудники уголовного розыска постучали в дверь двухкомнатной, прекрасно обставленной квартиры. Максим один был дома. Он позвонил маме в мебельный магазин, где та работала...

Валентину привезли с ребенком в тот город, в котором родился Максим. Светлана подняла душераздирающий крик, обхватила сына и стала обжигающе, резко, неприличными словами обзывать воровку. Потупился, опешил, растерялся Максим. Никак не мог сообразить, что происходит. Валентина твердила свое — это мой сын. А похож он был явно на Светлану... белокурые волосы, прямой греческий нос, мягкий взгляд карих глаз, овал лица.

Суд проходил при большом скоплении публики. Три дня решался вопрос, с кем оставить мальчика. У Светланы за эти годы родилось еще двое детей. Валентина бросалась перед ней на колени: «Оставь его мне, на твоей совести будет моя смерть. Давай поделимся, ему у меня лучше. Спроси сама». Мальчишка держался, похоже, ближе к Валентине.

Утро, когда они все шли на заключительное заседание суда, просыпалось ясным, солнечным, чудесным. Природа ликовала. В бледно-розовом свете утренних лучей рождался новый день... С кем же захочет остаться ребенок?

Оставались минуты до судебного разбирательства.

Обессиленный мальчик представлялся подбитой птицей среди взрослых людей, переполненных нервной энергией, одержимых негодованием. Ребенка перетягивали, словно канат. Нескладно и тяжело.

Для парнишки кончалось счастливое детство. Там, в другом городе, остались привычные школа, книги, одежда, инструменты, велосипеды, даже «Москвич». Но какой закон ради них оправдает воровку, совершит попрание истинных прав матери, которая не

отрекалась от сына, а выражает единое целое с ним, хоть и менее удачливое материально?

Детская интуиция беспомощна. Как поступить? Не разочаруется ли Максим бедностью и многодетностью новой обретенной неожиданно семьи?

Однако долговечен ли будет, допустим, его покой теперь у Валентины, если он узнал, что верные родители другие, а эти — вероломные? Не вспыхнет ли тотчас в пробудившемся разуме и сердце парня трагедия обманутого доверия?

Народному суду предстояло все взвесить, решить. Заинтересованные в исходе дела участники процесса ждали приговора с невыразимой тревогой.

Настоящая родительница возмущенно и безоговорочно тащила сына к себе, но и лжемать агрессивно, схватив мальчика за руку, не уступала его. А Максим растерянно смотрел то на одну, то на другую.

Максим проснулся в полной тревоге. Еще вчера, укладываясь спать в теплую постель, нагретую через окно лучами заходящего солнца, у него появилось желание утром вообще не просыпаться. Давил подсознательный страх.

Нервозность и задрганность, которые он испытал в последние дни, перерастали в манию преследования. Сосредоточив сознание на этой грустной идее, ему хотелось сбежать от взрослых на край света. А когда Максим уснул в новой обстановке, его охватили мучительные кошмары: кто-то душил, давил, убивал.

Сейчас, проснувшись, мальчику требовалось успокоиться. Уловив стрекот пищащей машинки, исходивший из кухни, Максим сообразил, что это работает «на дому» его новая мама — Света.

Его слепо обожали. А что ждет здесь? Максим сволок с лица одеяло. Осмотрел комнату в утреннем свете. На соседней кровати сладко похрапывал десятилетний новоявленный братишка Денис. Младшую годовалую Верочку, похоже, уже отвезли в ясли.

Его обязанностью, конечно, станет барахтаться с сестренкой. И надо готовиться к новой школе. Всколыхнулись притупленная боль и острота потери прежнего ребячьего уклада. Сознанием понимал, что надо жить с настоящими родителями, а незрячее сердце надсадно тянулось к бывшему, к друзьям, к собственной ухоженной, отдельной комнатке, к атрибутам состоятельного мальчишеского быта с мечтательной карьерой и надежной фортуной...

ВЕРСИИ, ВЕРСИИ...

**ВЕРСИИ,
ВЕРСИИ...**

РАССКАЗ

РЕСТОРАН

Лейтенант милиции Петров последним торопливо вошел в кабинет начальника отдела транспортной милиции. Лицо молоденького оперативного уполномоченного уголовного розыска еще сохраняло ту улыбку, с которой он только что выслушал каламбур своего напарника по служебной комнате большого остролова капитана Бушуева.

Полковник милиции Сомов строго обвел собравшихся взглядом из-под мохнатых бровей, и лицо Жени Петрова стало подчеркнуто серьезным.

— Приступим к делу, — пробасил Георгий Митрофанович, — кому предоставим слово по сообщению об убийстве?

— Разрешите мне, — встал следователь Шаров, поправляя гражданский костюм. — Осмотр места происшествия произведен, считаю, тщательно. Он показал, что первые удары потерпевшему нанесены по голове металлическим прутом в районе сотого километра, у третьего пикета.

В бессознательном состоянии, в горячке, тяжелораненый молодой человек прополз метров двести, спустился с насыпи и оказался у домика дорожного мастера. Но постучать не смог: не дополз до двери. Стальной прут мы нашли в лесопосадке. К нему прилипла варежка, измазанная креозотом. Рукавичка, видно, соскочила с руки убийцы.

— Осенью в варежках! Личность потерпевшего установлена? — обратился полковник к начальнику уголовного розыска Николаю Васильевичу Спиридонову.

— Так точно. Виктор Варгалов, двадцати трех лет. Живет в селе Яшково, в двух километрах от железнодорожной будки. Работник совхоза. Как сказала его мать, — вечером ушел искать корову и не вернулся.

— Подумаем о причине убийства. Мечь, грабеж или еще что? — вслух размышляя, Сомов тяжело обвел всех выразительным взглядом. Он приглашал принять участие в разгадке мотивов преступления.

— Много неясного. Если исходить опять-таки из показаний его матери, то при Викторе были часы «Полет» и двенадцать рублей. Деньги он получил от учительницы Ганичевой за продажу килограмма сливочного масла. Ганичева это подтвердила. Истратить деньги Виктор не мог. Было поздно. От нее он и ушел искать скотину. Ни часов, ни

денег у погибшего не оказалось. — Начальник уголовного розыска перелистывал протоколы допросов. Потом спохватился. — Да, вот еще что.

— Ну-ну, — Сомов внимательно слушал.

— В носке убитого мы нашли валюту, доллары.

— Час от часу не легче. Это уже по части ОБХСС... Новая загадка, для очередной версии, десятой.

— Их тут можно и больше составить, — в тон начальнику отдела проговорил Спиридонов.

— Так, а что это за масло, — снова поинтересовался Сомов, — откуда оно?

— Потерпевший держал двух коров. Молочные продукты продавал, причем втридорога. Покупательницей масла всегда была Ганичева.

— Что выяснили о характере Варгалова? — Сомов помял в руке сигарету, но, вспомнив строгие указания врачей, а еще пуще — запреты жены, раскрошил ее пальцами и выбросил в пепельницу.

— Вообще-то, убитый многими характеризуется, как скрытный, прижимистый, никогда ни с кем в деревне не ссорился. Врагов не имел. Увлекался накопительством. Но пришлось слышать и другое мнение о нем односельчан. Варгалов, мол, был рачительный хозяин, не жадный. Всегда мог выручить соседа и деньгами, и участием в физическом труде. Берег каждую копейку, потому что были планы и жениться, и автомашину заиметь. Не курил, не пил. Сельхозтехникум заочно кончил. С умом был парень. Заботился о матери. Та в нем души не чаяла. У нее еще есть два сына и дочь, но те живут отдельно, своими семьями. Виктор у нее младший.

— А кем он трудился в совхозе?

— Помощником главного бухгалтера. По образованию — экономист.

— Сколько лет его матери?

— Без малого семьдесят. Имеет орден за примерную работу на ферме. Давно на пенсии, но часто подменяла заболевших доярок. Виктор был полновластным хозяином в доме.

— А дом-то большой?

— Из двух комнат, изолированных друг от друга, и кухни. Старуха рассказывала, что в молодую жизнь сына не вмешивалась. Его желание жениться на библиотекарше Зинаиде Часовниковой одобряла.

— Значит, появляется еще одно действующее лицо?

— Точно. Замешивается женщина.

— И большая любовь?

— Похоже.

— А если подробнее?

— По этой части допрошены многие в селе. Картина вырисовывается такая. Начали встречаться молодые с полгода назад. Зинаида частенько приходила к жениху в гости. Окончила три года назад культпросветучилище. Получила направление в Яшково, поселилась в хатке одинокой старушки, уборщицы сельского Совета, Марии Филипповны Морозовой. Она допрошена. Говорила, что последнее время Виктор дневал и ночевал у Зинаиды. Это естественно. Влюбленные вот-вот собирались зарегистрировать брак. Якобы, откладывали до ноябрьских праздников. Мария Филипповна отозвалась о Зинаиде вполне тепло и положительно. Но намекнула, что у Зинаиды женихи водились до Виктора. За одного даже чуть не вышла замуж. По возрасту Часовникова ровесница Варганову.

— Ну, а теперь — что с Зинаидой? Где она?

— Тут главная загвоздка. В тот день, перед гибелью Варгалова, она оформила себе отпуск и выехала, якобы в Сочи. К морю. Сделала это спешно и скрытно от Виктора. Хозяйку квартиры Морозову просила об ее отъезде никому не говорить.

— С чего бы это? — Сомов встал из-за стола и прошелся по кабинету. — Какие бы мы версии ни строили, без допроса Зинаиды не обойтись. Похоже, в ее отъезде что-то кроется.

Зазвонил телефон. Сомов поднял трубку и услышал голос своего коллеги из областного ОБХСС полковника Николаева. Оказывается, его подчиненные тоже уже побывали в Яшково на месте происшествия. Встревожила их обнаруженная у покойного валюта.

— Самое интересное вот что, — зарокотал бархатным сопрано начальник ОБХСС, — в доме, где квартировала Часовникова, найден загадочный импортный портфель. Хозяйка дома Морозова заявила, что впервые его видит. Портфель пришлось открыть. Он оказался набитым заграничными вещами. Там были трое вельветовых джинсов, разного цвета, десяток ковбоек, легкая куртка на молнии, кроссовки и парфюмерия. Все это явно готовилось к продаже. Так что, дело об убийстве Варгалова непростое. В Яшково, похоже, эти дни гулял

фарцовщик. И как бы он ни приезжал к Зинаиде Часовниковой. Подозрения такие есть.

— Хозяйка ничего не скрывает?

— Она, похоже, действительно, портфель не видела. Зинаида могла остерегаться хозяйку и все делать тайно, — ответил полковник Николаев.

— Но ведь у Зинаиды был жених и очень приличный. Чего же ей не хватало?

— Зинаида, конечно, не могла приютить у себя первого встречного. Думаю, в село пожаловал ее настоящий «хозяин». Словом, если появится в вашем поле зрения Часовникова, дайте немедленно нам знать. И мы допросим беглянку.

Положив телефонную трубку, Сомов покрутил седой головой: неужели в Яшково залетела крупная птица? Но не мог же фарцовщик прикончить Варгалова? Ради чего? Впрочем... А если у Зинаиды был роман с кем-то, о чем не догадывался Виктор?.. Но ведь свадьба у нее с Варгаловым намечалась реально. И в то же время она была связана с фарцовщиками и помогала им сбывать «трофеи»? Могла ли беглянка втянуть в это дело Виктора? Отчего он впоследствии пострадал?

Вслух Сомов произнес:

— Видать, есть связь между найденной валютой у погибшего, обнаруженным портфелем импортных тряпок и исчезновением Зинаиды. В общем, запутанное дело, тут наскоком не возьмешь.

Сомов прокомментировал сотрудникам то, что услышал от начальника ОБХСС полковника Николаева, и подвел итоги:

— На помощь отдела ОБХСС мы можем рассчитывать... Нельзя исключать возможность убийства не только с целью мести или заурядного грабежа, но и по другим соображениям. Какие будут планы начала расследования?

— Разрешите мне, — смущаясь и робея, поднял руку розовощекий Женя Петров.

— Слушаем вас, Евгений Макарович, — Сомов любил всех называть по имени и отчеству и на «вы». Но молоденького оперуполномоченного это еще больше смутило.

Новая форма, тщательно отутюженная, ладно сидела на его высокой, стройной фигуре, а только что начищенные в хозяйственном уголке сапоги резко пахли ваксой.

К Петрову у Сомова была не только особая симпатия и отцовское внимание, но и строгость. Он приходился ровесником его сыну, Лешке, который часто до службы в армии заглядывал в кабинет к отцу. Сейчас Алексей выполнял интернациональный долг в Афганистане. Об этом знали все в отделе.

Петров вытянулся в струнку и произнес:

— Надо браться за варежку. Она принадлежит убийце и должна привести к нему. Это серьезная улика.

— Дельная мысль, — оживился Георгий Митрофанович. — Очень хорошо. Правильно.

Любуясь атлетической фигурой молодого лейтенанта, полковник вспомнил вчерашний разговор с секретарем отборочной комиссии подполковником Тумановским. Речь шла о поступившем заявлении от Петрова с просьбой принять его кандидатом в академию МВД: «Не рано ли? Не мешало бы проверить лейтенанта на каком-нибудь серьезном поручении». Сомов распорядился:

— Евгений Макарович, займитесь лично вы этой варежкой. Будем считать одной из версий, что она принадлежит убийце. Поиски владельца варежки начните с опроса жителей села Яшково, ближайших к нему деревень. Обязательно побеседуйте со сторожами ночной смены. В совхозе немало объектов с вечера охраняется. Разыщите нужных путейцев. Узнайте, кто в тот день из них проводил осмотр железнодорожного полотна. Словом, нужно на этот счет раздобыть побольше сведений. Попытайтесь расположить на откровенный разговор жителей сторожки, куда раненый приполз Варгалов. Может быть, он все-таки взывал о помощи, но ему побоялись открыть дверь? Жильцы могли смотреть в окно и что-то видеть. Для нас все важно. Конечно, будем отрабатывать и другие версии. Об этом побеспокоится Николай Васильевич Спиридонов. Одновременно нужно узнать, с кем в селе дружил Виктор, не было ли у него скрытых недругов, надо продолжать устанавливать адрес библиотекаря Часовниковой. Но и прочие по ходу дела.

— Есть данные, — заметил начальник уголовного розыска, — что Виктор своей невесте в последние дни подарил много золотых безделушек, таких, которых в наших магазинах не купишь: значит, приобретал или у спекулянтов, или покупал в «Березке».

— Опять валюта... Но где Варгалов мог доставать доллары? От такого щедрого жениха и вдруг укатила невеста! Сдается, валюта,

невесть откуда попавшая к Виктору, и сгубила его, — подытожил Георгий Митрофанович.

2

На полустанке электричка, в которой вечером ехал Петров, сделала минутную остановку, предписанную расписанием. Евгений ловко спрыгнул с подножки вагона. Зашуршала под его ногами мелкая мазутная щебенка. А электропоезд уже понесся дальше, и вот уже мелькнул огоньками последний вагон и скрылся за поворотом, словно нырнул в лесную чащу.

Петров с детства любил грохот поездов на железной дороге, серьезных проводников пассажирских вагонов. Может быть, это и определило выбор профессии. После успешного окончания Могилевской средней специальной школы транспортной милиции он тоже стал железнодорожником — охранял порядок на стальной магистрали. Старался бдительно нести службу, обеспечивая сохранность грузов и безопасность пассажиров, которые мелькали в окнах вагонов: ехали отдыхать или трудиться. Итак, утром следующего дня Петров приступил к работе. Сотрудников милиции нередко называют математиками. Это, пожалуй, верно. Им приходится без арифмометра, в уме, решать задачи со многими неизвестными, доказывать сложные теоремы. В них есть икс, игрек и другие величины. К примеру, кто убийца, что толкнуло преступника на злодеяние, какие и где можно найти улики?..

Евгений решил сначала навеститься к матери погибшего. Хатка у Варгаловых скромная. Однако большой двор, со множеством сараев, а жилое помещение состояло из кухни да двух изолированных, чисто оклеенных обоями комнат, одну из которых занимал сам Виктор, вторую — его мать.

Старушка была дома. Она вытащила из-под фартука, одетого поверх фуфайки, платок и вытерла глаза.

— Знаю, что вас уже беспокоили. Извините, но требуется еще раз побеседовать. Да и вот эту рукавичку вам предъявить. Сами понимаете — такое дело в одночасье не решить. Раскрывают это преступление многие сотрудники милиции.

Долго беседовал с матерью потерпевшего Петров и вышел от нее убежденный, что после убийства преступник побывал в комнате Виктора. «Слышала шум, шаги, думала сын вернулся». Подтвердила мать, что сын собирал деньги на свадьбу и на машину, но где Виктор их хранил, она не знала. Требовалось установить: исчезли они или нет? Но решить эту задачу не представлялось пока возможным. Мать не знала ничего и о том, откуда у Виктора появилась валюта. Никаких незаконных сделок он с иностранцами и спекулянтами не совершал. В этом она была твердо уверена.

Распрощавшись с Варгаловой, Петров стал обходить дом за домом этого села. Он как бы между прочим, в беседе показывал людям рукавичку, изъятую с места происшествия, и спрашивал: «Не знаете чья?». Никто, как и мать Виктора, ее не опознал и о ней ничего не знал или не хотел говорить.

Ночевать лейтенант остался у директора школы. Среди ночи его разбудил стук в окно. Петров вышел на улицу. Там стояла Варгалова.

— Соколик, — обратилась она, а ведь я узнала, чья та варежка. — Кольки Голубенко...

— Не ошибаетесь?

— Зачем же? Напрасно не скажу. Дело ясное. Приходила ко мне полчаса назад соседская девушка Таня Степкина и все разъяснила. Ее подруга — Ольга — встречалась с Николаем Голубенко и сама ему связала, вышила и подарила.

Лейтенанта новость весьма взволновала.

— Спасибо, Дарья Матвеевна. Теперь идите домой. Остальным я сам займусь. А Голубенко этот сейчас где будет?

— Дома, небось, дрыхнет. Недавно вернулся: отсидел срок. Теперь скотникам на ферме помогает.

...Петрова даже залихорадило. Не дожидаясь утра, он позвонил на квартиру Сомову. Хотелось доложить начальнику важные сведения.

Георгий Митрофанович проснулся от того, что у изголовья, на столике залиvisto трезвонил телефон. Не вставая с кровати, он дотянулся до телефонной трубки и услышал взбудораженный голос оперуполномоченного Петрова. Тот спрашивал, как ему теперь быть.

Сомов спросонок особенно густым басом ответил:

— Возьми двух депутатов сельсовета и поутру сделай обыск у этого Голубенко. И если найдешь улики — доставляй его в отдел. В

любом случае Николая нужно тщательно допрашивать. Не только про vareжку, но и про валюту, заграничные тряпки и так далее...

3

Голубенко с мутными глазами сидел на завалинке у своего дома.

— Привет, Николай, — непринужденно издали приветствовал Евгений парня и, беспечно посвистывая, стал подходить к Голубенко.

Николай, похоже, был после крепкого похмелья: лицо заплыло, волосы не причесаны, неприлично одетый. На незнакомца в чистеньком костюмчике он готов был плюнуть, но ограничился тем, что огрызнулся:

— Да пошел ты...

— Э, куда я не пойду, — невозмутимо заметил лейтенант, — а вот ты почему угрюмый?

— Проваливай, любопытный.

— Ух, совсем дела плохи... Я из милиции, Коля!

Голубенко тряхнул кудлатой головой, весь встрепенулся и с интересом прочитал из рук лейтенанта его удостоверение. Потом в минорном тоне спросил:

— Чиво надо?

— Рукавичка твоя вот эта?

— Ну-у. — Не раздумывая, согласился Николай, потрогав ее.

К дому Голубенко подходили два депутата сельсовета.

— Придется сделать обыск, пойдём в хату.

— Шмон, стало быть, ну... шуруй.

Когда сотрудник милиции и понятые вошли в дом, то на столе увидели следы попойки. В комнате стоял спертый воздух, замешанный на крутом запахе самогонки. Под лавкой валялись пустые бутылки, половицы были устланы крошками хлеба, рассыпанной солью. Все это хрустело под ногами. Стол завалили объедки огурцов, селедки, лука, картошки.

В комнате можно было задохнуться.

На сундуке, без всякого камуфляжа, лежала, словно напоказ, рукавичка точно такая же, какую держал в руке Петров. Других улик в хате Голубенко Евгений не нашел.

— Согласен, что взятая у тебя с сундука варежка, парная вот к этой? — спросил Петров у Николая.

— Ну.

— Тогда собирайся, поедешь со мной в город.

Через час они были в отделе милиции.

— С кем вчера пьянствовал? — в присутствии Петрова допрашивал Голубенко следователь Шаров.

— А что?

— Отвечай на вопрос. Здесь с тобой не в бирюльки играют. Убит человек. Ты знал Виктора Варгалова?

— Ну! — опять «нукнул» Голубенко.

Участковый инспектор Фролов дал такую характеристику Николаю Голубенко:

— Своровать может. В этом деле он мастак. И брат его такой же — до сих пор сидит, а этот с полгода как освободился. Оба «срок» получали. Вдвоем таскали из совхозного хозяйства поросят и сбывали в соседних селах. Но прикончить человека — Николай не осмелится. Это не в его правилах. Убил Варгалова кто-то другой. Впрочем, чем черт не шутит, когда бог спит. В компании с кем-нибудь мог спьяну участвовать.

В селе люди более определенно защищали Голубенко: не он.

Однако факты говорили о другом. Главная улика — рукавичка, принадлежала Николаю, и поэтому допрос делали ему тщательный, детальный.

— Где ты был в тот вечер, когда погиб Варгалов? — спрашивал Шаров.

— Не помню.

— Уже забыл? — воскликнул темпераментно Петров.

— В клубе, кажись, кино смотрел.

— Какое, если не секрет? — Это Шаров задал вопрос.

— «Человек-амфибия» вроде. Что я помню? Башка и без того трещит.

— С кем был в клубе? — опять отрывисто и громко произнес Петров.

— Один.

— Ты оставил на месте происшествия а тот вечер свою визитную карточку — варежку. Это что, после кино или до? — спросил Шаров.

— Чиво? — неподдельно удивился Николай.

— То самое. Выходит, ты причастен к «мокрому» делу. А говорили в селе, что ты только на кражи способен. Так что, не до конца тебя знают. Придется арестовать вашу светлость, — резюмировал Петров.

* * *

От последней фразы Голубенко встрепенулся, словно проснулся. Губы затряслись, голос задрожал, глаза увлажнились.

— Зачем шьете, кто сделал мокруху, того и цепляйте. Чиво захотели?..

Николай повесил голову, зашмыгал носом, по щекам потекли ручейки слез. Видно, тяжела для него была даже мысль о лишении свободы.

Он вытер рукавом глаза, нос и снова заскулил:

— Не убивал я. Зинка Часовникова подтвердит. С ней я в тот вечер смотрел картину в клубе.

— Вот это врешь, — запротестовал Петров, — она еще днем уехала в отпуск, на автобусе.

— Чиво? Ее на следующее утро на станцию повез на мотоцикле какой-то мужик...

— Кто такой? — Шаров даже приподнялся, ожидая ответа.

— К Зинке приезжал старый ухажер. Мишкой зовут.

— Выходит, Зинка и ночь с ним была? — заметил Петров.

— Они ночевали на сеновале у меня!

— Вот как? А мотоцикл чей? — в один голос спросили следователь Шаров и оперуполномоченный Петров.

— Не знаю. Мишка на нем приехал в Яшково.

— А пьянствовал ты в тот вечер с кем?

— Пришли из клуба и похмелились немножко, Зинка и Мишка полезли ко мне на чердак спать, а я еще с одним корешком выпил. Мать моя в отъезде, я один, чиво не выпить.

— Ну, а рукавичку почему на месте убийства нашли?

— Чиво?

Николай больше нукал и чивокал. Однако утверждал, что Варгалова в тот вечер не видел, но знал, что Зинка от Виктора скрывалась с прежним кавалером у него на сеновале, а хозяйка Зинкина

считала, что ее квартирантка уехала. Голубенко описал приметы заезжего.

4

— Мое мнение, товарищ полковник, — арестовывать надо Голубенко, — решительно сказал Петров. — Его нужно непременно и срочно задержать. Может быть, не он убивал в прямом смысле, но без его участия не обошлось. Разрешите выписывать протокол?..

— Так уж сразу, — Сомов сам уже дважды беседовал с Голубенко. Успел съездить и на место происшествия, и в село Яшково. Подозреваемый Голубенко вызывал у него двойственное чувство. Полной уверенности в вине Николая не было. Казалось, кто-то действовал за его спиной, прикрываясь им. Но лейтенант пытался доказать обратное.

Сомов слушал Петрова, сам анализировал и задумчиво смотрел в окно. Сентябрьский день стоял дождливый и ветреный. Тучи низко плыли над городом. Косые линии дождя хлестали по стеклу, ветер лепил к нему желтые листья.

— Евгений Макарович, вы обратили внимание на то, что Зинаида еще целую ночь, после убийства Варгалова оставалась в Яшково? А вы доложили, что она вечером за несколько часов до убийства Виктора уехала из села. Точнее надо работать. Это важная деталь. И еще вот что, Шерлок Холмс. На следующий день после убийства Варгалова Николай бегал по соседям и занимал деньги на сигареты. А ведь деньги-то у него должны были быть, если он обчистил Варгалова. Сумма крупная все-таки у Виктора из квартиры пропала. Тот, кто залез в комнату к Варгалову, наверняка знал, где деньги у Виктора хранятся. А полными сведениями об этом могла располагать Зинаида... Что это за тип Мишка? Установили досконально?

— Так точно. Фамилия Ерепанов. Три года назад шабашничал в Яшково: строил дом председателю. Тогда познакомился с Часовниковой. Это рассказала хозяйка Зинаиды. Когда же Часовникова умотала из села, до убийства Варгалова или после? Сам запутался. Морозова говорит, что Зинаида отправилась в город, якобы, автобусом. Ей нельзя не верить. А Голубенко твердит, что ее отвез на мотоцикле

некий Михаил, причем уехала Зинаида на следующий день после убийства, а ночь провела со старым женишком у Николая на чердаке...

— Красивенький кроссворд. Так сколько дней жил этот Ерепанов в селе? И где ночевал? У Голубенко?

— У него только последнюю ночь. А до этого у заведующей магазином. Якобы этот Мишка отбывал наказание вместе с мужем продавщицы Сальниковой.

— Значит, Зинаида — старая подруга Ерепанова, — в задумчивости произнес полковник. — Он что, со шрамом?

— Со слов Голубенко, у Ерепанова есть рубец на правой щеке.

— С Николаем он не отбывал наказание?

— Нет. Голубенко-младший был в детской колонии, а вот со старшим братом — отбывал. Тот до сих пор в местах лишения свободы.

— Не был ли Николай посредником между Зинаидой и Ерепановым? Не организовал ли им встречи в тайне от Варгалова? Во что бы то ни стало нужно разыскать Зинаиду. Похоже, эти заграничные тряпки ей в комнату доставил Мишка. Он же и обладатель валюты. Но как Мишка «поделился» этими долларами с Виктором? За какие услуги он мог дать их Варгалову, причем перед самым убийством?

— Вряд ли мы найдем Часовникову, — усомнился Петров. — Она дикарем укатила или в Крым, или в Сочи.

Помолчав, начальник продолжал:

— Допустим такую версию: старший брат Голубенко, с которым отбывал срок Ерепанов, из переписки с Николаем узнает, что Часовникова вот-вот выйдет замуж за Варгалова. Делится этой новостью с Михаилом. Тот, скорее всего, не освобождается, а делает побег и приезжает навести справки в Яшково. Пока добирался до села, обворовал какого-то иностранца — вот тебе и тряпки, и валюта. С ними он и заявился в Яшково, по пути угнав мотоцикл. Оставил портфель с дефицитом у Зинаиды...

— Ну, а с какой стати Ерепанов мог поделиться валютой с Варгаловым? — недоумевал Петров.

— Это нам пока не ясно. Точно одно: вместе с Зинаидой уехал и Михаил. Думаю, что оба они в городе, Ерепанов может дать еще не одно происшествие...

— Я как-то сразу об этом не подумал, — сконфузился Петров. — Но вполне такое может быть...

— Значит, поступим так. Завтра на работу не выходите. Даю однодневный отпуск. Побродите по городу. А заодно думайте над раскрытием убийства Варгалова. Наша работа, кстати, такая же творческая, как и у писателя или композитора. А Николая Голубенко отпустите. Задерживать его пока нет оснований.

— А рукавичка? — удивился такому решению Петров, — путанные объяснения, разве это не улики?

— Пока косвенные. А кто такой «Меченый» — так его назовем — очень важно докопаться. Вот читаю в протоколах допросов свидетелей: «Элегантно одетый, новенький костюм, модные туфли, импортный плащ, шляпа». Сбежал из колонии и при таком наряде. Значит, воровал. И в село заявился свести счеты с Варгаловым. Причиной убийства может быть месть. Ерепанов осмелится и Зинаиду где-нибудь пристукнуть. Угроза для нее реальная от такого матерого зверя. Дорого ей могут обойтись шашни. Так что действуйте. Вы свободны. Позовите Спиридонова. Для угрозыска тоже есть задание.

5

Николай Васильевич Спиридонов доложил Сомову:

— Часовникова обманула односельчан, что ушла в отпуск. Как сообщили в областном отделе культуры, она взяла полный расчет. Сослалась на то, что выходит замуж и срочно выезжает к будущему супругу.

— Зачем ей понадобился такой финт? Догадываешься?

— Думаю, она причастна к преступлению, — ответил майор.

— К самому убийству? Вряд ли. А вот место, где хранил деньги Варгалов в своей комнате, она подсказала Ерепанову. Ее нужно разыскивать так же, как и «Меченого». Составьте ориентировки и на нее. Да побыстрее отправьте. Откуда она родом, установили?

— Ее мать живет в Бердянске Запорожской области. Культпросветучилище кончала наше. Три года назад. Тогда же приехала по направлению в Яшково.

— Так, так. Значит, хозяйке сказала, что едет отдыхать в Крым или Сочи? Замечает следы. Направляйте сегодня самолетом оперативную группу в Бердянск. Там может быть и «Меченый». Кстати, сообщение пришло из Воркуты. Ерепанов, он же Федоткин, он же Смоляной, по

прозвищу «Алмаз», бежал из мест лишения свободы месяц тому назад. Как мы и предполагали.

— «Меченый», или «Алмаз», может еще находиться в городе...

— Ловушки для него поставили?

— В Яшково, в доме, где жила Зинаида, устроена засада.

— Правильно. Они могут вернуться за портфелем с импортными шмотками. И в городе тоже установите наблюдение за всеми значными местами.

Полковник Сомов был уверен, что «Меченый» еще в областном центре. Не давала покоя найденная у убитого Варгалова валюта. Не втянул ли его в свою компанию приезжий Ерепанов? С одной стороны, это могло случиться — Виктор был жаден до денег, с другой — исключалось — он вел честный образ жизни, ни в чем предосудительном не замечался односельчанами. В быту был скромнен, честно и старательно трудился.

Одна из версий все-таки была такая: Варгалов совершал противозаконные валютные сделки, это и послужило причиной его убийства компаньонами. Часовникова тоже оставалась загадочной фигурой. В убийстве Варгалова ей отводилась неприглядная роль. В одной из версий она предполагалась соучастницей нападения на Виктора. Отрабатывалось и такое предположение: в убийстве Варгалова принимал участие и Голубенко. Один он совершить преступление не мог. Это было ясно и Сомову. Что касается Петрова, то ему чудился Николай настоящим убийцей.

Словом, версий было хоть отбавляй. Имелась еще вот какая: портфель с импортными вещами «Меченый», выкрал у какого-нибудь попутчика-иностранца. Таким же образом приобрел и валюту. Следовательно, есть жертва среди гостей-иностранцев.

Георгий Митрофанович попросил Спиридонова:

— Свяжись с соседним УВД на транспорте, не было ли у них на дорогах пропажи вещей у граждан из других стран. А я проинформирую МВД.

Утром следующего дня Петров зашел в отдел лишь затем, чтобы передать своему товарищу капитану Бушуеву ключ от сейфа и один

документ, требующий срочного исполнения.

— О, кстати, — встретил лейтенанта восклицанием коллеги, — тут по коридору где-то ходит, мается твой подопечный.

В это время открылась дверь и на пороге появился Николай Голубенко. Одет он был в новенький плащ, виднелся свежий воротничок сорочки, на ногах блестели начищенные полуботинки.

— Ты так нарядился, точно собрался на собственную свадьбу, — сказал парню словоохотливый капитан.

— В чем дело, — спросил лейтенант Петров в свою очередь, — зачем приехал? Я тебя пока не вызывал.

Николай хмуро молчал, ковыряя у себя под ногтями.

За него ответил Бушуев:

— Как это зачем приехал? С повинной явился. Раскаяться решил. Угадал, Николай?

Капитан с нарочитой серьезной одобрительностью похлопал Колю по плечу, как бы говоря: «Одобряю раскаяние».

— Это так? — переспросил Петров.

— Ну... — неожиданно согласился Голубенко.

— Тогда, надеюсь, расскажешь все по порядку.

— Ну, — утвердительно кивнул Николай.

У лейтенанта аж затряслись руки от долгожданной удачи. Он быстро составил протокол явки с повинной и буквально помчался к полковнику. Мысли его были самые радужные: «Ну вот, а Сомов не верил! Я же печенкой чувствовал, Николай убил Варгалова. Что ни говори, а рукавичка — это настоящая улика».

— Все в порядке, товарищ полковник. Читайте протокол явки с повинной Голубенке Это он прикончил Виктора. Что и требовалось доказать...

Самые напряженные минуты у работника милиции те, когда он от подозреваемого с помощью улик добивается признательных показаний. Позади отработанные десятки версий, сотни допросов жителей сел, сторожек, железнодорожников, множество опознаний, очных ставок, обысков, засад и, наконец, успех — зрелые плоды опыта, знаний, профессиональных навыков.

«Преступник не только изобличен, — думал Петров, — но и добровольно пришел в милицию, чистосердечно во всем признался». Лейтенант готов был бить в литавры, празднуя заветную победу.

А Сомов, словно в пику лейтенанту, воспринял новый доклад до обидного мрачно, без эмоций и всякого энтузиазма. Бегло прочитав протокол допроса Голубенко, полковник вернул его лейтенанту и с сожалением в голосе произнес:

— Увы, Евгений Макарович, это не то, что нам нужно, — затем, пристально посмотрев в глаза оперуполномоченному, баском добавил, — мое задание остается в силе. Идите гуляйте, а заодно поищите настоящего убийцу... в городе. Загляните к Николаю Васильевичу Спиридонову, он уточнит поручение. А Голубенко отпускайте. Это мое категорическое указание. Отберите у него подписку о невыезде и не задерживайте парня ни одной минуты. Кстати, понаблюдайте, не будет ли он с кем-нибудь в городе встречаться...

— Но ведь он признался в убийстве?

— Потом во всем разберемся.

7

Петров вышел из кабинета Георгия Митрофановича подавленный, ничего не понимая. После беседы с начальником уголовного розыска настроение тоже не улучшилось: Спиридонов разделял точку зрения Сомова. Лишь посоветовал лейтенанту взять личное оружие и «потопать ножками».

Покидая отдел внутренних дел на железнодорожном транспорте, Петров раздосадованно посмотрел на удаляющегося по улице Голубенко. «Упустили убийцу», — горько хмыкнул он.

Но делать нечего, Петров, выждав несколько минут, направился за Голубенко. В городе наступил обеденный перерыв, трудовой народ из учреждений выплеснул на улицу, битком заполнив тротуары, и Петров потерял из виду своего «путеводителя».

Но Петров был уверен, что в городе встретится с Голубенко. Евгений подумал: «Не зря Голубенко приоделся. Выходит, парень не сомневался, что после признания в милиции его не задержат. Значит, приход в отдел внутренних дел с повинной — это комбинация. Но до нее сам Голубенко не мог додуматься. Следовательно, Николая кто-то опытно инструктирует. Евгений начинал догадываться кое о чем... Ему

стало стыдно за ту настойчивость, с которой он требовал задержания Голубенко. «Что обо мне подумает полковник?»

...В городе совсем стемнело. И когда лейтенант крепко забеспокоился, считая, что упустил Голубенко, в эту самую минуту на освещенной центральной улице Петров увидел знакомую фигуру Николая. Тот входил в ресторан «Восток».

Теперь в сотрудики уголовного розыска вовсю заговорило профессиональное чутье. А между тем намаженный Голубенко скрылся за дверью питейного заведения. Не раздумывая, Петров направился туда же.

Голубенко снял плащ, подошел к большому зеркалу, поправил ворот рубашки. Затем лениво, вразвалочку направился в большой зал ресторана, к угловому столику с хорошим круговым обзором. За ним уже сидел вполоборота к выходу кряжистый, сутулый мужчина лет тридцати в кожаном импортном пиджаке. Его впервые видел лейтенант.

Петров заметил, что незнакомец лишь старался подчеркнуто спокойно и независимо ковырять вилкой в тарелке. На самом деле он хищнически, заинтересованно осматривал каждого входившего в зал. В левой руке мужчина держал фужер с вином. На пальце поблескивал внушительный перстень. Из-под кожаного пиджака показывался яркий пуловер. Все по моде. Все с иголочки.

Оперуполномоченный присел за соседний столик так, чтобы не оказаться в поле зрения Голубенко, но и не скрываться от незнакомца. Тот скользнул взглядом по нему и отвернулся. Он пил мелкими глотками вино и закусывал. Кивком головы поприветствовал Николая. Время от времени посматривал на входную дверь.

Только сейчас Петров заметил, что окно перед сутулым открыто, занавеску пузырил ветерок. Незнакомец, видать, не всегда пользовался дверью, когда надо удирать.

Евгений принял беспечный вид, рассматривая меню.

Ярко накрашенная официантка поправила у зеркала высокую прическу и пошла к угловому столику. Похоже, она в сутулом клиенте угадала щедрого и богатого посетителя, поэтому обслуживала вне очереди. Незнакомец заигрывающе подмигнул красавице в роскошном фартуке.

— Что будешь пить, — спросил скрипучим голосом незнакомец у подсевшего к нему Голубенко. Тот молчал, потом отрицательно покрутил головой.

Сутулый помог официантке собрать на поднос посуду, положил ей в руку несколько купюр, сжал девушке пальцы, как бы говоря, что сдачи не надо. Та состроила ему благодарные глазки.

Получив расчет, официантка сунула деньги, не считая, в карман фартука и плавной походкой отошла от столика. Опять остановилась у зеркала.

Теперь только начался разговор между незнакомцем и Николаем. Сутулый не то простуженным, не то сиплым от природы голосом произнес речь:

— Все сделал, как говорил? Видишь — и не сунули в изолятор... Надо знать милицию. С мое повидашь — научишься. Ну, так как все сделал?

— Ну...

— «Ну» да «но», — передразнил сутулый, — натуральное шампанзе. Как тебя только земля держит... Натурально.

Голубенко нервно заерзал на стуле:

— Меня-то держит. А вот тебя. Я-то взял все на себя...

— Тихо, тихо, попридержи нервы. Зинку видел?

— Она ж с тобой уезжала.

— Дала деру, падла. Но я ее на краю света найду.

— В деревне ее нет.

— Туда она уже не заявится...

И вдруг Голубенко осмелел:

— Ну ты, Мишка, гад. Подвел меня под сто вторую, а сам чистенький. Да, видать, еще деньжат хапанул кусков десять. А мне пулю в лоб. Хорош гусь. Рукавичку у меня спер. Подбросил ее под «мокруху».

— Заткнись, гнида. Вот твоя доля, — сутулый двинул по столу плотный сверток, — и попробуй пикнуть. То же самое с тобой будет. Кто мне не нравится, тому я сам судья и исполнитель приговора. Натурально. Сегодня же ночью из Зинкиной комнатухи стащи мой портфель. Припрячь куда-нибудь. Там шмоток на пару кусков. Продай. Да не сразу. Выжди. Это тебе будет еще добавка, и эти деньги бери...

— Не-е, — упавшим голосом ответил Голубенко и сверток отпихнул от себя. От угроз сутулого парень враз сник.

— Привередничаешь! Сказал, тебе сидеть — и посидишь. То признавайся, то отрицай все. Не расстреляют и срок дадут условно. А

заживешь натурально. Но, если продашь — смотри. Последний раз предупреждаю.

— Где тебя искать, если надо будет посоветоваться?

— Я сам дам знать, — незнакомец встал, повернулся к выходу. Он был не просто сутулый, а горбатый. Петров увидел теперь и розовый шрам на бледной левой щеке. Сверток с деньгами лежал на столе. Голубенко опустил голову и всхлипывал.

«Вот он — убийца», — лейтенант выскочил из-за стола. Его теперь заметил Голубенко. Сотрудник уголовного розыска метнулся к парню:

— Он — Мишка? Быстро отвечай.

— Но-о...

— Забери со стола сверток и отнеси в отдел. Там жди меня.

— Ну-у, — еще раз хлопнул носом Голубенко и положил в карман деньги.

Петров со всех ног бросился за горбатым. Куда он мог держать путь? Конечно, на железнодорожный вокзал.

8

Евгений выбежал из ресторана. Через дорогу, на троллейбусной остановке, беспокойно топтался в плаще и шляпе «Меченый». Не успел Петров пересечь проезжую часть улицы, как тот исчез, сев в частную автомашину.

Лейтенант остановил такси и рванулся за горбатым, в сторону железнодорожного вокзала. Как хотелось лейтенанту иметь в запасе несколько минут, чтобы дать знать о себе в отдел. Но приходилось дорожить каждой не то что минутой — секундой.

Петров не ошибся. «Меченого» манили поезда. Он заскочил в станционный буфет, но тут же выбежал из него и устремился к высокой платформе. Там, готовая к отходу, стояла электричка. Горбатый заскочил в последний вагон и прытко пробежал весь электропоезд до первого вагона. За преступником стремглав несли Петров. Наконец убийца, тяжело дыша, сел у окна. Открыл его. Он любил открытые окна. За ними была его свобода. Но, видать, подходил воле конец.

Волнуясь, лейтенант навел темный зрачок пистолета на убийцу:

— Руки за спину. Вперед на выход, — крикнул лейтенант, не замечая, что поезд тронулся.

На ходу электрички, одним натренированным прыжком «Меченый» бросился в окно, головой вперед и вылетел из вагона. Секунда и он уже покатился под насыпь, в траву, к кустам орешника. Там начиналась зеленая зона пригорода.

Петров, не раздумывая, в профессиональном азарте, последовал примеру горбатого. Он прыгнул за преступником и чудом уцелел.

— Стой, стрелять буду, — закричал лейтенант, едва встав на ноги, и выстрелил вверх.

Несколько шагов отделяли «Меченого» от зарослей, а там — ищи ветра в поле. Петрову жутко было представить, что он упустит убийцу. В это время кто-то в электричке сорвал стоп-кран. Из остановившегося, заскрипевшего тормозами электропоезда высыпали пассажиры.

Двое из них — рослые парни — бросились наперерез бандиту. Они оказались на пути «Меченого». Слева от убийцы неизвестно откуда вырос железнодорожник в форменной фуражке и ярко-оранжевой безрукавке. Справа наступал на преступника с пистолетом в руке лейтенант Петров.

Назад дороги не было «Меченому». Как все обреченные люди, он хотел жить и надеялся на чудо. В выпученных глазах его металась искра: «Что же теперь делать?» Он судорожно искал малейшую возможность продлить время своего существования.

Окруженный, горбатый еще больше ссутулился и не знал, куда пятиться. Наконец, затравленно озираясь, он заметался в кольце людей. Расплата приближалась. В руках негодяя злое блеснуло лезвие финского ножа. Он полоснул им себе одежду, истошно захрипел: «Ну, стреляй, легавый! Чего ж ты...»

Убийца жестоко выругался.

Крупные плечи бандита конвульсивно дергались, руки тряслись. Оскал был похож на волчий, словно «Меченый» собирался загрызть любого, кто подойдет к нему.

«Неужели не возьму живьем?» — медленно продвигаясь к бандиту, тревожно думал лейтенант и для острастки трижды пальнул у него над головой.

Испытывая нервы гада, Петров еще один за одним разом пальнул над головой «Меченого». Последние два патрона он оставил и вправду для убийцы. Но тот не выдержал и поднял руки.

Доставив «Меченого» с помощью двух парней-друзинников в отдел внутренних дел на железнодорожном транспорте, Петров утомленный, но счастливый доложил полковнику, что задание выполнено.

Сомов улыбнулся впервые за эти дни и сказал что-то бодрое, веселое для лейтенанта, но тот от возбуждения не расслышал.

Затем полковник сам допрашивал «Меченого». Присутствовали начальник ОБХСС из областного управления Николаев и лейтенант Петров.

— Назовите свои фамилию, имя, отчество, возраст, — попросил Сомов.

— Ерепанов Михаил Евграфович. Наполовину Салтыков-Щедрин. 30 лет от роду.

— Запираться, считаю, нет смысла. Часовникова уже у нас и дала правдивые показания, Голубенко тоже. Портфель с заграничными вещами — вот он, — Георгий Митрофанович потряс им над головой. — Кому он принадлежит — тоже известно. Их владелец, с которым вы ехали в спальном вагоне поезда «Киев — Москва», Рудольф Гаупман в больнице поправляется. Естественно, может вас опознать. Так что, пока мы вас ловили, все о вас и узнали...

— Хмы! — неприятно передернулся бандит.

— Веровочка вьется, конец будет. Сколько раз судим, Михаил Ерепанов, он же Федоткин, он же Смоляной.

— Все понял, гражданин начальник. Четыре раза выслушивал приговоры народного суда. Разрешите на этот раз самому вынести вердикт, — высокими юридическими словами изъяснялся «Меченый» — есть большое желание выпрыгнуть из окна вашего кабинета. Все-таки пятый этаж. А внизу не соломка, асфальт. Сколько раз я нырял в разные форточки и фрамуги, а вот с пятого этажа никогда. Потому что тогда хотел жить, сейчас — нет.

— Это надо было делать раньше, до задержания и не из моего кабинета. С чего ж началась ваша скользкая дорожка?

— Пили мои родители по-черному. А я с младшим братом Василием были сами по себе. Как в том мультике. Что для детей. Воровать начал в школе из карманов, портфелей. Ваську научил. Как-то

погорели, натурально, на одном деле. Ему условно дали, а мне тюрягу, так как была уже вторая судимость. С Зинкой Часовниковой познакомился, можно было бы и жениться, да снова влип на три года. И вот узнаю, что она, моя зазноба, единственная и неповторимая, вздумала справить свадьбу не со мной. Я рванул когти из зоны. Решил с ней свидеться. Все бабы любят богатых женишков. Вот я на последние деньжата и купил билет в люкс-вагон, чтобы с фраером зажиточным поближе познакомиться.

— Тебе в твоём положении еще хочется балагурить, — вмешался полковник Николаев. — Ну, а у Варгалова, покойного, откуда и зачем валюта в носке оказалась?

— Это тактика, чтобы милиция подумала, что он стал жертвой валютных операций. От себя кусок оторвал, а ему мертвому заначку сделал. И вот еще что. Тут рядышком сидит и прилежно слушает разговор наш сотрудник, как вы его величаете, Евгений Макарович. Так вот моя просьба: дайте ему еще по одной звездочке на погоны. Отличился парень. Ну и Голубенко отметьте. Я понимаю: это он привел за собой «хвост» в ресторан. Сагитировал его угрозыск. Кстати, Евгений Макарович, не тешь себя мыслью, что ты отлично работал. В ресторане я тебя засек, да некогда было рассчитаться. Сейчас жалею... Зинаида о «судьбе» Варгалова ничего не знала, правда, она мне поведала, где он прятал деньжата. Ничего Виктор ей не дарил. Я ей раньше дал две тысячи. На них и покупала, а на Варгалова ссылалась. Так надо было.

— Ладно, не трепитесь, — сурово сказал Георгий Митрофанович и нажал кнопку, вмонтированную в крышку стола. Вошедшему в кабинет конвою резко приказал:

— Держать в наручниках, чтобы не прыгал больше в окна. Отправьте к следователю Шарову, а потом — в изолятор. «Натурально!»

После увода задержанного и минутной паузы Сомов произнес:

— Вот еще какие нелюди на белом свете водятся.

А лейтенант Петров сразу подхватил:

— Как вы были правы: Голубенко, действительно, не виноват...

Георгий Митрофанович поднял руку:

— Сочтемся славою. Не об этом речь. Молодец — вот в чем дело. Знаю, вы подали заявление с просьбой принять вас кандидатом в нашу академию. Так, имейте в виду: одну рекомендацию напишу и дам вам я.

А сейчас идите отдыхайте. Завтра тоже будет трудный день. Поступило сообщение о серьезном происшествии на станции Карповка. Отправляйтесь утром туда. Придется на месте разобраться...

1977—1978

НЕПОПРАВИМАЯ ОШИБКА

РАССКАЗ

Судили двух ловкачей из межрайонной конторы «Заготскот» — директора Петра Ткачука и главного бухгалтера Якова Коробкова. Почти неделю шел судебный процесс. В огромной комнате буквально негде было упасть яблоку от наплыва людей, пришедших послушать это нашумевшее дело. Многие, сдавая скот, соприкасались с методами работы жуликов, а потому сполна отдавали им сейчас свое презрение.

Мне был знаком Петр Иванович Ткачук. Несколько лет назад волею случая я оказался в холодную январскую ночь в доме этого человека. Еще тогда мне показалось, что Ткачук непрост. Что-то таилось за приветливой улыбкой, простецкими, свойскими разговорами. За показной веселостью, украинской разговорчивостью он скрывал даже от жены и дочери свою внутреннюю тревогу. Присутствие в его доме следователя областного управления внутренних дел его явно беспокоило. Неприятным показалось щедрое застолье с приглашением главбуха по случаю «спасения от замерзания в морозную ночь следователя». Так каламбурил Петр Иванович. Он и Коробков пили лихо и много.

— Ох, шикаешь ты, отец, — произнесла тогда дочь директора Люба. А Ткачук ставил на стол третью бутылку коньяка. От слов дочери его губы скривились в нехорошей улыбке. Оказывается, я верно предугадывал неладное.

...Сижу я теперь на процессе и вспоминаю то, что предшествовало встрече с директором.

Ночь была светлая от снега и луны. Мороз стоял крепкий, градусов на тридцать. Огромный тяжелый круг над головой обещал еще больший мороз. В этот час я и оказался на проселочной дороге, идущей вдоль железнодорожного полотна, между станциями Янеча и Блинцы. Может, стоило вернуться назад, в Янечу, это гораздо ближе, чем Блинцы, но я быстрым шагом шел вперед.

Желая сократить путь, свернул на проселочную тропинку. Прошел с километр и застрял в снегу: сбился с дороги. Побегал взад-вперед, покружил и опять вышел на бездорожье. Жутко стало на душе. Я

присел у одинокой ели. И сразу навалилась на меня сонливость. Набегался, что называется, вдоволь. Но чем это могло кончиться, отлично понимал. Борясь с дремотой, начал растирать себе уши, щеки. Чтобы не замерзнуть, прыгал, приседал, словом, занимался физкультурой. Поругивал себя за легкомысленность — ночью, в лютый мороз пуститься в дорогу. Что же делать теперь!

Невдалеке, за лесом, раздался свист локомотива, грохот состава. По тяжелому, ясному пыхтению взбирающегося на подъем паровоза нетрудно было догадаться: железная дорога рядом. Я обрадовался. Двинулся, не разбираясь, по целинному снегу, через сосенник, на эти спасительные звуки. По шпалам, думал, пойду — не заблужусь.

Наконец, добрался до цели, ноги мои радостно ощутили шпалы. Вскоре со стороны Янечи показался новый товарняк. На подъем он шел так медленно, что когда локомотив поравнялся со мной, я крикнул машинисту: «Притормози, я сяду на подножку. Подвези следователя».

Но проскочил мимо один вагон, второй, а ухватиться за скобу тормозной площадки мне не удавалось. Поезд уже набирал скорость. Голова машиниста на секунду показалась в окошечке и тут же исчезла. Ясное дело, со мной не хотели связываться. На глухом перегоне меня можно было принять за любого пешехода, только не за работника милиции.

Напрягая остатки сил, я все же удачно прыгнул на подножку и с облегчением вздохнул. Но рано. Проехав с полчаса, на середине какого-то перегона поезд вдруг стал сбавлять скорость, а затем и вовсе замер. Дальше его не пускал красный огонек светофора. Я спрыгнул и снова оказался на бездорожье, хотя думалось, что теперь я шоссе найду.

Часа полтора петлял, пока впереди не увидел зачерневшую фигуру человека. Мне оставалось двинуться на нее, крича: «Скажите, где дорога на Блинцы?»

Человек высокого роста, в полушубке, меховой шапке-ушанке, по-медвежьи расставил ноги, склонил голову и ждал, когда я к нему подойду. Я подошел и увидел, что мужчина сам в беде. Он, ударяя кнутовищем себя по сапогам, пояснял, показывая кивком на лошадь:

— Чертяка, испугалась чего-то. Рванула в сторону — и в сугроб. А в Блинцы вы по этой дороге не попадете. Надо в обратную сторону.

Теперь я мог рассмотреть лежавшие на боку санки и застрявшего по брюхо в снегу коня.

— Ткачук Петр Иванович, директор местной конторы «Заготскот», а вас как величать? — назвался он.

Я тоже представился. Ткачук продолжал:

— Давайте вытащим из сугроба сани и поедem ко мне отогреться, а поутру провожу вас на Блинцы. Я-то по неволе здесь. Встречал на каникулы дочь. Не приехала.

Я взял за передок, Петр Иванович — сзади, сани приподняли и поставили на полозья. Уселись. Ткачук рывком стащил с себя полушубок и накинул его на меня. Сам остался в теплом, грубой вязки, свитере. Мне одежонка оказалась кстати: я дрожал, как осиновый лист. За дорогу перемолвились двумя-тремя словами.

И вот мы въехали во двор солидного дома. Заволновался на цепи огромный пес. Ткачук взял его за ошейник, привязал покороче, чтобы я без опаски прошел к двери.

Боже, подумалось тогда, куда только не забрасывает судьба следователя. Вот так и становишься бывалым в своей профессии человеком.

Лег спать в отдельной комнате, на оттоманке. Я тут же заснул. А проснулся, когда было светло и шумно в квартире.

— Скорее, скорее к столу, а то все съедим и выпьем, — звал меня Ткачук. — Свое чадо я-таки встретил, но у порога собственного дома.

Застолье было по случаю семейного праздника — приезда на каникулы дочери Петра Ивановича — Любы. Ее-то он и встречал ночью, а добралась она попутной оказией только утром. Среди приглашенных за столом сидел и главный бухгалтер конторы Коробков. Но об этом я узнал потом. Хозяйка дома, маленькая, доброжелательная женщина лет сорока, мелькала, как челнок, между столовой и кухней. Ей помогала Любаша, проворная, ладная, с пушистой прической, лет двадцати. Карие глаза с веселым и дерзким любопытством скользнули раз-другой по мне.

После нескольких тостов мы с Любой оставили «стариков» за столом, сами удалились в свободную комнату. Приятен был мне голос девушки, полный, глубокий — чистая музыка. Я намекнул на возможность дальнейших встреч в городе. «Посмотрим», — философски ответила девушка. Я ловил каждое ее легкое, изящное движение. Когда я уезжал, Люба сунула мне в карман сверток с провизией и весело прошептала:

— Если снова заблудитесь в дороге, голодная смерть вам не грозит.

Люба училась на втором курсе педагогического института в моем городе. Вскоре я узнал, что она сильно простудилась, болела и взяла на год академический отпуск. Я все ждал ее, чтобы также весело поболтать, но тут меня самого направили учиться в столицу. Через два года, окончив академические курсы, получил длительную командировку на Новую Землю.

3

Так мы с Любой больше и не встречались. И вот сейчас сидим вместе на судебном процессе. На скамье подсудимых — ее отец с закадычным дружкой Коробковым Яковом Иосифовичем.

Люба смотрит вперед напряженно, сжав руками сумочку. Короткая стрижка сделала ее незнакомой, чужой. Не скажу, чтобы ее девичья красота, осанка исчезли. Но прежняя Любаша мне нравилась гораздо больше.

Свидетели изобличали в жульничестве Ткачука и Коробкова.

Принимая живность от индивидуальных сдатчиков, Ткачук и Коробков прозрачно намекали: «Коровушка худа, хотя можно сделать ее и пожирнее...» Не договаривалось взяточниками лишь слово «за мзду».

Один за другим поднимались на трибуну свидетели. Бойко или робко, скупно или многословно, красочно или просто, без всяких бытовых деталей, они раскрывали хищную, железную хватку жуликов.

Главный свидетель Занятина Нина Федоровна, лет сорока, производившая впечатление уравновешенного, неподкупного человека, подробно отвечала на вопросы судьи, женщины молодой, строгой на вид, придирчивой к туманным ответам свидетелей.

Обмахивая себя носовым платочком и одергивая платье, Занятина отвечала:

— Ткачук Петр Иванович сказал мне, что телку не примет, она худая очень, но в виде исключения можно было бы, но за это полагается... Я спросила, сколько. Он ответил — три бутылки коньяка. Я сбегала, купила. Иначе повела бы скотину домой. Потом еще одну сдавали корову — сестрину — и опять взятка...

В таком же духе резали правду-матку и другие.

4

Как же разоблачили взяточников? Сначала поймали с поличным главного бухгалтера Коробкова. Пригласил Коробкова в контору «Заготскот» Ткачук взамен уволенного якобы за нечестность Потапова. Сейчас Потапов выступал в качестве свидетеля. Коробков, выяснилось, — старый знакомый Ткачука. И вот этот ставленник самого директора оказался нечист на руку. Тогда считали, что самому Ткачуку ничто не грозит. Просто пригрел ловкача, и тот ему напачкал в конторе, злоупотребил доверием... Именно Ткачук, будто, и схватил жулика за руку. Говорили, что с честностью и осмотрительностью директора много не наловчишь. Другие, более осведомленные, в непричастность Ткачука к махинациям не верили, и, узнав об аресте Коробкова, ждали событий.

Когда Ткачук, высокий, красивый, энергичный украинец, возглавил контору, дела пошли в гору. Он любил выступать на собраниях любого уровня, призвать к бескомпромиссной борьбе с разгильдяями, очковтирателями, нарушителями дисциплины. В районном масштабе это была колоритная фигура. Ткачук с первых дней произвел хорошее впечатление, а в таких случаях руководителю дозволяется многое. Ему верили, поэтому разрешили пересмотреть кадры. Тут-то и был уволен (не совсем законно) прежний главбух. Его бы наверняка восстановили, но Потапов не стал разжигать страсти. Устроился на менее беспокойную должность и продолжал свой трудовой стаж.

А новый главный бухгалтер Коробков, как зафиксировано в деле, судимый ранее за хищение, затем амнистированный по соответствующему Указу, оглядевшись, стал придумывать способы варварского обогащения.

Коробков в Госбанк выставлял номера квитанций, по которым сдатчикам скота выданы наличными деньги в кассе конторы, и давал поручение перечислять второй раз указанные суммы в районный узел связи, а оттуда переводил деньги в другие города на свое имя, до востребования.

У Коробкова накопилась уйма сторублевых. Он закладывал их между страницами книг, засовывал в квартире во всякие щели, и тратил без стеснения. Класть на сберкнижку деньги Коробков боялся.

Жил Коробков после развода с женой один, приглашал к себе надежных женщин, угощал их хорошим вином, подносил подарки. Бывало, едва посетительницы покидали квартиру, он не находил себе места: нервы сдавали. Белый свет был не мил. Ему хотелось пойти в

ОБХСС и все рассказать. Потеряв осторожность, он и оказался пойманным с поличным. Кто-то сунул Коробкову меченые деньги, а сам заявил в милицию.

При обыске в его квартире изъяли девяносто семь сотенных купюр.

Коробков брал все на себя. Никого не впутывал: знал, что за соучастие полагается большой срок. Всяких толков плодилось вдосталь. Предсказаний и предложений — тоже. Злопыхатели вещали, что милиция постарается выпутать из дела директора конторы. Раздувать процесс против Ткачука, мол, не в интересах районного начальства. То, что он вор — это ясно. Но то, что кажется ясным для людской молвы, требует канительных процессуальных действий для милиции. ОБХСС искал соучастника главбуха.

Когда в уголовном деле зафиксировалось то обстоятельство, что Ткачук в преступных акциях Коробкова имел свою долю, когда пришли с покаянными признаниями взяточдателя, прокурор санкционировал арест директора.

Ткачук возвращался с берегов Азовского моря, и у своей личной автомашины был взят под стражу.

5

Тут и разыскала меня Люба Ткачук, вспомнившая обо мне: помоги!

— Пойдем вместе и послушаем дело в суде, — предложил я Любе, — и ты поймешь, что никто тебе помочь не сможет. — Я уже многое знал о ее отце. Итак, начался судебный процесс.

В прошлом слушалось в этом зале много мною законченных дел: простых и заковыристых, тонких, как брошюра, и многотомных, как сочинения Жюль Верна. Дело на Ткачука и Коробкова закончил не я, мой товарищ. Он немало потрудился над изобличением ловкачей.

Происшествия подобного рода звонко отзываются в людской молве. Молниеносно распространяются слухи, будто кто-то еще замешан в преступлении, чувствуется осведомленность о причастности тех или других лиц, называются баснословные денежные суммы, прикарманенные взяточниками.

Слухи растут, как снежный ком. Они подрывают авторитет местной власти. Болтуны не скупятся на эпитеты. Конечно, все это имел в виду законодатель, когда получение взятки относил к тяжким

должностным преступлениям. Взятничество, разумеется, реально подрывает престиж советского государственного аппарата и нормальную деятельность его учреждений, нарушает охраняемые законом права и интересы граждан.

Однако вернемся в зал судебного процесса.

Серьезная и наблюдательная судья профессионально точно, как говорится, в самое «яблочко», задавала вопросы участникам процесса.

Сорокапятилетние Ткачук и Коробков выглядели на десяток лет старше: серые, обросшие щетиной, с тяжелыми мешками под глазами. Весь их вид как бы печально говорил: «Совершили непоправимую ошибку».

6

...Человек, решившийся на преступление, как правило, не сознает, что значит для него честная жизнь. Он не ценит то, что имеет: спокойствие духа. Он не замечает, как легко ему было все делать в жизни: ходить, спать, принимать пищу, разговаривать с друзьями. Но едва он умышленно и корыстно переступит порог своей чистоплотности и порядочности, в жизни его образуется пустота. Он, к примеру, приобрел задарма автомашину, припрятал мешок кредиток, но жизнь потеряла для него (преступника) легкость и беззаботность, стремительность и покой. Даже смысл. Он мается, смутно тоскует о чем-то, сам не зная, чего ему недостает. И начинает ходить такой человек тяжело, с оглядкой, точно ноги вязнут в трясине. Он теряет вкус к самым изысканным яствам, приобретенным на нечестно заработанные деньги. От постоянных тревог его существование становится мрачным и нервным. И в один прекрасный день, если преступник не лишен здравого рассудка, он поймет, что сосущая пустота в душе образовалась от потери самого главного стержня жизни — чести, непогрешимости. Но сделать он уже ничего не может.

Прошлое не вернешь, не перечеркнешь. За нарушения закона следует расплачиваться. И боль от этой мысли внутри сердца становится нестерпимой. Ее не залечишь коньяком любой высокой марки...

Ткачук всматривался в зал. Увидел дочь, и по его волосатым щекам потекли слезы. Люба тоже заплакала. Три дня мы провели в судебном

заседании. У девушки теперь не осталось сомнений в вине отца. Она смотрела неотрывно на него, такого не похожего на того, каким она привыкла гордиться, и все старалась понять, как он докатился до скамьи подсудимых.

Как могло ее постичь такое горе и позор?

...Спустя много лет, уже работая в другом городе, я случайно встретился с Любой. С ней рядом шла девочка лет пяти-шести. Люба рассказала мне, что давно вышла замуж, имеет двоих детей. Отец ее вернулся из мест лишения свободы и честно трудится. Про Коробкова ничего не знала с достоверной точностью.

Слухи ходили, что он умер. И якобы могилу его педантично-аккуратно посещает какая-то пожилая женщина. Она же поставила усопшему основательный, солидный памятник, обнеся его кованой оградкой. Ее руками могила круглогодично украшается живыми цветами.

Но это была лишь молва. А так ли на самом деле, Люба с уверенностью сказать не могла. Да и особенно не интересовалась тем, кто втянул ее отца в совершение непоправимой бесшабашности.

7

Трясина, по словарю русского языка, — зыбкое болотистое место, поросшее мхом и травой. Когда идешь по плавучей почве, видишь, что вода все больше выступает из-под ног. И вот она уже по колено, до пояса. Еще шаг — и скрылся с головой. Не так ли засасывала взяточников легкость наживы? Раз повезло, второй — и Ткачук с Коробковым уверовали в беспроектность доходного промысла. Гибель в таких случаях неминуема. Вопрос лишь во времени. Это доказано жизнью.

На каком-нибудь «участке процесса» случится «непоправимая ошибка» со всеми вытекающими из нее последствиями.

1978—1979

ГИБЕЛЬ ДИКА

РАССКАЗ

**ГИБЕЛЬ
ДИКА**

На моем столе рядом с чернильным прибором давно заняла место гипсовая статуэтка. Она изображает породистую, красиво принявшую позу овчарку.

Передние темно-коричневые длинные лапы ее мирно вытянуты. На высокой мускулистой шее вскинута точеная голова. Пасть полуоткрыта, виден язык. Собака словно тяжело дышит. Кажется, она только что совершила стремительный бег и прилегла на минуту. Собака отдыхает. А наостренные уши вроде бы и не дремлют. Во взгляде острых глаз бдительность. Думается, что даже холодная безжизненная собака из гипса готова заметить и услышать все, что делается вокруг.

Неизменно смотрю на искусное изваяние с нежностью и грустью. Встречаясь с овчаркой на столе, всякий раз тяжело вспоминаю безвременную гибель милицейской ищейки по кличке Дик. В честь ее вылепили мне из гипса этот сувенир.

Давно собирался написать о нашей овчарке, совершившей собачий подвиг. Да в суете беспокойной следственной работы не хватало времени. А сегодня повод подтолкнул осуществить задуманное. И вот почему.

Только что вернулся с улицы. И с умилением наблюдал, с какой таинственной любовью и завистью гонялись дворовые мальчишки за мужчиной, водившим рослую лохматую собаку на поводке. Собака окончательно заморозила подростков. Псу давались хозяином степенные распоряжения: «ложись», «дай лапу», «ищи», бросалась палка, а она настигала ее. Собака умно выполняла команды. Где было знать ребятишкам, что это простые поручения для любой неглупой собаки. Где детям знать, что овчарка способна не только на это. Да и неважно им. Главное — собака... Прекрасное, достойное восхищения животное. Верное человеку. Одно из лучших творений природы. Вот что такое собака.

Что и говорить: безмерна любовь наша к этим животным. Человек поверил в дружбу собаки и приручил ее к себе. Многие держат у себя псов, но ради удовольствия и только. Для милиции дружба с овчаркой исключительно полезна. Это хорошо знакомо следователям.

Сколько полезных, смелых дел на счету у любой нашей служебно-розыскной собаки! Кажется, при современной технике, оснащенности милиции стоит ли прибегать к ее помощи, не напрасно ли мы тратим средства и время? Стоит, еще как стоит! Никогда милиция и

пограничники Советской Армии не расстанутся с ищейкой, не спишут ее со своего вооружения.

Все эти мысли в который раз нахлынули волной. Смотрю на своего верного Дика из гипса и вспоминаю происшествие, которое стало для ищейки роковым. И сделало ее в наших глазах бессмертной, как любого героя.

...Сообщение о происшествии застало меня в постели: шел первый час ночи. Когда я прибыл в отдел милиции, начальник уже формировал оперативную группу для поиска заблудившейся в лесу трехлетней девочки. Полковник был не в духе, расстроен.

Все были в сборе: я — следователь, оперуполномоченный уголовного розыска, два милиционера и проводник со служебно-розыскной овчаркой Диком. Тут же стояли родители пропавшей девочки — Верзины. Отец, еще молодой мужчина, крепился. Свое волнение выдавал лишь безостановочным курением. Мать, сама почти девочка, худенькая, простоволосая, не отнимала носового платка от лица, рыдала, рекой лились по щекам слезы.

Полковник сказал мне:

— Ты поспал — тебе легче. Я еще не ложился. Дело, значит, такое. Неприятное. Видел стоят мужчина и женщина? Родители. У них пропала трехлетняя дочь Аня.

— Как пропала, где?

— Не торопись. Все узнаешь. Возглавляй оперативную группу. Возьми Верзиных, родителей девочки — и в лес. Покажут, откуда начинать поиск. С тобой поедут капитан Сличенко и милиционеры — Дарьин и Крошкин. Подключите к розыску инспектора-кинолога Гарина с Диком. Пока хватит. А утром, если потребуется, поднимем население соседней с бором деревни. Подъедет капитан Вихрев.

— Как девчонка исчезла, товарищ полковник, — повторил я вопрос.

Начальнику не нравилось, когда его перебивали.

— Выслушай до конца, а потом уже задавай вопросы.

— Но как она пропала? — промямлил еще раз я.

За долгую службу в милиции начальник научился суть любого происшествия излагать так коротко и ясно, что никаких вопросов не возникало. Сегодня он и сам, наверное, понимал, что излагает фабулу дела с длиннотами и ненужными вводными словами. Лаконичные распоряжения у него не получались, ему не удавались.

— Как? Как? — передразнил полковник. Он явно и сам был озадачен происшествием, — спроси по дороге у Верзиных.

Мы сели в машину. Дика разместили в заднем отсеке УАЗика. Собака положила морду на лапы и, видно, настраивала себя на обычную для нее работу.

Заявители залезли в свой зеленый «Запорожец», ехали впереди нас, показывая дорогу. На этой машине они приехали накануне вечером в бор подышать свежим воздухом, нарвать букет лесных цветов. Их дочь, Аня, как Верзины мне рассказывали, не отходила от них ни на шаг, они ее не теряли из виду, а едва девочка зашла за куст орешника — и как сквозь землю провалилась. Сам Верзин — продолжал хмуро молчать, через силу был спокоен. Его жена — Клавдия Ивановна обливалась слезами, рыдая.

Да и я сам был беспокоен. Тревога за судьбу девочки передалась и нам. Кстати, каждую ночь жду неожиданных вызовов на происшествия, а привыкнуть к ним не могу. Всегда они волнуют и досаждают.

Два милиционера сели в машину Верзиных. Это рослые молодые парни, недавно принятые в отдел на работу после службы в армии. Я их еще плохо знал. Со мной на втором сидении УАЗика разместились пожилой капитан Сличенко и круглолицый крепыш старший лейтенант Гарин. Они почти всегда вместе выезжают на места происшествия. Со стороны интересно за ними наблюдать. Сличенко высокий, худой и молчаливый. Большой любитель покурить. Он и здесь, в машине, вынимал одну за другой сигареты, пока не скомкал и не выбросил пустую пачку.

Гарин низкорослый, говорливый. По возрасту годится в сыновья оперуполномоченному Сличенко. Собаковод, казалось, весь был начинен философией. Все ему хочется знать, любые явления жизни расшифровать. Своими вопросами «из высокой материи» он утомлял нас. Сейчас Гарин допытывается у Сличенко, откуда берутся преступники и что они думают, когда совершают подлость. Знают ли, понимают ли они, что делают плохо?

Но его напарник как всегда был невозмутим. Когда Гарин раз десять повторил один и тот же вопрос, Сличенко притушил очередной окурок, выбросил его прочь и баском ответил:

— Про этих негодяев не хочу и говорить.

Родило Гарина и Сличенко то, что они оба были увлечены своей профессией, профессией ловить жуликов, искоренять преступность, а

значит, зло и мерзость.

Но вот мы приехали. Замигала задними огнями, притормаживая, машина Верзиных. Вышли у опушки леса, отсюда следовало начинать поиск.

Дик топтался у куста орешника. Обнюхивал ветки. Выключили фары автомашин, в лесу стало темно. Мы зажгли аккумуляторные фонари. Гарин попросил у Верзиных что-либо из вещей дочери. Овчарка долго втягивала запахи шерстяной кофточки Ани. От нее Дик повел носом по высокой траве. Умный пес искал такие же запахи на земле, понимал: нужно взять след. Похоже, что обоняние овчарки уловило что-то. Морда Дика быстро-быстро заскользила по осоке и крапиве. Поводок натянулся. Ищейка потащила за собой проводника.

Устремляюсь за кинологом, не отрываю глаз от Дика. В отделе три служебные собаки, это самая надежная. За свою службу Дик задержал более пятидесяти правонарушителей. На его счету разысканные убийцы, грабители. С его помощью мы раскрыли только за последние дни две кражи из универсама. У Дика целый набор призовых медалей — он заслужил их в соревнованиях и на выставках служебных собак. На самые сложные и тревожные происшествия начальник разрешает брать на «работу» с оперативной группой верного Дика.

Иногда высказывается недоверие служебным собакам. Авторитет Дика оставался при этом непререкаем. Усерден и опытен он был на службе.

Сейчас он тянул нас за собой. Свежий ночной ветер шелестел по невидимым листьям. Высоко над головой поскрипывали от легкого ветра вершины сосен. Сквозь ветки деревьев просматривалось темно-синее в мелких звездах небо. Обитатели бора почти все спали. Иногда что-то перепрыгнет с ветки на ветку или зашуршит крыльями по траве и стихнет, то вдруг маленькая птаха выпорхнет из-под ног. Через полчаса бега моя рубашка пропиталась влагой, майка прилипла к лопаткам. Дик лишь на минуту-вторую останавливался, впивался носом в траву, кусты, крутил яростно хвостом и снова пускался в бег. Брал след.

Отстали от нас Верзины. Путь наш за Диком продолжался. Гарин снял с головы фуражку, зажал ее в левой свободной руке. Фонарь висел у него на груди. Второй рукой он держал за поводок собаку. Тяжело бежать по бездорожью. Мы преодолевали заросли, канавы с бурьяном.

Овчарка вонзалась в кусты и стремительно выныривала из них, обжигая себе морду крапивой и колючками.

Но усталость — не усталость, если знаешь, что бежишь за собакой не напрасно. Я верил в Дика так же, как и Гарин. Ночной воздух чудесен в бору. Настоян на лучших травах, черемухе, листьях молодого березняка, иголках сосен. Жаль, что приехали мы сюда не отдыхать. Вдруг собака остановилась на большом ходу, как вкопанная. Мордой заутюжила траву. Отчаянно заскулила, походила кругами и вытянулась на земле. Я посмотрел на Гарина: чтобы это значило. Он сам не понимал, дергал поводок: «Вперед, ищи след».

Как потом поняли мы, заминка у овчарки произошла обоснованная. С этого места преступник понес девочку на своих плечах. Умный Дик на минуту растерялся. Затем повел нас снова по следу. С момента пропажи Ани прошло около шести часов. Мы боялись, что Аню мог растерзать зверь, не исключали, что она, перепуганная в страшном для нее лесу, угодила в канаву или воронку, наполненную водой, и утонула. Было много версий.

Но как всегда бывает: всего не предусмотреть.

Под утро мы с Гариним изрядно вымотались. Блестела от пота и росы, снятой с травы и кустов, шерсть Дика. Путь наш измерялся уже добрым десятком километров. Осмотрев лесное небольшое озеро, мы вышли на поляну. Тусклый утренний свет колебался в сиреневой дымке. Я прислонился к стволу березки. По поляне гулял свежий ветерок. Он схватил за густую шевелюру Гарина, завихрил волосы, бросил каштановую прядь на потный, глянцевый лоб. Проводник служебной собаки сделал два-три глубоких вдоха и перешел на ровное дыхание. Красивым, легким движением руки откинул назад волосы. Приласкал, потрепал за уши Дика. В поиске прошла ночь. Забрезжил рассвет.

Лес пробуждался. Подали голос с озера кряковые утки. Над головой порхали, чирикавая, пригородные грачи и скворцы.

— Дик, веди дальше, — приказал Гарин. Работа инспектора-кинолога со служебно-розыскной собакой — красивое зрелище. В ту минуту, на поляне, я не знал, кем больше следует восхищаться: преданным, все постигающим с полуслова Диком или хозяином Гариним, любящим свое дело больше всего на свете.

Дик снова взял след. Он по диагонали пересек поляну, подвел нас к двум хиленьким с обломанными ветками березкам. Кто-то недавно

здесь бедокурил. У подножья березок валялись еще свежие зеленые листья, обломанные ветки. Все это явно было делом рук человека. Не по его ли следу мы идем? Тот ли след взял Дик? Близки ли мы к цели? А между тем преданный Дик не только найдет девочку, но и ради ее спасения примет на себя то... что мог получить любой из нас. Но об этом потом.

Пока шел поиск, мы верили Дику. Это придавало силы. Мы без усталости бежали вперед. Собака от березок углубилась в ельник, а затем в густой лес. Здесь замедлила бег. Стала обнюхивать пустую бутылку и кусок кожи от сапога. В тишине леса послышалось, как долбит ветку в поисках пищи синица. А вскоре и сама птичка — крупный, яркий самец, — запорхала перед нашими глазами. Чувствовалось, что синица привыкла к людям. Значит, зимовала в городе. Дик подвел нас к штабелям, источенным жуком-усачом, круглых осиновых дров. Синичка тут же прилетела к древесине, села на полено и стала выбирать личинки жука. Щебетала утреннюю свою трехсложную песенку «ци-ци-пе».

У меня в кармане были семечки. Бросил их синичке. Она схватила пальцами одну семечку, пробила в ней дырку клювом и быстро выгребла мякоть. Подлетела ко мне за новым угощением. Но Дик заревновал. Фыркнул на птицу. Та испугалась, снова взлетела на сосновую ветку и оттуда залопотала «пе-ци-пе».

Совсем рассвело, нам уже не надо было освещать дорогу. Опять припустились за овчаркой. В уме прикидывал: если Дика постигнет неудача, чутье ищейку подведет, прибегнем к помощи населения прилегающих к бору деревень. Колхозники не откажут. Выйдут на проческу леса.

Попалась глубокая балка. В ней густой кустарник. Оставшиеся от войны траншеи завалены буреломом. Под густой зеленой травой нас ожидала вязкая предательская топь. Ноги по колено проваливались в нее.

Дик же, не в пример нам, был полон сил и энергии. Темно-коричневая его шерсть на поджарых боках блестела.

Собака красиво перекидывала длинные ноги с крупными лапами. Нельзя было налюбоваться ее мускулистой статью, силой, натренированным выносливым телом.

Порой она недовольно рычала, показывала острые точно волчьи кинжальные клыки.

Вот овчарка остановилась. Молча вытянула морду, повела ею по сторонам, прислушиваясь к утреннему лесу. Остро пахло сосной, ольхой, цветами. Это было не совсем знакомо Дику, но не пугало его. Собака наострила уши. Чуткий слух что-то уловил. Дик оскалил крупные белые зубы и плюхнулся на траву. С визгом потянулся, высоко задрал морду, призывно завыл.

Но тотчас встал, отряхнулся, побежал дальше, по росистой траве. Через минуту собака снова легла, вытянулась, вся напряжинилась, в собачьем горле, как у простуженного человека, заклокотало.

Лес все деятельнее просыпался. Дик потянул воздух носом и застыл: что-то ему показалось подозрительным, потом подбежал к холодному ручью. Щелкая крупными зубами, полакал ключевую воду. Солнце все больше проникало на лесные поляны. Дику было жарко, он старался обходить места, где солнце сильно палило.

Вот он прыжками кинулся через кусты, припал на живот и пополз. Он знал, что позади за ним следуем мы, был особенно смел и активен.

Далеко мы оказались от того места, откуда вчера вечером начали поиск. Шел седьмой час утра. Гарин, всегда выдержанный и уверенный, занервничал. Собака вела нас куда-то и не было видно этому конца. Не блуждает ли овчарка по лесу?

Гарин резко дернул поводок, остановил собаку. Ему показалось, что наши поиски зашли в тупик. Уж очень нереальным, думалось, зайти девочке на такое большое расстояние от места ее исчезновения.

Дик словно понял неуверенность своего хозяина. Завизжал, из всех своих собачьих сил потянул поводок. Избоченив голову, жалобно и обидчиво косился на хозяина, как бы просил разрешения продолжать бег. Другого выхода и у нас не было. Снова мы устремились за собакой.

Дик вывел на большак, изъезженный сельскими подводами. У края дороги присел. Жалобно заскулил. Впился глазами в Гарина. Похоже, извинялся перед ним за что-то. Потом решительно встал, понюхав придорожную траву, пересек дорогу. Стал на задние лапы, подал голос. Мне показалось — победный голос. Затем снова занялся следом. Он обнюхал за это время сотни лесных и занесенных сюда человеком предметов. Все выискивал «свой» нужный запах. Без устали собака обводила носом каждый клочок травы, кустик, ручеек, банку, склянку и бежала то прямо, то в сторону, то возвращалась назад. Вдруг, обнюхивая землю, сделала петлю и подошла к хозяину. Пес лег у ног проводника, уткнув нос в сапоги Гарина. Кинолог удивился.

— Дик? Что такое? Окончательно сбился с дороги? Потерял след. Плохо! Пробежать столько — и все напрасно. Поднатужься, дружище. Я прошу тебя.

Гарин погладил Дика по спине.

Сейчас думаю, а что если в ту минуту собака близко почувствовала свою гибель и подошла попрощаться с хозяином. Она его любила. Гарин ее не обижал. Хотя порой и был строг. Он привязался к Дику, как к самому близкому и родному человеку. Он не представлял своей службы без него. Однажды сказал, что бросит работу, если останется без Дика.

— Подаю рапорт, в отставку. Что за жизнь без Дика. Хорош пес. Другого такого не сыщу.

И, действительно, всем взяла овчарка: экстерьером, чутьем, преданностью своему хозяину и службе.

А Дику оставалось жить несколько минут. Через сотню метров, в кустах, Дик перешел на медленный ход, пополз, как солдат попластунски.

В густой чаще, под орешником мы увидели небольшой шалаш. Гарин отстегнул поводок. Дик рванулся к шалашу. Раздался истошный детский крик и предсмертный вой собаки: Дик получил удар ножа в брюхо. Но уже мертвый, он, как истинный боец, не бросил своей жертвы, мертвой хваткой вцепился в бордовую шею незнакомца. Перепуганная, зареванная Аня забилась в угол шалаша, под ветки.

Мы обезоружили преступника. Как выяснилось впоследствии, он сбежал из мест заключения, построил подлый план: прикрыться ребенком и попытаться подольше прожить в какой-нибудь глухой деревне по чужим документам.

Гарин не мог видеть издыхающего пса. Жуткая картина сразила нас, а его особенно. Он рванулся с пистолетом в руке к бандиту, полный жажды мщения, но я успел остановить его. Гарин стих и зарыдал. Впервые в жизни я видел, как горько плачут мужчины.

Преступнику надели наручники. На руки себе я посадил заплаканную, всю испачканную в грязи Аню. Глаза ее еще были в слезах, но она уже не плакала. «Вы добрые дяди, везете меня к папе и маме?» «Да, да, Аня». У меня в кармане была конфета. Я дал ее ребенку. Лицо девочки просияло.

На опушке леса нас ожидали Верзины. Я передал им Аню. Женщина кинулась целовать Гарину руки. Нелегко оказалось ее

успокоить.

У въезда в город я вышел из машины. Захотелось в ранний час пройтись пешком. Меня встречали прозрачные голубые улицы родного города. В это время они кажутся особенно светлыми и просторными, как огромная комната без мебели. Первый троллейбус шуршал шинами по асфальту. Шипели метлы дворников, наводивших чистоту на тротуарах. Звенели их ведра и совки. Но картина гибели нашего верного четвероногого друга все еще стояла перед глазами, не давала покоя сердцу.

Я прошел мимо здания областной типографии, непривычно притихшей. Не слышалось монотонного гудения ее линотипов, мерного цокания скоросшивательных машин. Тревожная ночь кончилась. Был позаранок. А я уже думал о том, какое новое происшествие выпадет на мою долю, что может ждать меня и с кем поеду на очередное задание.

Гарин не ушел из милиции, приобрел новую овчарку и работает с ней. Но Дика он не забывает. На память о нем он вылепил статуэтку и подарил ее мне. Вот и стоит она у меня на столе.

Когда ко мне в гости приходит товарищ и коллега капитан Руслан Юрьевич Вихрев, мы с грустью смотрим на увековеченного Дика и вспоминаем происшествие.

1978—1980

СВАДЕБНЫЕ ПИРЫ

СВАДЕБНЫЕ ПИРЫ

РАССКАЗ

Мошенников было двое. Соловьиной трелью заливались они, околпачивая свои жертвы. Он, именовавший себя директором, звал ее экспедитором. Так даже записал в «досье» своей сообщницы. И вел его по всем правилам канцелярии. Первый лист «личного дела» — заявление Красноцкой Тамары Леонтьевны, двадцати лет, с просьбой принять на работу. На нем криво в углу нацарапано: «Удовлетворить Табишев.» Второй документ в досье, состряпанном тоже для потехи, — анкета экспедитора. Третий лист — ведомость на выплату пособия ежемесячного оклада в размере ста рублей. С нее удерживался, как и полагается, подоходный налог. Тамара имела годовалого ребенка, он находился где-то в Молдавии на попечении престарелой прабабушки, но об этом она предпочитала молчать. Молодой мошеннице импонировал двадцатипятилетний «директор». Ей хотелось ему нравиться, и неизвестно, как он посмотрит на то, что она уже мама?

Предусматривались экспедитору и премиальные. Выплачивались проездные по предъявленным билетам. Правда, не смог Табишев достать бланки командировочных удостоверений, но со временем надеялся это сделать. Контора должна быть солидной. Обещал платить за вредность после пережитых сложных конфликтных ситуаций, а также больничные, если напарницу настигнет в похождениях хворь.

Все эти липовые «документы» следователю потом пришлось подшивать к уголовному делу.

Красоцкая работала на совесть, добиваясь благодарности и расположения «директора». Угождала, старалась угадать каждое его желание. По ее мнению, он был вылитый Остап Бендер: такой же изворотливый в любой ситуации и неунывающий пустомеля.

Бендер был ее любимым героем: в колонии для несовершеннолетних она смотрела «Золотого тельца» пять раз. Красноцкая оказалась там за мошенничество, которое заключалось в том, что она входила в доверие к пенсионерам, изъявляла желание помогать им и... очищала кошельки умиленных старушек.

Сейчас она нашла настоящего учителя. Он самонадеянно уверял ее, что с ним она не пропадет. Табишев говорил, что дураков даже среди ученых сколько угодно и нужно уметь их обыгрывать. Первая жертва попала на удочку мошенников почти без труда.

Все знали, что некой горожанке Степаниде для полного счастья не хватает самой малости: выдать дочь замуж. И вот через знакомую по рынку, на котором Степанида постоянно продавала овощи, она установила связь с гадалкой. Это была Красноцкая. Началось гадание. Тамара доверительно сказала пожилой женщине:

— Карты вещуют, жди, вот-вот объявится суженый для дочери. Не упусти. Второго случая такого не будет. Это я тебе говорю. Еще не ошибалась. Твоему чаду, похоже, большое счастье ожидается.

И точно. Бывают же предсказатели! На следующий день, уже под вечер, когда Степанида Петровна стояла на своем обычном рыночном месте и продавала морковку, к ней подошел молодой человек с модными черными усиками, одетый в новый кримпленовый костюм цвета морской волны. Распахнут воротничок белоснежной сорочки. На ногах импортные туфли. Это был Табишев.

— Сколько? — спросил он, подержав на весу корзину с морковью.

— За пятерку, сынок, и то по случаю.

— За десятку, — произнес покупатель и добавил: — При условии, если из нее сегодня мне приготовите ужин. Вот еще десятка. Приобретите вот у того грузина букет цветов. Приехал из Молдавии в ваш город. Хотел жениться. Да обманула неверная. Вышла за другого... И я сейчас, мать, в глубокой скорби.

— Э, твоей скорби могу помочь! — с живостью ответила женщина. — Да я познакомлю такого сокола с невиданной красавицей. — Вся Молдавия ахнет.

— Родственница?

— Могу предложить собственную родную дочь. Девушка на выданье.

— О! По такому случаю... — кавалер исчез, а через пять минут вернулся с курицей, грибами и прочей закуской.

— Бог ты мой! — всплеснула руками Степанида Петровна. — Мы такой закатым пир... — А про себя подумала: «Ну и гадалка, как в воду смотрела. Помнится, еще сказала: «Не упусти!» Да уж постараюсь. Я не я буду. Женишок люб мне.»

«Жених» оказался щедрым. Он усадил Степаниду в такси. Сопровождая ее домой, по дороге показал свои документы.

— Не сомневайся, мамаша, вот паспорт, диплом. К этому на словах добавлю, что являюсь владельцем особняка с автомобилем. Стало быть, свадьбу отгрохаем, будьте здоровы!

Потом было знакомство.

Невеста пришлась «жениху» по вкусу. Чуть-чуть выпив на радостях, Степанида хвалилась: «Сама в девках была кровь с молоком, такова и единственная, ненаглядная доченька». Еще она говорила, обнимая от избытка чувств «жениха», что только такому орлу своего отпрыска и может доверить.

Но дочь базарной торговки Степаниды с красивым именем Светлана оказалась с норовом. Заартачилась. Не желала и глядеть на жениха. С полчаса не разговаривала, надувшись, с матерью, когда та объявила свои намерения. «Что, я сама парня не найду, мама? Это вам не старые времена.» Однако вскоре гнев сменила на милость. Ее лишь смущало, что уж очень торопится кавалер начать совместную жизнь и как можно быстрее выехать к нему на родину, обрадовать отца с матерью прекрасной избранницей. «Там и подадим заявление в загс», — елейно уговаривал Табишев девушку.

— Да я же работаю, — не сдавалась красавица.

Тут не выдержала мать. Она отвела дочь в другую комнату и наставительно сказала:

— Тебе сколько лет? То-то. Чего ждешь? В девках желаешь остаться? Не раздумывай. Жених что надо. Удержи парня. Приглянись. Платье новое надень, прическу наведи. Пококетничай, помурлыкай, как кошечка, прибери его к рукам. Парень по случаю нам достался.

Что тут делать? Мать дурного не пожелает. Девушка последовала ее совету. А на следующий день, перед тем как уйти на работу, дала согласие на свадьбу. Ей передалась прыть матери. Она уже представляла себя женой богатого молодого человека. А где лучше найдешь? «Видный, денежный, должность приличная. Чем не счастливая партия. Правда, говорит, поиздержался. Ну, да у мамы для нас (в единственном числе девушка уже не могла себя представить) на этот случай пара тысконок найдется». Теперь ее беспокоила мысль: только бы не раздумал сам до вечера.

Что касается будущей тещи, то она пообещала чернявому зятю сразу дать десять сотенных бумажек для свадебных покупок, ну, и на обзаведение первым необходимым это само собой...

Жених чувствовал себя увереннее и, не скромничая, начал выставлять финансовые условия.

— Пять сотенных займи, теща, сию минуту. Деньги не нужны, но тут дело принципа. А то, бывает, обещают, а сами и гроша за душой не

имеют. А я обманы не обожаю. Словом, задаток гоните.

— И-и-и, — обиделась Степанида и полезла в тайничок за деньгами. — На, спрячь в карман на мелкие расходы.

Небрежно взяв три сотенных кредитки, Табишев швырнул их в коричневый «дипломат» и высокомерно изрек: «Мелочь». Он прикидывал, каким образом выманить у доверчивой женщины еще несколько хрустящих ценных бумажек перед тем, как скрыться. Сделать это он хотел до прихода невесты. Смакуя марочный коньяк, Табишев заливался соловьем и сам верил в то, что говорит:

— Эх, мать, что ты здесь, в этой дыре видишь? Какие радости получаешь? Я вот уже думаю и о тебе. Говоришь, лет десять, как своего старичка похоронила? Это плохо. Горько. Ну да живой думает о живом. И тебе молодца подыщу. Есть на примете. Лет пятьдесят ему или шестьдесят, но крепкий. Мужик отменный, полон сил.

— Да не надо мне никого, выдумал, — застеснявшись, отбивалась хозяйка. — Уж давай поначалу одно дело сделаем. Вашу свадьбу сыграем. Дай бог вам счастья и согласия. Рада буду и на этом.

— Ну, да там посмотрим, — сказал Табишев, — главное, всем нам вовремя выехать в Молдавию. Попасть на праздники надо. Национальные гуляния скоро начинаются. Кстати, надо сходить дать телеграмму, чтобы старики ждали. А ты, мать, собирайся, тоже поедешь с нами. Нечего прозябать здесь.

Пьяный «жених» нес несусветную чепуху. Но затуманенный счастьем мозг Степаниды все принимал за чистую монету.

«Зятек» собрался уходить. В это время вбежала в прихожую возбужденная, едва сдерживающая радость Светлана. Она отпросилась пораньше с работы. По такому случаю кто не отпустит?

— Ты куда?

— На почту. Жди меня. Через час пойдем на прогулку, может, зайдем в театр!..

— Приходи поскорее. Ко мне подруги придут. Отметим помолвку. Я им все рассказала.

— Да? — Табишев поперхнулся. — Фу, черт, переел. Все ждите меня здесь. Ждите. Жди-те, — на прощанье Табишев-беглец нарочито строго погрозил пальцем доверчивым «родственникам».

Через обещанный час «директор» со своим «экспедитором» были за многие километры от места происшествия.

А наутро незадачливая мамаша с дочерью-невестой сидели в кабинете следователя и давали показания. Они называли приметы липового жениха. Мать припоминала черты лица, одеяние гадалки, что напророчила суженого.

Так в милицию поступил первый сигнал о действиях группы мошенников. Операцию по их поимке мы условно назвали «Свадьба».

А через день в милицию обратился тракторист Савчук и рассказал о том, что узнал от своей жены Валентины, новой жертвы мошенницы.

2

Рано утром в селе Ополье появилась незнакомка: красивая, черноволосая, маленького роста, молодая. Она через людей узнавала, не нужно ли кому предсказать будущее, жениха. Таких желающих в селе не оказалось. Но многие колхозницы с охотой уплатили гадалке по трешке за разговор о собственных мужьях, а на языке предсказательницы — трэфовых королях. Две из них, Прасковья и Раиса, на вопрос гадалки, нет ли разведенков в деревне, ответили, что близка к этому их подруга Валентина Савчук, и дали ее адрес.

Красоцкая, а это была она, лелеяла надежду пристроить на денек-другой к какой-нибудь одинокой бабенке красавца — «директора». Их фирма должна была каждые сутки приносить доход. «Экспедитор» направила свои маленькие стопы по указанному адресу, но ее опередили Раиса и Прасковья. Они прямо с порога захлеб стали расхваливать:

— Ну, Валентина, настоящая гадалка у нас в селе объявилась. Насквозь видит, сколько юбок на тебе. Угадывает мысли. Муженек-то у тебя погуливает. Погадай на супруга, не промахнешься. Может, и впрямь он задумал, окаянный, тебя бросить.

— Даже и не знаю, — суетилась Валентина, — может, не стоит?

А между тем «пиковая дама» уже входила в дом Валентины.

— Дай руку, касатка. Всю правду расскажу. Вижу по печальным глазам твоим: околдовала суженого другая, завлекла молодыми чарами. Но не горюй. Придет к тебе твое законное счастье. И снова твои красивые очи наполнятся радостью. Вижу по линиям на ладони: вот-вот встретишь ты молодого, симпатичного и богатого...

Дальше Валя не стала слушать, перебила гадалку:

— Не нужен мне никто. Ты моего, моего можешь приворожить к дому?

План срывался. Но Красноцкая не стушеввалась, сразу перестроилась:

— Могу поправить дело, касатка. Но деньги вперед.

— Много?

— Такая работа немало стоит. Поскупишься — больше потеряешь.

— Сколько?

— Скажу. Пусть уйдут подруги. Дело тайное.

Когда Прасковья и Раиса ушли, гадалка, поплотнее закрыв за ними дверь, ответила:

— Двести.

— Что вы, такую сумму? — опешила Валентина.

— Двести, — твердо повторила Красноцкая, — и только десятками, можно покрупнее, но чтобы никакой мелочи. Дело наше такое капризное. Чуть не так, и все насмарку. Судьбу изменить — работа нелегкая.

Помявшись в нерешительности, Валентина все же сняла со сберкнижки нужную сумму и вручила гадалке. Та глянула на свою доверчивую жертву пронзительными глазами, помедлила, давая понять, как трудно постигается истина, покачала головой.

— Большим колдовством заколдован твой супруг. С ним только моя мать-колдунья справится. Вот адрес. Приезжай.

Она нацарапала на листке бумаги какие-то координаты и скрылась подобно привидению.

И засомневалась, закручинилась молодая женщина. Не спалось Валентине всю ночь. Поняла, что обманула ее гадалка. Она обо всем рассказала мужу.

А тем временем Табишев допытывался у Красноцкой:

— Гадала?

— Нет, — солгала «подчиненная».

— А если обыщу?

— Ничего не найдешь.

— Ну, так и быть, — успокоился Табишев. — Где будем ночевать? Опять в лесу? Не надоело?

— Что ты! Давай опять, — обрадовалась «экспедитор».

— Губа не дура. Понравилось... Да только с теперешней деньгой жить надо по-королевски. Документы у нас в порядке. В любую

гостиницу примут.

— Может, в один номер пустят? Скучать буду без тебя...

— Намотай на ус: осторожность прежде всего. Не следи, где живешь, не живи, где следишь. А нас уже ищут. Наверняка. Уразумела? А теперь — на электричку.

Мошенники пока были неуловимы. Мы их упорно искали. Во все ближайшие города направляли телефонограммы, ориентировки, но «директор» и его подручная тоже не дремали. Правда, удача долго не шла к ним в руки. Как потом они скажут: «Щипали мелочевку».

Однажды в парке Красноцкая подседа к студентке Наде Охтиной. Верная своему принципу, она сразу предложила ей хорошего жениха. Та отказалась: «Свой есть».

— Тогда давай на него погадаю. Изменников много развелось среди кавалеров. Дурят нашу сестру, — произнесла Красноцкая, состроив жалостливую мину.

Надя не устояла перед соблазном узнать правду о любимом парне. Дала руку гадалке. Красноцкая сняла с пальца студентки перстень и попыталась скрыться. Студентка подняла тревогу, закричала. Люди помогли задержать гадалку. Красноцкая вернула дорогой перстень, поцарапала лица тем, кто пытался доставить «пиковую даму» в милицию, и убежала. Мошенники снова ускользнули.

После очередного конфликта Красноцкой с публикой между «директором» и его «экспедитором» произошла нелिцеприятная беседа.

— Расчет, полный расчет, — горячился Табишев. — Боже мой, — продолжал сокрушаться «липовый жених», — кого взял на ответственную работу, как мог ошибиться? И это я, с таким вкусом, с таким пониманием действительности.

Красоцкая поначалу молчала, как ученик перед учителем, даже вздыхала. Но до тех пор, пока «директор» не оскорбил ее неприятным, хотя и не совсем понятным словом «нимфоманка». Тут она просто взбесилась.

— Ишь, чистоплюй, — без всякого былого уважения выкрикнула сообщница, — брал на дело, трепался: «Оклад, премии, пайковые.» А что выходит? Ты у меня нахлебник. Кто тебя уже месяц кормит и поит?

Табишев не ожидал такого поворота. Он опешил.

— Ах, так! Расстаемся, — изрек он. — Ты забыла, что и мое тебе переходило, когда у меня был тугой кошелек.

Они пошли в разные стороны. Но отходчивая Красноцкая вернулась, догнала Табишева. Вид ее был жалким.

— Ладно, «директор», не сердись. Запиши мой адрес. Поеду к бабке. Понадоблюсь — всегда к твоим услугам. Шли корреспонденции.

Табишев небрежно сунул клочок бумаги с адресом в карман. Красноцкая как в воду смотрела, она вскоре понадобилась Табишеву, но в другом качестве.

Оставшись один, Табишев не брезговал кражами. В одном украденном чемодане оказался костюм летчика гражданской авиации. Он напялил его на себя. Кое-где жало, но носить было можно. В костюме летчика ему повезло на новое удачное знакомство.

...Прошло минут пятнадцать-двадцать после отхода электрички из Москвы. Молодой, симпатичный парень в форме летчика и юная, не менее привлекательная девушка открыто и с интересом смотрели друг на друга.

Тоня, так назовем героиню новой истории, почему-то вспомнила недавно вычитанное в словаре слово «эксцитативный», что означало «внушающий интерес, чувства». Именно таким показался ей сидящий напротив молодой человек. Он смотрел на Тоню и чуть-чуть лукаво улыбался, как бы приглашая девушку познакомиться.

Душа у бедной Тони замерла. Она не в силах была отвести взгляд от смуглого цыганского лица молодого человека. И, чего греха таить, ей очень хотелось познакомиться с улыбочивым парнем-летчиком. Она ответно улыбнулась. Не сказав друг другу ни слова, оба почувствовали, что первое знакомство состоялось. Тоня подумала: «Видно, судьба».

— Руслан, — назвал себя парень, легонько дотронувшись до руки девушки.

— Тоня, — ответила она.

— Смотрю и завидую вам. Какая милая и обаятельная девушка. С вашей красотой сниматься в кино, а вы едете в душном вагоне. За свои двадцать пять лет впервые встречаю такую писаную красавицу. Честное слово.

Тоне приятно было слышать от хорошо воспитанного человека (это она сразу отметила) комплименты.

После двухчасовой беседы молодые люди настолько прониклись взаимной симпатией, что когда Руслан предложил Тоне выйти в тамбур вагона и поговорить наедине, девушка лишь для приличия помедлила.

Теперь молодому человеку ничто не мешало горячо признаться Тоне в любви. Здесь, в тамбуре вагона, он разоткровенничался: едет на побывку в Молдавию, там ждет его девушка, к которой он когда-то был привязан. Когда-то, но не сейчас. Да, Тоня так вскружила ему голову, что он готов немедленно изменить свой маршрут и поехать вместе с ней, просить у родителей девушки согласия на брак. Он не намерен упускать своего счастья.

— Я вас люблю, Тонечка, — пропел шепотом Руслан, — на край света увезу. Ни в чем нужды знать не будешь. Все лучшее, что изготавливает отечественная и зарубежная промышленность, будет твое. Со дна морского достану жемчуг и к твоим ногам брошу...

Руслан переходил с «вы» на «ты». И в этом Тоня тоже усматривала признак интеллигентности. Но она не теряла девичьей бдительности, улыбнувшись, спросила:

— Вы всем так вот сразу в любви объясняетесь? Наверное, не одну уже в слезах оставили?

— Напрасно обижаете, — грустным голосом произнес летчик. — Душой я одинок. Мне необходим хороший друг. Преданная и верная супруга. Не радуется мое богатство и высокая зарплата. Семьсот рублей в месяц — тьфу! Мелочь. Скоро заполярная надбавка, еще две сотни — тоже ерунда. Отец министр. Также непрочь незаметно подбросить мне на карманные расходы. Я отказываюсь, да где там! Заботливая мамаша все подарки посылками гонит. Воркует мне: «Что твоя нищенская зарплата?». Она у меня заслуженный врач. Защитила диссертацию на доктора наук. Старики у меня что надо.. Недавно отгрохали мне дачу на берегу Черного моря. Если согласишься, то как только отгуляем свадьбу, сразу укатим туда. Родители мои будут рады. Можно пригласить твою мать к нам в гости. Пусть понежится...

У девушки гулко забилося сердце. И все-таки Тоня нашла в себе мужество уклончиво произнести:

— Вы, однако, торопитесь.

В мыслях же Тоня была уже дома, в родном селе, с великолепным, всем на зависть женихом.

Руслан наступал по-боевому. Он чувствовал — успех обеспечен.

— А что тут плохого? Я давно искал свой идеал. И вот нашел. А любовь? Разве ее не бывает с первого взгляда? Вспомните Баха, Чайковского, Карамзина, Мамина-Сибиряка, наконец, Кропоткина-старшего.

Слова Руслана подействовали на Тоню магически, авторитет его рос как на дрожжах. Она больше не могла противостоять новоиспеченному ухажеру. Вздохнула, махнула рукой, улыбнулась легко, точно сбросила с плеч тяжелый груз, выпалила на одном дыхании:

— Так тому и быть: согласна. Наверное, и вправду судьба.

Табишев (а это опять был он) не скупился на посулы, клятвы, признания. Произносил их до самого порога Тониного дома.

Родителям Тоня представила жениха как парня, с которым давно переписывалась втайне от них. А теперь вот он сам явился и предлагает руку и сердце.

Что и говорить, обрадовались несказанно счастью дочери родители. Все в женихе было на высоте: и должность, и зарплата, и дача. Родители, не мешкая, стали готовиться к свадьбе. Молодым отвели отдельную комнату.

— Зарегистрировать брак успеем, — сказал Табишев, — в любви дело, а не в паспортной кляксе.

Он телеграммой пригласил к застолью свою «сестру». Она явилась без промедления. Это была Красноцкая. Руслан не потерял ее адрес.

3

Но свадьбу затормозила милиция. Родной дядя невесты, бывший летчик, засомневался в женихе. Хотел поговорить с ним о новых конструкциях самолетов, да Руслан не смог поддержать беседу, попал впросак. Дядя сообщил нам приметы жениха и попросил его проверить. Из его рассказа нам стало ясно, что это Табишев со своей соучастницей подбираются к новой жертве.

«Жениха» мы брали, когда по просьбе Ивана Максимовича Груздева, дяди Тони, молодые шли к нему в гости.

Следующей была Красноцкая. Она нежилась в мягкой постели, когда мы пришли в дом невесты.

— Одевайтесь, — попросил ее следователь, — и предъявите документы. Свадебные пиры завершаются.

Похождения подходили к концу. Операция «Свадьба» успешно закруглялась. Мошенники теперь имели дело с правосудием. А что касается их жертв, то они сами себя наказали и попали в смешное и грустное положение. И поделом: нечего бросаться в объятия первым встречным, они могут оказаться непорядочными людьми, а то и просто, как в нашей истории, мошенниками.

1979—1980

МИНИАТЮРЫ

ИЗ БЛОКНОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ

ИЗ БЛОКНОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Будни милиции... Это слаженные, а порой отважные действия уголовного розыска, ОБХСС, следователей. Работа блюстителей порядка — это допросы, обыски, погони, задержания тех, кто не в ладах с правопорядком и законами.

Служба в милиции, действительно, не шуточная, однако и в ней есть место забавным встречам — веселым и грустным. Вот таким, как эти...

Пересортица

Вы спрашиваете, что такое пересортица и почему этого слова нет в толковом словаре Владимира Даля? Сейчас я вам все сам поясню. Вот с чего начинается это мудреное понятие.

Семен Петрович Гирькин (иногда его называют просто — Сеня), придя в свою овощную палатку системы «Коопторг», тяжело вздохнул и задумался: где взять денег на опохмелку? По этому поводу перво-наперво позвонил приятелю — заведующему фруктовой базой Иосифу Адамовичу Шулеровскому. Тот, недолго думая, воскликнул:

— Пересортица. Она, родная, завсегда выручит.

Семен Петрович Гирькин попытался мягко возразить:

— Боязно. Прошлый раз народный контроль чуть не накрыл. Да опять же и ОБХСС существует...

— Сеня, — оптимистично пошутил Иосиф Адамович, — ОБХСС бояться — горилки не пить. Смелее приступай к делу. Третий сорт продавай вторым, второй — первым. Торгуй. Накладные для прикрытия я тебе выпишу, а настоящие документы здесь, на базе, припрячу. Яблоки все продашь — потом накладные липовые порвем, а настоящие — к отчету приложим. Так что, вечерком обмоем пересортицу.

«Эх, была не была», — сказал сам себе Гирькин и хриплым голосом стал зазывать покупателей:

— А ну, налетай на витамины! Мед, а не яблочки. Смотри, любуйся. Краснощекие, как девицы... Первый сорт!

К окошечку ларька пробрался без очереди неизвестный молодой человек в клетчатом пальто и шляпе. Он с любопытством переспросил:

— Первый сорт, говорите?

— Высший! — ответил Гирькин и поперхнулся. Продавец раньше уже видел этого мужчину. Тогда он был в милицейской форме, с погонами капитана.

Захлопнув окошечко, Гирькин рванулся к телефону. Пальцы у него тряслись.

— Алло! — закричал Сеня в трубку, — Иосиф Адамович, здесь обэхэсовец. Неси скорее настоящие накладные! Что? Где они? В ящике из-под макарон. Сам же туда прятал! Нашел?

— Нашел, спасибо, гражданин Гирькин. Их-то мы и ищем, — сказал кто-то совсем не голосом Иосифа Адамовича. Выходило, что на базе тоже были обэхэсовцы...

Вот и получается, что во времена Пушкина общество в слове «пересортица» не нуждалось, поэтому оно отсутствует в словаре Даля.

Не убивал же!

Неизвестный шофер самосвала сбил на шоссе парнишку. Мальчика отправили в больницу, а милиция начала искать виновника дорожного происшествия. Вскоре он был установлен: водитель городского автохозяйства Жокин. Его элегантно одетого, но растерянного, доставили на допрос. Он оправдывался:

— Не заметил я. Темно было. Что с мальчиком?

— Предварительное заключение — перелом ноги.

Жокин обрадовался, что мальчик жив.

— От этих пацанов спасу нет. Путаются на пути, а для меня каждый рейс со щебенкой — заработок. Вот и спешил. В чем моя вина. Не убил же?..

Растерянность прошла. Ее сменила злость.

— Хорошо, пойду в больницу, отнесу гостинец. Пусть выздоравливает. А вы все же установите, кто виноват: я или сорванец.

Бесполезно было доказывать, что в любом случае шофер должен остановиться на месте происшествия. Этого требуют правила движения. К тому же Жокин был действительно виновен. Наказание его зависело от степени тяжести телесных повреждений пострадавшего.

В больнице Жокин с полной сумкой продуктов разыскал врача.

— Доктор, как парнишка, которого вчера на дороге подобрали?

Рука Жокина в хозяйственной сумке легла на коробку с тортом.
Доктор ответил:

— Мальчик в хорошем состоянии.

Пальцы шофера с торта сползли на банку варенья.

— Как вы говорите?

— Легкие ушибы.

— Ах, вон оно что? — рука Жокина скользнула по яблокам, ухватила одно из них. — Передайте парнишке, пусть поправляется!

А сумку с остальными гостинцами понес домой: ушибы-то легкие.

Благородный

Милый старичок по фамилии Бабушкин любил по старинке совершать прогулки к железнодорожному вокзалу. Он, почетный железнодорожник, получал удовольствие от гудков, скрежета вагонных тормозов, людского потока. Он любил смотреть, как лихие таксисты привозили и увозили пассажиров.

Наивный, добрый пенсионер особенно умилялся одним водителем, который мотался взад-вперед на личных «Жигулях». И в жару, и в холод, и в дождь, и при ветре он, похоже, не щадил себя. Да и автомашину.

Кто бы к нему ни подходил с тяжелой поклажей, куда бы ему ни сказали подвезти, автолюбитель тотчас выполнял любую просьбу.

Все это наблюдал старичок Бабушкин из привокзального сквера. Он от души восхищался бескорыстным автолюбителем. «Побольше бы, — думал пенсионер, — таких благородных людей».

Однажды в приливе нежных чувств Бабушкин, опираясь на палочку, подошел к тому владельцу «Жигулей» с тем, чтобы произнести сердечные слова в его адрес, сказать ему все, что он о нем думал.

Приложив картинно руку к груди, Бабушкин начал речь:

— Вы благородный человек, товарищ автолюбитель. Я все лето наблюдаю за вами то с одного, то с другого места. Отзывчивое у вас сердце. Никому не отказали в подвозе. Вы этим людям запомнитесь на всю жизнь.

Сначала юркий мужчина — владелец «Жигулей» — не понял в чем дело. Он думал, что старичка требуется куда-то транспортировать и по

привычке ловко открыл ему дверцы своей автомашины. Но Бабушкин еще больше растрогался:

— Нет-нет, я подошел только затем, чтобы вас поблагодарить за других.

И тогда шофер-любитель все понял. Он сочным баритоном самодовольно произнес:

— Слушай, божий одуванчик, коль за подвоз нечем платить, то и не суйся. У меня твердая такса: я меньше сотни не беру, пусть хоть три шага до твоего дома.

Оптимист

Около подсудимого рыдала мать. А он ее успокаивал из-за барьера в суде:

— Не плачь, мама, вот увидишь, в тюрьме я стану бригадиром.

Старушка сразу повеселела, глаза ее просохли: она очень хотела, чтобы сын хотя бы там стал человеком, выбился, как говорится, в люди.

Исправился

Допрашиваю мошенника Редькина. Его обвиняют в том, что он корыстно обманывает граждан. Входит к ним в доверие и вымогает «взаимы», то бишь без возврата, деньги.

Вид у Редькина неприятный, неряшливый, но его жаль. Хочется убедить бездельника заняться полезным делом.

С замечаниями он с готовностью соглашается:

— Точно, подло поступаю. Уж столько назанимал десятков, что посадить меня за это не грех. Но вы не арестовывайте — исправлюсь. Клянусь! В случае чего, меня жизнь осудит.

Мне доставляет удовольствие, что Редькин быстро осознал свою вину. «Зачем человека арестовывать? — думаю. — Авось, возьмется за ум, молодой еще...»

Обо всем этом говорю самому Редькину, беру от него подписку и прошу завтра же сообщить мне, куда он устроился на работу.

Редькин вышел из кабинета, а я подошел к окну. Вижу, как Редькин идет по привокзальной площади, подходит к какой-то старушке...

Прикладывает руку к сердцу. Умоляет ее о чем-то...

Оказалось, он пытался «занять» у нее пять рублей «до завтра» — ему, мол, позарез нужно заплатить штраф в милицию. Вот так исправился!..

Честно выручал

В кабинет следователя доставили молодого человека — спекулянта. Он, скупив водку по десятке за бутылку, перепродавал ее в два раза дороже. К тому же, преступную торговлю развел в вагоне поезда.

Свидетели его изобличают. Один за другим приходят в кабинет на очную ставку и добивают шкурника: «Мне продал...» «Мне продал, 20 рублей потребовал».

Спекулянт, высокий, худой, сгорбленный, в роговых очках на остром носу, мрачно насупил брови, тяжело, угрожающе дышит. Наконец, не выдерживает и возмущенно восклицает:

— Что за люди, что за люди! Склоку разводят. Я же их честно выручал, а они платят мне черной неблагодарностью. Ну уж они выпьют теперь у меня!

Беспокойный

Из семьи, ехавшей на личном автомобиле, угодившем в катастрофу, двое погибли, а третий, хозяин «Жигулей», на следующий день после аварии пришел в сознание и, едва открыв глаза, тревожно простонал:

— Она це-ла?

Следователь и врач, дежуривший у койки больного, ждали и боялись этого вопроса, потому что жена и дочь водителя лежали в морге. О ком же вспоминал владелец транспорта, едва придя в себя, едва опомнившись: о дочери или о жене?

Следователь медлит, затем осторожно переспрашивает:

— Кто, она? — и видит как оживился, возмутился пострадавший.

— Как это кто «она», как это кто «она»! Естественно, ма-ши-на!

Гадалка

На двухэтажном доме, у главного входа, вывеска: «Отдел милиции». Перед зданием — зеленый летний скверик. У клумб с цветами — синие, желтые и красные скамеечки. На некоторых из них сидят мужчины, женщины. Одеты в строгие по цвету и покрою костюмы, платья. Это свидетели. По вызову один за другим они идут к следователю. Многие впервые. С момента получения повестки в голове людей сумятица. По какому делу? И что спросит в кабинете следователь? Конечно, скажет, что гражданский долг каждого — честно отвечать на вопросы в милиции.

Люди волнуются. Томятся. Мужчины, как водится, курят, обсыпаясь в озадаченности пеплом. Женщины мнут руками дамские или хозяйственные сумки. Многие из них дома сняли с пальцев кольца и перстни, чтобы не выглядеть пустыми и праздничными.

Разговоры ведутся вполголоса, нехотя. В основном, молчат и поглядывают на входную дверь здания: кого позовут следующим.

Вдруг через открытое окно слышу бойкий молодой голос с акцентом. Привстаю из-за стола. Вижу юркую чернявую женщину в цветастой кофте и широкой юбке. Она предлагает то одному, то другому... погадать. Этого только не хватало. Под самым, как говорится, носом у милиции.

Но ко мне заходят люди и я не могу оборваться, чтобы спугнуть гадалку. Вскоре слышу, что гадалка нашла в скверике себе клиентку. Подхожу к окну поближе. Седая женщина интеллигентной наружности подставила руку «пиковой даме». До меня доносится: «Скажу, касаточка, что ждет тебя у следователя. В казенном доме узнаешь, золотая, неприятность...» Говорит, предсказывает цыганка что-то еще. Наблюдаю, как шевелятся ее губы. Нет, надо определенно принять меры. Я звоню в дежурную комнату. И тут же ко мне в кабинет входит эта седая старушка, которая доверилась «провидице».

— Кармушкина я. Сына моего вызывали, да нет его дома. В студенческом строительном отряде. Неужто беда какая? Что он натворил? Не поверите, сердце обрывается. С ума и в правду сойду...

Умоляющими глазами она смотрит на меня. Томительно ждет ответа. Теперь не могу скрыть улыбки, объясняю примолкшей женщине:

— Напрасно себя мучите. Сын ваш чудесный парень. И гадать на него не рекомендую! Вообще — пустое занятие. Надувательство. Сами можете убедиться. Ваш сын помог нам задержать злоумышленника. Подписан приказ о его поощрении. Берите подарок. Вот он — фотоаппарат. Это — сыну. И от нас еще раз вам спасибо.

Женщина на минуту лишилась дара речи. Зарделась, сконфузилась:
— Фу, с горя да в радость.

Она несколько раз сердечно поблагодарила мое начальство за большое внимание и честь, оказанные ее сыну — студенту и выбежала из кабинета. А через полминуты слышу гневные слова в адрес нерасчетливо оставшейся в сквере гадалки:

— Неприятности в казенном доме! Простаков все ищете. Я-то, дура, подставила руку. Вот фотоаппарат сыну. Заслужил у милиции. А ты мне — неприятность.

Еще долго слышу в открытое окно, как старушка и присоединившиеся к ней люди ругали гадалку. Тут же «предсказательницей» занялся сотрудник уголовного розыска.

Шпроты

Полдень. Стрелка на моих именных часах показывает без пяти час. Я собираюсь на обед. Пожилая женщина, сутулясь, робко входит в кабинет. В коридоре я заметил ее чуть ли не с утра. Она уже несколько раз приоткрывала дверь, но увидев, что я не один, отступала назад.

Теперь она застала меня одного.

— Я на малость к вам. Да вот заметила: не легкая у вас работа, — облизывая засохшие бесцветные губы, произносит посетительница. — К обеду я подгадывала. Да вижу — в самый раз, защитник вы мой.

Я ничего не могу понять. Вроде бы где-то видел старушку, да сразу не вспомню. Замечаю, что за пазухой старомодного пальто она что-то придерживает. Посетительница бочком идет к моему столу. Свободной рукой поправляет седые волосы под теплым шерстяным платком.

— Родименький, никак запамятовал? Похоже, вы ж меня, старую, от соседа защитили. Покушался на мое жилище, вспомнили? Из-за кладовой, архаровец, озорничал, дверь и стекла повредил. Ну?..

— Ну как же, как же. Теперь помню, — повеселел я, — как дела сейчас? Не обижает? Пристроим! Что вы хотели?

— Не забирает, прямо шелковый. Спасибо, соколик. Вот я пришла отблагодарить. Только не прогневайся, если что не так.

— Вот это зря. Нас, мать, государство благодарит. У вас все хорошо, значит порядок. Справедливость торжествует, как говорят. Замечательно. И я рад. Ступайте. Отдыхайте на здоровье. У вас все?

— Э, нет, уж соколик, — упрямо ответила мне старуха, — не затем я путь такой проделала. Мы тоже люди и понимаем, что к чему...

Из-под пальто ее на письменный стол сползла банка шпротов в масле. Я на секунду онемел. Замахал протестующе руками. Наконец, придя в себя от изумления, стал неловко совать банку шпротов обратно старухе. Но все было напрасно и бесполезно. Она упрямо считала своим святым долгом вручить мне гостинец. Ее добрые, по-детски наивные и доверчивые глаза не понимали моего замешательства и категорического протеста. Тогда я пошел на хитрость.

— Допустим, вы меня угощаете. Но долг платежом красен. Так?

— Так, соколик, — покорно повторила старуха.

— В таком случае, я тоже имею право, даже обязан вас угостить. Согласны? Скажите?

— Согласна, — утвердительно кивнула головой долгожительница.

— Тогда сделаем так. Я принимаю ваш подарок. Теперь шпроты становятся моими. Я ими распоряжаюсь. Что я с ними делаю? Я угощаю этой баночкой вас. Возьмите, возьмите. Как договорились. Иначе обижусь. Это нечестно. Не отказывайтесь.

Старуха в раздумье почесала двумя пальцами под платком и нерешительно взяла из моих рук шпроты. Неловко и неуверенно отступила назад, пятясь к двери, приговаривая:

— Какой уважительный. Молодой, а уважительный. Дай вам бог здоровья. Возьму ваш гостинец. Не откажусь из ваших старательных рук принять подарок.

Старуха прячет банку шпрот за пазуху старого пальтишка и медленно, задумчиво покидает мой кабинет.

С повинной

Конец рабочего дня. Я опечатаваю сейф. Слышу вкрадчивые шаги по коридору. В кабинет заглядывает молодой, тщедушный мужчина. Сутуля высокую фигуру, отрешенно подходит ко мне. Ломает себе руки.

Хрустят длинные, узловатые пальцы. На лице, измученном и высохшем, следы бессонницы, душевных переживаний.

Он что-то невнятно мямлит, смущенно опускает глаза. Переспрашиваю его. Оказывается, это он поздоровался со мной. Я прошу его говорить поразборчивее и — весь во внимании.

Он откашлялся, отказался от стула. Наконец, членораздельно выговорил:

— Мне очень неприятно вас беспокоить. Не кривлю душой. Но и вы войдите в мое положение. С бухты-барухты не стал бы милицию тревожить. Тут все посложнее. В общем, лишился сна. Которую ночь. Хоть караул кричи. Да вот и пришел к вам, чтобы закричать. Спасайте.

— А что случилось?

— Случилось вот что. Сделайте доброе дело. Прошу и уповаю. Я, что называется, влип. В полном смысле слова. Теперь, наверное, и сам генеральный бессилён.

— Вы не волнуйтесь. Давайте разберемся. Чем я могу помочь?

— Начну по порядку. Вроде бы издавна. А фактически с сердцевины. Читаю, читаю в прессе, что при нынешней криминалистической технике и богатом опыте следователей, — вашем, стало быть, — все преступления раскрываются...

— Да, это так. Во всяком случае мы гордимся этим... Достижения!

— Не сомневаюсь. — Худосочные плечи мужчины поежились. Он совсем раскис, как квелая женщина. Но пытаюсь его понять. Он продолжает.

— Не сомневаюсь, потому и пришел. Как говорят, раньше сяду, раньше выпустят. Бухгалтер перед вами. Проверьте мою работу. Документы в ажуре ли? Стали казаться липовыми накладные. Словом, дайте из КРУ ревизоров. Отбуду наказание, если виноват, пока молод и нет детей.

Приходил он еще и еще раз. В конце концов мне пришлось заняться этим молодым человеком по фамилии Футков. Я попросил главного бухгалтера треста, в котором трудился Футков, досконально во всем покопаться.

Он так и сделал. Документы у Футкова оказались в полном порядке.

— Вот теперь, — сказал мне по телефону Футков, — совесть моя чиста. Выходит, ошибался, зря себя терзал и мучил.

В голосе бывшего просителя почувствовал облегчение и радость.

Убиенная

В дежурной комнате райотдела внутренних дел резко зазвонил телефон. Майор милиции Нилин поднял трубку.

Слушая абонента, лицо следователя все больше хмурилось и бледнело. Но на то и милиция, чтобы принимать сообщения о страшных происшествиях, затем спешно выезжать на них. И сейчас в телефонную трубку он коротко сказал:

— Все понятно. Покушение на убийство. Выезжаем, — положив трубку, он спешно приказал:

— Кинолог с овчаркой и два сотрудника уголовного розыска — со мной.

Желтого цвета УАЗик с синей полосой по бокам на предельной скорости летел по указанному адресу. «Успеть бы, — тревожно думал каждый из опергруппы, — задержать преступника, не допустить убийства».

Но вот и нужный дом, нужная квартира.

Нажата кнопка звонка, вмонтированного в дверной косяк.

Томительная минута ожидания.

— Может быть, еще придется выламывать дверь, — произнес кто-то из опергруппы — но нет, ее открывает, дружелюбно улыбаясь, крупная телом и ростом женщина лет сорока. Она чуть-чуть смущена, увидев солидный состав вызванной ею опергруппы.

— Да, да, это я звонила. Я вас вызывала. Думала, нужна будет помощь.

— А что, собственно, случилось? — настороженно спрашивает майор.

— Уже все в порядке, — опять мило улыбаясь, отвечает хозяйка, — малость повздорили с мужем. — Она нежно обнимает рядом с ней стоящего худенького, тщедушного мужчину, который на голову ниже жены.

— Нет уже проблем, жена сама со мной справилась, — соглашается щупленький супруг, растирая на своем лбу свежую фиолетовую шишку.

Разве наши умеют

Этот мужчина живет у нас во дворе. Где он работает, я не знаю. На лице у него постоянно кислая мина. Он всем недоволен: строят у нас плохо, продавцы в магазинах грубые, в школах учат детей кое-как, в троллейбусах грязно, в электричках холодно. Его любимая поговорка: «Разве наши умеют?!»

Узнав, что воры обокрали магазин, он раздраженно произнес:

— Черта лысого найдут грабителя. Разве наши умеют ловить жуликов!

Через несколько дней вор был пойман. От этой скверной новости лицо у соседа еще больше скривилось, точно он проглотил самый кислый лимон.

Сосед раздраженно, с досадой и категорически вымолвил:

— Тоже мне — преступники, тоже мне — бандиты? Уже и попались. Впрочем, что тут долго говорить: разве наши умеют воровать!

Хамелеон

(Почти по Чехову)

В обеденный перерыв продавцы и грузчики столпились в торговом зале. Выбрали президиум и начали собрание. Председатель профкома Катя Ландышева предоставила слово следователю, который доложил о том, что разнорабочий Баландин во дворе универсама в пьяном виде приставал к незнакомому мужчине, выражался нецензурными словами, толкнул того и даже ударил.

В заключение следователь сказал:

— Решайте, товарищи, как поступить с Баландиным.

— А что тут долго рассуждать, — крикнул грузчик Стопариков. — На поруки парня!

Ему вторил завсекцией Халимажников:

— Конечно, на поруки. За что человека судить? Что он — убил кого, ограбил? Баландина я знаю только с положительной стороны. Может, и потерпевший какой-нибудь склочник и забулдыга?

Катя Ландышева молниеносно отреагировала на реплику Халимажникова:

— Полегче, Халимажников, потерпевший — сам товарищ Васин. Он назначается к нам директором вместо Нины Ивановны, которая уходит на пенсию.

Халимажников от таких слов вытаращил глаза, на секунду онемел, закрутил головой и тупо обвел всех взглядом. Наконец, торопливо вымолвил:

— Вот так новость, что ж раньше об этом не сказали? Это тогда совсем другое дело. Мы Баландина спасать не станем. Каждому ясно, что он совершил злостное хулиганство. А поэтому нужно к Баландину подойти по всей строгости закона. Нечего нам брать его под защиту. Не стоит он этого. Вспомним, как работал, спустя рукава, этот разгильдяй, куда катился. Нет, не прикроет его трудовой коллектив своей широкой рабочей спиной. Пьяницам — не место среди нас!

— Васина не утвердили директором. Не бойся ребята, — крикнул кто-то в зале.

— Не утвердили? — настороженно переспросил Халимажников. — Тогда что ж вы мне голову морочите! И нечего нам тут антимонополию разводить. Из-за какого-то ханыги чуть наш прекрасный товарищ не пострадал. Лучший, так сказать, производственник. Предлагаю взять Баландина на...

Он не успел договорить, потому что Катя захлопала в ладоши, призывая к тишине:

— Спокойно, спокойно. О назначении товарища Васина к нам директором уже подписан в управлении приказ. Сама читала...

Халимажников поперхнулся, тупо замолчал, словно подавился. Но через секунду обрел себя и твердо сказал:

— Всем ясно, что вновь назначенный к нам товарищ Васин, уважаемый человек, ни за что ни про что пострадал от какого-то бездельника, хулигана и алкоголика. Я категорически требую: в суд Баландина и точка. Нам таких работников не надо.

Находчивый

Лихач, некто Петр Матюшкин, на своем «Запорожце» так стукнул на переходной дорожке бедную старушку, что та еле выкарабкалась на тротуар. К ней тотчас подошел бодрой походкой владелец автомобиля.

Петр Матюшкин помог встать потерпевшей, отряхнул ее одежду и добродушно сообщил:

— Так и быть, мамаша, я к вам претензий не имею, ступайте домой с богом, да впредь не лезьте под машины. Подфарник и бампер «Запорожца» я подремонтирую за свой счет. Что с вас возьмешь...

— Спасибо, — ответила благодарная старушка, — а то пенсия моя невелика, сынок.

Практичные

В дежурную комнату милиции решительно вошли модно одетые мужчина и женщина. Оказалось — супруги. Заявление их было тревожным:

— Представляете, дочь пропала, двадцати лет.

Даже в самом большом заграничном городе не часто похищают взрослых дочерей, а в нашем — никто не помнит, когда это было.

Дежурный враз сосредоточился, взялся за карандаш, чтобы записать необходимые сведения о пропавшей и отбить телефонограммы во все районы области, может, и коллегам по всей стране: «Срочно ищите девушку... приметы...» Но родительница торопливо пресекла оперативные мероприятия капитана милиции:

— Успокойтесь, пожалуйста. Мы примерно знаем, где наша Светлана. Разрешите позвонить от вас?

— Куда? — изумился сотрудник милиции.

— В Москву. У них телефон на квартире.

— У кого? — продолжал недоумевать дежурный.

— У зятя... Мы вам назовем номер их квартирного аппарата, а вы закажете за ваш счет. С автомата мы не можем дозвониться. Да и дешевле нам будет. Уже неделю от нее нет писем. Считайте, пропала дочь...

Племянник

Моя семья и друзья усаживались за праздничный стол. Не терпелось поскорее поднять бокал за уходящий год. Однако моя жена медлила с тостом и говорила: «Еще рано!» Будто ждала кого-то. И

дождалась! Когда до 12 оставалось несколько минут, раздался звонок и на пороге в прихожей появился спортивного вида юноша со шкиперской бородкой.

— Это дом номер сорок?

— Точно, — вышел я навстречу нежданному гостю.

— Квартира десять?

— Десять.

— Здравствуйте, я ваш племянник.

— Кто к нам приехал, мать! — засуетился я, помогая молодому человеку снять шубу. И пояснил друзьям: — Мальцом его видел. А как вымахал! Сестры моей сын. Юрист, будущий следователь. По моим стопам пошел.

— Да нет, я только учусь... — сконфузился парень.

Но я не обращал на его скромность внимания.

— Владимир! Так, кажется, тебя зовут? Не забыл?

— Запомнили, дядя. Валеркой меня величают.

— Извини, Валера, в нашей суматошной жизни собственное имя забудешь. Быстро — к умывальнику, в ванную. Пять минут тебе. Охладишься с дороги. И к столу, к столу.

Валера отлучился принять душ, я потер ему спину и вернулся к гостям, чтобы с радостью прокомментировать:

— Пятнадцать лет с сестрой не виделся. Какого сына вырастила! И вот нежданно-негаданно он среди нас. Для меня и, надеюсь, моей супруги, это приятный сюрприз: позавчера от сестры письмо получил. И ни слова о том, что едет ко мне Валерий. Ясно, специально не предупредила.

Племянника усадили за стол. Я, наконец, взялся за бокал.

— Выпьем, дорогие друзья, за старый благословенный! За всех нас! За мою сестру, которая в сорок пять лет защитила диссертацию.

Племянник на мой тост странно отреагировал:

— Откуда вы взяли, дядя! Моя мама ничего не защищала.

— Как так, — сконфузился я, потому что хотел похвалиться. И полез в шкаф за письмом: — Вот она пишет...

— Это почерк не моей мамы, — пришел в замешательство Валерий.

— Ты что, милый, говоришь?

— Не моя мама писала, — твердил племянник.

Я положил тогда перед ним конверт с обратным адресом:

— Читай!

— Город Североморск, — поджал губы Валерий. — А мы в Житомире живем...

— Давно переехали? Разыгрываешь. Неделю назад сестра письмо написала и вдруг другое место жительства?

— В Житомире всегда мы жили!

Жена первая заподозрила неладное.

— Твоя мать Клавдия Ивановна? — спросила она.

— Нет...

— Как нет?! Ты — Долгов?

— Какой Долгов? Я — Гаврилов.

— При чем здесь Гаврилов, — закричал я. А куранты отбивали уже полночь. — Мой племянник Долгов!

У парня округлились глаза:

— Стойте! Ваш дом номер сорок, квартира десять переулка Кирова?

— Какого переулка Кирова? Улицы Кирова! Милый, ты ошибся адресом.

Милиция — она все может

Едва майор милиции Нилин вошел в переполненный билетный зал кинотеатра, как у многих появилось желание обратиться к нему с каким-нибудь вопросом.

Первым остро отреагировал на появление блюстителя порядка седой старичок. Он стоял около автомата для продажи газет и бил его по бокам.

Кивая на механизм, симпатичный дедуля озабоченно проговорил:

— Примите меры к адской машине. Возбудите против нее строгое дело. Явным образом жульничает. Обманывает честных людей. Монету проглотила, а прессу не выдает.

Можно было жалобщику ответить: «А при чем тут милиция?», но майор был совсем другого склада. Он доброжелательно заметил:

— А вот мы сейчас автомат с норовом и проверим.

Майор плавно нажал на педальку и в тот же миг, очертив дугу, высунулся угол газеты, что привело старичка в неописуемое и благодарственное волнение:

— Это ж надо! Я же говорил: милиция — она все может!

Услышав это, около Нилина тотчас выросла робкая старушка:

— А мне не поможете?

— Что случилось?

— Билет в кино на улице потеряла. И нет денег, чтобы купить новый. Объявите, если кто его нашел, чтобы вернул.

Майор милиции улыбнулся для порядка, потом нагнулся и поднял с пола билет.

— Вот он, получите... Ваш.

— Чудеса да и только, — умилилась теперь пожилая женщина. И никто не понял фокусы, которые проделал заботливый и чуткий майор. В чрево автомата для продажи газет он сам опустил трехкопеечную монету, а старушке отдал свой билет.

Но зато вслед ему благодарно неслось:

— Милиция — она все может.

Бдительный

В кабинет следователя колом вкатился кругленький маленький старичок. Весь его вид, — живые хитрые глаза, бородка клинышком, кокетливые ужимки, — напоминали джина, выпущенного из бутылки.

— С чем пожаловали, папаша? — спросил следователь.

— С-свистогонов-с я буду. Недалеко живу — через улицу. Есть дело, милоч. Мне бы сообщить кое-что нужно насчет соседа. Надо бы досконально заняться им, — доверительно изрек посетитель.

— Что он ворует, хулиганит?

— Покедова не замечал. Но уж больно заносчив. Считаю, на любое «мокрое» дело может пойти. Даже не здоровкается. Вот я и думаю: хорошо бы обыск у него сделать. Так, на всякий случай. Для бдительности.

Догадливые

В небольшой торговой точке шла смена продавцов. Один передавал материальные ценности, второй — веселый — принимал их. Веселый сказал мрачному:

— Догадываюсь, почему тебя невзлюбило начальство. Не угощал кого следует, поэтому и лишился завмаговской должности. У меня будет по-иному. Для руководства ничего не пожалею. И водка и закуска для них найдется.

Так он и действовал.

Через год, после первой ревизии, догадливого арестовали.

— Знаю, почему ты попал в тюрьму, — сказал в суде своему веселому сменщику его мрачный предшественник, — больно щедрый был для начальства. За счет государства. Это — я тоже догадался.

Предусмотрительный

Прошка Кусачев давно наблюдал за подозрительными действиями Артема Рвачева, который таскал вечерами от колхозной зерносушилки пшеницу.

— Как ворует, — сокрушался, качая головой, честный сосед, — опять поволок к себе домой мешок зерна. Ну, ничего, гражданин Рвачев, я тебе это припомню, надо будет — заявлю в милицию.

И припомнил, и заявил... через год, когда поссорился с соседом из-за межи.

Подвела теория

Водитель грузовика Рюмашкин, упитанный, краснощекий, лет сорока мужчина, не пропускал ни одной телепередачи или статьи в газете о причинах алкоголизма. В знании норм употребления спиртных напитков ему не было равных. К нему частенько обращались приятели с просьбой подсчитать, сколько им можно выпить, чтобы не захмелеть.

Рюмашкин моментально с карандашом в руке по замысловатой формуле, где исходными данными были вес, длина рук, ног, размер головы, торса, рост, походка, вычислял требуемые нормы.

Приятели были ему благодарны. Все обходилось благополучно, но как-то ГАИ задержало самого Рюмашкина. В кабине его машины прочно обосновался запах, характерный для цехов, изготавливающих винно-водочные изделия.

— Да трезвый я! — протестовал Рюмашкин.

Пришлось отправить его на экспертизу. «Водитель пьян», — заключили врачи.

А тот яростно отбивался от обвинения и требовал повторного освидетельствования. Но и новое заключение ничем не отличалось от предыдущего. Было лишь сообщено уточнение: «Опьянение средней степени».

— Ах, средней! — обрадовался Рюмашкин. — А я-то слушаю-слушаю. Против средней степени я ничего не имею. Это я не отрицаю. А то вдруг, пьян! До такой степени я никогда не напьюсь, потому что контролирую свою норму, знаю, сколько мне нужно выпить, чтобы не захмелеть. Могу продемонстрировать свою теорию, по которой я действую. Мой вес — девяносто килограммов, рост — сто семьдесят сантиметров, все это перемножим. А затем разделим на объем груди и прибавим разницу в длине ног и рук. Получится, что научно обоснованная моя норма 430 граммов водки или кило двести сухого, а я употребил и того и другого в два раза меньше, так что верните-ка мои права...

— Только через два года и при другом отношении к своей норме, — ответил госавтоинспектор.

— Подвела теория!

Душили соседи

Это случилось почти в первый день, когда лейтенанту выдали новенькую милицейскую форму. И шел он, замечая, с каким интересом и даже влюбленностью посматривают на него симпатичные девушки. Значит, холостяком не останется.

И сам он любовался собой — все на нем было новенькое: и шинель цвета маренго, и погоны с одним красным просветом и двумя блестящими новенькими звездочками, лейтенанту одного хотелось — отличиться по службе.

А между тем происшествие не заставило долго ждать. Вдруг, когда он горделивою походкой проходил мимо стайки девушек, то услышал сзади истошный женский крик. А через секунду увидел малюсенькую немощную старушку. Она, ломая руки, взывала о помощи:

— Товарищ милиционер, товарищ...

— А, — все что сумел сказать, оторопев от предчувствия тяжкого преступления. Так и было на самом деле. Старушка на одном дыхании продолжала:

— Я сбежала из дома. Защитите. Меня душили соседи.

«Вот он, мой звездный час! — подумал лейтенант — задержу убийц этой несчастной женщины. Неплохо для начала». А между тем старуха, ухватив офицера милиции за борт новенькой шинели, тащила, тащила к себе домой.

Быстро, почти молниеносно, как лейтенанта учили в средней специальной школе милиции, он вбежал в квартиру заявительницы. В комнате, действительно, стоял такой запах, что дышать было нечем. Он рванул на себя дверь соседей несчастной убиенной женщины, которую пытались задушить. Не ожидая такого гостя, хозяйка этой квартиры замерла от удивления, увидев перед собой взъерошенного лейтенанта милиции, а когда оправилась от шока, виновато и беспомощно развела руками:

— Извините. Мы не хотели. Но так вышло. Запах распространяется потому, что мы клопов уничтожаем...

Можно было смеяться, но лейтенанту хотелось заплакать, так все хорошо начиналось: душили соседи...

Я расскажу все сам

Когда Витьке Козликову пришла домой повестка из милиции, он не сомневался: его нашли, теперь — тюрьма.

Виктор трусливо и растерянно заметался по комнате. В его голове стучала мысль: надо идти быстрее к следователю и во всем самому сознаться. За чистосердечное признание меньше дадут.

И еще ему стало ясно, что выдал его милиции неверный корешок Колька Седой, у которого Козликов спрятал ворованную вещь.

Суетливо бросив в баул пару белья, горсть сухарей, две пачки сигарет, он устремился по повестке в милицию: во всем каяться, признаваться.

Вот и кабинет следователя. Дрожа всем телом, заплетающимся языком он представился:

— Козликов я, вызывали?

— Давно жду, — оживился капитан милиции, — думал — не придете...

— Отчего же, я власть уважаю, — пропищал с перепугу Козликов.

— Вот и хорошо, — отозвался следователь. — Собственно, мне только вас осталось допросить, и дело, как говорится, в шляпе. Только один вам вопрос...

— Не надо вопросов. Я все расскажу сам про эту шляпу, как вы метко заметили, имея в виду, конечно, шапку, которую я сорвал с головы девушки. Я вас отлично понял. Но только учтите, что подбил меня на преступление все тот же Колька Седой. И напрасно он все валит на меня. Как было дело? Я расскажу. Я ожидал свою жертву за углом кинотеатра, а Седой стоял на стремяни. Мне быстро удалось сорвать норковую шапку. Спрятали мы ее в подвале дома Кольки Седова. Там она и сейчас находится. Так что, фактически, мы вместе с Колькой грабили ту девушку. И вы не верьте ему, если он все валит на меня.

Следователь внимательно и напряженно слушал Козликова, сдвинув брови, и быстро-быстро заносил его слова в протокол. А потом откинулся на спинку кресла, удовлетворенно хлопнул ладонью по бумагам, и подвел итоги:

— Очень хорошо. Молодец, Козликов, что во всем сам признался. Давно мы ищем грабителей, увы, тебя и твоего дружка-приятеля. А теперь расскажи про то, как столкнулись две автомашины напротив твоего дома. Ты был очевидцем происшествия. Собственно, по этому вопросу я тебя и вызывал...

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

(Из блокнота писателя)

Детективная литература — это напряжение мысли и сил сыщиков, победа героев в единоборстве со злом, это — засады, хитроумные комбинации, бег, стрельба, допросы, аресты. Увлекательный жанр. Кто его не любит! Однако и с почитателями этого рода произведений случаются казусы. Вот такие.

Как-то мой друг, писатель, обратился ко мне с необычной просьбой:

— Слушай, выручай. Повадилась ко мне соседка, жена большого начальника, за книгами. Обожает детективные сюжеты. Читает, что называется, запоем. Большая интеллектуалка. Любую толстенную книгу штудирует за ночь, а утром возвращает, как ни в чем не бывало. Моя домашняя библиотека иссякла. За два месяца она ее всю проглотила. Мне больше нечего ей давать, а она с претензиями, приобщи ее к своей полке детективных томов. У тебя ведь и Эдгар По, и Агата Кристи, и Жорж Сименон в большом наборе. Глядишь, все прочитает, утомится и нас оставит в покое.

Я согласился. Пришлось выручать друга. И уже на следующий день соседка уносила от меня увесистый том Г. Адамова «Тайна двух океанов».

Женщина была, действительно, величественна, каждым движением подчеркивала свою значительность, важность персоны.

Томик Адамова она вернула мне через сутки. Не задержала более 24 часов и другие его романы «Победители недр», «Изгнание владыки».

Стремительно читала всех авторов. Пришло время, когда исчерпалась для нее и моя приключенческая литература.

Я ей сказал об этом. Она обиженно провела глазами по стеллажам моей библиотеки и остановила взгляд на толстом фолианте в кожаном переплете.

— Дайте мне вон ту, — с достоинством произнесла она.

— Но это «Капитал» Маркса.

— Ну и что же, — в прежней манере ответила соседка.

А через день, как всегда, она вернула мне основной научный труд классика диалектического материализма. Я не выдержал и простодушно спросил:

— Ну как? Понравилась книга?

Она надменно ответила:

— Да! Конечно! — И самоуверенно, с апломбом добавила:

— Только жаль, что он ее в конце убивает...

Дело было так. В большом зале проходила традиционная встреча читателей с литераторами.

После устных рассказов о своих книгах, о себе мы начали вручать автографы. Писали на титульных листах наших романов и повестей, которые заранее купили слушатели. Желали им добра, здоровья, успехов.

И вдруг ко мне робко подошла миловидная женщина и стеснительно сказала:

— Вы как-нибудь по-особенному на моей книге напишите. Мы с мужем очень любим детективную фабулу.

Мой друг Александр К. тут же нашелся и подсказал мне:

— Напиши «На память о встрече».

Я без промедления и задней мысли это сделал. Женщина осталась довольной. А на другой день, рано утром, ко мне, в рабочий кабинет, вошел высокий с сединой мужчина. В руках он держал мою книгу с автографом, который я оставил на титульном листе по просьбе его жены.

Мужчина был симпатичный, но чрезмерная бледность, трясущиеся губы, блуждающий, растерянный взгляд исказили его внешность.

Он решительно начал:

— Я все уже знаю. Нечего больше скрывать. Пусть лучше горькая правда, чем красивая ложь. Скажите честно, — при этих словах он ткнул пальцем в мой автограф, — скажите честно, где вы встречались с моей женой...

— !?!

И тут, слава богу, на мою радость, в кабинет вошел виновник текста того автографа Александр К. Почти два часа нам понадобилось, чтобы разубедить посетителя и счастливым отправить его в обратную дорогу.

Когда не следуют своим советам

Как-то общество «Знание» попросило меня и моего коллегу присутствовать на ярмарке по продаже наших книг.

Мой коллега очень любит мои книги (как, впрочем, и я его). Но он умеет их сочно преподносить.

Покупали книги в основном женщины, из этого следует, что они сильнее любят детективный жанр художественной литературы.

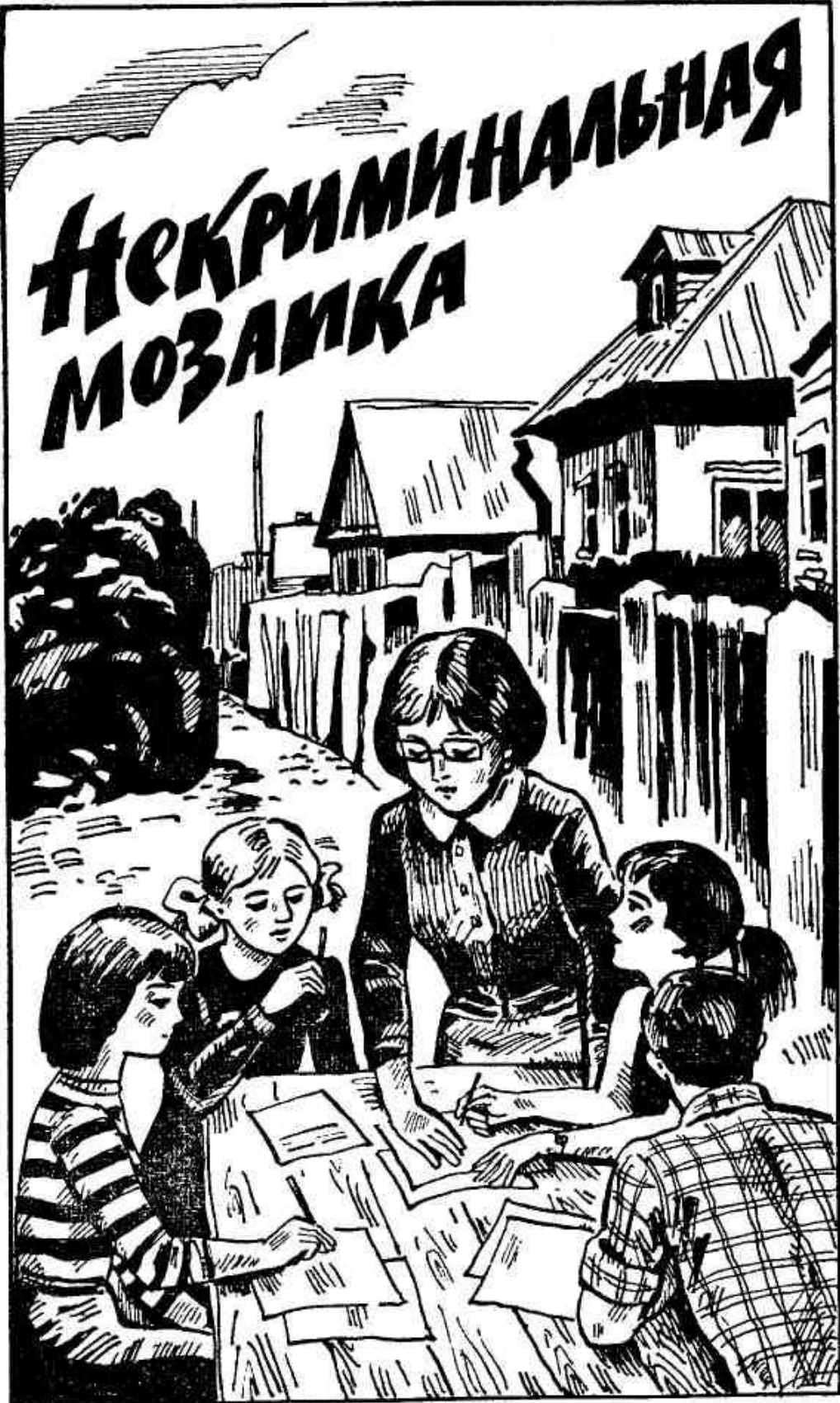
Каждой покупательнице мой друг напутственно говорил:

— Только не давайте книгу на ночь мужу читать: всю ночь от детектива не оторвется и вас оставит без внимания.

Этот совет он, видимо, вскоре забыл и, придя вечером домой, показал детектив жене, а сам сел за стол и стал ждать ужина, но не дождался ни ужина, ни жены спать. Она увлеклась детективом, оставив мужа без внимания не только на весь вечер, но и на всю ночь.

Вот что бывает, когда люди не следуют своим же советам.

НЕКРИМИНАЛЬНАЯ МОЗАИКА

В народе говорят: хвали-хвали, да не захваливай. Думаю, никто в этих юморесках не увидит ударов по авторитетам. Сатира! И забавный случай!

БЕЗЗАБОТКИН НА СЛУЖБЕ

— Куда мне заявить? Деньги вытащили, — нерешительно обратилась к оперуполномоченному Беззаботкину пожилая женщина.

Лейтенант глухо произнес:

— Что ж это вы карманы развешиваете? На рынке что ль?

Потерпевшая вздохнула:

— Да нет, в автобусе, села у института, через минуту спохватилась, нет кошелька.

Беззаботкин перелистал справочник по городу. Так и есть. За институтом расположена территория первого отделения милиции.

— Мамаша, — сосредоточенно уточнил лейтенант, — вы институт проехали, когда спохватились?

— Проехала, сынок, — замотала утвердительно головой посетительница.

— Конечно, проехали, — словно это он сам ехал, убежденно заключил Беззаботкин и попросил потерпевшую написать заявление.

— Не забудьте точно указать, что отъехали от института, а через некоторое время — нет кошелька, — деловито наставлял лейтенант, — и несите заявление на улицу Разина. Это туда нужно.

Через полчаса, когда Беззаботкин, мурлыча под нос песенку, собирался еще раз почистить скрепкой за ногтями, потом отправиться обедать, в кабинет бочком вкатилась старая знакомая.

— Хмы, — поднял плечи лейтенант.

— Оттуда к вам послали, — оправдывалась гражданка, держа в воздухе заявление, как бы спрашивая разрешение положить его на стол Беззаботкину. Но тот быстро набрал номер.

— Кто? Перекуров? Ты что футболишь? Открой 39-ю страничку, читай сверху. За институтом ваша земля, дорогой мой. Ну, ладно, не шуми, давай выедем на место. Убедимся.

Усадив потерпевшую в «Жигули», Беззаботкин и Перекуров подъехали к Политехническому институту.

— Да не здесь совсем, — с досадой сказала замученная женщина, — около строительного института.

— Около строительного?! — присвистнули лейтенанты. — А мы-то слушаем, слушаем. Это вам нужно обратиться в третье отделение милиции.

Через пять минут друзья уже сидели в столовой.

ГАЗЕТНАЯ БАЙКА

Тот автор, который написал в одну газету сенсационную и политизированную байку, внезапно умер. В оставленной им посмертной записке говорилось: «...Если не верите мне, то поезжайте, проверьте».

Он, конечно, был уверен в том, что любой испугается туда ехать: далеко и опасно. Называлось страшное место.

А те скрупулезные газетчики взяли и отправились в путь — уж очень боялись они давать громкий материал в печать без проверки. Но там, в городе М. от обильных дождей случилось наводнение. Все жители, спасаясь, переселились неизвестно куда. Кроме одной женщины.

Она знала той сенсационной заметки автора, который внезапно умер и который написал байку. Старушка лишь не была в курсе — правда в той заметке или вымысел, и послала проверяльщиков в горы, к своему старику-пастуху. Он должен подтвердить или опровергнуть сочинение бойкого «народного» корреспондента, который, увы, скончался.

Но гонцам снова не повезло. В тех горах произошло низвержение вулкана, и старик, которого искали для подтверждения верности сведений, содержащихся в письме-заметке, тоже не хуже того рабоче-крестьянского информатора, отдал Богу душу.

Проверяльщики собрались в обратный путь, твердо решив заметку пока не публиковать. Но им встретился журналист из другой независимой газеты, из той газеты, которая все печатала без разбору. Узнав проблему коллег, он самонадеянно произнес:

— Да какая разница, правда или нет в заметке? Важно другое — это сенсация. Без нее газета — не газета!

Молодой хваткий журналист из другой газеты тут же забрал письмо у проверяльщикова, а потом спешно опубликовал его в своей независимой от правды газете.

Но оказалось, что в байке бредовое вранье. Посыпались опровержения. Однако разве в них дело? Важнее стало то, что их газету в киосках покупают нарасхват. Из-за той байки. Повысились и тираж издания, и зарплата журналистов. Вот что значит — деловые люди.

РАСТУТ НАШИ ДЕТИ

Каждый маленький знает

После обеда ко мне на колени забралась дочь.

— Поиграй со мной, — попросила кроха и добавила, — а то все ты читаешь. Что хоть там пишут интелесного?

Не отрывая глаз от книги, спокойно и вяло промямлил:

— Ну вот, например, почему бывают плохие дети, мало кушают...

— Охота тебе об этом читать. Каждый маленький знает... Что тут интелесного, — пятилетняя дочурка разочарованно спрыгнула с колен и пошла играть с куклой.

Молодец, дедушка

— Дедушка, почему ты говоришь, что, когда выпьешь, то мозги лучше лаботают?

— Потому что, курносая, они смазываются.

— Молодец, дедушка. С тебя поллитла.

Морщинки

— Бабушка, у тебя морщинки то выплывают, то сплячутся.

— Ну и что же?

— А то, что они у тебя под кожей на лезинках. Думаешь, что я маленькая и не соображаю.

Откуда берется ветер

- Мама, ты знаешь, почему ветел бывает?
- Ну скажи, почему же?
- А-а! Мы же шевелим луками и ветел шевелится.

Ромашки на теле

- Видишь, бабушка, от холода у меня плыщички на теле?
- Вижу.
- Это ломашки.
- Не ромашки, а мурашки.
- Нет, бабуля, мулашки длугого цвета.

Дело нашивают

- Бабуля, папа говолил маме, что ему дело нашивают. Вот и холошо. А из лоскутиков я куклу наляжу. Плавда?
- Нарядишь, нарядишь, если папа тебе эти лоскутики отдаст.
- А что ж, он лодной дочке пожалеет?

Так ведь лето же

- Дедушка, мама говолит, что начальник о ней тепло отзывается.
- Ну и что же?
- А то, что сейчас ведь лето.
- Не понимаю. Какая связь.
- А такая, что зимой опять будет холодно отзыватья. На улице будет снег и мороз.

Судачили подружки

Шестилетняя Галочка:

— Живых зайчиков на фабрике делают.

— Нет, они вырастают из грибов, — не согласилась крошка Таня.

На что третья подружка Вика ответила:

— Пусть так. Только не все из грибов. Зеленые появляются из травы.

Галочка сопротивлялась:

— Неправда. Их просто красят разной краской.

— Может и так, — смирилась Галочка. — А знаете, почему тети в очереди лбы морщат?

— Ну, — заинтересовалась Вика.

— Морщат, потому что шепчутся.

Тему разговора изменила Таня:

— Я не буду обижать маму, а если наши куклы подрастут и не станут нас слушаться? Разве это будет хорошо?

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Мы решили пораньше сесть к столу, чтобы не прозевать Новый год. Гости уже разобрали ложки, вилки, как вдруг зазвонил телефон.

— Это номер 22-14? — прожурчал голос девушки с междугородной телефонной станции.

— Разумеется, — самодовольно ответил я. — Только через семерку.

Я прикрыл трубку ладонью и обрадовал жену: — «Межгород!»

— Ой, это мама!

И начался длинный, бесконечный разговор моей жены со своей мамулей: «Что у вас нового?» — «А что у вас?»

Часы показывали без четверти полночь, а конца разговору не чувствовалось.

— Мама, — кричала в трубку жена, — поговори со своим зятем.

Я замахал руками, но было уже поздно. Спустя несколько минут теща попросила к телефону внучку. Часы показывали без семи минут двенадцать. Гости явно скучали.

Но теперь уже дочь сжимала маленькой ладонью телефонную трубку, из которой сыпались вопросы бабушки.

Часы-кукушка звякнули, напоминая, что до Нового года остается меньше пяти минут. Гости нетерпеливо заерзали на стульях.

— Прощайся с бабушкой, — крикнул я раздосадованно дочери. Тут и жена поняла, что мы вот-вот и прозеваем долгожданный Новый год. Она отняла трубку у дочери и закричала:

— До свидания, мама... Что, что? Какую посылку? Ничего мы не получали? С чем, с чем? С макулатурой? Кто просил? Я?..

Лицо жены приняло такое выражение, точно она съела целый лимон.

— Да кто это звонит? Кто вам нужен? Какая Луга? Ленинградской области? Вы не в тот город попали. Это Калуга, Калужской области.

А между тем Кремлевские куранты отбивали полночь.

ОХ, ЭТИ ЖЕНЩИНЫ!

Часа за полтора до Нового года мы с друзьями рассаживались за праздничный стол. Жена торопила меня:

— Поднимай, поднимай бокал за уходящий, а то опять не успеем, как в прошлом году.

Я встал, чтобы произнести здравицу, поздравить всех, но сосед справа поинтересовался:

— А что тогда было?

— Да за час до Нового нам позвонила мама жены из другого города. Мы ей битый час сообщали о нашем самочувствии, интересовались ее делами. А под бой курантов выяснилось, что абонентка попала вместо Луги в Калугу.

Гости посмеивались. Они явно заждались тоста. Я начал, но (о, демон!) в дверь позвонили. Правда, гость был симпатичный, вернее, гостья: в прихожей стояла наша молоденькая соседка, белокурая красавица Зиночка, пребывавшая в одиночестве, так как с месяц назад, почти сразу после свадьбы, ее славный муж уехал на год в заграничную командировку.

Тысячу раз извиняясь, она смущенно объяснила:

— Пришла с дежурства, а дверь отпереть не могу. Что-то случилось с замком. Слышу у вас веселье и решила обратиться за помощью...

Дружным взрывом голосов мы упросили скромную и очаровательную соседку сесть за наш пиршественный стол.

Зиночка, скованная, расстроенная, производила хорошее впечатление. Особенно на мужчин.

Время меж тем бежало, а мы лишь со слюжкой косились на яства. С особым вожделением посматривали на испускающее аромат заячье мясо — охотничьи мои трофеи.

— Итак, — я решительно произнес первую фразу задравного тоста. И, о, злой дух, в дверь коротко, но настойчиво позвонили. Жена умчалась в прихожую и через полминуты ввела в комнату приятного вида замаскированного Деда Мороза с подарками. Для начала он каждой женщине вручил по гвоздике, осмотрел застолье и, конечно же, подсел поближе к самой красивой женщине нашего торжества, к Зиночке.

Мне показалось, что это кто-то с моей работы. Жене казалось иное. Она мне шепнула:

— По-моему, это Гера Красоткин из лаборатории нашего треста. Большой любитель до чужих женщин. За эти грехи супруга его оставила.

Зиночка наша раскраснелась, глазки загорелись интересом. Видать, не так уж сильно она соскучилась по мужу...

Ох, эти женщины! Хранительницы чужой нравственности!

Я опять поднял бокал и попытался допроизнести речь. Но симпатичный Дед Мороз заявил: «Сначала новогодние подарки!»

Он обошел нас с сумкой в руке. Мне досталась хлопушка, жене пицалка, другим резиновые надувные зверята, а Зиночке... коробочка. На ее атласной подкладке, свернувшись змейкой, лежала золотая цепочка с медальоном.

Гости так и ахнули, а потом на минуту потеряли речь.

Я опять поднял бокал, но кудесник, облепленный белой бородой, предложил нам принять еще по одному подарку. Кто-то крикнул, чтобы он перемешал получше в мешке сувениры.

На этот раз мне досталась соска, жене гольш и другим не лучше, а Зиночке (ну, везучая!) опять коробочка, теперь с золотыми серьгами. Женщины вытаращились и слово сказать не могут. Наконец засудачили: «Да какое она имеет право брать от постороннего мужчины дорогие подарки!»

Я поднял бокал. Но Дед Мороз сказал, что бог любит троицу, а поэтому предложил попробовать счастья в третьем подарке. Мне достался серпантин, жене — конфетти, другим такие же безделушки, а

Зиночке... ну, представьте, опять коробочка, только побольше размером. В ней лежали изящный флакон духов и золотой перстень.

Тут уже гости, особенно женщины, совсем онемели. А одна из них, отобрав у меня право первого тоста, подняла бокал с вином и раздосадованно крикнула:

— За верных жен, которые преданно ждут своих мужей...

Поднялся переполох. Я думал, Зиночка смутится. А она, напротив, обняла Деда Мороза и сочно его поцеловала в самые горячие губы.

Ох, эти женщины, пойми их!

Теперь я в Деде Морозе предположил Сашку Мельникова, который раньше ухаживал за Зиночкой, но упустил невесту.

А между тем под бой кремлевских курантов Дед Мороз стаскивал с головы маску. И новое удивление ошеломило нас.

Ох, проказница Зиночка! Сейчас мы поняли, кому она подыгрывала, кого жарко целовала, кто делал ей сверхдорогие подарки! Ох, эти женщины!

Опомнившись от удивления, мы стали чокаться бокалами, желали друг другу счастья, а милую Зиночку поздравили с возвращением ее супруга.

ПОДАРКИ

Начальник отдела пригласил к себе мужчин и устало произнес:

— Завтра Восьмое марта. Всем известно? Как будем отмечать?

— Надо, как всегда, сброситься и купить женщинам подарки, — отреагировал кто-то.

— Толково сказано. Какие будут предложения?

— Раскошелимся. Внесем рублей по двадцать пять, — крикнул инженер Добряков.

— Неплохое предложение. А что купим?

— Если по четвертному, то — машину. Одну на всех, — сказал автослесарь.

— Хоро-ошее дело! — размечтался начальник, откинувшись на спинку кресла. — У Петровой есть права, пусть катает наших дорогих и любимых женщин. Еще есть идеи?

— Одной Петровой подарим, другие обидятся, — крутнул головой завхоз.

Начальник отчаянно тер себе виски:

— Давайте покупать такое, чтобы — каждой или, по крайней мере, на двоих.

— Нечего мудрить, — пробасил завгар, — сбрасываемся по десятке и покупаем каждой по сережке. А они их по очереди будут носить. От этого только укрепится нравственная атмосфера в женском коллективе.

— А денег хватит, если сложимся по десятке? — насторожился начальник.

Бухгалтер заработал на малюсенькой электронной машинке и тотчас ответил:

— Вполне.

— Давайте все-таки каждой по подарку. И соберем по пятерке. Это вернее, — заметил вахтер Галкин.

— Ну, по пятерке, так по пятерке. Каждой сувенирчик — это хорошо. И они к мужчинам теплее будут относиться. Сдавайте деньги Добрякову. И к обеду все, что нужно, купите. Фу, словно гора с плеч. Всегда думаешь-думаешь, ломаешь-ломаешь голову, как бы поинтереснее отметить женский день...

Мужчины выскребли из карманов все, что у них было, и Добряков взвился отовариваться. А к обеду сияющих и чуть-чуть сконфуженных женщин пригласили для вручения подарков. Начальник от всей души поздравил своих красавиц с праздником и торжественно преподнес каждой из них по отличной цветной открытке.

РЕПОРТАЖ СО СТАДИОНА

Что и говорить: умеют наши играть, когда захотят. «Динамо» есть «Динамо».

Вот вратарь Голубев красивым ударом выбивает мяч почти за центр поля. Ловким движением ног любимец болельщиков Иванов хотел перехватить его, но не смог. Да, маленькая оплошность. А вообще ведущий наш футболист выглядит великолепно. Он точным расчетным взмахом правой ноги пытается забрать мяч у противника, но чуть-чуть промедлил. Только чуть-чуть.

Идет пятнадцатая минута второго тайма. Счет один ноль. Пока не в нашу пользу. Но играют наши превосходно. Особенно Иванов и его

закадычный друг Сидоров. Один на правом крае, второй — на левом.

Но мяч по-прежнему у противника. Они вплотную подгоняют мяч к нашим воротам и с очень близкого расстояния бьют по ним.

Наш вратарь в прекрасной форме. Для него не может быть неожиданных мячей. Он сам летает от штанги к штанге, словно птица. Но... удар!

Как замечательно прыгнул Голубев! Десятки фотографов успели щелкнуть аппаратами, поэтому снимок, дорогие болельщики, из тех, кто не попал сегодня на стадион, видимо, посмотрите в газете. Какой изгиб тела, какой умопомрачительный выброс руки! Да, на это способен только наш Голубев.

Однако, к сожалению, он не дотянулся до мяча. Нападающий «Стрелы» не очень умело, споткнувшись и чуть не упав, очень некрасиво, но все-таки забивает второй гол в наши ворота. И хотя наша «Ракета» пока не забила мячей, пропустив по ошибке в свои ворота два, она выглядит по-боевому. Настроение у наших, как всегда, приподнятое.

Итак, мяч вводят в игру с центра поля. Иванов красивым ударом, пяткой, обманув, как только он умеет, неприятеля, хотел передать мяч Сидорову, но... О, ему сегодня не везет! Из-за спешки он пропахал носком бутсы землю. Но ничего, он наверстает упущенное. А возможно, это тактика, чтобы дать фору противнику, а потом, в решающие минуты перед окончанием матча, блестяще, как это может только «Ракета», победить. Но посмотрим, что будет дальше. Пока на поле явное преимущество нашей команды. Игровое преимущество.

Мячом владеет противник. Но вряд ли это долго будет продолжаться. Чувствуется, что гости выдохлись и вот-вот буквально сядут прямо на траву.

Наши же просто орлы. Они демонстрируют поистине современную игру, чудесную взаимовыручку. Но их плотно прикрывают. Вот чем, пожалуй, объясняется и несправедливый счет в матче.

Вот опять кто-то из гостей устремился к нашим воротам. Но бежит он нескладно, ноги его заплетаются, вот уж поистине, видно, не мастак он на творчество, и ему, конечно же, трудно бороться с нашими титулованными Ивановым, Петровым, Сидоровым.

Но на этот раз каким-то чудом противнику удастся пробиться к нашим воротам. Мяч неохотно, но все-таки залетает в сетку. Счет 0 : 3.

Нелепое, прямо скажем, поражение. В общем же, наши тренеры правильную линию действий избрали для своих питомцев. Они больше нацеливают наших футболистов на атакующий футбол, с короткими передачами и сильными ударами по воротам. Ясно одно, наш футбол на подъеме.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕД И СТРОГИЙ МИЛИЦИОНЕР

Дед Матвей, блаженствуя на заслуженном отдыхе, днями смотрел из окна на регулировщика, который стоял напротив его дома. В холод, в зной, в дождь, в метель сотрудник ГАИ блестяще выполнял свою работу. От этого сердце деда Матвея переполнялось нежными чувствами к блюстителю порядка. Однажды, не выдержав, пожилой человек спустился со своего шестого этажа, чтобы, как говорят, объясниться с милиционером в любви.

Сердобольный дедуля начал так:

— Товарищ сержант, я вас отвлеку всего на одну минуту. Примите от меня благодарность за то, что вы очень многих детей, взрослых, шоферов уберегли от неприятностей. Большое вам спасибо от всех поголовно людей. Те, кто столкнулся с вами, никогда вас не забудут...

Милиционеру же все это показалось очень странным. Продолжая профессионально точно работать жезлом, он настороженно всматривался в непрошеного благодетеля и, наконец, все понял: «Во, дед, уже где-то с утра поддал», — подумал сержант, а вслух предостерегающе изрек:

— Слушай, дед. Таких доброхотов давно что-то мне не попадалось. Но я тебе дам дельный совет: если по какому-то случаю уже напился, то не скандаль, а иди-ка домой баюшки, а то не ровен час и в вытрезвитель отправлю.

Дед беспокойно стал оправдываться:

— Что вы, давно не пью. Я лишь хотел...

Деда еще более строго перебил блюститель порядка:

— А я говорю: ступай домой, а то угодишь туда, куда сказал.

Только теперь дед Матвей понял, что он не на шутку разозлил милиционера, который являл пример мастера своего дела, но был далек до сентиментальности, телячьих нежностей. Он проникся лишь суровой усердностью в работе.

МАЛЕНЬКИЙ ВИНТИК

— Ты изволил выразиться, что я работаю не в духе времени. Напомнил о перестройке. Смею тебя заверить, что суть перестройки не в количестве, а в качестве. Что ты меня подгоняешь? Ты дай мне время обдумать, оценить твои справки...

— Иван Петрович, что же тут ломать голову, документы мои в порядке. Вот они у вас на столе. Место работы, заработок, жена, дети, квартирные условия, мое здоровье — все известно. Подписывайте свое согласие, пожалуйста. Без вашей визы мне путевку не дадут в дом отдыха.

— Петров, Петров! Неужели думаешь, что я не подпишу? Для того ко мне люди ходят, чтобы я отмечал да визировал. Но не могу без разбору, с закрытыми глазами подмахнуть серьезную просьбу...

— Иван Петрович, в газетах каждый день пишут, чтобы не разводили в канцеляриях антимонию.

— Правильно пишут. Я двумя руками — за. Но можно ли назвать бюрократа человека лишь за то, что он внимательно изучает документы? Скажи, ты можешь меня назвать волокитчиком, чиновником, бездушным человеком? Посмотри, сколько времени я истратил, заботясь о тебе. Другой бы в секунду отказал и — поворачивай оглобли. А я битый час с тобой вожусь.

— Иван Петрович, вот в том-то и дело. Я задерживаюсь у вас. Меня в цехе ждут. Отпустили только на пять минут. А мы толчем воду в ступе. Подпишите, пожалуйста, и я пойду оформлять путевку.

— Ах, молодо-зелено. Все бы им на скоростях делать. Да подпишу, подпишу я. Но и хочу, чтобы ты понял, не все можно помечать да визировать. Однако в любом случае ты дай мне время вникнуть в детали, так сказать, обмозговать со всех сторон ситуацию, чтобы не было промашки. Ты же сам, Петров, осудишь меня первый, если я, не читая, буду «подмахивать». Это Фамусов говаривал: «...а у меня, что дело, что не дело, обычай мой такой: подписано, так с плеч долой». Ты что, Петров, за такой принцип рассмотрения жалоб и заявлений граждан? Нет, конечно. И еще одно запомни, Петров, я маленький винтик большого механизма. Я напортачу — вся машина остановится...

— Иван Петрович, я опаздываю. Меня ждут в цехе. Станок простаивает. Решайте: да или нет.

— Присядь, Петров. В ногах правды нет. Это точно. А то ты можешь сказать, что у меня не хватает чуткости, внимания. А я тебе так скажу: у нас в стране все есть, мы только не умеем этим всем пользоваться. А насчет того, чтобы с бухты-барахты подписывать, меня никто не заставит, в том числе и перестройка. К тому же, ты у меня не один такой шустрый. Слышишь шум в коридоре? Это из-за тебя там очередь собралась.

— Почему из-за меня, Иван Петрович?

— Да потому, что, прежде, чем идти к начальству, ты должен был сам изучить свои справки, прикинуть, чего не хватает в них. В народе говорят: десять раз отмерь — один отрежь.

— Семь раз отмерь, Иван Петрович.

— Вот, видишь, как ты старшим перечишь. В крови это у вас, у молодежи.

— Иван Петрович, оформляйте, пожалуйста, просьбу. Ведь если я у вас на три часа задержусь, меня уволят за прогул. Ну, подпишите. Ведь перестройка, все должны работать оперативно.

— Добавляй, Петров, и качественно. А где быстро, там качественно не бывает. Я подпишу, подпишу.

Иван Петрович берет ручку, медлит и добавляет:

— Я подпишу, но чуток попозже, когда принесешь справки и о состоянии здоровья всех членов семьи. Ведь на курорт все-таки едешь...

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО О ПОДРОСТКЕ

≡ Зайнски следователя

Следователь полистал уголовное дело. Потерпевших много, заявлений — тоже. Домохозяйка Ильюшенко с площади Труда на минутку оставила квартиру открытой, а вернулась — там трое «гостей». Позвала на помощь. Воров задержали. Виктор Новоселов, Юрий Лабузин и Владимир Кирьянский — ученики восьмого класса, Александр Щучков — тоже из восьмого, но в этой краже не участвовал, а в остальных — да.

Квартирных краж на совести у четверки много. Изобличают подростков потерпевшие Ильюшенко, Борискина, Манакова, Кондрак... Щучков приносил отмычки, находил ключи от квартир, не очень надежно спрятанные.

И вот встреча с работниками уголовного розыска, невеселые рассказы о своих похождениях. «Увлекались» квартирными кражами. В одном месте украли портсигар, в другом — польстились на галантерейную мелочь, а в третьем — выкрали бусы и три рубля. Ребята называют с завидной точностью, что, где украли: очки, серьги, кольца, даже... шесть апельсинов. А у гражданки Кондрак, воспользовавшись ее ключами, похитили золотые вещи.

Как им это удавалось? Взрослые дяди и тети, словно специально для них, оставляли ключи от собственных квартир у дверей, точнее, у порога под ковриками. Пожилые, опытные люди просто-напросто ротозейничали. Допускали потерпевшие и другую ошибку: не заявляли «по мелочам» в милицию, иначе путь воришек был бы куда короче.

А в отношении ключей пострадавшие разводят руками:

— Доверялись. И соседи знали, что храним...

Конечно, речь идет не о том, чтобы быть сверхбдительными. Но в подобных случаях лучше спрятать ключ как следует.

Свидетели по-разному воспринимают происшествия. Одни решительны и строги в предложениях о наказании преступников, даже если они и подростки, другие настроены либерально: подумаешь, разбойники, простить надо...

Посмотрим же на обвиняемых.

Вот сидит Александр Щучков. В восьмом классе учился плохо, его перевели в седьмой. Директор школы и классный руководитель дают письменную характеристику:

«Мать не пользуется авторитетом у сына, он страшно грубит с ней, обманывает ее, пьет вино, курит. На уроках выражается нецензурными словами... Родительская общественность посещала Щучкова на дому. Сдвигов от этого не было».

О кражах в школе, конечно, ничего неизвестно.

Мать Александра, уборщица одного из предприятий, Екатерина Тимофеевна Щучкова, сына не хвалит. Следствию и суду дает чистосердечные показания:

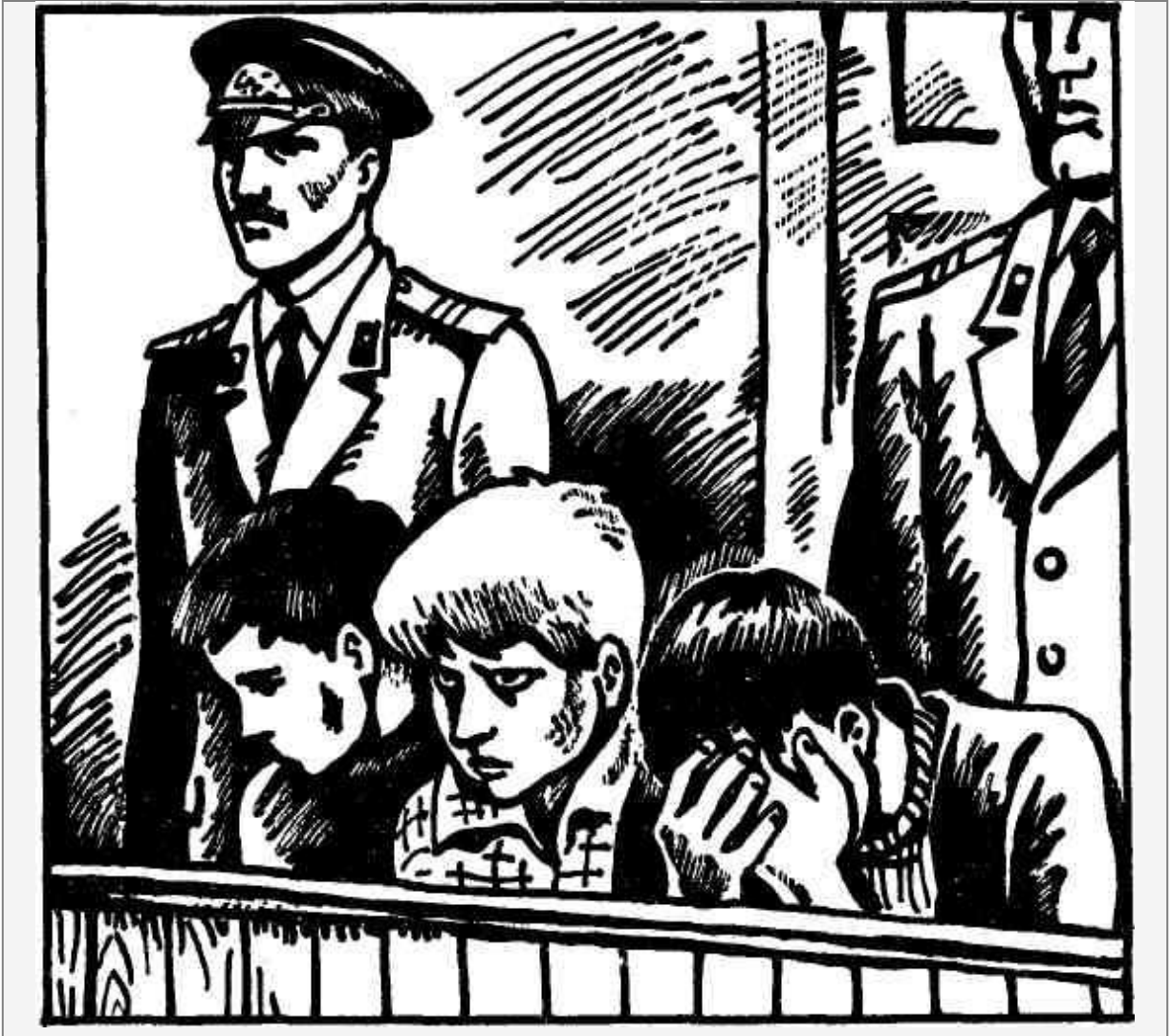
«Сын со мной не считался, был озлоблен, книги читать не любил. Кроме него, у меня еще трое детей. Муж умер, когда Саше было шесть лет. С тех пор я и маюсь».

О том, что сын в апреле — мае редко посещал школу (он занимался воровством), мать, разумеется, не знала.

А тем временем вожак подростков Щучков рассеянно отвечает на вопросы следователя, взгляд его ничего не выражает, к своей судьбе он безразличен.

Когда знакомишься с кривой падения Щучкова, диву даешься, как на глазах у школы, родительницы, общественности разложился парень и подбил на преступление в общем-то далеко не испорченных ребят — восьмиклассников Виктора Новоселова, Юрия Лабузина, Владимира Кирьянского.

О первом из них — Викторе Новоселове в школе говорят, что мальчик обладал организаторскими способностями, у ребят в классе пользовался авторитетом. Но далее классный руководитель констатирует, что учеба для Виктора превратилась в тягость, хотя дисциплину на уроках не нарушал. Последнее время часто пропускал занятия. В школе никто не знал истинной причины этого, домой к нему не навевались, друзьями его не интересовались.

Анна Дмитриевна Новоселова, мать Виктора, пенсионерка. Она малограмотна, говорит, что за сыном наблюдала: он дома читал, играл в шахматы, увлекался радиоделом.

— Мы с мужем, — отмечает она, — купили ему радиоприемник, фотоаппарат. А в милицию лишь как-то один раз из-за сына вызывали...

Она готова утверждать, что просмотрела Виктора школа: «Почему бы ей не забить тревогу, что сын стал часто пропускать занятия?»

Следователь смотрит на сына и на мать и думает: «А почему бы вам почаще не навещать в школу, время-то было?»

Формула: равнодушие родителей — преступление детей — скамья подсудимых, и тут сработала неотвратимо.

Третьим в четверке поставим Владимира Кирьянского. Учителя утверждают, что это способный шестнадцатилетний парень, но в школе был средним по успеваемости, учился ниже своих возможностей. Вспыльчив, замкнут. Участвовал в художественной самодеятельности, выпуске стенгазеты. Увлекался игрой в футбол. Последнее время стал учиться плохо, пропускал занятия. По каким причинам — школа пока не выяснила.

Анна Афанасьевна Кирьянская, прессовщица городского комбината, говорит о сыне:

— До пятого класса учился хорошо, потом хуже. Мы с мужем малограмотные и помогать ему не могли. По складу характера сын тихий, замкнутый, неразговорчивый. Здоровье хорошее. Жалоб от соседей и из школы не было. Володя состоит в юношеской футбольной команде. Выступает в соревнованиях по классу «А» на первенство страны среди юношей. Любил книги, кино. Товарищей домой не приводил, милицией никогда не задерживался. Как он мог пойти на такое?!

У него были большие мечты в отношении своего будущего, он не «отпетый», это чувствуется. Владимир и у следователя и на суде производит такое впечатление: стеснительный, даже робкий, но ершистый, смотрит исподлобья.

Замыкающим остался Юрий Лабузин. Это, что называется, правая рука лидера Щучкова. К учебе в школе относился недобросовестно, часто пропускал занятия без уважительных причин (впрочем, как и у его компаньонов, эти причины учителями тщательно не изучались). Ни одного общественного поручения Юрий в школе не выполнял.

— Отец и мать знали об этом, но не влияли на сына, — заключает классный руководитель.

Мать Юрия, бетонщица завода, Мария Кузьминична Лабузина, и ее муж, бригадир этого же предприятия, другого мнения. Они считали, что сын учился хорошо, поведение нормальное. Немножко грубоват, и только. Неужели пропускал занятия и совершал кражи?

Итак, преступления раскрыты. Группа несовершеннолетних преступников просуществовала два месяца. Подростков не уберегли. А ведь ребята совсем недавно были как все другие: веселые, любознательные. Но родители, прямо скажем, воспитанием своих детей не занимались, и это привело к беде.

Плохо, очень плохо выглядят в этой истории и школы. Не зря прокуратурой города внесено представление в орган народного образования о наказании виновных. Ребята совершали кражи в то время, когда должны были находиться на занятиях. В это же время распивали водку. Если бы существовал надлежащий контакт педагогов и родителей, то уже по тому, как ухудшилась успеваемость и посещаемость школы подростками, можно было прийти к выводу о неблагополучии, сообща усилить за ребятами контроль, а значит, и остановить их на пути к преступлениям. Уберечь. А опасений за судьбу Щучкова, Лабузина и других было достаточно. Именно почувствовав бесконтрольность со стороны родителей и педагогов, они стали на преступный путь.

...С угла центральных улиц города виден стадион. Осенний ветерок треплет спортивные стяги. Оттуда доносятся радостные голоса. Спрашиваем у дающих показания подростков:

— Слышите? Это на стадионе. Разве лучше шарить по чужим шкапам, чем быть там?

— Нет, не лучше... — потупились, шмыгают носами. Кто нервно расстегивает и застегивает пуговицы рубашки, кто подтягивает спадающие без ремня брюки.

...И вот следствие и суд позади. Над городом опускаются сумерки, первые сумерки для «четверки» после вынесения приговора народным судом. Гаснут в окнах огни. На ветру под мелким дождем глухо перешептываются деревья. Серые тяжелые облака висят над землей. Кажется, что они никогда не выпустят из плена небо. Но это кажется. Может быть, утром уже будет голубой небосвод.

Но это не радует А. Щучкова и Ю. Лабузина. Два года им смотреть на небо из колонии для несовершеннолетних. Не ушли от наказания В. Новоселов и В. Кирьяновский. Первый осужден к полутора годам, второй — к двум, но условно. Суд очень внимательно подошел к их судьбам, учел все смягчающие вину обстоятельства.

Теперь все зависит от ребят. Дорого обошлись бусы, шесть апельсинов и еще кое-что самим ребятам, родителям, их воспитателям. Есть над чем поразмыслить и нам с вами. Может быть, где-то рядом ходит чем-то напоминающий участника злополучной четверки неустойчивый подросток. Давайте обратим на него внимание. Кем он станет — зависит от нас.

Фамилии ребят здесь и дальше в книге изменены с одной целью: уверены, для будущего они сделают правильные выводы.

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Радик Татабуев давно торговал на подмосковном колхозном рынке. Много лет он предлагал: «Дорогая, симпатичная. Только у меня дешевые и прекрасные, как ты сама, гвоздики. Два рубля штука. Дорого? А сколько будешь брать? Иди сюда...».

Говорят, даже котенку приятно слышать добрые слова, а представительнице слабого пола тем более. К тому же, симпатичный, усатый, стройный и смуглый молодой человек одарил девушку тремя полубесплатными гвоздиками. Не случайно торговец показался Кате Четвертковой чародеем. Уже на следующий день она пришла к Радикку с подружкой, тоже учащейся третьего курса одного из городских училищ.

Итак, знакомство состоялось. Радик стал встречаться с горожанкой — милой, светловолосой, всегда веселой девушкой, у которой глаза, словно небо в летнюю ясную погоду...

Еще никто не мог ответить на вопрос: как приходит любовь и за что мы кого-то любим. Лишь потом, когда семнадцатилетняя Екатерина Власовна Четверткова окажется в зале судебного заседания на скамье подсудимых, к ней окончательно придет прозрение.

Стопку исписанных листков с раздумьями она передаст мне.

«Что произошло со мной за последний год? Это странная история. По характеру я однолюбка. Каждый человек, каков бы он ни был, хороший или плохой, должен влюбиться. Я же знала: если полюблю, то одного и навсегда. И вот в один прекрасный вечер, как раз в день моего рождения, познакомилась (совершенно случайно) с молодым человеком. Он был из южной республики и торговал у нас на рынке цветами, выращенными у себя, там, в саду. Так он говорил. Юноша назначил мне свидание. Встретились в парке имени Л. Толстого, долго бродили. Мне нравился его акцент. А еще

мне показалось, что это тот, кого я давно ждала. Потом встретились еще. Я влюбилась в него. Каждую встречу ждала с нетерпением. Он торговал почти полгода, и если по каким-либо причинам мы не видели друг друга хотя бы день, оба сходили с ума. Вскоре, ласково обнимая, он сказал, что меня очень любит. Сказал тихо, почти шепотом и так просто, что у меня чуть не вырвалось из груди сердце».

Читаешь такое трепетное письмо и поначалу даже хочется поздравить девушку, что пришла к ней, наконец-то, большая любовь. Позавидуешь и юноше — преданная у него будет подруга.

«Для меня это была первая любовь. Еще я поняла, какое это прекрасное чувство на свете. Я берегла свою любовь как только могла. Думала, если ее потеряю, то уже навсегда, и никого никогда не полюблю.

После нескольких встреч наши отношения стали почти близкими. Но в половые отношения я с ним не вступала, хотя в мыслях сто раз была согласна, но ему все равно говорила: «Нет». Я хотела, чтобы наша любовь была чистой. Мне он клялся, что любит только меня, и никто ему больше не нужен. А я, наивная душа, верила, думала, что это действительно так. Он ко мне относился, словно к богине, почти молился на меня, говорил, что обязательно женится на мне. Я очень волновалась от таких слов».

Любовь — это всегда мечта. Кто может осудить Катю за то, что она поверила в свою судьбу? Одно его имя влекло и томило девичье сердце.

«Все полгода, которые Радик находился в нашем городе, я была словно в сказке. Сейчас уже не верится, что такое наваждение было со мной. Потом я познакомила его со своими родителями. Он им понравился. Но мама, мама! Материнское сердце — вещь! Она почувствовала, что будет что-то недоброе со мной. Проводив как-то от нас Радика, сказала, чтобы я была очень осторожна. Она делала тонкие намеки, но я и не слушала ее! Я думала только о его любви ко мне.

Близился вечер расставания. Когда я видела его в последний вечер, мелькнула мысль, что вижу его в последний раз. Он меня целовал, душил в объятиях.

О, кто бы меня видел, когда он уехал! Я еле-еле сдала последний экзамен. Меня утешало то, что он обещал приехать за мной через две недели. Но он не приезжал. А присланное его письмо было туманным, неутешительным, он намекал на какие-то преграды, которые мешают нам соединиться. Боже мой, что было тогда со мной! Я возненавидела весь белый свет, стала нервной, раздражительной, дома часто устраивала скандалы, а причина была в том, что я не смогла уберечь свою первую, единственную любовь».

Дальше целые страницы — о той, прежней, взаимной привязанности, о том, что она в нем искала свой идеал, отталкиваясь от родительского образа, образа отца, которого очень любила. И вдруг:

«Еще он мне писал, что его семья верит в бога, и это тоже непреодолимое препятствие для нашего соединения. Он говорил, чтобы я серьезно подумала, с кем я могу связать свою молодую судьбу.

А мне эти письма травили сердце. Неужели он не понимает, что я готова разделить с ним его веру, даже не пожалую жизни. Я стала собираться в дорогу.

Мама отговаривала меня, упрашивала взвесить каждый шаг. Я была неумолима, мне казалось: промедли я немного, и упущу своего ненаглядного, всепонимающего Радика. Мне было на все наплевать, лишь бы быть вместе с ним.

На станции мама вся в слезах (да и я зареванная) провожала меня в дорогу. Дали телеграмму Радика, чтобы он меня встречал. И только в поезде, когда застучали колеса на стыках рельс, мое сердце охватил страх: куда и зачем я еду, что могу найти в том неведомом, далеком мне краю, не потеряю ли все, что имела, а главное — честь, совесть, собственное достоинство?

Впрочем, поначалу все шло хорошо. Меня встретили его родители гостеприимно. От станции вез меня в свое село отец Радика на мотоцикле».

Свадьбу сыграли быстро. Но душно жилось Екатерине в особняке, обнесенном глухим высоким забором. Она даже не могла осмыслить, где находится и сколько человек живет под одной крышей.

Новые люди появлялись и исчезали, прихватив с собой множество коробок. Свекор и свекровь ходили по дому и двору молчаливо, сумрачно, как по кладбищу. Говорили немного, но и то на своем языке. Радика было не узнать. Он почти не обращал внимания на молодую жену.

И особенно затосковала Екатерина, когда узнала, что и муж, и его родители входят в какую-то странную религиозную секту. Мало того, и невестку стали водить на свои тайные собрания. Верховодил на них отец Радика — здоровенный, бородатый мужик, которого все боялись: и свекровь, и сын, и те, кто временно поселялся под этой крышей. Его звали Оюсом, а по отчеству Бертовичем. Как-то в присутствии Екатерины налетел хозяин на жену и жестоко бил ее ботинком.

Вот тогда написала Екатерина матери письмо, полное отчаяния:

«Мама, я попала в какое-то мракобесное семейство. Держатся религии, а чести нет. У меня от страха колотится сердце, даже плакать могу только тайком. Вот и сейчас, вся в слезах, пишу тебе, наверное, последнее письмо — если удастся его переправить, значит повезет. Пишу, а слезы каплют на бумагу. Ты увидишь: все письмо мокрое от слез. Как мне отсюда вырваться? Но меня даже не выпускают за ворота. Мне стыдно, противно. Я Радика знала семь месяцев, а выходит, что совсем его не понимала. Какой он восхитительный был у нас! И совсем другой человек здесь. Мне кажется, что ходит рядом со мной чужой и злой человек. Вот уже прошло полгода, как я замужем, а все время одна. Он куда-то уезжает. А приедет и двух слов не скажет, разговаривают в квартире на чужом языке. Я задыхаюсь здесь! И мне кажется, что никто меня уже не спасет, никто не вернет мне той беззаботной жизни рядом с тобой, отцом, братишкой...»

В просторном и красивом доме Екатерине жилось одиноко. Екатерина подружилась с маленькой черноглазой девчонкой, которая играла в песке напротив высокого забора. Отдала ей письмо, чтобы она

опустила его в почтовый ящик. А через день это письмо оказалось в руках Оюса Бертовича. Он порвал его на глазах у Екатерины и пригрозил.

Однажды Радик вдруг обходительно заговорил с женой: мол, не знает ли она кого в Киеве, где бы можно было остановиться?

— Повезу туда фрукты, — пояснил он Екатерине, — тебя возьму с собой.

— Поехали в Подмосковье, я маму с папой заодно проведаю?

— Там ОБХСС надоедает.

Екатерина повезла вместе с мужем в Киев то, что нужно было продать в столице Украины. Едва они выгрузили из вагона свою поклажу: мешки, хозяйственные сумки, ящики, как знакомый Радика, ожидавший его, панически замахал руками: «Уезжайте отсюда».

Взяли билеты в Минск. Не доезжая, километров за сто, Радик решил выгружаться. Ехали в столицу Белоруссии в такси. Перед въездом в город их буднично остановили на посту ГАИ и потребовали показать багаж. Присутствовали понятые. Поклажа состояла из маковых головок, расфасованных в килограммовых пакетах.

Дико завопил Радик:

— Это не мое! Жена подтвердит: мы нашли все это на дороге...

Радик Татабуев хорошо знал статью 224 Уголовного кодекса РСФСР: «Незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или сбыт наркотических веществ». Однажды он уже привлекался. Теперь ему грозило наказание — лишение свободы на срок от шести до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

...За день до суда Оксане Гавриловне Четвертковой дали с дочерью свидание. Вот они сидят друг против друга. Одной сорок пять, второй едва минуло восемнадцать. Матери показалось, что Катюша в положении.

Она с испугом вскрикивает: «Ты ждешь ребенка?» — и слышит спокойный ответ: «Нет, и слава богу. Впрочем, еще точно не знаю. А то ведь при тюрьме яслей нет».

— Как же это ты? — спрашивает мать. А в ответ: «Мамочка, я совершенно не знала, что в этих тюках».

И был суд.

Судье и народным заседателям не было оснований сомневаться в правдивости слов Екатерины. Ей в доме Татабуевых заказана была

дорога даже в огород свекра и свекрови — туда, где росли конопля и мак. Она не могла знать, что везли в багаже на продажу.

Суд признал Екатерину невиновной и освободил из-под стражи в зале судебного заседания.

Отвечать за все пришлось семейству Татабуевых.

...Еще долго в пустом зале сидели, обливаясь горячими слезами, мать с дочерью. Молчаливо, угрюмо топтался рядом и отец.

— Пошли домой, — сказал он.

Домой! Какое родное слово! Домой! Пусть нельзя вернуть первые мечты и чувства, но дом — дом спасет, излечит от первой раны, оставленной на сердце грубой, безжалостной рукой.

ДИАЛОГ С ПРИШЕДШЕЙ ИЗ НОЧИ

Я смотрю на нее, поблекшую в двадцать лет, с сеткой морщинок у потухших глаз, с щемящим чувством жалости. Эта молодая, со следами былой красоты, женщина с хорошим русским именем Нина не может пожаловаться, что ей трудно найти работу, что она забита и неграмотна. Все у нее есть: и родители, и образование. Когда-то даже состояла в комсомоле.

Что же случилось? Почему сбилась с пути, начала торговать любовью?

Долго молчит в ответ на мои вопросы, потом вскидывает голые до плеч тонкие руки, ворошит скомканные волосы. Молча бесцеремонно запускает два пальца за пазуху, достает скомканную десятку.

— В-вот. Е-есть на что выпить. Не ваше дело указывать! Плевать на ваши нравоучения! Нет такого закона, чтоб меня за любовь преследовать... Да, ухажер заплатил. Ну и что?

Юбка, кофта ее не только помяты, но и в глине, траве. Храбрилась она в милиции недолго. Быстро сникла, когда напомнили об оставленной ею двухлетней дочери. А потом, когда протрезвела, залилась слезами. Заговорила о том, что, похоже, глубоко в сердце застряло и постоянно напоминает о себе:

— Деньги легкие соблазнили, будь они прокляты! Хорошо, что не докатилась до наркомании. Таблетки, правда, уже пила. Но не кололась. Общалась с «неформалами».

Глаза ее просохли. Она о чем-то задумалась, сделалась вдруг отчужденной. Замкнулась — и ни слова. Погасли огоньки в цыганских глазах.

Подкрашивая губы, неуверенно пообещала:

— Попробую начать новую жизнь.

Потом была новая встреча. Призналась, что пока у нее ничего не получается.

— Не так просто отвыкнуть от вина, — вздохнула она. И начала рассказывать о себе.

Ей не было и восемнадцати, когда после средней школы приехала из отдаленного района в город. Устроилась на завод ученицей наладчицы аппаратуры, поселили ее в общежитии. Держалась и на

заводе, и в общежитии скромно, обособленно. Подружка Галя как-то посоветовала:

— Да оставь ты свой деревенский уклад! Вздохни свободно, раскрепостись. Вон сколько мальчиков вокруг. Ты что, принца ждешь? Один парень из пятого цеха на тебя глаза пялит. Не теряйся!

Нина раскрепощалась. Все свободней вела себя с ребятами. А что? Белой вороной быть, что ли?

Под влиянием подруг она стала подогревать в себе стремление к новизне. И вскоре, после обильного застолья, стала жертвой случайной связи. Хотя сама она эту связь случайной не считает.

Впрочем, тут стоит рассказать подробнее.

С Валеркой познакомились на заводском вечере отдыха во Дворце культуры. Он показался ей не таким, как все: добр, ласков, внимателен. Она часто ходила с ним в кино, кафе, на дискотеку. И привыкала к нему все сильнее.

— Мне очень хотелось, когда стану совершеннолетней, пойти с ним в загс. Одно не нравилось. Он что-то темнил со своим местожительством и в отношении родителей. То говорил, что живет у брата, а мать с отцом за границей, то утверждал, что имеет место в студенческом общежитии, куда заходить посторонним, то есть мне, воспрещается. Как-то запутался и сказал, что отца у него нет, а мать живет в Москве. После нескольких вечеров, проведенных вместе, стал предлагать вступить с ним в близкие отношения. Говорил, что так сейчас делают все. Что-то объяснял насчет пробного брака — вычитал в каком-то журнале. Я отказывалась, возмущалась. Он был настойчив.

Воспитывалась я в селе, и у меня была строгая мамина школа. Я со слезами просила Валерку подождать до свадьбы. А он — неумолим. На каждом свидании возвращался к одной и той же теме. Он мне очень нравился. Причем, я действительно видела, что мои подруги более сговорчивы со своими парнями. Это заставляло сомневаться, а правильно ли я делаю? Когда он пригрозил, что уйдет навсегда, так как считает, что я его недостаточно люблю, я уступила...

При случае, побывав в деревне, я все рассказала матери. Она поохала, повздыхала, но делать нечего: что свершилось, то свершилось. Мама моя предупредила о возможных неприятных последствиях, просила привезти показать Валерия. Вскоре почувствовала, что беременна. Растерялась. Хотя была уверена в Валерии. Подруга Галя,

напротив, убеждала меня ему ничего не говорить, так как Валерка может от меня отвернуться. А мне хотелось ему сказать, что у нас будет ребенок, обрадовать его.

Пригласила Валерку к себе в общежитие и, не говоря о беременности, передала просьбу мамы — повидаться с ним. Он согласился. Мы сидели в вагоне электрички, прижавшись друг к другу: тут я не вытерпела, призналась, что жду ребенка. Мне в эту минуту очень было хорошо рядом с ним. Но от моих признаний Валерия словно пчела ужалила. Со словами: «Ну и дура!» — он выскочил из вагона.

Нет слов, чтобы выразить мое состояние. В конце концов мне пришлось сделать аборт. Валерий на горизонте не показывался. Одна я бы ребенка, конечно, не воспитала. Через некоторое время узнала, что Валерка встречается с моей подругой Галей. Вечерами она прихорашивалась и как на крыльях улетала на свидание, пока однажды не повесила нос. Потом призналась, что у нее неприятности «похлеще, чем у тебя» и что «Валерка свинья, каких не знал свет».

Вскоре я снова влюбилась. В разведенца. На десять лет старше. Но дело не в возрасте. Он злоупотреблял спиртным. Думала, что отучу его от дурной привычки. Тем более, Сергей обещал бросить пить. Была свадьба. На нее приезжала моя мама.

Она замолчала, уйдя в себя. Потом заговорила снова. Рассказала, что заверения о том, что Сергей бросит заглядывать в бутылку, были пустым звуком. Сразу же в семье создалась сложная ситуация: муж беспробудно пил, поздно приходил домой, устраивал скандалы. Надо отдать должное характеру Нины: она нашла в себе силы подать на развод, пока не появились дети.

— Потом стала встречаться с одним водителем, Олегом его звали. Он платил алименты, но имел однокомнатную квартиру. Там он меня и принимал месяца три. Потом передо мной оказалась закрытой и его дверь. А я была уже беременна. Через несколько дней мне исполнилось восемнадцать. Я написала Олегу письмо. Просила не бросать меня в таком трудном положении. Пострацала его, что подам заявление в прокуратуру и докажу... Он испугался, написал, чтобы приходила. Я стала жить у него, но брак он не спешил регистрировать. Сожитель мой стал неделями пропадать, а я с соседкой-алкоголичкой — понемножку выпивать от одиночества и скуки, хотя и нельзя было в моем состоянии. Ну, в общем, родила девочку, потом отсудила комнату.

Родив дочь, Нина вроде бы забыла о рюмке. Но не надолго. Нашелся еще один «жених». Он сам приносил на каждое свидание бутылку водки. И она снова оказалась в трясине, теперь уже основательно. У нее стали случаться приступы белой горячки. А было ей только двадцать лет. Работу на заводе оставила: наладчицей быть можно только с трезвой головой, у нее уже руки дрожали.

Стала менять должности. Была и дворником, и кухонной рабочей, и лифтером. Искала такую должность, которая не мешала бы пьянке. Находила, сутки дежурит, трое дома. Вот это-то свободное время стала использовать для «прогулок» на вокзалы. И находила клиентов, сдавала свою любовь напрокат: десятка и стакан водки.

Вот такой была ее исповедь. Но, как оказалось, рассказала она не все. Об этом я узнал позже уже от других людей.

В цехе, когда Нина уже жила с Олегом, ей пошли навстречу и предложили заведовать небольшим инструментальным складом. Через короткое время у нее обнаружилась недостача деталей на 500 рублей. Нина поделилась неприятностью с тетей Кланей. Та стала обдумывать, как помочь, и познакомила Нину с состоятельным пожилым мужчиной. Тот и покрыл недостачу за близкие отношения. Именно так началась торговля любовью.

Совесьть Нину недолго мучила: быстро почувствовала сладкий вкус дармовых денег. Где-то в тайниках сознания даже отметила: «Вот путь для хорошего заработка».

Олегу она о недостаче ничего не говорила, так как знала, кроме оскорблений, от него ничего не дождешься. Хотя он мог бы и сам выплатить недостачу.

...Общаясь с Ниной, я пытался заглянуть ей в душу. Как-то спросил, как она понимает счастье. Скептически хмыкнула, вскинула на меня печальные глаза:

— Есть успех у мужчин — вот тебе и счастье!

— Ну, а еще?

— Жить без забот, чтобы с дочкой ничего не случилось.

— А с вином как?

— И в нем чтобы недостатка не было... А вообще-то хочу лечиться. Надо набраться смелости и обо всем написать маме. Она должна помочь. Родители мои — крестьяне. А я вот тунеядка. Слышала, что скоро будет издан закон о наказании за проституцию.

— Что, разве сейчас нет такого закона? Только называется он законом совести. И редко кто нарушает его.

— Ой ли! — тотчас оживилась собеседница. — Редко какая девчонка не польстится на модную юбку, золотую безделушку... Сколько я видела их в общежитиях иностранцев...

Чтобы проверить ее слова, я в одном женском общежитии провел обсуждении статьи «Чума любви», опубликованной как-то в журнале «Крокодил». А потом попросил письменно (анонимно, конечно) ответить на вопрос: «Что девчата думают о таком позорном явлении, как любовь напрокат?».

Подавляющее большинство (90 процентов) ответили: «Это бесчестие, лучше смерть, чем это занятие!». Однако одна девушка из десяти написала: «Допускаю возможность для женщин, находящихся в бедственных материальных условиях».

Меня такая приписка, признаться, озадачила. Какие могут быть в наше время бедственные материальные условия? Где это видано, чтобы в нашем обществе работающий человек жил в нужде? Народное хозяйство страны постоянно испытывает потребность в рабочей силе. Не хватает людей на предприятиях. Мало одной работы, бери вторую — по совместительству.

...Прошло еще некоторое время — и вот недавно снова встретил Нину.

— Пити брошу, — сказала она уже тверже. — Да и все остальное оставляю: этот балдеж, чужие постели... Вот вы о любви говорили. Мне кажется, ее вообще нет. Есть привычка. Вы мне приводили в пример Катюшу Маслову. А я свою мысль могу тоже ею подтвердить: возвышенные чувства, обожествление — сами же мы все это придумываем.

— Любви для тех нет, кто ее потерял и кто не пытается найти ее.

— Не знаю. Не верю...

Тут, вопреки словам, Нина вытащила из сумки написанное, но еще не отправленное матери письмо. Оно начиналось так:

«Милая мамочка, наберись мужества, постарайся спокойно прочитать мою исповедь. Как мне тебе объяснить, чтобы ты поняла...»

Затем Нина взяла у меня это письмо и опустила в почтовый ящик.

И пошла своей дорогой.

Мне очень хотелось ее снова встретить уже другой, настоящей женой и матерью, чтобы полюбоваться ею и вспомнить ее прошлое, как наваждение. А что, ведь обязательно такое должно произойти.

И, о невероятная история. Недаром говорят, если чего захочешь, то обязательно это исполнится. Трудно в это поверить, но я снова через год встретил Нину при очень интересных обстоятельствах.

Это случилось летним вечером. Я с женой и дочерью возвращался из леса: мы совершали «культпоход» за ягодами. Еще издали я заметил, что на краю дороги под кустом орешника сидела молодая женщина в

накинутой поверх легкого платья оранжевой кофте. Рядом с ней топтался лет трех ребенок, кажется, девочка.

И вдруг я узнал женщину и отчаянно нажал на тормоза. Это была моя старая знакомая Нина. Вся она была совсем не похожей на прежнюю затасканную женщину, светилась какой-то едва уловимой тихой радостью. От этого казалась такой загадочной и такой божественно прекрасной.

Узнав меня, она оживленно закричала:

— Очень рада вас видеть. Я с мужем... за грибами...

У нее сложилось все хорошо. Она вовремя одумалась. А благополучно ли сложится судьба у других «героинь»?

КАКОЙ ОН СЕГОДНЯ, ДОН ЖУАН?

Многие, в том числе подростки, любят повторять: «Что естественно, то не безобразно!». С этим нельзя согласиться. Почему? Да потому, что человек не животное. Если разумное существо не может обуздать свои страсти, значит сознание не управляет им. Человек тем и отличается от животного, что он воспринимает и понимает окружающую действительность, способен осмыслить свои поступки и предугадать их последствия для себя и других.

Мужчина, парень ли, соблазняющий девушку, не менее заслуживает порицания, строгого осуждения, чем женщина легкого поведения.

Нет, никто не собирается защищать проституток, восклицать: «Ах, какие они бедненькие, несчастные, жертвы обмана!». Дело в другом, конечно: спрос не должен рождать в нашем случае предложений.

Спрос на женщину, особенно милую, симпатичную, красивую, всегда был и будет. Но нравственная красота, женственность, целомудренность цениться в обществе должны выше. А для некоторой части женского пола все стало дозволенным. Лучше сказать: они сами себе позволяют то, что всегда осуждалось здравым смыслом общества.

Не поэтому ли растет в городах количество детских домов, в них — сироты при живых родителях. Но при всем при этом нужно искать и второго падшего. Второго?.. А может быть первого? Ведь мужчина, как правило, и старше и опытнее своей партнерши. Да и вообще — он же мужчина! Давайте дорожить своим званием, товарищи представители сильного пола!

Но как бы мы ни рассуждали, прийти можно к единому итогу: в позорном явлении проституции (вернемся к этому явлению) повинны двое: он и она. Падшие мужчины тоже, безусловно, не могут вызвать симпатии. И в этой связи вспоминается о соблазнителе-мужчине.

В нем укоренялось год от года прямо-таки патологическое желание заполучить обманным путем девушек и молодых женщин.

Жизнь Сергея Прошина проходила у меня на глазах. Вместе учились. Разъехавшись, потом встретились снова. Мне доводилось часто бывать у него дома. Знал, потому что видел, его бытовые и нравственные устои семьи.

«Наша братия» — так мы, представители сильного пола, говорим об узком и широком круге своей компании, своих товарищей. Частенько проводил вместе с нами время и Сергей.

Он не был моим другом, не соприкасались цели и интересы, но он чем-то неосязаемым был мне привлекателен, наверное, доверием и преданностью нашему общему детству, школьным годам. Длительность наших межличностных связей тоже трудно сбросить со счетов. Но истинной дружбы, похоже, не было.

Может быть потому, что многое в нем не нравилось. Но основное, чем возмущался — его циничным, пошлым отношением к девушкам, женщинам. Честно говоря, редко встречаются парни, мужчины, которые в своих компаниях решительно отстаивают девичью честь в интимном смысле. К сожалению, в мужских кругах обычно с нескрываемым удовольствием слушается история какого-нибудь Дон Жуана о «победах» над простодушными представительницами слабого и прекрасного пола. Пошлые рассказы Ловеласа не осуждаются товарищами. Напротив, приятели всегда горят желанием слушать такого «Ги де Мопассана» сколько угодно. В этом, пожалуй, тоже питательные корни для новых похждений, волокиты и обманщика девичьих сердец.

Дон Жуану бы сказать: «Ну и противный ты пошляк!», а его подталкивают рассказывать новые, хотя бы выдуманные, если их не было на самом деле, истории.

Мы часто говорим: «Времена гусаров прошли!».

Увы, выходит, что — нет.

Выходит, ответы на то, почему не переводятся, а наоборот плодятся соблазнительницы женщин, нужно искать, возможно, в самих мужских компаниях. А почему бы и нет? Разве это не стимул, когда вольно или невольно поощряется девичий обманщик.

Хорошо помню тот день, когда двадцатидвухлетний Сергей Прошин получил диплом об окончании техникума. Вечером он отправился на свидание к своей подруге Гале. В глаза он называл ее «голубой мечтой», за глаза говорил о ней, как о всех.

А ей, работнице ателье, хотелось быть его невестой. По ее представлениям, дело к этому давно шло. Что до Сергея, то он любил девушек и раньше. Рассказывал много о них приятелям, хвалился «победами». Были лучше Гали и хуже. Каждую он одарял одними и теми же комплиментами.

Но то, что нынешняя подруга все преданнее смотрела ему в глаза и все настойчивее ждала ответа — полного, ясного — заполняло душу Сергея беспокойством. Он признавался товарищам, что подумывает, куда бы ее «пристроить, чтобы она не имела к нему претензий»?

А между тем, их заявление уже лежало в ЗАГСе. И передать Галю приятелю, как это он сделал в прошлом году со Светланой, нельзя. С той было проще. Он не клялся ей в любви. А Гале — да. Иначе бы она не уступила. Вот и пришлось даже подать заявление в ЗАГС. Этим он окончательно завоевал доверие девушки и стал ее Первым.

Теперь томился и не знал, как от Гали избавиться, что сказать. Наконец, решил заявить своей подруге, что двадцать два года — не возраст для вступления в брак.

Однако как ни готовился к тяжелому разговору, все вышло не так, как ожидал Сергей. Галя закатила истерику, бросила в глаза ему оскорбительное слово «плут», обвинила его в том, что он обокрал ее душу, светлые мечты, честь. Пригрозила, что если он не изменит свое решение, то она покончит с собой.

В тот же вечер Галя выпила столько уксусной эссенции, что ее еле-еле спасли врачи.

Казалось бы, что этот случай будет занесен черной строкой в судьбу Сергея. Этого не произошло. Он не задумался над своим отношением к влюбленным в него девушкам.

Когда в довершение ко всему Сергей рассказал доверительному мужскому кругу, что Галя сделала от него аборт, у меня состоялся с ним неллицеприятный разговор.

— Сергей, ты поломал девушке жизнь. Это подло, непростительно.

— А ты знаешь другие способы избавиться от непрошеного дитятки?

— Она пошла на операцию, которая не улучшила ее здоровья, а ухудшила. Она может оказаться теперь на всю жизнь несчастной.

— Не преувеличивай. Это нормальное состояние женщин ходить на аборт...

— Какое ты имел право делать ее больной?

— Ах, это старая и вечно новая история о соблазнителях и соблазненных, — отмахивался он от моих слов, как от надоедливых мух.

Да, это действительно, целая тема: «Обездоленные по вине мужчин женщины». Но вряд ли на такую лекцию явятся мужчины. Сами же

женщины на нее и пойдут. А легковесные лоботрясы лишь посмеются. Вот где истоки всех девичьих бед и прегрешений. Многие парни относятся к факту обесчестия девушки, как к легкому куражу.

Таким оставался и Сергей. Он скоро забыл о трагедии, случившейся с Галей, и как ни в чем не бывало, стал ухаживать за другой неопытной девушкой из статистического отдела завода Надей Павликовой.

Она тоже оказалась крепким орешком, и он опять понес заявление в ЗАГС, уверяя тем самым Надю, чтобы она не сомневалась в его дальнейших намерениях... И эту обманул.

Так случилось, что в двадцать восемь лет Сергей потерял мать, сестра вышла замуж и уехала в другой город, отец — грузчик винного магазина, совсем спился и его поместили на стационарное лечение. Сергей жил бобылем.

Бессчетное количество «суженых», которых вроде бы предназначала судьба ему в жены, побывали в его квартире. Они достигали лишь «потолка» невесты. Любимая поговорка Сергея была: «Обожать — не значит жениться».

Он бессовестно лгал девушкам. Называл их «голубой мечтой», «неповторимой», «сокровищем», «ангелом-хранителем» его непутевой жизни и многими другими обворожительными словами.

Но в душе Сергей их не уважал. Вежливость, тактичность, уступчивость он проявлял к девушке лишь до тех пор, пока не добивался цели.

С самого детства у него не было сформировано чувство сопереживания, благодарности, соболезнования девушке. Помню, он еще учился и я оказался у них дома. Мать варила обед и сказала, что кончилась картошка, нужно слазить за ней в подвал. Ни Сергей, ни его отец не шелохнулись. Мать сама взяла ведро и направилась в путь, за ней.

Потом я говорил с Сергеем. Он удивился моей настырности: «Ты что, женившись, собираешься по хозяйству работать за супругу? Это ее дело таскаться с авоськами. Иначе ты женушку распустишь. Помнишь древнюю поговорку: «Люби, как душу, тряси, как грушу».

— Фу ты, какой-то Домострой!

Сергей совершенно не интересовался, что было с теми, кого он бросил. Иногда кого-то встретит ненароком на улице, в магазине, или кинотеатре, и не всегда даже с ними здоровался. Но по их внешнему

виду, развязности, смене партнеров понимал, что некоторые его бывшие любовницы меняют кавалеров как перчатки, кое-кто докатился до примитивной торговли любовью. Его, если судить по разговорам, никогда не мучила совесть, что именно он проложил им дорожку в «легкую» жизнь, от которой бывает пусто и тошно на душе. Знал, что одна из его бывших невест попала в психиатрическую больницу.

Любовь для него была спортом. Увлекательным, азартным. Но годы брали свое. Уходили от него молодость, привлекательная внешность, респектабельность — природные данные, за которые в него «по уши» влюблялись прекрасные особы. Рано появились морщины и мешки под глазами. Семьи не было. А девушек он стал добиваться за деньги. Он повышал свои знания, окончил институт, готовился к защите диссертации. Но по отношению к женщинам оставался на уровне полуграмотного отца.

Как-то у меня с ним состоялся очень крупный разговор. Начал я с безобидного: «Семейные люди — долгожители, а холостяки рано умирают», а закруглил тем, что он плохо кончит. Я знал о том, что он перенес уже довольно опасную болезнь на почве любви...

Он же игриво отвечал, что в отношениях с женщинами он набирается зрелости, выносливости, приобретает силу, смелость и еще черт знает что. Он, одним словом, балагурил и делал свое дело.

Как-то он мне похвалился, что «обтяпал» великолепную даму, будучи в командировке в Ленинграде. Встретился с ней в гостинице. Она приехала тоже в командировку, прервав свой медовый месяц с молодым мужем. И тут, в этом городе, у нее пропал кошелек — не то потеряла, не то где забыла. Она обратилась с просьбой о материальной помощи к Сергею, с которым познакомилась.

С лживым сочувствием он завел ее к себе в номер и выставил свои требования и пока она не удовлетворила их, он не дал беспомощной женщине денег на обратную дорогу в Новосибирск.

Как больно было мне слушать его иудовские охи и ахи, как много он тогда говорил о своих мужских достоинствах: вот взял и дал покупчески за поцелуй денег.

И не желал он слышать возражения, что издревле мерилom мужского достоинства является рыцарское отношение к женщине, умение взять на свои плечи самые тяжелые заботы и ноши.

Да, наше общество много сделало для преодоления пережитков в отношении к женщине. Но в семье Сергея все всегда было допотопно.

Он вместе с пьяницей отцом смотрел на мать как на обслуживающий персонал. И она, забитая жизнью, безмолвно соглашалась с этой ролью. И не было вроде бы в доме из-за этого конфликтов. Но метод отношения к женщинам плотно поселялся в сознании взрослеющего Сергея. В этом методе не было места ни моральной чистоте, ни ответственности, ни справедливости, ни готовности защитить слабого, ни чувства долга.

Чего греха таить, мало еще публикаций на эту тему и в газетах. Кажется, что в государстве все само собой придет: и трепетное отношение к женщине, и желание постоять за ее честь. Нет, все это нельзя пускать на самотек, нужно искоренять такие негативные черты характеров у юношей, как высокоглядство, грубость, высокомерие, лживость в отношениях к девушкам. Воспитывать настоящее рыцарство, благородство, скромность. Чаще напоминать молодому человеку, что его роль в любовном союзе — в ответственном и бережном отношении к своей подруге. Она будущая труженица, супруга, мать, воспитатель детей, заботливая хранительница домашнего очага.

Тысячелетиями смотрели на женщину, как на существо второго сорта. К сожалению, некоторые, типа Сергея, до сих пор так смотрят.

Обманывая девушек, эти молодые люди рассчитывают на то, что по своей сути девушки не заинтересованы рассказывать о своем «грехе». Поиграл щеголь в любовь с той, которая бросала на него робкие и восторженные взгляды, и считает — пусть будет этим довольна. Все равно о том, что с ней было, никому не скажет.

Мужчины не желают понять, что от того, как относится одна половина рода человеческого ко второй, слабой, зависит нравственный уровень и нового поколения. И обманывать свою подругу в самом сокровенном, в любви — тоже преступление, хотя и не предусмотренное УК РСФСР.

Торгующие собой женщины — это, в конечном счете, обманутые когда-то и кем-то в своих светлых чувствах возлюбленные. Девушки настроены на любовь, и в этих условиях очень легко безнравственному высокогляду воспользоваться ее преданностью, потребовать «доказательства» любви, а потом вильнуть в сторону.

А что же с Сергеем? История его имеет, увы, драматический конец. Как-то его командировали на Север устанавливать в далеком городе телевизионную аппаратуру. С ним поехал деликатный, воспитанный

молодой человек Николай Маслов. Он нравился женщинам не как жених, а как рыцарь, выполняющий любые женские просьбы.

Перед отъездом в Сибирь Сергею и Николаю сообщили, что с ними поедет молодая сотрудница конструкторского бюро Валя Лосева. Это была общительная, веселая девушка с весьма привлекательными внешними данными. Ей едва минуло восемнадцать.

Итак, втроем они прибыли в далекий городок. За Валею стал по обыкновению ухаживать Сергей. Девушка сразу поняла, что он Дон Жуан, с ним можно приятно провести время, погулять, Николай же — надежный товарищ. Она, умная, лукавая, с хитринкой девушка, не торопясь, делала вывод.

Однажды вечером ее провожал Сергей и попросил разрешения зайти к ней в комнату. Валя, поколебавшись, разрешила. Сергей по привычке стал склонять ее к близким отношениям, сунул в руки деньги, она брезгливо их отбросила. Он неуклюже ее обнял. Валя рванулась от него, оступилась и ударилась головой об острый угол стола. Кровь залила лицо девушки. Сергей с перепугу бросил ее без сознания одну в комнате, а сам сбежал, стал отпираться, мол он не был у Вали. Но его изобличили, и первым это сделал Николай.

Валя скончалась, не приходя в сознание. Был суд, приговоривший Сергея к нескольким годам лишения свободы.

...Читая письма, поступившие на статью «Диалог с пришедшей из ночи», продолжаю думать о рассказанной истории. Как же нужно нам всем восстать против мерзких «сердцеедов», учить молодых не только галантно ухаживать за девушкой, быть вежливым и предупредительным, но защищать ее честь в самом интимном смысле. Грубость, нахальство должны уступить место порядочности, бескорыстию, умению самозабвенно любить наших прекрасных, добросердечных женщин. Только так мы сохраним милых девушек от любого порока. Но чтобы мужчина был истинным хранителем женского достоинства и чести, «сильному» полу нужно прививать соответствующие взгляды с пеленок. А потом в ПТУ, школе, техникуме, институте, трудовом коллективе продолжать воспитание.

Но вспомним о главной нашей теме. Подростки как раз в своей среде млеют от рассказов соблазнительей, пытаются им подражать. Значит, берегитесь, девушки, неверного шага. Сохраните в себе будущую жену, друга мужу, мать своим детям.

ЖАЛОСТЬ И ГУМАННОСТЬ

...Я не раз слышал, а гуманны ли наши законы по отношению к подросткам? Почаще их надо прощать. Вырастут — поумнеют. Как-то...

Рабочий день окончился.

Женщина, неотступно преследовавшая меня в последнее время, снова, как тень, вошла в кабинет. Она просит свидания с сыном.

Я объясняю, что пока этого сделать нельзя.

Женщина не думает уходить.

— Как мать прошу, отпустите сына. Что он сделал? Ударил Нинку? Врет все!

Уже не свидание ей подавай с сыном, а просит отпустить.

Минут через тридцать, смотрю, начинает нервничать Димка Черешников, мой школьный товарищ, который в тот день приехал ко мне. Думаю себе: возмущен требованием женщины.

Когда она ушла, наступила тишина. Димка первым нарушил ее. Его слова были для меня неожиданными:

— Казенные, черствые вы люди. Просто возмутительно!

— Чем же ты недоволен? — спросил я.

— Сопляка заарканили. Убил человека? Нет. Ударил кого-то. Государственные органы, видите ли, простить не могут пощечины.

— Разве дело только в пощечине? Давай разберемся. Послушай...

Но он не хотел разбираться, не хотел слушать.

— Огрубевший вы народ. Хоть сердце старухи пощадите.

Его понесло! Он гарцевал, как вздыбленный конь. Уничтожал меня, буквоеда, моих товарищей по работе, не понимающих закона, всех и вся.

— Семнадцатилетний парень, за которого пришла просить старуха, дважды за один месяц побывал в вытрезвителе. Сидел за мелкое хулиганство, штрафовался. За кражу осужден условно. И вот снова «сюрприз».

— Ну и что? Человеку надо помогать. Его надо воспитывать. А тебе — наказывать на всю катушку. Так?.. А я помогал тем, кто попадал в такое же положение.

Димка работает горным инженером. Он стал хвалиться, как он околпачивает «нашего брата», правдой и неправдой «выпутывает» попавших в милицию рабочих.

В тот день мы не сумели довести спор до конца. Он непоколебимо считал себя правым.

Но так ли это?

...Помню мое первое уголовное дело. Мне было жалко и потерпевших и обвиняемых. Так хотелось их помирить, чтобы они вышли из милиции друзьями.

Суть первого моего дела: четверо зверски избили зимой около деревенского клуба пятого, своего же товарища. После выпивки. Чистая случайность спасла этого пятого: он остался лежать на снегу, ночью на него наткнулась женщина. Не буду рассказывать, сколько сил потратили опытные сотрудники, чтобы найти преступников. И вот хулиганы сидят передо мною. Они плачут. Плачут в полном смысле этого слова. Рыдают по коридорам милиции их матери. У одного отец при смерти (известие об аресте сына окончательно убьет старика), второй на руках повестку в армию держит (там научат!), третий поступил на первый курс Московского (вон какого!) университета (можно сломать карьеру), четвертый судьбой обижен — инвалид. И, честное слово, они, эти ребята, больше вызывали сострадание, чем выздоровевший потерпевший.

Я невольно принял позицию родителей обвиняемых. Никонов (такова фамилия пострадавшего) здоров, все зажило. А парни прочувствовали. Правда, долго лгали. Так еще бы! Попали в такой переплет.

Но вот прошла неделя, вторая. Четверо гуляли на свободе. Первый испуг прошел, и они стали недвусмысленно угрожать пятому. От потерпевшего поступила жалоба. Начальник потребовал немедленно арестовать преступников, а мне, на первый раз, вlepил выговор.

День за днем стало изменяться мое представление о следствии. Само собой пришло понятие о необходимости сурово спрашивать с тех, кто нарушает общественный порядок.

С Дмитрием мы поспорили, думаю, не зря. На позициях «жалости» далеко не уедешь.

Одна женщина сказала мне, что ее сын хулиганит потому, что после войны (сорок лет назад!) он ел «гнилую картошку». Она серьезно верила, что нынешнее поведение сына — следствие тех трудных послевоенных лет, и только!

В центре внимания милиции — воспитание человека, предупреждение правонарушения. А как быть с теми, на кого убеждение не действует?

Глубокий след обиды остается в сердце человека, незаконно пострадавшего. Закон защищает честных граждан. Он же

предостерегает хулиганов и другого рода преступников. Пусть знают: возмездие неотвратимо.

Социалистическая гуманность — это и есть разумное сочетание суровых мер наказания в отношении совершивших опасные преступления, а также мер общественного воздействия и воспитания лиц, впервые допустивших правонарушения и способных исправиться без изоляции от общества.

Гуманность нужно проявлять к тем, кто совершил не по злему умыслу, впервые, правонарушение, не представляющее большой общественной опасности. Но не убийцы, грабители и рецидивисты должны оказываться на свободе. Повторяющий тяжелые проступки пусть пеняет только на себя. Разве всепрощением можно устранить зло?

...В сельском клубе проходит торжественное собрание. Вручаются награды. Недавно освободившемуся из мест лишения свободы сорокалетнему А. Заровнову что-то не понравилось в ораторе. Сквернословя, хулиган ударил кулаком в лицо председателя сельсовета. Почему бы ему не простить, Димка? Трое малышей останутся без отца. И сам обвиняемый тяжело болен. Но Заровнов с шестнадцати лет терроризирует односельчан.

Г. Артемцев, молодой плотник СМУ, в сельском клубе ударил секретаря комсомольской организации колхоза «Рассвет» за то, что тот не позволил ему принимать участие в репетиции хора художественной самодеятельности. Ранее хулиган был судим. Почему бы не махнуть на все это рукой, Димка?

За плечами жителя села Плавна «молодца» Никифорова три судимости за кражи. И вот этот человек с ножом в руке ворвался в кабинет главного бухгалтера колхоза «Большевик». Размахнувшись, ударил ножом в стол. Лезвие пробило книгу учета и завязло по рукоятку в дереве.

Пьяница и тунядец В. Сидоров с юных лет не хотел знать иной прописки, как за решеткой. И всегда считал, что невинно страдает от милиции.

— За что меня арестовали? — спрашивает он. — В магазине было тесно и душно. Меня совсем развезло. Я сел на подоконник, выдавил стекло и вывалился на улицу. Чтобы не упустить очередь, через окно залез обратно. В руке у меня был кирпич, и я им ударил кого-то по голове.

Нужны комментарии, Димка?

Таких примеров немало.

Что же получается?

С одной стороны, у всех наибольшее беспокойство вызывает хулиганство, воровство, насилие, хищения, рвачество, зато в каждом конкретном случае преступника, привлеченного к суду, стараются обелить его родственники, нередко — общественные организации. Сердобольных гложет сочувствие. Выходки нарушителей законов, оскорбляющих честь и достоинство советских людей, мешающих творчески трудиться и культурно отдыхать, в какой-то момент не принимаются во внимание, забываются защитниками. Им только жалко скрученного дебошира, которого доставляют в отделение. И вот в силу либерализма очевидцев происшествия, неискренних показаний о фактах хулиганства мы порой не можем использовать все свои возможности по борьбе с нарушителями общественного порядка.

Нормы права обязаны защищать. Власть народа — это полное и безраздельное торжество законов, выражающих его волю, — так предельно однозначно сказано в любых учебниках.

Именно в силу того, чтобы законодательный комплекс соответствовал жизненной динамике, перестроечным процессам и демократическим тенденциям сегодняшнего общества, готовится новый Уголовный кодекс, который как бы встряхнет практику. Основной линией этого законодательства проводится, как отмечают участники подготовки этих правовых норм, — устранение избыточных репрессий, дифференциация и индивидуализация.

Решение о пересмотре уголовного законодательства не связано с тенденциями роста преступности. Хотя беспокоит состояние тяжких преступлений. Конечно, не скажешь, что с преступностью нет проблем. Нас беспокоит рост правонарушений среди молодежи, особенно подростков.

Преступность — это непроизводительные издержки нашего общества — демографические, экономические, идеологические.

Борьба с преступностью, в том числе несовершеннолетних, прямо работает на все элементы перестройки и на экономику. Как отмечалось в печати,

«...по расчетам специалистов, каждая насильственная смерть члена нашего общества равносильна потере в экономическом потенциале страны в сотни тысяч рублей,

если исходить из среднего вклада члена общества в его развитие.

Или возьмем оценку ущерба, который в среднем приносит одна квартирная кража в крупном городе — до двух с половиной тысяч рублей! А спекуляция? По минимальным оценкам, «деловые» люди извлекают из карманов граждан около полутора миллиардов рублей ежегодно».

В связи с этим, конечно, главное в работе правоохранительных органов — воспитание, убеждение и предупреждение правонарушений. В то же время они не должны проявлять либерализма и ослаблять борьбу со злостными преступниками, а добиваться, чтобы ни один из них не ушел от заслуженного наказания.

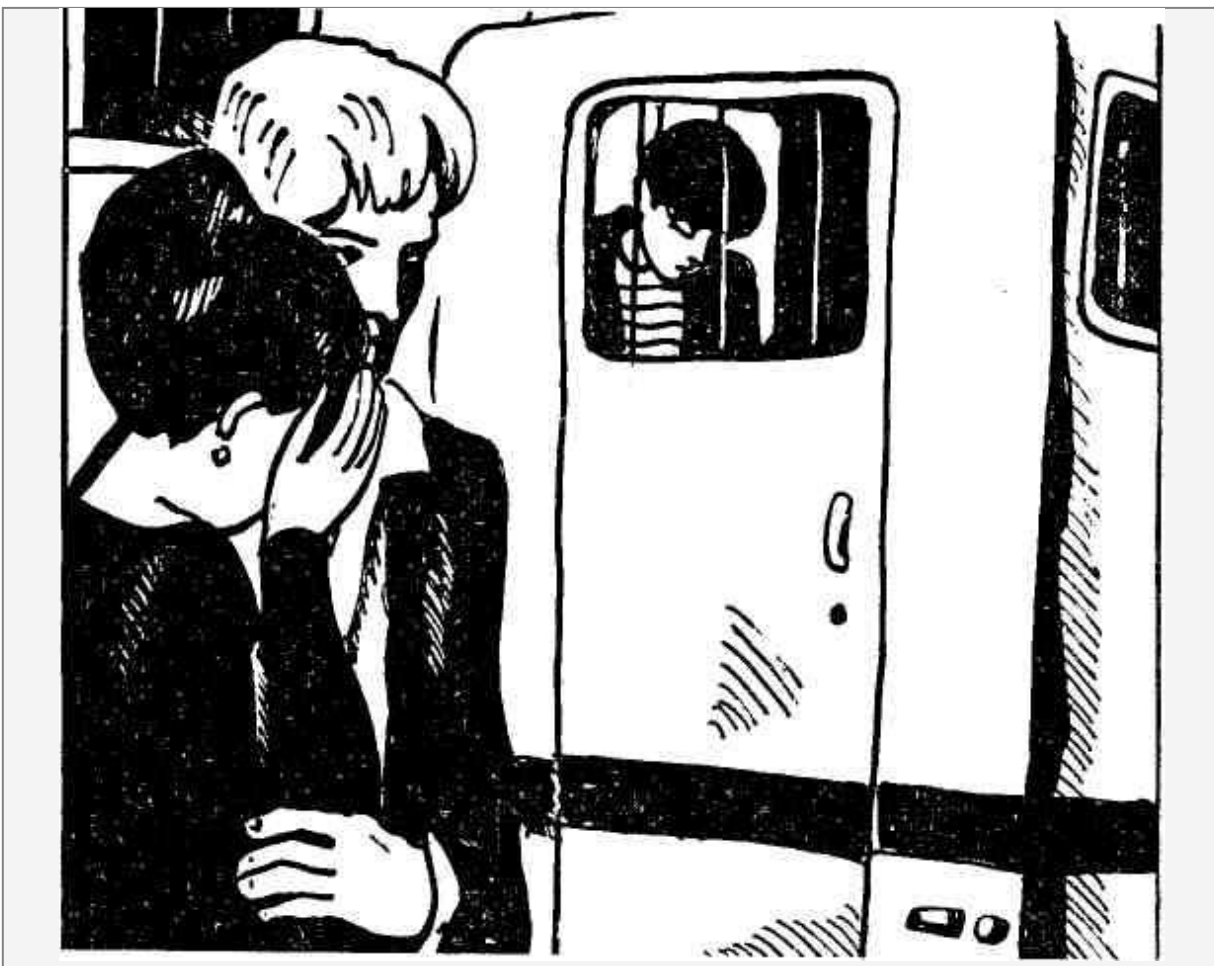
Российское государство еще не может отказаться от мер принуждения, от применения уголовного наказания к лицам, не поддающимся общественному воздействию и злоупотребляющим гуманизмом наших законов.

Из социальных, гуманных соображений такие наказания, как ссылка, высылка и смертная казнь к лицам, не достигшим к моменту совершения преступления 18-летнего возраста, не применяются. Лишение свободы может быть назначено для взрослых — до 15 лет, а несовершеннолетним — на срок не свыше 10 лет. Это наказание отбывается ими в воспитательно-трудовых колониях общего и усиленного режима. Там они не только приобретают трудовые навыки, но и продолжают свое образование.

К несовершеннолетнему, впервые осужденному к лишению свободы на срок до трех лет, суд, с учетом тяжести совершенного преступления и личности виновного, может применить отсрочку исполнения приговора на срок от шести месяцев до двух лет. Если осужденный в течение установленного судом срока примерным поведением, честным отношением к труду и обучению докажет свое исправление, то суд может освободить его от наказания.

Если же в течение срока отсрочки осужденный не выполняет возложенные на него судом обязанности либо допускает нарушение общественного порядка, повлекшее применение мер административного воздействия, суд может вынести решение о направлении осужденного в колонию для отбывания назначенного приговором срока лишения свободы.

Как видим, гуманности достаточно. Государство даже в Уголовном кодексе дает много шансов преступникам — несовершеннолетним без лишения свободы осознать свою вину, одуматься, извлечь урок и доказать свое исправление, смыть со своей совести пятно.

Но всех подряд миловать подростков, лишь потому, что они «малолетки», «несмышленьши», будет неправильным и вредным для безопасности граждан.

Несовершеннолетние порой совершают очень тяжкие групповые преступления: дерзкие убийства, изнасилования, разбойные нападения.

Хочется, чтобы, прочитав эту книгу, понял и Дмитрий, и ему подобные по убеждению, что за своей жалостью они, к сожалению, не видят сути зла. Гуманности, в правильном ее понимании, в наших законах вполне достаточно. С теми, кто несет беды людям, нужно

бороться. Решительно, настойчиво. Всегда. Иначе быть не может. Ведь они злы, приносят большой вред обществу, по-зверски немилосердны. Каково потерпевшим? А если представить себя на их месте?

«...Правовое государство несовместимо с беззаконием, нарушением прав, интересов и свобод граждан... демократия и гуманизация законодательства должны быть прежде всего направлены на защиту честных людей, потерпевших, а не преступников. Собственно, это и есть конечная цель борьбы с преступностью, в этом смысл законности и демократии, главный нравственный принцип правового государства» — так утверждают юристы.

ЧУЖАЯ ШАПКА

Лида Орлова после работы на заводе не торопилась на этот раз домой, в деревню. Посмотрев с подругами кинофильм, она поздно вечером ехала в троллейбусе на вокзал. Подгадывала к электричке. А там — четверть часа и дома.

Мысленно девушка все еще была поглощена интересным сюжетом киноленты и не обратила внимания, что в ее сторону бросает жуликоватые взгляды коренастый паренек в зеленой куртке на молниях.

А дальше все произошло так стремительно, что девушка оторопела. Едва на конечной остановке Лида вышла из салона и двинулась к билетным кассам, как услышала топот. Кто-то бежал с большой скоростью. На полном ходу коренастый парень — попутчик по троллейбусу, сорвал с головы девушки меховую шапку и скрылся за привокзальными строениями.

Все, что могла, Лида потом сказала на допросе у следователя, будучи потерпевшей: парня в лицо не заметила, в спину лишь мельком видела. Приметы такие: низкорослый, плечистый, лет семнадцать, был одет в поношенную темно-зеленую куртку из болоньи.

Так что в руках следствия улики и примет преступника, увы, было мало. И это, конечно, осложняло розыск грабителя.

Налетчик разгуливал на свободе, уверенный в безнаказанности и, возможно, готовился совершить новое злодеяние, а то и совершал их. Любого другого гражданина, вот так же как Орлову, подстерегала неприятность и опасность. Или уже постигла кого-то.

Но милиции следует верить в успех дела. Нет преступления, которого нельзя было бы раскрыть. Следователь всегда должен быть убежден в том, что преступник рано или поздно будет пойман. Дело

лишь во времени. На то и существует, проверенная жизнью, теория о неотвратимости наказания. Преступник неминуемо попадет, как бы он ни старался изворачиваться, не «следить», избегать против себя улик.

В места наиболее вероятного появления грабителя в тот же вечер были направлены оперативные работники. Обращалось внимание дружинников при инструктажах на появление в городе грабителя, который срывает с граждан головные уборы.

Несколько дней поиска прошли безуспешно.

Самое маневренное и гибкое в милиции, у следователя — его оперативные планы. Они могут меняться по пять раз на день. Все зависит от итогов розыска преступника, от поступающей информации, от новых версий.

Для следователя закон: чем больше он проверяет, потом исключает предположений, тем быстрее придет к истине.

Когда поступило сообщение, что коренастого парня в зеленой болоньевой куртке видели дважды на остановке такси у автовокзала, следователь перебросил туда милицейские посты. Но «зеленая куртка», видать, заметила сети, выскользнув из них.

И вдруг через неделю после происшествия, в дежурную часть вбежала возбужденная Лида Орлова. Потерпевшая начала говорить прямо с порога:

— Понимаете, видела его! На улице с глазу на глаз столкнулись. Сразу его опознала. Именно с ним ехала тогда в троллейбусе. Кричу ему: «Верни шапку». А он сплюнул в мою сторону и, наглец, отвечает: «На голове у тебя вижу новую папаху. Побереги ее, а то и с ней распрощаешься. Будь здорова. Не вздумай милицию пускать по моему следу».

Итак, преступник в городе, чувствует себя неуязвимым.

Самым хитрым, обдуманым, предусмотрительным в милицейской работе было и останется — организация блокирования мест возможного появления преступников. На первый взгляд кажется, что это немудреное дело. Устраивай засады и хищник попадет в капкан. Но непоиманный преступник, как затравленный зверь, бдителен, каждый его шаг предусмотрительный. Он, чувствуя погоню, очень осторожен. Он внимательно наблюдает за обстановкой вокруг себя. Поэтому расставленные ловушки злоумышленник частенько обходит,

приближаясь к ним на безопасное расстояние. А милиция в таких случаях тратит время впустую.

Итак, какие значные места в городе могут притягивать к себе грабителя? Снова ориентирована вся городская и транспортная милиция. На инструктажах членам ДНД сообщаются новые данные о грабителе. Поиски пошли с более широким охватом и территории, и мест возможных действий грабителя.

И надо же так случиться. Снова Лида Орлова села в один и тот же троллейбус с грабителем. И хотя он был в другом одеянии, потерпевшая его узнала.

Девушка теперь повела себя поразумнее и похитрее. Она не стала показываться злоумышленнику на глаза, держалась от него на расстоянии, чтобы он ее не заметил. Когда ее злой гений сошел с троллейбуса, девушка тоже выскочила из салона на улицу. Упорство потерпевшей заслуживает самой высокой оценки. Потом она скажет: «А что мне оставалось? Преступники храбры, когда встречаются трусов, а я его не боялась».

Итак, Лида неприметно стала шагать за грабителем. А тот не распознал, или не замечал ее, не видел вокруг себя опасности. Он попетлял по переулкам и закоулкам и темными задворками вышел на любимый вокзал железнодорожной станции. Тут только он стал воровато осматриваться. Усилил бдительность. Тревога в душе среди множества пассажиров вновь дала о себе знать. Да и вряд ли она полностью проходила. Он готовился к любым неожиданностям.

На вокзале шустро прошмыгнул между скамейками. Глаза его забегали по пассажирам. Скорее всего, он отыскивал новую жертву с дорогим головным убором. Вот на минуту примостился, сел спиной к обладательнице отличной ондатровой шапки, незаметно скопил в ее сторону взгляд. Ждал, когда та встанет с места и направится на выход, чтобы идти вслед за ней. И тут заметил свою первую жертву, нашу Орлову. Как ни старалась Лида не показываться на глаза грабителю, да не смогла до конца быть незамеченной, допустила промашку и почти рядом оказалась с налетчиком. Глаза в глаза.

Сомнений у грабителя не оставалось, его выслеживает прежняя потерпевшая, та, у которой он с неделю назад сорвал шапку.

Не раздумывая, преступник бросился вон через боковой выход из вокзала. Выбежал на перрон, далее — по путям — и за составы поездов туда, где можно укрыться.

Но Лида Орлова уже сообщила о грабителе дежурному милиционеру. В поиск грабителя включились оперуполномоченные уголовного розыска, комсомольский оперативный отряд, дежуривший на вокзале.

Сотрудники милиции и дружинники перекрыли выходы из товарного парка, патрулировали привокзальную площадь, осматривали пригородные поезда, в которые шла посадка пассажиров, и вагоны, что стояли в тупиках. Были выставлены пикеты на грузовом дворе. Лазеек для грабителя не оставалось.

Часа через два после блокирования товарного парка сотрудник уголовного розыска увидел: за одним из составов, спрыгнув с тормозной площадки, кто-то притаился. Заметив сотрудника милиции, неизвестный дал деру. Лишь, как говорят, пятки засверкали. Поиск его осложнялся потому, что наступала темная осенняя ночь. И хотя парк освещался, затемненных уголков среди товарных вагонов оказалось немало.

А преступник пользовался ночными сумерками. В темноте он шмыгнул под высокую платформу и с другой стороны, за секунду до отправления электрички, влез в вагон поезда, открыв силой пневматическую дверь.

Но злоумышленник не знал, что этот пригородный поезд находится под контролем у работников милиции. Грабитель напрасно рассчитывал там укрыться. Он был взят за руки именно в тот момент, когда вскарабкивался с тыльной стороны в вагон.

Простое вроде бы дело: сорвана шапка с головы гражданки, а какой интересный оказался поиск. Пусть не заковыристый, но и неоднозначный. Каждый следователь давно заметил: всякое уголовное расследование чем-нибудь да своеобразно.

Это дело оказалось любопытно тем, что сама потерпевшая смело и решительно взялась помогать следствию и на этом пути имела большой успех.

Преступником по документам значился Силантис Василий Панкратьевич. Тут же его доставили в дежурную часть милиции. Санкция на арест грабителя вскоре была получена у прокурора.

Обыском на квартире Силантиса были найдены вещественные доказательства преступлений, совершенных им аналогичным образом еще в прошлом году. Нам нужна была шапка Орловой, как улика, неопровержимый указатель грабежа. Сам Силантис от срыва шапки у

Орловой отказывался. Он был хитер и предстал перед следователем не простаком, а опытным правонарушителем. Яростно защищали великовозрастного бездельника и родители Василия. «Наш сын сорвал шапку? Не говорите такую нелепость. Он муху не обидит. Не мог он этого сделать», — твердили отец и мать.

Работников милиции, как водится, пугали тем, что блюстители порядка ответят за произвол, необоснованное задержание их отпрыска.

— Ваш сын арестован потому, — пояснил следователь Силантисам-старшим, — что его опознала как грабителя потерпевшая. Василий был тогда в зеленой куртке. Эта куртка висит у вас на вешалке. Не верить Лиде Орловой у нас нет оснований и мы не вправе. А что касается сорванной шапки, то постараемся ее найти.

Надо было установить круг знакомых подростка. Когда это сделали, в поле зрения следствия попала некая девица, приезжавшая из другого города к Василию, на правах невесты. Узнали ее фамилию, а затем и домашний адрес. Не надо было в квартире девицы производить обыск. Шапка Орловой оказалась на голове «невесты» Василия. Жених подарил искомую улику своей подруге Эмилии Валентовой.

Вот тут-то словно ледяной водой обдали супругов Силантисов. Они вошли в кабинет следователя подавленные и растерянные. Но опять думали лишь о том, как выпутать из беды сыночка:

— Не такое уж большое злодейство совершил Вася. Напроказил. Поозорничал. И только. Шапку ведь вернули потерпевшей. Еще деньги ей заплатим. Сколько скажет Орлова. Простите сына за хулиганство.

— Хулиганство? Как бы не так. Представьте, что у вас бы сорвали с головы дорогостоящую шапку, а потом бы, сбившись с ног, работники милиции искали днем и ночью грабителя. Нашли бы его, и отпустили бы с миром. Как бы вы на это посмотрели? Нет, это не озорство, и не хулиганство, а грабеж.

А вот за сыном надо было смотреть лучше. В семнадцать лет он оказался всего лишь с восемью классами образования, бездельничал, проводил время в сомнительных развлечениях. Вот и преподнес он всем горький урок...

БЕГСТВО

Один ершистый разбитной паренек, стоящий на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, как-то бросил мне с вызовом: «А я, если что сделаю противозаконное, убегу. Ищите, на то вы и милиция. Да только бесполезно. Россия большая...».

«Герой» истории, которая вспомнилась в связи с этим, тоже так считал. Совершив преступление, он скрылся, причем уехал довольно далеко от родных мест. Думал, не найдут. Со временем все забудется, дело закроют...

Рассуждения более чем наивные. Ведь на преступление, особенно подростки, идут, как правило, не в одиночку, а группой. Установив одного из соучастников, следствие постепенно, через родственников, знакомых вытягивает всю ниточку. И рано или поздно беглец отыскивается. Что и произошло в предлагаемой истории. Только слишком дорогой ценой заплатил «герой» за свое бегство.

Но не буду опережать события, расскажу все по порядку.

1

...Мартовской ночью, прогоняя сон, я вышел на улицу, на свежий воздух. Легкий мороз робкой корочкой сковал лужи. В брезжащем рассвете вспыхивали квадраты окон многоэтажных домов. Город пробуждался. Сутки дежурства заканчивались без тревог.

Но мне почему-то последние часы дежурства всегда тяжелы. Не могу заставить себя быть спокойным. Невольно жду происшествия. Каждая минута налита свинцовой тяжестью.

В это утро предчувствие меня не обмануло. Раздалась телефонная трель. Помощник дежурного рослый старшина Григорий Василенко через стеклянную дверь замахал мне трубкой:

— Взлом склада... Якась жинка. Побалакайте.

Сообщение оказалось малоприятным: украдены велосипеды с базы ОРСа.

УАЗик рванул с места. Серебристая пыль закружилась на асфальте. И вот мы уже на месте.

Старичок-сторож уверял, что никуда не отлучался, удивлялся, как можно похитить через высокий, в два человеческих роста забор, веломашин. Тем не менее, едва заметные следы от рамок с велосипедами, где зияли два пустых гнезда, по твердой корке снега вели именно к забору, одна тесина там была надломлена...

Началось расследование. Пошли беседы, допросы. Показания сторожа соседнего с базой продовольственного магазина, Филимошкиной, чуть-чуть проливали свет на происшествие. Прозябнув к утру, она решила зайти домой переодеться. Открыв калитку, отпрянула с испугом: у крыльца стоял молодой высокий человек.

— Не шуми, тетка, — сказал баритоном незнакомец, и пошел на нее. Филимошкина попятилась. Тот, не торопясь, вышел на асфальт, пересек освещенную улицу и скрылся в переулке. Под мышками он тащил два новых, обернутых бумагой велосипеда.

«Рядом база ОРСа. Днем там разгружали велосипеды, — подумала женщина. — Вор, — решила она. — Откуда позвонить в милицию?».

В эту минуту мимо Филимошкиной проскочил второй парень, поменьше ростом. Потом оказалось, что в сарае взломана дверь. С верстака пропали плоскогубцы, отвертка и тиски, принадлежащие Филимошкиным.

— Инструмент приметный, — замечает Ирина Александровна, — на каждой вещи фамильное клеймо «Ф».

— Оpoznать сможете парней?

— Только высокого. Второго видела в спину.

На моем столе появляется уголовное дело под номером двадцать два. Оно обрастает все новыми протоколами, постановлениями... И вдруг новость. Новенький велосипед марки «Прогресс» № 49963 обнаружен на чердаке дома Василия Патина. «Купили у незнакомца», — заявили муж и жена. Сам Патин горячится: «Был судим — значит подозревать?».

Жуковский велосипедный завод на наш запрос сообщил:

«Велосипед выпущен в марте, отгружен базе ОРСа».

С базы велосипеда этой партии в магазины еще не отправлялись. Значит, это один из ворованных.

Сотрудница уголовного розыска Мария Андреевна Зайцева перебирала в памяти фамилии своих питомцев, бывших нарушителей, факты из их трудного подросткового возраста. Виктора Усова, например, когда-то чуть ли не лишили свободы, приговорили к условной мере наказания. Зайцева помнила, сколько она «повозилась» когда-то с этим трудным парнем. Благодаря ее стараниям он успешно закончил десятилетку, СПТУ и получил специальность электромонтера. Потом познакомился с красивой девушкой Людой. И без памяти влюбился. Но девушка вела себя настороженно. «Судим, — говорила ему, — родители мои против нашей дружбы». Усова до слез доводила обида. Ведь условно-то был судим. Совершил преступление по детской глупости. Что ж сыпать соль на заживающую рану? И опять пришла на выручку капитан милиции Зайцева. Она сказала Люде:

— За Виктора ручаюсь. Но и от тебя будет многое зависеть, — предупреждала она девушку в то же время.

Потом была свадьба. Пригласили на нее и Марию Андреевну Зайцеву. Она, как мать, радовалась за молодых.

«А ведь Усова судили именно за кражу с базы ОРСа», — появилась мысль у сотрудника уголовного розыска по борьбе с преступностью несовершеннолетних капитана милиции Зайцевой.

...Филимошкина напряженно всматривается в фотокарточку Усова. Сердце у Марии Андреевны замирает: «Неужели он? Как хочется, чтобы нет. А если — да? Какая балда. Перестала интересоваться молодым человеком. Впрочем, не так давно встречала Людмилу. Не нарадуется Виктором, всюду только с ней.»

Наконец, Филимошкина объявила:

— Этот, кажется.

Зайцева нервно заерзала на стуле, начала комкать в руке носовой платок, села поближе к Филимошкиной, мягко попросила:

— Не спешите, посмотрите внимательно.

Робкая Филимошкина раздраженно разом выпалила:

— Говорю он, что смотреть?

А нам просто не верилось. Я тоже хорошо знал Усова. Часто встречал его в кабинете Зайцевой. Как он мог затоптать святое из святых — любовь, честь стариков, дружбу товарищей по цеху, наконец, доверие капитана милиции Зайцевой, крестной матери, как он ее называл. Но может быть, все-таки не он? Нетрудно и ошибиться, глядя на фотографию.

Усова дома не было. Не пришел ночевать, едва узнал, что к нему заглянула домой милиция. Не вышел на работу. Пропал. Как сквозь землю провалился. Ударился в бегство.

Узнав об обыске в доме Усова, своего товарища по работе, Патин пришел сам в милицию с интересным сообщением:

— Признаюсь, у Виктора купил. Гаумович-младший, с ним вместе срок отбывали, приказал мне: «Усов грабанул велосипеда. Купи один у него. Дай двадцатку. На пропой». А тут мы с Виктором возвращались с завода вместе. Сказал ему, мол, Гаумович велел один велик отдать мне. Усов в тот же вечер прикатил его ко мне. Я спрятал на чердаке. Дал ему два червонца. Меня посадят? Ведь двое детей. Конь и тот спотыкается. Потом, вы знаете Гаумовича. С ним лучше не связываться: делай, что он сказал.

Мы попросили Патина никому, тем более Гаумовичу, не говорить о его признании в милиции. А сами пригласили в милицию Людмилу Усову.

...Словно у подростка, худенькие плечи Людмилы конвульсивно подергиваются. Опустив голову, она плачет: «Дура, связалась с вором. Поддалась уговорам. Как меня просила мама... Растоптала молодость. Кому я теперь нужна?»

Успокоившись немного, Людмила рассказала, что в последнее время Виктор был какой-то хмурый, неразговорчивый. Однажды, не выдержав настойчивых расспросов жены, признался: «Плохо мне. Вернулся из колонии приятель, которому сам черт не рад. Не знаю, как от него отвязаться. Тянет не в ту степь. Недоволен, что у меня все в жизни сложилось. Угрожает, что если не буду выполнять его поручения, убьет».

Но о каких поручениях шла речь, Виктор не говорил.

Людмила то жалела мужа, то возмущалась: «Бессовестный Виктор человек».

— Я знаю, он неисправим. Да, да, — утверждала она, — если явится ко мне, честное слово, заявлю. Куда позвонить?

Она взяла номера телефонов: дежурного, мой и Зайцевой.

В руках сотрудников милиции мелькали синие, розовые квитанции багажных отправок с двух железнодорожных станций города. Нудное перелистывание корешков утомляло, приводило в изнеможение. Кому не наскучит целый день сидеть над этим! Но были оперативные данные о том, что велосипед марки «Прогресс» несколько дней назад отправлялся багажом. Надо было найти квитанцию, узнать номер отправленного велосипеда и адрес назначения. Поэтому искать нужно было несмотря ни на что.

Только под вечер неожиданно пришла как будто удача. Велосипед марки «Прогресс» без указания номера был недавно отправлен в соседнюю область, в село Крохино, на имя Ивана Валентиновича Черкасова.

В ту же ночь я выехал туда. Получатель велосипеда «Прогресс» дал такие показания:

— Гостил в вашем городе, у свояка Станислава Кузнецова. У него и купил.

Отыскали Кузнецова. Тот пояснил:

— Купил у товарища по работе Владимира Гаумовича.

Похоже, мы выходили к цели.

Гаумович на допросе признался, что подарил ему велосипед младший брат Сашка, вернувшийся месяц назад из мест лишения свободы. А через минуту уточнил:

— Александр велел продать велосипед. Где взял его — не знаю. Часто брата видел в обществе Виктора Усова.

5

Пришло время братья за главного виновника. Мы не сомневались: Александр Гаумович организатор преступления. Он сделал зло руками стоворчивого, податливого Усова, которого держал в страхе перед расправой, ненавидел за то, что тот «переметнулся в счастливики, откололся от компании, стал милицейским выкормышем».

При обыске у Александра мы нашли тиски, отвертку, плоскогубцы с клеймом «Ф», похищенные в ту памятную ночь из сарая Филимошкиных. Значит, тот второй, поменьше ростом, которого у себя во дворе видела сторожиха, был Сашка Гаумович.

В сопровождении конвоя в кабинет ко мне вводят низкорослого коренастого парня. Он входит не спеша, переваливаясь с ноги на ногу.

— Чем обязан? Если по поводу велосипеда и ржавых тисков с отверткой, то могли бы без ареста обойтись. Спросите — расскажу. Купил у неизвестного. Говорил, увольняется с завода. Предложил товар. Я за двадцатку все взял.

Ушлый, не раз побывавший в местах лишения свободы, Гаумович твердо стоял на этом. И тогда мы делаем ему очную ставку с Патиным. Он изобличает Гаумовича. Смело, напористо смотрит на грозного бандита. Ошалелый Шурик (так зовут Гаумовича в узком своем кругу) в ответ не находит слов, заикается: «Вер-роломство. Я тебя... Ты у меня...».

Из Жуковки поступило сообщение относительно второго велосипеда:

«С таким номером в марте отгружен базе ОРСа».

Не стал больше выкручиваться Гаумович. Да только раскаяния от него не дождешься.

— Всю мою братию на свою сторону милиция переманила: но, если захочу, любого поверну, — цинично заявил он. — Вот Усова сагитировали на безоблачную житуху. Стал вроде бы «вашим», да слово мое покрепче оказалось. Чхал он на запреты. Где он сейчас? Не в курсе. И не спрашивайте. Ищите. А вообще-то, беритесь за Людмилу. «Потоплю» я ее. Так, для собственного развлечения. Она знает, где муженек. На днях ко мне домой приходила. Просила денег. Дал ей два червонца Витеньке на передачу...

6

На нас словно вылили ушат холодной воды. Приглашаем Люду. На очной ставке она категорически опровергает показания «Шурика».

— Совести у тебя, Сашка, нет. Не знаю, где ты и живешь. Всего раз видела тебя около нашего дома с Виктором.

Сразу не понять, кто из них прав. Но Гаумовича на мякине не проведешь. Все предусмотрел. Спокойно парирует:

— Мать подтвердит. При ней отдавал. Не вывернешься.

Звоню в дежурную часть. Прошу привезти мать Гаумовича. Но тут сдается Людмила. Она просит:

— Не дергайте старушку. Расскажу...

В милиции Люда заверяла, что с Виктором покончено, если узнает его адрес — сообщит нам. На самом деле вышло не так. На следующий день на работу Люде откуда-то позвонил Виктор. Назначил встречу. Попросил принести чемодан, белье, деньги. Людмила, очертя голову, понеслась к месту свидания. Увидела мужа и не узнала его. Изменился. Осунулся, под глазами мешки, синяки, щеки исцарапаны. Взгляд волчий. Он был растерян, затравлен, как заяц. Люда просила, умоляла Виктора вернуться домой.

— Ответишь по закону. Буду тебя ждать, если осудят. Дадут-то год или два.

— Ты с ума сошла. Мне вилы в бок. Шурик говорит: за кражу великов червонец отвалят. Он-то статьи знает лучше прокурора. Советует бежать из города. Надо так и делать, — прошипел, затравленно косясь, Усов и оттолкнул от себя прильнувшую жену. — Что говорила следователю? Сходи к Шурику на Первомайскую сто шестнадцать, возьми деньги за проданный велик. Потом мне их перешлешь. Я дам о себе знать.

Люда пошла к Гаумовичу. Ворованные деньги жгли руки, но Людмила их взяла и пихнула в карман пальто.

Сейчас, в кабинете следователя, она положила купюры на стол.

— Вот эти деньги. Три десятки. Простите, что солгала сразу. Но на этот раз твердо обещаю: адрес Виктора, как только узнаю, сообщу.

7

Вскоре от Виктора пришла записка. Он ее передал через случайного человека. Виктор звал жену к себе в Омск. Он поселился у брата. Людмила, не колеблясь, безрассудно тронулась в путь. Усов требовал от Людмилы разделить его участь, и она согласилась.

Проходили месяцы. Виктор и Людмила жили нахлебниками. Брат осторожно намекнул: «Все у тебя в порядке?». «Конечно», — ответил Виктор. «Тогда надо прописаться, устроиться на работу». «Успеется».

Нужны были деньги. Люда написала письмо сестре. Та выслала на имя брата Виктора подкрепление. Но его хватило не надолго. Виктор за

городом нанялся рубить сруб. Но скоро хозяйка напугала расспросами: кто он, откуда, почему не устраивается на завод? Виктор туда больше не поехал. Людмиле сказал:

— Бабка звякнула в милицию.

С Людмилой днями пропадали на речке. Она загорала, он не раздевался, не купался, был готов в любую минуту удрать.

Подходило к концу лето. Усов решил бежать из Омска. Проверил вещи квартиранта брата. Выкрал сберкнижку, документы и — в сберкассе.

В сберкассе девушка-кассир заколебалась: подпись в расходном ордере была чуточку иной. Она попросила:

— Распишитесь как следует. Здесь не так.

Через силу выдавил улыбку Усов. Чуть не захлебнулся от страха и подлой трусости. Произнес.

— Вот паспорт, военный билет. Что за сомнения?

С крупной суммой денег Усовы взяли курс на Череповец. Виктор хвалился Людмиле:

— Видишь паспорт? Теперь я Иван Михалев.

Покоробило, бросило в дрожь Людмилу. А муж обстоятельно поучал жену:

— В случае чего запомни: мы познакомились в вагоне. Друг друга не знаем.

От переживаний, нервного напряжения Людмила ночами почти не спала. Вставала с тяжелой больной головой. Виктор на ее жалобы отвечал с раздражением, а порой и дикой злостью. Он становился все более несносным, вспыльчивым, грубым. Поминутно одергивал Людмилу: не то сделала, не так сказала. Ему трудно было угодить. Людмила проклинала тот день, когда решила ехать к Виктору. Проклинала все: встречи с ним, свадьбу, свою жизнь.

До Череповца не доехали. Повернули на Воркуту. Услышали, что там легко можно устроиться без прописки. На вокзале заполярного города познакомились с неким Ретуном, вором-рецидивистом, который был полон воровских планов. Он обрадовался появлению новых «друзей». «Вместе работать безопаснее». Привел Усовых к себе.

Жена Ретуна встретила гостей бесцеремонно.

— Кто будете? Доходчиво поясните.

Виктор торопливо полез в карман. В спешке вытащил сразу два паспорта.

— Не суй ксивы, на слово верю, я не из УВД, — заметил Ретун.

Усову «повезло»: он прописался по чужому паспорту, устроился на работу. Людмила устроилась ученицей продавца. С документами у нее был порядок. Вечерами она оставалась в обществе сожительницы Ретуна, тоже судимой. А тем временем, Виктор и Ретун промышляли. Усову больше везло. Это злило рецидивиста.

8

Тишина в полупустом доме связи. Стучит одиноко пишущая машинка. Виктор заглянул в одну, вторую комнату. Заметил на вешалке добротную меховую шубу. «Трофей» в охапку и к Ретунам.

Почти каждый вечер Виктор что-нибудь приносил. Такая была воровская удача. Однажды принес телевизор. Захмелевшим голосом плел:

— Не дам скучать слабому полу.

Но недолго длились «светлые» дни. Как-то хозяин «малины» заявил:

— Кореш, сматывай удочки. Засекли. Прихвати и девку. В момент.

На дворе установилась непогода: повалил снег, залютовал ветер Заполярья. Усовы поселились в полуразрушенном бараке на окраине города, среди мокрых стен. Людмила простудилась. Ее знобило. У нее было одно желание — умереть, покончить с постыдной жизнью. Не под силу стало переносить обиды, унижения, хворь.

— Не скули, не досаждай, без тебя тошно, — то и дело одергивал ее Виктор. — Скоро устроимся хорошо.

Но в это трудно было поверить. Люда скупно лила слезы. Виктор слышал причитания жены о загубленной жизни, издевался:

— Хотела иметь мешок кредиток, потому и поехала со мной? А вместо этого голый барак и сухари. Без тебя и мне было бы легче. Зачем вцепилась?

Он язвил, а у самого было тоскливо на душе, не давало покоя чувство страха перед возмездием. Всюду мерещились переодетые милиционеры.

Людмила в ответ на слова мужа болезненно морщилась. Ежилась от холода в сердце. Судорожно вздрагивала. В голову приходили мысли: «Стоит ли жить? Кому я нужна? Покончу разом...». Она стала

безразлична ко всему, небрежна. Не замечала утра, ночи. А тут еще простуда перешла в воспаление легких. Она захлебывалась в приступах кашля. Ей нужна была безотлагательная медицинская помощь.

9

Под стук колес поезда в голове Виктора лихорадочно бились тревожные мысли. Он торопливо перебирал варианты: где остановиться в родном городе? Решил: у сестры Люды — Клавы. Не выдаст, поддерживала с ними связь, тайно высылала деньги.

Покидали Усовы город весной. Бежали к вокзалу по робкому утреннему морозу. А вернулись грозовой августовской ночью. Гремели раскаты грома, ветер гнал над рекой свинцовые тучи, сверкала молния, как из ведра лил дождь.

Говорят, есть примета: попадешь в дождь — сбудутся желания. Усовым дождь благополучия не сулил.

Вот и частный домик Клавы. Крупные капли дождя обильно поливают цветы и деревья палисадника. Шумит сад. Люда не может откашляться. Руками закрывает рот: боится переполошить сестру. К счастью, ее нет дома: ушла на работу в ночную смену.

Через форточку залезли трусливо в квартиру. От напряженной, налитой тревожной тяжестью тишины звенело в ушах. Люда, не раздеваясь, плюхнулась в постель.

— Врача бы... и воды... — прошептала она пересохшими губами и потеряла сознание.

Невзирая на опасность, Виктор вызвал скорую помощь. Но она ничем не могла помочь...

Виктор и Людмила, как затравленные звери, боялись всех, прятались от людей. Почти полгода у них был один способ бытия — подпольный. Страшное, нелепое существование. А ведь им было всего по восемнадцать лет. Прекрасная пора юности, время расцвета человеческих способностей! Как же бездумно они ее растоптали...

Прошло много лет. Усов отбыл наказание. Вернулся домой. Окреп. Возмужал. Стал солидным. На лице сосредоточенность, деловитость. Только в глазах и с годами не померкла печаль.

Как прежде, в его судьбе большое участие приняла капитан милиции Зайцева. «По старой памяти», — сказала она мне. Скорее

всего, по долгу профессии. Мария Андреевна помогла подготовиться Усову в институт, стать инженером. Теперь у него свои питомцы, подшефные ребята из СПТУ. Думается, сейчас он знает, каким словом уберечь подростков от беды. Но за это знание заплачена слишком горькая цена.

НАПАДЕНИЕ В ЛЕСУ

Воскресенье. На лыжную прогулку мы собрались у опушки леса. В эту зиму как-то не везло: все что-нибудь мешало посвятить выходной день лыжному кроссу. Нынче неотложные дела выполнены. Забыта на несколько часов служба. Не только о ней думать!

Мы начинаем разминку. Еще не нагрелись. Легкий морозец пощипывает уши. Впереди начальник — полковник милиции Виктор Викторович Белов. Из всех нас, работников следственного отдела — он самый, пожалуй, заядлый лыжник.

Снег искрился в лучах февральского солнца. Белесый с голубой дымкой иней кристалликами горит на ветках деревьев. Тишина лесная. Как о ней мечтаешь в рабочих кабинетах! Над головой неторопливое карканье крупных птиц и залиvistое щебетанье маленьких пичужек.

Набираем скорость. Все натруженнее и голосистее издают скрип лыжные крепления. Снег глубокий, не совсем мягкий. И хотя мало-помалу начинаем уставать, легко дышится в сосновом бору. Лес кажется большим и бескрайним. На проселках веет колючим холодком.

— Не отставать! Заблудитесь! — Подтягивает нас Виктор Викторович.

Но что такое? Петляет между соснами в расстегнутой куртке женщина. Желтую шапочку сдернула с головы. Машет ею. Под мышкой лыжи и палки. Ее ноги до колен проваливаются в снег. Чем-то перепугана. Надрывно зовет нас. Морозный лес эхом разносит ее истошный голос. Что могло произойти? Что случилось? Звери, волки? Что может ее так переполошить?

На полном ходу тормозим. Палками упираемся в снег. В недоумении.

Это была совсем молодая гражданка. Подбежала к нам. Тяжело дышит. Она и точно заблудилась. Пытается нам что-то сказать, а вместо слов — клокотание в горле. Чуть-чуть, наконец, успокоилась.

— Ну и денек. Никогда одна не пойду на такие моционы. Слава богу, вы показали. Помогите. Господи, как хорошо. Вас встретила. Мне нужны люди.

— Ну-ну, — торопим ее. — Что стряслось?

— Что? Во-первых, запуталась, как говорят, в трех соснах. Во-вторых, только что была свидетельницей жуткой картины. Могли бы так и меня. В охапку — и туда.

— Куда? Да вы толком! — Полковник просит ее взять себя в руки.

— Куда? В машину. Силком. Вот такую, как я, дуру. Одной в лес — ни за что. Сообразила же я. Бестолково все говорю. Постараюсь. Значит, вижу метрах в ста впереди меня в свитере девушку. Иду по ее лыжне. Спокойна. Оказалось, недалеко большак. Машина заурчала. И как раз напротив той девушки остановилась. Двое мужчин выскочили и напали на нее. Она кричала, ее — в комок и в кабину. Лыжи и палки бросили в кузов. У меня руки-ноги отнялись. Развернулась и что есть духу в обратную сторону. Вот уже и не знаю, сколько времени колесить пришлось.

Большак был километрах в пяти от того места, где встретила нас лыжница. Полковник взял с собой меня и еще двоих сотрудников, тех, кто лучше ходил на лыжах. Мы устремились к месту нападения. Женщина и другие сотрудники следовали менее быстро за нами. Виктор Викторович вел кратчайшим путем. Пересекли лощину, поднялись на гору, спустились с нее. По опушке леса, через кустарник, обогнули старую вышку, подъехали к дому лесника. Постучали в окно. Никто не вышел.

— Видно, на обходе. Хорошо бы поговорить. Ладно. За мной!

Еще отрезок пути и мы на большаке. Он разрезал сосновый массив на две части. Недалеке угадывалась за деревьями река. Оттуда поднимался молочный туман. На дороге один на одном следы протекторов автомашин. В каком это месте могло быть? Подождали. Подъехала женщина с остальными нашими следователями.

— Идемте. Вот тут.

Подошел лесник. Дмитрий Захарович Миронов. Он о нападении ничего не знал. Назвала свою фамилию и женщина — Голубь Тамара. Стали осматривать дорогу.

— Вот здесь. Примерно. — Показывает Тамара Голубь участок большака, где произошло нападение на девушку. — Метрах в пятидесяти я от машины была.

— Опознать мужчин можете, — спрашиваем очевидицу.

— Пожалуй, нет. Все так молниеносно. И далековато. В фуфайках были или в полупальто. В меховых черных шапках.

Видно место, где неизвестная машина сильно затормозила. Шла «юзом». Да, место именно это. В снегу нашли белую пуговицу с копеечную монету. Осматриваем каждый сантиметр дороги. Попадаются клочки черного меха. Похоже, из шапки. Собираем их в бумагу. Не так уж и много вещественных, доказательств. И все-таки...

Сколько прошло времени? Где искать машину? Часа три-четыре? За это время можно далеко уехать.

Виктор Викторович принимает решение: часть из нас вместе с лесником оставляет в бору, трое и Тамара Голубь едут с нами в отдел.

Нас интересует, поступило ли по «02» сообщение от кого-либо об исчезновении лыжницы? И кто может заявить? Родители? Вряд ли они еще знают. В такие походы не ходят подростки по одному. А девушка, видно, отстала. Тогда стоит ждать тревоги от ее друзей по прогулке.

И точно. Вот что мы узнали в городе. Три десятиклассницы утром выехали на лыжах в бор. Легкий для лыж снег, хорошее скольжение, пьянящий аромат сосен для пробежки было то, что нужно. Подруги углублялись в лес. Часа через два они оказались далеко от начала пути. Но среди них одна школьница на поверку вышла неопытной лыжницей. Все время отставала. Ее криками поторапливали. Она слышала голоса и не волновалась. Звали ее Валентина Ивакина. Подруги уверяли себя, что Валя где-то рядом, нагоняет, а та сбилась с лыжни и направлялась в другую сторону. Вскоре она совсем заблудилась и растерялась. Кричала, но ее никто не слышал. Валя обессиленно двигала лыжами. Надеялась, что сама выйдет из тупика. Подруги теперь и сами спохватились. Начали возвращаться. Вали нигде не было. Аукали, звали. Бесполезно. Срочно вернулись домой. Обо всем рассказали родителям Ивакиной Вали. Поднялся переполох.

Валя в это время окончательно поняла, что заблудилась. Она в паническом страхе бросалась из стороны в сторону. Следами от лыж был исписан весь бор. Она перескакивала с одной лыжни на другую. Меняя ее, думала найти ту, которая приведет ее к подругам.

Школьница пробежала на лыжах километров десять. Совсем обессиленна. Вот-вот и ранние февральские сумерки. И вдруг наткнулась на лесную тропинку. Поехала по ней. Вскоре увидела идущую по дорожке женщину. За плечами та несла две большие и тяжелые сумки. О, счастье! Валя — к ней. Рассказала, что заблудилась. Попросила указать выход из леса в город. Женщина была не в духе. Недовольно махнула рукой:

— Поезжай так. Километра четыре. — И забурчала. — Женихов ищешь.

Встречаются еще и такие бессердечные люди. А Валя хотела признаться, что нет больше сил стоять на ногах, готова была просить приюта, да слишком неприступной выглядела встретившаяся женщина.

— Назначила, небось, свидание с кавалером на природе? Знаем нынешних девочек. Будешь помнить, как лазить по лесу без дела...

Валя заплакала. Превозмогая усталость, поехала туда, куда указала незнакомка. По вине этой женщины несчастен еще больше оказался путь Вали Ивакиной. Скоро Валя снова стала крутиться почти на одном месте. Она сняла лыжи. Утопая в снегу, шла куда глаза смотрят.

Виктор Викторович разложил на письменном столе собранные вещественные доказательства происшествия — пуговицу, булавку, клочки меха. Стал вслух выдвигать версии. Вошел сотрудник отдела Конов. Полковник Белов ждал его. Это был один из самых опытных работников. Да и, пожалуй, более других удачливый. Ему везло на сбор доказательств. Коллеги без черной зависти между собой судачили: «Конову можно поручать любое самое сложное и запутанное дело. Он и по нему разыщет нужные улики».

Вот и сейчас, представ перед начальником, он всем своим серьезным и деловым видом заявлял, что пришел к руководителю следственного отдела не с пустыми руками.

Виктор Викторович спросил:

— Что нового?

— Вот кусок оберточной бумаги. Нашел лесник Миронов. Тамара Голубь говорит, что бумага слетела с кузова той машины. Может пригодиться. Значит...

Однако на самом деле это давало новое направление в поисках виновных. Оберточная бумага могла быть на машине, работавшей на мебельной фабрике, складе, в магазине.

В это время позвонили из детского приемника-распределителя. Туда доставляют безнадзорных детей и затем возвращают родителям.

— Забавный малец у меня, — сказал майор Степанов. — Рассказывает о брате-шофере, который любит «подвозить» женщин. Может пригодиться?

Белов послал меня в приемник. Пацан по имени Миша Хомяк смотрел исподлобья. Его рот кривила нагловатая ухмылка. В зубах торчала сигарета.

— Сколько тебе от роду? — спросил у него.

— Пятнадцать.

— Мы ищем девушку. Ей столько же. Ничего об этом не знаешь?

— Ну? — еще больше помрачнел.

Я начал расспрашивать парня... Выяснил: рано лишился отца, матери, воспитывался в детском доме. Попал под чье-то влияние. Отбили парнишку от школы. Научили празднично шататься, пить вино, курить табак, бродяжничать.

На вокзале Мишу Хомяка задержали. Так он попал в детский приемник. И встретился с майором Степановым.

Состоялась первая беседа. Поджав ноги и спрятав голову с кудлатой шевелюрой в борта пиджака, он мрачно наблюдал и ждал, что произойдет дальше. От этого майора он не ждал ничего хорошего.

— Начнете наставлять!

Но Хомяк ошибся. Майор не стал напоминать ему о прошлом, а пригласил Мишу к себе в кабинет и рассказал о воспитанниках детского приемника.

Задумчиво уставив взгляд умных бирюзовых глаз в разукрашенный подстаканник с карандашами, Миша молча слушал.

— Нравится подстаканник? Подарок. Алексеенко прислал. Сам сделал. А был такой, как и ты, бродяжничал. Сейчас трудится, как положено. Учиться хочешь?

Миша вздохнул. Продолжал молчать. Обсасывал лацкан пиджака. Никому он не верил.

— Почитать что-нибудь дать? — Майор повернулся к этажерке, взял книгу и подал пареньку.

— Я люблю «Детство» Толстого.

— У нас ее нет. Принесу из библиотеки.

На следующее утро книга была в руках Михаила. Он жадно набросился на нее.

К вечеру снова беседа с подростком. Лед недоверия растаял. Хомяк поведал о том, как он оказался на улице беспризорным, о двоюродном брате-шофере. Он склонял его к выпивкам. Миша перестал с ним встречаться. И занялся бродяжничеством. У брата много женщин. Он их катает на машине, заманивает домой, издевается.

В беседе со мной этого Михаил не сказал. Был недоволен тем, что майор передал его слова. Тогда я не мог себе представить, что через много лет еще встречу с Мишей Хомяком. Но об этом потом. Сейчас

же наши усилия направлялись на поиски шофера-преступника, пропавшей десятиклассницы.

Для проверки установили — двоюродный брат Миши — Трофим Киселев. Он оказался в командировке. Выехал на машине в день исчезновения Вали Ивакиной.

Мы не ограничились одной версией. Проверку проводили всего автотранспорта города. Изъяли журналы, в которых регистрировалось время прибытия заинтересовавших нас автомашин. Более трех десятков автомашин в тот вечер поздно прибыло в гараж. Осмотрели их. Осматриваем автомашину Бориса Н. Он нервничает, отвечает на вопросы запальчиво. Озирается по сторонам. Чего-то боится.

— Как значитесь в журнале, вы вернулись в гараж в 21 час. Рабочий день до 18. Где были?

Шофер мнется. Его вполне можно заподозрить в преступлении. Осмотрели кабину. Она в полном порядке. А шофер дает путанные показания. Наконец, все выясняется. Он подрабатывал «налево», боялся за это наказания.

Снова поиски. Выезжаю вслед за братом Миши Хомяка, Киселевым, к месту его командировки. Нашел в гостинице. Осматриваю кабину автомашины. В кузове много серой оберточной бумаги. Машина принадлежит автобазе. Допрашиваю. Он поясняет, что никогда не подвозил. Нашел волосы в кабине машины. Поясняет:

— В кабине ездят женщины, грузчики. Причесываются.

По другому заговорил брат Миши Хомяка, когда под его сиденьем нашлась точно такая же беленькая пуговица, как на месте происшествия. Теперь, казалось, нагловавшему наказание за хулиганство шоферу райпотребсоюза остается рассказать правду. Он продолжает лгать. Тогда с головы Киселева снимается меховая шапка черного цвета. Он уведомляется, что найденные клочки меха и сама шапка направляются на исследование, а с заключением эксперта он будет ознакомлен.

— Говорите, где девчонка? Что с ней? Жива?

Дрожащими пальцами он вытащил из кармана пачку сигарет. Закурил.

— Не надо экспертиз. Она жива. Мы ее отпустили. С кем был? С Валеркой Шелковым.

Ночью, прямо с постели брали соучастника Шелкова. Под утро выехали с Киселевым на то место, где они вытолкнули побившую в

кабине стекла Валю.

Валя яростным криком и сопротивлением обезоружила налетчиков. Заставила их отделаться от нее. Они вытолкнули девушку из кабины и уехали прочь.

Надвигается ночь. Что делать? Ей бы идти по одной лыжне. Добралась бы до какой-нибудь деревни. Но Валя не верила ни во что. Она бежала, как ей казалось, напрямую, туда, где светлее казался лес. Между соснами ей виделась опушка леса. Но за одной поляной появлялась вторая, а конца и края бору не было видно.

Но надо отдать должное мужеству девушки. Она, хотя и растерялась, но пока не падала духом. Упорно шла вперед. Надеялась засветло добраться домой. Скоро самообладание оставило ее. Она металась по лесу, бросалась туда-сюда и вконец потеряла ориентир.

Еще в пятом классе Валя однажды провалилась под лед на реке. Сейчас было такое же ощущение, как тогда: панический ужас, безысходность положения. Конец жизни.

Она боялась и того, что снова натолкнется на каких-нибудь бандитов, негодяев.

Теперь ей хотелось рыдать, кричать, звать на помощь людей. Да боялась. К тому же совсем не было сил. Начало темнеть. Улеглись спать на ветках лесные птицы. При каждом шорохе кустов Валя пугливо прижималась к земле. Мороз крепчал. Забирался под одежду. Оставалось одно — двигаться, идти вперед, наугад.

В это время ее искали. Почти всю ночь. Вышли три трактора. Утром обещали выделить вертолет.

Нашли ее на рассвете, в куче валежника, в глубоком овраге. Одежда Вали замерзла и обледенела. Лицо оцарапанное, в крови. Еще немного и случилось бы непоправимое.

Прошло несколько лет. Я сидел за своим письменным столом. То и дело звонил телефон. Заходили сотрудники по разным вопросам. Наконец, появилась минута затишья.

Ко мне постучали в дверь.

— Входите.

Улыбаясь, вошел молодой человек в замшевой тужурке и пыжиковой шапке.

— Не узнаете? — спросил он.

— Присаживайтесь. Нет.

— Мишу Хомяка помните? Детский приемник? Приехал повидать майора Степанова Петра Николаевича. Заглянул к вам. С женой в отпуске.

— Ого! Рад. Не узнать, какими судьбами? Рассказывай. Где сейчас?

— У родителей жены гостим.

— Докладывай, как сложилась жизнь?

— Работаю на стройке. Закончил десять классов, техникум. Валя настояла. Она у меня врач.

— Это кто?

— Разве не знаете? Жена моя. Та, которую вы в бору разыскали. Петр Николаевич с ее семьей познакомил. Поначалу они приютили. Потом уехал на стройку. С Валею переписывались. Она в институт подалась. Год как поженились.

— Бывает, выходит и так. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Это точно. — Весело отвечает Миша Хомяк.

СЧАСТЬЕ — КАКОЕ ОНО?

Когда заглядываем в словарь В. Даля, чтобы узнать, что это такое — чувствовать любовь, то находим:

«Испытывать сильную к кому-то привязанность».

Начинается от склонности, завершается страстью.

Любовь облагораживает людей, вдохновляет их на великие и скромные подвиги и поступки во имя предмета своей благородной страсти.

Передо мной стопка сокровенных писем девушек и юношей. В каждом — человеческая исповедь, буквально крик души.

«Что же мне делать? — пишет Наташа К. — Провожала Игоря в армию, опасалась, что он найдет там другую, а вышло наоборот: перед самым возвращением Игоря я безумно влюбилась в Николая. Как объяснить Игорю, что другой мне по душе?»

Неприятность и в том, что Николая отбила у лучшей подруги. Выходит, на моей совести две разбитые судьбы. Неужели я в свои 18 лет не имею права на выбор?».

Какой совет дать Наталье? Конечно, она имеет право выбирать себе «по душе» суженого. Мы знаем, какова была в старое время жизнь девушек без такого права. Но далее автор пишет:

«Перестала здороваться со мной моя лучшая подруга!»

И по делу! Есть нравственное правило: нельзя строить свое счастье на несчастье других.

Что и говорить, поступок Наташи нельзя оправдать даже самой большой любовью. Поступила она нечестно и по отношению к подруге, и по отношению к Игорю, которому до самого последнего дня его службы в рядах Советской Армии клялась в любви. Нет ли тут легкости, измены не только Игорю, но и высоким моральным правилам? Да и сама Наташа, видно из письма, не считает свою совесть

чистой, хоть и пришла к ней новая большая любовь. Ей есть в чем себя упрекнуть.

А вот второе послание:

«Мне 23 года. Была замужем. Имею маленькую дочку. Муж оказался недостойным человеком, и я порвала с ним. Развелась официально. Думала, что никогда не полюблю второй раз. Однако ошиблась. Ко мне пришло большое чувство. Я понравилась замечательному парню, который и стал для меня ненаглядным. Но вся беда в том, что ему только 17 лет. Хотя выглядит значительно старше. Его родители категорически против наших встреч. Они устраивают при встречах мне «сцены». Их требования — оставить сына. А для меня это равносильно смерти. У нас уже давно с ним все общее. Я ему также хочу счастья. Мы уже стали друг для друга родными. Что же нам делать? Стоит ли ему идти наперекор отцу и матери?

Зинаида Ш.».

Читаешь письмо и словно слышишь голос отчаяния. Положение не из приятных. Разность в возрасте Зина понимает, но готова пренебречь этим. Впрочем, поздно отступать, как вытекает из письма. Уже некуда.

Любовь на все готова. Но значит ли это, что, коль пришла любовь, то надо все ломать и крушить? Конечно, нет. Заглянем снова в письмо Зинаиды Ш. Итак, разница в возрасте. Так ли уж важна эта деталь? Увы, да. Похоже, что и родители парня в большей части из-за этого противятся связи своего «единственного сына» с довольно взрослой невестой.

Обратимся к теории и опыту. Установлено, что наиболее идеальное начало супружества, когда нареченной 18—22, а ему — на 5—7 лет больше. Психологи доказывают, что такая разница в возрасте выравнивается одинаковой душевной зрелостью супругов. Женщина, даже ровесница мужа, психологически, эмоционально старше его. Она больше понимает в области человеческих отношений. Поэтому исстари ведется, что нет ничего зазорного в том, что муж старше жены, но с предубеждением люди относятся, когда наоборот.

Однако в последнее время участились браки ровесников, а бывает, что юнцы женятся на женщинах значительно старше себя. Нормально ли это явление? Многие психологи считают, что нет.

Следующее письмо в стопке конвертов — от парня по имени Виктор Т. Его беспокоит другое:

«Дружу с замечательной девушкой Лерой. Но все мои объяснения в любви она воспринимает молчаливо, со скучным выражением лица. И как она преображается, когда слышит голос своего кумира Валерия Леонтьева. По ее щекам текут слезы, а губы сами шепчут: «Боже, какой бесподобный мужчина. Я вечная его раба». Может быть, пока не поздно, мне лучше расстаться с этой экзальтированной девушкой?».

Советуем не торопиться этого делать. Узнай получше характер своей подруги, Виктор. Приглядишься, какие у нее интересы, интеллект. Помоги ей увлечься еще чем-нибудь, кроме музыки. Найди с ней общие занятия, заинтересуй ее собой. Надо знать, что у женщин очень большая психоэмоциональная сила переживаний. И то, что ей сейчас доставляет столько радости певец, со временем пройдет. Добивайся, чтобы ваши вкусы сближались.

И снова конверт от девушки:

«Познакомились с Дмитрием днем в электричке, вечером встретились. Объяснился мне в любви. Я ответила, что он мне тоже нравится. Он тут же стал требовать «доказательства» моей любви к нему. Парень действительно хорош собой. Но его разговоры мне противны. Что же мне делать?»

Люся В.».

Ответить можно очень коротко не только Люсе, но и другим. Уступив притязаниям парней, девушки дружбу и любовь не укрепляют, а губят. Требование юношей — невежество, отсутствие заботы о своей подруге. Молодой человек должен увлекать свою избранницу эрудицией, широтой взглядов, красивыми манерами, интеллигентностью, а не ставить девушку в двусмысленное положение.

Письма, письма. Самые разные, но в чем-то и одинаковые...

«В 14 лет меня стало волновать: почему одни девчонки нравятся парням, а другие нет? Одни умеют долго дружить с мальчиками, а у меня не получается? А через год и посерьезнее задачки стали на моем пути: что такое большая любовь? Когда девушке можно «заглянуть» в интимную жизнь? Обратись я с такими вопросами к родителям, то, кроме окрика, ничего бы от них не услышала. Боялись этой темы и учителя: задашь такой «вопросик» и попадешь в разряд распущенных. А в полезной книге есть все разъяснения. Не надо в поисках ответа идти в подворотню, не надо кокетничать со взрослыми, стыдливо опуская глаза... Все ответы можно найти в печати. Но книг на эту тему все еще мало».

А вот что пишет Катя Л.:

«Чего скрывать, сейчас нас беспокоят отношения с ребятами. Вот я, например, едва начинаю дружить, так сразу настраиваюсь на большую любовь и быстро остужаюсь, так как вижу не то, что мне нужно».

Конечно, не будь книг, ребята все равно нашли бы ответы на мои вопросы. Где-нибудь в компании сверстников в неграмотном, пошлом виде. Как правило!

Вспоминается, как мать девятиклассницы Люси Д. поведала, что застала в интимной обстановке дочь с соседским парнем. Не виновата ли пресса? Растревожила, мол.

Но вскоре в руки матери попал Люсин дневник. В нем девушка описывала факты и события своей интимной жизни с 14 лет. И судя по записям, именно толковые статьи в газетах заставили задуматься о потребительском отношении к своим чувствам.

Не надо идеализировать: автоматически книги нравственности не научат. И, главное, учащиеся должны почувствовать, что у них с преподавателями и родителями общие интересы, заботы и стремления.

Как-то в «Литературной газете» возмущенные авторы-родители, отдавая приоритет в подготовке ребят к семейной жизни литературе,

эстетике, домоводству, предлагали не тревожить в школе юношей и девушек разговорами о «серьезных» отношениях.

Где выход? Держать дочерей в ежовых рукавицах? Избегать «запретной» темы? Увы, нет. Социологические данные говорят о том, что ранняя половая связь нередко случается и у тех подростков, которых, что называется, родители держали «под каблуком».

Счастливая жизнь 16—17-летних является производным многих воспитательных воздействий, и главное из них — умелое общение с подростками как в семье, так и в учебном заведении.

Нет слов, нужно принять все меры к тому, чтобы решать основной вопрос: как уберечь ребят от ранних половых связей. Понятно, что освещению этой проблемы нужно отводить достойное место в беседах на соответствующих уроках и дома. Одна родительница в отчаянии как-то сказала:

— Что делать с дочерью, не представляю. Аня влюбилась в оболтуса и, по-моему, живет с ним, а ей только семнадцать. Заявляет: «У нас любовь». Жаль, что поздно ввели новый предмет «Этика и психология семейной жизни».

На вопрос «Что такое любовь в ребячьем понимании?», мой знакомый десятиклассник Николай В. Ответил:

«Это полная свобода действий. Свидания, прогулки, и встречи, где хочу и когда хочу. Отстаивание любимой перед собственными родителями, каким бы плохим ни было о ней общественное мнение».

Или мнение девушки:

«Это чувство, которое происходит раз в жизни, ему нельзя противиться. Одного теплого воспоминания потом будет достаточно, чтобы оправдать все».

Такие вот непростые, а порой и наивные ответы.

Как-то продиктовал ребятам-десятиклассникам задачу:

«Семнадцатилетняя Аня отдыхала на море и там познакомилась с парнем, влюбилась в него. Он ответил взаимностью, но потребовал близких отношений, сказал, что

так сейчас делают все. Аня долго колебалась, наконец, согласилась. Какие последствия ждут девушку?».

Характерно, что из двухсот письменных анонимных ответов лишь двое ответили, что у Ани, если парень был хороший, останутся о нем теплые воспоминания. Остальные писали, что

«Аню ждет одиночество, возможно, с ребенком на руках. Всю жизнь будет проклипать себя за слабость, необдуманый поступок».

Идущие в ЗАГС, опьяненные чувствами, часто забывают, что нет универсальной формулы счастья. Каждый человек счастлив по-своему. Но и несчастлив — тоже. Из десяти пар три в течение двух первых лет супружества расходятся. Почему? Поспешили жениться. Поспешили выйти замуж. Не разобрались, кто есть кто. А главное, не подумали о том, что семейная жизнь — это не прогулка налегке. Это — ноша.

Надо привить ребятам понятие о любви, браке, семье. От этого зависит их счастье.

...И ВОЗНИКЛА РЕВНОСТЬ

О ней пишут в стихах столько же, сколько и о любви. Хотя мрачная ревность — тиранящая душу проза жизни. Как часто она разрушает семейное благополучие. Ревность таит в себе ненависть.

Марина Никитична вымученной улыбкой старается скрыть то, что она, молодая симпатичная женщина, находится в плачевной ситуации. Попросту говоря, ее постигла беда. Она осталась без мужа, дети лишились отца. Почему? Вскоре узнаем.

Когда Марина только начинала взрослую жизнь, ей казалось, что любви не бывает без ревности. Более того, ей самой хотелось, чтобы парень, с которым она начала встречаться в десятом классе, сгорал от ревности и любви одновременно.

А как же, мол, иначе, ревность ведь тенью следует за влюбленными.

Кто из нас в школьные годы не испытывал сердечных потрясений? Но Марине казалось, что ее любовь — самая прекрасная и таинственная. Она боготворила своего Павлика и он от нее был без ума. На свидание прибегал со стихами и поэтическими рассказами, посвященными ей, романтической и неповторимой девушке.

Первое большое чувство захватило Марину. Ей хотелось все время видеть, слышать, дышать одним воздухом с любимым существом. А еще Марина обожала, чтобы Павлушка восхищенно смотрел на нее и ни на кого больше.

Малейшее отступление Павла от этого правила Марина расценивала, как невнимание к себе. За это могла долго дуться и упрекать парня. А Павел к упрекам любимой девушки сначала относился легко, весело, готов был весь вечер разубеждать ее в противном. Но вскоре несправедливые обвинения стали досаждают парню, быть ему в тягость.

Кончилось тем, что молодой человек расстался со своей подругой.

Трудно передать, как извелась, измучилась Марина в поиске примирения с любимым человеком. А когда ничего не вышло, к ней приходила мысль: незачем больше жить. Однако все раны залечиваются временем.

После школы Марина стала работать на фабрике. Как-то приятно познакомилась с одним инженером, только что окончившим институт. Влюбилась без памяти. Вторая любовь отличалась от первой, казалось, еще большим сердечным влечением и томлением души. И Константин считал Марину своей голубой мечтой. Сам себя называл счастливчиком. Но недолго.

Марина ничего не могла поделать со своей ревностью. Она надоедала Косте с вопросом: не изменит ли он ей, вечна ли его любовь? Он уверял Марину, что она его идеал. Но чувства его убивало Марино требование постоянных клятв и заверений. От этого он всего больше томился на свиданиях.

Девушка почувствовала охлаждение, усилила за ним «контроль». И не напрасно. Однажды вечером, когда, сославшись на усталость, Костя отложил свидание с Мариной, та увидела его у магазина с какой-то девушкой.

Нетрудно себе представить, какую громкую сцену устроила Марина обоим. Оправданиям не поверила и начала за Константином ежеминутно следить. Она встречала его около проходной, томилась у подъезда, ожидая возвращения его со второй смены. Бывало, она не спала ночами, караулила каждый шаг запоздавшего с работы домой возлюбленного. Поэт Э. Асадов сказал: «Ревнуют там, где потерять бояться». Но этим не удержишь любимого.

Костя разочаровался в девушке, оставил ее, чтобы не иметь скандала, перевелся работать в другой город. Выходило, Марина сама добивалась помимо своей воли разрыва отношений с Костей, хотя дело шло к браку.

Переживая вторую неудачную любовь, Марина почти месяц проболела, оказавшись с психическим расстройством в больнице.

Мы часто ищем ответа в литературе: сколько раз можно любить? Марина полюбила третий раз и так же горячо и преданно. Спроси у нее, какая из любовной страсти у нее сильнее, она бы назвала последнюю.

Новый суженый не был красавцем: неуклюж, молчалив, худой, тщедушен. Но Марина присмотрелась к нему и поняла главное: он самостоятельный, деловой, надежный. И любил ее так, как никто. Слепо обожал свою милую девушку. Впрочем, она стоила этого: девчонка была писаная красавица. Но продолжала иметь все тот же недостаток: болезненную ревность.

Марине все больше нравился Олег. Ее покоряли его начитанность и образованность. А еще она рассуждала так: «Красивые мужья — чужие мужья. А Олег будет моим верным супругом, на всю жизнь. Его ревновать не придется. К тому же не сомневаюсь в его большой любви ко мне. Я буквально купаюсь в ласке».

За три года семейной жизни Марина родила двух сыновей. Отношения с Олегом складывались как нельзя лучше, без сучка и задоринки.

Правда, однажды мужу показалось, что Марина симпатизирует его бойкому холостому приятелю. Но Олег все перевел в шутку и весело потребовал от Марины клятвы, что она не покинет его.

«Не предаю тебя, не беспокойся» — в искренности слов Марины трудно было сомневаться. Так все мирно и кончилось в тот ненастный вечер взаимных объяснений.

А потом произошло более серьезное недоразумение. Как-то они побывали в гостях у того же друга на дне рождения. Олегу показалось, что его шустрый холостой красавчик фамильярно во время застолья обращался с Мариной, усердно ухаживал за ней.

Невозможно было даже представить, что Олег может так безрассудно ревновать. Он ни минуты не давал Марине покоя, требовал признаний в несуществующей ее связи с посторонним мужчиной.

Теперь на себе Марина поняла, как невыносима становится семейная жизнь, когда между близкими людьми царят недоверие, смута, укоры, капризные подозрения.

Но вскоре Олег успокоился, только стал больше внимания уделять своей внешности, одежде. Тут заволновалась Марина. Как водится, посвятила в свою семейную ситуацию маму. Та не успокоила дочь, а, напротив, разожгла страсти. Воспалила еще больше огонь ревности. Она посоветовала проследить за мужем и уличить его.

После того, как подруга Марины увидела Олега в троллейбусе с миловидной особой (это была его сокурсница), теперь Марина закатила сцену ревности Олегу.

А тот испугался не на шутку ярости жены, и шел на все, чтобы успокоить, развеять подозрения супруги. Он как мог ободрял ее и уверил, что по-прежнему любит только ее и никогда не предаст свое чувство. Более того, Олег посоветовал Марине от чистого сердца съездить на курорт и подлечить нервы. А когда она согласилась, достал ей путевку в Кисловодск.

По дороге на Кавказ Марине, вдруг, до слез стало жалко мужа. Она ругала себя самыми последними словами. Супруг без пяти минут кандидат наук, окунулся по ее вине в такую несуразную жизнь. Она, неврастеник, измучила его придирками и ревностью. Угораздило Олега взять ее себе в жены... «Нет, все, — думала она, — надо менять свой характер...».

Марина решила: будет писать Олегу каждый день письма все четыре недели. И на курорте не позволит мужчинам за собой ухаживать.

Прошли первые две недели. Олег старался по дому, управлялся с детьми, считал дни возвращения Марины. И вдруг, как-то под вечер в дверь позвонили. Олег открыл ее. Перед ним на пороге стоял моложавый высокий мужчина. Уточнив, туда ли он попал, незнакомец доверительно сообщил:

— Прямо из Кисловодска. Отдыхал в одной санатории с вашей женой. Не поленился к вам заехать. Считаю своим долгом известить о поведении вашей супруги. Загуляла. Ведет себя непорядочно. Вам изменяет. Поверьте, не хотел вас тревожить, но прощать такое нельзя. Говорю, как мужчина мужчине. А вы поступайте как знаете.

Не дав ошеломленному Олегу опомниться, выпустив обличительную тираду, непрошенный гость исчез. Промучившись всю ночь без сна, муж чуть свет дал жене телеграмму, чтобы она немедленно выезжала домой. Обманутому супругу казалось невыносимым оставаться наедине со сразившей его новостью.

Олег мысленно, словно киноленту, прокрутил свою короткую семейную жизнь. Вспомнил вертлявого коллегу-приятеля, который, наверное, тайком заезжал к Марине. Под особым углом истолковал теперь кокетливые разговоры жены на пикантные темы. Вспомнил «смелость» Марины до свадьбы и пришел к твердому выводу: она ему с первых дней супружеской жизни неверна.

А та, получив телеграмму, чуть не лишилась разума из-за страшных догадок. Ей казалось, что-то случилось с детьми. Но, когда она приехала, Олег встретил жену оскорбительными, неприличными словами, забыв выдержку и такт. Рядом с ним стояли собранные чемоданы для выезда из дома.

Марина сначала онемела от обвинений, потом растерянно пыталась оправдаться. А когда Олег не стал и слушать, слезы и мольбу ее назвал «игрой», Марина сама воспламенилась яростью и презрением

к мужу. В ответ и она стала кричать, заявила, что он специально отправил ее на курорт, чтобы тут поразвлечься, нашел повод, чтобы совсем покинуть семью. Жена ему, мол, больше не нужна. Он нашел помоложе... Словом, в таких случаях известно, как бывает.

Олег оставался неумолим. В мстительной спешке подал заявление в народный суд на расторжение брака. Оскорбленная Марина почти не колебалась тоже и дала согласие на развод. Все произошло молниеносно. Они не стали мужем и женой. Каждому казалось, что отомстил другому, покончил с дразгами.

Прошел год в ненависти друг к другу. И тут Олег случайно узнает, что он стал жертвой гнусного обмана, разыгранного от нечего делать и в отместку Марине двумя донжуанами, получившими от нее на курорте отпор.

Обзывая мерзавцев последними словами, Олег кинулся улаживать свои отношения с Мариной. Не тут-то было. Этот тяжелый год многому научил Марину. Хотя и ей было несладко, но она отказалась от примирения. А Олег, стараясь загладить свою вину перед Мариной, клялся, извинялся, умолял простить его, готов был стать на колени.

Но Марина на все заверения отвечала Олегу жесткой фразой: «Если поверил подлецам раз, то наверняка согласишься любому навету на жену и еще. Мне такой муж не нужен».

Олег, страдая куда больше, чем Марина, за свою непоправимую ошибку, не получив прощения, сгоряча женился второй раз. А обожает он по-прежнему только одну свою ненаглядную Мариночку.

Вот уже два года Олег приходит к Марине как гость. Поможет старшему сыну первокласснику сделать уроки, устави́т на свою мадонну ласково-вопросительный взгляд и, не получив нужного ответа, удаляется, как говорится, восвояси, до следующего гостевого визита.

Ситуация к тому же становится все сложнее: вторая жена Олега ждет ребенка. Конечно же, Марине нелегко воспитывать двух сыновей, да и любит она тоже Олега. Но посоветовать им, пожалуй, никто ничего не может. Ревность расшатала счастливый брак. Как же помочь теперь им?

ПИКОВАЯ ДАМА

Увы, возрождается ныне вера в приметы, гадания, вещие сны. Иначе чем объяснить, что толпы цыганок на улицах городов и сел не остаются без «работы». Даже модной становится «кухонная мистика».

Как-то мои друзья со мной заспорили: «Пушкин был суеверным и не без оснований. Все, что гадалка ему предсказывала, сбылось».

Действительно, это описано в литературе. Да и житейский опыт говорит о том, что «чарами» и «гипнозом» некоторые обладают.

«Совсем недавно, — рассказывала мне очень серьезная, образованная женщина, — в электропоезде ко мне подседа чернявая женщина и точно назвала купюры, которые лежали у меня в кармане, затем попросила, чтобы я сжала их в кулаке. Из любопытства выполнила ее просьбу. А когда я разжала кулак, он был пуст. Пятерка, трешка и рубль словно испарились. Муж дома мне не поверил, а я до сих пор не могу придти в себя».

Вспомним Вольфа Мессинга. На своих «сеансах» в огромном зале Дворца культуры он выделял буквально чудеса: угадывал прошлое, настоящее и будущее желающих этого.

В своей книге Вольф Мессинг вспоминает, как он подростком ехал «зайцем» в вагоне, а заявившемуся ревизору вместо билета подал кусочек бумаги. Тот прокомпостировал ее и пошел дальше.

С тех пор Мессинг и понял, что он обладает «чарами».

Что тут удивительного: люди с феноменальными способностями внушения, гипноза, психотерапии часто выступают со сцены. Много интересного и правдоподобного написано об этом в литературе.

В рассказе Агаты Кристи «Домик в сельской местности» молодая жена Элис случайно постигает страшную истину: ее новоиспеченный супруг уже был неоднократно женат, тех женщин он умервлял. За это сейчас разыскивается. Более того, Элис стало известно, что после ужина Мартин покончит и с ней. Она в руках убийцы и сбежать невозможно. Ей остается жить несколько минут. Все приготовлено к ее убийству.

В душевном смятении, в поиске выхода из беды, она начинает рискованно фантазировать, «доверительно» признаваться мужу, что она уже дважды была замужем. Благоверных убивала.

«В госпитале я научилась обращаться с ядами. Ты, конечно, слышал о хайосине? Он убивает мгновенно... Да, я сейчас отравила и тебя. Ты выпил кофе, в чашке был яд...».

«Боже мой, — прошептал Мартин, — так вот почему у кофе был такой вкус! Ты отравила меня, подлая!».

«Да, я отравила тебя... Яд уже действует. И через пять минут ты умрешь...».

Мартин, действительно, через это время умер, хотя в кофе не было яда. Выдумала ли историю А. Кристи? Думается, нет. В чем тут дело? Элис могла и не подозревать, как в свое время Вольф Мессинг, что обладает огромной силой гипноза и внушения. Но жизнь ее поставила в экстремальные условия и она проявила себя.

В повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» Пульхерия Ивановна умирает оттого, что вернувщуюся кошку посчитала своей смертью.

И, наконец, видение Германна из «Пиковой дамы» А. Пушкина. Переутомленный мозг героя повести, его воспаленная психика, сверхвосприимчивая натура, самовнушение привели к тому, что убиенная явилась перед Германном.

Я не психолог, не психиатр, но неисправимый материалист. Загадочные истории объясняю здравым смыслом. Конечно же, есть очень опытные гадалки. Мастерство им передавалось из поколения в поколение. Много веков у цыганок это было основной профессией, их смыслом жизни, вопросом их бытия. Все, что умела и знала прабабушка, бабушка, мать, передавалось ребенку, едва он начинал ходить. А если это было, к тому же, очень «талантливое» в своем роде дитя? Можно себе представить, как оно преуспевало в гадании.

Для опытного, вышколенного глаза сам человек — объект гадания — несет столько информации, что только успевай ее материализовывать.

Вспомним наблюдательность Шерлока Холмса. А ведь все это воспринимается как чудо, сверхъестественность.

Французский философ Дидро писал:

«Чудеса там, где в них верят, и чем больше верят, тем чаще они случаются».

Как цыганка угадала у пассажирки купюры, лежащие в кармане и в каком месте? Да очень просто. Она сначала пронаблюдала за своей «жертвой», а потом обратилась с фокусом. Ну и, конечно же, обладала гипнозом. Видимо, на мгновение цыганка усыпила «клиентку» и та, разжав кулак, выронила деньги в руки мошенницы. А когда гипноз прошел, кулак по-прежнему был сжат.

Работая следователем, я обратил внимание на такую особенность: мне не удавалось так быстро находить в результате обыска у преступника нажитые нечестным путем ценности, как цыганкам деньги в квартирах своих жертв.

В небольших населенных пунктах в свое время было много случаев, когда гадалка всего на две-три минуты выпроваживала одинокую хозяйку во двор — «так надо для предвидения» и за это время успевала находить глубоко, потаенно запрятанные сбережения доверчивой «клиентки».

Да, некоторые люди, верно, обладают удивительными природными данными (помноженными на упорные тренировки) внушать другим то, что им нужно, а то и выгодно.

Это поднимает «авторитет» всех без исключения гадалок. Человек обладает уникальной способностью сознательно и бессознательно в особый ряд ставить все события, которые случаются не только с ним, но почерпнутые из устных рассказов других, литературы. И вот уже идея предсказаний в выгодном свете! И если кто-то неустойчивый материалист, то и в век атома, кибернетики, лазера, имея среднее образование, в его сознании живет необъяснимое чувство, что все неизбежно должно случиться, коль так написано на роду.

Это на руку проходимкам. Студентка К. по просьбе гадалки отдала той перстень, и мошенница с ним скрылась. Пришлось подключаться милиции. С гадалками шутки плохи. Тому много примеров. Вот свежие...

Появление в небольшой деревне нового человека — всегда событие. Особенно, если этот человек — чернявая женщина, индийского, так сказать, происхождения.

Поймите меня правильно: не из Бомбея или Калькутты прибыла эта особа, чтобы сопоставить их сельскую жизнь с нашеньской. Нет, она была из тех людей, которые постоянно проживают в нашей стране, но свободно перемещаются по ней. Не любят засиживаться на одном месте.

И что удивительно, всегда находят гостеприимство у кого-нибудь. Хотя потом дорого расплачиваются хлебосольные семьи за свою готовность принять у себя в доме и угостить «Пиковых дам».

Радушно впустили в свои дома цыганку Прасковья Семенова и Раиса Тороткова. Щедро ради гостыи накрыли столы. Чернявая женщина в цветастой широкой юбке стала для сельских крестьянок самым нужным человеком.

Дело в том, что незнакомка объявила себя гадалкой. Да не простой предсказательницей, угадывающей судьбы, что называется, на кофейной гуще, а провидицей от бога. Ей ничего не стоит, разбросав карты, заглянуть с будущее любого живого существа.

И в школе, и в училище Прасковью и Раису учили, что гадание — это вздор, несерьезное дело, чернявые особы, конечно же, сочиняют складную ерунду. Не надо и время тратить, чтобы слушать чепуху.

Но то там, то тут кто-то таинственно скажет: «А у меня после гадания все сбылось. Я верю цыганкам!» И этих слов бывает достаточно, чтобы они перечеркнули школьные уроки атеизма. Мистика побеждает.

«А я верю в существование сверхъестественных сил» — говорит иногда даже комсомолка, протягивая какой-нибудь шарлатанке руку для гадания.

Ну, как было не признать Семеновой и Торотковой в незнакомке, посетившей их деревню, чудодейственность, если она по линиям на их руках отгадала имена молодых женщин и даже годы рождения?

И невдомек крестьянкам было, что цыганка все это накануне разузнала в сельском магазине. Разузнала ловко, как только умеют искусные разведчики.

Гадалке нужны были клиентки, у которых не ладятся отношения со своими мужьями. У таких без всяких проблем можно выудить по два-три червонца за разговор о трюфелевых королях.

Семенова и Тороткова почти час убаюкивались гадалкой, которая рисовала самые радужные перспективы примирения женщин со своими мужчинами, при условии, конечно, если не пожалеют к четвертным еще и по битой курице.

Боже мой, да могла ли идти речь о такой мелкой живности. Раиса с подругой пошла к себе в сарай и выловила нужное количество домашней птицы.

Что не сделает любящая женщина ради того, чтобы ее благоверный не упорхнул к другой. А, судя по картам, это могло случиться.

Впрочем, Семенова и Тороткова не желали быть околпаченными в одиночку. Раиса, запыхавшись прибежала к соседке, которая и года нет, как вышла замуж:

— Валентина! Ну, нам привалило счастье! Настоящая предсказательница в селе объявилась. Сергей-то, говорят, у тебя подгуливает. Прошу, подруга, брось карту на муженька. Готовься, сейчас пришлю, ее к тебе.

И «пиковая» дама вошла в дом новой клиентки — Вали Прошиной. И буквально прямо с порога, внимательно посмотрев юной женщине сначала в голубые глаза, потом на нежную, гладкую руку, со страхом в голосе произнесла:

— Милая! Околдовала твоего супруга другая... Хорошо, что случилось это недавно. Легко помочь. Хочешь поправлю дело? Это будет стоить двадцать рублей, но только пятерками...

И побежала Валентина во имя любви менять червонцы на пятерки и вручила их «пиковой даме».

После этого «провидица» глянула еще раз в ясные очи молоденькой замужней комсомолки своими пронзительными черными глазищами и без лишней сумятицы объявила:

— Ошиблась я, считая, что тебе легко помочь. Разглядела я другие линии на твоей ладони. Большим колдовством заколдован твой супруг. Моих волшебных сил тут недостаточно. Только моя мать-колдунья может справиться с таким злом. Дам тебе адресок. Завтра чуть свет приезжай в райцентр. На вокзале я тебя с матерью буду ждать. Прихвати с собой тридцатку. Только трешками. Так надо для гадания...

...Не спится ночью Валентине. Посмотрит на сладко спящего мужа и душит ее ревность: «Другую завел! Разбужу сейчас и выясню отношения».

А честный супруг спросонок понять ничего не может: «Какая другая женщина!? Одну тебя я люблю», — убеждает он ее и крепко целует.

Тогда несмышленная жена признается мужу в гадании. А супруг легко доказал Валентине, что обманула ее незнакомка индийского происхождения, и что к этому делу нужно подключить уголовный розыск...

А малограмотной, но психологически подкованной чернявой проходимке не впервой облапошивать доверчивых, верящих в заклинание и прочую ерунду, наукой необъяснимую, одним словом, в мистику.

Невежество всегда сопряжено с духовной пустотой. Этот вакуум нужно заполнять чтением, постижением искусств, образованием. Во всем том, что делают самые опытные цыганки, лежат не чудеса, не черная магия, а наблюдательность человека и опыт, накопленный тысячелетиями. Фатальной неизбежности в судьбе людей нет, есть лишь закономерность, которая зависит от множества причин, в число которых на первое место я бы поставил логический, основанный на правильном мировоззрении расчет, точно выбранное поведение в обществе.

ДНЕВНИК МЛАДШЕЙ ДОЧЕРИ, ИЛИ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Статья «Каков он сегодня, донжуан?», увидев в прессе свет, вызвала живой резонанс у читателей. Павел К. с горечью размышляет о том времени, когда он со своей компанией занимался тем же, чем и «герой» статьи «Какой он сегодня, донжуан?» Сергей Прошин. Павел только сетует:

«Почему же так легко верили нам девушки, не прав ли Горький, который говорил, что женщина знает, что ее обманывает мужчина и хочет этого?».

Но корреспондент не оправдывает себя, а сожалеет о том, что испортил судьбы многим прекрасным «мадоннам». В конце письма он спрашивает:

«Как бы научить представительниц слабого пола понимать, где настоящая, а где мнимая любовь, и чтобы они своими чувствами не потакали парням, а воспитывали, удерживали от дурных поступков своих друзей».

Ему вторит в своем письме Люба Р.

«Привить бы нам элементарные знания о любви фальшивой и единственной. А то ведь даже родители ошибаются, какая у их дочери любовь: настоящая или «проходная». Моей подруге мать запретила встречаться с парнем. Юноша показался ей недостойным, а он сейчас женился. Его молодая жена, кстати, наша подруга, не нарадуется муженьком: заботится, помогает по дому, до копейки приличное жалованье приносит. Как в той песне, и не курит и тещу любит».

Из множества посланий, поступивших на указанную статью, большинство на тему о мнимой и настоящей любви. Ибо и она может

оказаться источником горя, причиной правонарушений.

Здесь, действительно, надо не ошибиться. И если даже родная мать восстает против охвативших подростка высоких чувств, то нужно, не горячась, разобраться: почему? Если ей не нравятся лишь глаза, походка «кавалера» дочери, тогда нужно отстаивать и перед родителями свою любовь. А когда «суженый» бездельник, заглядывает в рюмку, не способен на чуткость, то родители волнуются вполне обоснованно.

Но я расскажу историю, где мама яро препятствовала встречи дочери с любимым человеком по личным произволу и прихоти.

Почему же восстала Матрена Ефимовна против любви младшей дочери Веры к Денису. Еще год назад она души не чаяла в нем. Тогда он был женихом старшей дочери. Но сейчас она рассудила так: коль он расстался с Клавой, то не бывать ему зятем в ее доме.

Она упорно и озлобленно потребовала от Веры послушания, иначе... иначе она грозила самым страшным материнским судом.

А любовь у Веры с Денисом разгоралась, и, казалось, не было сил, которые могли бы ее затушить.

Но мать продолжала мешать яростно, решительно, точно давила на стене насекомое.

Матрена Ефимовна думала, что поступает во благо дочери не только младшей, но и старшей. И опомнилась лишь тогда, когда дочь оказалась на больничной койке.

...Три года назад, когда Вере исполнилось всего лишь пятнадцать лет, ее старшая сестра Клава, казалось, горячо любила молодого человека по имени Денис. Один недостаток водился за женихом: он был разведенцем. То ли это, то ли другое обстоятельство сыграло роль, но когда Денис сделал Клаве предложение, она ему отказала.

Уже тогда Вера завороженно смотрела на Дениса. Ах, если бы он чуток подождал и потом стал ее мужем! Другого счастья она бы не желала.

Денис продолжал встречаться с Клавой, но между ними не царил теперь мир. Были одни ссоры и упреки.

Однажды Денис и Клава поссорились навсегда. Сестра встретила другого парня и у нее возникло что-то наподобие новой любви.

Вера, приезжая домой в поселок из города, где училась, часто встречала Дениса. Он работал киномехаником в Доме культуры. Они здоровались. Он оставался любезным, добрым по отношению к Вере и не догадывался, что та его давно любит. Денис даже в мыслях не мог

себе представить, что безумно нравится Вере. Он был на шесть лет ее старше.

Из дневника Веры: Тогда я училась в техникуме в городе, нас послали в сентябре в колхоз на картошку. Два месяца в селе я проводила весело, но не было дня, чтобы я не вспомнила о нем. И тогда мне становилось грустно. В мыслях я влюблялась в него все больше. Я писала домой письма и через маму передавала ему привет. Она работала с ним в клубе. Была билетным кассиром. Но ни мама, ни он не догадывались ни о чем.

От автора: Колхозные дни приближались к завершению и студентов перед возобновлением учебы отпустили на два дня домой. Но Вере казалось, что она едет к нему на долгих сорок восемь часов.

В автобусе Вера подбадривала себя, запасалась смелостью признаться Денису в любви. Сказать ему все прямо в глаза. От этих мыслей она пьянела без вина, сердце ее трепетало, словно в руке птица.

Из дневника: «Надо его во что бы то ни стало увидеть», — говорила я без конца себе, когда вечером стала собираться в Дом культуры. За мной зашла подруга Варя и мы вместе, направляясь в кино, решали, как мне поступить, чтобы осуществить намеченный план признания Денису в любви. Решили: время покажет, все будет зависеть от обстановки. Пришли мы в Дом культуры, но его там еще не было. Ко мне подбежали знакомые девчонки, стали спрашивать, как я устроилась в городе. Отвечаю: все хорошо, всем довольна, а сама между слов намекаю, мол, что-то не видно киномеханика?

От автора: Подруги ответили Вере, что Денис, после того, как прокрутит кино, придет на дискотеку. Вера смотрела фильм, но ничего не видела. Туман застилал глаза. Ей хотелось встать и бежать в кинобудку, она боялась, что не увидит сегодня его. Она не знала, куда себя деть от тоски, не могла усидеть на месте и все думала, когда же кончится кино.

Из дневника: Наконец-то мы пошли в танцевальный зал. Дениса там не было. И снова мне стало скучно. Но вот ко мне подбегает Варя и шепчет: «Он пришел!». Я не успела еще ничего ответить, смотрю — он через весь зал идет ко мне. У меня подкосились ноги и отнялась речь. Я притулилась к стене, глаза заволокла пленка слез, словно иглой кольнуло в самое сердце.

От автора: Денис, конечно, не догадывался ни о чем. Он подошел к Вере, поздоровался и стал расспрашивать о ее делах. На танцы он ее не

приглашал и они весь вечер простояли у стены.

— Как твои-то дела, — многозначительно Вера посмотрела на молодого человека.

— Плохо, — со вздохом ответил Денис, — никто меня не любит. — Эта фраза перевернула душу Вере.

— Ты уверен, что никто?

— А разве не так? Откуда взяться девушке, которая бы полюбила такого, как я, непутевого и неудачника.

— Есть такая девушка. Она здесь, в этом зале. — Слова застряли в горле у Веры. Она выбежала вон из танцевального зала.

Из дневника: На следующий день, ругая себя за нерешительность, называя себя размазней, я досрочно уехала в город и появилась в своем поселке лишь через три недели. И точно также пришла в Дом культуры, как прошлый раз. На дискотеке ко мне стал приставать незнакомый парень, сказал, чтобы я сегодня вечером пошла с ним туда, куда он скажет, а иначе его дружки и он из меня сделают «отбивную котлету». Я очень испугалась, но тут ко мне на мое счастье подошел Денис и я все рассказала ему. «Не бойся, я тебя провожу», — ответил он. Для меня эти слова были солнечным светом. Я даже стала благодарна тому хулигану, который угрожал мне.

От автора: Вера с нетерпением стала ждать окончания дискотеки. Настроение ее достигло самой высокой отметки. Они вышли из Дома культуры. Денис проводил ее до дома и спросил, когда она приедет еще?

— А тебе этого хочется? — с замиранием сердца ждала ответа.

— Очень. Тебе тяжело учиться?

— Нет. Почти все пятерки...

— Какая ты умница. Счастлив будет тот, кого ты полюбишь...

Вере хотелось крикнуть: «Безумно страдаю я только оттого, что не вижу в городе тебя!». Она в какую-то секунду порывалась обвить руками его шею и горячо поцеловать в губы. Но вместо этого, чтобы не выдать своего порыва, убежала домой.

Неделя, которую она училась в техникуме, была для нее пыткой. Вера страдала, терзалась от того, что не видит, не может обмолвиться добрым словом с Денисом. Она думала и думала о нем.

Вечерами студентки-подруги куда-то убегали из общежития, звали Веру с собой. Но она мотала отрицательно головой, оставалась в комнате одна, учила уроки, вышивала, томилась.

— Что с тобой? — спросила ее лучшая подруга однокурсница Юля.

— Влюбилась, — честно призналась Вера.

Из дневника: В родной поселок я приехала через неделю и сразу пошла к Варе. Она работала инструктором в райисполкоме и знала все новости. Варя сказала, что видела много раз Дениса и он всегда спрашивал обо мне, В первый же вечер, в субботу, мы встретились с Денисом. На дискотеке мы не отходили друг от друга. Наши слова, как будто бы не имеющие отношения к объяснению в любви, наши теплые взгляды раскрывали нам наши чувства друг к другу. Денис мне вдруг, по дороге ко мне домой, признался:

«Что-то со мной происходит, но я никак не могу понять что?».

От автора: Вера приезжала и уезжала. Теперь она каждый вечер выходного дня проводила с Денисом. И все больше влюблялась в него до безумия, но в то же время боялась, что узнает об этом сестра Клава или мать. Вера считала, что ей будет стыдно перед ними.

Из дневника: Новый год мы провели вместе. К тому времени он уже стал и киномехаником и заместителем директора Дома культуры, по совместительству, так как не было пока замены. Все девчонки уже догадывались, а некоторые и точно знали, что у нас с Денисом любовь. Они таинственно шептали: «Вер, неужели он ничего от тебя не требует?». Я отвечала, что нет. Он действительно свято берег меня. Я поняла, что я дорога ему больше жизни. В Новом году скоро подошел мой день рождения. Было воскресенье. Он приехал ко мне домой и привез мне цветы. Дома была сестра Клава. Принимать подарок мне очень было неудобно перед ней. Мне казалось, что она догадывалась, откуда такая трогательная забота о моем настроении у Дениса. Но она тактично ничего не спросила.

От автора: Вечером в тот счастливый день Вера пришла в Дом культуры. Она, плохо скрывая радость от принесенных цветов, все же спросила, зачем он это сделал? Он просто, очень искренне ответил, что раз они дружат, то и нечего ни от кого это скрывать.

После дискотеки Денис повез Веру на своем мотоцикле к себе домой. У его мамы были гости, но он все равно всем представил Веру, как девушку, с «которой встречается и которой гордится». Так и сказал. А Вера чуть не сторела со стыда. Их пригласили к столу. Вера, по натуре очень скромная, стеснительная, долго отказывалась. Но и нужно было быть тактичной, благородной, так как ее долго упрашивали и она

приняла участие в ужине. Тут же Денис объявил, что Вере сегодня исполнилось восемнадцать лет.

Все стали ее поздравлять, а мама Дениса поцеловала в щеку.

Из дневника: После этого вечера у меня дома все узнали, что я стала ходить с Денисом. Я никогда не видела в такой ярости маму. Она кричала, что я позорю всю нашу семью: «Тебе не стыдно тайком встречаться с парнем, с которым дружила твоя старшая сестра?». Она была категорически против моей привязанности к Денису. Мне было очень тяжело находиться в такой обстановке дома. Мама, не переставая, изводила меня упреками, доводила меня до слез. Она утверждала, что Денис меня бросит, как оставил свою жену. Ему, якобы, я нужна лишь для «одного вечера». Но сестра не разделяла пыл мамы. Ей было все равно. Она даже успокаивала маму. Но мама поставила такое условие: «Или я или он». «Вера, делай, как считаешь нужным, — шептала сестра. — Ведь не он меня оставил, а я его. Но нашей маме не доказать. Она считает, что он меня бросил».

От автора: К Дому культуры вечерами Вера подходила обычно заплаканная. Денис участливо спрашивал, что случилось, а она не решалась ему все рассказать. Но потом как-то не выдержала и рассказала ему печальную историю взаимоотношений с матерью. Денис кусал губы, хрустел, ломая, пальцами. А потом вдруг предложил: «Давай уедем отсюда. Меня зовет брат в Казахстан?». В этот же вечер Вера горячо призналась Денису в любви.

Из дневника: Он просто не знал, что со мной делать, как благодарить. Денис целовал мне руки, лицо, волосы. Он признавался, что ни одна девушка не говорила так просто и сладко о любви.

От автора: Прошла зима и весна. Подходило лето. Вера на отлично заканчивала третий курс техникума. И, не обращая внимания на запреты матери, которые становились все злее, все ультимативнее, продолжала тайком встречаться с Денисом.

Наконец, она дождалась каникул. Приехала в поселок с одной мыслью: «Как тут поживает любимый Денис?». Писем он ей писал много, их не заменишь свиданием, живым теплым, смыкающим души объятием и поцелуем. Но мама сразу огорошила, прямо у порога: «Если будешь встречаться с ним, то считай, что у тебя нет матери. Он должен быть мужем твоей сестры. В противном случае он нам не нужен».

Верочка старалась объяснить матери, смягчить, разубедить, но та пошла на принцип. Она стала следить за каждым шагом на каникулах

младшей дочери и никуда не отпускала ее вечерами.

Вера убегала через окно. А, встречаясь с Денисом, забывала, обо всех своих горестных домашних делах.

Из дневника: Я гуляла с ним по окраинам поселка, там, где к последним улицам и переулкам примыкает грозный сосновый лес, насупивший вечерами брови, точно моя мама. Нас видели одни звезды и луна. Мне было до самозабвения хорошо с моим бесценным существом, таким ласковым, все понимающим с полуслова, с полудвижения губ, мимики, взгляда. Крутну головой и он «усек», что это мне не нравится и дальше в этом плане продолжать не стоит, так как это обидит меня.

От автора: Но придя домой, Вера погружалась в прежнюю ненавистную обстановку, полную скандала, ссор, недовольства, тяжкого обвинения в посягательстве на честь семьи. Укоризну матери она не могла больше переносить. Мать не желала понять, что младшая дочь тоже стала взрослой и к ней пришла первая страстная любовь. И стали вкрадываться в голову Веры мысли: «Если он мне, по словам мамы, не пара, то я покончу с собой. Другого мне не надо. Да и никогда я не встречу такого, так зачем жить!».

У нее, действительно, мама, родная мама, отнимала любовь. Ну был бы Денис пьяница, хулиган, бездельник, развратник, тогда можно было бы понять предупреждения родительницы и прислушаться к ним, последовать совету. Но ведь он сущий ангел, сам как ребенок, на свиданиях словно ангел-хранитель расprostирает свои руки-крылья, оберегая ее даже от колючего ветра. Работящий, из порядочной семьи. Но а то, что не сложилась первая семейная жизнь, то не всегда в этом виноват лишь мужчина. Но мать, Матрена Ефимовна, не хотела этого понять. «Раз не стал мужем Клавы, ему не должно быть причала в нашем доме» — твердила Верина мать.

Из дневника: И однажды, утомленная придирками, уговорами, упреками мамы, я пообещала ей, что больше не пойду к Денису. И себя я также уверяла. Мне было жалко маму, я решила: сделаю это ради нее. Пусть спит спокойно, а то она стала вскрикивать по ночам, страдать бессонницей. Я шла в Дом культуры только с одной целью: найти причину и поругаться с Денисом. Но как только я увидела его, то не нашла в себе сил поссориться, а лишь горько заплакала и уткнулась ему в полу пиджака. Он спросил, что случилось. Я все ему рассказала.

От автора: И в этот вечер Вера не пошла домой ночевать. А направилась с ним на квартиру к подруге, у которой родителей не было дома. Денис среди ночи ушел, а Вера с Варей проговорили до утра, до той поры, пока не разыскала ее сестра Клава.

— Ты в своем рассудке, — перепуганно произнесла Клава, — как ты могла не придти домой ночевать? Мама сходит с ума.

Вера в то утро сказала матери, что не была с Денисом, встретила другого парня и будет с ним дружить. Вера так искренне сказала об этом, так ловко соврала, что удивилась сама себе. Она начинала лгать матери, ее заставляла это делать жизнь. Ей хотелось, чтобы и мама не волновалась и не расстаться с любимым человеком.

Мать верила дочери, а та изо дня в день обманывала ее все лето. Матрена Ефимовна долго не догадывалась, что Вера водит ее за нос.

Но однажды мать обо всем случайно узнала.

Из дневника: Я думала, ну это теперь все. Будет мне такой нагоняй, которого еще никогда не было. Но мама мне спокойно говорит: «Больше никуда я тебя не отпускаю». Я просидела дома две недели. Но вдруг ее пригласили в гости, в деревню за сорок километров, к родственникам, и я появилась в Доме культуры. Денис обрадовался мне. Он все знал через мою подругу Варю. Мы сразу пошли ко мне домой.

От автора: В этот вечер Денис преподнес Вере шикарный флакончик французских духов. Она несказанно обрадовалась, но и боялась принять дорогой подарок: могла узнать мать. Денис пообещал поговорить с Вериней мамой, постараться все ей объяснить, попросить у нее руки и сердца младшей дочери. Но Вера, трепеща от страха, просила этого не делать. Он стоял на своем: «Сколько можно... Мы взрослые люди!».

Из дневника: И вот однажды Денис пришел ко мне, когда мама была дома. Он этого и хотел. Не знаю, о чем они долго говорили, но догадывалась, что мама отговаривала Дениса от меня. Но он был неумолим, твердил: «Мы любим друг друга, это главное». И тут мама колочке напомнила ему о Клаве, «загубленной ее жизни», что, мол, не стыдно ли ему будет перед ней. Он почему-то не стал объясняться по этому вопросу, а молча встал и ушел от нас. Он не ожидал такого вопроса.

От автора: Подходило к концу лето. Вере нужно было уезжать в город. Она решила с Денисом отметить это событие. 29 августа они пришли в Дом культуры. Этот вечер никогда не забудет Вера. Среди

друзей они были как жених и невеста. После дискотеки все разошлись по домам, а Вера с любимым остались в запечатом Доме культуры, в его кабинете, вдвоем. И мечтали о своих счастливых, обязательно счастливых днях совместной супружеской жизни.

Из дневника: Если говорить честно, то я боялась с ним оставаться наедине в пустынном Доме культуры. Тем более на всю ночь. Дала ему понять, что я вся трепещу от неизвестности и дурных мыслей. Но он мне, взяв руки, ответил: «Если бы мне это было нужно, то давно бы это сделал. И в лесу, и в доме Вари...».

От автора: Вернулась Вера домой опять утром. Ее мамы уже не было: она ушла на работу. И в этот же день, не дождавшись родительницы, Вера села в автобус и отправилась на учебу. Она переписывалась с Денисом. Получала от него письма почти каждый день. Да и сама Вера не писала домой столько писем, сколько отправляла ему.

Однажды Вера от мамы получила письмо и очень откровенное в том смысле, что она как бы изнутри давала Денису пронзительную характеристику. Она доказала, что он Вере не пара, что их дружба кончится для обоих непоправимой бедой.

Под сильным впечатлением материнского послания Вера решила, что ей надо во что бы то ни стало отойти от Дениса. Для этого нужно было в ближайшее время поговорить с ним. Но не знала, как это лучше сделать.

Из дневника: И вот я приехала домой, окончательно, как мне казалось, прозревшая, но и убитая горем, с кошмарным настроением. Рядом с ним, в его объятиях, я боялась начать тяжелый разговор. Мне хотелось продлить минуты его радости в связи с моим приездом. Да и сама понимала: перед вечным расставанием стоит замедлить роковую разлуку. Но время шло и я начала разговор. Он широко открыл глаза и онемел от моих бессмысленных для него слов. Он не верил мне. Думал, что я шучу. А потом истолковал мою исповедь так: я люблю его, продолжаю любить, но из-за семейных неурядиц не имею права с ним встречаться. Еще через минуту Денис заподозрил, что я нашла в городе другого парня и даю ему отставку. Нахожу повод, чтобы поругаться с ним.

От автора: И тогда Вера решила воспользоваться нереальной догадкой Дениса. Она ухватилась за эту идею. И чтобы раз и навсегда покончить с затянувшимся выяснением отношений, она вгорячах,

стараясь как можно искреннее играть роль, «призналась» ему, что встретила другого молодого человека. И очень полюбила его. И даже, что от него у нее будет ребенок.

Денис, всегда спокойный, покладистый, сносивший все причуды и капризы своей возлюбленной, вышел из себя от такого сообщения.

Итак, они поругались. Это была первая их ссора.

Из дневника: После этого я больше не приезжала домой. Здесь, в городе, целиком посвящала себя учебе, с подругами ходила в кино, библиотеку. И, так как Денис знал мое общежитие, то избегая возможного его приезда ко мне, я стала жить на квартире у одной старушки. Адрес сказала лишь самой близкой подруге в общежитии.

От автора: И вот однажды, это было крайне неожиданно для Веры, Денис нашел ее. Случайно друг Дениса — Анатолий жил в доме напротив дома Вериной хозяйки. И надо же так случиться: приехав к Анатолию, чтобы все разузнать о Вере, Денис в окно увидел ее. Она шла по улице из техникума. Он опешил. Замешательство продолжалось недолго. Денис проследил, куда пойдет Вера. Едва за Верой закрылась калитка, как в дом, куда вошла Вера, влетел Денис. Он сказал ей два слова: «Приду вечером». И удалился.

Из дневника: Я очень истосковалась по Денису. Появление его для меня тоже было счастьем. С нетерпением ждала вечера и боялась, что он не состоится. Но Денис пришел и пригласил меня пойти к его другу.

Там, в двухкомнатной квартире, был щедро накрыт стол. Потом в одной комнате остались мы, в другой — хозяин со своей девушкой. Денис душил меня в объятиях, говорил такие слова, каких я никогда не слышала в кино. Он извинялся передо мной, что поверил ерунде, будто бы я нашла другого.

И тут я вошла с ним в близкие отношения. Мне было очень страшно после этого, но он утешал меня, как мог.

От автора: Вере было стыдно. Она жалела о том, что произошло. И хотя Денис стал ей еще роднее, она старалась не показываться ему на глаза. А любовь кипела в сердцах обоих. Они могли выполнить любую просьбу друг друга.

Из дневника: Денис сам начал приезжать ко мне. И однажды остался у меня ночевать. И в этот вечер заявила в город мама. Она как чувствовала, что Денис у меня. А возможно, ей кто-нибудь сказал, что навещает меня. Я рыдала, стояла перед матерью на коленях, умоляла не делать ссоры. Но она жестоко хлопнула дверью и выскочила вон из

дома. Вслед за ней побежал Денис. А когда он вернулся ко мне, я не пустила его.

От автора: Утром Вера выждала, чтобы все ушли на работу. Оставшись одна, нервно разыскала трехгранную бутылочку с уксусной эссенцией, дрожащими руками выдернула пробку, плеснула жидкости в стакан, жадно сделала несколько обжигающих глотков. И тотчас стала задыхаться, ноги подкосились, она опустилась на пол. Ей хотелось звать на помощь, кричать, но звуки не выходили из горла. Она быстро теряла сознание.

Дверь с крючка сорвал Денис, дежуривший у дома всю ночь. Скорая помощь увезла Веру в больницу. На следующий день она пришла в себя и увидела мать.

— Что же ты наделала, доченька, — с отчаянием трясла головой Матрена Ефимовна.

— Мама, я люблю его... по-настоящему, — прошептала Вера. — Не сердись.

* * *

После всей этой истории хочется поразмыслить. Если к сыну или дочери пришла первая большая любовь — от этого события не отмахнуться родителям.

Нужно лишь рассчитать, как направить юношескую или девичью страсть в разумное русло.

А запреты, окрики не дадут желаемого результата, более того, это может привести к печальным последствиям.

Любовь должна стать для родителей искусным средством воспитания своих взрослеющих детей.

А как часто, наподобие Вериней истории, родители куражатся над любовью сына или дочери.

Взрослые не дают себе труда задуматься, что к их детям пришло неизбежное чувство, без которого не бывает человека.

Любовь — это духовная сила. Ее нужно и можно направить на добрые дела, использовать в воспитательных целях. Только любовь делает общество мягче, человечнее. Она удерживает людей от злых поступков. Следовательно, любовь заслуживает глубокого уважения.

ОТЕЦ И СЫН

Похороны завершались тихо. Все словно онемели и находились в состоянии шока. Рыдала лишь невеста погибшего — Светлана, да беззвучно вытирали слезы две пожилые женщины. Отец покойного Игорь Леонидович Лавренко стоял у могилы потерянный, отрешенный. Весь его вид говорил о сильном потрясении. В его маленькой семье случилась жестокая нелепость, от которой можно лишиться рассудка.

Безутешно было горе.

А вот мать не приехала хоронить сына, хотя ей дважды посылали телеграммы. Видать, ее не тронула за душу трагедия. А на кладбище в эти траурные минуты все думали о ней, женщине, хотя и давно, но легко бросившей мужа и трехлетнего Олежку. С собой, на Украину, к новому супругу, она взяла внебрачную пятилетнюю дочь.

Так мать поделила детей между собой и бывшим мужем.

Сейчас, у могилы любимого парня, Светлане казалось, что больше всех ее коснулось несчастье. Она мечтала увидеть себя в белом свадебном платье рядом с Олегом, а пришлось стоять во всем черном у его гроба.

Впрочем, те, кто так же как Светлана близко знали семнадцатилетнего парня, понимали, что Олег обдуманно свел счеты с жизнью. Кто-то даже, переминаясь с ноги на ногу у могилы, шепнул: «Это его судьба. На роду у него было написано умереть такой смертью». Но так ли это? Не от отца ли с матерью, да и Светланы зависело, как сложится жизнь Олега, пойдет ли парень по кривой дорожке или прямой.

Вернемся на несколько лет назад. Покинутый молодой женой Игорь Леонидович в первые дни растерялся, ходил в каком-то иступлении. Мрачная бездна отчаяния виделась ему впереди. Он не верил, что один может воспитать сына. Сразу же ему крепко стали помогать соседские женщины.

Вскоре Игорь Леонидович осмотрелся, обрел прежний ритм жизни, сосредоточился, весь отдался работе, вернулось к нему жадное стремление сделать карьеру. Так и вышло: за шесть лет из инженера он вырос в крупного начальника. Естественно, времени для сына не

оставалось. Он допоздна задерживался в своем учреждении, в котором вход на работу и выход осуществляется по строгим пропускам.

Рос Олежка. К нему всем сердцем привязалась незамужняя молодая и добрая женщина Маргарита Викторовна. Она преподавала музыку и, живя рядом, находила время покормить, обстирать, а затем встретить из школы сиротливого парня. Рите давно нравился Игорь Леонидович. Втайне она мечтала соединить свою судьбу с ним. Казалось, препятствий к этому не должно быть.

Но одинокий мужчина пока не замечал соседку как возможную жену. Зато Олег полюбил тетю Риту словно мать. На ее ласку мальчуган отвечал взаимностью, преданностью, уважением. В отце все меньше нуждался. С родителем у парня мало-помалу возникало отчуждение, устанавливалась эмоциональная глухота.

То, что отцу некогда было с ним позаниматься, сходить в кино, парк, на экскурсию, отправиться в турпоход, вызывало у парня сначала тоскливое раздражение, потом безмолвную досаду, затем — безразличие и даже удовлетворение от того, что тот не лезет в мальчишковые дела, предоставил его самому себе.

И если отец теперь, поздно возвращаясь с завода, бесцветным, усталым голосом спрашивал, как сын занимается в школе, с кем дружит, чем увлекается, то отвечать Олегу не хотелось, разговаривал он с отцом по большому принуждению, занозисто, дерзил.

А между тем отец любил сына своей мужской скупой на умиление любовью. Олег же был от природы чувствительный. Он тянулся к излишне сентиментальной, сердечной тете Рите. Общение с ней Олегу доставляло удовольствие. Она умело завладела душой парня.

Игорю Леонидовичу казалось, что сын благодарен ему, любит отца за то, что щедр, ни в чем не отказывает, дает карманные деньги, разрешил ключи от гаража, учит водить «Москвич». Чего же еще надо? Где найдешь такого богатого, без предрассудков родителя?

С пятнадцатилетним Олегом как-то отец приехал отдыхать в Краснодарский край, там встретил и полюбил женщину, привез ее в свой город и, не раздумывая, зарегистрировал с ней брак. Олегу она не понравилась. Он ей тоже. Мальчик почти сразу разобрался в ее отношении к нему, почувствовал наигранность, громкие слова, расчетливое и холодное сердце мачехи. Олег возненавидел ее. Мачеха ни в какое сравнение не шла с искренней, сердечной, заботливой и бескорыстной тетей Ритой. Не о чем тут было и раздумывать.

Сама Маргарита Викторовна оказалась в таком положении, когда хочется провалиться сквозь землю. Ей так стало неловко, что она обменяла квартиру и переехала в другой город. Это тяжелым ударом сразило сердце паренька. Он понимал, что во всем виноват отец, обидевший тетю Риту, растоптавший ее самолюбие. И внешне, и душой, действительно, Маргарита Викторовна была неизмеримо привлекательнее чужой и кичливой Аделии Власовны. Ленивая, беспечная, она запустила квартиру, превратив ее в хлев. Олег тоже не зевал. Он ложился спать в ботинках, вытирал после обеда руки о рубашку, демонстративно не замечал ее, относился к мачехе как к постороннему человеку. Кончилось тем, что взбешенная «гостья» сбежала от Игоря Леонидовича и его отпрыска. Она была на самом деле временной.

Мужчины снова стали жить вдвоем. Отец по-прежнему не имел времени интересоваться жизнью сына. Игорь Леонидович работал над диссертацией. Доверял Олегу, по мере возможности в общем-то скуп, интересовался его успехами в школе, обеспечивал деньгами. Теперь парень сам обслуживал себя. Отец не мог и подозревать, что сын учится кое-как, бездельничает, имеет свою ребячью компанию, в которой курит, выпивает, пробует наркотики; он хандрил, очень тосковал по матери, хотел бы встретиться и жить с ней.

Олег чуть-чуть воспрянул духом, оживился, взялся за ум, когда пришла к нему любовь.

— Первый раз я увидела Олега на дискотеке, — рассказывает Светлана. — Он играл на ударнике в ансамбле. Потом меня познакомила с ним подруга. Внешне Олежка не мог не броситься в глаза: стройный, развитый и загадочный. Когда стала с ним встречаться, поняла, что он очень умный и не такой боевой, как хотел казаться. Хотя хватало в нем бесшабашности и дерзости. Все мне в нем нравилось. Я не думала его перевоспитывать, напротив, кое-что ребячье сама перенимала от него. Оба мы перешли тогда в десятый класс, но учились в разных школах. У нас образовались общие интересы.

Как-то я познакомилась с его отцом: он застал нас вдвоем, возвратившись поздно с работы. Игорь Леонидович сразу же продемонстрировал широкие взгляды на жизнь молодежи и это меня расположило к нему, мы подружились с ним. Он величал меня гордо «невесткой».

С Олегом мы продолжали ходить в кино, на речку. Бывала с ним в отцовском гараже, тайком катались на «Москвиче». Я давно мечтала научиться водить машину, хотела иметь свой мотоцикл. После занятий в школе я бежала к Олегу на свидание. К сожалению, многое отрицательное Олега копировалось во мне. Он научил меня курить, дегустировать вино, признавшись, что употребляет наркотики, уговорил меня уколиться, чтобы «слаще жилось».

А на следующий день у Светланы вздулась рука, началось заражение. Ей пришлось дома во всем признаться. Мать привела дочь к Игорю Леонидовичу и устроила громкий скандал. Светлану родители держали под арестом почти два месяца, не давали возможности встречаться с Олегом.

Однако вскоре молодые люди все-таки нашли лазейки, чтобы встречаться в укромных местах. Олег жаловался девушке, что невыносимо скучает без матери и готов бросить отца, лишь бы разыскать ее. Много раз в странном возбуждении признавался, что вообще не хочет жить и когда-нибудь покончит с собой. И даже продемонстрировал это. Однажды он включил в гараже двигатель автомашины и пытался задохнуться газом, но его спасли, второй раз порезал себе вены рук, истекал в гараже кровью, но опять вовремя подоспела помощь.

Светлана вспомнила:

— Когда мне исполнилось семнадцать лет, я от родителей удостоилась подарка — мотоцикла «Ява». А через неделю окончила среднюю школу. Получила аттестат зрелости. В честь этого события мы уехали с Олегом в поле. Хотелось весь день побыть вдвоем. Я задавала себе вопрос: кто для меня Олег? И понимала, что наши отношения — это, разумеется, больше чем дружба. Без него не могла прожить уже и мгновения. Прекратил ли он употреблять наркотики? Над этим я никогда не задумывалась. Сейчас понимаю, что напрасно. Мне было достаточно того, что он уколов и таблеток никогда не предлагает больше мне.

Олег часто управлял моим мотоциклом. И на этот раз я отдала ему руль, он носился, как угорелый. В поле, у самой реки, он заглушил мотор, нежно обнял меня и стал как-то по особому страстно целовать мои глаза, губы, щеки, грудь. Я дрожала. Он тоже. При этом говорил и

говорил, что преклоняется передо мной, обожает меня. Никого никогда так не боготворил, но должен расстаться со мной именно сегодня, сейчас. Иначе судьбы его и моя будут горькими, несчастными, искалеченными. Но больше всего он жалел меня. Мы были немножко выпившими. С нами находилась еще бутылка шампанского, раскупорили ее... Я смеялась над его нелепыми словами, не верила им, знала, что я счастлива. А взбудораженность Олега относилась к страсти, которую выказывал он мне.

Спиртное, употребленное Светланой, не давало ей возможности серьезно оценить ситуацию, внимательно отнестись к словам Олега. Девушка воспринимала их, как дань любви. А что касается хандры, то она была присуща Олегу. Тоска, уныние вперемежку со страстью на него находили часто. И сейчас Светлана продолжала лишь посмеиваться над парнем, мечтая вслух о том, как чудесно они заживут, когда поженятся, строила планы на будущее.

Олега раздражало то, что Светлана не хочет его понять.

— И тут Олег в каком-то припадке злости за то, что я не чутка к нему, вскочил на мой мотоцикл и на предельной скорости понесся по дороге. Это случилось так неожиданно, что я оторопела, замерла от страха. Затем случилось невообразимое. Я до сих пор не могу поверить в тот кошмар. Олег у меня на глазах, на большой скорости врезался в железобетонный столб. О ужас! Думала, что сойду с ума, не переживу горя. Почти год ходила, как помешанная, не хотела жить. Моя мама убедила меня, что я молодая и у меня все впереди.

Светлана и сейчас не отошла от беды. А несчастье никого не красит. Девушка продолжает глубоко переживать личную драму. На ее сердце тяжело от того, что она ясно стала осознавать: спасти можно было любимого человека. Употреблением вина, наркотиков он, похоже, увлекался от тоски по матери. В гибели Олега, конечно, виноваты родные люди. Хотя у каждого человека есть еще один прекрасный воспитатель — он сам.

СОХРАНИ, УЛИЦА!

Мне как-то довелось быть очевидцем такой ситуации: у гастронома «Центральный» парень лет семнадцати — плечистый, рослый акселерат — стал назойливо добиваться от девушки знакомства.

— Да отстань, — говорила ему раздраженно та.

Парень и не думал от нее отставать.

Громкий издевательский смех верзилы слышался далеко по улице. Он был явно «навеселе». Стоявшие тут же мужчины и женщины отвернулись от «инцидента». Молча ждали троллейбуса. Здоровенный дядя спортивного вида с кожаным дипломатом в руке ближе всех стоял к девушке, которую обижал навязчивый кавалер. Он и не думал вмешиваться, становиться на защиту представительницы слабого пола. Напротив, со словами «от греха подальше» направился к толпе, стоявшей у троллейбусной остановки.

Несколько девчонок попытались заступиться за подругу, но обидчик не церемонился и с ними. В их адрес были брошены оскорбительные словечки. Услышав такое, девчата сникли и стали озираться по сторонам, ожидая от кого-нибудь помощи.

И тогда вдвоем с молодым человеком мы двинулись на хулигана.

— Прекрати сейчас же! — крикнул мой напарник.

— Что, что?

— Замолчи немедленно и отойди от этой девушки.

— Ну-ну, папаша, — это уже в мой адрес. Уличный дебошир уставился на нас. Если бы спросили у людей, которые все сразу

повернулись в нашу сторону, что они увидели в глазах хулигана, то они бы сказали одно слово: испуг.

Но не менее удивительное происходило и дальше.

Парень-обидчик понял, что мы его хотим «пропесочить». К тому же от перекрестка к нам шел милиционер. И хулиган кинулся прямо через проезжую часть улицы к кинотеатру. Тут он и был остановлен блюстителем порядка.

— Пройдемте со мной, — попросил его милиционер. Он, по-видимому, хотел на подвыпившего парня составить необходимые документы. Но несовершеннолетний нарушитель упирался, вокруг моментально собралась толпа. Подошли и те, кто стоял прежде на троллейбусной остановке и не вмешивался в инцидент, хотя им-то надо было вмешаться. Теперь из любопытства все они были здесь, ждали, чем кончатся пререкания дебошира с блюстителем порядка.

— За что паренька-то милиционер задерживает? — обратился к толпе дедуля преклонного возраста. Старик сразу несколько зевак стали объяснять, искажая факты:

— Да ни за что пострадал: видите ли, не в том месте улицу перешел, и сразу тащит в отделение!

— Ну и дела, — удивленно произнес еще один подошедший мужчина и добавил, видимо, своей жене: — Пойдем, Маша, ни за что сейчас посадят мальчишку.

— Вот они, наши порядки! — теперь крикнула женщина, названная Машей.

И самым неприятным оказалось то, что непрошенных защитников, потребовавших отпустить хмельного юнца-бузотера, было больше, чем нас, двоих очевидцев неприятной истории.

И милиционер извиняюще развел руками и отпустил разгильдяя. Мы так и не узнали его имени. Значит, он еще больше уверовал в безнаказанность, значит, он и дальше будет по-купечески разгульно вести себя на улице.

Вот и роль общественности в конкретной ситуации. Такие сторонние наблюдатели чувствуют и понимают несправедливость только в отношении себя. Вместо того, чтобы «тушить пожар», они, что называется, подливают масла в огонь, оказавшись у места происшествия.

И неудивительно, что потом из таких задиристых юнцов вырастают отпетые хулиганы. И все оттого, что сейчас их опекают

«сердобольные» граждане.

Вспоминается еще один, что называется «свежий» случай. Он происходил в автобусе. Высокий брюнет лет шестнадцати-семнадцати, растолкав локтями пассажиров в переполненном автобусе, плюхнулся на освободившееся место, не уступив его пожилой женщине. Многие были возмущены бесцеремонностью нахала. Но лишь тщедушная старушка упрекнула парня в отсутствии культуры. Он тотчас огрызнулся:

— Помолчала бы, одной ногой уж туда смотришь...

В это время появился контролер. На этой же остановке в автобус вошел и мужчина в форме работника железной дороги. Началась проверка билетов. Его не оказалось именно у того нахального парня. Женщина-контролер обратилась к железнодорожнику, попросив помощи, — требовалось записать данные на нарушителя проезда. Но тут же оказалось, что с этим нашим «героем» ехали еще двое приятелей. Они были также без билетов. И не захотели платить не только штраф, но и обычный пятак за проезд.

Когда мужчина в железнодорожной форме решил помочь контролеру, то на добровольного блюстителя порядка посыпались гневные упреки непрошенных заступников: «Нашел, где права свои показывать! На вокзале, да и в поездах лучше порядок наводи!»

В автобусе назревал скандал. Работник железнодорожного транспорта, который к тому же показал удостоверение члена ДНД, оказался в двусмысленном положении, просто не знал, как поступить, и, в конце концов, попросил водителя остановить машину и открыть ему дверь. Затем демонстративно вышел из автобуса. Он, конечно, был обижен несознательными пассажирами и рассказал об этом нам, в милиции.

Как видим, факты свидетельствуют о том, что, к сожалению, очень многие граждане, ратуя за обуздание юнцов-нарушителей, требуя применения к ним «ежовых рукавиц», сами остаются в стороне, когда необходимо проявление их гражданской позиции и вмешательства...

ПИКАНТНЫЙ СЮЖЕТ

Новелла

1. Из ориентировки:

«...Не вернулась домой Цурюкина Альбина Германовна, 27 лет, роста 168 см, стройная, с видной осанкой, круглолицая, улыбчивая, жизнерадостная, на двух дальних зубах надеты золотые коронки. Волосы — густые, пышные, окрашены в золотистый цвет, по профессии — секретарь-референт, владеет английским...»

Не только исчезновение молодой женщины, приехавшей погостить с пятилетним ребенком к матери, было ребусом. Из квартиры испарились и драгоценности красавицы: перстень с алмазом, золотая звезда, ожерелье, две цепочки, крестик, восемь крупных жемчужин, пачка стодолларовых бумажек. Все на общую сумму более 20 миллионов рублей. По заочным подсчетам специалистов.

2. Милиция

В просторном служебном кабинете, после рабочего дня, двое сотрудников наслаждались чаем с лимоном и вели вроде будничный разговор. Хозяин кабинета в игровой манере отстукивал по столу словно морзянку своими узловатыми пальцами. От них исходил запах дорогого табака.

Но гораздо больше комнату заполнял аромат душистого индийского чая. Употребляемый со вкусом, напиток уменьшался в стаканах.

Барабанивший по столу полковник Карпов между глотками сладкого чаепития, снимавшего усталость, неторопливо проронил:

— Выходит, по существу, ничего обнадеживающего?

— Как сказать? Картина-то ясная. Мы всерьез потрудились ночь и день. Сутки не сомкнули глаз. Вы понимаете, что я имею в виду?

Вот эту последнюю фразу, очень бездарную, капитан Блинчиков вставлял к месту и не очень. Возмущение товарищей и критика начальства на него плохо влияли. Он, как говорят «втянулся». Еще Пушкин не то с грустью, не то с радостью писал:

«Привычка свыше нам дана, замена счастию она».

Но это к слову.

Оперативники отхлебнули по большому глотку крепкого, почти черного напитка. Полковник спросил:

— Что из себя представляет мать пропавшей Альбины?

— Вдова погибшего офицера. Злая, как пес, на зятя, кстати, нашего коллегу, майора милиции. По телефону он изъявил желание включиться вместе с нами в поиски собственной жены. Любит. А теща требует, чтобы дочь развелась с ним.

— Из-за чего?

— Чужие дела потемки. Вы знаете, что я имею в виду...

— Прекрати! Когда научишься лаконичности? Не засоряй речь!

— Прощу прощения. Итак, месяц назад Альбина, по свидетельству всех — красавица, перебралась с пятилетней дочерью в наш город. Что я имею в виду?

— Уймись с побасенками, — строго напомнил полковник. — Альбина полностью порвала с мужем, уезжая к матери?

— Дело осталось за разводом. Он ее не устраивал скорее всего материально. Майор чуть ума не лишился, когда мы ему сообщили, в какую историю, похоже, влипла его благоверная. Завтра к нам прилетает. Вы понимаете... — капитан сконфузился и осекся.

— Откуда же у его супруги несметные богатства? Если ему с женой принадлежали, да еще похищены — это удар.

— Имя мужа Альбины — Сергей Цурюкин. У него вообще «крыша» поехала, когда я перечислил ценности. Жена, с его слов, уезжая, имела при себе перстень, кольцо и сережки. Никаких алмазов и золотых звездочек. Вы понимаете... — И предупредительно прервал фразу.

А полковник подумал: «Слава Богу, Блинчиков следит сам за своей речью», — а вслух резюмировал:

— Думаю, лихие «безделушки» — подарки заморского «покупателя».

— Так же и я считаю. Но матери о происхождении драгоценностей соврала. Старушка более щепетильная, чем дочь с подругой Сизовой. Вот и была придумана версия о наследстве Сизовой, отданном на хранение.

— Эх, капитан, — потянулся в кресле полковник, допив чай, — похоже, этот пикантный и фантастический сюжет не только нашей компетенции, но и «соседей». Утром зайду к ним. Обговорю, что к чему. Скорее всего, составим общий план поимки преступников.

Вдруг капитан встрепенулся:

— Товарищ полковник, забыл об одной находке доложить. У Екатерины Сизовой, или, как там она сейчас себя величает, Катрин Сизовой, этой прожженной своднице, в квартире которой и происходила случка Альбины с иностранцем, обнаружен ключ от неизвестной двери. Катька Сизова предположила, что, может быть, выронил «Абориген» — так она иностранца африканского называла — а, возможно, Альбина.

— Передайте трофеи мужу Альбины. Разберемся. Может быть, в нем — свой, квартирный, признает.

3. Из допроса матери Альбины

— Зять, Сергей — неудачник, во всем виноват. Такую деваху в жены заполучил, а что с ней сделал? Она добрая, чуткая, а он? Изверг. Все делает дочери моей наперекор. Бедная моя Альбиночка! Она так хотела купить автомобиль инмарки, так желала куда-нибудь за границу съездить. Или в Карловы Вары, или на Золотые пески, или на какие-нибудь диковинные острова. Она такая способная, так хорошо училась, так мы ею гордились.

— Альбина вас знакомила с этим, как его, «Аборигеном»? Вы понимаете, что я имею в виду?

— Раза три приходил к нам черномазый вздыхатель. Но я сказала дочери, чтобы она с ним ни-ни-ии. Там, в Африке, чума века. Дочь уверяла меня — никаких с ним контактов. К тому же, Альбиночка могла потерпеть: она еще с законным супругом не развелась. Разговаривала дочь с ним то по-русски, то по-английски.

За полчаса допроса лицо женщины еще больше осунулось. Но, вымучено и натужно улыбнувшись, обрисовала «Аборигена»:

Маленький, кривые ножки. Губы толстые, глазки каренькие. Волосатый, обросший. Саквояжик носил. Угощал икрой. — Светло-серые брови женщины разом опустились. — Что же я скажу внучке, где ее мать? Найдите ее, ради Господа...

4. Допрос Катрин Сизовой (подруги Альбины)

— Альбина не развелась с мужем, но поссорилась капитально. Возмущалась: «С его финансовым положением только в берлоге вместе с медведем лапу сосать». Разговор у нас не раз заходил о богатом спонсоре. Я сказала, что при ее внешних данных — труда не составит. И свела с африканским «Аборигеном». Сама давно познакомилась с ним, имела его телефончик. В первую ночь еле-еле мать отпустила Альбину с ночевкой ко мне. Зато «Абориген» подарил ей утром стодолларовую бумажку и ожерелье из драгоценных камней. Потом он приехал через день в «Вольво», и утром на симпатичный пальчик Альбины надел перстенок с алмазом. Ну и так пошло. Роскоши не было границ. Мне ничего не перепадало. Я не сводница, а подруга. Кстати, было и оружие при нем.

5. От автора

Любовная связь лишь со стороны кажется забавной игрушкой, ни к чему серьезному не обязывающей: поиграл и когда захотел выбросил игрушку.

Не тут-то было. На самом деле, этот сексуальный альянс требует большого самоотречения, семейных жертв, высоких обязательств, душевных сил и страданий. В плане личного независимого комфорта муж, в сравнении с любовником, — очаровательное создание. Ему можно даже щелкнуть по носу, чтобы он не лез не в свое дело. Этого не позволишь мужчине, с которым состоишь в небрачной связи. То, что не «перечеркнешь» мужу, прощаешь любовнику.

6. Продолжение показаний Катрин Сизовой

— «Абориген» скоро показал зубки. Куда делась его слащавость, интеллигентность. Через две недели он запустил свою руку в пышную шевелюру Альбины, намотал ее волосы себе на пальцы и тащил ее в постель, как в наручниках. Альбина даже не пикнула. Я случайно вошла в это время в комнату и обомлела. Выскочила вон. Потом Альбина мне сказала без всякого смущения, что она хотела попривередничать с африканцем, набить себе цену. Так делала раньше, а теперь не получилось. Я поняла, что Альбина крепко от Аборигена зависит, полностью продалась ему. Она влипла. Мне стало ее жаль. Я почуяла беду. А утром, на следующий день после этого, Альбина пропала. Может быть, она укатила с пашой, или султаном, как его там называют, в Африку?

Вы спрашиваете о характере, темпераменте, наклонностях Альбины? Внешне чрезмерно обольстительна, ладная, со спортивной фигуркой, грудь пышная — заглядение. Эмоциональна, неуравновешена. Рано вышла замуж. Если интересуетесь сексуальностью, то больше ею наслаждались, чем она.

Так мне рассказывала. Я ей верила. К мужу, Сергею, совсем остыла. Ей, конечно, нужен не полицейский, а лобби, супербэби.

Курила мало. В основном тогда, когда дело доходило до бесшабашного застолья или просто выпивона. У подружки имелись все данные налицо, кроме финансов, но и они подвернулись. На будущее ставила такие цели: пятилетнюю дочь подбросить матушке, а самой укатить за границу, по контракту. Поскитаться по злачным местам-ресторанам, ночным клубам, морским местам отдыха, накопить капиталешко, вернуться через пару лет сюда, к дочери и матери, миллионершей. И остатки дней жить-не тужить.

Досужие подружки нашептывали «утки» о сексуальных сверхприбылях. Мол, стоит молоденькой, красивенькой даме оказаться «за бугром», так капитал себе быстренько сколотит раздеванием в ночных барах.

Нужно лишь быть без комплексов и раскованно повертеться перед супермальчиками нагишом. И валюта не заставит себя ждать. Сама посыпется. Хоть стены оклеивай.

Начиталась и наслышалась этих сенсационных слухов Альбина. Прямо зациклилась на мысли о такой коммерции. Торговать захотела своими прелестями.

И то ведь надо учесть: образования у Альбины — никакого, хилая средняя школа, специальностей, естественно, кот наплакал, зато восхитительна собой. Эротична. Влачить жалкое существование ей опротивело. Мечтать о красивой жизни никому не запретишь.

Она уже обращалась кое в какие фирмы. Ей обещали, к ней приглядывались. Английский она знала, что еще надо для старта? Виной своего падения Альбиночка считает мужа, который не смог обеспечить ее «бабками». Вот ей и пришлось искать щедрых покровителей.

7. Сергей Цурюкин, муж Альбины

— Сначала я не совсем ясно представлял, где надо искать взбалмошную супружницу свет Германовну. Причуд у нее было много, а свободного времени, чтобы их претворять в жизнь, — еще больше. Запросы женушки знал, не раз от нее слышал, бредила заграничными барами, хотела в них стать поп-звездой. По интуиции понял: надо посоветовать полковнику Карпову, одному из руководителей группы расследования, обратиться к коллегам, в Центральный аппарат. Но они и сами не лыком шиты. Уже навели не только справки, но и установки. Меня включили в отряд захвата насильников и освобождения заложницы, стало быть, моей дурочки — Альбиночки, размечтавшейся о красивой жизни. Да, действительно, на таких, как она, делается неплохой бизнес. Ими торгуют за кордоном, как мороженым.

8. Полковник Карпов

— Кое-какие данные накапливались на некоего Пандера Нураса, торговца живым товаром. Переговоры с ним положительных результатов не дали. Он подло твердил, что Альбина, по ее просьбе, отправлена в Египет. В безопасности. Врал, конечно. Мы дело обтяпали в течение нескольких дней. Перекрыли пути отъезда и побега. Организовали обыск сразу во многих квартирах его соучастников. Сначала распустили, где надо, слух о том, что по таким-то и таким-то адресочкам будем брать контрабандистов, а сами — через черную лестницу, и ключиком, найденным у Сизовой, всколупнули запасной

выход квартиры Пандера Нураса. Нас, как говорится, ждали с моря на кораблях, а мы с суши на верблюдах. Бандиты ждут нас у парадной двери, с пистолетами наизготове, а мы им в спину стволыки наставили. Будь здоров!

9. Майор Сергей Цурюкин

— После перестрелки, я первый обратил внимание: бьется пленник в бездонном бауле. Распорол его и увидел в нем скрюченную свою милую и ненаглядную принцессу Альбину. С кляпом во рту, связанную по рукам и ногам. Она, освободившись от пут, бросилась ко мне на шею. Никогда не видел ее такой ласковой и благодарной. Обливалась горячими слезами и восклицала: «Прости меня, непутевая я, легкомысленная. Ложью меня опутали.»

Я ей ответил сухо, со скрытой нежностью: «Все забудь, и погоди, мы еще не всех выкурили из потайных уголков многокомнатной обители».

10. От автора

Сорвалась контрабандная переправка через границу самого ценного национального достояния — русских красавиц, истосковавшихся по собственной роскошной жизни, и лезущих в ловушки. Сошла пелена с глаз еще одной красавицы.

От изуверских многодневных пыток и насилий упитанность Альбины, конечно, пропала. Остались кости и кожа. Но и сейчас ею можно любоваться. Каждая частица ее существа были идеальны от природы-матушки.

Альбина с изящной тонкостью положила на плечо мужа свою руку с длинными пальцами, молочного цвета. Сквозь просвечивающуюся кожу в узоре проступили синие прожилки. Там, где кончались ее филигранно отточенные даже в неволе ногти, рука чуть-чуть изгибалась, напоминая узенькую и легкую пирогу... умиротворенно плывущую по голубой тенниске обожаемого супруга.

Р. С. Что касается «драгоценностей» — дешевые подделки. Фальшивки. Суррогаты, хотя и не бездарные. Автору этого рассказа

представилась возможность видеть то, потускневшие: жемчуг, перстень, кольцо, прочие копеечные подарки.

11. Окончание «Пикантной истории»

На поверку оказалось, Альбина не отличалась мужеством и поумнела от страха. Изнуренный, растерзанный, трусливый вид красивой женщины говорил о многом.

Муж с коллегами отважно защитил ее. Супруга чудом выскользнула из лап истязателей. Зато Сергей снискал милость своей «госпожи», которая в прежние времена разговаривала со своим благоверным ворчливым и задиристым тоном. Держала первенство в семье.

Сейчас красивая женщина стыдливо и кротко прятала блестящие глаза. Лицо выражало только доверчивость. Это трогало Сергея, привлекало. Он бережно обогревал жену мускулистыми руками. Тихую, ласковую, продрогшую.

Потом они вдвоем ехали за своей дочуркой. Этого хотела Альбина. Она твердо и быстро, словно боясь, что ей будут прекословить, сказала Сергею, что ей с ребенком незачем больше оставаться на «чужбине». Она — не мамина, а мужняя жена. Ее молодость, красота и все будущее вместе с любовью принадлежит только ему, законному супругу.

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРАСАВИЦЫ
АВГУСТИНЫ
Романтическая повесть**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КРАСАВИЦЫ

АВГУСТИНЫ

ПОВЕСТЬ

В ДЕТЕКТИВНОМ ЖАНРЕ

1. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АВГУСТИНЫ

Когда поступило сообщение об исчезновении студентки-третьекурсницы Адажевой, многие подумали: «Ничего страшного, найдется». Эксцентричная красавица Августина не раз удивляла своими выходками. Родители же надеялись на то, что в субботний вечер их дочь могла иметь немало причин, чтобы задержаться у приятелей, и по другим своим личным делам.

Однако вот и ужин остыл, закончилась программа «Новости», утро наступило, увы, Августина все не давала о себе знать.

Случалось, что дочь и раньше задерживалась, «ночевала у подруги», но об этом обычно заранее предупреждала родителей, старалась реже их волновать. Она их по-своему любила.

Мать Августины — Виктория Робертовна, окончив финансово-экономический институт, обладая обворожительными чертами лица, пленительной статью, вышла замуж за плечистого, рослого и весьма привлекательного лейтенанта Адажева Арсентия Георгиевича. А когда родилась дочь, полностью отдала ей материнскую страсть, все свое время. Виктория Робертовна не сводила с дочери глаз, боялась дышать на свою красавицу.

Арсентий Георгиевич тем временем уверенно шел вверх по служебной лестнице, сердечно опекал, берег жену и дочь, вознося ослепительную, неотразимую красоту обеих.

На исчезновение дочери, которую боготворил безмерно, полковник Адажев отреагировал решительным образом: поднял в «ружье» отдельный саперный батальон, коим командовал. И воинская часть оперативно прочесала улицы и окрестности города.

Августина вела самостоятельный образ жизни. Круг ее интимных знакомых не ограничивался студентами. Девушка была связана своими интересами, свойствами характера и привычками с образом жизни той среды, которую уже не в шутку называли «богемой».

Зналась студентка-третьекурсница вне института преимущественно с актерами, музыкантами, художниками и поэтами, так как сама в сочинительстве стихов была не безгрешна. Родители давно опасались, что дочь позаимствует у некоторых своих «кумиров»

своеобразный беспечный и беспорядочный образ жизни. Станет женщиной легкого поведения, кокоткой.

Теперь, если все эти факты вместе взять, нетрудно понять, почему не на шутку всполошились на этот раз мать и отец Адажевы.

Дочь собиралась замуж за своего однокурсника Максима Верстакова. Жених в любую минуту мог навестись. Что ему говорить? Где Августина? С кем?

И мать, и отец хорошо знали, что время «летучих» поцелуев у дочери прошло. Если их чадо вздумало последнюю ночь «подарить» кому-то из своих прежних дружков, то это полбеда. Хотя такая мысль была противна Виктории и Арсентию Адажевым.

Однако более неприятным представлялось то, что кое-кто из прежних близких приятелей, оставшихся, как говорится, с носом, мог из мести жестоко и коварно отомстить ей. Эта мысль туманила рассудок и жгла сердце. В порядочность дочери они все-таки верили.

Поиски девушки продолжались, и они не представлялись напрасными: у парапета набережной, почти у самой воды, солдат саперного батальона Джемал Далайламов обнаружил косынку и правую туфлю Августины.

Воин не сомневался, что вещи принадлежат именно ей, так как девушка частенько приходила в клуб саперного батальона на танцы. Несмотря на присущий ей снобизм, она обожала танцевать с солдатами. И вообще вела себя с ними запросто. Допускала поблажки настоящим мужчинам. Однажды Джемал, вместе с дружкой, сержантом Юракеляном провожал ее, даже имел удовольствие поцеловать в щечку красавицу. Это приятное для сапера событие случилось у порога ее дома.

Августина принадлежала к числу особо привлекательных «мисс», с изысканно-утонченным вкусом, манерами, кругом занятий, друзьями. Этого в части никто не оспаривал. Многие солдаты напропалую, хотя и тайно, влюблялись в дочь своего командира. Их восхищали точеная фигурка, веселые голубые глазищи, игривые кудряшки темно-русых волос, изумительной белизны лебединая шея, безупречные черты лица.

Отпугивал лишь ее искрометный, парадоксальный юмор. Казалось, ей чужды общепринятая логика и здравый смысл в суждениях. Своими насмешками она доводила кавалеров до шокового состояния.

В институте у Августины не было отбоя от претендентов на ее руку и сердце.

Известно, что студенты — отчаянные ловеласы, но даже самые разборчивые из них замирали, когда проходила мимо эта девушка. Некоторые пытались объясниться в любви, но не многие удостоивались чести быть ее избранником хотя бы на вечер.

Обиженные были готовы растерзать Августину за пренебрежение к ним и высокомерие. А девушка в ответ лишь презрительно и насмешливо бросала таким женихам вслед: «Чего захотели: чтобы я любила всех!». Говорила это и подругам, иронически ухмыляясь.

И вот теперь ломай голову: не с мстостью ли связано исчезновение «форсливой» девушки. Жажда мщения беспощадна особенно у элитных мальчиков, Они могут намеренно причинить зло Августине, чтобы отплатить ей за обиды, причиненные их уязвимому самолюбию.

Это, пожалуй, одна из версий милиции. С такими предположениями соглашались и сами родители.

Теперь о косынке и туфле. Они мало о чем говорили: ни помятостей, ни повреждений, ни пятен крови. Никаких следов борьбы, насилий. Лишь туфля имела небольшой ожог. Впрочем, это могло произойти еще до происшествия. В любом случае это были вещественные доказательства для следователя.

Но витала, как говорится, другая версия в воздухе, невольно заставлявшая задумываться, настораживаться и даже недоумевать. Такое состояние вызывала удивительная и поразительная информация, которая стала методично и упорно смаковаться в средствах массовой информации.

В последние недели газеты города заполнили статьи об инопланетянах. Кто-то вроде бы их видел, а то даже и общался с ними, кого-то они, якобы, пытались водворить в свои летающие корабли. Но самое большое впечатление производили рассказы «очевидцев» о том, что живые существа других миров охотятся за красивыми молодыми женщинами и решительно-категорически похищают их. Назывались даже имена двух не то трех чересчур прекрасных девушек, которых уже отправили на другие планеты.

И все же, что случилось с Августиной на самом деле?

2. ВИНОВАТ ЛИ НЛО?

На последней лекции Августине поступила записка. Писала подружка Эмма Бабкина. На кусочке бумаги передавалась просьба прежнего ухажера, который желал видеть «несравненную Дульсинею» в каком-нибудь укромном уголке города. Погулять и посудачить. Последний разок. На прощание. Тот якобы уезжал и навсегда покидал благословенный город. Чего проще было отказать притязаниям того, кто ей и прежде порядком надоел! Но то ли от скуки, то ли из интереса услышать нежные слова от кого бы то они ни исходили, Августина соблаговолила пожертвовать часом-другим для встречи с одним из самых горячих своих поклонников. Хотя была уверена, что кроме заверений в пылкой любви, умоляющей просьбы не выходить замуж за Максима, а взять в мужья его, итальянца, сына миллионера Джованни Шпагетти, она ничего не услышит.

Августина побрела после занятий за город, к месту назначенного свидания. Осенний холодок быстро сковывал сумерки. Девушка зябко поеживалась, проходя мост на правый берег широкой реки.

И тут произошло то, чего она никак не ожидала. Над ее головой стремительно спускался летательный аппарат. С первого взгляда он напоминал огромную воздухоплавательную бочку, которая осторожно приземлялась, двигаясь наискось. А потом этот удивительный предмет, окруженный гирляндами огней, завис метрах в пяти от девушки.

Если бы тогда спросили девушку о ее состоянии, то она, пожалуй, выразилась бы только двумя словами: «Почти шок». Августина не могла пошевелиться, стояла ни жива, ни мертва, будучи загипнотизирована неожиданным и выдающимся видением.

Далее все происходило в считанные секунды, когда не остается времени на обдумывание своего положения. Из светящейся бочки выплеснулось что-то наподобие руки и схватило Августину, впрочем довольно мягко, и втянуло внутрь «объекта».

Августина в замешательстве даже не ощутила, что потеряла косынку и туфлю. Затем сознание ее отключилось. Больше она ничего не помнит. Только как в тумане заметила, что ей давали что-то понюхать, отчего голова ее отяжелела еще больше, тело стало вялым,

расслабленным, почти безжизненным. Она погружалась в летаргический сон.

Видел ли все это Джованни Шпагетти? Ведь на свидание с опозданием приходят только девушки. Итальянец, возможно, перепугался небесных пришельцев, бросив любимую девушку на произвол судьбы. Да и что он мог сделать, если от летательного аппарата исходил сильный ветер, который сдувал все на своем пути? Был ли кто-нибудь очевидцем происшествия?

Отца Августины в тот злополучный вечер беспокоил еще один случай. Надо же было такому произойти, что из его воинской части сбежал в самоволку сержант Юракелян и до сих пор не вернулся. Такое в ту пору редко случалось. Известно стало, что самовольщик позвонил дежурившему на КПП Далайламову. Словно задыхаясь от обилия впечатлений, перемешанных с испугом, сержант успел выкрикнуть в телефонную трубку всего две фразы: «Я тут такое видел, такое... Доигралась красавица Августина, дочь нашего полковника!». Значит, воин кое-что заметил?

А в то самое время, когда родители Адажевы не находили себе места и милиция строила да проверяла свои версии, а солдаты-саперы рыскали по городским закоулкам и окраинам, выполняя указания комбата, Августина, доставленная летательным аппаратом на тихую, зеленую лужайку, просыпалась от принудительного сна.

Возбужденная пережитым, всплывшим сразу же в сознании, она стала озираться по сторонам. И все больше холодела от испуга. Где она? Неужели на другой планете? Или на Земле? Вокруг та же мягкая трава, зеленые кипарисы и пальмы, слышен невдалеке шум морского прибоя.

Пока она думала-гадала, на какую планету забросила ее судьба, почувствовала, что за ней кто-то наблюдает. А через секунду Августина была буквально ошеломлена новым видением. Крайне удивило, поразило и даже озадачило ее то, что в двух шагах от нее стоял незабвенный, набивший, как говорится, в зубы оскомину Джованни. Он нежно и самодовольно ухмылялся.

«Не дьявольское ли это наваждение, — в сердцах заскрипела хорошенькими зубами Августина, — не продолжение ли это сна, не обман ли чувств, не призрак ли? Ох, как я ненавижу этого пижона».

Однако надо отдать должное и другому. На фоне солнечного морского берега эта улыбка производила приятное впечатление,

впрочем, до тех пор, пока кавалер не начал говорить тоном, не терпящим возражений. Мотивы были все те же — сближение:

— Наберись терпения, выслушай меня, золотце. Теперь-то ты должна стать моей благоверной, женой. Довольно славиться красотой там, в России, прославься здесь, на берегу Адриатического моря. Надеюсь, понимаешь ситуацию или прояснить. Ты похищена. Так поступал верховный Бог Зевс. Уж, разумеется, ты сильна в греческой мифологии. Совсем недалеко то место, где пребывал он — Олимп. Когда Богу Богов кто-либо нравился, Зевс похищал того. Итак, сударыня, вы прекрасная моя пленница. Но ни у кого никакого выкупа за тебя я не потребую. Сам готов дать любой. Ну, как? До твоего сознания дошла ситуация? Милая, ты моя, только моя!

И хотя Августина все это слушала почти с открытым ртом, не переставая надеяться на кошмарный сон, однако вскоре сообразила, что ей не до шуток и расслаблений. Нотки великовозрастного юнца устрасали.

Что надо делать? Ну хороша же и родная подружка Эммочка Бабкина. Растерянность и замешательство уступали место здоровой логике, рассудительности:

— Где моя косынка и туфля? Немедленно верни меня к маме и отцу. Неужели ты не соображаешь, что там сбились с ног в поисках пропавшего человека? Тебе несдобровать. Ах, какая круглая дура. Расщедрилась, пошла к нему на последнее свидание, попрощаться, он, видите ли, уезжает. На чем ты меня сюда доставил? Говори немедленно... А я-то здесь вожу глазами, поражаюсь и умиляюсь, думаю, что НЛО домчал меня на другую планету. Где я? И что это за «неопознанный летающий объект», которым ты привез меня сюда? Гусар несчастный!

— Обычный вертолет, моя прекрасная госпожа. Он вполне сошел за НЛО. Могу, как будущей обожаемой супруге, поведать маленькую деталь. Этот вертолет стоил мне большой валюты. Так что не советую выпендриваться и быть слишком высокого мнения о своей персоне. Не форси. Тебе суждено стать моей женой. И тут ничего не поделаешь. Чем раньше сговоримся, тем лучше для тебя. Поддержи мое желание. И не зли меня. Давай сменим тему беседы.

— Негодяй, как ты смеешь такое себе позволять, — выкрикнула в сердцах прекрасная девушка, переполненная негодованием. Хотела

подыскать еще посильнее слова, чтобы оскорбить бранью похитителя, да призадумалась.

Августина решила пустить в ход хитрость. Самым уместным в такой ситуации было притворство с многозначительными намеками. Наблюдая за самодовольной, ухмыляющейся физиономией «разбойника с большой дороги», она перешла на мирный разговор:

— Ты думаешь, что все на свете можно купить за валюту? Ошибаешься!

— Спокойно, детка, не надо лишних эмоций. Когда ты осмотришься, то сообразишь, что потеряла, а что нашла.

— Кроме горя и страданий — ничего не приобрету с тобой. К тому же мне нравится жить на родине.

— Преждевременны отчаяния, крошка. Давай я поцелую тебя в изумительную щечку, в алые губки, как делал с удовольствием раньше, и все твои переживания, ужасное настроение улетучатся...

— Нахал, идиот, — не сдержалась Августина. — Тебе придется отвечать за хулиганство, грабеж...

— Опять ненужные эмоции. А выглядишь потрясающе. Такую люблю еще больше. Горящий взор...

— Чем ты меня одурманил? У меня болит голова.

— Обычный эфир... Но не в этом дело.

— А в чем? Я хочу все знать. Слушаю внимательно. Постарайся, просвети. В чем же соль?

— В спектакле. В том, как я виртуозно с помощью Бабкиной разыграл сценарий твоего похищения. И всего-то эта акция мне обошлась в какие-то несчастные сто тысяч долларов. Да я готов за такую обворожительную супругу миллион выбросить на ветер. Можешь назвать адрес и я перешлю, кому скажешь, еще девятьсот тысяч зелененьких. Кстати, признайся, остроумная идея пришла мне в голову с этим НЛО. Вспомни, сколько было статей в местной прессе о том, что похищаются красивые молодые леди опускающимися на землю неопознанными летающими объектами. Автором статей является сей господин. — Шпагетти гордо ткнул пальцем себя в грудь. — Пресса с моей легкой руки сделала свое дело. Уверен, что сейчас у тебя на родине идет молва о том, как инопланетяне похитили великолепную студентку-третьекурсницу Августину Адажеву. Наверняка уже объявились и очевидцы этого события. Так что вряд ли тебя долго будут искать. Для всех ты — в космической дали.

— «Негодяй», — хотела еще раз выкрикнуть со злостью и ненавистью к презренному похитителю Августина, да прикусила язык: надо найти силы и попытаться дальше притворяться миролюбивой, хотя и подавленной нежелательным событием. С коварным похитителем стоит держать себя поушлее и посообразительнее. Но что делать? Как переиграть Джованни?

В институте Августина училась легко, хорошо усваивала без особой зубрежки все предметы. Преподаватели ее любили не только за красоту, но и за способности. Особое предпочтение девушка отдавала двум предметам: иностранным языкам — испанскому, английскому, немецкому — и географии. Плещущееся рядом голубое и, наверное, теплое море, распростертое над головой солнечное ясное безоблачное небо, окружающее кипарисы, виноградники, пальмы — все говорило о том, что богатый и шустрый однокурсник Августины Джованни Шпагетти доставил ее в одну из южных стран, скорее всего к себе на родину. А там, в далеком русском городе не находят себе места отец, мама, ее любимый Максим. А уж, если быть точнее, то немножко эгоистичная, при всех обстоятельствах жизни больше думающая о своих интересах, Августина о родителях вспоминала во вторую очередь. «Боже, Боже, — точно с электрическим током проносились мысли в голове загнанной в тупик девушки, — неужели Шпагетти принудит меня стать его женой, женой этого противного жирногубого самодовольного иностранца?». Ей неприятно было даже вспоминать о том, что она, польстившись на сверхдорогие подарки, когда-то с ним целовалась, и обещала быть ему верной. «Ну уж нет, — решительно тряхнула своими кудряшками Августина. — Черта с два удастся миллионеру меня купить. Еще Есенин писал: «Мы в России девушек весенних на цепи не держим, как собак». А от этой экзотики меня тошнит».

Между тем Джованни, весьма довольный своей изобретательностью, не сомневался: русская голубоглазая и душевная, когда надо, девушка в его апартаментах, в его роскошной обители будет через час. И тогда заговорит по-другому. Лимузин с шофером расположились под зеленым откосом. Требовалось лишь дать сигнал водителю и невеста будет силой перенесена в машину, как птичка в клетку.

Августина смотрела во все свои изумительные глаза на похитителя, искала выход, а еще пыталась побороть в себе отвращение

и прочие неприязненные чувства к самоуверенному «макароннику». В сознании ее проносились возможные варианты бегства. Надо драпануть, но как? Не обратиться ли в полицию? А стоит ли? Если все здесь покупается и продается, то и полиция давно такими миллионерами, как Шпагетти, куплена. Значит, заявлять туда бесполезно. Студентка находилась в полной растерянности.

Случайно повернув лицо к морю, девушка увидела причаливающий к берегу небольшой катер. Моряки шумно перекликались друг с другом. К сожалению, язык, на котором бормотали на катере, Августине был не известен. Однако поговору можно было определить, что язык итальянский, в котором она почти ничего не разбирала, кроме «чао», «си», «парлете итальяно» и некоторых других ходячих выражений.

3. ВПЕРЕД, К МОРЮ

Она приподнялась. Любопытно было бы узнать, на чем собирается Джованни отвезти к родителям умыкнувшую невесту? Может быть, те ничего не знают?

Под горкой стоял, сверкая никелем, отличный автомобиль. Девушка придвинулась к ликующему от успеха Шпагетти. Она старалась оттянуть время поездки во дворец богачей. Августина давно уже нащупала у себя в кармашке кофты флакончик, успела осмотреть его и поняла, что ей второпях сунули снотворную жидкость, — ту, которой усыпили в вертолете.

Появлялась маленькая надежда на успешные ответные действия. А что, если пустить ее в ход тем же, путем, по тому же сценарию? Надо только притупить бдительность кавалера, «кандидата в мужья» и обуздать пылкое воображение южанина.

Августина стала энергично и горячо обдумывать, как все это половчее сделать, а в отношении Джованни притворно сменила гнев на милость. Молодой человек понял ее покладистость по-своему. Шпагетти радовался тому, что любимая девушка одумалась и зачарованно слушает его о перспективах будущей счастливой жизни. Казалось, в сердце девушки таилась к нему любовь.

Воодушевленный, парень заливался соловьем:

— Августина, мы всегда будем друзьями. Разве душе плохо в таком райском уголке нашей планеты? Осмотрись: ты стоишь на благодатном Апеннинском полуострове. Признайся, разве ты не мечтала побывать здесь! Представь, там, чуть дальше, — итальянец сделал взмах в сторону причаливших один за другим к жемчужному берегу рыбацких баркасов, — там, за горизонтом, воды Средиземноморья. Разве не бредила ты со школьной скамьи этими краями?! Не забывай, что имя у тебя итальянское. Королевское величие у тебя заложено с пеленок. Уверен, станешь королевой, если будешь рядом со мной. Ты готова путешествовать? В семи милях отсюда вечный и лучший город мира — Рим. Если захотим, мы, немедля, с тобой взберемся на самую высокую точку Европы — Монблан. Увидишь собственными глазами Везувий. Разве ты не желаешь посмотреть обитель Богов?

Шпагетти прервал свою горячую речь, чтобы дать возможность высказаться очаровательной пленнице, которая находится в нескольких минутах езды от его великолепного стокомнатного особняка, окруженного оливковыми деревьями, маслинами, абрикосами, роскошными цветами.

Однако девушка молчала, делая вид, что поглощена его рассказом.

Шпагетти так и понял: невеста оценивает свои перспективы. С душевным подъемом он продолжал:

— Отдыхать мы будем на острове Сицилия. Там у моих стариков великолепная вилла. Впрочем, Сардиния тоже годится. Мне обещал папа купить там особнячок, как только я обзаведусь семьей. Чувствуешь? Клянусь честью, ты станешь достойнейшей супругой миллионера, а значит, будешь купаться в роскоши. Это в переносном смысле. А в прямом — будем плавать в реках По, Тибре, озерах Гарда, Комо, Лага-Маджоре. Ответь, что, этого для счастья мало? Ты любила меня. Начнем все с начала. Сравни — может ли это дать тебе Максим, несчастный футболист? Все, чего он добился, — это стал капитаном институтской футбольной команды. Потом — простой учитель.

При напоминании о любимом друге тоскливо сжалось ее сердце. Чтобы не вскрикнуть от отчаяния, она низко наклонила лицо и закусил губу. За нелестный отзыв о ее самом дорогом человеке, ее солнышке, девушке хотелось залепить пощечину этому бессовестному итальянцу. Августина еле терпела краснобайство наглого обманщика. С кончика ее языка вот-вот мог сорваться дерзкий ответ. Грубость.

Но она снова сдержалась. Игра требовала выдержки. Пусть упивается снобистскими рассуждениями выродец. Блеф — его слабость.

Она взглянула на автомобиль, стоявший под откосом. Машины Августина водила первоклассно. Отец научил ее этому ремеслу: у нее был собственный «Жигуленок». Шестое чувство подсказало ей, что этот лимузин может сыграть роль ее освободителя из плена. Она пока не знала, как все произойдет. В мыслях лишь появлялось намерение. Замысел против ухажера.

Что же касается жирногубого миллионера, то он своим бахвальством ей надоел. Хотелось наброситься с кулаками на него и закричать: «Дорогой мой подлец, да иди-ка ты к черту со своими радужными планами! Никто тебе не давал права распоряжаться чужой жизнью. Проклятие заслужил от меня».

В поисках подходящего момента она легла на траву близ шалаша, закрыла глаза. Джованни тотчас присоединился к ней, лег навзничь. Несколько мгновений он смотрел в лазурное небо и, наконец, блаженно закрыл глаза, наслаждаясь верой в успешную акцию. Цель достигнута. Оставался пустячок.

Еще не отдавая себе отчета в своих действиях, Августина осторожно поднесла флакончик с эфиром к мясистому носу Джованни. Он не понял, в чем дело, глубоко вдохнул аромат леса, перемешанный со снотворным эликсиром. Несколько секунд оказалось достаточно для того, чтобы Шпагетти сладко захрапел. Звуки известили девушку, что ее вероломный «хозяин» спит богатырским сном. Злоумышленник посрамлен.

Затащив его в шалаш и переодевшись в его одежду, Августина теперь не теряла времени, действовала быстро и ловко. Нельзя упустить и секунды.

В карманах куртки она обнаружила несколько монет, цепочку, ключи, маленькое зеркальце, разные безделушки, к которым имел пристрастие сын миллионера. Но главное, нашла студенческий билет Белужского пединститута на имя третьекурсника Джованни Шпагетти. Пригодится.

Им стоило воспользоваться, тем более, что разница лишь в фамилии, остальное все относилось и к ней.

Августина отползла метров на сто от шалаша, встала на пригорок, чтобы ее заметил шофер, и взмахом руки пригласила водителя к себе. Тот хлопнул дверцей кабины, начал подниматься вверх, к кустарнику, а девушка, наоборот, оврагом, шустро спустилась к дороге, плюхнулась на водительское сидение лимузина и стремительно стала действовать.

Мотор работал, нужно было только выжать сцепления, включить скорость и рвануться вперед, к лазурному берегу. Авось боевая удача ждет ее?

Шофер в растерянности поднял руки, увидев мчавшуюся к морю свою машину. Впрочем, он привык к идиотским штучкам «птенца голубой крови» и, присвистнув, сел на бугорок, ожидая, чем все это кончится. Про себя назвал юнца ублюдком.

Сидел он долго, пока не понял, что оскандалился и не получил крепкую затрещину от воспрянувшего ото сна хозяина, которого не раз величал неласковыми словами. За глаза.

4. ПОБЕГ С ПОЛУОСТРОВА

Рыбаки знали, что недалеко от берега, в уютном местечке, располагается сверхкомфортабельная загородная резиденция миллионера Шпагетти. Но многие вообще не видели богача в лицо. И когда к причалу на сверкающем автомобиле подкатил отпрыск миллионера, они от удивления даже выронили из своих мозолистых рук весла, а кое-кто умолк на полуслове от замешательства, присел, на чем стоял.

— Эй, на шлюпках, или на лодках, как вам там!.. — поддельваясь под родовитого Шпагетти, развязно прокричала по-английски Августина в мужском одеянии. Она не церемонилась. — Кто прокатит меня с ветерком и свистом, тот может завтра прийти к моему родителю на виллу за благодарственным чеком, отец не обидит. Вознаграждение будет что надо и гарантировано.

Сердце девушки бешено колотилось. Показалась ли она естественным отпрыском миллионера? Для нее сейчас не могло быть большего счастья, чем вырваться с чертова полуострова. Обрести независимость от изверга, так бессовестно умыкнувшего ее.

Ей казалось, что Джованни уже сообщил в полицию и ее ищут, чтобы арестовать. Она все еще не могла вдохнуть свободно, не чувствовала облегчения.

Однако новое испытание ждало девушку. Ее речь не произвела на рыбаков нужного впечатления. Они попросту ее не поняли, хоть и поперхнулись от увиденного. Тупо уставились на «молодого человека».

Для Августины же медлить было противопоказано. Она резво, излишне непринужденно прыгнула в огромный баркас, проворно сунула рыбаку золотую монету и указала рукой в открытое море.

— О-о-о! — только и мог произнести не такой уж твердолобый итальянец и с живостью завел мотор. Ветерок ударил в лицо. Чтобы не растрепались волосы, беглянка плотнее заправила их в шпагеттовскую шапочку-кепочку. Незаметно перекрестилась.

«Подальше, подальше отсюда! — твердила, как заклятие, Августина. — Аллюром от низкого коварства».

Увидев мало-мальски безлюдный берег и причалившую к нему солидную шхуну, девушка знаками дала понять рыбаку, чтобы он ее

здесь высадил. Сердце ее дрожало, когда она представляла, что же будет с ней дальше. С кем ждет знакомство и кто ей поможет?

Предательски подкашивались ноги. Кружилась голова. За истекший день она переполнилась столькими впечатлениями, что не всякий выдержал бы эти испытания. А теперь и новые тяжелые мысли словно кипятком ошпаривали душу: повлияет ли побег на желанное избавление? Где найдет себе пищу?

Снова вспоминала родителей, свои мечты стать первой классной переводчицей. В который раз подумала о Максиме. Пыталась представить, что делает он без нее? Верен ли ей? Принимает ли шаги к ее поиску?

В совершенном изнеможении вышла русская студентка-третьекурсница на новый неизведанный иностранный берег. Первое, что она решила — обследовать привлечший ее внимание корабль. Он оказался пустым. Она и хотела этого и боялась. Вскоре девушка услышала храп, а затем набрела на спавшего мертвецким сном пьяного вахтенного матроса.

Одна рука мореплавателя повисла на штурвале, вторая протянулась к палубе. Откуда-то доносилось до слуха бульканье кипящей воды. А когда Августина открыла дверцу камбуза, обдало запахом вареного мяса. Из кастрюли, стоящей на газовом горящем примусе, валил пар. Вода выкипала. Августина по-хозяйски, спасая от пожара команду и шхуну, выключила горелку. Что за команда обитает на подозрительном плавсредстве, небрежно стоявшем у ветхого пирса?

В здоровом организме девушки проснулся звериный аппетит. Она еще раз посмотрела, надежно ли перекрыла газ, и проворно вытащила ножом кусок варева, прикинув, можно ли его съесть?

Держа мясо на ноже, как на вертеле, она спустилась в смежную маленькую каюту. Ей нравилась не только пища, хорош был для самообороны и перочинный с длинными лезвиями нож. И еда связана с ним.

Доев баранину, сложив нож и автоматически опустив его в карман брюк, на всякий случай измазала себе лицо и униформу сажей, морским илом, Августина побродила по каютам, прикорнула к чему-то теплomu и задремала. Она понимала, что ее ждут бессонные ночи.

5. НА СУДНЕ ПИРАТОВ

Проснулась от шума. Горланила возвратившаяся с гулянки команда, которая, похоже, отменно поспраждновала на берегу. В иллюминатор заметила поднимающихся на корабль по трапу несколько подвыпивших матросов. Среди них выделялись чубастый и верзила в разорванной тельняшке.

Переговаривались по-английски.

— Поль, — обратился верзила к чубатому моряку средних лет, — я пообещал Марии завтра прийти к ней на свидание. Мне совсем не нравится твоя затея. Куда ты торопишься? Нам что, мало взятых на abordаж трех посудин? И это за неделю. Давай порезвемся. Красотки обожают лично меня. Иначе к дьяволу пиратство, если нельзя пожить пару дней, после крутых неприятностей, в свое удовольствие.

— Джо, не нарываешься на резкость, — строго гаркнул чубастый моряк, видимо, капитан. — Ты давно торчишь у меня костью в горле. Можешь катиться ко всем чертям! Без тебя управимся. Я только что вас всех вытащил из дерьма. На берегу — постоянные конфликты.

За моряка по имени Джо заступился низкорослый крепыш. Засучивая рукава серебристой рубашки, он миролюбиво произнес:

— Не рви нервы, Поль. Зачем сердчать? Счастье изменчиво. Что нас ждет этой же ночью? Мы можем напороться на каравеллу, которая окажется нам не по зубам. И нас отправят либо в пучину, в царство Нептуна, либо на электростул. Не резонней ли прокутить сначала то, что звенит в карманах, а потом рисковать? У меня уже есть две дырки в брюхе. Не желаю третью. Чует сердце — близка моя смерть. Ох, матушки.

Чубастый требовал подчинения. Доводы поделльников не принимал во внимание. Еще человека два увлеклись спором. Высказывали свои точки зрения.

Препирательство закончилось в пользу упорного капитана. «Базар» не перерос в скандал. Капитана, ясное дело, побаивались. Он не давал шустрой братве своевольничать, производил впечатление более рассудительного и целенаправленного пирата — главаря шайки морских грабителей. Вид его был трезвый. У единственного. Похоже, он знал меру гулянкам. Водка и женщины его привлекали в меру. Он

лишь мечтал о накоплении награбленного богатства. Очень мало времени отводил стоянкам у берега.

Загремела на корме цепь. Сумерки сгущались. На несколько секунд, чтобы осмотреться, зажгли кормовые огни и тут же их погасили.

Корабль медленно, точно на ощупь, выплывал в открытое морское пространство. На верхней палубе послышалась возня. Пиратское судно чуть не подмяло какую-то рыбацкую лодку. Ловки и лихи бандиты.

Все существо девушки затрепетало снова. Августина поняла, что опять влипла в неприятность. Незнакомый корабль оказался для нее мерзким капканом. Теперь прежние похождения показались ей пустячными. В отчаянии она даже подумала, что лучше быть рядом с Джованни Шпагетти, чем отдать себя на растерзание бандитам.

Очень быстро те заметили в каюте незнакомца. Молча, по-пьянке не отдавая себе отчета в том, как к ним на шхуну пожаловал непрощеный гость, они уставились налитыми кровью глазищами на нового пассажира. Кто-то ехидно произнес: «К нам пожаловал принц Датский».

Августина искала выход. Не выдавая, что она женщина, и то, что знает английский, она панически залопотала:

— Шпрехен зи дойч?

Верзила в порванной тельняшке (следы потасовки на берегу в составе удалой пьяной команды) схватил незнакомца за подбородок и яростно завопил, обуреваемый самыми разными подозрениями:

— Какого дьявола ты здесь притаился? Кем подослан? Чумазый призрак!

— Это от однорукого Билли Скота! — крикнул догадливый крепыш в серебристой рубашке. — Я его уже где-то видел. Этот гаденыш оттуда...

Капитан изучающе всматривался в незнакомца и отвратительно скрипел зубами. И вдруг сменил гнев на милость. С упреком сказал окружавшим подельникам:

— Это жалкое существо от Билли Скота? Вы все перехватили лишнего в кабаке. Птенца приняли за шпиона. Грязнуля просто перепутал посудины. Нам это дерьмо не мешает. Мы ему поручим самую черную работу, а когда надоест — выбросим акулам. Им тоже надо чем-то питаться. Мы его отправим к тем несчастным, которых

стукнули у Гибралтара. Царь морского пространства ждет от нас еще жертву, иначе не сулит хорошего промысла.

Капитан снисходительно наклонился над Августиной и бессердечно пообещал «подаянию»:

— Поживешь до утра. А потом высадим там, где похоронили своих верных приятелей Кленда и Франсиса. Отпевать их будешь, пока с тобой не расправятся гюрзы. А если не они, то будешь лакомым кусочком для дикарей из племени Яро Черный Коготь. Ведь мы обещали им время от времени доставлять говядину. Из милости и сострадания.

Ах, этот злодейский корабль! Надо бы хитрить с капитаном, усыпить его лестью, угодничеством. Но где взять запуганной студентке сил?

Августину обступили разъяренные пьяные пираты. Одни с удовольствием загоготали, как на пруду гуси, другие начали ругаться нецензурными словами и говорить, что этот «сосунец» подослан Клипсоном, чтобы навредить». Кто-то, более трезвый сказал, что нечего вспоминать старого Клипсона, прежнего капитана судна, так как он уже покоится на римском кладбище.

Главарю команды появление на корабле постороннего было совершенно невероятным, и он снова стал остолбенело впиваться глазами в Августину-юношу.

— Вахтенный, — крикнул в сильном потрясении капитан. — Кто на вахте? Где Гайд? Пьянствует? Долго я остолопа терплю, но с сегодняшнего дня пусть убирается вон. Колли, рассчитай Гаюда, выгони его со шмутками на берег. Он нам всем осточертел. А ты, козлик, подойди-ка ко мне, — обратился к Августине нарочито елейным голоском капитан, — не бойся скользкой палубы. Да, у нас ее хорошо дряют. В любом кубрике все блестит. Вижу, мясо дожевываешь? Значит, побывал на камбузе. Отравы не насыпал в котел? Нет! Хорошо. А видел, какой чистюля, аккуратист наш кок? Чумички, котелки, вилки, ложки, миски, медные ручки — все надраено, горит. И вкусно готовит. Сегодня мы налопались на берегу, в ресторане, ты можешь подчищать кастрюли. Ешь мясо, макароны, пей компот. Ну, а теперь иди ко мне, расскажи о себе, кто ты, зачем пожаловал? Если будешь послушным, глумиться над тобой не собираемся.

У Августины перехватило дыхание: что, если они распознают в ней женщину? Она обомлела, прислонилась к стене кубрика. Все

старалась забиться в угол.

От страха, что ее растерзают пираты (фактически бандиты), поплыло перед глазами. С мучительным напряжением она думала, как ей сопротивляться в случае чего?

Оттого, что неудобной была поза и затекли ноги, она неестественно покачнулась и сползла почти в шоке на пол. Да так и осталась сидеть.

Матросы взяли непрошеного гостя за шиворот куртки, выволокли на верхнюю палубу, привязали к стойке фальшборта. Кто-то Августину окатил водой из парусинового ведра, потом стал промывать шваброй. Моряки звонко гоготали. Резкие отрывистые крики заполнили палубу корабля.

После того, как ее по приказу капитана отвязали, веселье и смех утихли. Корабль стал выбираться из маленькой бухты. Августину загнали на ют.

Острым форштевнем судно, без отвлечений и помех, шустро, расторопно резало спокойную поверхность воды, устремившись вперед, чтобы разъяренно взять очередную жертву на abordаж, осуществить схватку старинным способом: подойти вплотную, перепрыгнуть через борта, оккупировать приглянувшийся встречный корабль, ограбить его, прикончить тех, кто сопротивлялся.

Словно призрачный, корабль напоминал сказочного «летучего голландца», с той разницей, что по легенде тот не приставал к берегам, а это время от времени причаливал к ним, но встреча, как и с «летучим голландцем», в открытом водном просторе предвещала морякам большое горе, если они не соблюдали предосторожность. Августина стала понимать это и в который раз оборвалась ее нежная, но уже не доверчивая душа.

Все дальше за кормой оставался калейдоскоп береговых огней, изумительно красиво и очень тревожно отражавшихся в воде.

Пираты прильнули к фальшборту и всматривались в густые сумерки. Их интересовали встречные суда, особенно частных компаний.

Работа у пиратов шла на удивление споро. На глазах у Августины они так ловко взяли на abordаж какое-то встречное судно и устроили там погром, что Августина и глазом не моргнула. Несколько минут дела — и все ценности с того корабля пираты перетащили в свои трюмы.

Быстрота и дерзость, с которыми бандиты орудовали, ее потрясали. Боясь стать соучастницей пиратства, она уже была рада любому избавлению, даже высадке на необитаемом острове.

В этой части ее желание совпадало с планами разбойников и с прихотью капитана. Они дождались нужного момента. Едва рассвело, верзила взял Августину под мышку, и, как котенка, выбросил у неизвестного берега. Не умея она плавать, тут бы ей пришел конец. С кормовой части палубы пираты наблюдали...

Когда Августина ступала на песчаный берег, судно скрывалось вдаль, чтобы там, в бушующем море, молчаливо настигнуть новое мирное судно, разгромить и ограбить его. Убить каждого, кто окажет сопротивление или заявит о Международном праве. Сцепление с «неприятельским» кораблем и рукопашный бой проходили по высокому классу.

А русская девушка стала осторожно пробираться по крутому склону, заросшему высоченной травой, кустарником, в поисках жилья, еды, добрых людей.

Где она, какое новое местонахождение? Как выбраться в любую цивилизованную страну, чтобы договориться о возвращении домой? Ответы на эти вопросы были для нее существенными. Надо понять!

Слава Богу, географию она знала и любила. Неужели она на берегу Гибралтарского пролива? Если так, то это территория Марокко, а противоположный берег — испанский. Августина вспомнила характеристику пролива. Длина шестьдесят пять километров, ширина в самом узком месте не более четырнадцати.

Если стать повыше, то в ясный день можно увидеть Испанию.

Забыв на секунду о своем отчаянном положении, девушка даже смогла на несколько секунд приятно удивиться и ущипнуть себя за ухо. Не во сне ли это все происходит? Впрочем, ей никогда еще не было так страшно. Вполне дойдешь до галлюцинаций.

Эх, надо перебраться на противоположный берег. В Испании с ее знанием языка она чувствовала бы себя, как рыба в воде, в своей стихии. Только этот путь приведет, казалось, к спасению.

* * *

Искать долго причины Августиной беды не приходилось. У всякого свои напасти. Настроение девушки портили женихи. В них была вся загвоздка. Они приносили ей сначала радость, потом — неприятности. Каждый ею покинутый создавал девушке препятствия, помехи, затруднения и что угодно другое. Не признавал ее свободной любви. А девушка всего лишь перекочевывала от него, мирно, без вражды, не желая ссор, к другому.

Выходило так, что она не могла вольно распоряжаться собой. Сразу же начиналась вокруг нее суета. Отвергнутый парень строил каверзы, плел злые интриги, пытался выставить Августину не в лучшем свете, затевал подвохи.

Наконец-то Максиму удалось признаться Августине в любви к ней. После томительного молчания девушка сдержанно произнесла:
— Спасибо, мне приятно твое объяснение. Но позволь дать тебе ответ чуть позже...

Если она больше не желала сближения, перестала отвечать кому-то взаимностью, разве сердцу прикажешь? Зачем с мольбой или с угрозами искать ее расположения?

Один идиот разлегся под дверью аудитории института и не выпускал всю группу студентов, пока Августина не разрешила ему ее проводить с лекций домой, второй тупица во время поездки в село на уборку картошки преследовал ее, брэнча под ухом на гитаре и все выпрашивал свидания.

Третий болван каждый день ей на домашний адрес присылал клятвенные письма, звонил по телефону и обещал застрелиться (заявляя, что у него есть оружие), если Августина не станет его женой. Четвертый дурак каждое утро ждал ее у крыльца дома и сопровождал, как собачка, до самого института.

Но самые страшные были те, кто запугивали и угрожали и с этой целью подкарауливали ее. Один глупец подстерег ее у Каменного моста и стал кричать с пеной у рта, что она «тварь подзаборная», не знает законов близких отношений, но скоро узнает. И обещал подзудить своих ребят, которые опозорят, дадут Августине выволочку.

Полно было тех, кто обещал ее избить, убить или задушить. Шпагетти оказался среди тех, кто вынашивал планы ее похитить, и осуществил свою мечту.

Мятежно, полная тревожных предчувствий, бежала ее студенческая жизнь. Возмущение кипело в сердце на парней. Потому что, если были осложнения, то из-за них. Хотя считалась большим баловнем судьбы.

Неужели это только в нашей стране такой уровень развития у мужчин? Когда же они приобщатся к современной мировой культуре, избавятся от устарелых понятий — дикости и варварства? Когда цивилизуется их мозг и достигнет нужного уровня развития?

Только дураки могут рассуждать так, как они: «Ты не имеешь права разлюбить!». Увы, они сотворили коварство. Августина из-за своих принципов любви, нарушая колорит близких отношений, которым упивались ее партнеры, капитально пострадала, а, возможно, все это будет стоить ей жизни.

6. НЕИЗВЕСТНЫЙ БЕРЕГ, ИЛИ ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Совсем рассвело. Августина осмотрелась. Такое было впечатление, что к узкой полоске песчаного берега примыкал кусочек саванны. Далеко, у горизонта, виднелся темно-зеленый лес, словно стена, поднимающийся до небес. Рядом простиралась густая труднопроходимая слоновая трава, в которой росли одинокие деревья и почти среднерусские орешники.

Показалось огромное дерево — баобаб. Августина обошла вокруг широченного ствола: «Ничего себе!».

Вспомнив, что плоды его питательны, она стала сбивать их и лакомиться, утоляя голод. Но она сама была настолько беззащитна, что могла стать жертвой любого хищника. Аппетит какого-нибудь тигра неумен. У самой же сильного желания есть не было.

Что ей делать дальше? Чего ждать? На какую милость надеяться? Разве спрячешься в джунглях за баобаба? В какую сторону податься?

Полная безысходной тоски, она весь душный день провела у пролива. Вдали проходили корабли. Одни внушали ей доверие, в других — чудились пиратские судна.

Единственное, что мало-мальски утешало, так это то, что она неожиданно нашла в кармане перочинный нож, который удачно умыкнула у разбойников.

Прежде всего вырезала себе тонкую, но прочную остроконечную палку и пошла с ней, как со шпагой. По траве бойко шастали низкорослые дикобразы длиной с полметра. Спинка и бока их, покрытые иглами, сверкали от водяных капель.

Они близко подбегали к Августине и с любопытством изучали новую «соседку». Греющиеся на песке змеи вытягивали головы и угрожающе шипели. Орлы парили в безоблачном небе, наблюдали за девушкой с высоты, высматривали наживу. И ожидали ее.

За знойным днем наступал прохладный вечер. На маленьком пятачке суши, куда забросила ее судьба, она не увидела за прошедшее время ни одной человеческой души. Это ее некоторым образом огорчало, все больше терялась надежда на спасение. Но радовало

другое: тигры и леопарды тоже пока не встречались на ее пути. Вечерело. Близилась ночь.

Тени деревьев быстро густели, сумерки все плотнее сковывали влажнющий ночной воздух. От жары и духоты не осталось и следа. Набирал силу ветер. Потом побережье застонало от урагана. Прикидывая, как бы укрыться от грозной стихии, Августина прошла довольно приличное расстояние и очутилась у горы, каменисто и отвесно сбегаящей к морю.

Скорее всего она проделала путь от берега пролива к берегу Атлантического океана. Гибралтарские воды оставались справа. Злобная и коварная масса воды с грохотом разбивалась о скалы и шипящей пеной обратно сползала в необъятное клокочущее пространство. Секущие брызги взлетали занавесью.

Короткая южная ночь быстро проходила, а океан продолжал стонать, словно раненый зверь. Огромные черно-белые птицы с мясистыми наростами на голове, как у петухов гребни, панически горланили, точно прощались с жизнью. Сбивались в кучу.

В какой раз девушка ощутила себя гибнущей. Теперь на маленьком пятачке Северной Африки, казавшейся такой притягательной, романтической за школьной и студенческой партой, и сиротливой, бесприютной здесь. Так хотелось домой!

Ее била нервная дрожь. Вот-вот — и с ней мог случиться обморок. А шторм перерастал в шквал. Августина не могла устоять: ветер сбивал ее с ног. Она буквально стала ползать в поисках укромного уголка, затишья. Перемещалась с трудом, наугад.

В это время раздался громopodobный треск, повергший девушку, и без того перепуганную, в оцепенение. Она приподняла от земли голову и с ужасом увидела, как шквал ветра вдребезги разбил о скалы какой-то корабль.

Погибающих и спасающихся людей не виднелось. Скорее всего, команда заблаговременно оставила судно. С пустым кораблем жестоко расправлялась стихия. Занавес воды походил на густой дождь.

Прошло не более получаса. Точно насладившись побоищем, немилосердный шквал так же быстро утих, как и поднялся. Когда Августина ясным днем осмотрела останки корабля, то догадалась: это была та шхуна, с которой ее пираты выбросили на безлюдный берег. Неказистое плавсредство получило свое.

Природа сама расправилась с разбойниками, но Августине не стало легче. Оставшиеся в живых пираты с часу на час могут появиться рядом с Августиной.

На глаза попалась довольно широкая сцепка из корабельных бортовых шпангоутов. Девушку осенила изобретательская мысль: эти прочно скрепленные доски можно вполне использовать в качестве лодки или плота. И перебраться куда-нибудь морем.

Полдня она провозилась с находкой. Кусок борта, разгромленного безжалостной стихией корабля, был что надо. Сооруженный плот Августина перегнала к самому узкому месту пролива и подготовилась пуститься хотя и не в кругосветное, но близкое к этому путешествие. Вроде бы четко начинала мыслить.

Ей надо было во что бы то ни стало, спасая свою жизнь, преодолеть Гибралтарский пролив и ступить на берег Испании. А там через дипломатов — и на родине.

Вопреки здравому смыслу, она осмелилась после недолгих колебаний на штурм пролива. В нем она уже плавала по злой воле пиратов, почему бы не попробовать снова, теперь уже по своей?

Сердце бедной девушки переполнилось показной храбростью. Она подналегла на самодельные весла и, как истинный моряк, взяла нужное направление с поправкой на ветер и течение.

Увы, из этой затеи ничего путного не вышло. Наоборот, сомнительный вояж: еще больше осложнил путешествие и приближал бедствие. На середине пролива хозяйничал такой ветер, что он без труда изменил курс самодельного суденышка и за короткое время вынес к устью пролива и — в океан.

Превратности судьбы! Невозможно было и представить, что жизнь Августины можно изменить еще к более худшему того, что она испытывала. Неожиданных неприятностей вроде бы и неоткуда было больше ждать. Что могло быть хуже того, что с ней уже случилось? Просчет больше не случится.

Еще утром она так думала, а теперь вот, увы, неслась на своем утлом, непрочном, убогом суденышке в открытом океане не то на юг, не то на север, вдоль африканского или европейского побережья, или ее уже направляло к берегам Америки?

Никаких расчетов она применить не могла: всюду, куда хватало взгляда, сверкали на закате солнца бескрайние просторы пока что тихой воды.

А что с ней будет, если поднимется шторм, свирепый ураган, циклон? Впрочем, ее плот не сможет вынести даже легкого морского ветра баллов на пять-шесть. Как вышло все несуразно.

Она утонет бездарно и никто никогда не узнает про ее одиссею — богатое событиями странствие.

Несколько раз ей казалось, что на горизонте показался корабль. Но то ли это были мнимые точки, мираж, желаемое принималось за действительность, то ли морские суда шли другими курсами, пути их не пересекались. Не расстройство ли переутомленного мозга? Не кажутся ли ей спасительные суда?

Все, что у нее было из острого оружия, — это перочинный нож. Иногда бедной страннице удавалось нанизать на него проплывающую беспечную океанскую рыбешку и съесть ее сырой. А была гурманкой!

7. ДЖУНГЛИ

Среди ночи Августина задремала. А когда открыла глаза от толчка, то нимало удивилась: ее импровизированный «корабль» застрял на мели. Присмотревшись, она увидела невдалеке темнеющий берег. Веслом достала дно. Глубина была до колена. Спустилась ногами с плота и осторожно, находя ощупью твердый грунт дна, потащила за собой плот к берегу.

«Куда ее занесли океанское течение и горькая судьбина?» — думала огорченно и подавленно невольная путешественница. Новая земля, как и прежняя, встретила ее напряженным безмолвием. Судя по массивным зеленым зарослям, начинавшимся сразу за узким песчаным берегом, кружащимся над головой диковинным птицам, несносной жаре в раннее утро, она опять сошла на забытый Богом и людьми клочок земли какой-нибудь экваториальной страны. Цивилизацией здесь и не пахло.

Сделав несколько робких шагов в направлении к деревьям, Августина поняла, что попала в джунгли. Вот уж где встреч с леопардами, тиграми, пантерами не миновать.

И снова каждая минута несла смертельную опасность, таила гибельный риск. Жизнь человека в джунглях ничего не стоит: пустячная добыча для свирепых диких чудовищ.

Когда подошла к ближайшему дереву, чтобы взобраться на него и обдумать свое положение, то перепуганно поняла, что она не этом экзотическом месте не одна. Однако всмотревшись в живое шустрое существо, скачущее по веткам, как обезьяна, она увидела на самой верхушке баобаба нагую девочку лет десяти, которая не только ловко срывала плоды дерева, но и выполняла роль впередсмотрящего сторожа.

Как моряк на мостике, она вглядывалась в даль водной глади — шторм утих, океан замер, превратившись в блестящее и гигантское полированное пространство, — и, похоже, либо ждала своих сородичей с морского промысла, таких же как она черномазых дикарей, либо несла вахту на случай появления белых разбойников, о которых немедленно следовало предупредить родное племя типа «Мумба-Юмба».

Зоркие глаза дикарки давно следили за появившимся неаборигеном. Малышка спряталась за кроны деревьев, затем точным, быстрым прыжком оказалась на соседнем баобабе. Обладая завидной физической сноровкой, девочка, точно белка, соскользнула на землю и стремглав бросилась, без оглядки, наутек. В чащу леса. Только пятки сверкали.

Нетрудно было предположить, что чернокожая девочка припустилась оповестить взрослых сородичей. Дозорная малышка четко вела наблюдение за берегом, откуда местное племя всегда ждало опасность. Теперь гонец принесет им замысловатое известие.

За дни приключений Августина набралась не только страху, но и сил, ума, духу, что как-то от невзгод окрепла. Это была ее новая жизнь, а разумный человек быстро приспосабливается. Все старое, беспечное, когда можно не задумываться о последствиях своих действий, быть необремененной заботами о хлебе насущном и своей безопасности, словно не существовало и даже стало стираться в памяти.

Ниспосланные ей страдания — не господом Богом, а бестолковым, спесивым сокурсником Джованни делали ее выносливой, готовой преодолевать трудности, закалили тело и душу. И все-таки иногда казалось, что сердце не вынесет новых испытаний. Сознание окутывала темень. Искажалось течение мыслей.

Полностью заглушить ощущение беды было делом невозможным. Как бы мужественно ни сносились невзгоды. Августина жила только тем, что ждала их конца. Тягостно текло время. Неужели здесь, где-то у самого экватора, не лучшим образом наступит финал ее злоключениям, неужели бедствие ее молодой, красивой жизни неминуемо и нельзя ничего предпринять для своего спасения?

Иногда нарастающая безысходность положения заставляла отчаянно думать: какой смысл дальше жить? Что толку лишний день-другой изводить себя мучениями? Зачем поминутно взбадриваться эфемерной надеждой? Много ли радости дадут ей лишние часы биения сердца перед верной гибелью? Жуткие странствия не предвещали благополучного исхода. А в пустынной душе, казалось, не оставалось ни капли свежих сил.

Тогда Августина с перехватившим дыхание испугом ощущала такое свое состояние, словно попала в беспросветное, темное подземелье, которому нет конца.

От безоблачной прошлой жизни в душе оставалось только тяжелое, мрачное уныние. Она теряла последние капли самообладания. Чахла в томлении.

Предметы, явления — все сушило, стесняло дыхание. Августина, влюбленная в жизнь, раньше знала, что всякая ее заветная мечта осуществится. И нет печали! От этого была счастлива, беспечна. А еще и тем, что она милая, юная, благополучная. Вольное, удачливое, цветущее создание. Эпитеты самого лучшего свойства.

Теперь ее будущее жестоко разрушил и уничтожил безумно-чванливый Шпагетти. Как нужно было подвергнуть его самого суровому наказанию! Августине хотелось сгноить подлеца по суду. Расправиться с негодяем. Притянуть его даже к трибуналу.

О предательской роли Эммы в этом спектакле предстояло выяснить, если удастся выбрести отсюда.

Сердце ее, бесполезно ожесточенное, еще могло помышлять о мщении, хотя у самой жизнь висела на волоске. Впрочем, чаще она всем прощала. В мыслях.

Каждым обостренным нервом девушка чувствовала дыхание последних дней своего существования.

Отец шутливо, охотно и уверенно любил повторять: «Если нет надежды, то ничего не добьешься». Но вера в спасение сейчас, в окружении кровожадных тропических тигров, львов, удавов, буквально кишаших в траве, на деревьях, жить среди дикарей и бандитов представлялась заурядной химерой. Она оставалась без привычных пищи, одежды, жилья, гигиенических удобств, близких людей, мирного сна, на краю света.

В этой глуши быть растерзанной — нет ничего проще. А между тем события следовали своей чередой.

Вскоре из густой чащи низкорослых почти непроходимых тропических лесных зарослей вышла группа взрослых людей — загорелых до угольной черноты. Каждый абориген — с незатейливой повязкой из сухого тростника у пояса, с копьем наперевес. Не оставалось сомнений, что это люди из какого-то дикого местного племени.

Августина с любопытством и совсем без страха наблюдала за коренными жителями этого кусочка земли, находящего где-то в тропиках. Может быть, они не варвары, а ее спасители? Не с жестокостью, а с сочувствием отнесутся к ней.

А те в свою очередь с интересом изучали незнакомца, выплывшего из океана. Подобные «образцы» людей им попадались, но всякий раз вызвали неприязненное отношение. Чужаки для них являлись и любопытными и враждебными лицами. Местное племя не раз страдало от них.

Расстояние между дикарями и Августиной было не более сотни метров. Какие они устроят сюрпризы девушке, переодетой в мужчину? Августина, обратив внимание на то, что аборигены миролюбиво смотрят на нее, стала подавать им знаки, чтобы они подошли к ней: тихому, кроткому существу.

Дикари не шелохнулись, застыли у опушки. Выжидали. Осторожничали. Стояли смирно и боязливо, привыкали к ниспосланному океаном человеку. Августина упорно продолжала давать им понять, что она расположена к ним, готова сама им помочь, заодно просит у них доброты и сочувствия.

Те неотступно держались опушки джунглей, остерегались белолицего пришельца. Двое чернокожих отделились от группы сородичей и скрылись в зарослях. Вскоре прибыло пополнение — еще с десяток дикарей с повязками у пояса и копьями наперевес.

Но воинственного духа не выказывали. Напротив, чтобы показать незнакомцу, что у них нет дурных намерений, чернокожие положили копья на траву. Один из них, рослый, мускулистый, статный, сделал шаг вперед и властным, энергичным жестом приказал Августине подойти к ним. Это, похоже, был их вождь, предводитель. Дело продвигалось к знакомству.

8. В ГОСТЯХ У ДИКАРЕЙ

Когда Августина упивалась романами приключенческо-географического жанра Жюль Верна, Роберта Стивенсона, повестью «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо, то перед глазами убедительно рисовались дикари — люди с первобытной культурой, полные невежества, живущие в непролазных джунглях. Однако эти лишь на первый взгляд предстали стеснительными и нелюдимыми. Они не от всех прятались.

Августина медленно, преодолевая высокую траву, пошла к дикарям, те двинулись к ней навстречу. Соединились. Вместе расселись на ровной лужайке, недалеко от опушки леса. Хмурость сошла с лиц.

Вождь произнес несколько фраз. Августина ничего не поняла и стала сама предлагать несколько языков для общения. Сначала произнесла по-немецки «Шпрехен зи дойч?». Ноль внимания. Затем по-английски «Дю ю спик инглиш?». Та же реакция. По-французски «Ву парле франс?» — и на это выражение не отреагировали люди из племени. Пожимали плечами. Чувствовалась неловкость.

Наконец, вождь, похоже, нашел какой-то вариант. Он послал ту самую девчонку, что недавно на баобабе сидела в карауле, в чащу леса. Оттуда она вернулась с пожилым, удивившим худобой, аборигеном. Он знал много языков и сошелся с Августиной на испанском. «Тоций» стал переводчиком для вождя племени.

Выяснив все, предводитель пригласил незнакомца, «потерпевшего крушение», отобедать. Гористой тайной тропой ее повели аборигены на стоянку своего племени. В гости. По ласковому обычаю.

Полянка посреди леса представлялась уютным временным местожительством чернокожих, у которых судьба была под стать Августиной. Затравленные преследованиями, гонениями, они опасались любого белого человека. И такой же стал их смысл жизни: в душевной тревоге, беспокойстве, преодолении опасностей. Глухо и пусто скитались в одиночестве.

Несколько бамбуковых шалашей образовывали поселок. У дикарей было слабое укрытие от ветра, дождя, зверей. Вождя звали Оло. По его приказу женщины разожгли костер. На металлические прутья — вертела — нанизали куски мяса и приспособили его над огнем.

Невдалеке протекал ручей, из которого кухарки племени зачерпнули в глиняные кувшины прозрачной, словно хрустальной, родниковой воды.

Работу выполняли молча, с интересом поглядывая на приятного с виду незнакомца. Похоже, чувства у них были развиты, как у всех людей на земле. Жарили мясо недолго и почти сырое подали к столу.

Начало еды сопровождалось специальным ритуалом торжественности, возвеличивания Богов. Дикари оказались слишком религиозными. Оло распорядился, чтобы все присутствующие отвесили поклон гостю. У вождя было очень много жен. Августина насчитала тринадцать. После скудной трапезы каждая из них по приказу вождя поцеловала «незнакомцу» ноги.

Августина попыталась запротестовать и через переводчика объяснила, что для нее это нежелательная процедура, не принятая в цивилизованном обществе, но Оло энергично покачал головой, не соглашаясь с доводами гостя. Сухо сказал: «Халла!». Надо.

Самая большая несуразность ждала Августину тогда, когда предводитель через переводчика передал, чтобы незнакомец выбрал себе на ночь одну из жен вождя, которая немедленно пересядет к нему.

Во избежание новых осложнений и гнева Оло, Августина указала на самую молоденькую из его жен — девушку лет пятнадцати. Оло уступил гостю свой шатер, сделанный из кожи зверей. Шкуру леопарда расстелили на пол. Ревниво следил за уединением «парочки». Блюсти традиции — первое дело племени.

Что было делать несчастной путешественнице в комической ситуации? Она обняла красивую юную дикарку по имени Зилио, словно сестренку, ощущая, как нервно бьется в щупленькой груди сердечко и, уставшая за трудный день, тотчас заснула. Шкура была мягкой, пьянил свежий лесной воздух, успокаивал.

Рано утром племя ушло на промысел, Августина перепугалась оттого, что рядом с шатром громоподобно ревело. Ломались, трещали ветки и стволы деревьев. Из чащи, бодая хоботом насекомых, выходил слон. Слепни и оводы гнались за ним кучей, а слон брыкался и мотал головой, отбиваясь от паразитов.

У ног здорового «царя джунглей» путался игривый детеныш. Джунгли были набиты животными. Там каркало, ухало, стонало, визжало. Сильные не давали пощады слабым — заглатывали несчастных. Над непроходимой чащей стоял словно плач несчастных животных и растений.

Все это вызывало отвращение, дрожь, оторопь.

Едва слон исчез, вслед за ним, разгребая сильными лапами заросли, пробирался тигр. Он, рыча и фыркая, яростно разрывал мощными клыками куски мяса, вынюханные у затухшего костра. Через минуту направился к шатру, в котором ни мертва, ни жива находилась Августина, готовая покинуть гостеприимное случайное пристанище.

Оскал тигра был страшен. Приоткрыв пасть, выпятив клыки, зверь, мотая головой, устремился к своей жертве. Девушка вытащила из кармана нож, готовая вонзить его в немилосердного зверя, но тот, потоптавшись на месте, попятился и скрылся в лесу. Передумал или испугался? А что делать студентке?

Будучи бывалым путешественником, девушка ловко выскочила из шатра. Знакомая тайная тропинка вела ее опять к океану, туда, где остался вытащенный на песчаный берег ее бесхитростный плот.

Благополучно пройдя опасный путь через джунгли, Августина увидела причалившее к берегу небольшое судно. По трапу сходило десятка два матросов. Они браво распевали на английском языке удалую песню про атамана. На шатком эрзац-пирсе остался один матрос, похоже, дежурный. И ненадежный. Тоже исчез.

9. ОПЯТЬ МОРСКИЕ ГРАБИТЕЛИ

Августина уже имела опыт укрываться в пиратских судах. Едва ли испытанные ею в жизни минуты общения с морскими грабителями она когда-нибудь забудет. Но у девушки не было другого выхода, как только снова столкнуться с ними. Рисковать? Подвергать себя опасности? Да, а как иначе?

Как только опустели палуба корабля и пирс, она тем же путем, по трапу, нырнула в судно и стала искать такой надежный, заброшенный отсек, где можно уверенно на время спрятаться. Затем в любом цивилизованном порту можно сбежать от головорезов. Как это сделать — теперь учить ее не надо.

Отчаянные пираты, конечно же, время от времени причаливали к берегам Испании, Италии (Августина теперь была и ей рада), Аргентины или Бразилии. Да, где угодно. На любую страну соглашалась девушка, лишь бы благополучно вернуться домой. А сейчас — подальше от дикарей. Веру к ним она не испытывала. Вождь, уложивший вечером Августину спать со своей самой красивой женой, мог на утро пооригинальничать, ради своей причуды, и разрешить соплеменникам полакомиться белокожим пришельцем.

Лучше не продлевать знакомства с аборигенами и не стать жертвой их своевольности и капризов. Пока при каждом новом зигзаге странствий Августине везло. Будет ли благосклонна и дальше судьба?

Девушка разыскала на судне, в грузовом трюме укромно спрятанные мешки и ящики с, похоже, награбленными вещами и скрытно разместилась среди них. Место было настолько уединенное, что вряд ли достал бы ее случайный взгляд какого-нибудь члена пиратской команды.

Августина замаскировалась и сидела тише воды, ниже травы, готовая ко всему: и к пререканию с хозяевами судна, и к сотрудничеству в рамках закона, и к гибели в океанской пучине, и к новой принудительной высадке на незнакомом гористом или топком берегу.

Растрезоженное сердце горькой путешественницы болело. По-прежнему беспомощная, она вынуждена отдаваться воле обстоятельств. Августина прижала руки к груди и взмолилась Богу: «Господи, Боже, у меня стынет кровь, как представляю, что меня может ждать. Отведи от

меня напасти. Дай, Господи, чтобы я на этот раз не сбилась с дороги, не приведи Боже, к новым злоключениям, испытаниям. Ты все знаешь и все можешь. Упаси, Господи, сделай так, чтобы не оборвались мои лучшие годы...»

В трудную минуту люди всегда вспоминают Всевышнего спасителя. Было отчего и Августине обратиться к нему. Мыши и крысы забегали по ее ногам. Она с гадливым чувством взгромозилась на ящик и сидела не шелохнувшись, пока не услышала частые оружейные выстрелы, и снова содрогнулась.

На берегу пираты развлекались. Они охотились не только на тигров, леопардов и прочих животных, шкуры которых дорого ценятся, но и гонялись ради потехи за дикарями из племени Оло.

После нескольких часов, проведенных на берегу, пираты, довольные тем, что отменно попотешились, возвращались на родное судно. Приближалось время отлива. Его нельзя было упустить, чтобы не застрять здесь. На палубе раздались грохот и охрипшие голоса. А у Августины от страха выступили и задрожали слезы. Сверху доносились дикие, свирепые возгласы. Пираты дерзко спорили между собой. Корабль — блеклый, неказистый — отвалил от суррогатного причала и бросил якорь в кабельтове от берега.

Как и на первом пиратском судне, здесь тоже не присутствовало единодушие команды с капитаном, который, кстати, в противовес тому, рассудительному, менее взрывному главарю морских разбойников, был резок, вульгарен, болезненно самолюбив, упивался властью, подчеркивал свое «я».

По каждому случаю промашки подчиненного он бесновался, впадал в зловещую ярость, цинично ругался:

— О, дьявол, кому я доверил дело! Эти беспардонные сопляки сведут меня с орбиты. Денис, Кит, какого черта вы отлыниваете? При первом же удобном случае я дам вам по заду коленом. Ватага, дерьмо...

К судну то и дело подходила шлюпка. Августина заняла у кормового иллюминатора с правой стороны удобный наблюдательный пост. Ей отчетливо были видны песчаная коса берега и маршрут движения лодки, в то же время хорошо слышен крик на верхней палубе. В шлюпке перевозили туши мяса.

Пальба на берегу легко могла быть объяснена тем, что пираты запасались экзотической дичью, а теперь транспортировали трофеи на корабль.

То и дело разносился над акваторией маленького рейда громоподобный голос капитана:

— Вы что медлите, проклятые недоноски? Олухи царя небесного, откуда вам знать законы экваториального климата. А я был в тех странах, которые вам, подлецам, и не снились. Запомните, прощельяги, океанские токи и ветры здесь постоянно меняются. И я не могу поручиться за то, что через полчаса мы не станем плавать вместе вон с теми животными, которые снуют под килем нашего «Эдема».

Капитану не откажешь в остроумии. В библейских сказаниях Эдем — это земной рай, где жили Адам и Ева до своего «грехопадения». Хорошенькое же эзоповское сравнение пришло на ум главарю банды. Свое судно он считал счастливым и безмятежным уголком, где можно прекрасно проводить время. Ну, просто райские кущи!

В команде были в основном послушники. Один матрос позволял допускать пререкание с главарем. Подчиненный гнусавым голосом тьявкнул:

— Мы — не дети, капитан. И тоже много повидали. Не бросайся упреками. Бугров не боимся.

Сразу же тяжелые шаги главаря загрели по железной сварной палубе. Это капитан рванулся к ослушнику. Грохнул пистолетный выстрел, видать, для острастки. Над головой вольнодумца-пирата просвистела пуля, а словами предводитель разбойников, в припадке злости, добавил, как рыгнул:

— Ты мне, профура, еще пикни... Кнехт ржавый, скрипучая ключина... И оно же пускается в рассуждения. Еще услышу — за ноги на мачту сушиться повешу. Чурки парусиновые.

Капитан ревел, тяжело и быстро дыша, словно взбирался на гору.

— А что я такого сказал? — заискивающе пропищал виновный матрос. — Тоже пропитаны морем, криминалом. Как и ты, мы — уголовники.

— Каналья. Попробуй мне еще кто подержить. Бредовые ваши мозжечки. Чертовы хронические алкоголики. Ваш одурманенный мозг только и способен, что принимать очередную дозу виски. — Снова взорвался главарь. — Скоты. Прохиндеи.

Но матрос с гнусавым голосом, видимо, позволял себе вести диалог с капитаном. Похоже, их что-то связывало личное. Он парировал ему с носовым призывом:

— Не ершись, Билли, ты же сам приказал заглянуть в ложбинку, где притаилось племя Оло, и прихватить пару дикарок. Клянусь, я за ними гонялся, но они улизнули.

— Цыц, репейник! Я тебе что велел сделать? И не трепись об этом. Если не умеешь держать язык за зубами, то тебе гнить среди кораллов. Билли слов на ветер не бросает. Обалдуи вы несусветные.

— Да мне-то что? Я хлопочу ради твоего барыша. За туземок отвалили бы еще тот куш! А чтобы их заарканить, одного часа, который ты мне дал, мало. Охладись, Билли.

— Умолкни, остолоп. И спроси у Моргана, как надо обтяпывать такие дела. Как я оправдаюсь перед Уэльтоном? Он мне дал уже задаток. Мы обещали привезти ему самых красивых аборигенок. — Бесновался атаман головорезов. — И сами не полетим стрелой, а будем болтаться на волнах, как дерьмо в проруби. Впрочем, можем проворно опуститься только на дно. Добычей акулам. Прекрасная перспектива.

Чувствовалось, что на корабле собрался отчаянный и дерзкий молодой народ, закаленный полезным для здоровья соленым морским воздухом. Эти ребята в сознании Августины сразу же стали ассоциироваться с футболистами. Краснощекие, мускулистые, длинноногие пираты, пожалуй, украсили бы любое спортивное поле. Но это так, между прочим, пришло ей на ум. Праздные мысли почти не посещали ее в тяжелые дни. Она больше думала об опасных приключениях, которые ожидалась впереди. В пиратах она видела своих отъявленных злодеев, которые зверски расправятся с нею, как только ее увидят.

От крика на верхней палубе сжималось в страхе сердце девушки — невольной пленницы пиратского судна. Свирепая брань и гулкие шаги на верхней палубе, казалось, грохотали у самого уха Августины. И отдавались острой чудовищной болью во всем ее существовании. Ругань могли слышать дикари, но похоже, боялись, что белые изуверы вернуться, и не показывались на берегу. Августина поняла: вместо непойманных дикарок ее судьбу могут вручить «Уэльтону». Если найдут в трюме. Капитан швырнул в воду какой-то предмет и на морской поверхности забулькало и погрузилось что-то в пучину.

И он опять разразился ругательством:

— Вот так же будет с каждым мерзавцем. Если не дураки, выбирайте: или станете на суше влачить жалкое существование, трижды проклятыми, или будете служить мне. и после навигации,

абордажной джентельменской жизни предадитесь гулянке в свое удовольствие! — И через минуту опять:

— А хрена всем вам! Швали! Оболтусы, хлыщи! Дряни паршивые. Холера б вас взяла. Я вас, хмырей, сотру в порошок... Швыбры дерьмовые, собачьи.

Главарь являл собой пример отъявленного матерщинника. Обладал в высшей степени мастерством отрицательного свойства. Даже поговаривали, что в бытность его службы на каботажных судах, где-то вблизи острова Новая Гвинея, у берегов Кораллового моря, он участвовал в своеобразном состязании вульгарных на язык боцманов. Проводили такой турнир.

Нынешний атаман разбойников тогда завоевал звание «Непревзойденного матерщинника» и премию в кругленькую сумму. А приоритет его заключался в том, что нынешний главарь пиратского судна за несколько часов непрерывной ругани и мата больше других боцманов сумел послать «в мать» всех известных и неизвестных артистов, ученых, писателей и мореплавателей, включая Джеймса Кука и Васко да Гама. И, если его ту ругань опубликовать, то испепелится без огня бумага. Капитан отборно «стругал» и подельников.

Судно последние минуты стояло на якоре, готовясь отчалить в открытый океан. Корабль покачивало на образовавшейся легкой зыби.

Матрос по имени Том все гнусавил:

— Билли, нас не надо пугать и надувать. Если бы мы отсюда попозже ушли, то и сами были бы с большим наваром. Племя Оло где-то спряталось в прибрежных джунглях. Их найти — плевое дело. Нужно только время. К тому же ты обещал, что только завтра снимемся с рейда. Как верить тебе?

Капитан напористо, с раздражением, хотя более миролюбиво, ответил:

— Что ты смыслишь в экваториальной стихии? Я печенкой чувствую — вот-вот поднимется шторм. К тому же, я ли не забочусь о вас, свиньи вы поганые. Ты ползал на коленях, упрашивая меня взять тебя в команду на полнавигации. Единственный медный грош звенел в твоей рваной куртке. А сейчас?

— И сейчас я пуст, как турецкий барабан.

— Ну и дурак. Вместо того, чтобы спать с дикарками, ты бы лучше отбирал у них шкуры леопардов и слоновую кость. Спроси у Моргана, Липпи, Шварца, что они делают на берегу? Вкладывают деньги в

разные банки, а не пьянствуют и не спускают валюту по кабакам. Все делают с толком, в меру. С расстановкой.

Главарь обратился к кому-то:

— Ты что жуешь? Резинку? Табак? Дай щепотку.

Вдруг все тот же гнусавый голос расторопно оповестил о ситуации на море:

— Капитан, на траверзе посудина! Чужая!

— Пускай шкандыляет, нам не до нее. Боцман, поднять якоря! Штурман, лечь на правый галс!

Раздался пронзительный свист в дудку. И сразу началась суматоха. Затопали матросы, занимая свои походные расчетные места на корабле. Зазвенели цепи, заскрипела лебедка. И хотя каждый занимался своим нелегким делом, они вместе слаженно вполголоса, для рабочего ритма, пели свою пиратскую песню:

*Не моты мы, не лодыри,
Нам хочется нажать
Динары, лиры, доллары,
Чтоб в старость не тужить.*

*А в битве за богатство
Напомним мы чертей,
Да нам не испугаться
И тысячи смертей.*

После каждого куплета сильные, резкие, молодые матросы одним тренированным выдохом подхватывали: «Ой-ей, ой-ей, ой-ей, е-е-е-ей». Но все это напоминало тоскливый лай собак.

Капитан оказался прав в отношении экваториальных подвохов стихии и всяких там океанских течений в этих местах. Быстро усиливался ветер. Главарь торопился выйти в открытый океан, так как у берега свирепый ураган куда опаснее для корабля с хорошей плавучестью, чем на просторе. Становилось прохладно, и пираты на тельняшки с лиловыми полосками надели бушлаты.

Опытным мореплавателям по надвигающимся признакам и всяким там атрибутам было понятно, что приход жестокого шторма лишь дело ближайшего времени. Вода вокруг судна пузырилась. От грозового

облака к океану тянулась темная вихреносная полоса. И точно. Скоро все закипело. Океан оцетинился.

Пока шла погрузка трофеев, подготовка к выходу на океанский разлив, ветер перерос в ураган. Бедной Августине теперь предстояло ощутить его не на берегу, а на судне, куда в более страшном положении. И сердце наполнилось раскаянием. Не лучше ли было с помощью дикарей искать выход? Новый перст судьбы в ее самоотверженном скитании! Не будет ли он в самом деле роковым? Слишком плохенькое суденышко.

Буквально через полчаса после поднятия якорей и начала рейса (для Августины совершенно в неизвестном направлении) свирепые вихри уже носились над водным пространством и гнали впереди себя валуны соленой пенистой воды. Шторм нарастал с каждой минутой. Волны, большие, как горы, напирали друг на друга, kloкотали, бурлили, с невероятной силой низвергали потоки вскипающих брызг.

Их высота достигала размеров многоэтажного дома. Они своей могучей силой, словно щепку, ставили корабль буквально в вертикальное положение, как говорят в народе, на попу, фортшевнем то вверх, то вниз. Многое пережила Августина, теперь ей предстояло испытать морской смерч. Как жаль бедняжку: сколько несчастья свалилось на ее голову!

Всякий раз с замиранием сердца казалось: разломится, раздавится судно и вода хлынет из всех щелей и пробоин, заполняя отсеки, трюмы и кубрики. А там, в недрах, океанской глыбы может ждать лишь вечное царство Нептуна и Посейдона.

И выйдет, что отмучилась Августина на этом свете. И смахнула она с глаз набежавшие слезы.

А между тем, команда о ее присутствии у себя на корабле не подозревала. Девушка не без основания была уверена, что забралась в самый потаенный уголок судна. Но если ее обнаружат, то разговор с головорезами вполне может состояться: они говорили на языках, понятных студентке инфака Белужского пединститута, вперемежку то на английском, то на испанском, с хорошим произношением.

Усталость брала свое. Пригретую на тюках Августину сковывал сон. Она ему не в силах была сопротивляться, хотя и опасалась бегаящих, снующих рядом крыс, мышей и тараканов. Укачивало.

Дремоту девушки прервал очень сильный удар острым углом ящика в бок, потом — в грудь. Корабль так развихляло, что он почти

ложился бортами на воду. Августина, преодолевая резкую до тошноты и неприятную боль, попыталась приподняться, но трюм так наклонило, что вызвало еще большую дурноту. Было то состояние, которое предшествует рвоте.

От холода и волнения ее еще больше привело в положение бессилия, изнеможения. Голова кружилась так, как это было, когда она в компании друзей перепивала спиртного. Полакомиться одним-другим стаканчиком вина она в кругу студентов обожала. И помнила, как однажды «перебрала» какой-то заграничной дряни так, что два дня не могла встать с постели. До предела ее расслабило. Подобное головокружение испытывала сейчас.

Она сожалела, что слишком плотно позавтракала у дикарей. Тошнота не так страшна на голодный желудок. И все же ее потянуло на рвоту, горькую, противную, с режью в животе.

В эту минуту судно сильно накренилось, Августина, не успев за что-нибудь ухватиться, скатилась с холщовых мешков и тюков в какую-то яму, люк которой оказался открытым. Была в холодном поту.

Она, вся измазанная в вонючую солянку, после невероятных усилий, выбралась оттуда. От ее, пропитанной моторным маслом, одежды исходил такой запах, что даже разбежались крысы, и перестали ползать за шиворотом тараканы. Перепуганное сердце колотилось.

Бедная Августина не ведала, не представляла того, что она — обездоленная пассажирка варварского судна, оказавшаяся попутчицей морских грабителей, — направлялась через весь Атлантический океан к побережью Южной Америки. Знай она это, то, пожалуй, и горько улыбнулась бы немаловажному для нее совпадению. Она проделывала свой дальний вояж, почти как Христофор Колумб пять веков назад. С той разницей, что великий мореплаватель был тогда главой экспедиции на высокобортной каравелле «Санта-Мария», а русская студентка исстрадалась незримой пленницей на пиратском моторном, небольшого размера плавсредстве «Эдем».

10. ЭММА БАБКИНА

В институте, пожалуй, одна Бабкина знала, где следует искать Августину. Но она по этому поводу хранила молчание. Была неразговорчивой и мрачной, чувствуя себя сообщницей неблагоприятного дела, преступления. Неотступная мысль, что она предала подругу, точила и скребла душу. Стыдно было подумать о том, что случилось.

Эмма Бабкина приходила на лекции угнетенная. Она трепетала от гнетущего страха, словно осиновый лист на ветру. Приниженность стала обычным состоянием ее души.

Она тревожно ожидала, что ее тайна скоро раскроется, тем более, что сотрудники уголовного розыска как на службу в свое подразделение ходили в пединститут. Они с профессиональным опытом и навыками докапывались до истины. Искали зацепочку, которая привела бы к месту нахождения исчезнувшей.

Сыщики не пренебрегали даже слухами. Сами дали сообщение о вознаграждении крупной суммой рублей или валюты за полезную информацию. Допрашивали всех без исключения приятелей, друзей Августины. С любым из них пропавшая девушка могла делиться своими планами.

Краснея из-за трусости, колеблясь от нерешительности, Эмма Бабкина не шла к следователю. Чтобы дать признательные показания, нужны были мужество и неиспорченная нравственность, высокая внутренняя духовность. А где их взять?

Увы, с моральными качествами у современной девушки Эммы Бабкиной не все обстояло благополучно. А следователи все доискивались: не запугал ли кто Августину, не держала ли ее под колпаком, как сейчас принято говорить, какая-нибудь мафия?

Впрочем, по институту прополз темный слушок, который уловили настороженные следователи, что ее мог похитить один из прежних пылких ухажеров.

После этого в поле зрения угрозыска попала ловкая плутовка, знаменитая в институте хитростью Эмма Бабкина, лучшая подруга Августины, задушевная собеседница по амурным делам. В этой области она была авторитетом, потому что на глазах у всех ее любовные занятия всегда находились в ажуре.

Кстати упомянуть, что внешняя привлекательность Эммы разве что на йоту, самую малую толику уступала Августининой. Была чуть ниже ростом своей сердечной подруги, но так же легко, игриво и остроумно общалась со своими возлюбленными и лишь теперь утратила былую гордость и на лице отражались обреченность и страдание. Она поникла, но на время.

И еще одна подробность не могла быть незамеченной. Вызывала даже критику. У Эммы Бабкиной пропала гармония во взаимоотношениях с однокурсниками. По любому поводу она вспыхивала, как спичка, не считая нужным себя сдерживать даже в разговорах с преподавателями. При всех своих недостатках умная и добродетельная Эмма Бабкина превратилась за несколько дней в сварливую, вспыльчивую особу.

На это обратили внимание, и Бабкину вызвали на допрос. Сама Эмма словно сжалась в комок, съежилась от испуга. Но у нее теплилась надежда, что разговор со следователем будет общим. Угрозыску не под силу довести ее до откровения. Она не сделает опасного признания.

Идя на допрос, она одела новую кофту, которая особенно подчеркивала ее пышную грудь, и оголила полные, с ямочками у локтей руки, украсила белозубой привлекательной улыбкой опрысканное французскими духами лицо.

В таком виде предстала перед детективом.

11. ДОПРОС

В институте к этому моменту опросили многих студентов и преподавателей, даже вахтеров. И так как они ничего не ведали об исчезновении Адажевой, то им и нечего было умалчивать.

А Бабкина не знала методы ведения следствия. Нельзя подменить полные ответы на вопросы кокетливыми взглядами, улыбками. Нужны определенные слова. И, если их не хватает, то видны недомолвки, недоговоренности. Их на лету узрит опытный следователь, первое знакомство с которым повергло красавицу номер два в уныние.

Лет сорока мужчина в форменной рубашке с погонями майора встретил Эмму серьезно и не выказывал своего дружелюбия к симпатичной свидетельнице. Строгий вид кабинета вконец испарил храбрость Бабкиной. Пока Эмма садилась на краешек предложенного стула, плечистый, темнолицый детектив энергично перелистывал бумаги в папке. Затем от них перевел глаза, полные тоски и молодцеватости, на прекрасную надушенную, разнаряженную, пикантную Эммочку.

Он смотрел на девушку неторопливо, пристально, изучающе, характерно, как в разоблачительном кинофильме. Бабкину взяла оторопь. Прикидываться простачком бесполезно, себе дороже станет.

— Николай Спиридонович Акуличев. А вас как величать? — издевательски-спокойно проговорил детектив. — Давайте знакомиться.

И хотя Бабкина Эмма Львовна быстро выпалила о себе все родовые подробности, с этого одного вопроса она прониклась не только страхом, но и антипатией к черноголовому, скуластому и плечистому субъекту.

Утаивать что-то не имело смысла.

Эмма говорила, и слезы застилали глаза, а потом даже брызнули и отчаянно покатались по напудренным и раскрашенным щекам. А идя на встречу сюда, она долго тренировалась перед зеркалом: как будет строить глазки, с намеком улыбаться, весело вести любовный разговор.

В последнем она не ошиблась. Серьезно и дотошно следил за ответами Эммы придирчивый детектив. Следователя интересовало все: кто и когда числился любовником у Августины, с кем просто дружила,

куда ходила и зачем, кого считала закадычными приятелями, и кто к ней питал вражду. Какие имела склонности, интересы, пристрастия.

А когда вышли на Джованни Шпагетти, посыпалось очень много новых вопросов, потому что следователь «захотел находиться в курсе самых тончайших черт и деталей».

* * *

В связи с поиском Августины будет уместным дать развернутую характеристику ее задушевной подруге однокурснице Эмме Бабкиной, а заодно коснуться и самой пропавшей.

Двадцатилетняя девушка была из тех, кого в пикантных изданиях неприлично, развязно называют сексуально-озабоченными представительницами слабого пола, вместо подробного, уважительного описания характеристики. Бесцеремонно клеймят их двумя-тремя некорректными словами, которые заставляют читателя лишь криво и противно ухмыльнуться.

Постараемся отойти от грубых намеков. Когда-то Сергей Есенин писал: «По-смешному я сердцем влип, я по-глупому мысли занял». Это об Эмме Бабкиной и ее подруге Августине, хотя и метафорически, в переносном значении этих слов.

Сердце Эммы никогда не пустовало от увлечения парнями, начиная со старших классов средней школы. Одну любовь она еще не могла из него выгнать, а вторая уже захватывала там позиции.

Такая же картина наблюдалась с мыслями. Все лекции напролет она «по-глупому» обмозговывала, какого ухажера оставить «с носом» на сегодняшний вечер, а к кому бежать на встречу? И знания могли бы оказаться в стороне, да выручали способности. Такого лозунга, как «Учеба побоку», к счастью, у подружек не было.

Все происходило, как стихийное бедствие. Вероятно потому, что девушки были очень влюбчивыми. Заметим о параметрах предметов их увлечений. Они четкие. У Бабкиной особенно.

Если сказать, что Эмма любила высоких парней, значит, ничего не сказать. Как раз все наоборот. Ей нравился средний рост. Она считала, что среди рослых больше глупых, а о своих избранниках она говорила «мал золотник, а дорог».

Руки имели тоже решающее значение. На мужчин в майке или тенниске она произвольно обращала внимание. А если кожа рук гладкая, покрытая пушком и загаром, бархатистая, мускулистая, с шевелящимися бицепсами, руки согнуты в локтевом суставе так, что выступают плечевые мышцы, придавая им изумительно красивое очертание, то Эмма буквально впивалась в атлета глазами. Воспринимала его с интересом и жадностью, чуть-чуть стесняясь того, что сама может показаться пошлой, нескромной.

И все же, с трудом управляя рассудком, она притрагивалась «случайно» к парням и замирала, испытывая сильное волнение. Чувствовала себя на седьмом небе. Вот что делали с ней мужские руки.

«Без них я не могу» — говорила подругам Эмма, вкладывая в произнесенные слова ей одной известный смысл. Впрочем, о нем догадывались.

Относится ли это к разврату? Как сказать. Повышенная возбудимость исходила от ее холерического темперамента. А если это умножить на современный вертеп вседозволенности, что и будет то, что есть.

Эммой, как и Августиной, нельзя было не обольститься, хотя Бабкина кое в чем уступала Адажевой. Но от обеих исходили покоряющие мужскую часть института притягательные силы, очарование, обаяние. А уж перед симпатичными парнями они становились воплощением, олицетворением в словах — женственности, в движениях — беспредельной грации.

Если Августину звали Софией Лорен («Развод по-итальянски»), то Эмму — Брижит Бардо («Бабетта идет на войну»). Иногда имена киноактрис путали, не зная кто есть кто.

Августина, как мы упоминали, сделала Эмму своим конфидентом, человеком, которому, ведя интимные беседы в укромных местах, доверяют секреты и тайны. Красавицы выбирают подруг себе подобных. И статью, и лицом, и благополучием, и манерой поведения. Живут душа в душу. С небольшой разницей.

Еще Эмме был нужен в мужчине соответствующий голос без гнусавости, присвиста, скороговорки, пищания, путания букв «р» и «л» типа «свобода, лавенство, блатство», не высокий, трескучий дискант, как у Трындычихи, не густой, рвущий уши бас Штоколова, или как у рычащего зверя, не крикливый тенор, не слоновый утробный рев.

Вкусы Эммы и Августины совпадали и в этом. Они положительно воспринимали голос средний по высоте, в меру раскатистый, с теплой баритоновской нотой. Мягкий, сладкий, веселый, зазывной.

От таких альтовых звуков глаза у девушек помимо рассудка наполнялись растроганными слезами. Мужской бархатистый тембр перехватывал подругам дыхание. Ласкал слуховой нерв.

Возраст мало играл роли, лишь бы мужчина носил чистые сорочки, отутюженные брюки, расписной пуловер. Был состоятелен, не связан семейно-супружескими узами. Имел достаточно свободного времени.

Однажды в институт приехал с лекцией моложавый полковник — среднего роста, поджарый, на широкой груди мундира обилие орденов. Эмма задала ему столько вопросов, что на все полковник смог ответить лишь в гостинице. Она даже говорила, что за солидного офицера могла бы выйти замуж, но это будет похоже на заговор против остальных мужчин. Не хотелось обижать других красавцев.

Кстати, полковник рассказал Эмме после выпитой вдвоем бутылочки вина, что однажды лекции пришлось читать в каком-то островном государстве Индийского океана, и король устроил полковнику с генералом (они были вдвоем) с дороги экзотическую парную: две молодые туземки, в одних фартучках отмывали с русских офицеров пыль мочалками.

Да, в характере и привычка девушек-красавиц существовало много общего. Они курили редко и только в своих компаниях. Преимущественно болгарские сигареты. И всегда свои. Носили в сумочках.

Духи предпочитали «Фиджи», «Ревиллона», «Ноктюрн», особенно «Сальвадор Дали». Подарочные. Тут дело принципа. Обожаемых девушек надо уважать и баловать презентами. Парням дарили одеколон «Ожен».

Обе любили смотреть эротические фильмы, порнографию — эпизодически. В видеозал входили только со своими кавалерами перед началом, при потухшем свете. Удалялись тоже в темноте, после окончания, когда еще не успевали включить свет.

Учились без троек. Достаточно способные. Надежда института. Из таких выпускниц получают толковые, бойкие, веселые, ловкие, грамотные педагоги. Разбитные. Легко находят общий язык с учениками. Знакомые и со спортом, и с «капустниками», всегда в

центре остроумного, изобретательного, сверкающего веселья. Природа одарила их и памятью, и общительностью. Интеллигентные родители Адажевы и Бабкины дружно живут с единственными дочерьми (у Эммы отец, мать, бабушка — учителя). Понимают своих отпрысков. Они — их собственное отражение.

Адажевы и Бабкины-старшие в вопросах интима пикировались с дочерьми разве что в шутливой форме. Любовный репертуар своих девочек воспринимали как должное, если не считать мелких формальностей. На этой основе были кое-какие разногласия.

Таковы скромные и тактичные портреты двух девушек с повышенной чувствительностью. Давать им характеристики уместно без всякой грубости, тем более вульгарности, незачем сгущать краски.

И вот сейчас Эмма при всем своем богатом опыте общения с сильным полом совсем растерялась перед этим властным, огромным мужланом — следователем. Со всеми признаками стандартного детектива, хорошо изученного по романам и фильмам.

На него не действовали чары красавицы номер два, он держал дистанцию, относился к ней свысока. В тоне его слов постоянно слышалась занозистая пренебрежительность.

Эмме тяжело было это ощущать. В другом случае она бы никогда не позволила мужчине задавать ей вопросы, комментировать ответы с неуважительной иронической ноткой.

Напрасно желала она кое-что стыдливо скрыть от «знаменитого» сыщика. Он своим острым всепонимающим взглядом как электрошоком до озноба пронзал бедную свидетельницу. Когда Эмма, решившись на последний шаг, как бы случайно расстегнула лишнюю пуговичку на ажурной кофточке, то следователь покрылся от возмущения испариной, запыхтел, словно паровоз, насупился, и нетактично рявкнул:

— Приведите себя в порядок, спрячьте свои прелести. Слишком отчаянно и рискованно вы поступаете.

После этого обреченная на позор Эмма все выложила детективу о том, как похищалась ее подруга Августина. Красавица Эмма Бабкина предварительно, конечно, застегнула на все пуговицы блузку.

Эмма призналась во всем, а следователь лишь пытливо и язвительно допустил уничтожающее изречение, которое вряд ли забудет Эммочка:

— Вы предали подругу, как посторонний чужеземец. Родители Августины на грани помешательства, а Виктория Робертовна в

предынфарктном состоянии госпитализирована. Знаете об этом? Нет! То-то и оно-то. Вам знакомы эти вещи? — Майор вытащил из письменного стола туфлю и косынку, утерянные Августиной, когда ее затащивали в вертолет.

Следователь понял: пикантная Эммочка хорошо осведомлена о том, где находится Августина. Вытащив ящик из стола, майор спросил у Бабкиной, показывая на туфлю:

— Вам знакома эта вещь? Кому она принадлежит? Адажевой?

Это была последняя капля, переполнившая чашу страданий и раскаяния виновницы происшествия. Она нервно протянула руки, выпросила косынку, прижала ее к своему лицу и стала охать и причитать, обливая горячими слезами особо чтимую вещь. Реликвию.

— Отдайте мне ее. Господи, я сохраню косынку, как память о моей дорогой подруге. Если бы вы могли взглянуть в мою душу, то увидели бы, что за эти несколько мучительных дней она стала, как уголь.

Но мог ли отдать следователь вещественное доказательство, приобщенное к уголовному делу? Увы, нет. И он оживленно об этом ей сказал, растолковывая процессуальные законы.

— Увижу ли я когда-нибудь мою лапочку, — плаксивым голосом выражала Бабкина позднюю нежность к пропавшей Августине.

А следователь ей сухо сообщил:

— Идите. Вопросов пока нет... — И с чувством выполненного долга стал готовить дело для передачи в новые инстанции. Августину Адажеву похитил иностранец бывший студент Белужского пединститута. Картина прояснилась. И на промах Бабиной тут все не свалишь. Опростоволосилась не столько красавица номер два, сколько номер один. Оплошность допустила, конечно, Августина, что пошла на свидание к подлому, низкому человеку. Хотя это ни в коей мере не снимает тяжкого обвинения с негодяя Шпагетти.

Истребовать, вернуть из Италии Августину можно было только через московское посольство той страны.

12. МАКСИМ ДЕЙСТВУЕТ

Становление человеческой личности связано с развитием его потребностей. Каждого человека характеризует неповторимое сочетание того, чего он желает. Люди друг от друга отличаются тем, у кого какие интересы преобладают и есть ли они у кого-то вообще. У одних их навалом, у других — сплошная инфантильность и меланхолия, никакой цели.

Чертой характера Максима было то, что он не позволял своему мозгу прохлаждаться, пребывать в тоскующей лени, а душе — в пустом времяпровождении.

Его родители, работники механического завода, пролетарии, так ему сказали: «Хочешь хорошо жить — учись. Имей побольше профессий, не там, так в другом месте найдешь свое везение и высокий заработок, достаток. Все добывай своим горбом. Тебе ждать протекций неоткуда». Кроме Максима в семье воспитывалось еще двое ребят.

Все взвесив, Максим выбрал не очень популярный среди ребят пединститут. Но сразу стал заниматься на трех факультетах: иностранных языков, физмате и спортивно-гимнастическом.

Стимулов к дружбе с девушками у него не было. Он их в интимном плане не знал. Поэтому был спокоен. Однако до поры до времени девушки его не отвлекали. Кроме одной. С первого курса ему нравилась Августина, но он не питал никаких надежд. Слишком дефицитен товар.

От самой же Августины не ускользнул незамеченным настрой однокурсника — скромного, увлеченного, спокойного капитана институтской сборной футбольной команды. Эмма называла Максима пренебрежительно-ласково «теленком».

— Что ты в нем нашла, — сокрушалась Эмма в беседе с Августиной, — зачем развращаешь ребенка? Этого несмышленьша? Держи курс на Фрэда.

Чуть позже Эмма придет в восторг от Максима, с запоздалым извинением скажет: «Не теленок — герой. Мне такой нужен. Фрэд перед ним — ерунда».

Августину все больше и больше тянуло к нему. Девушку восхищало и умиляло то, что она у Максима — первая любовь. Сначала ради причуды она забавлялась с ним, имея одновременно «настоящего

парня», как бы экспериментировала, а потом и сама втюрилась, разобралась, что Максим, увы, далеко не теленок. А «настоящий парень» — туфта.

К тому же, ей надоели конфликтные расставания с элитными ухажерами, у которых постоянно возникали к ней претензии, едва она начинала увивать от свиданий. Ее потянуло к спокойной, надежной, устойчивой дружбе, к той, что заканчивается бракосочетанием, скрепленным большой родственностью душ.

Августина была уверена и в другом: если даже она бросит Максима, тот молча, без обиды проглотит горькую пилюлю. У Максима Верстакова было развито глубокое чувство самоуважения. Он стремился к другой цели, боялся лжи, как огня. Презирал насилие над личностью. Мог защитить от болванов.

Его удар правой руки равнялся двумстам килограммам, левой — ста восьмидесяти, ног — по двести пятьдесят каждой. Спорт!

Он скрупулезно вел личный дневник, куда записывал все — для самоконтроля. Почти три года ходил он вокруг да около неприступной Августины. Мог бы, конечно, поспешно признаться в бурной страсти, как это делали другие. И он знал, кто. Для Верстакова Адажева представлялась недоступной красавицей, личная судьба которой никогда не переплетется и не совпадет с его. Он прикидывал и так и сяк.

И все-таки в сердце теплилась зыбкая надежда. Он знал себе цену и был уверен, что его заметит очаровательная сокурсница. И станет его женой.

В один из вечеров Максим после футбольного матча оказался по стечению обстоятельств около Августины. Ее постоянных кавалеров рядом не было. Они ее проглядели. Это был звездный час Максима. Он его давно ждал и взялся проводить Августину, мадонну своего сердца, до ее дома.

Боялся, что откажет, не согласится, посмеется над ним. А она весело произнесла: «Проводить? Умница. С удовольствием!».

У крыльца ее дачи (летом она всегда проводила время там) Максим, целуя руки Августине, робко вымолвил:

— Мне хочется сказать тебе три слова. Давно есть такое желание, но я трушу... Вдруг ты подшутишь надо мной? Возможно, я в заблуждении...

— Говори, разрешаю. — Августина тоже волновалась. Предчувствовала объяснение.

— Я люблю тебя.

— Спасибо. Мне радостно слышать твое признание. Я отвечу тебе чуть позже. Ладно?

Потом стиль их отношений обуславливался чистотой, целомудрием, бережностью, не понятными Эмме, но пришедшими по вкусу Августине.

Влюбленные искренне привязались друг к другу. Бурные чувства с сигаретами и вином Эмме тоже начали претить. Она пресытилась ими. Но боялась признаться себе в этом и пытливо наблюдала за Адажевой, которая головокружительно менялась к лучшему.

Августина продолжала открывать верной подруге свои тайны, хвалиться, что по Божьему велению она встретила ценного парня, испытывает к нему глубокую привязанность, дело идет к свадьбе.

Поначалу Эмма равнодушно встречала эти доклады, по-прежнему храня приверженность к преданной однокурснице. Потом в сердце Бабкиной стало беспокойно, там поселился червячок зависти.

Исподволь, постепенно в душе Эммы накапливалась злость, скверное чувство досады на то, что подруга остепенилась в смене партнеров.

Максим хорошо влиял на Августину. Та вела себя благоразумнее в интимной жизни. Но главное, Бабкина почувствовала, что этим Адажева накапливала духовный капитал, по сравнению с которым внутренний мир Эммы превращался ни во что.

Поразительно, но факт. Когда институт узнал, что Августина сделала свой окончательный выбор и стала неизменной спутницей только Максима, ее авторитет у поклонников еще больше поднялся. На нее смотрели другими глазами, не как на корчащую из себя законодательницу мод, с которой можно вести фривольные разговоры, а как на порядочно воспитанную девушку.

Это стало подтверждаться и тем, что теперь она разговаривала с нескромными парнями сухо, сдержанно, а если надо, с перцем давала им отпор.

Все это происходило перед очами «слегка» распушенной Эммы. И совсем недавно такая же была Августина. Теперь Адажева подчеркивала свою гордость и недоступность, тем самым оттеняла Эмму. Бабкина не готова была к такой неприступной строгости

подруги. Эмму сначала это раздражало, а чуть позже привело в состояние полного недовольства.

Общественное мнение поднимало на высокий нравственный уровень подругу, а Эмма как бы оставалась у подножия горы. Подруга отвергла богатого Фрэда.

Это превосходство Августины представлялось как бельмо на глазу, мешало Эмме буднично делать с ребятами то, что продолжала делать, но сейчас в полной скрытности от Августины. Без напарницы жалким стало безудержно буйное времяпровождение.

Когда к ней обратился Шпагетти, она, чтобы отомстить подруге, с легким сердцем стала сводницей между итальянцем и Августиной. Помогала Джованни в его безумном деле.

* * *

Первым, кто ринулся в Москву, в итальянское посольство, был, разумеется Максим Верстаков. Казалось, он страдал больше всех. Не находил себе места ни дома, ни в институте. Но и Адажевы-старшие жили одними толками и догадками: где дочь, что с ней? Тяжелые мысли и предположения сводили их с ума, обоих свалили на больничные койки.

Даже крепкого здоровьем, сообразительного полковника подкашивала душевная травма. Все терялись в догадках. Но теперь, после допроса Бабкиной, можно было остановиться на единственном предположении.

Узнав адрес итальянского посольства, Максим двинулся к нему. У чугунной ограды милиционер не преградил дорогу Верстакову. Блюстителя порядка попросту не оказалось на месте, и влюбленный Ромео в свою Джульетту, потоптавшись на тротуаре, решительно направился в здание посольства.

Он беспрепятственно открывал дверь за дверью, проходил комнату за комнатой, роскошно обставленные и устеленные коврами. Никто его не встречал, словно дом был пуст.

Семья посла и обслуживающий персонал отдыхали после обеда. Расхрабренный юноша не замечал, что переступает дозволенное. Поиски невесты еще не дают ему права разгуливать по апартаментам дипломатического представительства.

Ослепленный негодованием, Максим меньше всего заботился сейчас о соблюдении Венской конвенции. А между тем жильё дипломатов неприкосновенно, и он не имел права попирать международные договоры и обычаи. Дипломатический иммунитет священен. Ревниво смотрят за этим.

Жужжали кондиционеры, словно шмели, а в остальном комнаты заполнялись блаженным безмолвием, и этот покой сбивал с толку. Максим стал рыскать по уютной безлюдной квартире. Но обратиться было не к кому. Он разгуливал как по музею.

Максим прервал свое вольное шаштанье по фойе, залам и столовым тогда, когда попал в спальню жены посла. Крупного телосложения женщина сидела на низком мягком пуфе в кружевной сорочке перед трельяжем и приводила в порядок свои жгуче-черные, вьющиеся волосы. Напоминала она эфиопку или что-то в этом роде. Словом, африканку.

Женщина явно скучала. И тут словно из-под земли вырос чужой человек, молодой, пусть даже симпатичный, но мужчина, которых, в общем-то, она не дичилась, не уклонялась с такими от знакомства с учетом не только ее дипломатической миссии. Но в данном случае посторонний взгляд на ее спальное одеяние привел ее в судорожный трепет. Содрогаясь всем телом, живо подняв к шее сползающую белоснежную сорочку, с невообразимым криком она нырнула с головой под одеяло в свою постель. Остался голос арапки.

Преследуемый этим воплем, растерянный Максим вынужден был спешно ретироваться за порог спальни госпожи самого высокого дипломатического ранга. Нарушенным оказался правовой статус жены посла. Государству, которое не обеспечило иммунитет, неприкосновенность жилья дипломатов, грозили самые жестокие преследования. А чернокожие — обидчивые.

Исступленный крик о помощи взбудоражил весь казавшийся вымершим дом. С выражением ужаса на лице перед Максимом предстал сам посол: маленький, толстогубый, с не совсем ровными ногами. Вокруг мелькали тени прислуги, которых раздирающий душу крик их повелительницы поверг в отчаяние.

Посол с налитыми кровью круглыми щеками дико, безумно таранился на дерзкого пришельца, посягателя на дипломатический высокоохраняемый покой. Хозяин дипломатической обители так же, как его супруга, обладал кожей черного цвета и кудрявыми от природы

волосами. Сверхчтимый его покой был беспрецедентно даже не нарушен, а растоптан.

Наконец он пришел в себя и стал что-то торопливо говорить на повышенных нотах. При этом он размахивал довольно энергично пухленькими руками, на которых в изобилии красовались перстни с камнями разных цветов и оттенков. Речь — семито-хамитская.

Максим сносно знал итальянский язык (в противовес Августине). Но здесь явно говорили по-другому и его не понимали, как и он их. Заявился переводчик и пришлось обращаться через него на русском языке. Студент Белужского пединститута с досадой и отчаянием сообразил, что попал в необычную, а возможно и сенсационную скандальную ситуацию.

Вышла из визита Максима любопытная история. Он нарушил суверенитет одного из африканских дипломатических представительств, приняв его за итальянское посольство.

Посол приказал Максиму оставаться на месте до прибытия сотрудника Министерства иностранных дел. Как ни пытался оправдать Максим пикантную ситуацию своим невежеством, незнанием правил посещения учреждения такого ранга, ему не верили. Бесполезно было извиняться и доказывать, что он не имел никакого злого умысла.

Из своей спальни вышла жена посла. Строгий черно-синий костюм подчеркивал официальность ее особы и что с ней следует общаться с соблюдением всех правил и формальностей.

Но едва она узнала, что причина вторжения Максима в посольство — его любовь к самой красивой девушке, которая «романтически» похищена, как послыха (в самом лучшем понимании этого неблагозвучного слова) приказала не только немедленно освободить юношу и считать, что он перед всеми оправдался, но и отвезти его на собственном «Мерседесе» в итальянское посольство, чтобы Максим больше не заблудился.

Жена африканского посла оказалась лидером движения в своей стране за обходительное, учтивое отношение к влюбленным. За оказание им всяческой любезности и гостеприимства. Их партия «За любовь» главным своим принципом провозглашала очень заботливое и очень ласковое покровительство сердечным тайнам женщин и мужчин.

Так Максим и наше государство ловко, удачно выпутались из самого неприглядного обстоятельства. Изнанка этого скверного визита

не показалась наружу. В посольстве сами разобрались в простительной неосведомленности провинциального юноши.

Посол порвал составленный протокол о грубом нарушении дипломатического иммунитета, извинился перед вызванным из международного ведомства сотрудником и инцидент на этом посчитал завершенным.

Максим тем временем катил по московским проспектам на блистательной машине с дипломатическими номерами африканской страны в распоряжение итальянского посольства.

13. ПУТЕШЕСТВИЕ В РИМ

Теперь студент не ошибся адресом, и господин посол из солнечного государства Апеннинского полуострова принял юношу и участливо, с тревогой в голосе, выяснял подробности похищения Августины. Дипломатический представитель высшего ранга проникся сочувствием к возбужденному состоянию юноши. Он все внимательно записывал в блокнот.

С любопытством и отзывчивостью смотрел пожилой седовласый итальянец на красивого, рослого, подтянутого по-спортивному, молодого русского парня.

Почувствовав восхищенный взгляд солидного дипломата, Максим приободрился и все раскованнее докладывал суть дела.

— Ваш рассказ, — господин Максим Верстаков, — меня потряс. Мне доставляет честь не только благоговеть перед вашими высокими чувствами и смелостью, но и содействовать успеху поиска невесты, — посол говорил высокопарно, но искренне, проникновенно.

Дипломат высшего ранга тут же распорядился, чтобы сотрудник посольства, атташе, улетающий по срочному делу на родину, взял с собой, после оформления соответствующих документов, русского прекрасного, волнуемого любовью парня.

В Рим вылетели многомоторным самолетом. Через семь часов они низко пролетели над голубой водной гладью и приземлились в просторном аэропорту столицы Италии. Было раннее утро. Солнце только начинало всходить. И обещало жаркий ясный день.

Максима поселили в двухкомнатном номере частной гостиницы, расположенной у каменистого берега моря. В часе езды до делового центра столицы. Финансовых затруднений студент Верстаков не испытывал. Решение его денежных проблем любезно согласилось взять на себя итальянское посольство. Оно же изъявило желание всю поездку Максима обеспечить сопровождающим. Гидом и телохранителем на время поездки по Италии остался тот же сотрудник посольства, атташе Якоб Паньони, молодой, энергичный итальянец.

Когда Максим отправлялся в Италию, он стеснительно представлял неудобство, которое доставляет посольству, но ему были рады,

казалось, все. Он никому не причинял затруднений. Ему горячо и желанно помогали разыскивать Августину.

Итальянский друг атташе Якоб Паньони оставлял скучать только на ночь. В остальные часы неотлучно был проводником Максима, неутомимо между делом показывал достопримечательности столицы своего государства и местности вокруг нее.

Очаровательная горничная была исполнительна до чрезвычайности. Она все время твердила, что в ее обязанности входит делать все возможное для съемщиков жилых помещений гостиницы, лишь бы не прогневить их. Она боялась, что хозяин ее уволит за какую-нибудь промашку, а найти «тепленькое» место в Риме очень трудно. Хотя девушка окончила престижные курсы домохозяек. И была, как говорится, не льком шита.

Можно было понять Луизу — так звали работницу комнат, — если учесть, что на всем этаже высокой гостиницы Максим был, похоже, единственным постояльцем. Горничная предлагала то чашку шоколада на серебряном подносе, то мороженое. При этом рассказывала, что у них Данте, как в России Пушкин. И все спрашивала: что надо постояльцу?

Максим ни в чем не нуждался, а если что приобретал у Луизы, то щедро оплачивал покупки. Щедрость русского гостя приводила девушку в умиление. Она с живым восторгом любовалась Максимом и говорила, что у нее тоже есть жених, но не такой богатый, как путешественник из России. Ее парня зовут Роман, и он не имеет охоты тратить на нее лишние деньги. Он их собирает для покупки квартиры, и когда они поженятся, то будут обеспечены собственным жильем.

— Я ужасная болтушка, — признавалась с забавной чистосердечностью Луиза, — все говорю и говорю. Я вам надоела? Своими историями. Почитать Данте?

Максим искренне признавался, что от разговора с горничной имеет большую пользу, так как пополняет свой словарь итальянского языка и узнает очень много интересного об ее стране. Любит гениальные стихи.

Словоохотливым оказался и гид Якоб Паньони.

В Италии Максима поражали чистота и глубина голубого неба, а еще благоухающий морской свежестью воздух. Казалось, что он настолько прозрачен, что сияет. Максим его жадно вдыхал, запасаясь на всю жизнь, если возможно.

Каждое утро у подъезда гостиницы Максима поджидал Якоб на превосходном лимузине. Они вдвоем уже побывали и в полиции, и в прокуратуре, и во многих других местах, где могли пролить свет хоть в самой незначительной доле на адрес нахождения Августины.

14. ОБЕД У МИЛЛИОНЕРА

Солнечным, тихим днем Максим и Паньони, выбравшись в автомобиле на ровное загородное шоссе, направились на розыск отца Джованни, фермера-миллионера Шпагетти-старшего. Пока искали частное, знаменитое на всю округу хозяйство, гид с увлечением занимал гостя.

Со знанием истории Якоб повествовал о разных фактах и событиях. Он красочно рассказал о древнейших племенах, заселявших еще до нашей эры Апеннинский полуостров, о возникновении шести веков назад культуры Возрождения, о революции в Италии, народных героях Джузеппе Мадзини и Джузеппе Гарибальди.

Кстати, тут же вспомнили роман Войнич «Овод».

Автострада бежала среди кукурузных полей, citrusовых плантаций, виноградников, светло-коричневых оливковых рощ. После нескольких часов езды машина замерла у декоративной арки, увитой дикой виноградной лозой. Она ознаменовала собой въезд в достопримечательное крупное капиталистическое земледельческое поместье.

Якоб не преминул возможности проинформировать Максима, что когда-то на этой плантации применялся труд рабов, но теперь это очень цивилизованное, высокомеханизированное имение, дающее ежегодный доход ее владельцу Шпагетти-старшему до пяти миллионов прибыли. Впрочем, до этого ли было рядовому студенту обычного русского института. Жадности не имелось.

Он и не думал примерять эту роскошь на себя. Уживчивый, спокойный юноша, без претензий элитности в своем студенческом коллективе, вполне обходился мизерной стипендией. Главное для него оставалось — разыскать Джованни Шпагетти, а через него узнать о судьбе любимой девушки. Впрочем, Августину он считал лучшей представительницей не только своего учебного заведения, не только города, но и всей России, своего Отечества. Да и всего Света.

Хозяин огромного участка земли был замечен издалека. В синем комбинезоне, крупного телосложения он вышагивал по дорожке среди рабочих, распоряжался у самоходных тележек, на которые грузили в

корзинах виноград. Озабоченный, деловой, предприимчивый, общительный.

Предупрежденный о приезде необычных визитеров, Шпагетти-старший, бросив на траву рукавицы, снял солнцезащитные очки и торопливо направился встречать официальных посетителей.

Визитеров ожидало вкусное угощение, от которого невозможно было отказаться, тем более, что оба путешественника проголодались, а Максиму к тому же было интересно меню у миллионера. И он не ошибся: набор кушаний, блюд был по вкусу самого взыскательного гурмана. Впрочем, Верстаков, будучи выходцем из семьи очень среднего достатка, не мог заявить о себе, как об отменном ценителе изысканных блюд. Он ел свежую икру, фрукты, пил с тортом кофе спокойно, хотя и с наслаждением. Но его и за столом не покидала вдумчивость: что же предпримет миллионер в ответ на «проказы» сыночка.

Тот сразу же запальчиво выразил несогласие с аморальными действиями Джованни. Отмежевываясь от него, Шпагетти-старший заявил, что поможет всеми доступными ему средствами выявить место нахождения Августины. Что же касается Джованни, то, зная горячий характер отца, он вообще не попадался ему на глаза.

Миллионер обещал прекратить общение с сыном до тех пор, пока не выложит все о похищенной в России девушке. Солидный фермер занял особую деликатную позицию в отношении того, можно ли силой заставить девушку любить. И был полностью на стороне Максима. Обещал отлучить сына в будущем от учебы в России и заставить «вкалывать» на собственной ферме так, как делает он, его отец. Потакать отпрыску, значит, разрешить ему не трудиться, а сибаритничать. Нежиться за чужой счет он сынуле больше не позволит. Заверил симпатичный миллионер.

15. ОБОЖАЕМЫЕ ФУТБОЛИСТЫ И ЗЛОСЧАСТНАЯ АВГУСТИНА

Студентке Адажевой, похоже, покровительствовали святые ангелы. Иначе как объяснить то, что она была еще жива. Каких только тяжелых мучений не выносила бедная девушка. Казалось, что ее обожгли языки огня самой преисподни. Она продолжала теряться в тоске неведения, как ей выбраться из крошечного ада. Каждая минута ее жизни стала невыносимой. Иногда она жадно хотела покончить со страшной маятой, уйти в иной мир, где она спокойно погрузится в вечный сон. И снова повисла слезинка на реснице. От горя.

Больше суток, притаившись в грузовом трюме, Августина общалась с мышами и крысами. Ей было крайне неловко сидеть на ящиках и мешках. Все это время она почти не спала. И все-таки, наконец-то, пиратское судно причалило к какому-то обрывистому берегу.

Наблюдая в иллюминатор за движением и тенями пиратов, она улучила мгновение и стремительно покинула опасный корабль. Берег, куда она высадилась, принадлежал далекой Бразилии.

Больше не стало у Августины необходимости скрывать свою девичью внешность. Бессмысленно маскировать сущность. Напротив, резон был теперь в другом: надо срочно преобразиться.

Русская студентка торопливо начала приводить себя, как говорится, в божеский вид. Она отмыла щеки, подбородок, причесалась, распустила волосы, а шпагеттовскую кепочку пока спрятала до лучших времен. И вновь засияло ее симпатичное личико. Привлекательно выглядели кудряшки, свисавшие над смуглым от тропического загара лбом.

Задачей номер один оставалось изыскать возможность и мгновенно заменить компрометировавшие милую девушку сандалии, брюки, куртку с рубашкой неприглядного вида.

Ей пошло во вред то, что своей потрепанной, измочаленной одеждой она выставила себя в неблагоприятном свете. Отыскивая выход из трудного материального положения, девушка старалась, чтобы на нее обратили доброжелательное внимание состоятельные люди. Она

нетерпеливо хотела встретить богатых покровителей, которые бы бескорыстно и честно помогли. Сочувственно вникли в ее злосчастье.

Все, что у нее находилось в карманах, так это пиратский перочинный складной нож, несколько побрякушек (часть из них Августина раздала дикарям) и студенческий билет Джованни. И все же...

Дела у русской студентки, владеющей несколькими иностранными языками, должны были уладиться, определиться. Сердце — вещун.

Одной склонностью, прямо-таки пристрастием жизни Августины были футбольные матчи. Влекло ее к футболистам. Встречи с ними походили на свидания с друзьями. И в этом, похоже, небесные силы способствовали ей, оказывали заступничество.

Добравшись из заброшенного уголка побережья Бразилии в большой порт, она, словно с корабля на бал, попала в орбиту футбольной команды «Фламенго».

Спортивные азартные парни как раз прибыли домой с какого-то дальнего континента, где с триумфом провели серию матчей. Видно, футболисты со своим кумиром Пеле отменно поработали ногами и находились в приподнятом настроении. Под воздействием опьяняющего успеха.

Они шумно обменивались впечатлениями, весело смеялись, забавно вспоминая случаи, которыми изобиловало их турне. Для них уже стояли наготове автомашины. Они с видом уставших, но достойно исполнивших свою миссию, рассаживались в них.

И, вдруг, обратили внимание на смешную красавицу, облаченную в крайне ветхую, изорванную одежду. Куртка, брюки висели на ней лохмотьями.

Тут и произошло знакомство девушки с мастерами кожаного мяча, разнаряженными во все фирменное.

«Фламенговцы», признаться, сначала приняли ее за женщину, живущую подажаниями. Не просит ли она и сейчас у богатых спортсменов милостыню?

— Эта милашка — забавная нищенка. Прямо-таки куколка-карамелька, — с нескрываемым любопытством осмотрел Августину с ног до головы (от истерзанных сандалий до прелестных кудряшек) один из футболистов.

Второй спортсмен деловито резюмировал, держа в руке футбольный мяч:

— Никак, бестия, из труппы бродячих циркачей. Ждите, сейчас покажет ловкие акробатические трюки. Может, ее взять в команду и поставить на ворота.

Знаменитости сдержанно хихикнули. Кто-то из них предложил:

— Похоже, плутовка вырядилась на карнавал. Жаль, что она одна принимает участие в уличном шествии. А что, если мы поговорим с ряженой?

И только стала определяться, как поется в песне, картина ее счастья, потому что она жадно желала познакомиться с богатыми асами футбола (в отличных спортивных костюмах, с туго набитыми бумажниками в карманах и чемоданами в руках, усаживающихся в шикарные лимузины), как один из них стал подгонять своих коллег, и ехидно комментировать:

— Пусть трюкачка другим показывает, на что она способна. Не теряйте времени. Увидели смазливую мордашку и растаяли! Пусть идет своей дорогой.

Однако вид Августины, при всей шутливости ее обряда, взывал к милосердию. Иностранные футболисты тонко почувствовали что-то неладное в судьбе незнакомки. Августина быстро нашла у знаменитостей отзывчивость, чуткость, порядочность.

Ребята предложили ей трикотажную спортивную рубашку, новые брюки, щегольские кеды. Создали условия для переодевания: нашли укромное местечко, где девушка в полной свободе, не стесняясь ничьим посторонним присутствием, смогла надеть на себя новое одеяние. Образовалась неплохая униформа.

Скоро все выяснилось. Русская студентка, не лишенная юмора, с искрометной находчивостью поведала богам спорта свою одиссею. История футболистов развлекла. Все они хорошо говорили на английском, испанском языках. Августина расположила к себе футболистов. Голубоглазая девушка понравилась им. А Пеле, гостеприимный, эмоциональный, пригласил «матросиху» в свой городской особняк. Обещал содействовать ее возвращению на родину.

Лала — так звала Августина южноафриканскую возлюбленную Эдсона Арантиса ду Насименту (настоящее имя многократного чемпиона мира) — тоже полюбила иностранку. А когда на следующий день команда направилась на матч в Лондон, взяла ее с собой, предварительно нарядив в лучшие свои платья: модные, престижные.

Августина трепетала от счастья: из Англии с помощью дипломатов она прямехонько умчится в родную Москву. Близок был конец мытарствам.

Августина охотно садилась в самолет, чтобы отправиться в Лондон. Ей, хорошо знавшей английский язык, открывались заманчивые перспективы в самом скором времени вернуться домой. Русские дипломаты в столице Англии безусловно станут содействовать этому.

Но, видимо, Августине снова была назначена роковая случайность. Самолет не был принят в Лондоне из-за метеоусловий. После долгого петляния в воздухе, когда и родной аэропорт все по тем же причинам не разрешил самолету приземляться, летчик совершил посадку в Буэнос-Айресе.

О, судьба-волшебница! Она, выходит, не дремала. Местная ассоциация «игры ногами», узнав о проблемах русской студентки, обещала помочь ей. И в свою очередь попросили белолицую красавицу посодействовать им. Объяснили свои проблемы.

Августине предстояло вылететь снова в Италию, теперь в Неаполь для переговоров с легендарным нападающим Марадоной. Звезда футбола отказывался выступать за сборную Аргентины. Знаменитости, как известно, капризны, и сердце его сможет растопить лишь красивая, полная шарма девушка. Такой была русская студентка. Ее взялся сопровождать один из аргентинских тренеров.

16. ВСТРЕЧИ С МАРАДОНОЙ

Адажевой, знакомой с Марадоной по Москве, куда он однажды прилетел на матч вместе с командой, и самой хотелось еще раз встретиться с богом футбола, по которому с ума сходила слабая половина человечества всей планеты, включая Анне Веске, однажды заклиная игрока приостановить свой футбол и позвонить ей в Москву.

Но увы, Августина вернулась в Буэнос-Айрес ни с чем. И не потому, что не смогла повлиять на Марадону, уговорить его прилететь на матч и сыграть в пользу сборной Аргентины. Причины оказались более вескими. Марадона сказал: «Я решил повесить бутсы на гвоздь после нашумевшего дела о наркоманах, но сейчас допускаю возможность возвращения в большой футбол. Мой представитель Маркос Франчи уже начал переговоры с руководством итальянского клуба «Наполи» о расторжении контракта».

Тридцатилетний «экс-звезда» футбола просил Августину передать тренеру сборной Аргентины Альфио Басиле большой привет. И всем друзьям — тоже.

Августина пребывала в жестоком ударе. Она не смогла выполнить поручение. Но не все потеряно.

Природа, наградив девушку умом, привлекательными чертами лица, продолжала с обычной щедростью и благосклонностью хранить ее на безмерно опасном пути. Как ни странно, но от страданий, неудач, рискованных путешествий, выпавших на ее долю, душа ее очищалась, становилась правдивее, добрее.

Проделав тысячи миль морем, сушей, воздухом, посмотрев десятки раз смерти в глаза, она по-иному стала представлять и свою будущую жизнь. Многое наносное, фальшивое она уже не принимала сердцем. Для нее появилось слово «нельзя». Нельзя лгать, лукавить. Нельзя играть в любовь. Нельзя идти на сделку с совестью. Надо знать, что можно делать.

Каждый шаг прошлой жизни приобретал для девушки новый смысл и содержание. Произошла переоценка ценностей, когда отвергается скверна.

Она поняла, что теперь никогда и ни с кем не будет так бездарно и рискованно флиртовать. Сама себе удивлялась: стоило ли тратить столько сил ради того, чтобы понравиться сразу нескольким парням? Стоило ли заставлять их ревновать, ждать у подъездов домов, кинотеатров, института? Зачем надо было давать им зыбкую надежду на встречи, побуждать писать красивые письма в стихах и прозе? Разбивая их сердца, она разменивала себя на мелочи.

Любовная игра и кокетство чуть не обошлись ей жизнью, да еще не известно, чем кончится эта странная одиссея. Сейчас ей хотелось одного: увидеть родителей. А еще — Максима и дать ему клятву, что никогда не изменит ему.

Августина нисколько не сомневалась, что Максим ищет ее и готов пожертвовать жизнью ради ее благополучия. Верстаков — это именно тот жених, который заслуживает девичьих грез и трепетных мечтаний со слезами. И не подозревала, что Максим всего лишь двумя днями позже нее нанес визит в Неаполе прославленному форварду.

* * *

...Диего Марадона в шортах и спортивной майке с эмблемой люксофутболиста сидел на лавочке и занимался своей младшей дочерью. Максим приехал к чемпиону со Шпагетти-старшим. Капитан студенческой сборной во все глаза смотрел на знаменитого нападающего, футболиста мирового класса. Ас был жилист, скуласт, загорелый до черноты. Сколько раз футболист Максим грезил им, подражая во всем прославленному аргентинскому форварду.

Как раз была в ходу крылатая фраза Марадоны «О, рука Бога!» после скандального гола в ворота английской сборной на мексиканском чемпионате мира по футболу. Верстаков был у цели.

Первым взял слово Шпагетти-старший. Он спросил у богопослушника Диего Армандо, не в его ли руках ниточка, по которой вполне можно разыскать невесту присутствующего здесь парня по имени Максим. Зовут девушку Августиной.

— Иисус Христос! — темпераментно воскликнул Марадона. — Судьбе угодно было сподобить встречу этой русской красавицы со мной. Она улетела позавчера.

Дело в том, что «падшему ангелу» аргентинского футбола Диего Армандо Марадоне запрещено было покидать пределы Италии — в наказание за использование и хранение кокаина. Приговор ему вынесли в Неаполе. Но в Аргентине суда еще к тому времени не было. Диего находился в неопределенном виде.

Желая помочь Августине, которая жила в Неаполе, ожидая выполнения футболистом ее просьбы о вылете в Аргентину, Марадона обратился к судье Амелии Беррас, ведшей его дело, с требованием переселиться в Уругвай. На самом деле он намечал другую страну. Марадона сказал судье, почти плача: «Я более не в силах терпеть вакханалию, которая вокруг меня творится, особенно то, что совершенно необоснованно распускаются слухи о моем конфликте с женой. А полиция то и дело вламывается ко мне домой и обращается со мной, как с уголовником».

— Все же, — как сказал в заключение Марадона, — моя речь не возымела действия на судью, и я ничем не смог услужить прекрасной Августине. В какой стране она сейчас, могу лишь предположить. Она, как истинная болельщица футбола, может находиться либо в Аргентине, куда она полетела из Неаполя, или в Бразилии, на фазенде «короля футбола» Эдсона Арантиса ду Насименту, а попросту Пеле, в орбите футболистов и фанатов команды «Фламенго», которые этими днями должны вылететь на второй матч с английской сборной в Лондон.

Шпагетти-старший немедленно отправил самолеты по этим адресам. Особым самолетом вылетел Максим в Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро. В Аргентине находит сокровище. Возвращается в Рим с невестой.

В Риме, у трапа самолета, Шпагетти-старший, не стесняясь, стал на колени перед зардевшейся как маков цвет изумленной таким приемом Августиной. Миллионер покрывал поцелуями ее руки. Он извинялся за своего непутевого сына, искал в глазах прекрасной русской красавицы великодушие, милосердие.

Радостная и счастливая Августина завершила Шпагетти-старшего, что прощает грехи своим обидчикам, в том числе и Джованни. А что касается путешествия, то оно ей пошло на пользу. Затем Шпагетти передал письмо родителям путешественницы. Оно начиналось так:

«Дорогие Виктория Робертовна и Арсентий Георгиевич! Я беспредельно счастлив, что ваша дочь жива, здорова и невредима, в хорошем расположении духа. Но мне одновременно грустно от того, что виною столь опасного ее странствия явился мой беспечный сынок. Пусть для вас и меня будет утешением то, что Джованни наказан и больше никогда не появится в вашем городе.

Разрешите выразить вам глубочайшую признательность за ваше благородство и воспитание милой и мужественной дочери. Рад был бы породниться с вами, но Богу не угодно это. Как друзей приглашаю вас в удобное время посетить мое поместье в пригороде Рима. Хочу надеяться, что вы примете приглашение и с пользой отдохнете у нас».

Самолет набирал высоту. Августина и Максим отрывали друг от друга взгляды только затем, чтобы через стекло иллюминатора проститься с древнейшей Италией. Торжественность минуты трогала и переполняла их сердца. Хорошо им стало вдвоем.

Атташе Якоб Паньони с приятным любопытством наблюдал за прекрасной влюбленной парочкой. Гид и телохранитель выполнил задание итальянского посла в России. Он доставлял окрыленных Максима и его очаровательную Дульсинею в Москву.

Воодушевленный Верстаков обнял такую же восторженную и вдобавок прекрасную Адажеву и вдруг нащупал в кармане ее куртки что-то твердое.

— Зачем это у тебя? — преувеличенно удивился юноша.

Августина достала нож и важно раскрыла кривое лезвие.

— Ого! С этой штучкой можно ходить и на крупного зверя, — продолжал иронизировать жених. — Откуда столь великолепные трофеи?

— Сувениром впредь останется. Я объехала с ним полсвета. Он спасал меня действительно от крупного и мелкого зверя. И не только от них...

— Значит, вооружена и очень опасно? — подтрунивал над невестой Максим.

— Увы, теперь — нет. Сейчас я под надежной защитой своего спасителя, — Августина теснее прижалась к плечу Максима. — А

это — вещественная память о моем подвиге. Ты не засмеешь меня?
Нет?

В Шереметьевском аэропорту обаятельную путешественницу ожидали родители и друзья. Среди них, можно было увидеть Эмму Бабкину, поминутно вытиравшую слезы раскаяния.

Получив радостную весть от дочери, Адажевы-старшие, счастливые в приподнятом настроении, готовились встречать Августину и будущего зятя в Шереметьевском аэропорту.

Первой спускалась по трапу самолета голубоглазая Августина с умиротворенным, чуть-чуть виноватым выражением лица: столько хлопот доставила близким. Ее возвышало и прощало то, что она прилично сыграла (словно во сне, а не наяву) заглавную роль в приключенческом фильме, сюжет которого взяла из собственной одиссеи.

Утешало и то, что девушка возвращалась с повзрослевшей душой, без напускного пренебрежения всем и вся, обычного хвастливого шика. Теперь она знала цену жизни. Все нужно делать спокойно, осторожно, без авантюризма.

За ней так же размеренно шел ее спаситель. Спортивная осанка Максима подчеркивала его довольную, плавную поступь. Сдерживая ликование, он чувствовал свою маленькую причастность к тому, что его невеста выиграла сражение, уверенный: ее суматошное студенчество теперь изменится. Будут оставлены в покое бездумное щегольство и снобизм.

Думала об этом и его невеста.

Не зря говорят в народе: нет худа без добра. Господь сподобил Августину увидеть древнейшие страны с самыми красивыми морями, женщинами, футболистами, архитектурными ансамблями, вечными городами.

Всевышний оказал честь созерцать таинственных дикарей, удивительные африканские джунгли.

Конечно, душа ее содрогалась от страха, а сердце сохло по любимой Родине. Беспредельно опасными выдались повороты судьбы. Но милостью Божией она жива и здорова, несмотря на каверзные перипетии. И полна впечатлений.

Как ни парадоксально, талисманом у бедной Августины были побрякушки и студенческий билет злого Джованни. Вид у нее был не шикарный во время путешествия.

Былая ухоженность и презентабельность к ней вернутся. Всегда будут ярко-красными коралловые губы, наведенные импортной тушью голубые глаза, неотразимая внешность.

Впрочем, респектабельной, благодаря своим иностранным друзьям, она снова себя почувствовала.

Что касается жизненных потрясений, то думающий человек извлечет из них урок. Полезный для себя. Если, как водится, вразумят Небеса. Бездельника Шпагетти пусть осудит Бог. Впрочем, она

сохранила и весомые доказательства его вины перед ней: одежду Джованни. Как сувенир, полный горьких воспоминаний.

Позади оставались хлопоты и страдания. Исчезла и злость к Эмме. Августина решила не поддаваться искушению, не допытываться признаний и извинений от Бабкиной. Не выяснять отношений. С трапа самолета нельзя было не заметить, что Эммочка встречает свою лучшую подругу с душевным раскаянием, немилосердно упрекая себя в низком предательстве, поминутно промокая влажные глаза носовым платочком.

Возродится ли между ними чувство близости — покажет время.

* * *

В этот день особое оживление царило в аудиториях Белужского пединститута. Студентам и профессорско-преподавательскому составу объявили, что после лекций состоится встреча с третьекурсницей Августиной Адажевой — девушкой, ставшей российским Робинзоном Крузо.

В первом ряду переполненного актового зала разместились Виктория Робертовна, Арсентий Георгиевич Адажевы, Максим, Эммочка со слезами вины на глазах. С невыразимым вниманием все слушали рассказ Августины о ее злоключениях и победах. Вопросам не было счета. Всем хотелось знать подробности того, как выжила студентка в самых экстремальных, чрезвычайных условиях.

Покорив слушателей удивительностью рассказа. Августина надела на себя выстиранные и отутюженные лохмотья, — все, что осталось от одежды итальянца Шпагетти, — взяла в руки раскладной пиратский нож и продемонстрировала, как она сражалась с неприятелями, путешествовала по далеким небезопасным уголкам земного шара.

Хотя рассказывала и показывала Августина весело, родителям Августины было не до смеха. Они плакали, представляя мучения своей бедной девочки.

17. ЭПИЛОГ, ИЛИ ПОД МАРШ МЕНДЕЛЬСОНА

К свадьбе готовились в семьях Адажевых и Верстаковых возбужденно, восторженно, с определенным ожиданием радости. Максим больше других не мог осознать чудо. И неудивительно: до самых последних дней молодой человек и верил и не верил в то, что Августина принадлежит только ему. Для него любимая оставалась сказочным необыкновенным существом. В сильном увлечении он бредил только Августиной. Теперь они и в аудиториях, на лекциях стали неразлучны: либо сидели вместе, либо бесконечно обменивались записками.

Что притягивало блистательную девушку к простому парню — для многих оставалось неразгаданным ребусом. Разве постигнешь загадочную натуру?

Но Адажевы-старшие были рады выбору дочери. Им пришлось по вкусу Максим, и они решили сыграть мировую свадьбу. На обряд бракосочетания не пожалеть средств, не поскупиться. Сделать все с комфортом, роскошью, великолепно, что бы это ни стоило, «Мы не хуже других», — говорила с достоинством Виктория Робертовна. Ее поддерживал в идее устройства искрометной свадьбы и Арсентий Георгиевич Адажев. Они ждали почти год осуществления своего замысла. С приподнятыми чувствами, надеждой.

И вот подходили те дни. В оформлении пышного убранства зала ресторана «Колос», выбранного для празднества, принимал участие почти весь четвертый курс пединститута — сокурсники Августины и Максима. И все, кто пожелал.

Руководила хлопотами неутомимая Эмма Бабкина, с ярко накрашенными губами, в плиссированной розовой кофточке и голубой юбке с множеством складок и оборочек. Красавица номер два напоминала вихрь.

Она подгоняла медлительных подруг по институту, а в голове складывала спич, который обязательно намеревалась произнести за праздничным столом.

Бабкина искренне ждала той минуты, когда безудержно и возвышенно расхвалит жениха и невесту. Эмма действительно их знала

с лучшей стороны.

Ей казалось, что начнет она речь так: «Разрешите поднять тост за новобрачных... Они, как никто другие, заслужили счастья... Природа одарила их неземной красотой, но еще больше добрыми сердцами, умом, трудолюбием... Нынешняя свадьба — это венец подвига их молодости...». Высокопарно, но проникновенно будут произнесены слова.

Впрочем, боялась, что в нужную минуту от волнения, нахлынувших чувств, слез она все перепутает. А со слезами у нее, похоже, стало не все в порядке. То и дело по причине или без причины сентиментальная девушка плакала. И улыбалась сквозь слезы, поминутно обнимая и целуя Августину. А весь облик невесты приобрел еще большую пышность.

— После твоего замужества я сразу же сделаю то же самое. Иначе начну увядать, глядя на то, как блестят твои глаза от счастья. Ты красивая до уникальности. Другой такой нет на всем белом свете, — искренне признавалась в любви к подруге Эмма. — Ты не волнуйся, на моем лице всегда будет отражаться удовлетворенность жизнью и чувство глубокого довольства твоим благополучием.

Снова получалось все высокопарно, напыщенно. Эмма опять обнимала и целовала подругу, а как-то попался под руку Максим — Эмма облобызала и его.

Счастливый Верстаков словно на крыльях летал. Осуществлялась его заветная мечта. Еще совсем немного пройдет времени — и лучшая девушка в мире, яркое сокровище, станет его милой, драгоценной женой.

Он ходил рядом с Августиной хмельным без вина, лишь от сознания того, что добился руки и сердца любимой женщины.

* * *

Но вот отшумела веселая свадьба с наивной игривостью и удивительно легким остроумием, на какое только способны студенты, без видимых усилий, от чистого сердца. Отзвучал марш Мендельсона, застольное выкрикивание с буйной удалью «горько!». Кончились пляски и танцы.

Замерли пустые бутылки из-под шампанского в разбросанных ящиках. Расходились-разъезжались, прощаясь с молодоженами, приглашенные, затихал свадебный пир.

Уже удалились последние гости. Остались лишь молодые супруги, их родители. Всем пора направляться по домам.

Сели в «Жигули» утомленные, но счастливые Августина и Максим. Наконец-то они могли наглядеться друг на друга, отгоняя усталость, возбуждаясь лишь от прикосновений.

Ехали домой и чувствовали каждым утомленным и напряженным нервом, что вот-вот и будут находиться одни, вдвоем, в своей комнате, старательно подготовленной для новобрачных Викторией Робертовной.

Все меньше оставалось времени, когда молодые люди, без пяти минут учителя, откроют дверь заветного жилища — первого в их совместной жизни.

Вот они и дома. Адажевы-старшие заботливо, мило еще раз поздравили дочь и зятя с огромным событием в их личной жизни и многозначительно пожелали им спокойной ночи. Молодожены с подчеркнутой нерешительностью, с нарочитой медлительностью открыли дверь. И вошли в опрятную родную обитель.

Все волнения, беспокойства, тревоги брачного шумного обряда остались за порогом. А души заполняла лишь уверенность в том, что каждый из них выбор сделал правильно. У каждого своя «половинка», которая воплощает предел мечтаний. Максиму хотелось всегда видеть рядом Августина, а юной жене — молодого мужа ощущать только вблизи себя.

Им казалось, да они были сто крат убеждены в том, что их счастье возможно лишь вместе.

Первая брачная ночь...

Чехов говорил, что любовь дает гораздо меньше, чем ждешь. Но Максим и Августина не могли согласиться с таким утверждением.

Молодой Верстаков всегда будет восторгаться своей прекрасной Августиной, а юная Верстакова станет верной ему женой.

Они оба поклялись вечности и страсти только друг к другу, преданности на всю жизнь.

Местный писатель, пронаблюдав эту историю, пообещал написать о двух страстно влюбленных повесть. И сдержал слово. А вторую книгу подготовился издать о том, как прожили в супружестве Августина и Максим первые, ну, скажем, десять лет. Это еще впереди.

Кстати, гадалка напроначала молодым Верстаковым иметь троих детей, таких же красивых и талантливых, как родители. Хорошо бы проверить, сбудутся ли эти предсказания?

Еще провидица наобещала, что, как бы ни сложились обстоятельства у Августины и Максима, они всегда будут презирать бездушность и черствость, зависть и холодный расчет. Бессердечность не поселится в их душах и не приглушит яркость чувств.

Молодые люди действительно были убеждены в том, что Пушкин верно высказал свой взгляд на мертвый рациональный расчет в любви такими строками в «Евгении Онегине»:

*Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на телеге...
Но жалок тот, кто все предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит,
Чье сердце опыт остудил
И забываться запретил!*

Впереди у молодоженов намечалось неразлучное общение и сердечная дружба. Теперь они, не таясь, отдадут друг другу половодье своих эмоций. И не нужно будет, как до свадьбы, с намеками, хотя и обостренно выразительно, проявлять свои чувства. Уцелевшие привычки той поры разве что останутся по инерции. На какое-то время. Испарится и все институтское. Проказы ранней юности останутся лишь в памяти. Это уж до конца лет. До последнего момента... Что делать, если жизнь — это книга. А беспечная молодость ее предисловие, ее первые страницы.

ОТ АВТОРА

Этот небольшой роман имеет своеобразную историю. Еще в школе, девятиклассником, я, начитавшись Жюль Верна, Даниэля Дефо, Стивенсона, Майн Рида, будучи автором уже нескольких публикаций в печати, страстно желая стать писателем, уверенно взялся за приключенческую повесть. База была для нее лишь в одном — увлекался географией с иностранными языками. Любил эти предметы. Конечно, была страсть и к литературе.

Рукописи создавал скоропалительно, в течение месяца и направлял их в «Огонек». А оттуда они также быстро возвращались с критическими замечаниями. Естественно, повесть никуда не годилась. Она была детским лепетом. Как говорится, маранием бумаги.

Еще в школе, как член Пушкинского общества, страстно увлекался фактами из жизни великого поэта. И тоже мечтал что-то написать о Пушкине.

Вот с этим багажом и аттестатом зрелости попал служить в Военно-Морской Флот, на корабль. Меня покорила морская стихия, дружба восемнадцатилетних ребят в тельняшках. Я с жаром развернул публицистическую деятельность в прессе.

Печатался в газетах Балтийского, а потом Северного флотов. Сочинял произведения о товарищах, морской службе. Моей мечтой тогда стало: издать томик морских рассказов, как у Станюковича или Соболева. Но за пять лет не успел этого сделать. Не дано было, видно, преуспеть в этом деле.

Окончив юридический институт, уже имея красную внушительную книжечку члена Союза журналистов бывшего СССР, я принял должность следователя. Это был сложный, обременительный труд.

Мне сразу понравился детективный жанр. Главное, хотелось передать читателям подробный рассказ о людях, которые посвятили себя хлопотливой и крайне рискованной профессии.

А необходимые атрибуты детективного произведения — загадки, тайны, сверхнаблюдательность сыщиков, их мужество, смелость, благородство — у меня были перед глазами.

К первой своей книжке шел издавека — начал с рассказа, напечатанного в молодежной прессе. Затем выходит из печати цикл рассказов, новелл. Один за другим — небольшие сборники.

Во многом в моем становлении как литератора помогли столичные и областные журналы, газеты. И прежде всего милицейские периодические издания. В них довелось быть внештатным корреспондентом.

Свои повести, рассказы стремился писать на основе реальных событий. В самом деле, зачем что-то выдумывать, если богатейшая наша история постепенно уходит в прошлое, забывается. Это тем более досадно, что сейчас, подвергая критике все прошлые времена, мы как бы у себя из памяти вычеркиваем и то главное, во имя чего строилось будущее. Обделяем судьбу замечательных своих предков. За народ разве стыдно?

Словом, с водой из ванны выплескивается и ребенок. Осмотрительно так поступать в отношении истории?

Первые мои книги издавались в такой последовательности: «Поиск ведет милиция», «Дело № 14», «Задержать!», «И вечный бой», «Слушается дело о подростке» — это те произведения, которые привели меня к основной работе, — роману «Агент № 2, или Операция «Дипломат». О нем хочется сказать несколько слов в дополнение.

Книга сначала издавалась небольшим тиражом, была отмечена литературной премией. Это, видимо, повлияло на то, что выбор столичного издательства «Юридическая литература» пал на роман. Повторно он вышел в свет огромным тиражом.

Здесь следует сразу отметить — моя цель была не в создании остросюжетного произведения значительного масштаба, а в раскрытии образов первых сотрудников уголовного розыска, которые с большим напряжением ликвидировали банду Бьяковского.

Есть объяснения и тому, почему я взялся за исторический роман: хотел показать преемственность поколений блюстителей порядка. Известно, что без прошлого нет настоящего. Пренебречь мужеством, благородством родителей, традициями — кощунство. Старшее поколение нас выводило в люди.

Наш мудрый соплеменник А. Пушкин сказал:

«Простительно выхожу не любить русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую

ласку мартать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцов».

Итак, вспомнился Александр Сергеевич...

Вот тут-то, уйдя в отставку, я решил вернуться к школьной юности и осуществить издание двух «гражданских» книг. О великом поэте и приключенческое произведение. Повесть «Любовь Пушкина» вышла из печати, а за приключенческую новеллу взялся только сейчас. И читатель держит ее в руках. Рукопись, как видите, давно лежала на моем рабочем столе, ожидала очереди, и вот время позволило закончить произведение. Как оно получилось — судить читателю. Но выражу и свое мнение.

Если в школе я взялся писать приключенческую повесть, не имея никакого жизненного опыта, не говоря уже о литературном, то сейчас в ней дал почти иносказательное отображение моряцкой жизни.

Мне довелось плавать на кораблях по морям и океанам, были экспедиции со штормами, снежными зарядами. Тонул, замерзал, имел ранения. Хотя это, конечно, не одно и то же.

Одним словом, многое из того, что испытала Августина, выпадало на мою долю. Впрочем, естественно, в приблизительном смысле, отдаленная тождественность. Мне не приходилось попадать в лоно дикарей, плавать на пиратских баркасах, не было встреч с леопардами. Лишь представлял это, когда на кораблях проплывал невдалеке от берегов экзотических широт, наблюдая южную природу через двадцатикратную стереотрубу. И мечтал об экзотических происшествиях.

Нынешняя приключенческая повесть насыщена новыми знаниями, современностью. Вычитал из газет, что и сейчас по морям шастают пиратские быстроходные суда и безнаказанно угрожают бравым мореплавателям. Это ли не тема для детективной книги.

Воображение мое подпитывал и многолетний литературный опыт. Хотя герои, естественно, вымышленные, но в их уста вкладывал свои взгляды на дружбу, этику, мораль, осознанные за долгие годы. К тому же, эти предметы доводилось преподавать в учебном заведении.

Августина не провела, как Робинзон Крузо, много лет на необитаемом острове. Но за несколько недель ей выпало очень

предостаточно лиха. И так вполне могло быть. Вряд ли намного отступил от жизненной правды. Жизнь многообразна и в ней все случается, говорил великий ученый, наш земляк.

Главная мысль в книжке такая: прежде чем что-то сделать, надо предвидеть последствия. Избалованность, капризность, чувство вседозволенности — до добра не доводят. Они опасны для благополучия изначально.

На первых страницах книги Августину с Эммой мы видим привычными к исполнению своих желаний и прихотей, заносчивыми, эгоистичными, пустоватыми, избалованными лаской и вниманием. Но со временем они предстают перед нами серьезными, предупредительными людьми. Без пренебрежения и снобизма. Они задумались над своими поступками. Исправить черты своего характера человек может сам, с помощью окружения, естественно.

Как всякому автору, будет приятно, если многое понравится моему давнишнему читателю. С благодарностью к нему думаю об этом. И прерываю авторские размышления.

Этим произведением завершаю второй, последний том своих сочинений.

1963—1993

